

**Алексей Махров Борис Орлов Сергей Плетнев
Корона для «попаданца». Наш человек на троне
Российской Империи**

Господин из завтра –

Алексей МАХРОВ Борис ОРЛОВ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

КОРОНА ДЛЯ «ПОПАДАНЦА»

НАШ ЧЕЛОВЕК НА ТРОНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4996893

«Махров А. М. Орлов Б. Плетнев С. Корона для «попаданца». Наш человек на троне Российской Империи»: Яуза, Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-60972-7

Аннотация

Два бестселлера одним томом! Наш современник принимает Корону Российской Империи, чтобы завоевать Отечеству светлое прошлое! Русскую историю, сломанную последним царем, требуется отремонтировать, починить, наладить, завладев телесной оболочкой наследника престола и превратив Николая Кровавого в Николая Великого. Чтобы перевооруженная, механизированная и первой освоившая радиосвязь российская армия впредь била врага «малой кровью, могучим ударом», русский флот мог бросить вызов «Владычице морей», а царский спецназ наводил ужас на всю Европу. Чтобы законодателями автомоды стали не форды и роллс-ройсы, а «Жигули». Чтобы в России работали не только поповы с циюлковскими, но и Майбах, и Даймлер, и Герц, а Максим удавился бы от зависти, ознакомившись со стрелковыми комплексами Рукавишникова. Чтобы XX столетие стало Русским Веком – не эпохой кровавых революций и катастроф, а эрой невиданного взлета Российской Империи!

В сборник вошли два романа «...спасай Россию! Десант в прошлое» и «Вставай, Россия! Десант из будущего» из цикла «Господин из завтра».

Алексей Махров, Борис Орлов, Сергей Плетнев Корона для «попаданца». Наш человек на троне Российской Империи

Алексей Махров, Борис Орлов ...спасай Россию! Десант в прошлое

Часть первая Свежие вчерашние новости

*Россия – это страна с непредсказуемым прошлым.
М. Тэтчер*

Глава 1

Рассказывает Олег Таругин

Если вы курите и у вас хоть раз кончалось курево, то вы меня поймете. Когда курящий остался без сигарет, то, как сказал мне один умный человек, «впечатление такое, что про тебя все забыли». Хуже этого только остаться где-нибудь с табачком, но без огня. Это – натуральная полярная лиса!

Все забыли обо мне примерно часа в три пополудни, когда я насмерть сцепился с посетителями форума «Альтернативная история». Ох, как же меня достали эти гаврики! С одной стороны – нормальные, вполне знающие во многих вопросах ребята, с другой – надутые снобы, которые ни бельмеса не соображают в других вопросах. Ну ведь по-человечески им объясняю, что промышленный потенциал России на рубеже XIX – XX веков просто не был реализован. В случае применения в стране политики типа «большого скачка» при Мао Цзэдуна Россия могла бы выйти на уровень производства стали раз в десять выше, чем в реальности. Нет, блин, начали меня бомбить байками про несоответствие производительных сил и производственных отношений. Ну, это они мне зря – я классиков еще в институте на «отлично» сдавал. Судя по лексикону, ребята-то много моложе, и эти

тезисы я, пожалуй, получше ихнего рублю...

Не знаю, как у вас, а я, когда злюсь, дымлю, словно паровоз, без остановки. Опомнился и остановился, только сунув руку в пустую пачку. Приехали! Придется идти за сигаретами. «Недремлющий брегет» ехидно сообщил мне, что в ближайшие пять-шесть часов курево я смогу приобрести только в круглосуточном магазине, до которого топать минут двадцать. М-да уж. Да делать нечего – придется шагать. Еще хорошо, что я один дома. Лето, пора отпусков, и моя благоверная половинка вместе с тремя беспокойными чадушками пребывает на даче. Через неделю и я к ним присоединюсь, а пока... Вставай, солдат, труба зовет!

Я с детства люблю ночной город. Тогда он казался каким-то волшебным, сказочным. На загадочных ночных мостовых шуршали шаги волшебников и фей, метались тени чудищ и призраков, и становилось чуточку страшно, но безумно интересно. А теперь я иду по спящим улицам города-труженика, города-купца, города-олигарха, и соприкасаюсь с ним, и понимаю его усталость и радость отдыха после долгого трудового дня. И он отвечает мне тем же. Это – мой город, и я люблю его...

Так, а вот этого я не люблю! Загулявшая компания подвыпивших тинейджеров докопалась до пары людей явно старше себя. Женщину схватили за руки, а мужика... Господи, мужичонка-то – с ноготок. Мне небось и до плеча не достанет. А что это там сверкнуло? Ну обнаглели, уроды малолетние.

– Слышь, орлы, вы себе противников по возрасту подбирать не пробовали? Или хотя бы по силе?

Юные шакалы, как по команде, испуганно оборачиваются в мою сторону. Но, решив, что один мужик для них не угроза, успокаиваются.

– Иди, куда шел, козлина! – лениво замечает один из них.

Маленькие еще, небитые. Попробую без травм...

– Деточки! Ступайте по постелькам, баиньки! Валите по норам, молокососы, пока дядя добрый!

Точно, небитые. Двое оставляют в покое свою жертву и лениво, вразвалочку, направляются ко мне. В свои сорок с хвостиком я успел трижды побывать на войне и кое-чему там научиться. В частности – определять сразу наиболее опасного противника. Так что крепыш в широченных портках с дрянным выкидным ножом в руке меня мало интересует. Пока. А вот второй – неприятный тип. Из-под низкого обезьяньего лба цепко смотрят маленькие злые глазки. Руки прижаты к телу, сам напрягся, как пружина. Жаль, мальчик, что твоей маме никто не рассказал про аборт...

...Я ухожу с линии удара и быстро провожу связку: удар ногой под колено, тут же удар ногой в пах и в завершение – удар коленом в лицо согнутому оппоненту, которому я добавляю сцепленными руками по затылку. Лягте, юноша, полежите. Только не долго, а то простудитесь на асфальте...

Гоп! Лезвие ножа проходит сантиметрах в двадцати от моего бока. Дитя, никогда не хватайся за нож, если не умеешь им драться. Перехватить руку с ножом недолго, а для успокоения я добавляю упавшему крепышу каблуком под ребра. Спи спокойно, дорогой товарищ! Минут десять ты не боец.

– Ну вы, сученята! Рванули отсюда на рысях, а то я обижусь!

Теперь ко мне кинулись все четверо уцелевших. Упс! Старый я уже стал, толстый и негибкий. Потому-то мне в ухо и прилетело, да так, что на ногах еле устоял. Все, я обиделся!

Ближайший ко мне молодец получил удар в сердце из арсенала незабвенного Брюса Ли. Только тот бил хитро расставленной ладонью, а я – по-простому, по-рабоче-крестьянски, кулаком. Но юноша, кажется, оценил находку бравого китайца. Глаза резко стекленеют, и он мешком валится наземь. Ну-с, продолжим?

Нет, не продолжим. Оценив ситуацию, оставшиеся подростки разворачиваются и смело кидаются наутек. Скатертью дорога! Теперь имеет смысл проверить, не порвали ли мне ухо, и кстати узнать, как дела у пары. Ухо цело, только болит, женщина, кажется, не пострадала, только напугана, а мужчина... Ого! Голова в крови, лицо белее мела. Так, я не доктор, и пора

звать профессионалов. А женщина...

В свете далекого фонаря я с трудом различаю ее лицо, но, разглядывая его вплотную, могу сказать с уверенностью: она моложе своего спутника лет на ...дцать. Совсем еще юная девушка, очень красивая. Точеная фигурка, короткие светлые волосы, огромные лучистые глаза. И смотрят на меня так, как хотел бы любой мужчина – как на последнюю надежду.

– Знаете, похоже, вашему спутнику крепко досталось. Давайте я сейчас «Скорую» вызову.

Она с испугом смотрит на меня:

– «Скорую»? Нет, пожалуйста, не надо...

О как! Что бы это значило? А-а, кажись, знаю... Дурь. Укололись или накурились. Небось, молоденькая подружка решила улучшить «показатели» своего старшего товарища с помощью «допинга», а теперь дергается, что врачи обнаружат. Так-с, ну-ка, ну-ка... Ну да ладно, кажется, голова не так уж пострадала, чтоб он до утра не дожил. Сейчас разберемся...

– Эй, браток. Сам-то встать сможешь?

– Попробую, – голос звучит глухо и неразборчиво, но говорит мужик осмысленно. И то хлеб.

– Давай-ка, друг, помогу. Вот так. Молодец. Ну что, такси вам поймать? Бабки-то есть?

– Нет-нет, такси не нужно, – снова влезает в разговор девица. – Мы сейчас, отсидимся и пойдем.

Миленько. Просто «отсидимся и пойдем»! Что она плетет?

– Девушка, милая, вы ничего не напутали? Да ведь ваш... э... друг в таком виде, что вы дойдете до первого мента. А потом будете долго-долго объяснять, почему ходите в таком виде, что у вас за проблемы со «Скорой» и еще много-много чего...

Она испуганно смотрит на меня, а потом тихо-тихо, почти на самой грани слышимости, спрашивает:

– Простите, вы ведь проживаете поблизости? Возможно, вы могли бы оказать нам гостеприимство?

После этих слов она снова впивается в меня своими фантастическими, лучистыми глазами. Да, таким глазам невозможно отказать...

– Что ж, барышня, прошу вас и вашего спутника проследовать за мной в мою скромную обитель, – по-моему, я довольно верно воспроизвожу ее странную речь. – Позвольте, сударь, предложить вам опереться на мою руку. – Я галантно, с максимумом издевки, протягиваю ладонь мужичку.

– Благодарю вас, сударь, – бормочет он, кажется, на полном серьезе. Мать вашу, вам что – обоим по голове наподдали?

Ладно, пошли. Не очень быстро, но все же куда быстрее парализованных черепашек и престарелых улиток мы добираемся до моего подъезда. Девушка тащит в руках значительных размеров портфель не портфель, «дипломат» не «дипломат», а что-то громоздкое, вызывающее в памяти смутно знакомое слово «кофр». Она слишком бурно отреагировала на мое предложение помочь и теперь тащит сама. Что там у нее? Золото-брильянты?

Я открываю дверь и широким жестом приглашаю неожиданных гостей. А мужичок-то еле стоит. Блин, надо попробовать ему хоть рану промыть.

– Давайте промоем вашу рану и попробуем ее как-то обработать...

– Что вы, что вы. Все прекрасно пройдет. Совершенно незачем беспокоить в такой час прислугу...

При этих словах я сам чуть не падаю на пол. Видимо, в моем взгляде читается что-то такое, что мужичок испуганно умолкает.

– Вот что, любезный, – я подпускаю в голос металла, – у вас что – последние мозги вышибло? Ты чо, брателло, охренел? Какая прислуга в стандартной трешке? Ты что, «Роллс-Ройс» видел у подъезда или девятиэтажку с особняком спутал? А может, те кажется, что моя фамилия Алекперов? Или Чубайс? Так ни фига, орел!

Мои гости молча смотрят на меня, как кролики на удава. Молчу и я. Как там говорилось в «Театре» Моэма? Пауза затягивается. Наконец мужичок выдавливает из себя:

– Простите, а какой сейчас год?

Вот так просто. Какой сейчас год! Наркота? Тяжелое сотрясение? Ну положим... А у девицы? И вообще...

Только сейчас я наконец обращаю внимание на одежду своих нечаянных знакомцев. Черт возьми, если глаза не подводят... Да нет, ерунда, такого просто не может быть! Ну подумаешь, у девицы юбка макси, а мужик – в тройке, с часовой цепочкой поперек пуза. И прическа у девушки – м-да, вот это прическа... И ридикюль серебряный... Но так же не бывает!

– Простите, господа, но вы-то сами из какого времени?

– Какой сейчас год? – упрямо спрашивает меня мужчина.

Девушка смотрит своими лучистыми глазами прямо мне в душу и тоже спрашивает:

– Какой сейчас год, умоляю?..

– Ну, 2004-й...

Девушка охает и замирает мышкой. Мужчина тихо оползает вниз по стене, бормоча:

– Девяносто лет, боже мой, девяносто лет...

...Мы сидим за столом на кухне. Я сварил своим гостям кофе, достал припрятанную бутылку с настоящим, привезенным из Армении коньяком. И вот уже битый час я пытаюсь поподробнее узнать особенности быта путешественников по времени...

– ...Все-таки, Леонид, я совершенно не в состоянии понять: как же это у вас получилась такая ошибка? Все же девяносто лет – это почти целый век.

– Видите ли, Олег, это вопрос не ко мне. Я всего лишь историк, так же как и Светлана. За бесперебойное и правильное функционирование оборудования отвечает целый штат людей, которые в прошлое – ни ногой!

– Это как с полетами в космос, – говорит Светлана. – Корабль готовят к полету тысячи людей, за полетом следят сотни, а участвуют в нем единицы.

Она объясняет мне терпеливо, как ребенку. Что ж, с высоты их времени я действительно если и не ребенок, то какой-нибудь дикарь с Андаманских островов – уж точно! Эх, вы, повелители времени! Чего ж с физподготовкой-то у вас такая лажа вышла? Я, конечно, не думал, что в будущем все будут обладать высокой боевой готовностью, но уж в прошлое-то, наверное, можно было заслать кого-то, кто хотя бы за себя постоять умеет?..

Ничего этого я им, разумеется, не говорю. Просто поднимаю рюмку с коньяком, потом делаю глоток кофе.

– И все-таки я никак не могу понять: чего вы так боитесь объяснить мне, что у вас произошло? – И, предвзяв новые возражения, продолжаю: – Ведь космонавт хоть и не может исправить поломку, но почти всегда может объяснить, что у него сломалось, нет?

Леонид с неуклюже перебинтованной головой беспомощно смотрит на Светлану, потом начинает что-то путано говорить. Хотя я и не понимаю терминов, сыплющихся на меня как из рога изобилия, но чувствую, что он, мягко говоря, брешет. Еще несколько минут, а потом я интересуюсь:

– А что, судари мои, у вас так принято: врать без зазрения совести?

Леонид умолкает и делает глоток коньяку, запивает его кофе. Бляха муха, я ж курева-то так и не купил! От же гадство: теперь и коньяк не в коньяк...

Видимо, уловив мой мечущийся взгляд, Леонид вытаскивает из кармана кожаный портсигар.

– Олег, вы не возражаете, если я закурю? – И после моего кивка протягивает портсигар мне: – Угощайтесь.

Беру незнакомую толстую папиросу и с удовольствием закуриваю. Хороший табак. Сейчас таких не делают...

– Видите ли, уважаемый Олег, – его голос звучит как-то неуверенно, – мы, разумеется, знаем... ну, догадываемся, что у нас произошло, но вот рассказать вам... Вы уж поймите нас

правильно: существуют некоторые этические запреты, не позволяющие нам рассказывать о себе абориге... жителям другого времени.

Спасибо, дорогие, уважили. Абориген, значит. Ну-ну.

– Знаете, милые потомки, что я вам скажу: вы у нас самые умные, самые прогрессивные, самые этичные, вот только боевым искусствам вас, верно, и вовсе не обучают. А зря – мы, аборигены, свирепы, злобны и страшны. Чуть зазевался – ам! и сожрали. И изнасиловали!

– После того, как сожрали? – пытается хорохориться Леонид.

– Как получится, – я усмехаюсь. – Слушайте, товарищи потомки, у вас что, военные конфликты кончились? Слава Создателю, но что, у вас и преступников нет? И навсегда забыто благородное искусство облегчения ближнему встречи с хранителем райских врат?

По тому, как они молчали, я понял, что, похоже, попал в точку. Черт возьми! Как писал Лем в одной из своих книг: «розовое ням-ням»!

Видимо, мое отчаянье передалось моим гостям и глубоко их растрогало. Леонид даже попытался пробормотать какие-то извинения, а Светлана... Не знаю, что у них там в будущем еще забыто, но могу с уверенностью сказать: искусство обращения женщин с мужчинами наши потомки не только не забыли, но и подняли на новый качественный уровень. Она так смотрела на меня, так прикасалась к моей руке, что я просто не в состоянии был сердиться или лезть с дальнейшими расспросами...

...Утро встретило меня ярким солнечным светом, пронзительно-голубым небом и светлыми волосами Светланы на моей подушке. Выдираясь из остатков сна, я с трудом вспоминал, как Светлана восхищалась моей способностью трижды перекреститься двухпудовой гирей, как Леонид, грустно вздохнув, отправился спать в одиночестве, а мы с моей гостьей тянули еще коньячку и начали старую как мир и вечно юную как мир игру в обольщение. Которая кончилась так же, как кончалась и во времена Хеопса, и во времена Суворова, и будет кончаться во все времена, покуда живы на земле мужчина и женщина...

Сейчас Светлана мирно спала, свернувшись калачиком и трогательно, по-детски, подложив под щеку кулачок. Я осторожно, боясь разбудить, встал с кровати и выглянул в большую комнату. Леонид тоже изволил почивать, разметавшись на диване. Тихонько натянув трусы и домашние джинсы, я попытался проскользнуть в туалет. Принятая накануне внутрь организма жидкость настойчиво и, я даже сказал бы, требовательно просилась наружу. Однако все еще колышущийся в мозгу алкоголь сыграл со мною злую шутку. Не пройдя по комнате и двух шагов, я зацепил ногой чемоданчик прищельцев и с грохотом растянулся на полу. Мне показалось, что даже стены вздрогнули от звука моего падения. Ох, как неохота вставать! Ведь наверняка сейчас увижу укоризненные глаза Леонида. Да и, пожалуй, Светланы. Но секунды летели, а ребята что-то не спешили проявить свой гнев по поводу столь резкого пробуждения. Я, буквально по миллиметру, встал и огляделся. Удивительно, но прищельцы даже не проснулись. Вот что значит энное количество коньяку, введенное в неокрепшие тела «гостей из будущего»! Ладно, пускай ребята отдохнут. Решив продолжить свой путь в направлении санитарно-гигиенических устройств, я сделал по комнате несколько шагов и почти достиг двери в коридор, как чертов чемоданчик снова «кинулся» мне в ноги. Слава Единому, на этот раз обошлось без падения! Вот же зараза! И как он тут очутился? Предыдущая «стыковка» произошла у стола. Ага, это же я при первом контакте его сюда зафутболил. Кряхтя, я нагнулся, чтобы убрать вредную вещичку с прохода. И тут же с досадой заметил, что двойное соприкосновение с моей ногой не прошло для чемоданчика даром – замок выдержал, а петли отвалились. Досадуя на себя, я попытался приладить их на место, но сделал только хуже – язычок замка последовал примеру петель. Черт возьми! Из какой дряни они там у себя в будущем вещи делают?! Схватив в охапку обе половинки и стараясь, чтобы содержимое не вывалилось по дороге, я отнес «инвалида» на кухню и почти бегом устремился в туалет. Вовремя!

Облегчившись, я перешел в ванную, чтобы умыться, побриться и щедро надушиться одеколоном. Не хотелось предстать пред светлы очи Светланы в затрапезном виде. Да, и

обязательно надеть свежую рубашку! Насвистывая что-то из творчества Лебедева-Кумача, я врубил душ, но тут длинная трель дверного звонка заставила меня подпрыгнуть на месте. Первой мыслью было: жена!!! Вернулась с дачи пораньше, чтобы сделать любимому мужу приятный сюрприз! А у меня следы пьянки на столе и чужая баба в постели! Что же делать?!! Сказать, что бедной девушке и ее спутнику некуда было пойти, и я по доброте душевной их приютил, но спали мы «валетом»? Так не поверит, естественно! Жена моя отнюдь не дура! Так, а если она не дура, то почему ключи забыла? Да и время для возвращения с дачи уж чересчур раннее! Они там, на свежем воздухе, раньше десяти утра вообще не встают. А сейчас начало одиннадцатого... Значит, не жена. По крайней мере, не моя жена.

Так кого же принесло в такую рань? Если это сантехник, решивший, зараза, подработать в выходной день, то сейчас он у меня с лестницы полетит!

Настроив себя таким образом, я в прямом смысле слова «на цыпочках» подкрался к входной двери и прильнул к «глазку». Стоящий на площадке человек был мне хорошо знаком и, к счастью для себя, сантехником не являлся. Наоборот, этому гостю я был рад всегда. Без дальнейших проволочек распахнув дверь, я шутливо-хмуро спросил:

– Ну и за каким хреном ты приперся в такую рань?

– Однако! – беззастенчиво вдвигая меня внутрь квартиры и протягивая ладонь для рукопожатия (не через порог!), ответил Димка Политов. – Вот так ты сейчас гостей встречаешь? Э-э-э! Да вы никак с бодуна, ваше благородие? И когда только успел? Еще в два часа ночи я наблюдал и наслаждался, как ты вполне осмысленно бодался на форуме с альтернативщиками. А с утра наш боец предстает передо мной с помятой мордой, дыша хорошо выдержанным перегаром! Или ты на форум уже «тепленький» флудил?

– Здорово, братишка! – Отбросив маску негостеприимного хозяина, я крепко обнял Димку и повлек его на кухню. – Тут такие дела творятся, сейчас расскажу – не поверишь!

Димка Политов был моим старым другом, хотя и младше на десять лет. Познакомились мы с ним на берегу Днестра, горячим летом 1992 года. Он был комвзвода в минометной батарее, которой командовал я. С тех пор мы с ним успели побывать еще на двух войнах, пока, наконец, не остепенились. Сейчас Димка был средней руки бизнесменом, владельцем собственной, хоть и небольшой фирмы, торгующей компьютерами и оргтехниккой. Причем коммерческая жилка в нем прорезалась еще в Бендерах, где он умудрялся виртуозно выменивать у местных жителей на самогон черешню, собранную в садах тех же местных жителей!

– Ты извини, что я в такую рань к тебе вломился, – запоздало начал оправдываться Димка. – Я тут снова свой «субарик» на сервис пригнал, а время по записи только на девять утра. Ну я и решил опосля к тебе заскочить, благо по ночному бдению в Инете понял, что супруга твоя на даче.

– Что, опять инжектор барахлит? – привычно спросил я, принимая из рук Димы объемистый пакет с лейблом супермаркета.

Эта деталь Димкиной машины показывала свой норов уже второй месяц, и друг почти еженедельно мотался на фирменный сервис, находящийся (вот совпадение!) в трехстах метрах от моего дома. Не покривлю душой, если скажу, что барахлящий инжектор «Субару» несказанно меня радовал, так как визиты друга, до того посещавшего меня хорошо если раз в месяц, участились. А так как посещения эти всегда сопровождались распитием легкоалкогольных напитков и беседами о любимой нами обоими истории, то... Жаль, что моей жене постоянные, как она говорила, «пьянки» быстро надоели. Так что теперь Диме приходилось вести почти конспиративную подготовку для очередного похода в гости. Ему было проще – он был не женат!

– Да! – ответил Политов. – Замучился совсем! Если они, самки собаки, и в этот раз машину не сделают, потребую замены! А то эти черти думают, что если машина на гарантии и ремонт халявный, то мне в кайф постоянно к ним мотаться!

Ритуально покивав в ответ (эту угрозу Дима озвучивал в пятый раз), я принялся

вынимать из принесенного гостем пакета бутылки пива, пакеты с чипсами, орешками и сушеными кальмарами. Для завтрака, конечно, продукты малоподходящие, но ведь жить вообще вредно!

Залпом осушив по полбутылки и зажевав пиво несколькими «веревочками» кальмаров, мы с Политовым взглянули друг на друга и улыбнулись.

– Курево-то у тебя есть? – запоздало вспомнил я.

– А как же! – не разочаровал меня друг, кладя на стол свои пижонские сигареты.

– Эх! – Досадливо поморщившись, я оторвал от «Парламента» фильтр и с наслаждением закурил. – Так вот! – продолжил я после третьей затяжки начатый в коридоре разговор. – У меня сейчас гости, и гости необычные!

Пересказ вчерашних (или, вернее, сегодняшних) приключений занял минут пятнадцать. За это время мы допили первые бутылки и выкурили по сигарете. Рассказ несколько удивил друга, и Димка даже сходил в комнату, чтобы проверить наличие пришельцев. Те, кстати, утомленные ночной борьбой с «зеленым змием», продолжали мирно спать.

– А ты уверен, что они те, за кого себя выдают? – Димкин вопрос был, в принципе, справедлив.

Я на минуту задумался, выстраивая в уме доказательства. То, что я заметил вчера: одежда, язык, манеры – сегодня казалось несущественным. Какой бы довод привести поувесистее? Мой взгляд упал на сломанный чемоданчик. Эврика! Наверняка он полон хитроумных девайсов из будущего, а не набит нижним бельем Леонида!

Я решительно, хотя и аккуратно поднял отломанную крышку. Лежавшее внутри устройство напоминало ноутбук. Но с первого взгляда было видно, что у него напрочь отсутствовала верхняя панель. А иных приспособлений, напоминающих привычный монитор, на приборе не наблюдалось. Клавиатура с первого взгляда напоминала нашу, даже буквы на клавишах были нарисованы кириллицей и латиницей. Но вот вместо верхнего ряда кнопок «F» располагалось три десятка «лишних» кнопок, маркированных греческими буквами.

– Ну-ка! Дай-ка мне посмотреть. – Дима протянул руку.

Я осторожно вручил другу неизвестный предмет. Компьютеры и все, что было с ними связано, были для Димы бизнесом, и разбирался он в этом «железе» очень хорошо.

Дима, отодвинув бутылки и пакеты, положил прибор перед собой и тут же смело стал нажимать разные кнопки. И, о чудо, компьютер, а это был именно компьютер, заработал! Над клавиатурой развернулся голоэкранный, очень приличных размеров, как бы даже не 21 дюйм. По этому «экрану» побежали строчки символов. Дима застучал по клавишам со скоростью опытной машинистки. На «экране» развернулось «окно», напомнившее «виндоусовское». Ага! Судя по эмблеме, это и есть «Windows». Билл Гейтс форева!

– Ну что тут? – Я придвинулся поближе, чтобы лучше видеть.

– Тут что-то, напоминающее поисковую систему, – ответил Дима, слегка отодвигаясь, чтобы дать мне место у голографического «монитора».

– Ничего, сейчас разберемся, – оптимистически сказал я.

«Укажите интересующую вас страну». Россия, разумеется. Ввод.

«Введите необходимую личность». Ну пожалуйста: Николай II. Ввод.

«Введите интересующий вас год». Охотно: 1884-й. В этом году будущий «хозяин Земли Русской» познакомился с Аликс. На свою голову. Ввод.

«Введите интересующую вас дату». Да пожалуйста: пусть будет сегодняшняя, 8 июня. Ввод.

«Зафиксируйте свой взгляд на визире». А это еще зачем? На голограмме появляется «клубок», переливающийся всеми цветами радуги. А что это вдруг темно стало? Что происходит-то?! «Ваш код возвращения – 31E412»...

– ...Ваше Высочество! Ваше Высочество! – Голос бьет в уши из абсолютной тьмы. – Что с вами, откройте!

Голова – точно не моя... Перед глазами плывут разноцветные круги и полосы. Где я?

Что со мной?

– Николя! Николя, открой дверь! – Утробный, рычащий бас. Дал же бог человеку голос! Если этот рев повторится, я оглохну. Какого лешего этот долбаный Николя не открывает? Люди же волнуются... Грохот усилился.

– Николай! Николай, откройте, я вам приказываю!

Вот надрывается человек! А Коленька этот точно в армии не служил. Когда приказывают ТАКИМ тоном – наверняка имеют право. Однако что ж это он не открывает?

Яркий свет бьет по глазам. С противным треском где-то сломалось что-то деревянное, и я чувствую, как меня хватают за руки, тормозят, треплют... А-фхр, фу-х! Какая скотина догадалась совать мне в нос нашатырь?

– Ядрить твою мать! Вы чего?

– Слава богу, Ваше Величество: он очнулся...

Голосок мерзкий, какой-то подхалимный... Меня разворачивают... Мать моя женщина! Если это не Александр III, то на конкурсе двойников ему обеспечено первое место. Где, интересно знать, сей славный муж добыл такой мундир? Да быть такого не может!.. Это ж я, значит...

Я лихорадочно ощупываю и оглядываю себя. Я – это не я! НЕ Я! Вместо сорокалетнего мужика далеко не первой молодости и стройности я ощущаю тело парня, пацана лет шестнадцати, не больше. Вот блин! Это что же? Чертов ноутбук пришельцев сформировал виртуальную реальность? Представляю, как ухихикивается сейчас Димка, наблюдая сцену со стороны! Неожиданно тело делает движение рукой, совершенно независимо от моего желания! Мало того, оно (тело) начало вставать с кровати, неловко путаясь ногами в длинной ночной рубашке. Эй, а почему потеря управления? Сбой программы, что ли? Сделав над собой (не собой!) могучее усилие, восстанавливаю контроль. Так, стоп! А кто я вообще такой и что здесь делаю? Это еще что за новая напасть? Ведь только что знал! Секундочку: меня зовут Олег... «Николай», – шепчет кто-то внутри меня. ОЛЕГ! «Николай», – тихо шепчет внутри. Ладно, хрен с ним, с именем, попробуем встать...

– Обойдется Сережка без нас! – грохочет все тот же бас. – Ему и невесты хватит! А мы с цесаревичем останемся!

Стоп! «Сережка», надо полагать, великий князь Сергей Александрович. Тот самый, «невинно убиенный» ворюга и пидор. А его невеста – Елизавета Гессенская! Та самая, которая привезла с собой в Россию из Англии свою младшую сестру, Алису. Э нет: такое пропускать нельзя. Раз уж с этим компом попал в такую классную игру, грех не воспользоваться. Ну я сейчас так сценарий переделаю, замучаетесь потом последствия высчитывать! И Димона развлеку! Часика два у меня точно есть, пока еще мои гости проспят.

– Со мной все в порядке, Ваше Величество, – мой голос звучит непривычно. – Просто мне на мгновение стало дурно. Но сейчас уже все в порядке. Разве можно оставить mon uncle Serge без вашего присутствия?

Вот же ёшкин кот! А французский – это я откуда знаю? Ну, английский (точнее, американский) я, положим, знаю недурно, хотя боже меня упаси заговорить на этом подозрительном наречии здесь. Вот бы профессор Хиггинс офонарел, если б услышал bananas или fuck off. Немецкий я знаю в объеме «Восточного фронта», то есть «хэнде хох!», «ком цу мир» и еще несколько столь же емких слов и выражений. Но французского я не знаю совсем! Абсолютно! Я же его никогда не учил! Я ж совсем другое учил, например: период полураспада урана составляет... интересно, а сколько он составляет? Зато вот уж что помню, так это точно: «Неполная разборка автомата «АКМ». Нажать защелку, отсоединить магазин, отвести затвор назад...» Слава Всевышнему, хоть это-то я помню!

Но тем не менее я продолжаю на французском:

– Я вас очень прошу, *pará*, позвольте и мне с вами присутствовать...

Огромный, точно снежный человек, Александр труа склоняется ко мне:

– Хорошо, хорошо. – Огромная лапища гладит меня по голове. – Пойдем вместе.

Черняев! ЧЕРНЯ-Я-ЕВ! – голосит он куда-то в пространство. – Передай Сережке, что мы будем...

...Гремит оркестр, и я вхожу в зал следом за императором. Он ведет под руку миниатюрную, только что не карлицу, женщину. Маменька. Мария Федоровна. Дагмара. Эта лилипутка держит под каблуком своего непутевого алкаша-мужа и страшно ненавидит Пруссию. Ох, маменька, как бы мне в Сибирь вас сослать не пришлось...

Однако действовать нужно *cum grano salis*. (Я понимаю, что это означает «с известной осторожностью», и даже знаю, что это латынь. Знать бы еще, откуда я все это знаю!) Поэтому пока будем соблюдать осторожность. Во всем. Кроме...

За столом я сижу рядом с двенадцатилетней девчушкой. Забавно все-таки женщины смотрятся в платьях конца XIX века. Очень забавно. Особенно такие малявки. Жаль, что придется ее огорчать, но я-то знаю, что из нее вырастет...

– Ах, Ваше Высочество, – щебечет она по-английски. – Когда мы уезжали, бабушка Виктори говорила, что Россия – дикая страна. А ваш Петербург – очаровательный город.

– Ваша бабушка порола чушь, мадемуазель. Питер – самый красивый город на земле после Москвы.

– А вы уже видели Лондон? – спрашивает меня Алиса. – Ах, это чудесный город!

– Не знаю, мадемуазель. Я там не был. Но, полагаю, он понравится мне, когда я его посетую. Тогда он будет еще красивее.

– О да! Лондонцы наверняка украсят город к вашему приезду...

– Не думаю. Разве что белыми флагами. Все остальное сделают мои солдаты и казаки. А самым лучшим украшением Лондона, я полагаю, будет старая шлюха Виктория, повешенная на самой высокой башне Тауэра!

Несколько секунд Алиса смотрит на меня, выпучив глаза, а потом над столом повисает дикий, истощный визг. «Гессенская муха» начинает валиться со стула, смертельно побледнев и закатив глаза.

– Николя! – Дагмара смотрит на меня с укоризной. – Что вы сказали бедной девочке?

– Ничего, татап. Просто мне кажется, что лучшим украшением Лондона была бы старая блядь Виктория, повешенная нашими атаманами на башне Тауэра. Можно было бы отдать ее им на потеху, но вряд ли они согласятся развлекаться со старой перечницей...

За столом повисает тишина. На меня вылупились все, кто тут есть. Наконец император Александр медленно встает и неспешно идет ко мне. Вот же уродила мать-природа эдакого медведя... Мне становится не по себе: я помню эти порванные колоды карт и смятую в кулаке бронзовую чернильницу. Слава Единому, что все это происходит в виртуале! Но если сейчас начнется спарринг... А вот интересно: топ рарá занимался чем-нибудь серьезным, в плане боевой подготовки? Наверное, нет, в то время еще не было боевых искусств, кроме фехтования и бокса. Значит, так: если полезет – попробую показать ему пару приемов из армейского комплекса. Убить не убью, а пронять должно...

Император встает рядом.

– Правильно! – гремит набатным колоколом его трубный глас. – Пущай англичанишки свое место помнят! Так их, Колька, – чудовищная длань опускается мне на плечи. – Так их, альбионцев распроклятых!

Я вижу лицо Дагмары. На нем написано отчаянье. Э, ваше благородие, *рарá*, да ты, я гляжу, нарезался...

Глава 2

Рассказывает Олег Таругин

Вот уже третий месяц, как я – цесаревич. Как-то так получилось, что по истечении двух часов я в свое тело не вернулся. Не вернулся и через три часа, и через три дня, и через три

недели. То ли время в виртуале субъективно, то ли я в натуре очутился в прошлом. Если в прошлом, то почему-то «гости из будущего» не торопятся меня возвращать. Ну и ладно! Мне и здесь неплохо! Покурю, сколько смогу, а потом... А потом хоть трава не расти!

Кстати! Если мое предположение верно и я действительно в прошлом, в теле будущего императора Николая Второго, то понятно, отчего у ребят из будущего такая дохлая подготовка! А на хрена им подготовка, когда они с помощью этого хитроумного агрегата могут заселиться в любое тело? Вот жуки, а втирали! Хотя... одежда на них была по моде начала XX века, прически... Блин, неувязочка! Ладно, с этим потом...

Помнится, в ранней юности на утверждение: «Человек может добиться всего, чего захочет!» – я отвечал: «Хочу быть шведским наследным принцем!» Смешно... В жизни бы не подумал, что у наследного принца такая тяжелая жизнь. Его, то есть мой, распорядок дня уплотнен до невозможности. Вообще-то я читал, что в то время русский «свет» жил по странному графику, но насколько он странен, я себе и представить не мог!

Мое утро начинается в 7.30 по пулковскому времени. Теоретически. Практически я с огромным трудом выпутываюсь из объятий Морфея где-то в 8.00 – 8.15. Но не позже. Потому как ровно без десяти восемь начинается мой утренний туалет. Ни одной, самой продвинутой моднице конца XX – начала XXI века такой набор утренних процедур даже и не снился. Боже милосердный, это ж какой-то допрос с пристрастием. Протирки из чабреца, кельнская вода, вежеталь, маникюр, распаривание кожи и прочая, прочая, прочая...

После этой камеры пыток меня ждет «легкий завтрак – закуска». Это – яичница с ветчиной, блюдо с балыком или с копченой дичиной, немного (не более полуфунта) зернистой икры, только что сорванная земляника со сливками, чай или кофе с теми же сливками, варенье, свежий горячий хлеб. И попробуй хоть что-то не съесть! Матушка-императрица (чтоб ей дом Ипатьева повидать!) тут же набросится с целой сворой лейб-медиков, и начнется: «Ваше Императорское Высочество, извольте лечь. Ваше Императорское Высочество, покажите язык». А сами, между прочим, руки перед осмотром не моют. Я не медик, но в болезнях разбираюсь получше ихнего. Прилипали, имбецилы! Взойду на престол – в Сибирь, в труху лагерную, на ноль помножу!

Через неделю такого усиленного питания пришлось срочно найти способ борьбы с ожирением. Теперь мое высочество завтракает и ужинает в теплой компании троих офицеров-стрелков и четверых казаков-атаманцев. Общими усилиями удастся кое-как расправиться с этим пищевым изобилием. Стрелки императорского батальона и молодцы атаманского полка не разглашают тайны наших «утрень и вечерь» и могут пригодиться еще для чего-нибудь. Из этой компании мне удалось выделить нескольких офицеров, которые постепенно превращаются в эдакий «внутренний круг». Мне еще понадобятся преданные люди.

После завтрака – свидание с преподавателями. Эта амeba, эта медуза Николай умудрился отказаться от общего воспитания в каком-нибудь приятном местечке типа «павлондии» или юнкерского училища имени его. И в результате – до свидания такая замечательная вещь, как летние каникулы! Дебил!

Так что до императорского завтрака, на котором я обязан присутствовать, я успеваю ознакомиться с «последними» достижениями физики или математики, чтоб им пропасть!

В 11.00 по Пулкову – завтрак, а после него – малый выход императора. Вся тягомотина тянется до двух часов пополудни. Потом Их Императорское Величество, влив в себя добрых полкило водочки, отправляется вершить государственные дела. Иногда мне приходится его сопровождать, и тогда я в полной мере наслаждаюсь зрелищем двух пьяных морд: Александр и его адъютант, Черняев, в полном молчании употребляют водку и коньяк попеременно, причем без закуски. Когда мне наконец надоест терпеть этого алкаша на троне, Черняев отправится в отставку с пенсией в виде сорокаведерной бочки коньяка ежемесячно. По-моему, больше ему ничего не надо.

Если же я не сопровождаю их пьянейшее величество, то по расписанию снова занятия. Учеба, фехтование, манеж или выездка на природе – все это часов до пяти. Общение с

генералом Даниловичем¹ наводит на мысли о суициде. Сей великий полководец искренне полагает, вслед за Драгомировым², штык – молодцом, а пулю – лишь несколько менее дурой. Я сделал одну попытку объяснить этому дуболому принцип рассыпного строя, но понял, что легче было бы растолковать этому бравому дурачку теорию Эйнштейна (если бы кто-то сперва растолковал ее мне), чем отвратить его от идеи колонн и сомкнутого штыкового удара. Ой, божечки, это скольких же мне сажать да стрелять-то придется?!

Далее – обед. Терпеть ненавижу французскую кухню, от которой здесь все без ума. Правда, тут мои вкусы совпадают с императорскими: их величество тоже предпочитает русские блюда. Не далее как вчера мы с ним буквально облопались окрошкой и студнем. Ему-то хорошо: под водку все лезет, а мне каково? Ну не могу я есть эту «францию»! Того мерзавца, который удумал разварить луковицу до лохмотьев, потом бросить в это нечто пару гренок и назвать все это «супом», я после победы русского оружия лично отыщу и сварю живьем! Вместе с луковицей!

Потом куда-нибудь едем. Например, в театр. Я чуть было не выдал себя, пожелав услышать своего любимого «Князя Игоря». Поздно вспомнил, что опера еще не написана. Хорошо еще, что никто не обратил внимания. Посчитали обычной оговоркой и предложили прослушать оперу «Богатыри». Похоже на «Прекрасную Елену» Оффенбаха, но занятнее. Понравилось.

В полночь – ужин с Императором, затем – какое-нибудь «развлечение»: бал, прием или что-то в этом же духе. «Николя – юн, и в его возрасте хочется развлекаться!» – заявляет папенька-венценосец, и маменька с ним согласна. Жаль, меня забыли спросить! Хорошо хоть, что мое тело само знает эти танцевальные па, потому как сам я к этому времени пребываю в полубредовом состоянии. И, наконец, поздний ужин: ветчина, фрукты, отварное мясо или рыба, легкое вино. На помощь снова приходят brave стрелки и молодцы-атаманцы. Короче говоря, в полчетвертого – в четыре я забываюсь на несколько часов сном без снов, напоминающим обморок. А с утра все вертится по новой.

Правда, за эти три месяца я кое-что все же успел сделать. Во-первых, отыскал Дмитрия Ивановича Менделеева, спел ему дифирамбы, попил с ним чаю (Д.И. премилый чудак!) и уговорил его заняться не только порохами, но и взрывчатыми веществами. Предложил попробовать нитровать толуол. Менделеев согласился, причем пообещал разработать еще и промышленную технологию получения. Это «ура!».

Во-вторых, пообщался с капитаном первого ранга Макаровым. С этим человеком мы еще будем работать.

В-третьих, нашел общий язык с жутко толковым Куропаткиным³. Начальник Генерального штаба у меня, можно считать, уже есть. Вот только командовать армией вы у нас, дорогой Алексей Николаевич, не будете. Штабист и полководец – большая разница.

Но самое главное мое приобретение – личный адъютант. Их пьянейшее величество, пребывая в состоянии полной невменяемости, подмахнул высочайший рескрипт, и теперь у меня замечательный адъютант – штаб-ротмистр лейб-гвардии драгунского полка Павел

¹ Данилович Григорий Григорьевич (1825–1906) – генерал от инфантерии, военный педагог, был воспитателем Николая II и великого князя Георгия Александровича.

² Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905) – российский военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, видный теоретик военного искусства.

³ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – генерал от инфантерии, военный министр (1898–1904), в РЯВ главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии (1905). После поражения при Мукдене Куропаткин был отставлен от должности главнокомандующего. После Октябрьской революции преподавал в основанной им сельской школе и заведовал Наговской волостной библиотекой в с. Шешурино Тверской области.

Ренненкампф⁴. Думаю, немногие в XX веке знали, что этот парень – гений от кавалерии, такой же, как Буденный. Исключительно преданный и болезненно самолюбивый, Паша будет нужным и очень полезным человеком.

А, вот и он, легок на помине. Чего тебе, родной?

– Ваше Императорское Высочество. Их Величества ожидают вас в малой зале! – bravo докладывает Ренненкампф. И, чуть понизив голос, рекомендует доверительно: – Съешьте варенья, а то государыня опять бранить вас за табак будет.

– Спасибо, Павел Карлович, – я одергиваю мундир, – сейчас иду...

Ох ты ж, Господи, опять начинается. Прием...

Глава 3

Рассказывает Олег Таругин

Прошло полгода. Как ни странно, я до сих пор жив и даже в здравом рассудке. Мне удалось кое-как изменить мой распорядок дня, и теперь я хотя бы высыпаюсь. Ну, почти высыпаюсь... Дело в том, что у меня появилась, как бы это выразиться помягче, пассия. Олечка Шаховская. Красивая и раскованная девица, на пару лет постарше цесаревича. Я увидел ее во время катания в Петергофе. Мы мило побеседовали, причем Оленька продемонстрировала такие свободные взгляды и такой лихой настрой... Три дня мы встречались с ней ежедневно, а потом, в беседке... Честное слово, я не ханжа, но эта чертовка фактически изнасиловала меня. И с тех пор мои ночи можно смело именовать «египетскими».

Самое удивительное, что венценосные рара и тама считают все происходящее совершенно нормальным и правильным. Ну, еще бы: вон милый кузен Сергей Михайлович веселые вечеринки с голыми девками и такими же офицерами своего полка устраивает, только ух! Так что я с Оленькой кажусь почти что монахом. Вот только не высыпаюсь. Увы, в этой проблеме атаманцы и стрелки – не помощники. Вот так и живу...

Зато мне действительно удалось сделать кое-что полезное. Несколько юнкеров из Павлондии и Николаевского получили досрочное производство и образовали костяк моей будущей «гвардии». Командиром над ними поставлен князь Васильчиков⁵, штаб-ротмистр лейб-гвардии конно-гренадерского полка. Черная форма конных гренадер напомнила мне незабвенные «Семнадцать мгновений весны» и артиста Тихонова. Жаль, не доживу до этого фильма. Да и не будет его здесь.

Когда Васильчиков попал в мое поле зрения, первое, что бросилось в глаза: очень уж мужик честолобив. И смышлен. Карьерист. Конечно, задницу лизать, как в XX веке водится, он не станет, закваска не та. Но если надо будет в ход локти пустить – горло любому

⁴ Ренненкампф Павел-Георг Карлович фон, барон (1854–1918) – военачальник, генерал от кавалерии (1910). С 1899 г. был начальником штаба войск Забайкальской области. Участник Китайской кампании 1900 г., за боевые отличия награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. С июля 1901 г. – начальник 1-й отдельной кавалерийской бригады. Во время Русско-японской войны Ренненкампф – командующий Забайкальской казачьей дивизией. В Мукденском сражении, возглавляя Цинхеченский отряд, проявил большое упорство и стойкость. С июня 1905 г. состоял в распоряжении главнокомандующего на Дальнем Востоке. За боевые отличия в 1906 г. награжден золотым оружием, украшенным бриллиантами. Во время революции 1905 г. командовал карательным отрядом в Восточной Сибири. В начале Первой мировой войны 1914–1918 гг. командовал 1-й армией. После октября 1917-го арестован. Расстрелян в Таганроге по приговору ревтрибунала.

⁵ Васильчиков Сергей Илларионович, (1849–1926) – князь, военачальник, генерал от кавалерии (1910). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Награжден орденами Св. Станислава 2-й ст. с мечами и Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. В 1890–1896 гг. командир лейб-гв. гусарского полка. В 1902–1906 гг. командир гвардейского корпуса. Крупнейший землевладелец (ок. 27 тыс. десятин). Умер в эмиграции.

перегрызет, по трупам пройдет – не вздрогнет, своего добьется. Нужны мне такие. А второе, что показалось интересным: князь очень легко воспринял новые взгляды, которые я ему изложил...

– Сейчас противники власти, все эти бомбисты-террористы, затаились. Они нашли убежище за рубежом, во враждебных странах. Но там они сидят как черная зараза, готовая в любой момент выплеснуться на нашу Родину. Мне будет нужна помощь в борьбе с ними.

– Конечно, Ваше Высочество, я готов, как и все, бороться с ними. Когда потребуется – мы встанем на вашу защиту.

– Да нет, князь, меня это не устраивает. Я не собираюсь ждать, пока эти твари в человеческом облике явятся ко мне и начнут свою подрывную деятельность. Не вспомню сейчас, кто из древних сказал: болезнь легче предупредить, чем лечить.

– Не понимаю, Ваше Высочество...

– Сейчас поймете. Готовы ли вы, князь, исполнить мой приказ сейчас же, незамедлительно?

– Ваше высочество... Если приказ будет подтвержден Императором... – В глазах Васильчикова вдруг вспыхнула нешуточная надежда. Это – глаза игрока, который почувствовал, что карта пошла. – Приказывайте, Ваше Высочество!

Мне нравится, как смотрит этот офицер. Черт возьми, смешно: Васильчикову – тридцать пять, и он старше цесаревича на девятнадцать лет. Уже успел повоевать, награжден орденами. Однако сейчас глядит на меня, как на нового мессию. Правда, лично я уже прожил на свете сорок два годика, тоже воевал, только войны эти были несколько иного рода... Крови и грязи в них было гораздо больше.

– Хорошо, князь. В Лондоне проживает некто Плеханов, смутьян и марксист. Он ведет целенаправленную работу против существующего строя в России и против ее Императора. Мне нужна голова этого человека. Я приказываю вам немедленно отправиться в Лондон и ликвидировать этого человека.

– Ликвидировать?

– Уничтожить. В физическом смысле. Убить.

Он смотрит на меня удивленно, но... Удивление в его глазах быстро сменяется пониманием:

– Ваше Высочество, сколько у меня времени на подготовку?

Ого! Про таких пишут: «значительно опередил свое время».

– Браво, князь! К сожалению, к моему глубочайшему сожалению, пока, – я делаю нажим на слове «пока», – пока я не могу отдать вам такой приказ. Пока... Ведь вы же понимаете, что посылать в чужую страну с таким заданием верного и надежного человека, – ого, дружок, как ты расправил плечи, когда я назвал тебя «верным и надежным», – это просто подлость. Ни один настоящий командир не пошлет своего подчиненного на верную и бессмысленную смерть. Но вот другой приказ я вам дам, князь. Через два дня я жду от вас докладную записку: количество сил и средств для тайной ликвидации господ Плеханова, Дейча, Аксельрода и госпожи Засулич.

– Слушаюсь, Ваше Высочество...

– Подождите, это еще не все. Думаю, для работы вам будет полезно ознакомиться с деятельностью покойного г-на Судейкина, а также с планами и работой в бозе почившей «Священной дружины».

– Слушаюсь, Ваше Высочество... – снова кивает Васильчиков. Понятливый...

– Надеюсь, вы помните, что восемь лет назад в Санкт-Петербурге были студенческие волнения, – продолжаю я. – И, вероятно, вы знаете, князь, чем это закончилось. Сто сорок человек, вдумайтесь, князь, сто сорок будущих врачей, хирургов, оказались за решеткой. А ведь у нас не так много врачей. Как вы считаете, что можно было изменить в действиях полиции?

Молчит, не понимает. Но пытается думать. Ладно, придется объяснить:

– Как вы считаете, дорогой князь, если бы при попытке подачи петиции господам

студентам набили морду пьяненькие мастеровые, это повлияло бы на настроение господ студентов?

– Думаю... конечно, повлияло бы. Могли бы и плюнуть на свою петицию.

– Очень хорошо. А теперь представьте себе, если этих мастеровых поймают и даже слегка погладят плетью. А потом умный и преданный человек расплатится с такими «мастеровыми»?

В его глазах светится понимание. Похоже, идея ему нравится. Надо дожимать.

– Возможно, вы слышали, князь, о некоем Степняке-Кравчинском? Слышали? Замечательно. Так вот, в одной из своих книг сей господин пишет следующее: «Полиция не считается ни с чем – ни с численностью людей, подвергающихся репрессиям, ни с личностью человека». Как вы думаете, князь, правильно ли такое поведение полиции?

Подумав, он отрицательно качает головой:

– Возможно, я не прав, Ваше Высочество, но полагаю, что это неверно. Я уже и сам замечал, что простые люди полиции побаиваются. Или даже не побаиваются, а не любят.

– Верно. А правильно ли то, что полиция, которая обязана защищать обывателя от вора и всяческой шантрапы, занимается ловлей политических преступников?

Васильчиков снова задумывается и снова дает отрицательный ответ.

– Правильно, князь. Но ведь должен же кто-то бороться с такими вот Каракозовыми, Засуличами и прочими Долгушиными? Должен. И поэтому я хочу предложить вам, князь, возглавить новую организацию под названием Комитет государственной безопасности. Сокращенно КГБ. Пока мы будем с вами готовить людей для такой службы, вы, князь, будете еще привыкать к тому, что отчитываться глава этого комитета будет только перед Императором или перед цесаревичем. Вы будете привыкать к тому, что полем вашей деятельности будет считаться весь земной шар, что вам придется решать весьма сложные задачи, в которые будут входить, например, показательные акции устрашения, когда вы, князь, пошлете убийц с задачей перерезать всех, кого они найдут в указанном доме, селе, хуторе, усадьбе...

– Ваше Высочество, позвольте вопрос. Я не отказываюсь, но... Для чего может служить такая акция устрашения?

– Для самых разных целей. Ну, например: КГБ узнает о том, что некто – опасный террорист, фанатичный социалист или анархист. Группа бойцов КГБ нанесет визит его семье, вырежет всех, от мала до велика, и оставит на стене лозунг типа «Да здравствует анархия!» или «Так будет с каждым предателем святого дела!». Как вы полагаете, долго он останется преданным революционером? Или другой пример: издатель «Таймс» опубликовал возмутительную статью относительно порядков в наших тюрьмах для террористов. Так вот: такой человек, неважно, чиновник он, министр, издатель, депутат, русский или иностранный, будет признан врагом отечества. Вы же знаете, что зачастую мы и со своими разобраться не можем, что уж об иностранных толковать? А тут вы посылаете своих специалистов, чтобы сначала уничтожить их всех до седьмого колена, а потом уже другие специалисты, также из вашего ведомства, возьмутся за то, что можно назвать «пропаганда шепотом». Неофициально запускается слух о том, что этот человек наказан за свою антирусскую деятельность. Пусть все знают, что наказание придет неизбежно. Пусть нас боятся.

И далее в том же духе. Мы расстались с Васильчиковым глубоко за полночь. Он ушел от меня одухотворенный новыми перспективами, подтвержденными свеженьким указом Его Императорского Величества, гласящим, что отныне штаб-ротмистр Васильчиков – ротмистр⁶. Это результат моего нового изобретения. Водка с кокаином, который продается у нас в любой аптеке. Я угостил своего венценосного родителя «заряженным» алкоголем и был просто наповал сражен последствиями угощения. Император впал в протрацию, в продолжение которой он был просто безвольной марионеткой. Тогда-то я и подмахнул

⁶ Звание лейб-гвардии ротмистра приравнивалось к армейскому подполковнику.

несколько нужных мне бумаг. В том числе и приказ на Васильчикова. Приятно, когда такой мелочью можно доставить человеку радость. Тем более, я-то знаю, что обманул доверчивого князя. Он, в простоте душевной, полагает, что его КГБ будет единственной организацией такого рода. Фигушки! Будет еще и Главное политическое управление. А куда без ГПУ?

Интерлюдия

Яркий свет несколько резал глаза и оставлял ощущение некоего дискомфорта. Какой-то тревоги, опасности...

– Итак, мы здесь собрались, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию. Думаю, никому не надо объяснять, что произошло, но вкратце напомним: в результате преступной халатности доктора Фалина и магистра Крупиной один из переносных мнемотрансляторов типа ПМВ-13 бис оказался в руках неподготовленного аборигена из кластера 2004. Он умудрился его включить и воспользоваться! Затем прибор таинственным образом исчез. По данному факту проводится служебное расследование. Дальше ситуация стала развиваться по схеме «незапланированное вмешательство со сквозными последствиями».

– Он что, на самом деле узурпировал Николая II? – Голос выражал неподдельное изумление.

– К сожалению. И умудрился то ли случайно, то ли целенаправленно попасть в один из бифуркационных узлов второго рода («О как!» – кашлянул кто-то). Теперь уже необходимо исправлять сделанное: реципиент, под воздействием инновременного донора, произвел действия, исключаящие или, как минимум, значительно затрудняющие его будущую женитьбу на Алисе Гессенской. Естественно, напрашивается вопрос: это обдуманное действие или случайное, и если верно первое предположение, то какие дальнейшие действия инновременного донора последуют в дальнейшем?

– Возможно, он примет напрашивающийся союз с Германской империей, что в дальнейшем приведет к самым серьезным последствиям в Старом и Новом Свете...

– Сейчас это не важно. Я предлагаю решить вопрос с пребыванием ИД в теле реципиента. Какие будут предложения?

Какое-то время было тихо. Слышалось лишь негромкое перешептывание. Наконец раздалось неуверенное:

– Может, с ним просто поговорить? По-хорошему, а? Растолковать ему, что будет из-за его деятельности. Ну не сумасшедший же он, в конце концов, должен испугаться разрушения собственного тела и невозможности вернуться обратно.

– Действительно! – Новый голос был намного увереннее. – Почему, собственно, мы так боимся, что он нас не поймет? Судя по всему, человек он разумный, хотя и несколько излишне энергичный, должен же понять, что ценой его мелкого тщеславия будут тысячи жизней. Да и вообще, может, он уже давно домой хочет, а кода возврата не знает...

Слабые возражения потонули в одобрительном гуле.

– Итак, предварительно принимается решение попытаться убедить ИД оставить реципиента и, в случае необходимости, оказать ИД помощь в возвращении в исходный кластер...

Глава 4

Рассказывает Олег Таругин

Мягко горит ночник. Сегодня мне совершенно не спится. Все-таки последняя рюмка «Кюрасао» была явно лишней. Между прочим, пора подумать о том, что со спиртным надо что-то делать: моему новому организму не так много лет, чтобы пить в количествах, подсказываемых памятью сорокалетнего мужика. А то я в последнее время чего-то

перебирать стал. Вот и сейчас: в желудке копченый фазан яростно сцепился с кларетом урожая 1876 года и замечательным ликером «Кюрасао», причем кофе и полдюжину пирожных явно ведут партизанские действия. Блин, эдак ведь в Ригу съездить придется. Или Ихтиандра позвать...

– Не спится, Ваше Высочество?

Не понял – а это еще кто? Что за Белая Дама к нам в гости притащилась?

– Сударыня, прошу прощения, а вы кто?

Шуршание юбок, и дама средних лет присаживается на стул возле зеркала. Что-то в ней не так... Черт возьми, слишком уж по-хозяйски она себя ведет! Здесь так не принято... Э-э-э, уж не Засулич ли какая доморощенная выискалась?

Ах, дьявольщина, а оружия-то под рукой никакого нет! Вот ведь не подумал как-то, что товарищи террористы могут и во дворец прийти... Да нет, что это я распахивался? Эту физию я, кажется, видел в окружении милой матушки. Или кого-то из великих князей... Мама моя дорогая, она часом не решила ли попробовать пообщаться с наследником престола, так сказать, в горизонтальном положении? А что, очень даже возможно, учитывая раскрепощенность нравов конца XIX века. Ну-ка, ну-ка...

Фигурка у ночной посетительницы ничего себе, мордашка – довольно смазливая. Если бы я еще не был так пьян – могло бы что-нибудь и срастись. Но сегодня я решительно не способен к активным действиям. К тому же из пьяного морока наружу лезет мое второе «я», которое активно начинает напоминать о себе попытками петь непристойные куплеты на французском, ругаться по-немецки или, обливаясь пьяными слезами, молиться перед образами. Ну, надо что-то решать...

– Простите, мадемуазель, если бы вы...

– Знаешь, Олег, в прошлый раз ты мне показался симпатичнее, хотя и сейчас ты вполне ничего.

Выражение «обухом по голове» очень точно передает мое нынешнее состояние. Это что ж, Светлана?

– Ну, Олег, не надо так дергаться. Ты, вероятно, случайно воспользовался нашим ПМВ и теперь сам не знаешь, как возвратиться обратно. Я здесь для того, чтобы тебе помочь...

Ха! Помощница!

– Светлана, а кто вам сказал, что я хочу домой? Мне здесь нравится, да и... Знаете, история России времен императоров Александра III и Николая II всегда представлялась мне безумным набором диких случайностей, откровенного идиотизма и столь же откровенных подстав. Так вот, мне представилась возможность кое-что изменить в этом кошмаре, и с чего вы взяли, что я откажусь от этого шанса?

Сказать, что моя визави обескуражена моим ответом, значит ничего не сказать. Руки нервно комкают подол платья, на скулах выступил лихорадочный румянец, рот приоткрылся, точно ей не хватает воздуха. А вот интересно: если она сейчас завизжит, то как я буду объясняться со сбежавшими слугами?

– Олег, ты сам не понимаешь, что говоришь! – наконец выдавливает она из себя. – Ведь нельзя же так вот, с бухты-барахты, вламываться в историю, как слон в посудную лавку. От твоего вмешательства могут пострадать люди...

– А от моего невмешательства люди уже пострадали! Без малого 70 миллионов погибших в войнах и революциях только в одной России! Ты, историк, скажи: сколько народу погубила хотя бы одна эта ублюдочная перестройка?! А так эти люди будут жить! Это что – семечки?

– Ну да, а тем, кто родился от браков, что в результате твоего вмешательства не осуществляются, – этим что делать? Они-то в чем провинились?

Вот за что люблю профессиональных историков да и вообще ученых, так за полное отсутствие моральных устоев и нравственных принципов. Значит, выходит, что добрая сотня миллионов должна умереть и добрых полмиллиарда никогда не родиться, только бы ныне здравствующие миллионы сто были живы...

– Знаете, Светлана, а мне вот кажется, что браки, если они не по расчету, заключаются на небесах. Так что никакой беды не случится. И потом: мой дед погиб на фронте. У меня родилась неплохая идея – выручить его из неприятностей. Думается, что у меня это получится.

Она приподнимает голову. Теперь в ее глазах решимость.

– Тогда нам придется заставить тебя. Силой!

Ага! Видел я вашу силу. Хорошо запомнил. Или они могут вытащить меня против моей воли? От этой мысли меня прошибает холодный пот. Хотя... Не-е, неувязочка. Если бы могли, то сразу бы и вытащили, а не мотались бы сюда разговоры разговаривать.

– Интересно бы взглянуть, как это у вас получится? Телу, конечно, всего шестнадцать, но постоять за себя я смогу.

Господи, твоя воля! Что это у нее в руке? Пузырек и марля? Мать моя, императрица российская, эта дура меня усыплять решила? Ну так и есть...

Света кошкой кидается ко мне. Извините, сударыня. Короткий удар ногой отбрасывает путающуюся в кринолинах агрессоршу к стене. Отдыхайте, девица-красавица. Я вскакиваю с постели... Б...! Твою мать! Будь она проклята, эта идиотская привычка XIX столетия, спать в длинных и неудобных ночных рубахах! Запутавшись в подоле, я чуть не падаю на пол. Светлана уже на ногах и снова кидается ко мне. Н-на! Как могу, червяком изворачиваюсь на полу и подбиваю ее ногами. Ляг, полежи. Вот ведь пантера самозваная: еще в партере со мной бороться затеяла! Эх, черт возьми! Весу во мне маловато! Ничего-ничего, когда-то ваш оппонент занимался борьбой и не успел все забыть. А ну-ка... Треск разрываемой материи, и тишину ночи пререзает истошный вопль.

– А-а-а! Пусты, пусты, больно, руку ломаешь! – верещит Светлана, не похожая сама на себя.

– Это тебе урок: не прыгать на наследника престола Российской империи, – удается пропыхтеть ей в ответ. – Особенно с такой чахлой физподготовкой.

За дверями спальни топот ног. Что-то с грохотом опрокидывается, и тут же в мою опочивальню вламываются Васильчиков и Ренненкампф с револьверами в руках. Следом за ними галопирует часовой с винтовкой наперевес.

– Ваше Высочество! Ваше Высочество! У вас все в порядке? – галдят мои адъютанты наперебой, но, узрев то, что творится в моей комнате, застывают в подражание Лотовой супруге. Я перевожу дух и оглядываюсь...

Вид, открывшийся моим бравым защитникам, действительно впечатляет. На полу без юбки (разорвалась и улетела во время схватки), со сбившейся набок прической, покрасневшим лицом и заломленной за спину рукой лежит фрейлина императрицы. На ее спине (и чуть пониже), в разорванной до пупа ночной рубашке, восседает наследник престола российского, удерживая хитрым захватом означенную руку означенной фрейлины.

Минута молчания длится недолго.

– Ваше Высочество, мы просим извинения, – выдавливает из себя Ренненкампф. – Нам показалось, что из вашей комнаты... э-э... из вашей комнаты...

Он сбивается и умолкает. Васильчиков судорожно сглатывает, нервно нашаривает рукав Ренненкампа и, пяясь, тянет Павла Карловича за собой, одновременно ухитряясь выпихнуть часового... хм... ну, скажем, «задним фасадом»...

– Ну что, будешь еще брыкаться или мне и вправду руку тебе сломать?

– Сволочь, – шипит пленница. – Ну ничего, с тобой еще разберутся...

Что, интересно, пришлют взвод карателей? Таких же, сахаринковых, которые делать ничего не умеют? Ой, я сейчас укажусь от страха...

Внезапно ее лицо как-то неуловимо изменяется. Глаза на мгновение мутнеют. Что это с ней – обморок? Привстав, я переворачиваю ее на спину. Господи, да что с ней такое? Помирать, что ли, собралась? Я встряхиваю ее за плечи. Похоже на обморок. Так-с, лучший способ от обморока – пощечина...

Дикий визг бьет по ушам точно близкий взрыв. Светлана начинает вырываться с такой

нечеловеческой силой, что я поневоле вынужден ее отпустить. Ух! Рука с расставленными пальцами пролетает в опасной близости от моего носа. Ну, подруга, так не пойдет. Самый тяжелый хук, какой только может выдать не слишком высокий шестнадцатилетний отрок, заставляет ее голову мотнуться назад. Светлана медленно оседает на пол. Наконец-то сражение закончено. Теперь связать ей руки и ноги остатками ее юбки и моей рубашки, и можно покурить с чувством выполненного долга.

Ароматный дым убегает вверх правильными колечками. Интересно, а что мне с ней делать? Да по фиг – утро вечера мудренее. Ой, как хорошо-то...

– Что вы собираетесь делать со мной, Ваше Высочество?

Голосок дрожит, испугалась. И правильно... Кой черт правильно? Какое «Ваше Высочество»? Почему не «Олег»?

А вот почему. Наша «гостья из будущего» отчалила в свое «прекрасное далеко». Теперь передо мной несчастная женщина, которая, придя в себя, обнаружила, что лежит в разорванной одежде, а над ней склонился нагой цесаревич. Есть от чего завизжать. Надо срочно что-то придумать... Блин, вспомнить бы еще, как эту мадемуазель звать? Вроде бы Зинаида...

– Мадемуазель, скорее мне нужно задавать вам этот вопрос. Я уже засыпал, когда вы вошли в мою спальню и, не сказав худого слова, напали на меня, пытаясь усыпить. Не верите? Взгляните, что лежит у вас под рукой?

Она с удивлением взирает на склянку с хлороформом и поднимает на меня испуганные глаза.

– Но поверьте, Ваше Высочество, я совершенно не собиралась нападать на вас. Я... я не знаю... как это все случилось. Я ничего не помню, – сообщает она и заливается слезами.

Ну вот, здравствуйте! Сперва – уговоры, потом – драка, и вот теперь – разбор полетов. Охо-хо-хонюшки, будем утешать...

Лихорадочно оглядываю комнату в поисках чего-нибудь, что могло бы ее успокоить. Святые угодники, да я ж все еще голый! Схватив халат, я мгновенно влетаю в него, молниеносно завязываю пояс... Ф-фух, теперь можно думать... О, вот сифон с содовой водой.

– Успокойтесь, Зинаида (как же тебя по отчеству?)... Вот, выпейте воды.

Зубы стучат о край стакана, вода проливается на грудь.

– Ваше Высочество, а вы меня не развяжете?

– Конечно, конечно, если только вы не будете снова кидаться на меня как рысь в лесу.

Я распутываю узлы и помогаю женщине подняться.

– Вот так, вот так... Садитесь в кресло, мадемуазель. Я пошлю кого-нибудь из своих адъютантов принести вам одежду.

– Mersi, – шепчет она и вдруг, лукаво стрельнув в меня глазами, сообщает: – А вы весьма привлекательны, Ваше Высочество.

Понятно. Пропала ночь. А я так хотел выспаться...

Глава 5

Рассказывает Олег Таругин

Ну вот и год пролетел. «Как я выжил, будем знать только мы с тобой!» (Интересно, в этом мире будет Симонов?) За этот год у меня было много, мно-о-го дел. Во-первых, образование. Ну, классическое среднее образование я, кажется, получил. Странно было, когда мое второе «я», обычно молчащее и загнанное под спуд, подсказывало мне ответы на латыни, французском или немецком языках. По другим предметам я отвечал самостоятельно, чем поверг в немалое удивление господ преподавателей. Еще бы, формулы сокращенной тригонометрии в гимназиях начнут преподавать только лет через двадцать, дифракцию – лет

через тридцать. А я это знаю, и от моих ответов профессура обалдевала, а мои милые наставники, Победоносцев и Данилович, выглядели именинниками.

В результате – мое образование вроде как завершено. Венценосный папенька выделил мне роту в стрелковом батальоне императорской фамилии, и теперь я – ротный. Как бы ротный. Офицеры-стрелки, по-видимому, решили, что обязаны отплатить мне за завтраки и ужины, превратить мою службу в бесконечное застолье. Ну это уж дудки!

Со своей ротой мне удалось провести пару занятий по рукопашному бою, несколько – по снайперскому делу. Глядишь, года через полтора из этого батальона выйдет первая часть особого назначения. Посмотрим...

Основной моей задачей стала за этот год женитьба. Аликс Гессенскую я отшил так, что за русского цесаревича она выйдет только под страхом смертной казни. Это хорошо, потому как у меня на примете имеется другая невеста. Принцесса дома Гогенцоллернов – Виктория, для домашних – Моретта. Девица на полгода постарше цесаревича и была обручена с болгарским князем, Александром Баттенбергом, но кого это волнует? Даже если бы она была старше на двадцать лет, страшна, как Хиросима, и обручена с графом Дракулой, я все равно желал бы на ней жениться. Эта Моретта принесет в качестве приданого союз России с Рейхом, так чего ж еще желать? К тому же сказать, Баттенберг не настоящий князь. Несколько лет назад его свергли с престола, и теперь он отирается при европейских дворах в поисках поддержки. Самое пикантное в том, что до восшествия на престол Александр Баттенберг служил офицером в русской армии и был направлен на болгарское княжение именно для того, чтобы отстаивать интересы России. Однако «Сандро» оказался, мягко говоря, подонком, моментально забыв, кто, собственно говоря, поднял его из грязи в князи. Сейчас большего русофоба еще поискать... Ну-с, как говорится в одном фильме, который, может быть, снимут лет через семьдесят: «Жених согласен, родители невесты – тоже, осталось уговорить невесту».

Правда, насчет родителей невесты я малость приврал. Фриц и Вики, родители будущего кайзера Вильгельма и моей избранницы, его сестры, отчаянные англофилы, Россию ненавидят и отдадут свою дочь за русского цесаревича только под угрозой применения оружия. Конечно, еще жив старый кайзер, большой друг нашей империи, но он уже стар. Так что, если разобраться, у меня есть только один союзник: будущий кайзер Вильгельм. Парень он увлекающийся и рыцарственный и наверняка не упустит возможность поучаствовать в романтическом приключении.

Остается только придумать, как бы дать знать о своей любви и желании жениться. Идея пришла не сразу, но когда пришла и оформилась... Все-таки я гений. Ну, как минимум талант, особенно – в сравнении с бесцветными ребятами из патриархального, спокойного XIX века...

– ...Здравствуйте, господин академик.

– Здравствуйте, Ваше Императорское Высочество. Какая честь.

– Ну что вы, это для меня огромная честь, что сам академик Суриков согласился принять меня. Ведь я всего-навсего один из множества наследников множества престолов, а вы – величайший художник нашего времени!

Лесть – штука полезная. Василий Иванович приятно пунцовеет и смотрит на меня уже заинтересованно. Я рассыпаю дифирамбы его «Утру стрелецкой казни» и «Меншикову в Березове». С трудом вспоминая работы искусствоведов конца XX века, восхищаюсь композиционным построением полотен, расписываю цветовую гамму, историческую достоверность. И вот результат: Суриков усмирен, покорен, очарован и готов выполнить любую просьбу восторженного цесаревича.

– Чем же я могу быть вам полезен, Ваше Высочество?

– Василий Иванович, я пришел к вам с нижайшей просьбой. Вы один сможете мне помочь.

Суриков удивленно пялится на цесаревича, пришедшего к нему за помощью.

– Дело в том, господин академик, что я... влюблен. Моя избранница – принцесса из

дома Гогенцоллернов, Виктория. Мне необходимо дать ей знать о своей любви. И помочь мне можете только вы.

– Да чем же, Ваше Императорское Высочество?

– Напишите картину. Что-нибудь из наполеоновских войн. На переднем плане – молодой русский офицер, раненный. Над ним склонилась немецкая девушка. А дальше – бесконечная колонна французских солдат и Наполеон, брезгливо смотрящий на раненого.

– И в виде русского офицера и немки будут изображены вы и ваша избранница, – Суриков, похоже, заинтересовался моей идеей. – Ваше Высочество, если позволите, я попробую сделать несколько набросков прямо сейчас.

Мы расстались через четыре часа. Мы обсудили наброски, до хрипоты наспорились по поводу композиции и решили вопрос с названием полотна. «Битва при Дрездене». Здорово! Хорошо, что у Василия Ивановича есть время и он готов временно отвлечься от своей «Боярыни Морозовой». Обещал через три месяца выдать на-гора первый вариант. Пойдет...

Вот по осени и едем свататься. «Едем» – это значит я, Ренненкампф, Васильчиков и атаманец Шелихов, с которым я теперь каждое утро занимаюсь рукопашным боем. И, разумеется, с нами едет академик Суриков со своим полотном «После поражения». На переднем плане тяжело раненный русский офицер-драгун, который с мольбой протягивает руки к немецкой девушке. Девушка, списанная с фотографии Моретты, вытирает ему кровь, а сама с ужасом на лице смотрит на убитых пруссаков, лежащих рядом. И на все это брезгливо взирает Наполеон, окруженный своими гренадерами, осененный трехцветными знаменами. Ну, если немцы намека не поймут, то я уж и не знаю, чем пронять этих бюргеров...

Проняло. Старый кайзер, полюбовавшись на присланное ему в подарок творение академика, прослезился и разразился длинной речью о братстве оружия, об общей истории, о давних традициях дружбы и добрососедства. А ко мне приближается молодой Вильгельм:

– Послушайте, кузен, одна из фигур на картине напоминает мне мою родственницу. Скажите, это случайность?

– Э-э... – А ну-ка, постараемся покраснеть и сделаем вид, что нам мешают руки! – Кузен, я могу вам довериться? Помнится, мы с вами были довольно близки в России, но все же...

Он заинтересован и заинтригован. Его серые чуть навывкате глаза впились в меня.

– Я полагаю, что не давал вам повода, кузен, сомневаться в моем к вам расположении.

– Хорошо, кузен. Я только хотел бы поговорить с вами наедине.

Теперь он уже не просто заинтересован, теперь он просто сгорает от любопытства. Пока звучат речи, я слежу краем глаза, как он нервно переминается с ноги на ногу, теребя свою сухую левую руку. Ну, понервничай, понервничай...

Через два часа, перед обедом, он решительно подходит ко мне и предлагает вместе осмотреть коллекцию холодного оружия. После чего круто разворачивается и широким шагом прямо-таки летит в Рыцарский зал. Я еле поспеваю за ним, но в душе у меня праздник. Ключуло!

Плотно затворив за собой тяжелые резные двери, он поворачивается ко мне. На лице написано нетерпение. Он едва сдерживает себя:

– Итак, кузен, мы с вами одни.

– Да, кузен. – Я делаю вид, что страшно смущен. Теперь самое главное не дать обнаружить игру. – Дело в том, что я... влюблен.

– О-о!

– В вашу сестру, кузен, – словно преодолевая себя, произношу я чуть дрогнувшим голосом. – О, я знаю, что кронпринц и его супруга не любят мое бедное отечество. Я знаю, что она обручена с этим выскочкой Баттенбергом, что я недостоин ее, но... но что же я могу поделать с собой?

Выпалив в него эту «бесценную» информацию, я умолкаю с убитым видом. Теперь ждем реакции.

Будущий кайзер проходится по залу взад и вперед и наконец останавливается прямо передо мной. Я опускаю голову, всем своим видом выражая полное смирение с судьбой.

Внезапно мне на плечо опускается его могучая правая рука. Он предплечьем поднимает мой подбородок и пристально смотрит мне в глаза. Потом неожиданно широко улыбается:

– Ну, выше голову, кузен! Кто он такой, этот Сандро Баттенберг? Мелкий авантюрист, негодяй, каких множество. А вы, вы, кузен, – наследник престола великой державы! – Он обнимает меня за плечи, притягивает к себе. – Полно, Ники, полно! Дед охотно одобрит ваш брак с Мореттой. Я сам готов замолвить за вас слово. Да черт возьми, я буду счастлив видеть вас своим братом!

– Вы говорите это серьезно, кузен? – Как же долго я репетировал эту дрожь сомнения в голосе! – Вы готовы помочь мне в моем сватовстве?

– Ведь я же сказал вам, Ники. Я, – его голос окреп и гулко звучит в пустоте огромного зала, – я клянусь вам, дорогой кузен, своей честью, что помогу вам в этом деле!

Он хватает со стены готический меч и, стряхнув с него ножны, воздевает клинок вверх:

– Пусть эта честная немецкая сталь станет мне свидетелем! Как прочен сей меч, так нерушимо мое слово! – И, уже чуть остыв, продолжает: – Я сегодня же обеспечу вам встречу с Мореттой тет-а-тет.

Ого! Этот парень круто берет. Ну вечером так вечером...

Вечером, за ужином, я жду от Вильгельма обещанных действий. О, вот он подошел ко мне и протягивает портсигар, зовет в курительную. Пойдем, пойдем.

В курительной множество гостей. Вильгельм протягивает мне сигару, закуривает сам и, выпустив клуб ароматного дыма, тихо и внушительно произносит:

– Если вы пойдете в музыкальную залу, Ники, вы не будете разочарованы. – И покровительственно хлопает меня по плечу. Да ладно, ради нужного дела можно и потерпеть фамильярность.

В музыкальной зале полумрак. Никого, ни единой живой души. Я подхожу к роялю, сажусь за инструмент и бездумно выстукиваю двумя пальцами какой-то легкомысленный мотивчик. Внезапно сообразив, что это – песенка Глюкозы про невесту, я чуть было в ужасе не захлопываю крышку, но тут в голову приходит шальная мысль. Цесаревич вовсе недурно играет на рояле и в совершенстве знает немецкий. А что, если?..

Простите меня, господин Вертинский. Эту песню вы уже не напишете, потому что я украл ее у вас. Но вы же – талант. Напишите что-нибудь другое. Я беру несколько аккордов. Теперь текст: попробуем перевести на немецкий...

Чуть скрипнула дверь, и я тут же начинаю:

Я безумно боюсь зноя яркого лета
Ваших светло-пшеничных волос.
Я влюблен в ваше тонкое имя – Моретта,
И в следы ваших слез, ваших слез.

А крылатые брови, а лоб Беатриче,
А весна в повороте лица!
О, как трудно любить в этом мире приличий,
О, как трудно любить без конца!

Не могу, не хочу, наконец, не желаю,
И, встречая конец бытия,
Я вам сердце свое, словно мячик, бросаю:
Ну ж, ловите, принцесса моя!

Я оканчиваю проигрыш и слышу, как за спиной кто-то шумно вздохнул. Словно в испуге резко оборачиваюсь. Это она. А ничего, ничего. На фотографии она выглядела хуже.

На скулах Моретты играет румянец, она нервно теребит веер. Понравилось? А то, это ж вам не кто-нибудь – Вертинский, понимать надо! Так, теперь продолжать в том же духе...

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

Когда Вилли сказал ей, что в музыкальной зале ее ждет некто, кто не может явиться открыто, в первую очередь она подумала о Сандро. Милый, милый Сандро, с которым ее разлучили жестокие родственники. Забыв о гостях, она бросилась туда. Но, уже приоткрыв двери, она вдруг подумала: а с чего это, собственно, «однорукий рыцарь» станет заботиться о Баттенберге? Ведь он же ненавидит ее дорогого Сандро, до глубины души ненавидит. И вдруг помогает ей? Она не успела решить эту задачу, как из залы зазвучал рояль. Красивый молодой голос, совсем не похожий на голос Баттенберга, запел романс. Нет, не романс, а серенаду, посвященную ей. Кто же это? Сгорая от любопытства, она мышкой проскользнула в зал.

Горели свечи, разбрасывая вокруг призрачные тени. У рояля сидел человек в прусском мундире. Тихонечко, чтобы не спугнуть, Моретта подошла к нему сзади. Теперь она узнала его. Это был русский цесаревич. Он играл и пел, негромко, словно бы для самого себя, но в его песне звучала такая искренняя любовь, такая надрывная тоска! Ей стало жаль этого ловкого красивого юношу. Неожиданно она вспомнила рассказы Сандро о русских офицерах, об отце цесаревича, нынешнем императоре Александре. Если верить Баттенбергу, русские были тупыми, жестокими, вечно пьяными дикарями. Но разве может дикарь сочинить такую песню. Нет, тут что-то не так. Задумавшись, Моретта вздохнула, поняв, что ее дорогой Сандро попросту клеветал на своих бывших товарищей.

От ее вздоха цесаревич резко обернулся и вскочил как ужаленный. Она встретила его глаза и неожиданно вздрогнула, увидев, что этот взгляд ей кого-то напоминает. Вот только кого?..

– Вы прекрасно играете, Ваше Высочество... – Надо ведь что-то сказать. – Мой брат тоже любит музицировать, и у вас мог бы получиться прекрасный дуэт.

– А вы, вы Ваше Высочество, тоже любите музыку? – Голос цесаревича дрожит, не то от волнения, не то от смущения, не то от обеих причин сразу.

– Конечно, я очень люблю музыку (ах, как жаль, что Сандро не умеет играть на фортепьяно!). Скажите, кто автор этих прекрасных стихов?

– Он перед вами, Ваше Высочество. Но разве эти стихи хороши?

– Ах, я никогда бы не подумала. Но кто же та, кому вы посвятили эту песню? Я не расслышала имя.

– Она передо мной, Ваше Высочество.

– Вот как? Но ведь вы меня совсем не знаете. Как же вы можете любить, не зная человека?

– Я видел вас на портрете, и, хотя он передает лишь внешнее сходство, мне показалось, что я вижу ангела. А теперь я понимаю, что не ошибся...

Опять те же глаза. Она силилась понять: где, где, во имя всех святых, она уже видела такой взгляд?

– Вы смущаете меня, Ваше Высочество. – Моретта прикрыла лицо веером. – Я не заслужила таких комплиментов.

– Разумеется, Ваше Высочество. Разве ангел может быть доволен тем, как его славят простой человек?

Она зарделась. Неожиданно ей пришло на ум, что Баттенберг не был столь изыскан в своих речах. Теперь ей уже хотелось говорить с цесаревичем, и она вовсе не жалела, что здесь оказался не Сандро.

Рассказывает Олег Таругин

– ...Скажите, Ваше Высочество, – ее голос звучит крайне заинтересованно – добрый знак! – А песни наших композиторов вы знаете?

Вот это влип! Черт его знает, какие там у немцев сейчас композиторы?! Ну не Дитера же Болена ей петь! Да я изо всей немецкой музыки только Вагнера и Шумана знаю... Оп!

– Да, Ваше Высочество. Шумана, например.

И, не дожидаясь ее ответа (еще спросит о каком-нибудь современнике, и будешь выглядеть серым невежей!), я затягиваю одну из песен цикла «Любовь поэта». Это единственная песня, которую Николай сумел выучить до моего прихода, а я не догадался расширить запас. Вроде нравится. Кажется, пронесло.

Допев до конца, я выжидательно смотрю на нее. А девочка-то «поплыла»! Было бы это в XX веке, еще немного – и можно было бы смело приглашать к себе на рюмку чая и полюбоваться потолком в моей спальне! Теперь главное – не торопить события.

– Ах, Ваше Высочество, как я жалею, что, даже если я приглашу вас в Россию, вы не примете моего приглашения.

– Но почему же, Ваше Высочество? Кстати, называйте меня просто Мореттой – мне будет приятно.

– Охотно, только тогда и вы называйте меня Ники. Ах, Моретта, ведь ваши родители никогда не согласятся, чтобы их дочь, к тому же – чужая невеста, поехала в страну, которую они считают варварской. А мое отечество так прекрасно!

– У вас, наверное, уже лежит снег, Ники?

Так, по географии твердая единица. М-да, не дворянская это наука, география. Извозчики-то на что?

– Что вы, Моретта, сейчас у нас стоит такая же погода, как и в Берлине. Вот чуть позже действительно ударят морозы. Ваше... Моретта, скажите, вы любите охоту?

– Ах, нет! – Она смешно морщит носик. – Стрелять в бедных зверей – это ужасно!

– Да нет, я говорю не об охоте с ружьями. Любите ли вы охоту с собаками?

– Да, да! Это так забавно: скакать по полям, брать барьеры и гнаться за лисой...

– О, Моретта, это только изнеженные англичане травят собаками лис, а мы – мы берем волков и медведей! Ах, если бы вы знали, как это прекрасно, когда под подковами звенит мерзлая земля, заливаясь на разные голоса свора, и ты мчишься вперед, и пронзительный ветер сечет лицо и выдавливает из глаз слезы восторга. И взять волка живьем и бросить его к ногам своей... – Я обдуманно умолкаю.

Проняло! Как бог свят – проняло! Она смотрит на меня с восторгом. Надо продолжать.

– А потом, после охоты, как замечательно увидеть вдали золотой купол церкви, услышать благовест, и радоваться, и смеяться, и сожалеть лишь о том, что не можешь обнять весь этот простор, всю эту ширь, всю бескрайнюю Русь!

– Как прекрасна ваша родина, Ники, – шепчет Моретта заворуженно.

Ну, теперь последний штрих – Баттенберг не слишком богат и вряд ли баловал тебя дорогими подарками. А у нас в резерве – тяжелая артиллерия господина Фаберже!

– Моретта, я должен сказать вам: я люблю вас. Я знаю, что мой удел – несчастная неразделенная любовь, знаю, что ваш избранник – достойный человек, который любит вас и сделает вас счастливой. Но в память о том, что несчастный русский осмелился вас полюбить, я прошу, я умоляю вас принять это.

Моретта разглядывает шевровый футляр, потом открывает его и замирает в немом восхищении. Слава, слава русским ювелирам!

– Это белое золото и эти бриллианты пусть напоминают вам о снегах моей милой родины. А эти рубины, из которых сложено сердечко, пусть цветом своим напомнят вам о той горячей крови, которая готова ради вас излиться вся, до последней капли, из сердца того, кто счастлив одной лишь мыслью о том, что вы иногда вспомните его с состраданием.

Добил! До конца! Теперь уйти, пошатываясь, точно от непосильной ноши. Не оборачиваться, не смей! Вот так, молодец. А теперь – спать, спать, спать. Завтрашний день, полагаю, принесет мне множество хороших новостей.

Интерлюдия 7

«Железный канцлер» был несколько озадачен просьбой императора явиться «на ковер». Оба они были уже немолодыми людьми – чего уж там, старыми пердунами, ему самому перевалило за семьдесят, а Его Императорское Величество Вилли давно уже разменял восьмой десяток. Ну не то чтобы очень давно, но в таком возрасте, знаете ли, год идет за 10. И вот ничегошеньки на этот день не планировалось – ни визита английского посла (напихать бы ему за спину свежего уголька из Эльзаса и отвесить пинка – годы годами, а на один полноценный удар, знаете ли, хватит, для такого дела не жалко), ни нижайших просьб депутатов рейхстага. Может быть, заявился кто-то из «бывших» – ну там курфюрст Саксонский какой-нибудь, нижайше просить назад «владения»? Так такому визитеру не упустит случая отвесить пинок Императорское Величество, присутствие канцлера для этого совершенно не требуется.

Все вроде бы в порядке. Обоим великим людям (в отличие от многих идиотов журналистов, Бисмарк вполне искренне считал своего императора великим), вообще говоря, осталась еще масса неподъемной работы – но заниматься ей через несколько лет будут уже другие. А ведь так много осталось сделать. Уговорить этого медведя на договор «перестраховки» – очень важно оторвать русских от Франции. Сделать все, чтобы занять Великобританию внутренними проблемами – ирландцами и шотландцами на острове, бурами в Африке, да мало ли еще кем. Франция, Австрия, Италия, Испания, Балканы... А главное – решить вопрос с наследником Его Величества. Конечно, по вполне достоверным докладам врачей, кронпринцу Фридриху осталось совсем немного, но даже это «немного» может растянуться на несколько лет. Что способен такой болван за несколько лет сделать... о-о-о-о-о, можно перечислять долго и с некоторыми вкраплениями русского – уж бывшему ли послу в Петербурге не знать таких выразительных вкраплений.

– Ваше Величество! – вежливый кивок.

– Проходи, Отто, – ответил слегка дребезжащий голос не по-стариковски подтянутого человека. – Уж извини старика, что потревожил. Хочу посоветоваться с тобой, знаешь ли. Как любитель живописи с любителем живописи...

Вот тут едва ли не впервые за всю жизнь «железный канцлер» оказался по-настоящему ошарашен. В чем в чем, а в пристрастии к живописи будущий герцог Лауэнбург не был замечен самыми проникательными разведками мира. Да и Его Величество... впрочем, иные батальные картины император вполне даже ценил.

И одна такая стояла сейчас прямо перед ним, всего-то в паре-тройке метров. Не дожидаясь официального разрешения – боги Валгаллы, не первое десятилетие изволим здесь появляться, канцлер присел в заботливо установленное недалеко от кайзера кресло. И пригляделся к картине.

Так... поле боя, усеянное телами в форме старой прусской армии времен войны с Наполеоном. Попадают и другие, но тоже знакомые мундиры – ну как же – русские! Надо думать, не то Прейсиш-Эйлау, не то Фридланд. И скорее, все же Фридланд – вон он, проклятый корсиканец, уставился куда-то с такой рожей, словно живую квакшу лимоном заел.

А уставился он на тяжело раненного офицера. Русский кавалерист, конечно, – правда, не определить, кавалергард, драгун или гусар, больно уж много крови, да мундир изорван. Надо думать, художник и сам не слишком хорошо разобрался в этой понятной любому пруссаку азбуке. И немецкая девушка, склонившаяся над русским, – вытирает ему кровь, со страхом глядит на погибших пруссаков. Эх, не знает художник наших девушек – это какие-нибудь саксонки или гессен-дармштадтки будут ужасаться, а пруссачка, перевязав

⁷ Автор этой Интерлюдии – Иван Дмитриевич Сергиенко.

самые опасные раны, деловито метнется к следующему...

– Отто, мне кажется, – старческий голос сбил канцлера с размышлений, – что ты слегка... задумался. Да, этот русский художник хорош. Надо будет потом послать ему какую-нибудь висюльку с бриллиантами, будет полезно. Вдруг да и сподобится на что-то похожее. Итак, как тебе битва под Дрезденом?

Ага, все же не Фридланд. Дрезден. Ну что ж, тоже неплохое было дельце, жаль, что лягушатник все же выиграл. Ничего, ничего, пусть себе, вот глядит он и не знает, что уже скоро будет гнить на своем острове. Кхем, а почему это он глядит на кого-то знакомого? Доннервэттер... все же старею.

– Ты прав, Отто, – теперь голос Его Императорского Величества, первоклассного физиогномиста, приобрел некоторую хитринку, – перед нами – принцесса Виктория фон Гогенцоллерн, наша милая Моретта. Правда, в одеянии простолюдинки, ну да утереть кровь доблестному воину, павшему за Пруссию, и принцессе не зазорно. А не присмотришься ли к помянутому павшему воину?

Лицо-то знакомое, но вот откуда? Проклятая память, сейчас бы лет двадцать долой, да во времена Садовы... А, проклятье, вот откуда! Черт, так ведь и удар может случиться!

– Цесаревич (у Бисмарка впервые получилось выговорить русские «ц» и «ч» настолько чисто) Николай... русский наследник престола...

– Да, Отто, да, – теперь голос императора звучал слегка устало. Видно было, что его при виде картины тоже чуть не хватил удар, и, хотя старика уже ОТПУСТИЛО, все же ручаться не стоило. – Всего лишь картина, всего лишь. Сиди спокойно, – поняв намерение канцлера куда-то мчаться, срочно выяснять, вставлять фитили и объявлять выговоры, отмахнулся император. – Картину написал русский... хм... Сурикофф. Это, как мне пояснили, их лучший живописец, академик чего-то там, награжденный чем-то – в общем, неважно. Картина написана по личной просьбе наследника. Понимаешь, Отто?

Император любил такие, с позволения сказать, «экзамены». Этот был из самых простых – чего уж тут сложного, это вам не с Горчаковым и Александром II беседовать, только-только начав русский учить.

– Хм... либо наша Виктория и впрямь произвела на парня впечатление (признаться, не припомню, где они могли видаться). Либо пьяный медведь решил вылезти из-под каблука датской стервы. И совсем замечательно – если наследник недвусмысленно намекает, что папа не вечен, а он-то готов дружить. Ну а милая Виктория – это так, требуемый для дружбы аванс.

– Браво, Отто, – картинно попытался свести ладоши император. И не стал сводить – не в опере, право. – Браво! Именно эти варианты я и обдумывал. Признаюсь тебе, в третий не слишком верю – уж слишком это хорошо. В первый... да, это самый скверный случай, но и из него пройдохи вроде нас с тобой должны что-то выжать, а? – Невероятно! Его Императорское Величество изволили пошутить! Да даже в памятный день 1871 года... хотя нет, тогда-то император был после церемонии весел, как французский паяц.

– И Ваше Величество...

– Отто, мы не у китайского императора, не разводи церемоний, – отмахнулся кайзер. – Да, я думаю, что кто-то подкинул нашему русскому другу хорошую идею. Или он сам додумался – сильно подозреваю, что этот так называемый миротворец куда умнее, чем кажется.

– Ваше Величество, – тут же перехватил инициативу канцлер. В конце-то концов, именно он занимался государственными делами, а кайзер... кайзер жестом умудренного художника иногда вносил правку. Муху там нарисовать на лбу персонажа картины. Или встретиться и переговорить с монархами соседних держав лично – есть вопросы, которые канцлеры и министры просто не посмеют ставить перед ПЕРСОНАМИ. – Я немедленно... проинструктирую вашего внука. Ведь, если что, не к кронцпринцу же пойдет русский наследник? А наш юноша, пожалуй что, будет только рад принять участие. Любовные интриги, письма, шпаги и кони, уносящиеся в ночь. Ну и, конечно же...

– Ты правильно понял, Отто. – Император прикрыл глаза и откинулся на спинку мягкого кресла. Господи, и это человек, который лет десять назад мог по четыре часа выдерживать в седле отнюдь не смирной деревенской кобылы! – У нас мало времени. Мы должны уйти, оставив Николая женатым на немецкой принцессе. И оставив его лучшим другом нашего Вилли. Ступай, Отто. Делай, что сочтешь необходимым, вряд ли я должен знать это в деталях... А я пока посижу, подремлю, подумаю, какой должна быть речь.

– Речь, Ваше Величество? – Вообще-то канцлер уже все понял, но лишний раз польстить кайзеру не помешает. Мол, какое Его Величество проницательное и мудрое.

– Ну да, Отто, неужели не ясно? Эту картину, разумеется, я в первый раз увижу уже во время визита – никто же не знает, что Его Проницательное и Мудрое Величество столько внимания уделяет мелочам. – Бисмарк чуть вздрогнул. Нет, но какие способности к физиогномике... – Старый пердун кайзер, полюбовавшись на присланное ему в подарок творение... этого, как его... в общем – академика, прослезится и разразится длинной речью о братстве оружия, об общей истории, о давних традициях дружбы и добрососедства. И вот после нее наш русский юноша должен сразу попасть в дружеские объятия Вилли. И если он после этого не разговорится – право же, Отто, можешь отвесить мне пинка под зад. Со всей силы, уж как водится между старыми вояками...

Рассказывает Егор Шелихов

А сперва брать в атаманцы не хотели. Мелковат, говорят. Да уж батюшка уломал. Двух телок отдал и шесть овец. И то сказать: братья в гвардии, а я что ж? Так и стал я, Егор Шелихов, казаком лейб-гвардии атаманского полка. Сперва, ясно дело, учили. Ой как учили. Мало не было. Да мне такая наука впрок. Целый год ходил как по струночке, зато потом... Потом – караул в покоях цесаревича. Сперва, конечно, дальний, ну а потом уже и в самые покои попал. Люблю я это дело: стоишь на часах, мундир на тебе – с иголки, шашка – подвысь, когда кто из царской семьи или генерал какой пройдет. Остальное время – неподвижно, вроде как и не ты тут, а болван деревянный. А мимо тебя ну точно мураши все снуют, торопятся куда-то. Девки молодые – красавицы, нашим станичным не чета, тоже спешат, перемигиваются, пересмеиваются. Офицеры торопятся – у цесаревича не забалуешь. Я-то знаю... Пришел он как-то к нам в полк, посмотрел, как лозу рубят, как джигитуют, а потом и спрашивает: есть, мол, кто, донскому бою⁸ обученный? Ну, казаки мнутя, молчат. И то сказать – диво: откуда енто Его Высочество про наш бой наслышан? А он серьезно так: мол, если есть такие молодцы, то, мол, не покажут ли? Ну, меня тут ноги и вынесли. Знаю, стал быть, умею.

Их Высочество посмотрел на меня, кивнул и говорит: нешто один таков есть на весь полк? Ну, тут уж и остальные полезли. Известное дело – вторым выходить завсегда проще, чем первому. Набралось нас человек восемь, цесаревич кивнул и говорит: хватит. Покажите теперь, мол, молодцы-атаманцы, чему ж вы обучены? Показали, ага... и швыряли друг дружку, и караульного снимали, и с пласта вверх кидались. Посмотрел он, значит, посмотрел, а потом и говорит: а что, говорит, молодцы-атаманцы, может, кто со мной попробует? И улыбается. Хорошо так улыбается. Сунулся я было опять вперед, да приказный наш, старый казак Семен Крюков, за плечо меня цап! Стой, говорит, дура, куды? Ишо помнешь Их Высочество, а потом тебя, дурака, в железа да в Сибирь. А цесаревич манит, смеется: что ж вы, молодцы-атаманцы, аль боитесь? Да не бойтесь, говорит, калечить не стану. Мне себя спытать охота...

Вышел тут дядька Крюков, да и говорит: вы, Ваше Амператорско Высочество, не смущайте казаков. Боимся, говорит, только за вас. Как бы вас не помять... А цесаревич ему в

⁸ Имеется в виду «рукопашный бой пластунов», сложившееся уже к 1840 году боевое искусство, созданное на основе более древнего рукопашного боя «спас».

ответ: не бойся, казак, а если помнешь меня, так на тебе вины не будет, только на мне, мол. А кто меня одолеет, тому вот – и червонец протягивает. Ну, тут уж сам наш подхорунжий, Подтелков, не стерпел, вышел. Хотел было цесаревича под микитки да наземь, а только не вышло. Вывернулся цесаревич угрем да Подтелкову и в ноги. Тот так кубарем и полетел. А Их Высочество ногой эдак вот махнул и говорит: убил я тебя, подхорунжий, пушай кто другой спробует. Еще двое спробовали, да куды там! Одного он подсеком сбил, а другому так в душу ударил, что тот и встал-то не вдруг. А цесаревич, значить, еще поединщиков зовет.

Как меня ноги вынесли, сам не вспомню. Только встал я перед Их Высочеством, пояс расстегнул, шашку снял и пошел на него. А он, значит, стоит так, покачивается, ждет. Я пригляделся да и смекнул: он же меня на мою же силу словить хочет. Ну, это я ученый, говорю же, что ростом не вышел. А все в драке ловчее меня во всей нашей Затонской станице не было. Начал я его обходить слева, а потом как вправо метнусь! Да ногой-то его и подсек. Он хотел было подпрыгнуть, да поздно уже – по песку катится. Тут я на него и насел. Еле сдержал, однако, так он из-под меня рванулся. Но я его коленом придавил и говорю: Ваше Амператорско Высочество, теперя можно вам и ручки опояской вязать. И встал. Гляжу – он мне руку протягивает: помоги, мол, встать. Я руку протянул, а он прыжком встал, по плечу меня хлопнул и говорит: как звать тебя, молодец? Егором Шелиховым, отвечаю. А что же ты, казак Шелихов, не по форме одет? Так я ж для драки шашку снял, отвечаю. А цесаревич смеется: нет, говорит, Егор Шелихов, я не про шашку говорю, а про погоны. Ты ж младший урядник, а погоны голые.

Я сперва и не понял, что это он меня чужим чином зовет, а как осознал... Стою, глаза выпучил, улыбаюсь, чисто как дурачок. С третьего раза только разобрал, что мне подсказывают. Рад стараться, Ваше Амператорско Высочество! – ору. А цесаревич мне червонец протягивает: бери, мол, заслужил.

Тем же вечером я всю сотню поил, новый чин праздновал. А назавтра приходит в полк гумага, и прописано в ей, что младший урядник лейб-гвардии атаманского полка Егор Шелихов отражается в свиту Его Амператорского Высочества. Ординарцем.

Я с той поры при самом цесаревиче и служу. Поутру мы с ним друг дружку по земле валяем, то я его, то он меня. Учимся, стал быть. И так всякий день: праздник – не праздник, а будь любезен. Цесаревич вовсе прост оказался: и за один стол меня с собой сажат, и по имени-отчеству кликат. Через месяц сам позвал фотографию сделать: он сидит, а рядом – адъютант евойный, Пал Карлыч, да другой адъютант – князь Васильчиков, да два ординарца – я и унтер из стрелков, Махаев. Мне и Махаеву велел карточки домой послать, да на каждой и написал: «Спасибо за отличного сына!» – и подписался. Что в станице творилось, когда батюшка такую карточку получил, я даже вообразить не могу.

Иной раз смотрю на цесаревича и мыслю: вот прикажи мне сейчас здесь за тебя умереть – не пожалею живота, хоть сам зарежусь. А уж коли скажет на кого – так, прости Господи, родного батьку не пощажу, самого амператора шашкой располовиню. Только скажи, Твое Высочество, всех поубиваю, никто не спасется...

– Шелихов!

– Я, Ваше Императорское Высочество!

– Вот что, братишка (слово-то какое подыскал – «братишка»!), вот что... Ты здесь как, уже обжился?

– Так точно, Ваше Императорское Высочество!

– А раз обжился – вот тебе письмецо, да снеси-ка его принцессе Виктории. И чтоб одна нога здесь, другая – уже там!

– Мигом, Ваше Императорское Высочество!

Всего-то и делов – верхом на буланого, вихрем пронестись по улице, распугивая городских и прочих казачьим посвистом, да в тот дворец, где вчера цесаревич с ихней немкой амуры разводил. Часовые было штыки сдвинули, но посла, как разобрались в атаманском мундире, позвали начальника караула, офицера. Тот давай чтой-то спрашивать,

да ведь не разумею по-германски...

– Мне, вашбродь, до покоев принца Вильгельма надобно. Принц ваш, Виль-гельм! – Вот наказание! Как этим немтырям втолковать?

Однако офицер улыбнулся, дал знак пропустить. Теперь уже на своих двоих, бегом. О, вот она, принцесска-то. Собой не видна, тоща, только глазюки сверкают на пол-лица. Ловко, с полупоклоном письмо протянул, рядом стою. Прочла, аж засветилась вся. Говорит что-то. А, должно, обождать, просит, пока ответ будет. Постою...

Чего? Я, вашбродь, по-вашенски не разумею. И неча на меня кричать. От глотка лужена – орет и орет. Эка! Да он и по-нашему лаяться умеет! Ага! Щас я тебе и доложил: кем послан, к кому послан... Раз по-нашенски разумеешь, так и в мундирах понимать должен. А я что – спокойненько во фрунт встал и молчу себе, о своем думаю. Э-э! Что это он на принцесску цесаревича мово орать стал? Непорядок. Я осторожненько так плечиком принцесску-то загораживаю и всем своим видом показываю, что в случае чего и заступиться за нее могу. Ишь, разошелся, чирей тебе в горло, да что ж ты так надрываешься? Ушел... Видно, так разозлился, что аж побежал... Чего это мне в руку тычется? А, принцесска письмо ответное сует. И серебряную денежку. Ну, вот этого нам не надобно, чай, не за подачки служим, а за отечество...

Глава 6

Рассказывает Олег Таругин

Следующая неделя прошла в постоянных встречах с Мореттой. Мы вместе гуляли по Берлину, вместе скакали по окрестным паркам, вместе любовались галереей, вместе слушали музыку... Я могу гордиться собой: за семь дней добиться яркой влюбленности этой германской принцессы, весьма избалованной вниманием противоположного пола, задача не из легких! Но вообще-то это была нечестная игра: у меня опыт взрослого мужчины конца XX века, плюс – не самое плохое знание истории. Я помню все, что читал о ее женихе, Баттенберге, и иногда сообщаю о нем гадости, правда, при этом обязательно добавляя, что не верю в них. Но это мелочи. Главное – на моей стороне перспектива занять трон крупнейшей европейской империи, и моя избранница не собирается упускать такую возможность.

Ко всему прочему, Моретта не перестает восхищаться преданностью моих людей. Сегодня с утра Шелихов отнес ей мое любовное письмо и быстро доставил ответ. Но не успел я его прочесть, как ко мне явился кузен Вилли вместе с очаровательным автором. Виктория-Моретта вся так и сияла.

– Ах, Ники, я не устаю поражаться вашей стране. У нас с Баттенбергом (о как! Уже не с «Сандро», а с «Баттенбергом»! Ну-ну...) вышла небольшая размолвка, и князь имел дерзость повысить голос. Так ваш ординарец, этот казак, так на него взглянул, что Баттенберг убежал. И ты знаешь, Ники (а как же: мы уже три дня на «ты»!), ты знаешь, мне показалось, что твой казак готов был убить беднягу за то, что тот осмелился говорить со мной непочтительно...

– Конечно, Моретта. Мои люди преданы мне. У нас, русских, это вообще в крови. Если дружим, то навсегда, если любим – то до смерти.

– Да, Ники, но, когда я протянула ему десять марок, на vodka, он отскочил так, словно я предложила ему змею!

– Но, Моретта, чего бы ты хотела? Он ведь служит мне не за деньги!

– А за что?

Эх, Ваше Высочество. Как же вам, европейцам, растолковать, что такое «за веру, царя и отечество»? Мой Егор искренне верит, что я – и есть отечество...

– Ники, Моретта! Посмотрите! – Голос у будущего кайзера могуч и звонок. Он машет рукой, указывая в сторону прудов.

На водной глади дворцового пруда грациозно плывет пара лебедей. Самец выгибает шею и точно обнимает самочку, которая, с видом заправской светской кокетки, отворачивает голову, прикрываясь крылом, словно веером.

– Разве это не символично? – восхищенно вопрошает мой будущий шурин. – Вы знаете, что лебеди – самые верные супруги?

Моретта замирает в восхищении. Да, конечно, жутко символично. А что, если воспользоваться моментом и попробовать действовать по правилам конца XX века? Приобнимем нашу избранницу, ну, так, слегка... Смотри-ка, ничего, только чуть-чуть плечиками обозначила, эдак удивленно. А может, и за руку позволит взять? Позволила. Так-так, закрепляем успех...

А вот сравнение с лебедями – жаль, что не я это сказал. Хотя, по своей циничности, наверняка бы упомянул о том, что эти гордые птицы здесь с подрезанными крыльями. М-да, пожалуй, надо избавляться от цинизма, а то так ляпнешь что-нибудь не то – не поймут. У них тут и с чувством юмора туго...

– Моретта, Ники... – Судя по выражению лица, Вильгельм явно собирается сказать нечто весьма важное. – Я поговорил с дедом, и он разрешил мне этой зимой поехать в Россию с ответным визитом. И самое главное, – он хитро улыбается, – кайзер разрешил Моретте ехать вместе со мной!

Кузен Вилли оглядывает нас с таким видом, словно он только что принял капитуляцию французов при Седане. Ладно, ерничать нечего – он впрямь большой молодец. Даже я не ожидал от него такой прыти.

Моретта же просто цветет. Покраснев до самых кончиков ушей, она опускает глаза и срывающимся голосом шепчет брату слова благодарности. Ну, надо и мне свои пять копеек внести.

– Кузен! Родной брат не смог бы сделать для меня большего, чем сделали вы! – Я придаю своему лицу выражение самого искреннего восхищения. – Если когда-нибудь я смогу хоть в малой степени отплатить вам за оказанные мне услуги, то, Вилли, – максимум честности во взгляде и восторга в голосе, – я в тот же момент буду в вашем распоряжении! Но как вам удалось добиться такого чуда?

Вилли глядит именинником. Он долго и с подробностями повествует, как решился просить аудиенции у кайзера, как предварительно говорил с бабушкой, рассказав ей о великой любви между русским цесаревичем и принцессой дома Гогенцоллернов, как они вместе убеждали деда в необходимости помочь молодым влюбленным... Моретта слушает, затаив дыхание. Все-таки здесь, в старом, добром XIX столетии, люди весьма и весьма наивны... Я подавляю невольную улыбку. Мне совершенно ясно, что старый и мудрый кайзер, который всю жизнь ратовал за германо-русский союз, вместе со своим железным канцлером в первый же день нашего пребывания в Берлине просчитали и цель визита, и возможные выгоды, и все ожидаемые сложности. Недаром же кронпринц вместе с супругой были под благовидным предлогом удалены из столицы, а Баттенберг, несмотря на все свои старания, так и не сумел со мной встретиться, ни прилюдно, ни тем более наедине. Хотя о последнем можно только пожалеть: на дуэли я бы наверняка его ухайдакал. И не потому, что я такой великий фехтовальщик, а потому, что у меня свои взгляды на поединки. Клинок клинком, а пневматический пистолет с отравленной иглой – совсем другое дело. Это уже гарантия победы. Не поймите неправильно: я не трус. Но будет неразумно сдохнуть только оттого, что какой-то проходимец научился шпынять стальным дрючком лучше меня. У меня еще не было поединков, но Васильчиков уже освоил свое оружие и готов всадить иголку в любого оппонента по моему выбору...

Однако теперь надо решать, как мне сообщить милым «предкам» о своем выборе. С посольскими мне удалось договориться пока не сообщать в Петербург животрепещущие новости об амурных похождениях наследника престола, а папарацци в те времена еще не существовало. Но по приезде домой все же придется доложить о «проделанной работе». Ну, папеньке, положим, все равно. Я ему «заряженный» штоф поднесу, так он вообще дай бог,

чтоб Викторию-Моретту от Виктории-вдовы отличил. А вот с маменькой будут проблемы... Господи ты боже мой, да что ж Дагмара так ненавидит Германию?! Датско-прусская война отгремела двадцать лет назад, да и условия мира были не так уж тяжелы. А она все никак простить не может... Ну да ладно: бог не выдаст – свинья не съест. Авось вспомнит, как любила своего первого жениха, моего рано усопшего дядюшку, проникнется и растает... А не растает, так в Сибирь отправлю, после смерти папаши...

Моретта не поехала проводить меня на вокзал. И правильно: нечего инициировать лишние слухи и домыслы. Уже у нашего салона-вагона Вильгельм крепко берет меня за руку:

– Итак, мой друг, решено: не позднее Рождества мы будем у вас.

– Нашего Рождества, кузен?

– Разумеется, вашего. Было бы просто невозможно уехать из столицы на Рождество. – Он широко улыбается и берет меня за локоть. – Но что я могу вам обещать: за эти три месяца мы все постараемся вышвырнуть этого мерзавца Баттенберга из Берлина, да и с территории Рейха.

Он еще раз широко улыбается, от чего его знаменитые (в будущем) усы топорщатся и воинственно приподнимаются. Эге, если он собирается вышвырнуть Баттенберга, то, значит, помолвка... Нет, какой я все-таки молодец! За три недели решил вопрос, над которым Европа, сколько я помню, билась больше трех лет!

Кузен Вилли радостно сообщает мне, что кайзер рассчитывает на помолвку после Рождества. На его лице светится такое детское счастье, что, плюнув на маскировку, я обнимаюсь с Вильгельмом. Правильно про него было... нет, будет написано: «Последний император был истинным рыцарем, несмотря на несколько взбалмошный характер...» Или не будет написано, а появятся строки, прославляющие гений, благородство и уникальные способности к прозрению третьего (но отнюдь не последнего) императора Второго Рейха.

Вот так, господа исследователи времени. Исправлять теперь мои дела будет ой как непросто: попробуйте-ка разорвать такие отношения! Эдак вы из Вильгельма законченного русофила сделаете. В общем, куда ни кинь – везде клин!..

Под звуки духового оркестра поезд медленно трогается. Я стою у окна и машу рукой Вильгельму, который отдает мне честь. Вот промелькнули здания вокзала, прощай, германская сторона. Так, теперь стоит сесть и все хорошенько обдумать, как будем вести себя дома...

– Ваше Высочество, разрешите?

– Заходите, Павел Карлович, прошу.

Ренненкампф проходит в салон и останавливается передо мной.

– Государь, мы тут с князем посоветовались...

– Постойте, Павел Карлович, как вы меня назвали? – Или я ослышался и принял желаемое за действительное, или... Или мои действия приносят первые плоды?

– Простите, Ваше Высочество... – Ренненкампф смотрит на меня своими прозрачно-серыми глазами прямо и твердо, не отводя взгляд. – Простите, но между собой мы уже давно называем вас «государь». А теперь вот просто как-то само слетело с языка.

Понятно. «Просто слетело с языка» – это здорово. Такой вот изощренный метод подхалимажа. Ну, ладно, надо все-таки узнать, о чем они там советовались...

– Мы тут посоветовались, Ваше Высочество: будет лучше, если вы не сообщите императорской чете, да и всем вашим родственникам о том, что было в Берлине...

Ха, я и сам думал об этом, вот только как это «не сообщать»? Ведь отчет давать все равно придется.

– Как вы себе это представляете, Павел Карлович?

– Все очень просто. – Он чуть понижает голос. – Это не вы ухаживали за принцессой, а я. Или князь.

А в этом что-то есть. Можно попробовать, по крайней мере иметь как запасной вариант. Молодцы.

Интерлюдия

Яркий свет, напряженный гул голосов...

– Итак, я резюмирую: иновременной донор отказывается добровольно покинуть реципиента и предпринимает действия, переводящие бифуркационный узел из разряда второго рода в первый. Попытка войти в контакт с ИД, предпринятая магистром Крупиной, чуть было не привела к гибели последней. Считаю необходимым провести операцию по насильственному возвращению ИД в его временной кластер. Проведение поручаю доктору Фалину и доктору Берштейну...

Глава 7

Рассказывает Олег Таругин

Наше возвращение было легким. Васильчиков действительно мужественно принял на себя обвинения в легкости поведения, но теперь хотя бы надо мной не висит дамокловым мечом попытка заключить союз с «вероятным противником». И то хлеб. А тем временем я получил еще одно очень важное право: теперь я присутствую на заседаниях Государственного и Императорского советов, так сказать, официально. Фактически с правом голоса.

Мой венценосный рара спокойно передал мне часть своих обязанностей. Он лишь поцокал языком и, стиснув мои плечи, прорычал: «Гляди-ка, Николя, человеком становишься! А я-то думал, ты у меня дурачком удался!» Нельзя сказать, чтобы венценосный алкаш был совсем не прав: прежний Ники был не просто дурачком, а вполне законченным кретином. Последний блаженный в русской церкви. М-да уж, нынешнего вряд ли канонизируют, хотя... неисповедимы пути Господни... а уж церковные – и подавно...

Утро. Рука сунулась под подушку, где, начиная с той памятной ночи Светланиного визита, лежит себе полеживает миленький короткорылый «бульдोजка» бельгийской национальности. Так, на всякий пожарный...

Ох, как же неохота вылезать из постели. Вот так бы и проваляться до петропавловской пушки, ощущая задницей мягкость перины. Как не так! Сам этот порядок завел...

– Ваше Высочество! – Грохот каблуков и громкие голоса. – Ваше Высочество, извольте подниматься. Биться пожалуйста.

Это Шелихов с Махеевым явились с утречка пораньше. Ну вот и повалялся. Прыжком выбрасываю себя из постели. После памятного визита Светланочки я, наплевав на все условности, сплю в армейском нижнем белье. Так, рожу ополоснуть, шаровары надеть, сапоги на портянки натянуть. Вот он я, готов, оппоненты дорогие...

Мы в хорошем темпе бегом проносимся по коридорам дворца. А вот и зал для фехтования. На стенах еще висят маски, нагрудники, рапиры, сабли, но на пол уже давно навалены маты. Мягкие сапоги-ичиги, казачьи шаровары и льняная исподняя рубаха – отличная форма для занятий рукопашным боем. Привычно надеваю шлем из кожи – необходимая предосторожность. Не прошло и трех месяцев, как я пугал венценосных родителей замечательно громадным бланшем, поставленным мне услужливым Филей Махеевым. Ну, понеслась...

Махеев пытается достать меня крюком справа. Несмотря на свои невеликие года, в родном Саратове он числился в непобедимых кулачных бойцах. Он меня почти достает, негодяй. Можно бы поаплодировать, но некогда. Перекатом ухожу назад и пытаюсь из положения лежа подсесть ему ноги. Раньше этот фокус проходил на ура, но Шелихов кое-чему подучил своего коллегу, и унтер-стрелок успевает подпрыгнуть. Когда он приземляется, я уже стою на ногах. Н-на! Эх, чуть-чуть не дотянулся... Уй! А вот он –

дотянулся. Вот ты ж зараза, как больно своего будущего государя саданул... О-ба! Примите мои уверения в совершеннейшем к вам почтении. Этот удар мне сам Махаев и поставил – полновесный прямой справа. Он как-то задумчиво прикладывается отдохнуть. Нокаут. Что-то я сегодня быстро с ним разделался – придется еще с Шелиховым поспарринговать.

Невысокий Егор катится вокруг меня, как мячик, состоящий из мускулов. Ну-ка, ну-ка, что это ты замыслил, казачья твоя душа? Ага, ты меня, значит, на бросок решил поймать! Так это мы еще будем поглядеть, кто кого поймает... Поглядели, мать твою так! Поймал, зараза! В последний момент поменял направление броска и кинул меня влево, хотя обозначал атаку вправо. Э-эх, все! У него не вырвешься...

– Хорош, Егор, хорош. Сдаюсь! Посмотри, там Махаев не очухался? Филимон, ты живой?

Слабое мычание означает, что унтер-офицер Махаев приходит в себя. Рядом яростно валяют друг дружку Васильчиков и Ренненкампф. Ну, это у них надолго. Странно: Егор с Филимоном не ревнуют меня, напротив – каждый старается показать приятеля в выгодном свете. А вот князь Сергей и Павел Карлович – друзья-то друзья, а до дела дойдет – ревнуют меня хуже, чем Отелло Дездемону. Вот и сейчас каждый старается выйти победителем, ведь я вижу схватку.

Хотя во всех остальных случаях действуют они дружно, так сказать, единым фронтом. К внутреннему, ближнему кругу добавились еще два человека: капитан Хабалов⁹, который не знает, да, надеюсь, никогда и не узнает, что в феврале 1917-го он будет фактически единственным человеком, пытавшимся штыками столичного гарнизона переломить ситуацию, и военно-морской адъютант – лейтенант Эссен¹⁰. Этого скоро придется отпустить в академию, но пусть запомнит, что государь у него – я! Именно сейчас Хабалов активно загоняет чуть растерявшегося Эссена в угол зала. Ничего, ничего, Николай Оттович, держитесь! Учитесь выпутываться из сложных боевых ситуаций...

Так, пора заканчивать этот марлезонский балет. Кажется, Ренненкампф стал сдавать, и теперь он становится способен на любые, абсолютно противозаконные действия. Эдак ведь ухлопает еще Васильчикова сгоряча. Или тот его...

– Господа офицеры! – Ох ты! Подскачили, как ошпаренные котята. – Вольно, вольно! На сегодня достаточно. Пойдемте завтракать, господа.

Вот так. Эта парочка снова не выяснила, кто же из них сильнее. И не выяснит, уж я-то постараюсь. Нечего их в искуc вводить.

Мы шагаем по переходам Зимнего дворца. Адъютанты переговариваются, а ординарцы жарко обсуждают перипетии сегодняшней тренировки. Можно пока расслабиться. Что у нас там на сегодня запланировано? Вроде бы к Титову на верфь собирался съездить...

Одно из первых производств, которые мне удалось совершить с помощью «Водки Плюс», было присвоение Петру Акиндиновичу Титову¹¹ чина генерал-майора по флоту.

⁹ Хабалов Сергей Семенович (1858–1924) – генерал-лейтенант (1910). С 2.10.1903 начальник Московского, с 27.4.1905 – Павловского военного училища. 24.1.1914 назначен военным губернатором, командующим войсками Уральской области и наказным атаманом Уральского казачьего войска. Зарекомендовал себя хорошим администратором и 13.6.1916 был отозван в столицу и назначен главным начальником Петроградского военного округа. С 6.2.1917 командующий войсками Петроградского ВО. 28.2.1917 арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В 1919-м уехал на Юг России. 1.3.1920 эвакуировался из Новороссийска в Салоники. Умер в эмиграции.

¹⁰ Эссен Николай Оттович (1860–1915) – адмирал флота (1913). Командир броненосца «Севастополь» при обороне Порт-Артура. В 1909–1915 гг. командующий Балтфлотом. В начале Первой мировой войны по плану Эссена в Финском заливе была создана глубоко эшелонированная оборона, опиравшаяся на минно-артиллерийские позиции, в результате чего силы германского флота в 1914–1916 гг. были скованы.

¹¹ Титов Петр Акиндинович (1843–1894) – русский кораблестроитель-самоучка. Трудовую деятельность начал с 12 лет, работая подручным у отца, паровозного машиниста. В 1859-м поступил в кораблестроительную мастерскую Невского судостроительного завода в Петербурге, где прошел путь от рабочего до корабельного

Этот громадный человечище, похожий на былинного Илью Муромца, талантливый судостроитель-самоучка. Я постараюсь его использовать по полной программе. Он у меня еще министром военного кораблестроения станет... Главное сейчас – посоветовать ему прекратить проектирование и постройку рангоутных крейсеров и таранных броненосцев.

...В моей комнате нас ждет завтрак. Ну что ж – на семерых даже вроде и не очень много. Яичница аппетитно шипит, копченое мясо в меру солоно, а чай просто изумительно ароматен. Мы все дружно набрасываемся на еду. Это мой порядок: офицеры и унтера – за одним столом. Так надо. Тонняга¹² Ренненкампф сперва морщился, но потом смирился и, по непроверенным данным, иногда завтракает со своим ординарцем. Привычка – хуже болезни...

Мы уже заканчиваем, когда Васильчиков неожиданно меняется в лице. Князь Сергей смотрит на всех оторопелым взглядом, потом хватается руками за голову и трясет ей так, словно пытается оторвать.

– Князь, что с вами? Что случилось?!

Взвыв, он валится на пол, яростно сжимая свои виски. Припадок? Только этого не хватало...

– Филимон, коньяку, живо! Бегом, твою мать!

Мы с Ренненкампфом больно стукаемся лбами, одновременно наклоняясь к Васильчикову. Да что же это?

– Государь! Вот коньяк! – Хабалов, отбросив к чертям и этикет, и секретность, протягивает мне бутылку, которую мгновенно раздобыл где-то Махаев.

– Зубы ему разожмите! Да не ножом, Николай Оттович, ложкой! Вот так... Голову приподнимите... – Коньяк янтарной струйкой течет в приоткрытый рот. – Сергей, вы меня слышите?.. Слышишь меня, Серега?!

По лицу Васильчикова разливается мертвенная бледность и тут же сменяется лихорадочным румянцем. Он изумленно смотрит на нас и тихо спрашивает:

– А где этот? Ну, который...

– Какой «который», Сергей? – Ренненкампфа просто-таки трясет от переживаний за друга-соперника. – Здесь никого не было.

– Никого, – нестройным хором подтверждают все остальные, включая меня.

Но Васильчиков уже нас не слышит. Он без сознания. Господи, воля Твоя, что это было?..

Интерлюдия

...Яркий, ослепительно яркий свет режет глаза. Так тихо, что, кажется, можно услышать, как бьются сердца собравшихся.

– ...Психоматрица ближайшего окружения ИД изменена настолько, что попытка доктора Берштейна внедриться в одного из потенциальных реципиентов едва не окончилась фатально. Из-за отсутствия резонанса колебаний биологических полей реципиент оказал столь мощное сопротивление, что психоматрица доктора Берштейна едва не была уничтожена. Проверка зондированием психоматриц остальных трех потенциальных

мастера. Руководил строительством фрегата «Генерал-адмирал» (1873), клиперов «Разбойник» (1878), «Вестник» (1880) и др. кораблей. С 1882 г. главный инженер франко-русского завода в Петербурге, где были построены крейсера «Витязь» (1884), «Рында» (1885), броненосцы «Император Николай I» (1889), «Наварин» (1891). Разработал ряд прогрессивных технологических процессов (обработка судостроительной стали, разметка и проковка отверстий в листах, клепка и др.), изобрел кессон для ремонта подводной части корпуса судна без ввода его в док. Под руководством А. Н. Крылова в конце жизни Титов освоил основы математики, сопротивления материалов и теории корабля; разработал проекты броненосных кораблей, получивших в 1892 г. на закрытом конкурсе Морского министерства 1-ю и 2-ю премии.

¹² Тонняга – задающий тон, законодатель мод и стиля поведения в своем кругу.

реципиентов показала значительные расхождения с имевшимися эталонными образцами. Отдел психосканирования сделал предположение, что внедрение в эти сознания невозможно, по причине невычислимого, спорадического и скачкообразного изменения картины биокослебаний под внешним воздействием цесаревича, узурпированного ИД.

– А что с Берштейном? – Солидный голос, привыкший задавать солидные вопросы.

– Доктор Берштейн в настоящий момент находится в нашей клинике, в блоке интенсивной терапии, – не менее солидный голос, привыкший давать солидные ответы. – В настоящий момент его состояние не внушает опасений, и шансы на то, что психонема восстановится в полном объеме, весьма велики...

...Тем же вечером мы с Васильчиковым сидим в моем кабинете. Он уже отошел от утреннего припадка и теперь пытается объяснить мне, что же, в конце концов, с ним произошло.

– ...И понимаете, государь, я почувствовал себя сразу двумя людьми. Одновременно! – Он понижает голос почти до шепота. – Ничего более странного я не испытывал. Один из этих двоих был я сам, а второй, второй... Понимаете, государь, я был каким-то ученым, что ли... вертятся в голове какие-то странные слова: «Психокарта, иновременной донор, экстремум развития»...

Он удрученно смотрит на меня, глазами больной собаки. Ничего, ничего, князь. Вы не понимаете, зато я все понял. Приходил взвод карателей. Только, похоже, не вышло. Крепость оказалась не по зубам...

Глава 8

Рассказывает Олег Таругин

Вот и Рождество подошло. Императорская фамилия готовится к встрече праздника, в связи с чем активно украшается дворец, с лихорадочной поспешностью шьются бальные платья, новые мундиры, на свет божий извлекаются драгоценности и развязываются мошны для покупки новых... Ну а у меня забот еще больше: ведь мне нужно подготовиться к приезду Вилли и Моретты. Надо подобрать подарки, разработать программу пребывания высоких гостей в России, нейтрализовать маменьку Дагмару, которая все-таки прознала о том, что в Берлине все было не совсем так, как ей было доложено. Мамап яростно взвилась на меня, грешного, и целый месяц рассказывала мне о зверствах прусской армии в Дании, о безобразных нравах берлинского двора, о своих святынях чувствах к этой «омерзительной нации», которые, по ее мнению, должен испытывать «каждый человек, которому она хоть немного дорога!» Честно говоря, мне до чертиков надоели эти разговоры, но не могу же я, по крайней мере сейчас, сказать ей в лицо, куда ей нужно отправляться со своей пруссофобией! А жаль! Вот бы взглянуть на ее физиономию после примерно такой вот отповеди: «Ваше Императорское Величество! Я сейчас пойду на х..., а вы соблаговолите последовать за мной, только никуда не сворачивайте!» Но мечты мечтами, а делать-то что-то надо. Поэтому я вот уже целый месяц рассказываю ей о своей «неземной любви», взываю к ее материнскому сердцу и привожу кучу идиотских примеров из мировой литературы. Господи Вседержитель, кого я только не призывал на помощь: и Шекспира, и Гомера, и Пушкина, и Шеридана, и Гёте, и даже Сервантеса. Хорошо все-таки, что память у меня неплохая! Постепенно венценосная особа начинает оттаивать, но до решительной победы еще очень и очень далеко. Впрочем, я особенно и не рассчитывал на взаимопонимание в самодержавном семействе: начитаны-с и в курсе об их самодурстве.

Но вот чего я почти совсем не переношу, так это когда маменька начинает привлекать себе в помощь всю камарилью великих князей, княжон и прочую погань. Если императрицу я не могу послать сексуально-пешеходным маршрутом, то с великими князьями у меня разговор короткий: мои адъютанты просто их не пропускают ко мне. А Сергею Михайловичу

гвардейские офицеры просто фыркают вслед, и над его визитом в стрелковый батальон императорской фамилии до сих пор хихикает весь Петербург. Сей славный муж приперся на строевые учения и начал рассказывать мне гадости о пруссаках, заодно пытаясь пополнить мои познания в военном деле. Причем свои советы по тактике и стратегии он подкреплял жутко перевернутыми цитатами из Клаузевица и Жомини. Моего терпения хватило минут на двадцать, по истечении которых я предложил «милому кузену» пойти и почитать вместо Клаузевица что-нибудь более доступное его пониманию. Азбуку, например, но только чтобы с большими картинками, а то может и не одолеть. Любо-дорого было посмотреть, как «кузен Сереженька» пошел красными пятнами и умчался с глаз долой, точно наскипидаренный. А вечером того же дня меня отчитывал на удивление трезвый венценосец. Он громыхал своим утробным басом, объясняя неразумному чаду о важности родственных связей, но в глазах у него скакали веселые чертики, и потому взыскания никакого я не получил. Даже жаль моего «папашу»: ведь когда трезвый – куда как разумен! Э-эх, водка, водка, сколько ж ты людей стоящих загубила...

Кстати сказать, сам Александр III ничего не имеет против моего брака с принцессой из дома Гогенцоллернов. Его принципиальное согласие я получил даже без помощи «заряженной» водки. Он вполне согласен с тем простым фактом, что союз с Германией имеет смысл всемерно укреплять и поддерживать. А уж если к этому приплелась еще и любовь – так и вовсе хорошо. Ведь самодержец действительно без ума от своей супруги и совершенно не может взять в толк: почему это его наследнику нельзя жениться по любви, если это не противоречит интересам государства? Вот только подкаблучник он абсолютный. И раз Марии Федоровне этот брак не по душе, то он будет ругать сына и уговаривать подчиниться матери...

Самое интересное то, что в последний момент выясняется: надвигающийся визит значительно серьезнее, чем предполагалось ранее. Это не просто приезд двух членов правящей фамилии. Куда там! Намечается официальный визит кайзера, канцлера, кронпринца, военного министра. Ну и в числе многочисленных сопровождающих – принц Вильгельм и принцесса Виктория. Так что предпраздничный Питер гудит как растревоженный улей...

Лично у меня не вызывает сомнений, что мудрый старый кайзер в компании со своим канцлером, оценив выгоды от намечающегося союза между принцессой из Гогенцоллернов и наследником российского престола, активно способствуют ему. И когда они выяснили, что у наследника возникли некоторые проблемы, то организовали прибытие на поле боя тяжелой артиллерии, пары танковых армий и тактического ядерного оружия. В своем лице. Но если судить по восторженной телеграмме Вильгельма-младшего, то все это организовал он, ценой беспримерного героизма и титанических усилий.

Я тихо улыбаюсь своим мыслям. Ах, этот прекрасный, наивный XIX век. В нем еще остались рыцари, верящие в прекрасные порывы души. И прекрасные души тоже сохранились...

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

Поезд мерно постукивал колесами, а ее сердце колотилось как сумасшедшее, с такой силой, что казалось, вот-вот вырвется из груди и помчится вперед, обгоняя локомотив. С самого утра она не находила себе места, пытаясь представить: какой она будет, эта долгожданная встреча?

Все те три месяца, которые прошли без Ники, она провела в непрерывных мучениях. Мать, а с ее подачи и отец пытались доказать ей, что любовь к «азиату» просто позорит принцессу Рейха. «В конце концов, если ты разлюбила порядочного и добродетельного Баттенберга, это еще не повод, чтобы связываться с этим «византийцем»! Неужели ты не видишь, что эти русские – просто варвары?! Ты слышала, что твой Ники натворил на одном из приемов?! Он назвал твою бабушку, великую королеву Викторию, старой шлюхой!» Боже

мой, мама, можно подумать, что ей есть дело до того, как он кого назвал?! Ее Ники может называть кого угодно и как угодно, но ее это не касается. На Рождество он прислал ей чудный подарок – русский костюм с настоящими *der Kokoschnik* и *der Sarafan*, премило украшенными жемчугом, соболями и золотым шитьем. Когда она появилась в них на маскараде – впечатление было неизгладимое! Дедушка был восхищен, и бабушка тоже. А братец Вилли сказал, что этот костюм – истинное произведение искусства и красота всегда тянется к красоте.

Вот скоро уже замелькают в окне вагона домики петербургского предместья. Вот-вот будет вокзал. Он ждет ее на перроне? Там, конечно, будет официальная встреча, но он – он придет встречать ее?

Нервной походкой она промчалась в салон, откинула крышку рояля и заиграла ту самую песню, что слышала в их первый вечер.

– Что, сестренка, не спокойна? – Вильгельм вошел, грохоча сапогами. – А что мне будет, если я дам тебе что-то очень важное, что должно тебя успокоить?

– Говори, говори! – кинулась она к брату.

Тот засмеялся, обхватил ее своей здоровой рукой, закружил по салону. Она замолотила его в грудь кулачками:

– Говори, говори скорее! Ну что же ты молчишь? Злой!

Вильгельм, хохоча, оторвал ее от себя и вытащил из-за отворота мундира небольшой бумажный конвертик. Она потянулась к нему, но брат ловко убрал руку, словно играя с котенком. Она попыталась схватить, но он снова и снова убирал от нее возжеланный конверт. Наконец, когда она готова была уже разрыдаться, Вилли широким жестом протянул ей конверт:

– Вот, возьми, сестричка, только не надо плакать.

Она лихорадочно пробежала две строки из Гейне:

Сохнут жаркие уста,
В одиночестве тоскуя.

А ниже – приписка: «Я постарел на сто лет, ибо каждый день в разлуке был для меня годом». От записки тонко пахло сиренью. Она прижала письмо к губам, и ей показалось, что бумага еще хранит тепло его рук...

Потом был вокзал в Петербурге, и оркестр, гремевший медью гимны двух держав, и выстроенные шпалерами русские гвардейцы. Дедушка медленно шел вдоль строя, а рядом с ним шагал громадный человек – русский император. За ними тяжело шел отец. В последнее время кронпринц чувствовал себя неважно и постоянно был раздражительным и грубоватым. Но русского наследника рядом с ними не было. Она не поверила своим глазам: неужели он не приехал? Слезы навернулись на глаза против ее воли, но тут же исчезли – к ней торопливо, наплевав на придворный этикет, шел, нет – бежал Ники. Несмотря на холод, он был в одном мундире, и в руках – огромный букет ее любимых чайных роз.

Спешившие позади него адъютанты загородили их от всех, и он просто обнял и даже чуть приподнял ее над землей. В этот момент она поняла, что счастливее ее на земле человека нет...

Рассказывает Олег Таругин

...Я поставил задохнувшуюся от счастья Викторию-Моретту на землю и протянул ей розы. Да уж, похоже, что Вильгельм был прав, когда в 1887-м сказал (вернее, должен был бы сказать, но теперь не скажет никогда), что она просто очень хочет замуж, и все равно за кого, лишь бы подходящего пола. Странно, неужели эта воспитанная немочка действительно так рвалась в брачные узы?

– Ты скучал без меня? – Самый разумный вопрос, который может задать девушка.

– Я не скучал. – Ее лицо вытягивается, глаза широко открываются. – Я просто без тебя был мертвым.

Она расцветает и, видимо тоже забыв обо всех правилах этикета, обнимает меня. Из-за спины слышен страшный шепот Ренненкампа:

– Ваше Высочество! Идите к Их Величеству! Они уже сердятся...

Ага. Венценосец действительно крутит головой, грозно сверкая глазами. Рядом, словно из-под земли, вырастает Победоносцев:

– Ваше Высочество! Я понимаю ваши чувства, но...

Да ладно, ладно, уже иду. Ну вот он я, наследник престола российского, собственной персоной. Я подхожу к кронпринцу.

– Ваше Высочество... – Отдаю ему честь.

Он поворачивается ко мне и чуть наклоняет голову. От этого он становится похожим на больную, нахохленную ворону, которую по какому-то капризу обрядили в синий мундир. Очень светлые, почти бесцветные глаза уставились на меня безо всякого выражения. Хотя нет, выражение есть. Нехорошее такое выражение... Вот ведь зараза! Не можешь никак простить мне доченьку, англофил гребаный? М-да, стоящий был бы кайзер, особенно для меня. Хорошо, что я знаю... Ну что ты уставился на меня, метастаза ходячая? Я единственный здесь, кто знает: кайзером тебе быть чуть более трех месяцев. У тебя уже неоперабельный рак горла, понял ты, колбаса немецкая?

А, вот и мой «сердечный друг», «кузен» Вилли. Стоит чуть поодаль, пытается сделать вид, что ему совершенно неинтересно. А завидует ведь принц Гогенцоллерн. Что делать, друг мой, что делать... Кронпринцем тебе практически не быть. Это я тебе мог бы сказать. Только не скажу. А вот прием на фиг испорчу. Прямо сейчас.

Я подхожу к Вильгельму и протягиваю ему руку. Он стискивает ее в железном рукопожатии.левой рукой я приобнимаю его за плечо:

– Я чертовски рад, кузен, принимать тебя. Думаю, ты оценишь, насколько русские могут быть благодарны и как умеют принимать своих друзей.

– Здравствуй, кузен! – Его голос дрожит от волнения. Еще бы, чтобы так нарушать все традиции ради него! – Я очень... я тоже чертовски рад тебя видеть!

Краем глаза я вижу, как улыбается старый кайзер. Старикан не слишком любит своего сына, зато души не чаёт во внуке. Отто фон Бисмарк тоже чуть усмехается в знаменитые усы. А вот батюшка, кажется, недоволен. Правда, по физиономии Александра III почти невозможно судить о его настроении, но все-таки мне сердце вещует – недоволен самодержец, недоволен...

...Вот наконец и закончился встречный парад. Прошли церемониальным маршем преображенцы, проскакали кавалергарды и лейб-улань, и теперь все вместе рассаживаются по саням. В первых, разумеется, оба императора. Во вторых – наследники. Должны были быть. Вот только я внес кое-какие коррективы в этот план.

Кронпринц Фридрих подошел к саням и уже оперся на руку Васильчикова, чтобы усесться назад, рядом со мной. А вот те шиш! Васильчиков бестрепетной рукой направляет его на переднее сиденье.

– Вашему Высочеству будет удобнее сидеть напротив Его Высочества и видеть его глаза, – поясняет Ренненкампа на своем безупречном немецком.

Вот только Павел Карлович забыл пояснить, что я собираюсь сесть не совсем напротив кронпринца. Поэтому стоит посмотреть на эту ошалелую физиономию, когда напротив него оказывается Моретта. А рядом с ним – «братец Вилли». Фридрих делает попытку вылезти из саней, но не тут-то было! Васильчиков, Хабалов, Шелихов и Махаев уже стоят на полозьях, Ренненкампа и Эссен заняли свои места по бокам от кучера, и я от всей души рываю: «Пошел!» Сани идут быстро и легко, и вот мы уже на заполненных народом улицах.

Я встаю и приветственно машу рукой. Фридрих пытается повторить мой подвиг, но Хабалов, повинувшись условному знаку, толкает кучера в спину. Тот дергает поводья, и Фридрих тяжело рушится обратно на прикрытое медвежьей шкурой сиденье. Вот так,

Ваше Высочество, у нас все делается только с моего разрешения.

Улыбнувшись, я предлагаю «братцу Вили» поприветствовать петербуржцев. И вот мы уже стоим, поддерживая друг друга. Так, а сейчас – первый номер нашей программы...

К нашим саням бросается несколько человек. Это студенты, курсистки, рабочие и работницы. И все тянут руки к Вильгельму. У мужчин в руках цветы, а девушки стараются поцеловать принца куда-то под его нафабранные усы. И все дружно выкрикивают здравицы на немецком языке. Разумеется, в его честь. Ого! А глаза-то у него на мокром месте. Он протягивает руки к приветствующим, что-то неразборчиво кричит им в ответ...

– Поразительно, – скрипит Фридрих. – Я никогда бы не подумал, что в вашей стране, Ваше Высочество, так обожают моего сына.

Ну, насчет «обожают» не уверен, но Васильчиков получил задание и с честью его выполнил.

– Ваше Высочество, – мой голос сух, как песок в Сахаре, – мой народ любит меня и готов полюбить моих друзей.

Бац! Вторая оплеуха кронпринцу. Нужно быть крошечным идиотом, чтобы не понять: раз тебя так не приветствуют – ты неходишь в число моих друзей. Но что-то я отвлекся, а ведь сейчас будет второй номер нашей программы...

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

Она сидела в санях, румяная от мороза, и прижималась к плечу Ники. Он нежно придерживал ее за руку, чуть поглаживая, незаметно для остальных. Ей все нравилось: и город, шумящий приветствиями, и быстрый лет саней по заснеженным улицам, и...

Внезапно она увидела, как к ней из толпы бросилась девушка в белой фате поверх легкой шубки. За ней торопился молодой офицер, бежали еще какие-то люди, но она видела только девушку. Та подбежала и протянула ей букетик из белых орхидей.

– Возьмите, Ваше Высочество. Пусть мой свадебный букет сделает вас такой же счастливой, как сделал меня.

Немецкий был плох, но понятен.словно в забытьи она протянула руку, взяла букет.

– Будьте счастливы на русской земле! – крикнула девушка ей вслед.

Она все еще разглядывала букет, когда Вилли откашлялся и произнес:

– Разве это не символично?

Интерлюдия

Ослепительный свет заставлял слезиться глаза, а голоса звучали, точно далекие сирены тревоги.

– Таким образом, проверка комиссии ООН показала, что хотя действия доктора Фалина и магистра Крупиной носили характер преступной халатности, но промежуточный хроноконттакт не являлся заранее запланированным. Хотя, разумеется, наши коллеги должны были насторожиться, встретив аборигена, в одиночку напавшего на шестерых вооруженных противников ради спасения совершенно незнакомых лиц. Наши коллеги, между прочим дипломированные психотерапевты, не приняли во внимание наличие у данного аборигена боевого и руководящего опыта. Их не насторожил тот факт, что абориген самостоятельно пришел к выводу об их иновременном происхождении, совершенно спокойно воспринял их сообщение о хроноконттактах...

– Может быть, хватит лирики? – Низкий глухой голос прервал нервную речь говорящего. – Переходите сразу к существу вопроса, коллега.

– Да-да... Так вот, эксперты из комиссии ЮНЕСКО пришли к выводу, что матрикант проводит целенаправленные планомерные действия по изменению хронокластера реципиента. Судя по отрывочным данным наблюдений...

– Почему «по отрывочным»? – встрял заинтересованный фальцет.

– В связи с утратой группой Фалина мнемотранслятора постоянное наблюдение за действиями матриканта невозможно. А по отрывочным данным можно сделать следующие выводы: матрикант подбирает и подготавливает себе людей, способных в дальнейшем занять ключевые посты в государстве. Подготовка кандидатов ведется с упором на силовые методы решения возникающих задач. ИД также ведет активную подготовку к реформированию вооруженных сил, основываясь на опыте позднейших военных конфликтов и собственном боевом опыте. Вероятно, он также попытается осуществить научную и техническую революции в России.

– Ну, так уж и революцию. Он что – гений?

– Нет. Но по оценке Фалина и Крупиной, матрикант обладает достаточным запасом знаний для определения круга первоочередных задач и отыскания людей, способных их решить. Уже отмечены его контакты с Менделеевым, Славяновым, Величко и другими ведущими деятелями науки и техники того времени. Особо отмечается опасность того, что матрикант, по-видимому, обладает значительным запасом сведений по истории развития науки и техники в период конца XIX – начала XX века. И как отмечают эксперты ООН, уже начали проявляться первые последствия его вмешательства.

– А именно? – Низкий голос заметно взволновался. – Что имеется в виду?

– Коллеги, прошу вас учесть, что информация совершенно секретна. Прошу всех выключить диктофоны и лингверы. На сегодняшний день уже отмечено 32 случая хроноамнезии.

Теперь гул голосов напоминал рев урагана, мчащегося на свое черное дело.

– После неудачной попытки захвата одного из лиц, близких к матриканту, последний провел, хотя и на примитивном, доступном ему уровне, тщательное расследование происшедшего. И что особенно настораживает: матрикант не только сделал верные выводы, но и обучил близких к нему лиц простейшей, но весьма эффективной форме защиты от внедрения психоматрицы...

– И что же нам теперь делать? – выкрикнул кто-то близким к панике голосом.

– Спокойно, коллеги, спокойно! – Председатель собрания дождался, когда в зале наступила настороженная тишина. – Мы, безусловно, продолжим попытки добраться до источника наших бед через реципиентов. Есть одна интересная задумка... Но основной упор будет сделан на другое. Поскольку мы затрудняемся остановить своими методами это безумие, Исполнительный комитет ООН настоятельно, я подчеркиваю, настоятельно рекомендовал нам привлечь к операции специалистов... э-э-э... другого профиля!

– Они нам что, десант там предлагают высадить? – снова встрял недовольный бас.

– Возможно, дойдет и до этого! – отрезал председатель, ответом ему был новый взрыв возмущения. Переждав его, председатель продолжил: – С настоящего момента все это дело берет под свой контроль спецпредставитель Генерального секретаря ООН – мистер Роджер Валлентайн. Прошу любить и жаловать!

– С вашего позволения – лорд Валлентайн! – Холодный голос пронесся по залу, словно снежный заряд.

В заднем ряду поднялся высокий плотный мужчина. Неспешно пройдя по проходу к подиуму, он встал рядом с председателем и оглядел примолкшее собрание из-под нахмуренных бровей.

– В связи с критической ситуацией, возникшей по вине вашего института, мне даны полномочия на проведение любых мероприятий, могущих остановить катастрофу, – веско обронил лорд Валлентайн. Зал в третий раз взорвался гулом возмущенных голосов. Невиданное дело – их, ученых, отдают на растерзание какому-то чиновнику, пусть и высокого ранга! Валлентайн мрачно усмехнулся и продолжил, не дожидаясь тишины: – Не беспокойтесь, до допросов третьей степени не дойдет!

После этой шутки (шутки ли?) в зале наступило относительное спокойствие.

– С чего планируете начать, коллега? – вложив максимум сарказма в последнее слово, задал вопрос фальцет.

– С таинственно и бесследно пропавшего мнемотранслятора, – ответил спецпредставитель. – После окончания собрания убедительная просьба подойти ко мне всем членам группы доктора Фалина.

Рассказывает Олег Таругин

Рождественский Санкт-Петербург – это... это... Ну не Куприн я, не Гаршин, не Станюкович и даже не Боборыкин. Потому и описать просто невозможно. Нет слов, чтобы передать эти балы, елки, фейерверки, катание на коньках и тройках. Вся рождественская неделя прокатывается передо мной, как одна большая цветная волна, оглушающая грохотом салютов и оркестров, ослепляющая пестрыми красками балов и маскарадов, вкусно благоухающая пряниками, ананасами и морозцем. И, разумеется, главную роль в этой волне сыграла Моретта. Целых семь дней мы вновь были неразлучны. И да простят меня моралисты запрошлого века, уже на третий день она была готова начать со мной жизнь во грехе. Не размениваясь на всякие мелочи типа помолвки и свадьбы.

Откровенно говоря, ее страсть начинает меня несколько настораживать. Эдак ведь после свадьбы она попробует пришить меня к своей юбке, а вот это уж никак не входит в мои планы. Хотя девица и мила и я вовсе не чужд плотских радостей (особенно в новом, молодом теле!), но я ведь здесь не на секс-каникулы остался... Ладно, поживем – увидим.

После попытки «хронокарателей» захватить Васильчикова я предпринял кое-какие меры предосторожности на будущее. Во-первых, Васильчиков тщательнейшим образом описал все симптомы ментального захвата, и каждый из моих близких вызубрил их как Отче наш.

Во-вторых, где-то я читал, что самый простой способ избежать ментального вторжения – занять мозг рутинной, монотонной работой. Я не знаю, можно ли попробовать «оседлать» меня самого – черт их, потомков, знает, а ну как можно вторгнуться и в уже захваченный мозг, но на всякий случай освежил в памяти таблицы Брадиса. А все мои адъютанты и ординарцы в любой момент готовы начать вспоминать все молитвы и строевые песни, какие только знают. Авось поможет.

Кстати сказать, я дал самое простое объяснение происшедшему. Все просто, господа, – это болезнь такая. Ну, что-то вроде лунатизма или помешательства. Мол, болячка эта редкая, но иногда случающаяся чуть ли не эпидемиями. Бойцы проглотили легенду, не задумываясь, и теперь готовы встретить «болезнь» во всеоружии.

Новый год прошел, и царская семья вместе с высокими гостями перебралась из Питера в любимую Александром Гатчину. Я могу только приветствовать этот переезд: в парке много укромных местечек, весьма подходящих как для поцелуев с Мореттой, так и для занятий рукопашным боем.

Как-то раз на наши молодецкие забавы поглядел «кузен Вилли» и тут же загорелся попробовать. И попробовал. Чтобы уравнять шансы (ха-ха!), я засунул левую руку за ремень, хотя благородный Вильгельм и считал, что это лишнее: ведь он на целых семь лет меня старше, а значит – сильнее. Это пагубное заблуждение покинуло его секунд через восемь, когда его, болезного, вытягивали из сугроба. Эх, собирался же ведь поддаться, да уж больно хорошо он стоял. Рука и ноги сами все сделали, не дожидаясь команд от головы...

К чести Вильгельма, он совершенно не обиделся. Только когда очухался – стал выпрашивать у меня Васильчикова. Или Ренненкампа. Или далее списку. Хоть одного. Чтобы научил. Ну своих, кузен, я тебе, ясен перец, не отдам, но насчет кого-нибудь из казачков – подумаем...

Во время одной из прогулок с Мореттой мы, «совершенно случайно», попались на глаза моей августейшей матушке. Хабалов и Васильчиков наладили контакты с ее фрейлинами и, действуя через них, сумели направить прогуливающуюся императрицу в нужное место.

Мамап застала нас в момент жаркого объяснения в обоюдных чувствах. Моретта так

очаровательно смутилась, а потом мы оба так слезно умоляли Дагмару о благословении, что она не выдержала. Растаяв окончательно, Мария Федоровна поименовала Моретту дочерью, поцеловала ее и дала согласие на помолвку. Есть! Победа! На радостях я чуть сильнее обычного приложился вечерком к плодам французской провинции Шампань и встал поутру с больной головой. Но с радостным сердцем...

– ...Ваше Высочество! Пожалуйте к Их Величеству!

Интересно знать: что это моему «папашке» понадобилось от меня в такую рань? Ведь еще и одиннадцати нет. Не терпится поговорить со мной о помолвке? Дату обсудить? Наверное: о чем мне еще с ним разговаривать?

Оставив свою «свиту» за дверями, я прохожу мимо караула дворцовых гренадер в кабинет к царю. Так, похоже, топ рара успел «заправиться» с самого утра. Черняев так и вообще на сомнамбулу похож. Еще бы: телосложением-то он помельче будет, а пить приходится наравне.

Его Величество манит меня к столу.

– Вот что, наследник. Решили мы тебе разрешить с этой немкой обручиться.

Спасибо на добром слове. Знаю я, кто «решил разрешить».

– Благодарю вас, Государь, – я стараюсь выразить максимум радости в голосе. – Вы сделали меня счастливейшим человеком на свете.

– Теперь так, – басит Александр. – Вот, подойди-ка, посмотри, как мы это решили организовать...

Он встает из-за стола, обходит его, показывает на разложенные на нем бумаги. Интересно, интересно: чего это они с пьяных глаз напридумывали?

Я склоняюсь над столом. И в тот же момент оказываюсь словно зажатый в стальные тиски. Одной рукой Александр резко прижимает меня к себе, а другой закрывает рот, не давая издать ни звука. Я делаю попытку вырваться, цепляю его ногой за лодыжку... Тщетно! С тем же успехом я мог бы попробовать выдернуть фонарный столб.

– Скорее! – рычит Александр.

Черняев вытаскивает что-то из стола и идет ко мне. В руках у него... Шприц! Мать вашу! Надо же было так бездарно попасться!

Я изо всех сил начинаю вырываться. Кажется, хватка ослабевает. Ну, ну еще чуть-чуть...

Рука, закрывавшая мне рот, внезапно исчезает, а через миг мне перелетает пудовым кулачищем в бок. Ох ты! Меня никогда не били копром для забивания свай, и я не испытываю ни малейшего желания это испытать, но теперь я, кажется, знаю, на что это похоже.

Из меня выбит воздух, я судорожно силюсь вдохнуть, но рука уже снова закрыла мне рот. Черняев совсем рядом... Не-е-ет!

В отчаянии я повисаю в руках «императора» и со всей дури бью «Черняева» обеими ногами в грудь. Того подбрасывает в воздух, и он тяжело рушится на пол, попутно приложившись головой к столу.

От инерции удара качнуло и «Александра». Мне удается извернуться, и я наношу хлесткий удар расслабленной кистью куда-то назад, мечтая попасть в пах. Если судить по тому, как дернулся нападающий, я попал. А ну-ка еще...

После четвертой попытки рука, зажимающая мне рот, слабеет. Я резко дергаю головой. Ура! Рот свободен!

– Ко мне! Помо... – Конец фразы комкается вторым ударом «копра».

«Черняев», должно быть, получил преизрядно, потому что лежит совершенно неподвижно. Шприц выпал из его руки и теперь валяется возле стола. Туда-то и волочит меня «Александр», пытаюсь, видимо, закончить все в одиночку...

За дверью грохает выстрел, затем дверь с треском распаивается, и в нее влетает медвежья шапка дворцового гвардейца. Через мгновение за ней следует ее обладатель, с выпученными глазами на окровавленном лице. Он мешком налетает на «императора», чуть

не сбивая нас обоих с ног. А следом в кабинет врывается моя банда.

– Назад! – рявкает «Александр» грозно. – Прочь!

С полгода тому назад это, может быть, и сработало бы, но с тех пор многое изменилось. Ренненкампф, не говоря худого слова, нацеливает «смит и вессон» прямо в лоб «самодержца».

– Руки вверх! Буду стрелять! – сообщает он таким голосом, что совершенно очевидно: это не шутка.

А вот интересно: если «Александр» сейчас свернет мне шею, а мои орлы его за это пристрелят – во что все это выльется, с исторической точки зрения?

Хронокаратель не собирается меня отпускать, но, видимо, если его здесь убьют, то в будущем у него тоже возникнут некоторые неприятности. Пат.

Да нет, не пат. Краем глаза я вижу, как Шелихов осторожненько смещается в сторону. Давай, милый, давай, родной...

Они кидаются вперед все вдруг. Эссен взмахивает кортиком, и я чувствую, что руки, сжимавшие меня, слабеют. Звучит несколько глухих ударов. Свобода!

Я моментально откатываюсь в сторону, вскакиваю на ноги. Ого! Досталось императору по самое не могу. Голова в крови (рукоять револьвера Ренненкампа подозрительно сверкает красным лаком), рука пропорота (кортик Эссена тоже в крови), мундир разорван (в руках у Егора и Филимона куски сукна). Но это еще не конец. Ну ладно Шелихов с Махаевым, но адъютанты-то, адъютанты! Цвет русского дворянства яростно месит ногами упавшего царя. Э-э! Вы что творите? Он же сейчас от «геморроидальных коликов»¹³ скончается!

– Отставить! Прекратить!

Они поворачиваются на мой голос «все вдруг». Затем кидаются ко мне:

– Государь! Вы живы!

– Государь, вы не пострадали?

– Батюшка, твое величество, цел ты?

Я кое-как успокаиваю своих спасителей. А в коридоре уже слышен топот ног, крики, команды.

Мои парни мгновенно смыкаются вокруг меня. Картина маслом: на полу лежит окровавленный всероссийский самодержец, возле стола – его адъютант с пробитой башкой, в центре кабинета стоит расхристанный цесаревич, вокруг которого ошетинились револьверами Ренненкампф, Васильчиков и Хабалов, и выставили вперед кортик, шашку и бебут¹⁴ Эссен, Шелихов и Махаев соответственно.

Я лихорадочно соображаю. Если сейчас сюда ворвутся люди – быть беде. Быть большой беде! Эта шестерка рассуждать не станет. Если уж они на царя руку подняли, то остальных... Да они их в мелкую сечку покрошат!

– Быстро! Дверь закрыть! Тела из коридора убрать! Хабалов, Махаев: делайте что хотите, но чтобы четверть часа сюда никто не входил! Хоть дворец поджигайте!

Я подхожу и нагибаюсь к Александру. Ну, жить, похоже, будет, вот только интересно бы знать: кем? Это вообще Александр или внедренец? Вот сейчас как очухается да как обвинит меня с моими ребятами в попытке переворота. Вот будет номер! Может, его и в самом деле... того?

– Государь, – негромко произносит Васильчиков, – позвольте нам закончить. Пожалуйста...

– Все равно не будет проку от сумасшедшего на троне, – добавляет Ренненкампф. – Государь, вы молоды, вы умны, при вас Россия расцветет...

¹³ От этой «болезни» скончался, по официальной версии, Петр III.

¹⁴ Кривой кинжал. С 1907 года состоял на вооружении русской армии под наименованием «кинжал кривой солдатский обр. 1907 года».

– Царь-батюшка... – Господи, и Шелихов туда же! – Дозволь. Я его легонько, он и не почувет даже.

Эссен молчит, но по его лицу видно, что с предыдущими ораторами он согласен на все сто. Э, э, э!

– Николай Оттович, не надо отдавать Егору кортик. Ради бога, подождите. Видите, он приходит в себя...

Александр медленно поднимает голову.

– Это что было? – интересуется он своим утробным басом.

Ну, судя по его реакции, он – это он.

– А это вы, батюшка, меня убить решили, – холодно роняю я. – Черняева вон, убили, за то что за меня заступился, гренадера своего – тоже. Спасибо моим ребятам, что отбили...

Он тупо смотрит вокруг. Вид разгромленного кабинета приводит его в состояние ступора. За дверью шумят голоса, Хабалов рывкает что-то грозное, и голоса стихают. Я не расслышал точно, что он сказал собравшимся за дверями, но готов присягнуть, что в его короткой, но содержательной речи присутствовало слово «стрелять».

Император медленно встает на ноги. Его пошатывает (еще бы: рукоятью револьвера – по башке!). Он тяжело поворачивается ко мне. Мои парни теснее смыкаются вокруг меня. Ну, что скажете, Ваше Величество?

– Колька, – голос срывается и дрожит. Мамочка, да у него слезы! – Колька. Ты прости меня, дурака пьяного. Господом Богом клянусь: ничего не помню. Как отрезало...

У него трясутся губы. Он нерешительно протягивает ко мне руки, и мне вдруг становится нестерпимо жалко этого огромного, нескладного человека. Он совершенно не похож на моего покойного отца, но все отцы все равно чем-то похожи...

Я раздвигаю своих защитников и подхожу к нему. Прижимаюсь к его груди, обнимаю. Как своего отца...

– Батюшка. Простите и вы меня...

Он неуклюже гладит меня по голове, сильно прижимает к себе. Но теперь это совсем другая сила.

– Отрекусь, – шепчет он мне на ухо. – Вот женим тебя – и отрекусь. Только смотри, Колька, водки не пей. Вон она что делает... Черняева...

Внезапно он всхлипывает и начинает заваливаться на бок. Мы подхватываем его и кое-как доводим до кресла. Александр тяжело рушится в него и тихо, беззвучно рыдает. Видно только, как вздрагивают могучие плечи.

Пора уходить отсюда. К императору нужно прислать супругу и врачей. А мне... Мне просто тяжело здесь оставаться.

На пороге кабинета я оглядываюсь. Человек-гора съезжился в кресле и чуть заметно покачивается. Острая жалость снова полосует сердце. Теперь он остался совсем один. Надо к нему поласковее, жалко его. Царь-то он был не из последних...

Из сожженного письма ЕИВ Александра III ЕИВ Марии Федоровне

Моя милая душка Минни, собственная моя маленькая жена!

Прошу у тебя прощения за то, что был невежлив по отношению к тебе, когда вы были рядом со мной после произошедшего ужасного случая. Я вообще не люблю, да и не умею передавать свои душевные мысли и думы, но, помня советы Перовского¹⁵, решил изложить на бумаге то, что вырывается само из души.

Тогда мне было необходимо побыть одному, обдумать со мной произошедшее, решить для себя, как быть дальше. Вы суетились рядом со мной, задавали вопросы. Ты отирала

¹⁵ Перовский Борис Алексеевич (1815–1881) – граф, генерал-адъютант, начальник Корпуса путей сообщения (1858–1860), наставник старших сыновей Александра II, в том числе Александра III.

кровь с моей головы. Милейший наш доктор измерял температуру и ставил примочки. А я молчал или отговаривался, что совершенно ничего не могу вспомнить. Когда ушел доктор, а ты осталась рядом со мной, желая провести ночь вместе, я просил тебя уйти, невзирая на твою обиду, которую я прочитал в твоих глазах. Мне больно смотреть, как ты, расстроенная, поджав рот, отправилась в свои покои. В голове все шло кругом, разобраться нельзя было в этом омуте, и друг друга нам было не понять!

...Я помнил все произошедшее в кабинете до мельчайшей подробности, но ни с кем не собирался делиться этим знанием.

Позавтракав с Черняевым, я собирался заняться бумагами, вдруг в голове словно помутилось, как бывает от близкого разрыва гранаты. Тело больше не подчинялось мне, боком соскользнув со стула, я упал на пол, почувствовав сотрясение, но ни малейшей боли. В следующее мгновение я обнаружил себя встающим на ноги. Ощущение тела не возвращалось, я видел смещающуюся из стороны в сторону обстановку кабинета, но не мог направить взгляд хоть на что-то по своему желанию.

Неясные мне мысли, быстрые и холодные, угрями скользили у меня в голове.

The fixation of psychomatrix in the recipient's consciousness ¹⁶.

Я не успевал понимать, что происходит со мной. Перед глазами возникла моя собственная ладонь и сжалась в кулак до хруста в костяшках. Затем я увидел, что зачем-то приподнял стол и поставил его на место.

Yes, he is a bear! ¹⁷

Чужая мысль прошелестела в голове.

«Пс-с-с-ст!» Я услышал звук и понял, что издал его сам, помимо воли.

– Doc! Call your bloody defector! Quick! ¹⁸ – снова услышал я из своих уст. Передо мной, растерянно оглаживая ладонями свое платье, стоял Черняев. И обращался я именно к нему. – We've got no time! ¹⁹

Don't twitch, big guy. I've got you already, and will get your damn sonny as easily! ²⁰ – очередная чужая мысль резанула мозг.

Яростной гневной вспышкой я на секунду смог поднять руку к лицу. И подумал душевной молитвой отогнать беса, вселившегося в меня, но, начав молиться, вместо просветления, я ощутил темноту, накатывающую на меня со всех сторон.

Pray. Drink your vodka from the saucer, Russian bear, and get into your den. Your lot should know your place! ²¹ – голос в голове явно издевался надо мной.

Из всех сил я воззвал к Господу!

He's had it. This damn son of a bitch won't help you beat the rap. I'll wring from him the bastard that decided to change everything! ²²

¹⁶ Фиксация психоматрицы в сознании реципиента (англ.).

¹⁷ Да, действительно медведь (англ.).

¹⁸ Доктор, быстро зовите вашего чертова невозвращенца (англ.).

¹⁹ У нас мало времени! (англ.).

²⁰ Не дергайся, большой парень. Я уже скрутил тебя, а позже, так же легко, скручу твоего чертова сыночка (англ.).

²¹ Молись. Пей свою водку из блюдца, русский медведь, и полезай к себе в берлогу. Вы все должны знать свое место (англ.).

²² Ну, вот и спекся. Чертов сукин сын не вытащит вас за уши из вашего болота. Я сам вышибу из него ублюдка, решившего все изменить (англ.).

Багровый мрак скрыл от меня свет...

...Ты знаешь мое отношение к тем смутным временам, начавшимся после смерти горячо любимой Мама²³. Вся грязь, все дрянное вылезло тогда наружу и поглотило все светлое, все святое! Ангел-хранитель улетел, и все пошло кругом, чем дальше, тем хуже, и наконец увенчалось этим страшным, кошмарным и непостижимым.

Если есть что доброе, хорошее и честное во мне, то этим я обязан единственно нашей дорогой милой Мама. Она постоянно нами занималась, своим примером и глубоко христианской верою приучила нас любить и понимать христианскую веру, как она сама понимала. Благодаря Мама мы, все братья и Мари, сделались истинными христианами и полюбили и веру и церковь. Сто раз прав митрополит Платон, говоря, раз есть Бог, значит, есть и Дьявол. Даже тогда, находясь в этой багровой и ватной темноте, лишенный контроля за своим телом, я ни на секунду не усомнился в истинном свете слова Господня. Искренне молясь и не впадая в отчаяние, я старался отогнать демона, захватившего меня. Демона, думавшего по-английски, на языке врагов давних и подлых. Теперь мне был понятен успех, сопутствовавший им во многих делах, не имеющий объяснения с точки зрения рациональной. Ясно, что они, боясь потерять жизнь, что ждет их души кроме адовой серы, страшатся воевать против нас напрямую, выставляя перед собой союзников или другие страны. У России союзников в этой войне просто нет. Как поздно мне явилось понимание многих обманов, произошедших с нами! Подействовала ли моя горячая молитва, явилось чудо Господне, или по другой причине, но наваждение отступило. Первым пришло ощущение боли, и я был рад ему, как солнечному лучу. В ушах били колокола, приподняв голову, я неожиданно увидел перед собой взъерошенного Ники, вглядывающегося мне в лицо, и офицеров его «малого двора»...

...После твоего ухода я долго сидел на кровати, потом просил подать закусить и пил чай, больше я даже думать не хочу о водке или вине. Именно через водку и вино, я думаю, бесы нашли ключик ко мне. Ужасно было тяжело и грустно. Спать я не мог совершенно, чувствовал себя совершенно разбитым морально.

Мне совершенно не с кем было посоветоваться или даже поговорить о произошедшем. Только с Мама и Никсой я мог быть так откровенным. Сколько бывало разговоров самых разнообразных, душевных; всегда Мама выслушивала спокойно, давала время все высказать и всегда находила что ответить, успокоить, побороть или одобрить. Папа²⁴ я очень любил и уважал, но он по роду своих занятий и заваленный работой не мог столько со мной заниматься, как милая, дорогая Мама. Всем, всем я обязан Мама – и моим характером, и тем, что есть! Кроме Мама, только один человек имел влияние на мою жизнь и характер – это дорогой брат и друг Никса, все остальные только мелькали перед моими глазами и умом, и ничего меня не останавливало обратить на них внимание. Но увы, сейчас их нет, этих единственно дорогих мне людей: Мама и Никсы.

Милая душка Минни, как мало я сам уделяю внимания нашим детям, уже выросшим и встающим на взрослый путь, и как боюсь я их потерять. Бесы целили в Ники, посчитав его опасным для себя, они ведь чуть не убили мальчика моими собственными руками!

Надо что-то решать с этими несносными британцами, ведь они уже окружили нас своими «интересами» со всех сторон, действительно как медведя в берлоге. Ничтожная нация, обманом правящая миллионами людей разных народов на всех континентах. Может быть, не все они в союзе с Врагом, должны остаться чистые души среди них, не поддавшиеся искушению, но об уступках и отсрочках в борьбе с ними мы должны забыть. Всякий человек

²³ Мама – мать Александра III, императрица Мария Александровна (1824–1880) – урожденная Максимилиана-Вильгельмина-Августа-Мария, принцесса Гессен-Дармштадтская, дочь Людвига II, Великого Герцога Гессенского, при крещении в православие получила имя Мария Александровна.

²⁴ Папа – император Александр II.

с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому Богом вверен народ, должен принимать все меры, для того чтобы избегать ужасов войны. Сейчас выбора нет, мы срочно должны готовить все силы, с одной только определенной целью, иначе о нас не останется воспоминания.

Вечером подходил начальник дворцовой охраны, докладывал, что во флигеле собрались лейб-гвардейские офицеры разных полков, и о том, что к ним вышел Ники. Начальник охраны просил разрешения задержать всех собравшихся сию минуту. Получив мой отказ и не понимая мою апатию, он был крайне огорчен, сказав, что я собираюсь повторить печальную судьбу несчастного Павла Петровича. Мне пришлось настоять на своем и категорически запретить предпринимать какие-либо действия. Отнюдь не фатализм двигал мною. Я подумал, что государь, подверженный влиянию бесов, не имеет права оставаться на троне, и Царь Небесный должен рассудить его, ибо все только в его руках.

Эти мысли успокоили меня, утром будет виднее, все встанет на свои места, сейчас мой горячо любимый сын и наследник *проходит* самое большое испытание в своей жизни. Его выбор многое определит, жаль, что возмужание приходит к нему так рано.

Я помолился, попросив Бога помочь Ники.

Потом, поев простокваши, лег спать, так же хорошо и мирно я спал в палатке под Рощуком²⁵...

Глава 9

Рассказывает Олег Таругин

Вечером того же дня я оказался на импровизированном военном совете. Васильчиков и Ренненкампф собрали всю «партию цесаревича». Я как-то все не удосуживался подсчитать, сколько же людей приняли, так сказать, «мою руку». Оказалось, куда как немало!

На совете присутствовали все офицеры Императорской Фамилии стрелкового батальона, разве что без командира, тоже – от лейб-гвардии Финляндского полка, шефом которого я являюсь, половина офицеров лейб-гвардии атаманского полка с десятком выборных казаков и почти весь состав офицеров лейб-гвардии конно-гренадерского полка. Кроме этих полков, рядышком пристроились с полдесятка флотских офицеров, под руководством Макарова и Эссена, несколько лейб-артиллеристов, трое лейб-егерей, столько же – от Гродненского лейб-гвардии гусарского, двое из лейб-гвардии конного полка и, к моему неописуемому изумлению, по пять человек из Павловского и Николаевского юнкерских училищ и трое офицеров из кадетского корпуса.

...Флигель «Поленница» наполнен серьезными, насупленными людьми в военной форме. Когда Хабалов вводит меня внутрь, по жару и по табачному дыму я понимаю: беседа здесь идет уже не первый час. И первое, что я слышу, это конец яростной филиппики кого-то из конных грендер:

– Кавалергардов мы из казарм не выпустим. Караулы снимем, у дверей встанем, штыки на изготовку – сами не сунутся. Синих кирасир тоже возьмем. С лейб-жандармами мы договорились, они лейб-уланский полк заблокируют...

– Не много ль на себя берете? – усмехается рослый, плечистый есаул-атаманец. – Как у вас легко все получается, господин ротмистр: снимем, заблокируем, не сунутся... А ну как сунутся, рискнут? Синие кирасиры и кавалергарды вас ведь на шнурочки раздергают. Мы на себя лейб-конвой возьмем. Предлагать им нечего: они верные. Кончим всех разом, и баста!

– А лейб-гусаров кто возьмет? И лейб-драгун?

²⁵ Будущий император Александр III командовал Рощукским отрядом во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Ренненкампф подается вперед, собираясь ответить, но замечает меня:

– Господа офицеры!

Все головы одновременно поворачиваются ко мне. Офицеры замирают по стойке «смирно».

– Здравствуйте, господа!

В уши грохает слитное:

– Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!

Вот так. Ну что, господин Таругин, «ваше высочество», вот и пора вам решать. Здесь не декабристы собрались, это, скорее, будущие лейб-кампанцы. Вас просто собираются посадить на трон... И очень не вовремя! Мне еще кучу дел надо переделать, а станешь государем – прощай куча, здравствуйте ежедневные обязанности...

А может быть, так и надо? Ведь эти офицеры вовсе не восторженные пацаны! И в глазах у них не восторженные мечты о «прекрасном, новом мире», а самая что ни на есть простая надежда – надежда на то, что новый царь хоть и молод, но окажется лучше предыдущего. Правда, все они относительно молоды и, само собой, не хотят жить под рукой «миротворца». Им подавай ордена, выслугу, чины... А то, что за это придется рискнуть шкурой, так «наше дело стрелять и помирать, а в кого и за что – господин полковник знает!». Они прямо сейчас готовы принять под команду полки и дивизии и рвануть вперед, сокрушая все на пути, пока не остановит пуля-дура или штык-молодец...

Да что это я, в самом деле? Совсем рехнулся? Да если я сейчас взойду на престол – беды не миновать! Во-первых, все мои милые дядюшки и кузены кинутся оттирать меня от власти, надеясь урвать побольше при регентстве. Во-вторых, мои англофобские взгляды известны, и у меня есть все шансы получить из заботливых рук британских агентов яд в кофе или адскую машину в карету. У них там в Форин-офис²⁶ людишки не даром свой пудинг лопают. В-третьих, все придется делать открыто, а я, честно говоря, опасаясь такой открытости. Вокруг совсем не так уж мало толковых умов, которые смогут разобраться, что к чему. И повторить в любимом «фатерланде» или «мазерлэнде». А тогда – тогда все будет куда как хуже, чем мне бы хотелось...

– Вот что, господа. – Я стараюсь подобрать слова так, чтобы, с одной стороны, не допустить готовящегося переворота, а с другой – не обидеть присутствующих. – Не поймите меня неправильно, но я не хочу. По двум причинам.

Все замирают в ожидании.

– Господа. Я не могу понять, с чего вы решили, что меня привлекают лавры Александра Павловича? Отцеубийство – тяжкий грех, и мне вовсе не улыбается брать его на душу.

Молчание становится гнетущим.

– Я хочу сказать вам, что никогда не забуду вашей преданности и верности. Даже не будучи императором, я найду способ выразить вам, господа, свое благоволение. Но я очень прошу вас, друзья мои: пощадите моего несчастного отца!

Мне удастся почти идеально симитировать срывающийся голос. Заговорщики в растерянности. Те, что помоложе, опускают головы, те, что постарше, мрачают взглядами. Видимо, им и в голову не могло прийти, что цесаревич откажется от престола из сыновней любви...

– Ваше Величество! Разрешите? – Давешний конно-гренадер встает передо мной. – Штабс-ротмистр Гревс²⁷. Поверьте, Ваше Величество: мы готовы предпринять все необходимые предосторожности, чтобы сохранить жизнь вашего отца.

Вполне возможно, что этот парень говорит искренне. Ну прямо так и рисуется эдакая

²⁶ Министерство иностранных дел Великобритании. В те годы занималось и внешней разведкой.

²⁷ В 1900–1910 гг. командир лейб-гвардии конно-гренадерского полка.

идиллическая картина: собственный конвой добровольно сложил оружие, дворцовые гренадеры дружно салютуют в последний раз низложенному императору и в первый – новому. И отправляется бывший император разводить помидоры в деревне. Или по грибы ходить. Тишь, гладь да божья благодать... Но как-то сразу встала перед глазами другая картина...

...Желтые каменистые дороги, обжигающий ветер, отчаянный, беспросветный ужас. Война в Афганистане зацепила меня самым краешком. Я влетел в завершающий этап этой уродской войны, последнего позорища великой империи. Отделался сравнительно легко, но даже здесь нет-нет да и подскочит на постели облитый холодным потом нынешний «наследник престола российского» с рвущимся из распыленного рта криком: «Духи! Духи справа!»

...Эта операция должна была привести к ликвидации банды какого-то курбаши. Как его звали – режьте меня на части – не помню! Вылетело. А может, и не удосужились сказать – у нас в армии младшим сержантам последние оперативные сводки не докладывали. Но операцию эту я запомнил навсегда.

Замысел был, в принципе, прост и незатейлив как мычание. «Т-72», пара бээмпэшек и десяток пустых грузовиков имитируют грузовую колонну. Душманы, ясен день, на нее нападут, польстившись на легкую добычу, тут из-за холмов появится кавалерия в виде роты вэдэвэшников при вертолетной поддержке, и все – можно вертеть дырочки для орденов.

В один из грузовиков-приманок я и был посажен в качестве водителя. Причем наш капитан Остапенко (царствие ему небесное, хороший был мужик!), понимая, что мы все участвуем в ловле на живца в качестве последнего, уверил нас, что опасности почти никакой нет и что для нашей безопасности приняты все мыслимые и немыслимые меры. Затем сам залез в один из грузовиков, и мы поехали...

Оказывается, бензовоз, даже если пустой, от очереди из пулемета взрывается почище любой бомбы. И рад бы забыть, да не получается: я лежу выброшенный взрывом из кабины на обочине дороги, а прямо передо мной лезет из пылающей кабины задушевный дружок Федька Хилько, родом из города со смешным именем Урюпинск. Лезет, да так и не может вылезти. А рядышком валяется голова того, кто еще пять минут тому назад был бравым капитаном... Ну, да это я отвлекся...

– Вот что, штаб-ротмистр! Если вы действительно решили присягать мне как императору и самодержцу, – а вот тут в голосе и металл не повредит, – то советую запомнить: мои приказы не обсуждаются, а выполняются!

Ох ты! Проняло! Похоже, так и следовало с самого начала. Это до них доходит, это они понять могут. Приказ есть приказ. Наше дело военное.

– Хочу еще раз отметить, господа, что даже и не предполагал, сколько есть людей, заслуживающих моего безграничного, абсолютного доверия.

Я обхожу весь флигель и каждому пожимаю руку. Что-то я запамятовал: сколько там рукопожатий было в книге рекордов? А вроде не испортил я впечатления о себе. Вон как глазами сверкают: еще бы – друзья будущего императора...

Из переписки ЕИВ Александра III и ЕИВ Марии (урожденной Дагмары)²⁸

Моя милая душка Минни!

Ужасно скучаю без тебя. Как жаль, что ты вместе с Ксенией²⁹ из-за ее болезни не можешь сопровождать нас сейчас, но дела требуют присутствия здесь.

²⁸ Автор фрагмента – Сергей Плетнев.

²⁹ Романова Ксения Александровна (1875–1960) – дочь Александра III и Марии Федоровны, великая княжна.

Утром были доклады, приезжал Гирс³⁰, он замечательно поправился и не слаб. Завтракал с ним и Сергеем Михайловичем³¹, а потом приехал Сандро³², и они втроем отправились осматривать военную картинную галерею Зимнего дворца. Занимался бумагами до половины второго пополудни, затем отправился в манеж, давать смотр новобранцам.

Погода отвратительная, утром только 2 градуса, туман и мокрый снег, а потом весь день дождь и темнота, просто уныние наводит, чистый сплин³³.

Закуска в 8 часов вдвоем с Ники, он теперь приходит ко мне всегда со своими «мамелюками», и они ждут его за дверьми. Последнее время Ники часто бывает мрачен, наверно, сохнет по своей немке. Дела молодости, не от этого ли он ищет занятий, чтоб отвлечься от душевного томления.

После рассказа о том, что твой любезный рара³⁴ во время прошлогодней поездки в милую Данию предлагал купить о-ва Св. Фомы, Св. Иоанна и Св. Креста, Ники пришел в страшную ажитацию³⁵. Уговаривал меня их обязательно приобрести, лез со штофом «особо очищенной», настаивал на их важности для флота нашей страны. Я ведь и сам не далек от понимания нужд нашего флота и использования его в крейсерской войне. Вместе с Победоносцевым³⁶ начинали такое важное дело, как создание Добровольного флота³⁷, и преуспели в нем. Считаю, придется отказать в этой затее. Не нужны нам острова в Вест-Индии³⁸, не удержать нам их, да и денег будут стоить изрядно.

Как мне странно жить теперь снова в Зимнем дворце, из которого я выехал 20 лет назад, проживши в нем со дня моего рождения 21 год до самой нашей свадьбы. Боже, сколько времени прошло, а воспоминания столь же свежи, и грусть вся та же. Что за перемены произошли в связи с гибелью любимого Папа, и какая страшная ответственность

³⁰ Гирс Николай Карлович (1820–1895) – государственный деятель, дипломат, с 1882 г. министр иностранных дел. Сторонник укрепления связей с Германией.

³¹ Романов Сергей Михайлович (1869–1918) – великий князь, двоюродный брат Александра III.

³² Романов Александр Михайлович (1866–1933) – великий князь, двоюродный брат Александра III.

³³ Сплин (устар.) – угнетенное, подавленное состояние; уныние, хандра.

³⁴ Отец императрицы Марии Федоровны – король Дании Кристиан IX (1818–1906).

³⁵ Ажитация (фр. agitation) (разг. устар.) – возбужденное состояние, волнение.

³⁶ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – государственный деятель, ученый-правовед. Преподавал законоведение и право наследникам престола (будущим императорам Александру III и Николаю II). В 1880–1905 гг. – обер-прокурор Синода. Играл значительную роль в определении правительственной политики в области просвещения, в национальном вопросе и др.

³⁷ Добровольный флот (Доброфлот) – морское судоходное общество, основанное на добровольные пожертвования в 1878 году. Д. ф. – учреждение некоммерческое, всю получаемую им выгоду употреблял на покупку новых пароходов, имея при этом в виду возможную их службу как военных крейсеров. На случай войны Добровольный флот являлся, таким образом, действительным резервом как судов транспортных, так и военных крейсеров. Во время Русско-японской войны суда Добровольного флота обеспечивали деятельность 2-й Тихоокеанской эскадры, а также помогали досматривать суда нейтральных государств. Во время Первой мировой войны суда Доброфлота опять были мобилизованы.

³⁸ Вест-Индия (англ. West Indies, букв. – Зап. Индия) – общее название островов Атлантического океана между материками Сев. и Юж. Америка. Включает острова: Багамские, Б. Антильские, М. Антильские и др. Большая часть островов открыта во время плаваний Х. Колумба (1492–1502) – ошибочно принявшего их за часть Индии. В отличие от Индии (Ост-Индия), эти острова позже стали называть Вест-Индией.

свалилась на мои плечи, и вместе с тем решилась дальнейшая моя судьба и счастье всей моей семейной жизни!

Спальню я себе устроил в маленькой угловой комнате, там уютно и хорошо. Ники живет в твоих комнатах.

Вот пока и все, завтра снова буду писать. Обнимаю тебя, милая душка Минни, крепко целую и благословляю.

Поцелуй от меня Ксению и Ольгу³⁹. Христос с вами, мои душки!

Навсегда твой друг Саша

Мой милый дорогой ангел моего сердца Саша!

Я очень тронута твоим письмом и тем, что при всей занятости в поездке ты все же смог найти минуту и написать мне. Здесь так грустно без тебя, и я хочу поблагодарить тебя за то, что ты мне написал, спасибо. Спасибо! Ты даже не представляешь, мой милый Саша, какой бальзам ты вылил мне на мою опечаленную душу, потому что мне было ужасно видеть, как ты уезжал! Я верю и надеюсь, что так больше не произойдет и ты не будешь уезжать без меня никогда. Это так страшно, дом сразу изменился и стал пустым и грустным. Мои глаза все время полны слез, когда я вспоминаю, как ты собирался к отъезду.

Потом даже Ольга забежала к тебе в комнату и крикнула: «Чай! Чай!» – увидев, что тебя нет, расплакалась, а Гукки, маленький черный песик, все время искал тебя на прогулке.

Мы больше не ходили к твоему маленькому домику у пруда с детьми, ни у кого нет желания туда идти, раз тебя нет.

Сегодня уезжает Георгий⁴⁰, у него тоже очень несчастный вид, Саша, можешь представить себе мое отчаяние и огорчение, разделить со мной мою боль, понять ее и утешить меня! К счастью, к обеду никого не назначено. Проводив, мы вернемся с Мишкиным и Ольгой от вокзала и пообедаем одни в семейном кругу.

Ольга будет спать в моей комнате, эта комната стала слишком пустой и грустной без тебя!

Что делать, старшие дети растут, и им становится тесно рядом с родителями, но никто не ожидал, что это произойдет так скоро. Мы были очень близки с Ники, и как он мгновенно переменялся сейчас! Даже в осанке и походке. Он стал ходить по дворцу, как будто ожидая нападения дикого зверя каждую минуту. Стал очень резок, а иногда возмутительно дерзок в разговоре. Наши обычные совместные завтраки ушли навсегда, он давно уже завтракает отдельно вместе со своими казаками и «малым двором». Раньше он был очень близок с Георгием, но сейчас он сильно отстранился. Мое сердце разрывается, у него поменялись даже глаза! Он словно постарел душой после тех известных событий.

Прошу тебя, будь с ним мягок, обереги его всей душой, он терзается и страдает не только из-за своей злополучной любви. А большей частью из-за той вашей... размолвки. Хотя Моретта, кажется, действительно любит его, а это должно помочь. Ради сына я готова принять ее как дочь. Даст Господь, все поправится со временем! Итак, до свидания. Целую тебя от всего сердца, мой дорогой и горячо любимый Саша.

Твоя горячо любящая Минни

Моя милая душка Минни!

С большой радостью получил от тебя письмо, твои теплые слова очень ободрили меня, как благодарен я тебе, что ты не забываешь обо мне ни на минуту. Благодарю тоже душку Ксению за письмо. Мне очень не хватает вас, но надеюсь, что скоро снова мы встретимся, хоть ожидание этой встречи и терзает меня.

У нас все по-прежнему. Утром выходил во внутренний двор, взяв в дворницкой лопату, чистил снег, долго гулял перед завтраком.

³⁹ Романова Ольга Александровна (1882–1960) – дочь Александра III и Марии Федоровны, великая княжна.

⁴⁰ Романов Георгий Александрович (1871–1899) – сын Александра III и Марии Федоровны, великий князь.

Завтракали вместе с Алексеем⁴¹, Ники и Вышнеградским⁴². Колька не успокоился после моего категоричного отказа в приобретении островов, я писал тебе об этом в предыдущем письме. Решив, что дело лишь в финансах, подошел ко мне с тетрадью, в которой содержался значительный расчет по денежной стороне дела и крайне любопытный проект. И откуда у него берутся такие идеи? Ты знаешь, что я с досадой отношусь к излишним тратам. Как сложно складывается бюджет! Только на отмене подушной подати мы потеряли 70 млн ежегодно!

Так вкратце Ники предложил разрешить торговым и каботажным судам, принадлежащим иностранным владельцам, не имеющим ни одного нашего подданного на борту, регистрироваться и ходить под флагом Великого княжества Финляндского, платя в казну отчисления и налоги, которые существенно ниже, чем у нас самих и у других морских государств. Наблюдать за этим делом, собирать сборы и вести учет должны представители наших миссий и консульств, а их развелось изрядно. Со временем на помощь им должны прийти специальные морские торговые агенты. Вышнеградский говорит, что дело интересное и обещающее. Ему сейчас трудно, возможно, из-за этого он хватается за каждую соломинку в вопросе получения казенного дохода. В бюджет В.к. Финляндского планируется отправлять не более 1/10 от всех сборов.

Не просто дело обстоит и с чухонцами, многое из ранее заведенного придется менять коренным образом. Нельзя терпеть внутреннюю финляндскую таможенную, облагающую пошлиной товар из внутренних областей России, ведение дел на шведском языке и многие другие устоявшиеся от начала века явления.

Победоносцев жаловался, что пасторы мешают добровольным пожеланиям эстов и чухонцев креститься в православие. Заставляют выдерживать полугодовой срок испытания (так было заведено еще при дедушке у литовцев), а за это время страшат и угнетают, иных арендаторов сгоняют с земли, батраков просто гонят взашей с работ, остальных грозят не хоронить на освященной земле при ближних храмах, а за изгородью.

Милейший Waldemar⁴³ писал мне письмо о том, что в Дании и Швеции вышел мерзкий пасквиль, в котором некий профессор объяснял это несуразное устройство «особенным государственным статусом» Финляндии! Не знаю, писал ли он тебе, что был недавно прооперирован от чирья в горле, от которого ужасно страдал.

Моя дорогая душка Минни, ты часто просишь меня быть добрее к чухонцам, но заслуживают ли они твоего драгоценного внимания?

Перемены должны прийти в установившиеся там порядки. Нужен умный и деятельный человек на назначение генерал-губернатором, умеющий поступать осторожно, чтоб не наломать дров.

Ты спросишь, почему затея Ники касалась этой неуживчивой земли? Я задал такой же вопрос. Ники ответил, что не хочет ломать «сложившуюся налоговую конструкцию», чем заслужил одобрение Вышнеградского (каботажный флот Финляндии невелик, приписанных судов мало), и считает, что не стоит измазывать наш торговый флаг неустройствами, которые могут выйти из-за дурных чужих кораблей и капитанов. А в В. к. Финляндском, по его словам, «надо все менять, пока эта чухна совсем не оборзела в своем болоте» (в последнее время Ники стал употреблять много непонятных слов).

К моему удивлению, Алексею понравилась эта идея, хотя касается его заведования не в полной мере. В разговоре он поднял вопрос об обороне островов и угольной станции, на что

⁴¹ Романов Алексей Александрович (1850–1908) – великий князь, брат Александра III.

⁴² Вышнеградский Иван Алексеевич (1831–1895) – профессор, инженер, коммерсант, ученый в области механики, управляющий Министерством финансов (1887) – министр финансов (1888–1892).

⁴³ Waldemar (Вальдемар) (1858–1939) – датский принц, младший брат Марии Федоровны.

Ники ответил, что хватит крейсеров, которые постоянно стоят с визитами на рейдах в САСШ, и миноносков и орудий из особого запаса. Услышав об особом запасае, Алексей поперхнулся чаем и сильно покраснел. Кажется, он подумал, что я рассказал об этом Нике. Но это не так, мальчик осведомлен обо многом способами мне непонятными. А иной раз, оговариваясь, он говорит о дне будущем с уверенностью, как о дне прошедшем. Но ты напрасно беспокоишься, что Ники переменялся ко мне после того случая. Наоборот, мне кажется, что он стал относиться ко мне более душевно. Теперь он постоянно ходит ко мне со своими проектами, и в большинстве своем я его планы одобряю. Сейчас Ники активно готовится к отъезду в путешествие по миру.

Много думаю об этом, милая Минни.

Теперь пора кончать письмо. Еще раз благодарю тебя за письмо.

До свидания, моя милая душка Минни. От всего любящего сердца обнимаю тебя. Целую Ксению, Мишу и Ольгу. Христос с вами, мои души.

Твой верный друг Саша

Глава 10

Рассказывает Олег Таругин

Моретта уехала в конце февраля. Не могу сказать, что она мне не нравится, но... это, пожалуй, даже хорошо, что она уехала. А то я ничего с ней не успеваю. Она с милой непосредственностью съедает три четверти моего времени, которое тратится на поцелуи, бесконечное «Любишь? Люблю!», томные вздохи, прогулки и прочее. Помолвка уже состоялась? Ну так и хватит. Мне работать надо.

Бурное прощание на вокзале, потом долгое махание платком вслед, и – здравствуй, свобода! Ну, правда, свобода – понятие относительное...

Два месяца я активно вожусь с полками, чьи офицеры проявили верность во время подготовки «январского путча». Первым в списке идет конно-гренадерский полк. Злые языки именуют его «лейб-гвардии конно-похоронным». В принципе правильно. Мундиры черные, кони черные, приборный металл серебро – так куда ж их, кроме как на похороны?

Вот только читал я когда-то статейку под многообещающим названием: «Конные гренадеры – спецназ королей». И в соответствии с этой статьей решил признать с нынешними потомками королевских спецназовцев. Ничего-ничего, получается недурно. Недавний конно-похоронный полк лихо скачет рассыпным строем, уверенно осваивает азы диверсионного дела, изучает работу с пироксилином, динамитом и мелинитом. Плюс к тому: маскировка на местности, снайперское дело (спасибо братцу Вилли – прислал двадцать телескопов!), разведка – самое необходимое, на уровне курса молодого бойца. Хоть бы и так, все одно – лучше, чем ничего...

Затем на повестке дня Менделеев с работами по взрывчатым веществам, их компонентам и порохам. Предложил ему поработать с алюминиевой пудрой. Вроде вял. Теперь так: Горловский завод меня не устраивает – на хрена с французами делиться технологией? Ярославль. Как бы еще уговорить Дмитрия свет Ивановича переехать в этот город на Волге и принять на себя работу по этому заводу. Даром, что ли, он потом будет носить имя Менделеева? А тут еще и Зелинский тоже вроде как не озадачен. Да еще работы по кораблестроению (ведь не строить же «Рюрик» рангоутным крейсером!), и подумать о бронепоездах, и побеседовать с Константиновым о новых артиллерийских системах...

Что интересно – мой «папенька», после того случая с покушением, совсем перестал пить. И ведет себя во всех делах гораздо рассудительней. С одной стороны, я иной раз жалею, что не могу решить какой-нибудь вопрос, просто угостив императора «балтийским

коктейлем»⁴⁴, но все имеет и светлую сторону – большинство моих проектов Александр теперь рассматривает зело внимательно. И даже дает дельные комментарии и поправки.

В общем, работы на меня свалилось столько, что я в какой-то момент даже пожалел об отсутствии нареченной. Но впрочем, разлука оказалась недолгой...

В июне месяце мои венценосные родители надумали отправить меня в кругосветное путешествие. Типа мир посмотреть и себя показать. И вот Министерство иностранных дел начало активно разрабатывать маршрут моего путешествия. Их первый вариант поверг меня в состояние устойчивого ступора. Нет, это они здорово придумали, начать поездку с... Великобритании. Интересно, а что, там уже забыли о «лучшем украшении Лондона»? Боюсь, что нет...

Второй вариант оказался тоже, мягко говоря, гениальным. Ну и что я, по мнению мудрых министерских, должен два месяца во Франции делать? Коньяк дегустировать или французенок? Озверев от такой заботы, я в конце концов решил взять выбор маршрута в свои руки, поручив мидовцам только детальную проработку и утрясание деталей.

И вот мы уже двигаемся в путь. Мы – это расширившийся в последнее время круг адъютантов и телохранителей. Адъютантов добавилось еще семь человек, включая незабвенного конного гренадера Гревса, а Шелихов и Махаев прошерстили свои части и подобрали еще по десятку «верных людишек». Несмотря на дикий шок в дворцовом ведомстве, со мной в поездку не отправился ни один из этих «министров, камергеров, писцов, секретарей, герольдов, курьеров» и прочей бесполезной шушеры. Нечего дармоедов по заграницам таскать!

Первым пунктом на нашем маршруте стала Швеция. Прием в Стокгольме, парады, балы – все как обычно. Правда, вот съездили на железные заводы, да и оружейные не пропустили, но – увы – не оказалось ничего интересного. Пудлинговые печи, конвертеров видел всего два, прокатных станов нет и в помине. В общем, все как везде в 80-х годах XIX столетия...

Единственным светлым пятном в этой стране была встреча с Эдвардом Григом. Мы без всякой помпы закатились к нему на виллу «Тролльхауген» и весьма мило с ним посидели, пообщались. Великий норвежский композитор оказался вовсе не дурак выпить, хотя, конечно, с гвардейскими офицерами ему было не тягаться. Короче говоря, когда мы, изрядно покачиваясь, заносили невменяемого Хабалова в карету, творец прекрасной музыки пребывал в состоянии полной прострации и уже не только не помнил где он, но и кто он. Но, как выяснилось в дальнейшем, этой встречи он так и не забыл, и перед самым моим отъездом нам принесли тетрадку, озаглавленную «Славяне и викинги». Шесть вполне симпатичных мелодий, хотя, если верить им, в прежней истории между нашими народами ничего, кроме совместных пьянок, и не происходило...

Следующим номером нашей программы стала Дания. Ох, мама моя, датчанка! Сколько ж у меня родственников! Ей-ей, как собак нерезаных. И самое главное – голь перекатная! Тут же любезный дедушка Кристиан IX, бабушка Луиза и их многочисленные отпрыски стали буквально выклянчивать у меня деньги. Будь оно все трижды неладно! Пришлось-таки пожертвовать «милым родственничкам» десять тысяч рублей. А ведь в Дании было необходимо задержаться на целый месяц: Николай Оттович со товарищи добывали в Королевском датском флоте военные лоции Каттегата и Скагеррака и налаживали соответствующие связи. Кильский канал штука, конечно, хорошая, но все-таки... Мало ли что может случиться...

Но все на свете приходит к завершению. И вот наконец-то: прощай, унылая Дания, – здравствуй, моя Германия! При пересечении границы я продекламировал это вслух, и теперь Шелихов с Махаевым утвердились в мысли, что я еще и поэт!

Прямо на платформе нас встречают Вилли с супругой и раскрасневшаяся Моретта. Ну

⁴⁴ Именно так именовали водку с кокаином балтийские «братишки» в незабвенном 1917 году.

вот, началось... Первые две недели у меня ничего не получается, кроме большой любви с моей невестой (только платонической, разумеется! А то ведь придется и ее с собой брать!). Потом становится вроде бы полегче: и к Круппу удалось съездить, и в Рур, на угольные копи, и с Сименсом и Хальске пообщаться. Кое о чем даже и договорились. Крупп, к примеру, готов приступить к постройке завода у нас на Урале. Магнитку я ему, ясен день, не отдам, а вот в районе старых казенных заводов пусть порезвится. Там руда – гематит чистейший, так что сталь будет – мое почтение! И Сименс с Хальске готовы нам уже трамваи в крупных городах пускать. Для начала: Питер, Москва, Харьков, Нижний – потом: Одесса, Киев, Казань, Владивосток, Севастополь. Дальше – посмотрим. Главное, что эти ребята готовы до 90 % оборудования и механизмов производить в России, для чего и наладят соответствующее производство. Ну-с, поживем, попробуем, так?

Однако за более чем трехмесячное пребывание в Германии я столкнулся и с некоторыми странностями. Несмотря на все свои старания, я не сумел разыскать ни Майбаха⁴⁵ ни Даймлера⁴⁶. Вот это фокус, блин! Куда эти технические гении подевались? Все, что удалось узнать, так это то, что эта «сладкая парочка» еще в 1885 году за каким-то чертом поперлась в Россию и там затерялась на бескрайних просторах. Правда, информация весьма смутная, да и, честно говоря, не верю я в такие чудеса! Ну кому, кому они могли понадобиться у нас?! Там ведь и промышленности-то подходящей нет! В какой-то момент я было испугался, что уважаемые хронокаратели решили просто и без затей повыбить всех известных ученых и инженеров, чтобы поставить меня в невыгодные условия. Но потом сообразил, что эдак они историю поменяют еще почище моего. Может, они и вправду когда-то ездили в Россию⁴⁷? Я ж их биографии не очень знаю...

Самым сильным впечатлением в Германии для всей моей оравы было посещение Байрейтского театра, где мы слушали «Кольцо Нибелунгов». Э-эх, жаль, что Вагнер уже скончался. Был бы жив – умер бы от перепоя на банкете, который мы закатали бы в его честь! Какой все-таки восторг – услышать гениальную музыку в том виде, в котором ее и задумал создатель. Эти вагнеровские трубы, которые специально сконструировали для его опер, этот огромный оркестр, этот амфитеатр с изумительной акустикой – поистине это сказка – настоящая волшебная сказка!

Когда в «Золоте Рейна» в финале оркестр взревел на всю свою мощь – видит небо, я думал, Моретта сломает мне пальцы! Она с такой силой стиснула мою ладонь, что изрядно поранилась своим же собственным кольцом. Ну и мне, соответственно, досталось... А все же великий композитор – Вагнер. Махаев аж слезы утирал в момент гибели Зигфрида. Шелихова тоже пробрало. Да, воздействие музыки на дикие умы – это что-то!..

Ровно через полгода после Рейха я оказываюсь в Северо-Американских Соединенных Штатах. За эти полгода я со своей верной свитой успеваю посетить Австро-Венгрию, Италию, Испанию, Грецию, Сербию, Болгарию и Черногорию. Все было не так уж плохо, хотя не обошлось и без эксцессов...

Собственно, после Германской империи наш вояж по Европе пошел несколько наперекосяк. Началось все, разумеется, в двуединой монархии. Кой черт меня дернул отправиться на Сокольский съезд?! Чехи-то пьют еще похлеще нашего, и, само собой, мы

⁴⁵ Вильгельм Карл Майбах (09.02.1846—29.12.1929) – немецкий конструктор и промышленник.

⁴⁶ Готтлиб Вильгельм Даймлер (17.03.1834—06.03.1900) – немецкий конструктор и промышленник.

⁴⁷ Готтлиб Даймлер действительно посещал Россию. Из Дейтца он выехал 30 сентября 1881 года. Затем его маршрут пролегал через Берлин в Москву, оттуда в Санкт-Петербург, Ригу, Нижний Новгород и снова в Москву, затем опять Нижний Новгород, Тула, Харьков и Одесса. В Дейтц он возвращается 15 декабря 1881 года. Впечатления от поездки огромны. Неожиданно для себя в России он увидел индустриальную деятельность, «о которой на Западе почти ничего не знали или, во всяком случае, имели совершенно неверные представления. Здесь все так и рвется к техническому прогрессу».

надрались до посинения. Я практически не помню, что было после первой половины съезда, но наутро явившийся заниматься рукопашным боем Шелихов любезно проинформировал меня о том, что «дал ты им вчера, государь!». Что именно и кому я дал, он был не в состоянии объяснить, а только глуповато улыбался и все повторял как заклинание: «Так им, батюшка, и надо, мордам нерусским! Так им и надо!» Поднятые по тревоге адъютанты тоже не смогли внести ясность в события вчерашнего дня, пребывая в состоянии, близком к коматозному.

Все разъяснилось, когда в мои апартаменты заскреблись чиновники российского консульства в Праге. Оказалось, что, будучи изумительно нетрезвым, я умудрился произнести перед соколами речь, которую вполне можно трактовать как призыв к «чешским братьям» переходить в русское подданство, поднять открытый мятеж против их законного императора и даже вроде бы обещал им помощь, причем не только поставками оружия, снаряжения и деньгами, но (вот ужас-то!) даже намекал на непременною вооруженную интервенцию! М-да уж! Теперь у наших дипломатов единственная задача: как не допустить распространения этой информации по всей Австро-Венгрии. А то ведь, не ровен час, Их Императорское Высочество Цесаревич может и не успеть выбраться из гостеприимных пределов соседней державы. Прямо тут и порешат...

Дабы не искушать судьбу, мы рванули прочь из империи черного орла назад в Германию, затратив на сборы не более получаса. И уже оттуда, бочком и околицей, отправились в Италию через Швейцарию.

В Женеве обзавелись отменными часами, а я еще поискал каких-нибудь пращуров швейцарских армейских складников. И, представьте себе, нашел. Между прочим, совершенно такие же, как и привычные мне ножи XX века. Разве что рукоятки не пластмассовые, а костяные. Ну да это даже лучше. В руках не скользит...

В Италии посетили верфи Специи. Хорошие верфи. Посетили Ла-Скала. Хороший Ла-Скала... Посетили Ватикан. Хороший Ватикан... На улице Неаполя я привел своих спутников в восторг, познакопив их с пиццей. Тонняга и сноб Ренненкампф обнаружил, что «сие блюдо, государь, куда как оригинально», а простодушный Махаев, сыто рыгнув, сообщил, что «эта лепешка супротив селянки лучше!». Зато от спагетти с полипами моих ординарцев чуть не затошнило, да и адъютанты сочли, что уже чересчур. Ну-с, само собой, родные блины да лапша милее...

Хотел было отыскать Маркони и набить ему морду, да потом подумал да и плюнул. Охота руки марать. Ничего, если все пойдет так, как задумывалось, – про этого «Макарони» никто и не вспомнит.

Из Италии мы скорым маршем направились в Грецию к нашим единоверцам. Там мы поболтались по историческим руинам, приложились к ручке патриарха, отметились на балу у греческого короля и поприсутствовали на цирковом представлении, именуемом «парад греческой армии». Ха-ха. После достославного парада, на котором мне была продемонстрирована «несокрушимая мощь победоносной греческой армии», я был вынужден обсуждать перспективы русско-греческого военного союза. Какие они все-таки занятные, братья-единоверцы! Сдается, что греки всерьез полагают себя настоящим великим государством. Охохонюшки, уж эти мне маленькие народы...

Впрочем, в Греции мне понравилось. Во-первых, в своей прошлой жизни я так и не удосужился там побывать, а во-вторых... Во-вторых, я свел там очень полезное в будущем знакомство. Будущий граф Корфский Георг. Тот самый, который в реальной истории спас непутевого Николая от самурайского меча охреневшего японского полицейского...

Кузен?! Безумно рад видеть вас на нашей земле. Надеюсь, что хоть в малой степени удастся отплатить за то гостеприимство, которое ваш венценосный отец оказывал нам в России!

Навстречу мне широкими шагами шел, нет, почти бежал высокий, симпатичный паренек, лет... хм-м, паренек... Да он лет на пять постарше Николая будет! Парень между тем подбежал ко мне, искренне и хорошо улыбаясь, обнял:

– А вы возмужали, кузен! Недаром наши придворные дамы уже неделю обсуждали ваш приезд.

– Благодарю вас, кузен. Я тоже очень рад нашей встрече.

Интересно, а когда Александр приезжал к своему российскому тезке? Пес его знает. Но раз уж мы так дружны, надо что-нибудь изобразить эдакое...

– Я частенько вспоминал вас, кузен...

Он улыбается:

– Я полагаю, вы вспоминали мои уроки фехтования, которые вас так интересовали.

Ну вот и все встало на свои места. Очевидно, маленький цесаревич с восторгом наблюдал, как более взрослого Георга Греческого обучали фехтованию, втайне мечтая, что когда-нибудь и он сам...

– Я слышал, кузен, что мой учитель фехтования давал после и вам уроки.

Вот это новость! Значит, Николай обучался у того же самого... Интересно, а как его зовут? Или звали?

– Может быть, – глаза-то у него как заблестели, – попробуем друг против друга?

Ты это чего задумал, морда твоя греческая? Лично у меня по спортивному фехтованию твердый ноль, но вот если попробовать... Ну давай, рискнем, что ли...

Рискнул, твою мать! Не успела начаться схватка, а у меня уже два укола пропущено! Наверное, мне это только кажется, но я готов поклясться, что вижу, как весело блестят под маской глаза у этого греческого уб... стоп! Не заводишься! Ну вот, я же говорил: не заводишься! Еще один укол!

Клинок свистит у самого лица. Главное сейчас – не слушать, что орут мне в простоте душевной Махаев и Шелихов. Вот будет номер, если я их послушаюсь...

Ноги Георга внезапно взлетают вверх, причем обе сразу, а сам он воспаряет над полом. Шпага с печальным звоном падает где-то в дальнем углу фехтовального зала, а ее хозяин рушится вниз с тяжелым стуком набитого картофеля мешка. Маску с греческого принца снесло, и теперь он сидит, ошарашенный, на паркете, мучительно пытаясь понять: что это было?

– Простите, кузен. Видит бог, я совершенно рефлекторно сделал этот прием...

Черта с два «рефлекторно»! Это ж мне господин Эссен насоветовал. Орал Николай Оттович, что твой колокол громкого боя на броненосце: «Ногой его, государь! Под клинок перекатом и ногой!» Ну я так и сделал...

Георг поднимается с трудом, точно проверяя: все ли у него цело после замечательного поединка с русским цесаревичем. Затем медленно, с растяжкой произносит:

– Знаете, кузен... – А глаза-то, глаза! Злющие – аж жуть! – Я наслышан о ваших... м-м-м... занятиях, но не ожидал, что сам невольно приму в них участие.

Честно говоря, я почти смущен. Ну действительно, зря я этого паренька так-то уж... Будущий граф меж тем продолжает:

– Правда, я догадываюсь, что подобные... м-м-м... познания понадобились вам после печальных событий с вашим отцом. Я, к сожалению, наслышан о том, что Его Величество... м-м-м... страдает некоторыми... выпадениями памяти, во время которых он, так сказать... может быть неоправданно жесток...

О господи, неужели слухи о событиях в Гатчине докатились и до Греции?! Хотя чему удивляться? Телеграф-то уже давно изобрели...

Интерлюдия

– Благодарю, Джеймс. Можете быть свободны.

Лакей беззвучно удалился, оставив собравшихся в каминной наедине с кларетом и сигарами.

– Итак, джентльмены, я полагаю, – чуть резковатый голос словно бы читал официальный документ: четко, внятно, без малейшего намека на интонацию, – я полагаю,

что все здесь присутствующие знают, какой вопрос сейчас будоражит всех честных подданных Ее Величества.

В ответ не раздалось ни звука, и говоривший продолжил:

– Русский *cesarevitch*, – последнее слово было произнесено с ужасным акцентом, – наследник престола Российской империи, уже сейчас прославился как у себя на родине, так и за ее пределами как ярый ненавистник Британии. Большого англофоба в мире не было со времен Наполеона Бонапарта! Несмотря на свой юный возраст, он представляет собой реальную опасность. Русский наследник прекрасно образован, пользуется любовью и уважением среди передовых представителей русской промышленной и торговой элиты, составил себе авторитет в научных кругах, а молодые офицеры его просто боготворят.

– Что и не удивительно, – заметил сидящий у камина. – Ныне здравствующий император России не слишком воинственен, а молодым хочется новых чинов и высоких орденов.

– Совершенно верно. И вот теперь, джентльмены, перед нами со всей остротой встает проблема: любыми путями не допустить восшествия на престол этого ненавистника нашей империи.

– Но мне кажется, – новый голос был одышливым и сиплым, – что подобные... проблемы нам всегда удавалось успешно решать, не так ли?

– О да, милорд, вы совершенно правы. Но этот случай – особый. У нас нет возможности... решить эту проблему на территории России.

– Почему?

– Видите ли, милорд, охраной русского наследника ведают люди, беззаветно ему преданные, я бы даже сказал – молящиеся на него, как на бога. Любые попытки найти хоть какие-то подходы, предпринятые нашими людьми, наталкивались на самое жесткое противодействие.

– Но я полагаю, во дворце можно было бы найти людей, которых легко... заинтересовать... предполагаемой работой?

– Увы, милорд! Наследник любим двором. Возможно, вы слышали о некоем инциденте, произошедшем между императором Александром и его сыном? Так вот, император пытался напасть на *cesarevitch*'а, но охрана последнего отбила нападение. С изрядным уроном для императора. К несчастью, обошлось почти без жертв, так что русским удалось замять это печальное событие. Но! Единственным человеком, погибшим при этом нападении, был адъютант императора, бросившийся на защиту наследника! Представьте себе, милорд: человек, пользующийся всеми благами личного доверия самодержца, жертвует этим ради спасения наследника.

– Да-а-а... – одышливый голос был явно поражен. – Прямо скажем, это нечто необыкновенное. Но в таком случае что мешает вам, сэр, организовать некий заговор, припутать к нему этого юного агрессора и выдать весь заговор русскому императору? Такое не прощают.

– Вы совершенно правы, милорд, но, – у первого оратора в голосе прорезались ехидные нотки, – сразу же после указанного инцидента между наследником и императором офицеры гвардейских частей и столичного гарнизона предложили *cesarevitch*'у занять престол.

– И что же? – заинтересованно спросил одышливый голос.

– Наследник поблагодарил офицеров, пообещал им свое расположение (кстати, свое обещание выполнил!), но решительно отверг предложение, сказав, что его не прельщают сомнительные лавры двоюродного прадеда, Александра I, убившего родного отца на... простите, милорд, «на проклятые деньги проклятых англичан».

– Каков наглец! Но что же вы предлагаете, баронет? Видимо, вы правы, утверждая, что справиться с этой напастью в России невозможно.

– Сейчас этот юный англофоб совершает большое зарубежное путешествие. К сожалению, акция, запланированная и подготовленная в Вене, сорвалась. По неизвестным причинам русские отказались от посещения столицы Австро-Венгрии и покинули пределы

двуединой монархии в самые сжатые сроки. Но теперь...

– Позвольте, а почему операция была запланирована только в Австро-Венгрии? Насколько мне известно, русский наследник довольно долго гостил в Швеции, Дании и Германской империи.

– К сожалению, джентльмены, мы вынуждены признать, что наши возможности в Скандинавских странах слишком скромны, чтобы рассчитывать на успех подобной акции.

– Ну а Германская империя? Насколько я могу судить, германский кронпринц – наш ярый сторонник. Можно было бы...

– Сэр, вы, вероятно, не в курсе: германский кронпринц – не жилец на этой грешной земле. Неизвестно, успеет ли он побывать императором или так и умрет наследником. Скорее всего, нам нужно ориентироваться на принца Вильгельма...

– Но позвольте, он тоже наш горячий сторонник...

– Да-да, сэр, он был нашим горячим поклонником. Но вот уже два года, как он попал под влияние русского наследника. Теперь Вильгельм охладел к нам, полностью очарованный этим молодым дьяволом...

– Я прошу вас, баронет, не поминай врага человеческого рода. Итак, что же вы предлагаете?

– В настоящее время cesarevitch находится в Греции. К нему присоединился один из греческих принцев, Георг. В окружении Георга есть несколько польских эмигрантов. Ради своей родины они готовы взять на себя...

– Ну что же... – Одышливый голос сделал паузу. – Я полагаю, что наш прямой долг – помочь отважным патриотам в борьбе за освобождение многострадальной Польши от ига московитов.

Глава 11

Рассказывает Олег Таругин

И что только некоторые находят в этом Париже? Питер, по-моему, в сто раз красивее! Нет, разумеется, Лувр и Нотр-Дам великолепны, но вот что, к примеру, нашли в этом самом Монмартре? Трущоба, она и в Париже трущоба...

Трудно сказать, что подумали мои тонтон-макуты, когда, выходя из воспетого Гюго собора, я замурлыкал себе под нос арию, в русской версии исполняемую Питкуном. Ну то есть что подумали Шелихов с Махаевым – это понятно: государь – гений! А вот остальные? Ведь как ни крути, Гюго они должны были читать: больно уж славный писатель. Интересно, что они решили?

Георг-то попроще. Да-да, греческий принц отправился с нами в путешествие. Ну что ж, парень он вроде неплохой. Да и ко мне проявляет неподдельный интерес. Даже начал заниматься с нами рукопашным боем по утрам. Правда, мне кажется, он не совсем бескорыстен. Ну в самом деле, что его ожидает в родной Греции? Графом каким-то местным будет... А тут – простор для карьеры! Россия, господа, она всяко-разно побольше Греции. Вот и старается паренек, может, удастся прилепиться к наследнику и будущему императору. Да ладно, я не против: пусть будет. Похоже, неглупый малый... Да и в реальной истории спас-таки непутевого Ники от самурайской катаны. Положительно, его прибытие ко мне на службу – почти находка.

Вот разве что его свита мне не по вкусу. Нет, против греков я ничего не скажу: ну обычные южане. Хвастливые, задиристые, импульсивные – все как и полагается у южан. Но к этому легко привыкаешь. Да и гонора южного у греков значительно поубавилось после первого же занятия «русской гимнастикой». Так окрестил наши ежедневные тренировки Ренненкампф. Ну пусть так и будет, жалко, что ли?!

Но в свите Георга пятеро поляков. Ума не приложу: каким ветром этих панов надуло

в Грецию? Не должно их тут быть. Но факты – упрямая вещь: вот они – собственными персонами, ясновельможные до тошноты!

Гонору у той пятерки – как у всей Греции. Даже больше. А уж нахальства да наглости – как и у всего Балканского полуострова. Вот он, один из этой пятерки: пан Войцеховский. Собственной персоной пожаловали. Так-с: судя по помятой физиономии – пан вечерял с французскими шлюхами, запивая удовольствие французским же коньячком-с. Причем и то и другое было дешевеньким. Ну а откуда этим нищebroдам взять денег на что-то поприличнее?

– Ваше императорское ясновельможство! Пшепрашем, но я вынужден обратиться к вам с нижайшей просьбой.

– Ну-с, и какого рожна вам надобно, любезный?

– Дело чести. Вы поймете меня как мужчина мужчину...

Понятно... Опять кто-то из этой шантрапы проигрался в пух или не может заплатить проститутке. Положим, здесь их принято называть куртизанками, но от названия суть не меняется...

– И почему же сейчас польская честь? – Как же вы меня, выражаясь языком XX столетия, достали, паны драные!

– Ваше Высочество! – Ишь ты, обиделся! – Честь польского дворянина не имеет цены! Но вот наш Анжей... – Боже ж ты мой! Как меня раздражают все эти Кшипищицьюльские!⁴⁸ – Он... он познакомил меня вчера с очаровательной, совершенно очаровательной особой. Возможно, вы, ваше ясновельможство, помните... в театре...

А? Да, вроде помню. Такая вот миленькая девица, очень даже во вкусе конца XIX столетия. Пела еще очень ничего себе...

– Ну-с, и что же?

– Она запросила за свидание тысячу франков. Я не сдержался и пообещал. Но теперь я ума не приложу: где мне взять такую пшклентую кучу пенензов?..

Понятно. Наврал девчонке с три короба, а теперь поджал хвост и в кусты. Знакомая ситуация. Господи! Ну почему все поганцы так похожи, хоть в XIX веке, хоть в XX, хоть до Рождества Христова?!

– Девица где?

– Здесь, пся крев! Явилась требовать...

– Ну что же. Я сейчас встречусь с ней и заплачу ваш долг. Но прошу учесть: в следующий раз я попросту сдам вас парижским ажанам, и тогда уж разбирайтесь с ними: почему там польская честь...

Так. Вот и девица. Вроде бы не та, которая была вчера, но тоже очень симпатичная. Эх, если бы не Моретта... отставить! Благо Родины прежде всего! Да и подло это будет: любит ведь меня эта девочка.

Шелихов подает мне портмоне.

– Сударыня, вот ваша тысяча франков. И на будущее: польская честь – такая эфемерная штукавина, что...

О-па! А что это у нас глазки загорелись?!

– Государь!!! – Истошный вопль сзади, и тут же девица выхватывает из ридикюля короткорылый револьвер.

– Ще польска не сгинела!

Твою мать! Я шлепаюсь на пол и пытаюсь перекатом уйти с линии выстрела. Сзади меня Егор в прыжке выбил ногой револьвер из рук Войцеховского, и теперь ногами же выбивает из него сознание. Но мне не до них. Проклятая девица палит из своего «бульдога» как заведенная. Уй, сука! Попала, тварь такая! Плечо сразу налилось свинцом, и в него

⁴⁸ Такую фамилию выдумал М.Е. Салтыков-Щедрин для обозначения мелкого полячишки, живущего в России, при этом абсолютно чуждого ее интересам.

словно вонзили раскаленную спицу. Одно утешает: у этой гадины вроде должны были кончиться патроны...

– Государь! Государь! – на разные голоса крики с лестницы. Это мои brave сподвижники несутся вниз с грохотом горного обвала. И вовремя, черт возьми! В коридоре еще двое поляков. Они одновременно выхватывают револьверы...

Грохочут выстрелы. Один из ляхов, выронив оружие, сламывается пополам и оседает на пол. Ренненкампф и Эссен остановились и открыли огонь, прикрывая меня, грешного. Шелихов тут же включился в перестрелку, заставив второго поляка укрыться за углом. Возле меня появляются тяжело дышащие Махаев и Васильчиков, которые тут же ощетиниваются стволами и прикрывают меня собой. Хабалов красивым прыжком выскакивает из-за кадки с пальмой и в два выстрела кладет польского террориста. Ну что, Бен Ладены недоделанные: не знали, что за зверь такой – контртеррористическая подготовка?

– Государь, все в порядке? Вы ранены? Не двигайтесь, сейчас наложу повязку, – галдят мои друзья-защитники. Да все в порядке, ребята, не поднимайте паники. Лучше вон проконтролируйте, чтоб Шелихов в простоте душевной пленного не прикончил... Мама моя, императрица!..

Некий человек во фраке, коего я счел кем-то из obsługi отеля, с разбегу бросает в нас НЕЧТО. И пусть меня повесят, если это нечто – не бомба!..

Время словно замедляется. Я отчетливо вижу, как, кувыркаясь, летит к нам тяжелый сверток, из которого тоненькой струйкой тянется дымок от химического запала. Вот сейчас она прилетит, и все...

Великие небеса! Такое я видел только однажды, в далекой прежней жизни. В старой кинохронике вот так же Лев Яшин...

Хабалов прыгает под невероятным углом и, извернувшись, в полете ногой отправляет бомбу назад, отправителю. Вот это да! Фантастика! Если у нас когда-нибудь в этом мире будет футбол, то я точно знаю, кому стоит доверить тренировать нашу сборную!

Тяжелый грохот разрыва ватной кувалдой толкается в уши. Мимо нас пролетает обломок стойки портье. И, кажется, сам портье тоже. Фрагментами... А что ж это так дышать-то тяжело?

– Махаев, братишка! И вы, князь, убедительно прошу вас: слезьте с меня! Я же сейчас задохнусь.

– Государь, вы живы? – Васильчиков.

– Цел, батюшка? – Махаев.

– Жив и цел. Но если вы немедленно не слезете с моих ребер, последнее утверждение может оказаться ложным. Да и первое тоже – дышать не могу!

Через пару минут я, заботливо перевязанный, присутствую при первом допросе пленного Войцеховского. Учитывая тот факт, что пленника, скорее всего, придется отдать сотрудникам Сюрте⁴⁹, прибытие которых ожидается с минуты на минуту, допрос идет в бешеном темпе, с полным и абсолютным несоблюдением норм гуманности и права.

Войцеховский выглядит сейчас... Ну, в общем, раньше он выглядел лучше. Намного. Шелихов и Махаев на полном серьезе обсуждают возможность посажения онoго Войцеховского на кол, собираясь использовать для этой цели ножку рояля. Технически подкованный Эссен бурчит что-то о возможности применения гальванизма, в то время как кавалеристы Ренненкампф и Хабалов стоят за старые надежные хлысты и нагайки. И только умница Васильчиков, не отвлекаясь на внешние раздражители, гонит допрос в темпе *allegro vivacious*⁵⁰.

– Кто послал? От кого получены деньги? Как держали связь? Говори! Говори! – И

⁴⁹ Французская тайная полиция.

⁵⁰ «Живо, весело» (итал.) – определение темпа в музыке.

хлесткие удары.

– Батюшка, дозволю... – Шелихов просительно смотрит на меня.

– Не дозволю. Не мешайте Васильчикову работать.

– Да мы ж помочь хотим...

– От вашей «помощи» поляк загнется, как хрен на сковородке, а нам сведения нужны. –

Эх, ладно, помощь-то все же требуется. В общем, есть у меня кое-какой опыт...

От полученного совета Васильчиков изумленно кашляет, но потом, совладав с собой, берется за дело. Через секунду пан Войцеховский уже без штанов и прочей одежды ниже пояса, а еще через мгновение он пронзительно визжит, сообразив, для чего его мучитель собирается использовать замечательную клинковую бритву.

– Не! Не надо, панове! Прошу, не!

– Говори, курва, а то живо выхолощу!

В подтверждение своих слов Васильчиков чуть-чуть ведет бритвой там, где поляк и ожидает. Истошный визг подрезанного поросенка только что не взрывает парижский отель. Но сразу же после визга Войцеховский начинает выкладывать такое...

Через два часа, когда поляк уже увезен сотрудниками Сюрте, а с нас с предельной вежливостью сняты самые подробные показания, мы все вместе снова собираемся в зале у камина. Разумеется, без Георга и его греков, которые битых двадцать минут ломились к нам, дабы выразить свои самые искренние соболезнования и заверить в том, что они к этому безобразию не имели ни малейшего отношения. Но сейчас не до них. Надо переварить все то, что мы услышали от пленного.

– Ну вот, князь, и наступил тот самый момент, о котором я вам говорил ранее. Думаю, вам следует подумать об адекватном ответе.

– Непременно, государь. – Васильчиков встает. – Ваше Императорское Высочество. Дела службы вынуждают меня отправиться в Лондон. Прошу выдать мне соответствующие документы.

Интерлюдия

Вновь уютно потрескивает камин. Те же бокалы, те же сигары, те же голоса:

– Итак, господа, из вашей затеи ничего не вышло, не так ли? – в одышливом голосе слышалась неприкрытая ирония.

– Увы, милорд, увы! Этому проклятому cesarevitch'у опять удалось избежать опасности. Правда, он ранен...

– Легко! – вмешался скрипучий, точно несмазанная дверь, дискант. – Легко, и его жизни ничего не угрожает. А я уже в первый раз предлагал вам, сэр, рассмотреть вопрос о привлечении Королевского флота. Вот поплывет этот византиец куда-нибудь, – в скрипучем дисканте появились мечтательные нотки, – а тут наш крейсер, например «Шах»⁵¹, и р-р-раз!

– Сэр, простите, но вы порете чушь! Нам достоверно известно, что морское путешествие наследник российского престола собирается совершать на новейшем русском броненосном крейсере «Адмирал Нахимов»⁵². Который, кстати, уже прибыл в Брест. Вы совершенно уверены, что «Шах» справится?

– Ну так эскадру послать!..

– А если ему удастся уйти? Получить в свой адрес обвинение в пиратстве – бр-р...

⁵¹ Крейсер «Шах» заложен в 1870 году, спущен на воду в 1873-м, вступил в строй в 1876 году. Водоизмещение 6250 т. Скорость хода 16 узлов. Вооружение: 2—228-мм, 14—177-мм, 8—164-мм.

⁵² Броненосный крейсер «Адмирал Нахимов» заложен в 1884 году, спущен на воду в 1885-м, вступил в строй в 1887 году. Водоизмещение 8524 т. Скорость хода 16 узлов. Вооружение: 8 – 203-мм, 10 – 152-мм, 12 – 47-мм, 6 – 37-мм. Долгое время был в числе самых мощных и быстроходных крейсеров в мире. Геройски погиб в Цусимском сражении 28 мая 1905 года.

– Джентльмены, мы не о том говорим! Нужно немедленно решать, что предпринять, пока этот cesarevitch не решил вдруг внезапно вернуться в Россию...

– Вот что, джентльмены! – Одышливый голос налился металлом. – Я полагаю, что этот вопрос необходимо обсудить непосредственно с премьером.

– А разве маркиз Солсбери еще не знает? – Изумление было неподдельным.

– Он знает, но не официально. В настоящий момент нет необходимости официально информировать премьера...

Осторожный стук в дверь прервал начавшуюся было тираду.

– Что вам, Джеймс?

– Чрезвычайное известие, милорд. Только что принесли телеграмму.

– Давайте сюда. – Пальцы нетерпеливо схватили бумажный квадратик с серебряного подноса. – Не может быть! Этого просто не может быть!!!

– Что? Что случилось?! Да не томите же, говорите! – гомон всех голосов разом.

Прерывающийся голос зачитал то, что держали дрожащие пальцы:

– Только что на Даунинг-стрит неизвестными застрелен премьер-министр, третий маркиз Солсбери...

Из сообщений «Таймс»

Передовица:

«Вчера в шесть часов вечера у входа в свою резиденцию был злодейски убит премьер-министр, третий маркиз Солсбери.

Выйдя из дверей, лорд Солсбери направлялся к экипажу, который должен был отвезти его в Адмиралтейство, на совещание по вопросам морского бюджета на следующий год. В тот самый момент, когда премьер-министр подошел к карете, двое неизвестных, мужчина и женщина, выхватили оружие и открыли огонь.

Премьер-министр получил восемь огнестрельных ранений и скончался на месте. Воспользовавшись паникой, нападавшие вскочили в ожидавший их кэб и скрылись в неизвестном направлении. Скотленд-Ярд ведет активные поиски...»

Последняя страница:

«В районе доков обнаружено мертвое тело, принадлежащее молодой женщине, приблизительно 25 лет. Среднего роста, волосы светлые. Одета в твидовый костюм парижского производства. Смерть наступила, вероятно, в результате взрыва, так как лицо, руки, грудь сильно изуродованы. При ней найден разряженный револьвер и отпечатанная типографским способом карточка, содержащая следующее высказывание: «Все чувства хороши, когда они взаимны, не так ли?» Полиция просит всех, кто может сообщить что-либо об этой девушке, обратиться по адресу...»

Рассказывает Олег Таругин

– Князь, поздравляю!

– Рад стараться, государь!

– Молодчина, так держать! Списки представляемых к наградам принесете мне завтра. Я очень вами доволен, Сергей... Но послушайте... – Нет, ей-богу – молодец! – Послушайте, князь, зачем было подбрасывать труп этой несчастной польки?

– Чтобы было непонятнее и, стало быть, страшнее. Вы же меня сами учили, государь...

Верно, было такое, учил. Молодец ученик, схватывает на лету. Далеко пойдет...

Глава 12

Из-за польской эскапады и ответного вояжа Васильчикова нам пришлось задержаться в la belle France значительно дольше предполагаемого. Новейший крейсер «Адмирал Нахимов», выделенный мне для морских вояжей, бестолково простаивал в Бресте, а мы все никак не могли отправиться в путь. Уже и Новый год не за горами – да и осень в столице Франции довольно далека от описанной и восхваленной бесчисленными ордами пиитов. Почти беспрерывно идет дождь. Скучно и тоскливо.

Но все на свете конечно, кроме человеческой глупости. А так как князь Сергей Илларионович у нас далеко не дурак, то вот и он явился пред светлые наши очи. Ну, пора, уже пора... А то в Ле-Крезе ⁵³ были, Бертло ⁵⁴ нашли (кстати, ничего уж такого интересного), и впору было уже волком завывать от тоски, но...

Но тут на меня свалилось «огромное, ничем не замутненное счастье», которое в виде Моретты примчалось инкогнито к «одру умирающего жениха»! Вас никогда не лечила влюбленная девушка? Тогда вам меня не понять...

Во второй половине XX века стали весьма популярны фильмы ужасов о врачах-маньяках. Так я могу вам с уверенностью сказать: любой, самый страшный маньяк в белом халате бледнеет перед влюбленной женщиной!

Атаманцы-ординарцы во главе с Шелиховым, который уже с пятого на десятое понимает по-немецки, сбились с ног, пытаясь угодить этому тайфуну по имени Моретта. Я чуть не умер от обилия самых разнообразных лекарств, лакомств, бурных объятий, поцелуев и не менее бурных изъятий чувств. Нужно заметить, что деятельность Моретты вовсе не стала менее бурной после того, как она наконец поняла, что жизни и здоровью ее «несравненного Ники» ничего не угрожает. Тут же начались бесконечные прогулки, вылазки в «живописнейшие предместья Парижа», походы в театры и варьете и, разумеется, набеги на магазины, сравнимые по воздействию на мой золотой запас разве что с татаро-монгольским нашествием...

Но, как я уже отмечал, все на свете имеет свой конец, и теперь мы отправляемся в САСШ. Собственно говоря, осталось только подняться в Бресте на борт «Адмирала Нахимова» (как-то я неспокоен по поводу этого названия, в голову лезут очень неприятные ассоциации!) и – в путь!

Сегодня наш последний вечер в Париже. Моретта уютно уткнулась носом в мое плечо и лежит тихо-тихо, как мышка. Да, да, да! Вот уже пять дней, как она послала куда подальше «облико морале», и теперь мы наслаждаемся радостями любви на всю катушку. Нельзя сказать, что моя избранница была абсолютно неграмотной в области секса, но по неписаным канонам XIX столетия вплоть до последнего момента не имела практических познаний в этой области человеческих взаимоотношений, довольствуясь углубленным изучением теории. Нужно заметить, что новое молодое тело великолепно справилось с возложенными на него задачами. Да и забавно было дополнить рассказы фрейлин и прочих «специалисток» прусского двора познаниями, почерпнутыми в другом времени из Камасутры, «Энциклопедии современного секса» и многочисленных фильмов категории «Das ist fantastischer!». Плюс основательный практический опыт...

Я курю, по неистребимой привычке конца XX века отмечать очередную победу на ложе любви хорошим табачком.

– Милый, – страстно шепчет Моретта. – Милый...

В голове вспыхивает голос волка-Джигарханяна из замечательного мультика: «Шо, опять?»

⁵³ Ле-Крезе – город в восточной части Франции. В то время – центр военной промышленности.

⁵⁴ Пьер Эжен Марселен Бертло – известный французский химик, работал со взрывчатыми веществами.

– Да, счастье мое...
– Милый, давай больше никогда не разлучаться.
Слегка приобняв ее за плечи, я нежно воркую:
– Жизнь моя, клянусь: как только я вернусь в Россию – сразу же начнем готовиться к свадьбе...
– Нет, ты не понял, – жаркое дыхание обдаёт шею, – я не хочу быть без тебя. Давай поедем дальше вместе, а?
М-да. Значит:

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой!
Там, в краю далеком...

Нет, это она здорово придумала. Просто замечательно! Как же мне тебе отказать-то, чтобы ты не обиделась? Ну или чтоб не очень обиделась?..

– Дорогая, – предельно честный взгляд в глаза, голос чуть дрожит (то ли от волнения, то ли от страсти). – Жизнь моя, счастье мое! Ничего на свете я не хотел бы так, как никогда больше не расставаться с тобой... Но... – Теперь попробовать отвести глаза или чуть прикрыть их. – Ты же видишь: рядом со мной – небезопасно. Мне даже страшно подумать, что, если бы ты тогда была рядом, эти негодяи могли причинить тебе... они могли тебя...

Голос срывается и дрожит. Моретта смотрит на меня своими светлыми прусскими глазами, на которых уже блестят слезы:

– Ты не хочешь, чтобы я поехала с тобой? Ты не хочешь, чтобы мы были вместе?
– Хочу, счастье мое, но я боюсь за тебя...

Она раздражается рыданиями, которые прерываются примитивными домыслами о том, что я разлюбил ее, что я никогда ее не любил, что... Да в самом деле! Любой мужчина средних лет, не слишком гнусного нрава и не самой крокодильей внешности хоть раз в жизни да слышал эти попреки, на которые так щедро прекрасная половина человечества!

Утешение прекрасной немки слегка затянулось. Но «все проходит, и это пройдет!». И вот мы уже третий день идем по бескрайним просторам Атлантики. Морская болезнь, начавшаяся в первый день путешествия, так и продолжает терзать меня. Тем не менее дела я не бросаю и сейчас я стою на мостике в картинной позе как минимум Христофора Колумба, слушая пространные объяснения Эссена об устройстве корабля. Но мысли мои далеко. Я пытаюсь решить одну загадку или ребус, что ли. Вроде бы и незначительную, но...

В Бресте, на прощальном обеде в мою честь, ко мне подошел, путаясь в ногах и отчаянно краснея, невысокий жилистый человек, оказавшийся членом магистрата. А по совместительству – страстным охотником. С трудом подбирая слова, он наконец родил просьбу посодействовать ему в приобретении замечательной русской винтовки. В качестве подкрепления своей просьбы он преподнес мне великолепную шкуру тигра, которого подстрелил где-то в джунглях Индокитая.

Умиленный его просьбой, я послал пару атаманцев с Хабаловым во главе и уже через сорок минут протянул лягушатнику новенькую берданку, которую мои орлы позаимствовали из оружейки «Нахимова». Но вот тут и начались непонятки. Галл заявил, что имел в виду совсем другое оружие.

Быстро перебрав в уме все, что у нас было на тот момент, я сообщил ему, что винтовка Крнка значительно хуже, а Карле – вообще анахронизм. Но он настаивал на том, что у нас в России, где-то в Нижнем Новгороде, производят замечательный охотничий штуцер – малокалиберный, магазинный да еще и под названием... «Печаль»!!! Интересно, кто же это печалится: дичь или охотник? Да и о производстве стрелкового оружия в Нижнем я впервые слышу. Хотя... Ну не могу же я все помнить! Нет, все-таки странно: в Нижнем вроде бы никто не делал винтовок... Может, какая-нибудь мелкосерийка?..

В кабинете Его Императорского Величества кайзера Германии сидели два старика, реликта ушедшего века, сам кайзер и его верный канцлер. На ковре перед письменным столом топтался молодцеватый молодой человек с военной выправкой. Последней, впрочем, кого-либо в Пруссии удивить крайне трудно, так уж исторически сложилось. Пруссак очень часто пробовали на зуб решительно все соседи, и, за редким исключением, означенный зуб обламывался. Исключение презрительно взирало на всех троих с картины русского живописца Сурикоффа... но не стоило забывать, где и при каких обстоятельствах скончалась жертва русско-прусского союза.

– Значит, Вилли, ты уверен, что наш друг Ники искренне влюблен в девочку? – Голос одного из стариков, первого императора совсем недавно объединенной Германии, слегка дрожал, но именно что слегка. Ничего здесь не было от трусости или сомнений – просто за последний год император здорово сдал. И то сказать – приближался конец девятого десятка прожитых лет.

– Абсолютно, мой кайзер. – Бравировать родством внук не стал. Это он в семейных отношениях – внук. А сейчас – как и обычно, доверенное лицо двух самых выдающихся в истории страны людей. Лицо, будем честны, ПОДЧИНЕННОЕ. Испытуемый, так сказать. – Ники и Моретта... да в конце концов, что я в десятый раз распинаясь! – чуть не грохнул по столу кулаком молодцеватый тезка старика. – Просто поговорите с ним вот так же приватно, у него же сейчас такое состояние, что он даже репортерам САСШ будет во всех подробностях рассказывать о своих отношениях. А если слегка подпоить – не исключено, что расскажет и об иных подробностях в Бресте, где инкогнито находится...

– Нет, Вилли. Я этого знать не хочу, – устало прервал император. – Со всем этим будешь иметь дело уже ты, нам это просто не интересно. Тут другое. Дело в том, что Ники НИКОГДА не видел девочку до этой вашей истории в духе Дюма. Это установлено достоверно.

– Невероятно, – осунулся наследник. Сразу вспомнилась дурацкая импровизация – клятва на мече, сестра, которую с трудом удалось уговорить дать, скажем так, неофициальную аудиенцию кузену... да в конце концов, доклады из Парижа, недвусмысленно свидетельствовавшие о знакомстве милой Виктории с иными областями человеческой деятельности. Тут особо и следить не надо, да и не утаить ничего – уж больно характерные вздохи доносятся по ночам из одной комнаты покоев русского наследника, находящегося в кругосветном путешествии. – Неужели все это – гнусная ложь?

– Не спеши с выводами, Вилли, – подал голос второй собеседник. Первый канцлер единой Германии был в некоторых отношениях фигурой легендарной и уж всяко куда более весомой, чем тот, кто в перспективе когда-нибудь должен наследовать отцу. – Я вот, каюсь, по-стариковски приглядывал за Ники и Мореттой. Определенно, наш друг и впрямь в восторге от девушки. И ничего, признаться, удивительного – мне бы сбросить лет сорок, и уж прости, Вилли, но красотки двора на тебя и не глянули бы даже. А уж нашей девочке я бы особое внимание уделил, и не побоялся бы повторить подвиг того kazak'a. Кажется, он чуть не побил нашего болгарина? Так что... уж поверь старику, я бы не стеснялся.

В это верилось охотно. Даже сейчас грузный старикан выглядел человеком, вполне способным отправить в нокаут проклятого болгарского выскочки. Разумеется, хватит его на пару полноценных ударов – но если уж НАЧНЕТСЯ, Его Высочество Вильгельм не замедлит продолжить. А тренировки с этим казаком, милостиво одолженным Ники, дают результаты, так что...

– У меня складывается впечатление, что этот шустрый парень разом подстрелил двух куропаток, – вновь вступил в разговор Его Императорское Величество. – Он собрался

жениться по расчету, а в ходе знакомства с Викторией попросту влюбился – дело молодое, дело хорошее. Девочка, Отто прав, и не такого сопляка может с ума свести. Сдается мне, на него надо было обратить внимание еще во время той дурацкой выходки с гессенской принцессой. Мальчик недвусмысленно дал понять, что хочет дружить. И это замечательно, Вилли. Ты, внучек, дружи с ним, дружи обязательно.

Тот, кому было суждено стать третьим и последним (впрочем – последним ли?) императором Второго Рейха, содрогнулся. Яснее и сказать нельзя. «Внучек», надо же. Это ведь не просто наставление, это – ЗАВЕЩАНИЕ.

– Мой фюрер, – проникся моментом старый канцлер. Мой вождь, мой повелитель... Бисмарк обращался так к императору считанное число раз – хватит пальцев одной руки, даже если парочка невест где потеряна. – Мой фюрер, быть может, нам...

– Нет, Отто, я не хочу встречаться с этим юношей. Вражда, нейтралитет, союз, торговые отношения с империей Николая – это уже дело Вилли... впрочем, точно известно, что...

– Да, Ваше Величество. Совершенно достоверно. Интересующая вас персона не...

– Вот и славно, Отто, вот и славно.

Этого диалога наследник не то чтобы не понял – ему попросту не положено было понимать. Ну да, краем уха он слышал, что отец на этом свете не задержится, но радоваться скорой смерти будущего кайзера Фридриха и даже знать о таковой наследнику официально не полагалось. Благо разговор свернул в сугубо практические эмпирии.

– А вот скажи мне, старый друг, чем кончился твой разговор с Ники? Ты носишься с этим договором перестраховки как дурень с писаной торбой... так, кажется, говорили твои знакомые на Певческом мосту?

– Весьма... интересно закончился, мой император. – Да, «железный канцлер» выглядел изрядно озадаченным. Но будущий Вильгельм II понимал: это – спектакль для одного зрителя. Для него. – Большую часть разговора юноша прилепился взглядом к милой Виктории и на намеки о союзе с Германией отвечал так, как будто ему предлагают немедленно с Мореттой уединиться. А вот в конце... он пообещал, представьте, надавить на медведя. Но в ответ попросил целевой кредит русским промышленникам – как довесок к соглашению.

– Мальчик знает такие сложные слова? – слегка оживился император. – Отто, а ты уверен, что это ты с ним говорил, а не он с тобой... если ты меня понимаешь.

– Не уверен, – немедленно отреагировал канцлер. Чувствуется, что он долго думал над ответом на подобный вопрос... и чувствуется, что весь этот диалог – одно из последних наставлений юному тезке императора. – Он, представь себе, довольно подробно расписал, чего хочет. Кредиты в машиностроение, угольную и нефтяную промышленность. В обмен на льготы и выгодные проценты – обязательное строительство заводов по производству оборудования в России. Освобождение от налогов тех средств, что пойдут на обучение работников. И...

– Отто, Отто, перестань, – приподнял ладонь кайзер. – Я и так понял. Мальчик очень симпатизирует... своей будущей жене – это решено, так что если болгарин будет сопротивляться... – Император не закончил, а наследник поспешно отвел взгляд. Такие вещи, знаете ли, не обсуждаются, они просто улавливаются всеми собеседниками. Надо думать, примерно так в неизвестном им (именно неизвестном – догадки не в счет) кругу обсуждалась судьба третьего лорда Солсбери. – Но и своей выгоды он упускать не намерен. Как ты думаешь, Вилли, мы сможем пойти Ники навстречу?

Очередной экзамен двух стариков – сразу видно, с канцлером этот вопрос обговорен, то-то он так расслабленно откинулся на спинку кресла.

– Думаю, сможем, Ваше Величество. Особенно если вы доверите мне разговор с Крупном и...

– Это уже ТВОЕ дело, Вилли. И только твое. Мы с Отто – всего лишь задержавшиеся на этом свете статисты, поверь, мой мальчик. Подумай, сынок, с кем нужно поговорить, на

кого нужно надавить, кому и что пообещать. А когда подумаешь – делай. Отто мне все уши прожужжал, что с Россией ни в коем случае нельзя воевать.

Статный молодец в прусской военной форме дисциплинированно прищелкнул каблуками, кивнул и отправился в свою резиденцию. У Вилли там, в одном неприметном шкафчике – подробнейшая подборка данных по немецким банкирам и промышленникам. С разбивкой по отраслям промышленности и стоимости основных средств... вроде бы что-то еще, Вилли как-то объяснял, но император в подробности вдаваться не стал – уж слишком мало осталось времени. А в другом шкафчике – похожая разбивка по вооруженным силам всех европейских и кое-каких азиатских стран. И это, право, не единственные шкафчики... что и говорить, Вильгельм вполне готов не просто сидеть на троне, но и править.

– Знаете, Ваше Величество, меня все же кое-что беспокоит.

– Да, Отто? – Сейчас император ничем не напоминал одного из могущественнейших людей Европы. Так, военный пенсионер, сдавший решительно все дела своему сменщику и твердо намеренный в кои-то веки выпастись как следует. То есть хотя бы часа четыре.

– Как бы наш Ники не стал большей проблемой, чем мы думаем. Уж очень он непрост для юноши. И больно непросты те, кто за ним стоит...

– Отто, ты все же недолюбливаешь этих славных восточных ребят, – ворчливо отозвался Вильгельм-старший. – Одно дело – слегка осадить их, как десяток лет назад на конгрессе, нечего им делать на Балканах, право... и совсем другое – ловить блох в чешуе змеи. У них всегда была неплохая разведка...

«Железный канцлер» сжал кулаки и слегка побагровел.

– НАСТОЛЬКО неплохая, Ваше Величество, чтобы совершенно точно знать то, что знаем только мы с вами и доктор... Впрочем, теперь уже только мы. Юноша смотрит на кронцпринца как на ходячий труп. Он готов часами слушать воркование нашей милой Моретты, брататься с Вилли, беседовать с Круппом, Сименсом... черт побери, даже с их инженерами... но вот к Фридриху он даже неприязни не испытывает – просто игнорирует, прах побери!

– Ты слишком много говоришь, Отто, – тихий голос кайзера уверенно перекрыл рык начинающего закипать фон Шёнхаузена. – Да, мальчик ЗНАЕТ. И в отличие от тебя он ценит время, не желая общаться с мертвым человеком. Что ж, в конце концов, Вилли мог и проговориться... возможно, наш будущий кайзер Вильгельм Второй тоже готовится править и ищет союзников. Попомни мои слова, Эдуард Леопольд, он и тебе уже подбирает сменщика.

– Возможно, – как-то невесело отозвался канцлер. – А эти его встречи с промышленниками, его поиск инженеров и технологов?

– А с этим-то что не так, Отто? – резко выпрямился в кресле император. Впрочем, не оттого, что встревожился, – просто пора было идти, впереди была аудиенция с французским послом. – Положительно, старый друг, тебе стоит съездить на воды, успокоить нервы. Русские уже лет пятьсот нанимают иностранных инженеров, архитекторов, кораблестроителей.

– Цесаревич Николай, – канцлеру вновь удалось чисто выговорить проклятые «ц» и «ч», – не искал «инженеров» и «архитекторов». Он искал конкретных людей. У него, полное впечатление, есть такой же шкафчик, как у нашего Вилли, только по известным ученым и специалистам. И если он не мог найти по списку номера один (например, герра Даймлера, которого кто-то из русских миллионеров уже перекупил), он переходил к номеру два, три и так далее. А это значит – за ним... ну-у, если и не личная разведка, то нечто близкое к тому. Группа толковых приближенных, подготовивших ему нужные данные. Значит – весьма разветвленная сеть контактов в Европе. И весомые позиции в армии, флоте и гвардии – вы помните, Ваше Величество, когда правящая особа поссорилась с наследником, дело чуть не кончилось переворотом. И отборные головорезы, способные покрошить как террористов, так и...

Договаривать не стоило. Есть, знаете ли, догадки, что недавнее досадное происшествие

с премьером Солсбери планировалось и готовилось людьми, говорившими на русском.

– Кстати, Отто, мы предупредили наших английских... хм... «друзей», что еще одна попытка...

– Две недели назад этот их так называемый «советник по культуре» в Берлине получил неофициальную, но очень весомую просьбу не делать того, чего делать не стоит. В противном случае... ну тут наш агент слегка увлекся. Он пообещал... хм... адекватный ответ.

– Какое досадное совпадение. – Вот только ничего досадного на лице императора не отразилось – напротив, этакое подобие хищной усмешки. – Впрочем, так даже лучше. Пусть островитяне слегка успокоятся, право... и пусть окончательно решат, что Ники – НАШ! Тем сложнее ему будет с ними о чем-нибудь договориться. Что до того, что ты перечислил... – На долгих полминуты Вильгельм замолчал, уставившись, как сын, в лицо картинного Наполеона. – Резон в этом есть. Нужно перетрясти наш русский сектор агентуры. Что-то этакое они определенно упустили. А так – сам знаешь, Отто, нам просто некуда деваться. С Ники надо дружить, отдать ему в жены Викторину, не жадничать с кредитами... в общем, сделать все, чтобы русских олухов не переманили на свою сторону лягушатники или англичане. И вот тут Ники ведет себя просто образцово. Ладно, все это – уже не моя печаль. Я уже слышу шаги старухи с косой... мне остались даже не месяцы – дни, Отто, дни. Постарайся не тревожить меня всякими мелочами...

Глава 13

Рассказывает Олег Таругин

Когда наконец после трехнедельного «круиза» по зимней, беспрерывно штормящей Атлантике наш «Адмирал Нахимов» уверенно вваливается в Нью-Йорк, единственное, что мне хочется сделать, – так это отслужить благодарственный молебен моему ангельскому терпению. Я настолько измотан морской болезнью, что готов вплавь отправиться к берегу, не дожидаясь швартовки. Хорошо, что время в переходе через океан не пропало зря! До скуки не дошло! Я в сотрудничестве с Пашей Ренненкампом почти закончил писать «Боевой устав регулярной кавалерии». Книжица получилась весьма солидная. Основным постулатом являлся тезис с определением кавалерии как совершенно самостоятельного вида войск, призванного решать любые оперативные и даже стратегические задачи. С Эссенем мы усиленно занимались отработкой тактики и оперативных приемов крейсерской войны. Имея в виду действие именно на коммуникациях «владычицы морей». По утрам вся моя уже довольно многочисленная команда дружно отрабатывала на палубе приемы рукопашного боя (махать руками и ногами, находясь на асинхронно качающейся опоре, – увлекательнейшее занятие!). А вечерами казаки и матросы устраивали замечательные концерты, попеременно исполняя песни из «сухопутного» и «морского» репертуара. Только перед самым сном, уже опустив голову на подушку, меня убаюкивал ставший привычным рефрен: «Печаль... Печаль... Пе-чаль... Штуцер. Охотничий. Неизвестный...»

Но вот наконец и Нью-Йорк. Если бы хоть кто-нибудь сказал мне, что я буду счастлив, узрев тетку с факелом, и чуть не вприпрыжку рвану в «Большое Яблоко», я б даже смеяться не стал. Отправил бы бедолагу на Обухов мост, в «желтый дом», и вся недолга. А вот поди ж ты...

Во главе своей свиты я сгружаюсь на берег, под многократный салют крейсера и береговых батарей. Э-эх, ведь просил же без лишнего афиширования. Что-то у меня на душе неспокойно после парижских событий...

Но все идет более или менее спокойно. Встреча в мэрии преславного Нового Амстердама прошла удовлетворительно. Я не напился до посинения и, соответственно, не выложил янкесам все то, что я о них думаю, знаю, буду думать и знать. И слава богу.

Несколько двусмысленных фраз, оброненных мной в ходе торжественного банкета, кажется, остались без внимания. Так что гуляйте, братцы, наслаждайтесь «воздухом свободы»...

Собственно говоря, в САСШ мне делать-то особенно и нечего. Форда еще нет, промышленность пока – на стадии развития и подъема, наука – все еще в Европах обитается... Вот разве что Майкельсона прихватить, который, как я помню из курса физики, определил скорость света и вообще – был физиком-теоретиком, да еще и не слабым. Вот обживусь здесь как следует, глядишь, к пятидесятилетию Ники первый взрыв в Семипалатинске произведем. Если доживем, конечно... И разумеется, ухватить за бока Николу по фамилии Тесла. Вот его я повидать хочу. Я уже поручил Васильчикову и Гревсу организовать нам встречу, да такую, чтобы Тесла не смог отказаться от моих предложений...

– ...Государь!

– Слушаю вас, Павел Карлович...

– Васильчиков только что прислал телеграмму: на 5-й авеню горит компания Теслы...

– Хорошо горит?

– Сергей написал: тушат, тушат – не потушат, заливают – не зальют! – Короткий смешок из-под нафабренных усов. Удивительно, как быстро прижились в этом мире детские стихи XX столетия. – Государь, а чего он нам сделал-то, сербияшка этот?

– Да ничего такого, друг мой. Просто ему надо помочь сделать правильный выбор...

– ...Ваше Императорское Высочество, я глубоко польщен вашим столь сердечным участием в судьбе бедного ученого...

Худощавый человек склоняется в неумелом поклоне. Ну вот и он, чернокнижник от науки. После вчерашнего пожара, который уничтожил все его невеликое достояние, присланные мною шесть тысяч червонцев оказались куда как кстати. И, разумеется, он тут же кинулся выражать мне свою благодарность и преданность...

– Помилуйте, господин Тесла, что за странные речи? Как всякий образованный современный человек, я пекусь о всемерном развитии науки и техники. Мне доводилось слышать о ваших идеях по поводу переменного электрического тока, я читал ваши статьи...

– Мои статьи, Ваше Высочество?!

В его голосе сквозит такое удивление, что я даже не обращаю внимания на то, что он перебил меня. «Статьи!» А он уже написал хоть одну?! Эх я ляпнул-то, не подумавши. Но Тесла тут же успокаивает меня следующим вопросом:

– Обе мои статьи? Но ведь это совершенно специальные работы, предназначенные только для инженеров и физиков...

– Но, милейший господин Тесла! Я уже говорил вам, что отношу себя к числу образованных людей.

Он польщен и растроган. Он горит желанием доказать мне свою благодарность. Предложение переехать в Россию встречает не без внутреннего содрогания, но и без особых противоречий. Вот так: выиграна еще одна пешка в большой игре...

Уговорить Майкельсона переехать в Россию было значительно проще. Не знаю, для чего в начале XX века может потребоваться скорость света, но там видно будет. Куда-нибудь да приспособим. И вот мы всей компанией покидаем Нью-Йорк и движемся «на запад, к морю». Главным объектом моего интереса в САСШ стали владельцы газет и их главные редакторы. Еще со времен советского детства и отрочества в моем мозгу укрепился стандартный оборот «продажная буржуазная пресса». Дальнейшая жизнь при «капитализме» подтвердила абсолютную верность данного определения. И вот теперь я просто вербую себе помощников на будущее. «Washington Post», «New York World», «Chicago Tribune», «New York Times» и «Los Angeles Times» – вот мои будущие союзники в информационной войне с янки. Так что сейчас есть прямой смысл прикормить издателей и журналюг, а также наиболее активных борзописцев. Глядишь, пригодятся. По крайней мере, Джозеф Пулитцер принял мое малое подношение и согласился на сотрудничество. Идею о премии поддержал и приятно покраснел, когда я сообщил ему о моем желании назвать премию его именем. Забавно будет, если премию означенного Пулитцера будут вручать только по согласованию с

русским цесаревичем, а? Самое главное: все эти херсты, пулитцеры и гулды берут деньги и оставляют расписки о получении. Пусть только кому-то из них придет потом идея написать о России что-то плохое. Васильчиков и Гревс постараются, чтобы расписки оказались где надо и у кого надо!..

Ну и конечно, никто не забывает о промышленности. Посмотреть, пощупать, как у них и что. В Чикаго мы разжились клятвенными заверениями о вложении немалых средств в мясохладобойни и консервную промышленность России, в Питтсбурге – как следует посидели на банкете стальных королей и договорились о поставках стали. Правда, смутило одно: называли янки какую-то незнакомую фамилию – Рукавишников. Вроде бы этот молодчик пинками выгнал иностранцев с отечественного рынка стального литья и скобяных товаров. Что-то я такого не помню: кто таков? Откуда взялся? Да ладно, там разберемся. Толковый – поможем, нет – уберем...

Стучат колеса поезда, везущего нас с восточного побережья на западное. Бизонов нет, индейцев – тоже. Скука... И пробивается сквозь стук колес: «Печаль... Печаль... Пе-чаль... Штуцер. Охотничий. Магазиновый. Малокалиберный. Неизвестный...»

Долгое ожидание во Фриско наконец сменяется радостной вестью: на траверзе Золотых Ворот замечен русский крейсер. Бог ты мой, какое облегчение! Теперь-то можно закончить с этим надоевшим хуже горькой редьки путешествием и – домой! Домой! На радостях я даже не налагаю никакого взыскания на пятерых стрелков, которые вчера умудрились ввязаться в пьяное побоище возле третьесортного публичного дома. Нет, ребята почти не пострадали (несколько синяков и ссадин – не в счет), да и противников угостили презрительно (я видел их трофеи – два ножа, кастет и маленький револьвер), но за каким бесом им понадобилось давать интервью, да еще и сообщать журналюгам, что они – личная охрана наследника российского престола, я вас спрашиваю?!!

В общем, ребятшек ожидал бы серьезный разговор, но ради такой новости по отряду объявлен вселенский праздник и всеобщая амнистия. Вот только через пару часов выясняется, что я поторопился с празднованием. Дело в том, что атаманцы, отправленные в порт, приносят известие странное и непонятное: русский крейсер – никакой не «Адмирал Нахимов»! В порт Сан-Франциско вползает старенький «Забияка», приобретенный во времена оны в САСШ для возможной борьбы с английской морской торговлей в Русско-турецкую войну, отгремевшую лет десять тому.

Это сообщение будит во мне самые черные мысли и догадки. Дома меня не было... ой-ой-ой, меня ж уже целый год в России не было! А если за это время какой-нибудь новый хронотеррорист снова оседлал непутевого Александра III? А что, очень даже запросто! И вот теперь к берегам Нового Света отправлен из Июкогамы крейсер с конкретным приказом по команде: цесаревича арестовать и в кандалах залопатить в какой-нибудь там Туруханск? Не может быть? Черта с два не может! Эти ребятки из светлого будущего могут все! Ну или почти все...

Вот на этом самом месте в моей башке вдруг наступает успокоение. Чего это я, в самом-то деле, затрясся, как деревенская баба в купальскую ночь? Это кого это я так испугался? Какого-то паршивенького крейсера, всего десять лет назад бывшего коммерческим пароходом? С парой стареньких шестидюймовок и смехотворной командой в полтора человека? Да моя гвардия порвет их, как Бобик газету, и даже не чихнет! А там Николай Оттович, надо полагать, управится с нехитрым управлением этой лоханкой, доберемся до дома, а вот уже после поглядим: не надоели ли внедренцу царствовать?!

Утешенный такими соображениями, я отдаю приказы, и мои орлы начинают отрабатывать действия, предусмотренные сценарием «Угроза государю со стороны десанта враждебных военно-морских сил» (шутка!). Но, впрочем, как гласила (или будет гласить) народная мудрость XX столетия: «В каждой шутке есть доля шутки». Что-то подобное мы и в самом деле отрабатывали...

Передовой дозор атаманцев выслан в порт с приказом докладывать все, что они только увидят. На этажах замерли часовые в парадных мундирах, с совсем не парадными

револьверами под этими самыми мундирами. Да еще и за каждой дверью, возле которой стоит такой вот ряженный болванчик, притаились по одному-два бойца со свежеприобретенными магазинками Винчестера или Спенсера, готовые в любой момент преподнести незванным гостям пренеприятнейший сюрприз. И, наконец, в танцевальном зале, который тоже не получится миновать, если придет охота добратся до моей скромной особы, припрятан последний, неучтенный козырь – карточница Гатлинга! За совсем небольшие денежки мы прикупили этого дедушку всех пулеметов, несколько стрелков научились им пользоваться, так что – добро пожаловать!..

Рассуждая подобным образом, я шагаю из угла в угол своего кабинета. Верные Васильчиков и Шелихов сперва пытались следовать за мной, но очень скоро утомились и теперь отдыхают, усевшись верхом на стулья. Ну какого черта время тянется как резиновый жгут?! Новости где?! Но-вос-тей! Но-вос-тей!! НО-ВОС-ТЕЙ!!!

За дверью возникает какая-то возня, потом передо мной предстает запыхавшийся Хабалов:

– Государь! Там ваш брат...

– Близнец?! – В голове галопом несутся воспоминания о «Железной маске». Из будущего прислали полного двойника, которого подло вырастили в пробирке. Сейчас этот двойник перехватит управление... остров Иф... какая-нибудь хрень, навеки закрывающая «мое» лицо... От этих хроногадов всего можно ожидать, поэтому я с ужасом переспрашиваю:

– Близнец?

Хабалов смотрит на меня с изумлением, перемешанным с испугом.

– Почему близнец?

– Сергей Семенович, брат – близнец?

Видимо, окончательно потеряв надежду разобраться в этом дурдоме, Хабалов терпеливо, словно ребенку, отвечает, тщательно подбирая и выговаривая слова:

– Государь. К отелю приближается ваш младший брат, Георгий. Судя по всему, он желает увидеться с вами.

Святые угодники! Этот-то откуда взялся? Вот кого мне недоставало для полноты счастья, так это милых родственничков... Правда, о Георгии я ничего особенно плохого сказать не могу, но и хорошего – тоже что-то не богато... Вообще этому парню по жизни не повезло. Туберкулезник, умер задолго до Великого Октября⁵⁶ – вот и не отмечен в позднейшей истории практически ничем. В принципе, мне не за что катить на него бочку, но больно уж я хорошо себе представляю всю это шайку коронованного жулья. Вряд ли он от них сильно отличается. Из всей когорты Романовых я неплохо отношусь только к блаженненькой сестренке Ксении, которая уже сейчас готова свихнуться на почве филантропии, да к Константину, которого в недалеком будущем ожидает слава одного из лучших поэтов Серебряного века – знаменитого «К. Р.». Но, впрочем, это все не играет существенной роли: вряд ли хронокаратели узурпировали младшего брата – он все равно ничего не сможет противопоставить старшему. Ну разве что попробует пальнуть в меня из чего-нибудь, но да это – пускай рискнет своим невеликим здоровьем.

Успокоенный такими рассуждениями, я сообщаю Ренненкампу и Васильчикову, что уровень тревоги понижается с «ноль» до «два» (посты перевести на обычное состояние, снайперам оставаться только на двух постах, без команды стрелять только в случае непосредственной угрозы мне или им самим), и выхожу навстречу к «нечаянной радости» – свежеприбывшему «бесценному братцу Егорушке»...

Мое высочество в атаманском мундире спускается вниз по лестнице, в сопровождении конвоя в тех же мундирах, а в холл отеля уже входит небольшая группа людей, сплошь

⁵⁶ Романов Георгий Александрович (1871–1899) – великий князь, третий сын Александра III, брат Николая II.

одетых в морскую форму. Миленькая такая встреча: ни дать ни взять – морская кавалерия устроила слет! Невольно я улыбаюсь этим мыслям и тут же с удивлением вижу, как из группы моряков вырывается и чуть не галопом мчится ко мне молодой паренек, в общем очень похожий на меня нового. А на лице у него написано такое... странно, но я, пожалуй, не могу определить, что именно написано на этой радостной физиономии. Такое ощущение, что он хочет признаться мне в любви и одновременно боится, что я его пошлю куда подальше. Вот интересно: что бы это значило?

– Здравствуйте, Ваше Императорское Высочество... – Голос паренька дрожит от волнения.

– Полноте, братец, полноте. Что за счеты между своими? – Надо проявить толику благородства, тем паче что вокруг не только мои сподвижники, но и целая толпа чужаков. Приобнимаю его за плечи. – Здравствуй, Егорушка.

Он расцветает и так яростно стискивает меня в объятиях, словно хочет придушить. Господи Вседержитель, как же мало человеку надо для счастья...

Вечером мы с ним сидим в цирке. Предварительная проверка показала, что мой ненаглядный братец не представляет для меня никакой угрозы. И хотя это только предварительная проверка, но для начала и этого довольно. В конце-то концов, что ж там, в «светлом будущем», сидят сплошные идиоты? Проверяли уже меня на прочность, поняли, что не по зубам, так что ж – опять пошлют бойцов на смерть? Пожалуй, что и нет...

А на арене... Я-то, лопух, при слове «цирк» умиленно вспоминал Юрия Никулина, Олега Попова и братьев Запашных. «Ах, эти девушки в трико!..» Щаз! На арене разворачивается «чемпионат» по «боксу». В принципе, это напоминает реслинг, но в колорите XIX века. Как объявили вначале: «Бой идет по лондонским правилам: в тонких перчатках, раунд – до нокаута». Очень мило. Третий раунд у первой пары продолжался минут двадцать, зато четвертый – секунд пятнадцать. Наконец, после битого часа бестолкового топтания и дурацких ударов, которые мои орлы активно комментировали, определился победитель – ражий детина под два метра ростом и весом в добрый центнер. На его окровавленном лице написан уровень интеллекта, сделавший бы честь самому толковому из лемунов. Не хочу показаться циником и хвастуном, но каждый из моей свиты, не исключая греков, уделает этого питекантропа и даже не очень вспотеет... Э-э! Это чего там орет шпрыхштальмейстер? Ну-ка, ну-ка...

– ...Джентльмены и леди! Наш победитель готов бросить вызов любому из свиты русского наследника и на деле доказать, что американцы – непобедимы! Попросим, джентльмены и леди!..

Вот он – результат общения с представителями «продажной буржуазной желтой прессы»! Естественно, весть о вчерашнем побоище уже облетела весь Сан-Франциско. Теперь придется кого-то выбрать и уговорить на позорище цирковой схватки. Да еще и предупредить, чтоб не очень усердствовал, а то ведь убьют троглодита...

М-да, ну про позорище и уговоры – это я, пожалуй, малость прилгнул. Атаманцы и стрелки готовы затеять потасовку за право умыть этого самонадеянного янки. Даже вернейшие Шелихов и Махаев и те смотрят на меня влюбленными глазами котов, увидевших горшок со сметаной. Но это-то как раз не самое удивительное! Господа офицеры, белая кость, голубая кровь, все как один готовы унизиться до обычного балаганного шута и лично продемонстрировать ошибочность утверждения о непобедимости жителей Западного полушария... О господи! Да что ж это будет?..

– Государь, государь, – это жарко шепчет в ухо Павел Карлович Ренненкампф, – я вас умоляю, государь, позвольте мне кое-что продемонстрировать этому... – Тут Павел Карлович вставляет такое определение, что, видит бог, покраснел бы и столбик, к которому привязана лошадь одесского биндюжника. Ну вот это уж дудки, господин ротмистр! Никуда вы не пойдете, незачем российский мундир позорить...

– Шелихов! Вот что, дружище, а ну-ка отвесь этому янки погорячее!

– С горошком! – сообщает в спину вскочившему Шелихову Васильчиков. Нет, как

все-таки быстро прижились в этом мире выражения конца XX века...

В зале свист и топот ног. Еще бы: по сравнению со своим монструозным соперником Егор выглядит сущим заморышем. Правда, когда он скидывает кафтан и рубаху, кое-кто в зале замечает, что парень состоит из сплошных мускулов. Но все равно: с одной стороны пусть и мускулистый, но не слишком крупный казак, с другой – натуральный человек-гора.

Посланный вдогон Эссен объясняется с группой рефери, уточняя правила поединка. Поединок? Ха! Шелихов азартно жестикулирует, и только полный кретин или слепой крот не сообразит, что означают три пальца, которые он упрямо тычет всем чуть не в нос. Янки рычит нечто, что у него, видимо, считается членораздельной речью, но его жесты тоже не оставляют сомнений: эта горилла готова драться одна против всей моей свиты. Ну или хотя бы против пятерых.

Бой одного против троих не сложился. Одного против пятерых – тоже. Посовещавшись, американская сторона принимает соломоново решение: ни вашим ни нашим. На арене непонятным для меня самого образом оказывается еще один атаманец и подполковник Хабалов собственной персоной. Со стороны «звезд и полос» – пятеро. Шестой участник сегодняшнего «чемпионата» надолго вышел из строя и сейчас общается с хирургом. Так, Николай Оттович закончил объяснения. Ну, понеслась...

Янки ломанулись вперед неорганизованной толпой. Ой, мама моя, императрица! Бедненький, как же это тебя так злобный Шелихов, да в самое больное-то место! Так-с, ну этот лежит с приступом острого скрючелита... О господи! А этого-то как через канаты вынесло?! В нем же не меньше полутора центнеров живого веса! Проглядел я, что ж это такое с тобой Сергей Семенович сотворил... Э-э-э! Вы что делаете?! Вы ж ему так руку совсем оторвете!

Краем глаза я замечая, что «братик» следит за ходом схватки с явно не соответствующим реальности интересом. Он подался вперед, глаза горят, ноздри раздуваются. Что это с ним? Любит бессмысленное насилие или эти гладиаторские бои щекочут нервы? Заметив мой пристальный взгляд, Георгий бросает, словно в оправдание:

– Здорово вы их натаскали, братец!

Это да! Ребята порвут кого угодно, что сейчас с блеском и доказывают.

– Вот что значит – человек с боевым опытом! – внезапно добавляет Георгий.

О чем это он? Какой у меня ЗДЕСЬ боевой опыт? Мысль о странности фразы промелькнула, но тут же ее заслонили события, происходящие на ристалище.

На ринге остались только двое янки, которые теперь бестолково пытаются защититься от града ударов, которыми их награждают танцующие вокруг них оппоненты. Оп! Один рухнул от удара в висок, а вот и второго скрутили. Ну вы чего, вы чего?! На хрена ему руки-то связывать? Вы ж его не в плен берете!..

– Сорок четыре секунды, – сообщает Васильчиков и щелкает крышкой часов.

– В норматив уложились, – информирует Ренненкампф.

Зал выжидающе молчит. На ринге стоят только наши бойцы. Пауза тянется. Минута, другая... М-да, хорошо все же они тут цирки строят. От такого рева здание поплоче непременно бы развалилось. Так, а чего это они вроде как и недовольны?

А-а! Вот оно что! «Благовоспитанные» янки горят пламенным негодованием, так как все убеждены: «боксеры» поддались моим бойцам! Ну еще бы! Бой-то и минуты не шел. Вот они и вопят теперь напропалую, что, мол, матч – купленный. А они ведь пари заключали...

На арену лезет сразу несколько вполне прилично одетых джентльменов. Один из них, здоровый, аки медведь гризли, замахивается тяжелой тростью на ни в чем не повинного Гревса, спустившегося с парой стрелков помочь героям облачиться. Шелихов издает предупреждающий крик. Все последующее происходит буквально в долю секунды. Отработанным движением Гревс приседает и сильно бьет подавшегося вперед по инерции противника в солнечное сплетение. Тот икает и спокойно укладывается рядом с участниками только что окончившегося боя. Зал снова замирает. Вот только нам не хватало сейчас всеобщей бойни...

Мои спутники подбираются, как хищники перед прыжком. Темпераментные греки во главе с Георгом готовятся с диким визгом выхватывать сабли. Куда более сдержанные стрелки и атаманы уже потихоньку тянут из ножен шашки и бебуты, офицеры беззвучно взводят курки револьверов. Даже среди новоприбывших с Георгием морячков я уже заметил шевеление, недвусмысленно свидетельствующее о том, что «врагу не сдастся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает!».

Черт его разберет, чем кончилось бы побоище в цирке, но в этот момент выключенный янки встает, обнимает Гревса за плечи и разражается грандиозным спичем:

– Джентльмены! Верьте мне, джентльмены, это был честный бой! Я даю вам слово Патрика Криспа, которое стоит не один миллион долларов! Этот русский сбил меня в честном бою! Меня, который на спор поднимал триста двадцать фунтов серебра на руднике! Посмотрите на него и посмотрите на меня! Вряд ли он сможет поднять вес в триста фунтов! Но он сбил меня с ног и выбил из меня дух! Хвала Господу, что мне не врезал русский, который может поднять триста фунтов! Тогда я уже сейчас предстал бы перед высшим судьей!

Американец делает паузу. Ну, насчет веса, который в состоянии поднять ротмистр Гревс, я не был бы на его месте так уверен, но в целом пока все верно...

– Джентльмены! Я, Патрик Крисп, говорю вам: это не люди, это – настоящие черти! Чтобы вот так сбить меня с ног одним ударом!.. Я утверждаю, джентльмены, этих русских лучше не злить! Я искренне надеюсь, что дружба между нашими странами, которую Россия демонстрировала во время войны Севера и Юга, останется вечной. Покарай Господь того сумасшедшего, который предложит нам ввязаться в войну с русскими! Нам нечего делить, а этих парней лучше иметь в друзьях!

Весьма мудро подмечено. Ну что ж: вояж в цирк был не бесполезным.

Зрители вопят и свистят, а из продолжения речи Криспа (кстати, слышал я вроде эту фамилию, что-то связанное с серебряными рудниками, в Калифорнии, кажется...) мне удается выловить только приглашение русских героев в ресторан. Можно и принять. Принимаем...

Следующее утро приносит головную боль, которая, правда, быстро проходит на тренировке. Кстати, «любезный братец Егорушка» напросился в ней поучаствовать. Я внутренне напрягаюсь, ожидая подвоха, но уже через минуту, совершенно успокоенный, вынужден вмешаться в процесс обучения меньшого Романова. Оставив распростертого на полу Хабалова самостоятельно приходить в чувство, я кидаюсь на выручку родственнику.

– Легче, Митрич, легче! Ты что, не соображаешь, что он ни черта еще не умеет!

Смущенный урядник-атаманец отпускает моего брата, бормоча под нос нечто вроде: «Дык, твое ж велико... они ж сами... я ж не думал, что так... а оно вона как...» Георгий лежит на полу снятого под тренировки танцзала, пытаюсь вздохнуть широко разинутым ртом. Глядя на это недвижимое тулово, я отчетливо понимаю: так подставиться не смог бы ни один профессионал. Парнишка реально ни хрена не умеет! И слава богу! Значит – не внедренец. А кто его знает, может, у Георгия и впрямь были нежные братские чувства к Николаю? Во всяком случае, из разряда вероятных подозреваемых его можно смело вычеркивать. Ну почти смело...

– Ах, братец... – О, очнулось мертвое тело! – Я много был наслышан о ваших занятиях, но, право же, никак не мог помыслить о том, сколь сложно это искусство!

Забавно. Георгий – один из первых в этом времени, кто называет рукопашный бой «искусством». И вот еще одна странность: какой-то у него взгляд... что-то он мне напоминает... Вот только не соображу – что? Или кого?..

Утро проходит без особых происшествий или новостей. Сегодняшний день – обычная рутина, один из множества серых и унылых будней. Программа на сегодня: прогулка по городу, обед в ресторане, визит в русское консульство, на предмет уточнения даты прибытия «Адмирала Нахимова» – вот, собственно говоря, и все. Ладно уж: позавтракали – пошли гулять...

Сан-Франциско с утра выглядит очень даже ничего себе. Нужно взять себе на заметку: зайти в мэрию и выяснить, как это им удалось наладить службу уборки улиц? Нам бы так...

– Государь, позвольте? – Гревс указывает мне на магазин с большой вывеской. – Надо пополнить наши запасы табаку.

– Отлично, ротмистр. – Никогда не пресекайте рвение подчиненных! – Пожалуй, можно посмотреть и каких-нибудь хреновин в подарок...

Гревс выглядит озадаченно. Остальные офицеры заинтересованно поворачиваются в нашу сторону. Эх ты ж – досадная оплошность! Вообще-то я уже привык следить за своим языком, но нет-нет да и вырвется неправильное словечко. Вот и сейчас приходится потратить минут пять, чтобы разъяснить, что «хреновина» – это не распространенная в Сибири острая приправа, а вольная русификация французского термина «сувенир». Вроде и на этот раз проскочило...

А магазин и впрямь – хорош! Настоящий универсальный магазин. Любой товар, на любой вкус. Интересно, интересно... Ох ты, какие симпатичные пончо! Пожалуй, стоит взять для Моретты, да и для маменьки... И вон то тоже мне подайте... Нет, вот этот тотемный столб я точно не возьму... Хороший револьвер... Рукоятка из слоновой кости великолепно смотрится... Что? Не слоновая кость? Моржовый бивень? Тем более возьмем... А вон там что такое? ЧЕГО?!!

На стойке стоит натуральный карабин Маузера, «98К». Mamочки мои, до него ж еще лет десять... И чего ж интересно я не видел этой прелести в Германии. Ведь был же я на заводах... А ну-ка, ну-ка...

Продавец с угодливой улыбкой подает мне заинтересовавшее меня оружие. Ну, так. Я, конечно, не великий эксперт, но маузеровский карабин в руках держал. В Югославии, вечная ей память! И из любопытства даже разбирать пытался. Так-с...

Через двадцать минут я откладываю карабин в полном недоумении. С одной стороны, это карабин Маузера, с обойменным заряданием, магазином на пять патронов с бесфланцевыми гильзами и остроконечными пулями, плакированными мельхиором. Правда, калибр 6,5 мм, но и в этом нет ничего необыкновенного – были эти карабины под такой калибр. Но вот каким таким манером эта фиговина появилась уже сейчас – этого я понять решительно не в состоянии. Масла в огонь моего любопытства подливает приказчик:

– Вас заинтересовал этот карабин? Вы сделали правильный выбор, сэр! Только в нашем магазине вы можете приобрести этот великолепный образчик оружия из России!

Он разливается соловьем по поводу несравненных достоинств этого «чудо-оружия», великолепных баллистических характеристик («Обратите внимание: патроны снаряжены пироксилином!»), а я, в полном обалдении, осознаю, что нашел решение одной задачи и походя, оптом и по дешевке заимел целую кучу новых.

На казенной части ствола славянской вязью выбито: «Пищаль». И чуть ниже: «Заводь братьевъ Рукавишниковыхъ», после чего следует веселенький набор из букв и цифр, долженствующий, по-видимому, обозначать серийный номер. Так вот: серийный номер у этого чуда – АА000793. Если кто не понял, повторяю: АА000793! То есть неизвестный мне производитель, в моем родном отечестве, штамует обалденные винтовки, явно военного назначения, да еще заранее закладывает в порядковом номере 1 089 000 000 комбинаций⁵⁷! Парню явно не дают спать лавры Калашникова!

Карабин, разумеется, куплен. Причем все четыре экземпляра, которые имелись в магазине. И все патроны к ним – тоже. А вечером у нас с Васильчиковым и Гревсом, который медленно, но верно превращается в заместителя Сергея Илларионовича по вопросам государственной безопасности, происходит серьезнейший разговор.

– Господа, делайте, что сочтете нужным, но я должен знать об этих братьях

⁵⁷ С миллиардом комбинаций Олег стгоряча переборщил – в порядковых номерах используются не все буквы русского алфавита. В частности, не используются «Ь» и «Ъ».

Рукавишниковых все! Кто конкретно сконструировал это оружие, кто патроны, кто делает пироксилиновый порох? Причем знать всю их подноготную: где родился, как учился, с кем живет, кого предпочитает и прочая! Срок – пятнадцать дней от возвращения в Питер. Пытайте, убивайте, предавайте Родину – но чтоб результат у меня был! Вопросы?

Отсутствие вопросов – половина результата. Ну-с, будем надеяться...

Интерлюдия

Лорд Валлентайн тяжело смотрел на сидевшего перед ним высокого плотного азиата. Вот уже минуты две, как он пытался давить его взглядом, но проклятый японец не поддавался. Наконец чиновник не выдержал:

– Итак, вы – Дэндзиро Хирикава, единственный из руководителей недоброй памяти «Заговора самураев», оставшийся после лечения практически без изменений личности, так?

Японец молча наклонил голову. Валлентайн продолжил:

– Три года назад нам с большим трудом удалось справиться с вашим заговором. Если не ошибаюсь, вы планировали уничтожить крейсер «Индианаполис» и не допустить атомной бомбардировки Японии. – Говоря это, Валлентайн сильно погрешил против истины. Все «заговорщики» были простыми клерками, членами военно-исторического клуба. Раскрыть их так называемый «заговор» не представляло большого труда. Да и дальше благих намерений взять штурмом местный филиал Института Времени, захватить установку хронопереноса и хоть как-то повлиять на события в далеком XX веке дело не пошло. – Скажите, Дэндзиро, лично мне и без всякого протокола: чего вы все-таки собирались добиться?

– Вам не понять, – промолвил японец после секундной паузы. – Вам кажется, что прошлое должно быть незыблемым. Но мы, дети Ямато, думаем иначе. Наша страна должна была занять иное, более достойное ее место.

– И вы считаете, что если не допустить прибытия атомных бомб на остров Тиниан, то эта проблема могла бы решиться?

Японец утвердительно кивнул и снова замер в позе древнего божка.

– А о том, что война была фактически проиграна и применение атомного оружия мало сказалось на конечном итоге, – вы не подумали?

Дэндзиро остался недвижим, только в его глазах мелькнуло нечто...

Добившись необходимого эффекта, лорд Валлентайн продолжил:

– Для вас есть гораздо более значимое дело, успешное выполнение которого поможет исполнению вашего желания добиться для своей страны более достойного места.

Японец промолчал.

– Некий человек, неважно кто, из 2004 года попал в конец XIX века. Неважно – как, важно – зачем, – негромко сказал чиновник, так и не добившись от собеседника хоть каких-нибудь эмоций.

– Зачем? – спросил японец безо всякого интереса.

Лорд Валлентайн прищурился, тяжело посмотрел на японца и сообщил:

– А затем, многоуважаемый господин Дэндзиро, что у него, так же как и у вас, родилась «гениальная» идея подправить историю. Только в пользу своей родины – России.

В узких глазах азиата впервые промелькнул намек на интерес. И тут же потух.

– Нереально. У росске, – японец нарочито произнес это слово на свой национальный манер, – слишком плохие руководители. Что может изменить один человек? Как он убедит императора Николая правильно руководить страной?

– А ему и не надо убеждать императора. С помощью ментального ретранслятора он и есть Николай. И относится к своей роли очень и очень серьезно.

– Какой год? – хрипло спросил Дэндзиро, подавшись вперед. – Какой год? Сколько у него лет до начала войны?

– Почти двадцать. Правда...

Японец жестом остановил спецпредставителя генсека ООН:

– Я понял, чего вы хотите. Хорошо. Мы остановим его. Но один я не смогу. Мне нужны мои люди. Все.

– Мы согласны. Но некоторые уже... – Лорд замялся. – Некоторые уже окончательно прошли перестройку психоматрицы и...

– Я вас понял. Эти мне не нужны. Оружие...

– Современного оружия вам не дадут ни при каких условиях! – вскинулся Валлентайн.

– Вы не дослушали – нам не нужно это ваше «современное оружие»! Нет славы в том, чтобы сбросить на противника ядерный заряд. Или издалека поджарить его из плазмогана. Мы, истинные наследники великих воинов прошлого страны Ямато, пойдем исключительно с холодным оружием! – гордо сказал Дэндзиро. – Распорядитесь, чтобы мне и моим людям вернули фамильные мечи!

– Думаю, что это будет сделать нетрудно! – кивнул Валлентайн. – Еще пожелания будут?

– Только одно условие: после проведения операции вы оставите нас там, где мы будем находиться. Для вас это безопасно: вряд ли кто-нибудь сможет дожить до 1945 года.

– Я не готов решить этот вопрос. Мне нужно посоветоваться и получить результаты вероятностного просчета хроноискажений...

– Разумеется. – Японец вновь был невозмутим. – Нам нужно попасть в точку, отстоящую от вероятной встречи с объектом на срок не менее одного месяца.

Выйдя из камеры, лорд Валлентайн подумал:

«Очень хочется надеяться, что эти недоделанные обезьяны, возомнившие себя настоящими самураями, истинными потомками Ямато, а на деле не знающими, как держать этот свой «фамильный меч», сумеют достаточно разозлить возмутителя спокойствия и он очертя голову ринется мстить всей Японии. Может быть, даже затеет войну. В любом случае – сфера интересов матриканта сместится с Западной Европы на Дальний Восток. А мы тем временем проведем в Европе интересную операцию, которая надежно нейтрализует этого выскочку».

Глава 14

Рассказывает Егор Шелихов

...И довелось мне с государем нашим по всей земле-матушке проехать да по всем морям-окиянам проплыть. Я ведь теперь кто? Я не просто государев первый ординарец, я государев друг! Что, скажете не бывает так, чтоб государь да с простым казаком дружбу водил? Ан бывает. Аккурат опосля того случая, когда государя нашего евойный батюшка чуть не убили (да и убили б, когда б мы все не помешали), государь наш заказал у самого Фабержея часы, ровнехонько шесть штук. Поперву-то мы с Филимоном, дружкой моим отныне задушевым, даже удивились, что, мол, не золотые часы, а серебряные, да спасибо адъютант государев, Павел Карлович, разъяснил, что к чему. Часы те, говорит, из металла платина, что дороже золота втрое! О как! Совсем одинакие часы, вся-то и разница – что на крышке прорисовано. У меня, наприклад, казак на коне на врагов во весь опор летит, пику перед себя держит. У Филимона – стрелок в засаде врага выцеливат. У Николая Оттовича – корабль в море бой ведет. Словом, каждому то прорисовано, что кому ближе. Вот. А на обратной стороне крышки прописано: «Другу моему, Егору Шелихову, от всего сердца, на память и в благодарность за мое спасение». И подпись. Батюшка мой не верит, хоть и прописал я в станицу о том. И братья мои прописывали, потому как видели! Старший-то братец мой ровнехонько через два дня посля того случая в Берлин, в немецкую землю отправился. Он теперь ихнего принца, который государю нашему и нареченной его помогал завсегда, донскому бою учит. А все ж и ему часы мои повидать довелось, когда мы вместе с государем в Германии были. И он про то также батюшке в Затонскую отписал. Да только

старик-то наш все одно не верит ни в какую! Вот уж воротимся домой, в Россию, тогда приеду в станицу да всю правду и окажу!

Теперь-то уж до России-матушки вовсе недолго осталось. Как отплыли мы на крейсере «Адмирал Нахимов» из Сан-Франциско, так вот уж и до Японской земли добрались. По пути на острова заплывали, Гавайские. От уж доложу – чудная земля, чуднее и не придумаешь! Песок здесь черный! Люди веселые, добрые, приветливые, но могут и съесть! Заместо золота да камней драгоценных тут птичьи перья носят. А правит у них король – имечко у него смешное – Калакун!⁵⁸ Армия тамошняя чуть не нагишом, но винтовки новенькие. Но самый смак – девки гавайские! Растелешутся и мужикам сами на шею вешаются. Вот рассказывать стану, так никто и не поверит, а ведь одну правду и говорю!

Только это все когда еще будет, а пока надобно бежать, потому как часы мои знаменитые прозвонили: пора тренироваться! Стало быть, ступай на палубу да изволь с государем и прочими донским боем заняться, да другим многим тож...

Государь-батюшка там уже. Ох и ловок же он стал за последний год, ох и ловок. Иной раз так двинется, прыгнет или откатится, что и глазом уследить невозможно! Ой! Вот, я ж говорил: не уследил – и качусь теперь кубарем по надраенной палубе...

«Закончить занятия!» По этой команде все (кто смог) встали, друг дружке руки пожимают. А вот смотрю на нашего государя и думаю, что все-таки верно говорят: любит Господь Россию! Вот и государь наш: не смотрите, что молод, двадцати годков еще не исполнилось. Вы в глаза его посмотрите. Удивительные у государя глаза: я такие только у некоторых стариков видел! Знаете, взгляд такой усталый, все знающий. Я-то спервоначалу думал, что такой взгляд только у государя нашего и есть, а вот с тех пор как приехал к нему братец его, Георгий, вижу – фамильное это у них! У Георгия, даром что моложе, взгляд ровно такой же. Тоже не по годам...

Думал я про то, думал, да и пошел к Филе Махаеву, обсудить то, что заметил. Выслушал меня Филимон, помарачкавал что-то, да и говорит:

– А ведь беда это, Егор, коли братец у нашего государя такой же.

Удивился я, хотел было спросить, в чем беда-то, да тут меня словно плетью по спине кто перетянул! Аж вспотел. Верно Филька говорит: видывал я, как братья родные из-за битой миски, из-за старого подсошника, что в отцовском наследстве остался, друг дружку чуть не до смерти били. А тут ведь не чугунок старый – венец императорский да престол российский! За такое наследство может такая буча выйти. А не для того ль Георгий к нашему государю приехал?..

– Вот что, Филя, – говорю. – Побежим-ка сейчас к князю Сергею Илларионовичу в каюту да все ему и обскажем. Может, что и посоветует.

Сергей Илларионович хотя и князь, а нас с Филимоном уже три года знает, потому и слушает со вниманием. До конца дослушал, помолчал да и говорит:

– Вот что, братцы. Что заметили – молодцы, только теперь молчите. Сами ни во что не лезьте, тут проверить все еще надобно. А уж коли не ошиблись: пусть Его Высочество на нас грешных обиды не держит...

Лицо у него при этом такое стало, что мы с Филимоном враз и успокоились: князь Васильчиков нашего государя в обиду не даст! Хоть бы и своему родному отцу, хоть бы и самому Господу Богу...

А вот уж и конец нашего путешествия близится. Завтра в Японскую землю придем, в порт, как бишь его... Ёкадама, что ли? Говорил мне Николай Оттович, как этот порт называется, да я подзабыл. Да и бог с ним, с портом этим. Государь сказал, что в Японии долго задерживаться не будет. Так, пару неделек, и все – домой!

Интерлюдия

⁵⁸ Король Калакауа (1835–1891) – правил с 1874 по 1891 год.

В маленькой чистенькой комнатке было жарко от пылающих жаровен. Седзи⁵⁹ задвинуты, но на всякий случай вокруг дома ходят четверо, с мечами и револьверами. Никак нельзя допустить, чтобы хоть одно слово из сказанных здесь и сейчас достигло непосвященных ушей...

– Итак, братья, завтра – великий день в истории империи, который, правда, вряд ли будет отмечен праздником. Хотя кто может угадать пути богов?..

Дэндзиро Хирикава поклонился присутствующим и отставил чашку с саке. Девятнадцать пар глаз уперлись в своего лидера.

– Вот уже семь месяцев мы с вами ожидаем этого великого дня. Того, что мы знаем, достаточно, чтобы уничтожить наглеца, дерзнувшего поднять нечестивую руку на блистательную Ниппон. Правда, одними клинками тут дела не решить... Хатори! – Указательный палец уткнулся в одного из сидевших. – Все готово?

– Мины заложены, сэнсэй, – поклонился названный. – На основном маршруте – четыре, на резервных – по три.

– Замечательно, – короткая, словно падение лепестка сливы, улыбка. – Сасаи, – указательный палец сместился вправо. – Как у тебя?

– Нам удалось достать две картечницы Норуденферда⁶⁰. Одна замаскирована под тележку продавца лапши, другая – в паланкине.

– Прекрасно. – Снова короткая улыбка. – Ёнекава?

– Обе винтовки Спенсера пристреляны на 140 кэн⁶¹. У меня и у Теруо по восемь разрывных пуль. Позиции на основном маршруте – храм богини Каннон и дом Кинтаро Михаси, на резервных – харчевня Угаки, американский ресторан, дом Тосиюки Ёкои и таможенный склад.

– Очень хорошо. – Улыбка задержалась чуть дольше. – И, наконец, Горо Нонака?

– Сэнсэй, я со своим отрядом выступаю, как только окончательно станет ясно, какой маршрут они выберут. – Говоривший издал короткий смешок: – Мы развернем его к вам лицом.

– Замечательно. – Дэндзиро Хирикава встал. – Я буду страховать вас, дети мои. И да поможет нам богиня Аватэрасу-оо-ми-ками!⁶²

Рассказывает Олег Таругин

Иокогама... Последний пункт в маршруте моего кругосветного путешествия.

Шлюпка с «Нахимова» летит к берегу, морячки слаженно взмахивают веслами. Рядом со мной «ближний круг»: Васильчиков, Ренненкампф, Эссен, Шелихов и Махаев. В наличии отсутствует только Хабалов, который совершенно самостоятельно возложил на себя обязанности начальника моей личной охраны. В принципе, это верно: Ренненкампф бредит армией, Эссен – флотом, а у Васильчикова своих собственных обязанностей не впрок. Так что Сергей Семенович высадился в Иокогаме еще вчера. Он согласовал с местными властями маршрут нашего следования, лично инструктировал туземную полицию и просто так, на всякий случай, организовал по пути нашего следования сопровождение снайперскими

⁵⁹ Раздвижные двери и перегородки в японских домах.

⁶⁰ Митральеза Норденфелта находилась на вооружении Японского императорского флота.

⁶¹ 1 кэн (яп.) – 1,81 м.

⁶² Великая, Священная богиня, Сияющая на небе (яп.) – в японской мифологии богиня Солнца и прародительница японских императоров, глава пантеона синтоистских богов.

парами. Это вот у нас такая новинка. После закупки замечательных пищалей Хабалов быстро сообразил, что эти винтовки как нельзя лучше подходят для «городских» или «лесных» снайперов. В общем, для любого поля боя, где видимость ограничена 50 – 700 метрами. Сказались-таки занятия по стрелковому делу у Императорской Фамилии стрелков и конных гренадеров!

Не рассчитывая на милости от природы, Сергей Семенович самолично заказал длиннющие четырехкратные телескопические прицелы, выдернул из личного Его Императорского Высочества конвоя (именно так теперь именуется мое сопровождение!) лучших стрелков, пристрелял эти винтовки и вручил каждому из бойцов под личную ответственность. Заинтересовавшись его деятельностью, я дал несколько практических советов, и вплоть до самого прибытия «Нахимова» Хабалов вдохновенно натаскивал снайперские пары – снайпер плюс наблюдатель. Наблюдатели получили здоровенные морские бинокли, отработали взаимодействие со стрелками и всю дорогу до Японии только и делали, что упражнялись. На чайках. Так что теперь по пути следования моей особы где-то расселись снайперы. Понятия не имею, что еще учудил Хабалов, но после парижских событий разумная осторожность не кажется мне излишней...

На пирсе нас встречает довольно большая толпа местных жителей и официальные лица. До личного прибытия микадо дело не дошло, но компания впечатляет: министр двора, министр иностранных дел, губернатор провинции, градоправитель. И все эти высокопоставленные чины окружены сонмом мелкой сошки. Из «наших» здесь присутствует генеральный консул.

Для организации торжественного кортежа японцы расстарались и собрали уйму карет и колясок. Со всей страны собирали, что ли? Вряд ли в Йокогаме может находиться одновременно около полусотни экипажей. Здесь на лошадях в основном иностранцы ездят. Но раз собрали – молодцы! Ибо невместно моему высочеству и сопровождающим ножками топтать или рикш нанимать.

Предварительные приветствия (полную церемонию с банкетом планируется провести в доме градоправителя) и рассадка по каретам занимают почти полчаса. Из каких-то там соображений мой экипаж задвигают куда-то в середину длинной колонны. Вместе со мной в открытое четырехместное ландо усаживаются Васильчиков и Шелихов. Я, развалившись, на заднем сиденье, соратники – на переднем, лицом ко мне. Филя Махаев взгромождается на козлы рядом с кучером. Японский министр двора делает попытку влезть четвертым, но, наткнувшись на взгляд князя, теряется и начинает что-то лопотать. О чем ты, сердешный? Ага, оказывается, по протоколу сей субъект должен меня сопровождать. Этого еще не хватало – гида без знания языка! Я лениво отмахиваюсь, и растерянный министр садится в другую карету. Наконец-то трогаемся! Кортеж медленно втягивается на не слишком просторные улицы. К счастью, ехать предстоит по сэттльменту – той части города, где живут и ведут свои дела иностранцы. В туземных кварталах мы бы просто заблудились – уж больно там улочки кривые и узкие. А здесь почти проспект – прямой и метров семь шириной! Вдоль стен двух-трехэтажных домов тесно, подпертые цепью полицейских, толпятся аборигены. Особой радости на их лицах нет, скорее любопытство и некоторое удовольствие от зрелища. Нечасто к ним приезжают наследники великой империи.

Коляски двигаются медленней пешехода. Особых красот вокруг нет – колонизаторский стандарт, такие дома можно увидеть и в Африке, глазу не на чем остановиться. Я поневоле начинаю размышлять о дальнейших планах. Долго задерживаться в Японии я не собираюсь. Нечего рассиживаться. Да, если честно, в Японии мне и смотреть-то нечего. Разумеется, я мог бы порадовать себя обозрением разнообразных удивительных пейзажей, посетить синтоистские храмы и монастыри, прикупить с полдесятка замечательных гравюр, полюбоваться садами камней, посетить театры но и кабуки, пополнить коллекцию нэцке... да мало ли что еще можно было бы сделать.

Вот только времени у меня на все эти прелести нет. То есть абсолютно. Дома столько дел, что все и не перечесть. Надо всерьез заняться новым полевым уставом, как следует

пошерстить программу Академии Генерального штаба, поработать с проектами кораблей, проследить, чтобы Круппу и компании создали нужные условия, и т. д. и т. п... А ведь все это я буду делать один, вот этими вот двумя руками!

Как все-таки досадно, что я здесь один-одинешенек! Насколько было бы легче, если бы... Да ладно, что уж, и помечтать нельзя? Вот был бы со мной кто-нибудь из моего времени. Да еще такой, на кого я могу рассчитывать... Кто-то, с кем можно посоветоваться, все обсудить, не изображая при этом Господа Бога или гениального провидца. Э-эх, сейчас бы сюда ребят, с кем довелось врага в прицел выглядывать... Димыч, где ж ты сейчас?! В последнее время что-то я его частенько вспоминаю. Интересно, он хоть видит по этому странному ноутбуку, чего я тут вытворяю?..

Непонятный шум отвлекает меня от приятных мыслей о Димке и «старых добрых временах», когда трава была зеленее, небо – синее, а я сам – изрядно моложе и вообще – в другом времени. Так-с, ну что у нас тут?..

Трое молодых японцев слева от нашей процессии что-то бурно выясняют с полицейскими из оцепления. Я не понял: этим желтозадым обязательно надо прорваться поближе к процессии? Ага, так у них тележка с лапшой! И сейчас эти придурки пытаются то ли убрать ее с проезжей части, то ли вытолкнуть прямо поперек процессии. Господи, они что – собираются предложить гэйдзинам местный деликатес или у них просто дикая тяга дотронуться до августейшего тела?! Причем в качестве «августейшего тела» в данный момент выступает кто-то из офицеров-атаманцев, напротив экипажа которого и происходит вся эта непонятная возня! Попутали со мной, или... Причем как раз в той коляске сидит министр двора. Еще одна странность – эти «страждущие» выше на целую голову окружающей толпы! Ну не на ходулях же они! Или здесь проходит съезд японцев-великанов?

Дикий крик: «Спасай государя!» – и в ту же секунду хлестко ударяет выстрел из пищаля. Еще один! Все-таки началось?!!

Я выскакиваю из коляски и пригибаюсь. Васильчиков и Шелихов стоят во весь рост в ландо, с обнаженными револьверами в руках.

Внезапно земля подо мной вздрагивает, и в уши тяжело толкается оглушительный грохот! Потом на меня рушится нечто невообразимо тяжелое, и только спустя мгновение я понимаю, что это – Филя Махаев. Господи, тяжелый-то он какой!

– Ништо, государь, ништо, батюшка, – прерывисто шепчет он мне в самое ухо. – Ужо сейчас супостатам будет...

Неожиданно Махаев куда-то исчезает. Я осторожно приподнимаюсь... Э-э! Филя вдохновенно отмахивается от двоих ублюдков в кимоно, в то время как Васильчиков пытается выцелить одного из нападающих из револьвера. Надо бы вмешаться, но тут рядом со мной возникает Хабалов, во главе полудесятка атаманцев. Не тратя времени на долгие разговоры, атаманцы окружают меня плотным кольцом и чуть не бегом двигаются в сторону порта. Шелихов бежит рядом, старательно пытаюсь прикрыть меня сразу со всех направлений – на деле просто путаясь под ногами. Я рываю на Егора, чтобы не мельтешил, и наконец-то походный ордер устаканивается – Егор слева, Сергей Семенович справа.

Позади нас натуральный ад. Грохочут выстрелы, воинственные возгласы «Банзай!» перемешиваются с отборным русским матом. Истошно вопят мирные жители, которые получили, что называется, «в чужом пиру похмелье». Неожиданно начинается быстрая пальба залпами. Не успев подумать о том, какого рожна здесь забыла регулярная японская армия, я соображаю, что в дело вступили картечники. М-да, вот и гадай теперь, что это у нас такое: хронокаратели или длинные руки спецслужб «Виндзорской вдовы»?..

Я на бегу успеваю сообразить, что отступление по основному маршруту движения кортежа – не есть хорошо! Неужели Хабалов не предусмотрел запасных путей отхода? Нет, предусмотрел – толкает меня в какой-то переулок. Мы всей толпой пытаемся втиснуться в узкий проход, дополнительно загроможденный корзинами, ящиками и укрывающимися за этим барахлом мирными жителями.

Очень вовремя!

Внезапно прямо за нашей группой вспучивается мощенная камнем мостовая. Тяжелый удар бьет по ногам, и я лечу куда-то, надеясь, что приземление окажется не очень жестким. К счастью, плюхаюсь я на что-то мягкое, при ближайшем рассмотрении оказавшееся трупом японца. Но и такой финиш едва не выбивает из меня сознание. С трудом приподнимаюсь, нащупывая на поясе оружие, но ремень вместе с кобурой просто сдуло взрывной волной. Дым быстро рассеивается.

О господи! Моим телохранителям досталось по самое не балуйся! Четверо атаманцев лежат, разорванные осколками каменного крошева, пятого не видно вообще, Хабалов шипит от боли, зажимая левое плечо. А у меня в голове весело звенят колокольчики – знакомый симптом контузии. Только Шелихов стоит, покачиваясь, посреди кровавых луж.

А из глубины переулка к нам спешат двое очень серьезных молодцов, на ходу извлекая из свернутых в рулон соломенных ковриков... катаны. И опять-таки – росточка в этих ребятишках добрых два метра! Ну, если и не два, то 180 сантиметров – точно! И откуда они такие взялись? Увидев эту «сладкую парочку», Шелихов выхватывает шашку и, ощерив зубы в недоброй ухмылке, движется им навстречу. Блин, а я не рассказывал своим ребятам о приемах кендо! Сейчас ведь моего верного паладина на куски построгают...

Странно, что я недооценивал казачье искусство фехтования. Егорка закрутил шашку вокруг себя с такой скоростью, что она просто-таки слилась в единую серебристую полосу, кольцом опоясывающую атаманца. Интересно, интересно...

Бл...ь! Да что это я – совсем рехнулся, что ли? Кой пес «интересно»? Это ж ведь меня убивать пришли, а я – точно кино смотрю!!! Пора и мне вмешаться в это развеселое действо!

«Смит и vesson», извлеченный из кобуры одного из убитых казаков, быстро плюется огнем три раза подряд. Что, косорылые, вкусно? То-то, это тебе не мисо⁶³ у тещи наворачивать и не суши скирдовать! Один из нападающих сломанной куклой валится на бок. Второй пытается уклониться от пуль и тут же подворачивается под вихрь казачьего клинка. Есть!

– Вставай, государь, иттить надобно, там еще двое сюда бегут! – почему-то радостно (или мне так кажется из-за контузии) сообщает Егорка, вытирая клинок шашки о полу кимоно поверженного противника.

В глубине переулка действительно появляются две характерных рослых фигуры. Мы с Шелиховым торопливо выпускаем по японцам остаток патронов в барабане. Нападающие залегают.

Пользуясь оперативной паузой, я обращаюсь к нашему раненому товарищу:

– Сергей Семенович, ты сам-то идти можешь?

Хабалов начинает уговаривать нас бросить его прямо здесь, оставив патронов. Он, мол, сумеет здесь продержаться до подхода... Не слушая его слов, мы с Шелиховым помогаем ему встать и с трудом выбираемся из прохода на заваленный битым камнем и трупами «магистральный проспект», и... тут у Хабалова разлетается голова! Меня густо обдаёт брызгами крови и мозгов. Ну ни хрена себе! Такое поражающее действие могут нанести только... пули «дум-дум»! Неужели их уже изобрели?! Значит, все-таки иновременцы... То-то я смотрю – ростику в этих «лбах» не по нынешней низкобелковой диете!

Шелихов толкает меня в одну сторону, а сам, отвлекая внимание снайпера, зигзагом бежит в другую. Рядом с ним вырастают фонтанчики выбитой пулями земли. Эге! Кроме снайпера, совсем рядом еще двое с револьверами! Я вскакиваю как ужаленный и, петляя, словно взбесившийся заяц, мчусь назад, к своему конвою. Мимо свистит пара пуль – и это все! Похоже, что японцы просто растерялись, не понимая толком, в кого стрелять! Эх, Сергей Семеныч... Сергей Семеныч... Даже ценой своей смерти отвел глаза гадам! Выходит, что террористы решили: раз два человека, рискуя жизнью, старательно тащат раненого – он

⁶³ Мисо – блюдо японской кухни, род супа.

важная птица! Наконец мне вроде бы удастся добежать до кортежа и затеряться среди нагромождения карет, конских трупов и мельтешащих людей. Уж снайпер-то точно меня потерял. Пригнувшись, я пробираюсь вперед. Неожиданно я налетаю на Георгия. «Милый братец», похоже, всерьез решил за меня заступиться. По крайней мере, именно на эту мысль наводят револьвер в правой руке и обнаженный кортик – в левой. Глаза его безумно вытаращены, похоже, что он сам не очень соображает – где находится, но, разобравшись, кто перед ним, он кидается ко мне:

– Почему ты еще здесь?! – Ого, как «его высочество» заговорили! – Немедленно уходи на крейсер, здесь очень опасно!

– Спокойно, Егорка. Своих не бросаю. Сейчас вместе и уйдем...

Близкий взрыв заставляет нас пригнуться. Еще один фугас? Солидно подготовились ребята!

Внезапно Георгий с каким-то звериным криком бросается на меня. Я не успеваю понять, в чем, собственно, дело, когда он начинает заваливаться на бок. С трудом успеваю подхватить смертельно раненного «брата» (в ранах я разбираюсь). Руки Георгия прижаты к груди, а из-под сцепленных пальцев толчками выплескивается темная кровь. Я с трудом отрываю взгляд от этого «живого источника» и поднимаю глаза. Господи!..

Человек в разорванном кимоно целится в меня из револьвера. На такой дистанции уклониться невозможно. Ну, все, отцарствовался...

Нет?.. Револьвер впустую щелкает курком. Террорист уже успел расстрелять все патроны, и последний достался «брату». Выплюнув энергичную фразу, японец отбрасывает разряженное оружие. Но мне от этого не легче: парень одним махом обнажает клинок, хоть и вдвое меньше катаны, но все равно солидный, и делает шаг в мою сторону... А я... Адреналиновый допинг, подстегнувший меня в момент снайперской атаки, закончил действие. Ватные после контузии ноги почти не держат – я глупо стою столбом, придерживая легкое тело Георгия.

Неожиданно животное торжество на лице убийцы сменяется выражением крайнего изумления. Из груди японца высовывается свой кончик сабля. Ноги его подламываются, точно из них разом вынули кости, косоглазый рушится на колени. А моему взору открывается греческий принц, застывший в картинной позе, продолжая удерживать рукоять проткнувшей нападавшего сабли. Чудны дела твои, Вседержитель! Видно, этому греку на роду написано спасти цесаревича Николая⁶⁴...

– Кузен, вы не пострадали? Похоже, что я успел вовремя, – обращается ко мне Георг с легким поклоном. И тут же, заметив мою страшную ношу: – Боже, что с вашим братом?

Что? А так не видно? Георгий со стоном приоткрывает глаза, находит меня взглядом:

– Хорошо, что ты уцелел, Олег...

И правда, неплохо... Что?! Как ты меня назвал?! КАКОЙ ОЛЕГ?! Георгий между тем хриплым шепотом продолжает:

– Ты им еще всем покажешь... Ты сильный... Они... Им не справиться... Жаль, что я не буду с тобой... Теперь... – Он замолкает надолго. Я осторожно опускаю его на землю, наклоняюсь поближе:

– Братка, ты кто?

– Ле... Леонид...

Похоже – все. Финиш... Леонид? Да, дела... И защищал меня? Фантастика...

Теперь около меня сгруппировались все мои спутники. Греки прямо-таки лопаются от гордости и тараторят без умолку, обсуждая перипетии окончившегося боя. Атаманцы и стрелки стоят молча. На подошедших Васильчикове и Ренненкампе просто лица нет – они

⁶⁴ 29 апреля 1891 года в японском городе Оцу, префектура Сига, произошел неприятный инцидент, едва не стоивший жизни цесаревичу Николаю. На цесаревича внезапно напал полицейский Сандзо Цуда из оцепления. Свита бросилась врассыпную, и только греческий принц Георг (Джорджи) нашел в себе смелость преградить путь убийце.

прекрасно понимают, что спасло нас только чудо. Появляется Шелихов, начинает говорить что-то о ликвидированных снайперах, но, увидев Георгия, замолкает. «Не переживай, Егор, – счет все равно в нашу пользу!» – устало думаю я. Господа офицеры ждут дальнейших приказаний. Пожалуй, надо возвращаться. Васильчиков коротко взмахивает рукой, меня снова окружают уцелевшие атаманцы. Мы поворачиваем в порт...

Неожиданно мое внимание привлекает странный персонаж. Только что этот немолодой высокий японец смиренно стоял в толпе, а вот теперь, решительно расталкивая людей, идет ко мне навстречу.

Интерлюдия

Дэндзиро Хирикава спокойно шел навстречу своей смерти. Они проиграли. Дэндзиро даже не предполагал, что может натворить человек, возвращенный не в рафинированном XVIII столетии, а в кровавом и хищном XX веке.

Дэндзиро не ощущал разочарования. Они сделали все, что от них зависело. Они боролись за свою родину, за бессмертную славу древней Ямато, но потерпели поражение. Матрикант собрал и обучил такую сильную команду, что соратники японца оказались слабее. Как эти длинноносые варвары бросались на картечницы! Неприятно признавать, но их дух был не слабее японского. А как быстро и страшно расправлялись их стрелки с его людьми! И в бое на мечах не уступали. Это не стыдно: проиграть тому, кто сильнее и хитрее тебя. Так учит древний кодекс Бусидо, а заветам этого кодекса бывший младший бухгалтер финансового отдела компании «Комори» Дэндзиро Хирикава следовал всю свою жизнь. Проигравший не должен оставаться в живых. Он сейчас окажет этому росске последнюю почесть. Тот заслужил ее...

Хирикава полуобнажил меч и начал обматывать клинок плотным оби⁶⁵. Несколько русских подались было вперед, но росске коротким жестом остановил своих людей. «Он понял. Он знает», – подумал Дэндзиро и, до конца распахнув кимоно, поклонился своему противнику. Затем, опустившись на колени поверх упавшей одежды, японец неторопливо потянул клинок из ножен. Семейный меч, верой и правдой служивший тридцати поколениям его предков. Он не опозорит этого святого оружия...

Матрикант вдруг что-то сказал своему спутнику, молодому воину с курчавой короткой бородкой. Тот было возразил, но в голосе его хозяина зазвучали повелительные нотки, и он, молча кивнув, сделал шаг вперед.

Матрикант повернулся к Хирикаве.

– Кайсяку⁶⁶, – произнес он негромко.

Хирикава чуть улыбнулся и снова кивнул. «О благая богиня Канон! – подумалось ему вдруг. – Благодарю тебя за оказанную милость. Я успел лицезреть великого императора, властелина мира!» Дэндзиро вонзил меч себе в живот, резко дернул, увеличивая разрез. Он услышал, как матрикант негромко произнес «Соёнара»⁶⁷, хотел было ответить, но молодой воин уже подошел к нему, и последнее, что видел в своей жизни Дэндзиро Хирикава, был стремительный взблеск стали, принесшей ему избавление от боли и успокоение.

Рассказывает Егор Шелихов

В Японской земле мы и одного дня не пробыли. Напали на нас японцы и государева

⁶⁵ Оби – длинный и широкий пояс.

⁶⁶ Кайсяку – самурай, который во время обряда сеппуку прекращает мучения, отрубая самоубийце голову.

⁶⁷ До свидания (яп.).

брата погубили. Да Хабалова Сергея Семеныча, да станичников и стрелков более двух десятков. Мы, как отбились, разом на крейсер кинулись. А государь-то батюшка уж так по брату убивался, так убивался! Как на крейсере оказались – до самой ночи в каюте просидел, рядом с телом, значит. Офицеры к нему рвутся, князь Сергей Илларионович извелся весь, а государь молчит. Никого не принимает, не ест, не пьет, молчит. Только к ночи и отошел. Велел в каюту себе подать водки, закуски там какой, да нас всех шестерых и пригласил. Сели, поминать всех убитых стали. А как штофа четыре приговорили, так государь и говорит: господа офицеры, мол, боле вас не задерживаю, возвращайтесь, говорит, к своим обязанностям. А нас с Филей оставил!

Вот как мы втроем-то остались, так государь почал крепко пить. Уже и не закусыват, а так, машет одну за другой. А потом и говорит: а не знаешь ли, Егор, каких песен, да таких, чтоб не стыдно ими было хорошего человека помянуть. Брата твоего, батюшка, спрашиваю. А он словно запнулся, а потом и говорит: брата, мол, да, брата. Ну а как песен-то не знать? Знаю. А он опять спрашивает, не знаешь ли, Егор, «Как на дикий Терек»? Да как не знаю – знаю, оченно даже знаю. Запевай, говорит.

Спели мы, стал быть, а потом еще и «Черного ворона», и «Скакал казак через долину». Я-то еще поразился, откуда ж государь наши песни-то казачьи так хорошо знает. Да меня потом Махаев надоумил. Грит, еще в детстве, маленькому государю нашему, дед его, светлой памяти Александр Освободитель, песенников из гвардии присылал. Кто-то ему это рассказывал. А оно и видать. Коли человек на хороших песнях взрастал, так это завсегда себя окажет.

Вот только япошкам бы всем себе теперь лучше самим пузы повзрезать, как тот, которому я башку снес. Не простит им этого государь наш, ох не простит! Как мы допели, так государь вдруг махнул полстакана «орленой», да и запел. Хорошая песня, душевная. Сам, верно, сложил. Всех-то слов я не упомяну, а только поется в той песне, что, мол, ежели, к примеру, завтра, храни бог, война, то за батюшку царя да за Русь-матушку весь расейский народ как один человек встанет! И что, мол, если завтра война, то уж сегодня к походу готовиться надобно! Ну, мы как с Филимоном это услышали, так сразу государю и говорим: «Приказывай, батюшка! Готовы мы!» А он посмотрел на нас, обнял, да и отвечает, что, мол, он и сам это знает, а только пока не все и не всё еще к войне готово. А то эти макаки у нас бы красной юшкой еще вчера умылись! Не простит им государь, ничего не простит!

А потом государь наш совсем напился. Про то мы одни с Филимоном знаем, да вот только никомушеньки не расскажем. Хоть на куски нас режь! Даром мы, что ль, государевы друзья?

Стакан-то государь отставил, и вдруг видим мы с Махаевым, что глаза у него изменились. Смотрит на нас государь и, видно, понять не может: кто мы такие, откуда взялись? Потом петь что-то про артиллеристов начал, которым кто-то с чудным прозвищем «Сталин» приказ отдал. Потом батюшка-то наш молиться стал. Вот сколько я с государем, а ни разу не видел, чтоб он на колени перед образами падал. Лоб перекрестит, и ладно. А тут так молился, что аж страшно становилось. Все о каком-то освобождении просил. Перемигнулись мы тут с Филей, да и решили, что негоже государю в таком виде перед остальными себя показывать. Ну и... короче, скрутили мы его, опояской махаевской связали да на постелю и положили. И вот что удивительно: я-то думал, что нам это большим боком выйдет, ведь государь-то дерется, прости господи, чисто как сатанюка, ан нет! Даже и противиться-то толком не мог, только отмахивался как-то вяло... Ну да оно и к лучшему, а то без синяков и ссадин бы не обошлось.

На другой день государь и занятия утренние, и завтрак проспал и только уж опосля обеда пробудиться изволил. К тому времени наш «Нахимов», а с ним и еще четыре русских корабля уж давно от японского берега уплыли и во Владивосток торопились. А мы все это время, хоть и пьяные были, каюту государеву охраняли, да никого к нему не допускали. А как проснулся он, так ровно и не пил ничего вчера. Я его еще, грешным делом, спросил про песню ту, что он вчера сложил. Мол, вели, батюшка, чтоб атаманы твои эту песню выучили.

А он улыбается и ласково так говорит мне: не время, мол, братишка, еще для этой песни. Придет время, не то что атаманцы – вся страна ее выучит...

Глава 15

Рассказывает Олег Таругин

Нельзя сказать, чтобы смерть Георгия-Леонида тронула меня очень уж сильно. Все-таки и «братец» Георгий, и «иновременник» Леонид были люди малознакомые. Я больше жалел о потере Хабалова да своих атаманцев и стрелков. Эти ребята со мной почти три года прожили – я всех по именам знал! Но все произошедшие в Японии события наглядно показали, что ребяташки из будущего окончательно перестали стесняться в выборе средств. Стало окончательно, до доньшка ясно, что, покинь я сейчас тело цесаревича, – ему все равно не жить, а заодно «зачистят» и всех к нему приближенных и отдаленных.

Вот это прибило мой мозг до состояния анабиоза – осознание факта неминуемой скорой смерти и разрушение всего дела, над которым я столько работал. Остро захотелось спрятаться куда-нибудь в глухой медвежий угол и чтобы все про меня забыли. Но потом, взглянув на спокойные, открытые лица Егора и Фили, полные самого святого доверия ко мне, доверия, сравнимого разве что с доверием Господу Богу, я понял – нет, не могу я их оставить! Они простят мне все, что угодно, – кроме трусости! Ну а раз так – вперед! Что бы я ни делал в дальнейшем, самолюбие утешала одна догадка – раз уж на меня бросили такой десант – значит, я уже сделал что-то такое, в корне поменявшее «естественный ход истории»!

Последствия покушения были весьма интересными и удивительными.

Во-первых – мой «батюшка», император Александр, всегда был решительным мужиком, а уж с тех пор как пить завязал... в общем, он объявил мобилизацию первой очереди резервистов и отдал приказ Балтийскому флоту о подготовке к переходу на Дальневосточный ТВД. Хорошо еще, что до прямого объявления войны пока не дошло.

Во-вторых – мировая общественность однозначно была на нашей стороне и через свои средства массовой информации настойчиво требовала покарать зарвавшихся косоглазых обезьян. Однако уклон был скорее в межрасовые отношения – мы были «белыми прогрессорами», а японцы – «желтыми дикарями».

В-третьих – японский император, жутко напуганный как покушением, так и фактом нашего быстрого «бегства» из пределов страны Ямато, видимо, вообразил, что с такой скоростью мы бросились за подмогой и вот-вот на рейде Токийского залива появятся корабли Балтфлота. В связи с этим простыми извинениями дело не ограничилось – среди администрации Иогогамы была проведена своеобразная децимация – все городское руководство и высшие полицейские чины в спешном порядке сделали сеппуку. Не пережив позора, за ними последовал чудом уцелевший во время покушения министр двора (министр иностранных дел во время покушения погиб). Дурной пример заразителен – по всей Стране восходящего солнца прокатилась волна ритуальных самоубийств.

Я с минуты на минуту ожидал, что меня нагонит в пути наследник хризантемового трона Хирохито, несущий на плечах мешок с отрубленными головами. Но до таких ужасов, к счастью, не дошло...

Пока мировое сообщество издавало воинственный клекот, Россия демонстративно готовилась к войне, а Япония изнуряла себя кровавой епитимьей, дипломаты торопливо обменивались нотами и коммюнике, пытаясь хоть как-то урегулировать конфликт, не доводя вопрос до горячей стадии.

Дорога по бескрайним просторам Российской империи из Владика в европейскую часть страны заняла более трех месяцев. Был бы построен Транссиб – ушло бы недели две, а так...

По пути мы регулярно встречались с людьми, как с простым народом, так и

с облеченными властью. Весть о гибели Георгия летела впереди нас. Народ жалел меня и возмущался поведением японцев. Со всех сторон я слышал: уж только позволь, батюшка, мы этих желтопуzych макак голыми руками порвем. По мере движения на запад градус настроения все повышался и повышался. Встречи с большим скоплением людей теперь больше напоминали митинги.

Но в Красноярске я получил письмо от «папы», с наказом прекратить муссирование темы ответного удара. Оказывается, дипломаты все-таки сумели договориться. И размеры компенсации физического и морального ущерба были потрясающими – японцы передавали нам Окинаву, которую сами хапнули всего лет пятнадцать назад. А еще нашей торговле предоставлялись существенные преференции. Ну и что-то еще по мелочи. На мое ответное возмущенное письмо, мол, как же так – разменяли жизнь сына на какой-то островок, «папа» в резкой и категоричной форме высказался в том смысле, что лично он ничего забывать и прощать не собирается. А просто не время сейчас – вот соберем силы, и тогда... Да, я все больше убеждаюсь, что трезвый Александр мне нравится больше!

Поэтому дальнейшая поездка по стране уже не носила характера агитационно-пропагандистской. Тело Георгия, с небольшим сопровождением, отправилось в Петербург ускоренным маршем, а я с соратниками продолжил неспешный вояж по регионам. Так мы доехали до Волги в канун Рождества, отпраздновав Новый, 1888 год в пути.

Так. Что у нас там дальше по программе? Ага, Нижний Новгород. Экономический центр России. Жаль, что в это посещение не увижу знаменитую ярмарку – она проходит осенью, ну да ничего! Здесь и без ярмарки хватает достопримечательностей и интересных людей. Кстати, об интересных людях... У Васильчикова должны быть записаны самые крупные воротилы города, с которыми стоит наладить контакт.

– Сергей Илларионович! – негромко окликаю я.

– Слушаю, государь! – Васильчиков приподнимает голову от каких-то документов, которые он увлеченно изучает вот уже второй час.

– Кто у нас в Нижнем на повестке дня? Из крупных промышленников?

Князь несколько секунд смотрит на меня, потом неожиданно хмыкает:

– Вы, государь, словно мысли читать умеете! – На обращения моей свиты ко мне императорским титулом я уже давно махнул рукой, но сейчас слово «государь» прозвучало из уст Сергея Илларионовича как-то по-особенному. А князюшка, переложив несколько бумажек, продолжает: – Вот как раз сейчас я в последний раз сверял данные, полученные из разных источников, и уже хотел доложить, а вы...

Я улыбаюсь и киваю Васильчикову, мол, говори дальше. И князь начинает докладывать:

– Первой и самой главной промышленно-финансовой компанией Нижнего Новгорода на сегодняшний момент является «Торговый дом братьев Рукавишниковых».

– Тех самых, что...

– Да, тех самых, чьи винтовки мы купили в Сан-Франциско. Семейное дело принадлежит четверем братьям, но наиболее интересным представляется самый младший – Александр. Характерная деталь – три года назад этот молодой человек, а от роду ему тогда было 25 лет, забирает свою долю из компании «Рукавишников и сыновья», где в то время заправлял старший брат – Иван. Действие это сопровождалось скандалом, связанным с попыткой старших братьев лишить Александра его доли, мотивируя свой отказ молодостью и умственной неполноценностью младшенького. Однако Александр сумел преодолеть все препоны. Позднее к нему присоединился средний брат, с которым Александр и организовал новый торговый дом, названный «Братья Рукавишниковы». Доставшийся им при разделе старый железоплавильный заводик был полностью перестроен и оснащен новым оборудованием. Именно на нем сейчас производятся так заинтересовавшие вас, государь, винтовки. По отдельным слухам, их изобретателем был именно Александр...

Оставшиеся до Нижнего несколько часов пути я еще и еще раз перечитываю

документы по братьям Рукавишниковым, собранные Васильчиковым, Гревсом и их присными. Ну что ж... Главный в этой братской компании, несомненно, Александр. Вот, блин, гений-самоучка! Или не гений, а просто хорошо ЗАПОМНИВШИЙ? Ведь появилась, а точнее – проявилась эта одиозная личность практически одновременно со мной – в 1884 году. Очередной «вселенец», на которых я уже насмотрелся? С большой долей вероятности – да! Тем более что возникший вокруг завода городок имеет весьма примечательное наименование – Стальград! А это – очень интересный штрих! Но если предыдущие встреченные мною «вселенцы» норовили меня нейтрализовать, а позднее и убить, то этот человек тихо, относительно тихо, сидел в Нижнем и тщательно, скрупулезно занимался модернизацией промышленности. Как явствовало из докладных записок – буквально днюя и ночуя на заводе. Чем, несомненно, работал на благо России, а следовательно, и того дела, что я задумал.

Снедаемый любопытством, я выгружаюсь в Нижнем, принимаю визит вежливости губернатора и градоначальника и немедля беру быка за рога. В приемной собраны основные промышленники земли Нижегородской. И даже через дверь ощущается их напряженное ожидание. Начнем, благословясь...

– Егор, давай Александра Рукавишникова, а как запустишь, будь настороже! – команду я, и через мгновение Шелихов вводит ко мне искомого персонажа. Ну-с, посмотрим, полюбопытствуем...

Передо мной стоит молодой человек, одетый по последней парижской моде. По виду и не скажешь, что мужик вкалывает по восемнадцать-двадцать часов в сутки. Подтянутый, стройный. Даже через сюртук видно, что мышцами его бог не обидел. Забавно, но ощущение такое, что парень тренируется не хуже моего...

– Здравствуйте, Александр Михайлович! Присаживайтесь!

– Здравствуйте, Ваше Высочество!

Эка! Уселся так, словно и не ожидал ничего другого! Ну, блин, дает. Да еще и рассматривать меня взялся. Не люблю, когда меня вот так вот в упор разглядывают. По привычке еще из прежней жизни прикусываю губу. Поиграем в гляделки? Ну попробуй. Вот гад! И взгляд мой держит...

– Весьма наслышан о ваших успехах и достижениях, Александр Михайлович!

Не вставая с кресла, Рукавишников слегка кланяется:

– Пустяки, Ваше Высочество!

– Да уж какие пустяки. Завод сталелитейный полностью реконструировали! А теперь еще и химический комбинат строить собрались! А потянете ли?

– Потянем, Ваше Высочество. Отчего не потянуть? – степенно отвечает он. Вот теперь все же видно – купчина.

Неожиданно в глазах у него мелькает некое странное выражение:

– Это ведь как черешню в садах Приднестровья по ночам собирать – и знаешь, что опасно, а сладенького хочется!

Чего? Чего он сказал?! КАКУЮ ЧЕРЕШНЮ?!! Что он несет?

– Черешню? В Приднестровье? По ночам? – ничего не понимая, обалдело переспрашиваю я.

– Да, – купчина степенно кивает, хотя в его глазах сейчас... и продолжает, неожиданно подавшись ко мне всем телом: – Сидишь на ветке, почти у самой верхушки дерева, потому как внизу уже все ободрали, и молишься, чтобы с правого берега «крупняк» по пристрелянному садику не долбанул...

Какой КРУПНЯК?!! У него крыша поехала? С правого берега?!! С ПРАВОГО берега!!! Днестра!!!

Я вскакиваю, отбрасывая кресло.

– Откуда ты ЭТО знаешь?!! – ору я, и тут до меня доходит, что только один человек из моих знакомых знает вкус приднестровской черешни и этот человек...

– ДИМКА?!!

Интерлюдия

В тусклом свете кажется, что лица сидящих в зале людей – посмертные гипсовые маски. Стоит гробовая тишина. Кто-то роняет на пол карандаш, собравшиеся вздрагивают, словно в зале рванула граната.

– Коллеги! – прокашлявшись, начинает председатель. – С горечью должен констатировать: две тщательно спланированных операции по устранению матриканта с треском провалились! Во время первой – руками его так называемого отца, мы не учли способность ближнего окружения цесаревича пойти на акт прямого неповиновения своему императору. Вплоть до убийства... Во время второй – массированного нападения во время визита в Японию – нами было упущено из вида, что после первого покушения матрикант будет все время настороже, да и его верные опричники оказались прекрасно подготовлены к скоротечной уличной схватке. Чего только стоят размещенные на крышах снайперы! Боюсь, что наши способы как-либо повлиять на изменения в исторической последовательности исчерпаны. Ситуация катастрофическая. Уже и в нашем институте произошло несколько случаев хроноамнезии, а также пропажи людей и полной замены одних людей другими. – По залу пронесся ветерок от одновременного вздоха десятков человек. – Передаю слово спецпредставителю генсека ООН лорду Валлентайну.

– Проведенными мною лично следственными мероприятиями установлено, что переносной мнемотранслятор типа ПМВ-13 бис оказался в руках неподготовленного аборигена из кластера 2004 не только и не столько вследствие преступной халатности доктора Фалина и магистра Крупиной. – Спецпредставитель генсека ООН роняет слова, словно тяжелые камни. – Практически доказан злой умысел Фалина, позволившего неустановленному лицу унести прибор сразу после переноса матрицы. – Невнятный шепот возмущения с задних рядов утихает под хмурым взглядом чиновника. Еще раз окинув присмиривших под глыбой неслыханного обвинения ученых, инспектор продолжает: – Вероятно, магистр Крупина не была посвящена в замыслы своего непосредственного начальника, но расследование ее действий продолжается. Сейчас она отстранена от должности и находится под домашним арестом.

– А сам Фалин? – выкрикнул с задних рядов фальцет.

Валлентайн поднимает голову и целую минуту буравит взглядом лица собравшихся. При этом становится видно, что его подбородок и щеки покрыты ярко-розовыми пятнами молодой кожи – совсем недавно лорд проходил процедуры регенерации. Тишина в зале становится оглушающей. Спецпредставитель удовлетворенно кивает и неспешно продолжает рассказ:

– Чтобы установить все это, мне самому пришлось отправляться в означенный кластер. Выяснилось, что сразу после переноса матрицы абориген естественным образом впал в кому. Его тело было помещено в дорогу, по меркам кластера, клинику, где и находится в настоящий момент. Если, конечно, отстоящий от нас на несколько столетий год можно назвать «настоящим». – Улыбка Валлентайна заставила участников собрания нервно сжаться. – А деньги на оплату содержания семьи донора и больничных счетов выделяет близкий друг виновника всех неприятностей – некий Дмитрий Политов. Этот господин находился в плотном контакте с донором последние десять лет. Участвовал вместе с ним в боевых действиях, разделяет взгляды донора на историю. В частности, на поливариативность протекающих в России на рубеже XIX–XX веков процессов. По свидетельству жены донора, Политов неоднократно навещал ее мужа по утрам в выходные дни. А как раз в один из таких дней и произошло событие, последствия которого мы все здесь расхлебываем. Так что с вероятностью 80–90 процентов именно Политов забрал мнемотранслятор сразу после переноса.

– Ну так найти его и отобрать прибор! – взрывает низкий глухой голос. – Там же есть функция принудительного возврата!

– Это не представляется возможным! – сжав зубы, цедит слова чиновник. – Наш интересант впал в состояние, сходное с комой первого донора. Сейчас они лежат в одной палате.

– Господи! – испуганно вскрикивает фальцет. – Неужели еще один донор?!!

Гробовая тишина похоронена под валом панических голосов. Валлентайн терпеливо подождал, когда участники собрания выговорятся. И следующие его слова ввергли всех в еще большую панику.

– Но это еще не все. Во время проведения оперативных мероприятий мы наткнулись на явное противодействие, исходящее от аборигенов. Вероятно, что наша возможность перемещаться во времени раскрыта на уровне спецслужб кластера 2004. Мне с трудом удалось уйти, эти мерзавцы били меня руками по лицу! – Лорд машинально дотрагивается до розового пятна на подбородке. – Дальнейшее проведение каких-либо активных действий в означенном кластере представляется мне невозможным.

– Почему? – спрашивают сразу несколько голосов.

– Доктор Фалин был захвачен нашими оппонентами. Или сдался сам. Сейчас это уже неважно – главное в том, что наши неведомые противники отлично сумели воспользоваться своим трофеем. Судя по всему, Фалин сдал им всю находящуюся на территории России сеть стационарных трансляторов. Теперь этот кластер закрыт для физического проникновения. А без промежуточной базы мы не сможем использовать активных матрикантов, даже если бы нам удалось найти подходящих реципиентов из окружения Таругина – Политова. Остается только пассивное наблюдение.

– Но это значит... надо готовить прямое вторжение в кластер 2004? – догадался фальцет. – Десант?!!

Часть вторая Пятилетка в три года

*Кадры решают все.
И.В. Сталин*

Глава 1

Рассказывает Дмитрий Политов

В то памятное воскресное утро я в очередной раз погнал на сервис свой «субарик». Несмотря на «молодость» машины, а купил я ее всего три месяца назад, сервис мне пришлось посетить уже добрый десяток раз. Чертов барахлящий инжектор не давался мастерам, а «отрываться» они начали на мне. Можно подумать, я сам портил движок, чтобы доставить сервисменам дополнительные неудобства. Мне начали назначать часы посещения на самое неудобное время: раннее утро или поздний вечер. Причем сами работы выполнялись спустя рукава, а номинальное время на них затрачивалось немалое. Хорошо хоть, что автомобиль еще был на гарантии, что добавляло мастерам дополнительной злобы. В общем, если вам кто-нибудь скажет, что японские машины не ломаются, – плюньте ему в лицо!

Вот и в этот раз мне пришлось гнать «субарик» на сервис к девяти утра в выходной день. Услышав привычное «заберете завтра», я в сердцах плюнул и побрел в ближайший супермаркет за пивом и чипсами, готовясь обмыть «горе» со своим старым другом Олегом Таругиным, по счастливой случайности живущим рядом с сервисным центром.

Путем аналитической обработки предварительно собранных разведданных (я засек полуночное бдение Олега на форуме альтернативщиков, что, будь дома его жена, не

случилось бы никогда) я выяснил – плацдарм для дружеской посиделки свободен. Посему я набрал двойную порцию, предполагая «зависнуть» у Олега как минимум до вечера.

На мой звонок в дверь никакой реакции не последовало. «Спит, бедолага, – подумал я, – замаялся ночью с альтернативщиками рубиться!» Минут через пять, когда я уже примеривался позвонить еще раз, дверь рывком распахнулась. Над порогом нависло хмурое и небритое лицо друга.

– Ну и за каким хреном ты приперся в такую рань? – спросил Олег, дыхнув на меня перегаром.

– Однако! – отреагировал я, животом заталкивая друга в прихожую. – Вот так ты сейчас гостей встречаешь? Да вы никак с бодуна, ваше благородие? И когда только успел? Еще в два часа ночи я наблюдал и наслаждался, как ты вполне осмысленно бодался на форуме с альтернативщиками. А с утра наш боец предстает передо мной с помятой мордой, дыша хорошо выдержанным перегаром! Или ты на форум уже «тепленький» флудил?

– Здорово, братишка! – Отбросив маску негостеприимного хозяина, Олег крепко меня обнял и повлек на кухню. – Тут такие дела творятся, сейчас расскажу – не поверишь!

Повесть о чудесном спасении от ночных хулиганов парочки пришельцев из будущего огорошила меня. Как-то не замечал раньше за другом склонности к неумным розыгрышам. На всякий случай я сходил проверить наличие в квартире означенных гостей. Да, сладкая парочка присутствовала, а с девушкой, судя по всему, Олег сумел войти в более плотный контакт. Орел он у нас, мой бывший командир!

Но, собственно, само присутствие в квартире Таругина каких-то людей ничего не говорило. Да, его благородие – тертый калач и кого ни попадя в гости приглашать не станет, тем более посреди ночи. Но... Нет ли каких более существенных доказательств иновременной сущности пришельцев? Ах, костюмчики, речь, манера поведения? Не смешно...

Тогда-то Олег и извлек на свет божий раздолбанный кейс.

С первого взгляда увиденный девайс не произвел на меня особого впечатления. Ноутбук как ноутбук. Я ж ими торгую – сколько модификаций перевидал! Однако, посмотрев внимательней, нашел «десять отличий». Техника явно была земной, причем рассчитанной на применение русскоговорящими, о чем говорила двойная, кириллицей и латиницей, маркировка клавиш. Но сама компоновка компьютера... Где здесь вообще монитор? Должен быть отдельно? И зачем здесь три ряда явно лишних клавиш? Может, гости Олега – безумные изобретатели, решившие дать отпор засилью «вражеских» ЭВМ?

Но раз компоновка компа похожа на нашу, то и логика работы должна быть сходной. Я, решительно освободив место на столе от бутылок и пакетов, положил загадочный прибор перед собой и нажал клавишу, обозначенную значком включения (разомкнутый кружок с черточкой). Е-мое! Над панелью развернулась голозавеса! Ни хрена себе техника! Голограмма трансформировалась в плоский экран нехилого размера, по которому побежали символы загрузки. А это что за лейбачок? Уж не родной ли «Windows»? Точно, он самый! Если гости Олега – люди из будущего, то и там у гражданина Гейтса «усе у порядке»!

Загрузился компьютер гораздо быстрее современных. Уже секунд через пять он поприветствовал меня бодрой надписью на русском: «Введите пароль». Вспомнив внешность гостя мужского пола (типичный кабинетный ученый), я набрал слово «пароль». Фигушки! Не настолько уж ученый кабинетный! А вот его имя? Вроде бы Леонид. Так, набираю «Леонид». Опять фигушки! Но, чувствую, пароль должен быть очень простой! Имя плюс возраст? А сколько ему лет? Примерно лет сорок-пятьдесят. Я начал в быстром темпе набирать имя владельца, добавляя двузначные цифры, начиная от сорока, надеясь, что программа не заблокирует комп при введении множества неправильных паролей. И – о чудо! – на числе «48» вредный «сторож» отрапортовал, что пароль принят.

На «экране» развернулись строчки таблицы, похожей на поисковик, только использующий для работы несколько значений. В первом окошке мигала фраза: «Укажите интересующую вас страну».

– Ну-ка, – оживился Олег, отодвигая меня в сторону, – сейчас разберемся!

«Укажите интересующую вас страну». «Россия», – отщелкал на клавишах Олег.

«Введите необходимую личность». «Николай II». Однако! Ну и пристрастия у командира!

«Введите интересующий вас год». «1884». Честно говоря, я не помню, чем ознаменован этот год.

«Введите интересующую вас дату». «8 июня». Вроде бы сегодняшнее число. И что могло произойти 8 июня 1884 года, могущее заинтересовать Олега?

Видимо, загрузка условий поиска закончилась, потому как на голоэкрane появилась крупная надпись: «Зафиксируйте свой взгляд на визире». А это еще зачем? Проверка сетчатки глаза?

На голограмме появился «клубок», переливающийся всеми цветами радуги. Олег застыл, зачарованно уставившись на этот «визир». Прошла минута. Таругин не отрываясь смотрел на голограмму. Я толкнул друга в бок:

– И что такое интересное ты там увидел?

Голова Олега качнулась в сторону, и он начал плавно валиться на пол. Мне едва удалось придержать его грузное тело, стараясь не превратить падение в лавинообразное. Да, блин, что же это такое с ним? Осторожно перевернув обмякшего друга на спину, я первым делом, как учили на курсах первой помощи, запрокинул ему голову, чтобы открыть дыхательные пути. Потом пощупал пульс. Пульс был четким и спокойным. На сердечный приступ не похоже... Выходит, простой обморок? Перетрудился бедняга? Последствия неумеренных ночных возлияний? Вроде ночью они всего бутылку коньяку на троих выпили, что его благородию как слону дробина.

Нашатырю бы ему дать нюхнуть! Да где я его возьму? Может, где-то в квартире и есть аптечка, но пока найдешь... Вызвать «Скорую»? А что я им скажу? Сердечный приступ? Да и пока они приедут... Беда была в том, что я хоть и разбирался в военно-полевой медицине, как-никак три войны прошел, но что делать с простым обмороком, не знал совершенно и потому малость растерялся. Где-то когда-то я слышал (или видел), что в таком случае может помочь влитое в организм пациента спиртное. Так... Пиво вряд ли подходит в этом случае. Я рванул дверцу холодильника. Ага! Есть полбутылки водки! Торопливо скрутив пробку, я бережно приподнял голову Олега, приоткрыл ему рот и влил туда несколько капель. Олег кашлянул, водка выплеснулась. Никакого эффекта!

А может, здесь приборчик этот чертов виноват? Я глянул на слегка мерцающий голоэкран. На нем висела надпись: «Перенос матрицы донора в сознание реципиента прошел удачно. Код возвращения – 31E412».

Это что же? Матрица, то есть сознание Таругина перенеслось в тело неведомого реципиента? Впрочем, почему неведомого? В сознание Николая Второго! А тело, значит, здесь осталось.

Я снова присел за стол. И как ввести этот код? Я тронул клавишу «Esc». Надпись про перенос исчезла, зато появились две виртуальные кнопки. На одной было написано «Возврат», на другой – «Просмотр». Ага, все, в принципе, просто. Я уже было собрался вернуть блуждающее в вихре времен сознание Олега в брненное тело, но черт дернул меня кликнуть квадратик просмотра. Голоэкран увеличился, став размером с плазменную панель домашнего кинотеатра. К тому же изображение приобрело объем и звук. На меня в упор смотрел смутно знакомый бородач в мундире.

– Обойдется Сережка без нас! – басом прогрохотал мужик. – Ему и невесты хватит! А мы с цесаревичем останемся!

Мать моя женщина! Так это же Александр Третий, собственной персоной! Ну и голосок у императора! Изображение начало меняться, словно камеру приподнимали, и я догадался, что вижу все глазами «реципиента».

– Со мной все в порядке, Ваше Величество, – прозвучал ломкий юношеский голосок. – Просто мне на мгновение стало дурно. Но сейчас уже все в порядке. Разве можно оставить

mon uncle Serge без вашего присутствия?

Это, судя по всему, вступил в разговор цесаревич. А сколько ему лет-то было в 1884 году? Вот не помню, это у нас Олежек специалист по этому периоду времени. И кстати, как это у него получается так здорово на французском чесать? Аглицким-то мой друг хорошо владел, три года в Штатах стажировался, а вот язык Belle France... Или он Николашу не контролирует?

Действие захватило меня, и я решил погодить с возвратом. Откупорив новую бутылку пива, я поудобнее устроился на кухонной табуретке, приготовившись наслаждаться представлением.

Следующий час пролетел незаметно. Олег меня не разочаровал, а что это действует именно Таругин – у меня уже сомнений не оставалось, достаточно было послушать его разговор с будущей женой. Английским я владел ровно в той степени, чтобы понять – теперь цесаревичу придется искать новую жену. Аликс вряд ли простит Николаю то, что он назвал ее бабушку «старой шлюхой»!

Досмотрев прием до конца, я обратил внимание, что время близится к полудню, а у меня кончилось пиво и чипсы. Когда же это я успел так подмести запасы? На экране Олег в теле цесаревича переодевался перед поездкой в театр, тихонько напевая себе под нос любимую песенку: «Артиллеристы, Сталин дал приказ...» Чувствовал он себя прекрасно, и мне не хотелось выдергивать его, только-только вошедшего во вкус хулиганства. Да и самому было интересно посмотреть, что он еще отчебучит. Но вот хозяева компьютера... Кстати, а как там они?

Я крадучись заглянул в комнату. Мужчина по-прежнему был в отключке (вот здоровье! С двухсот грамм коньяку срубился!), а девушка проснулась и слепо тарасилась круглыми, пустыми глазами куда-то. Видимо, в третье измерение или в это... «свое будущее». Однако пора заканчивать представление! Но, черт возьми, как не хочется!

И тут мне в голову пришло неожиданное предложение – стирить компьютер и подарить себе и другу еще несколько дней иновременного хулиганства. Больше-то вряд ли получится – найдут, наверняка найдут, раз у них техника такая. Быстро уничтожив все следы своего пребывания в квартире (пустые бутылки и пакеты – в мусоропровод, стол – протереть, стаканы – помыть), я, все еще немного сомневаясь, глянул на безжизненное тело друга (а не сделали бы ему «пришельцы из будущего» чего недоброго?), схватил раздолбанный кейс с лежавшим в нем чужим ноутбуком и выскользнул из квартиры.

Звонок Марины, жены Олега, прозвучал поздним вечером. Срывающимся голосом женщина сообщила мне ожидаемую новость – она приехала домой с дачи и обнаружила мужа лежавшим на кухне в полной отключке. Я с облегчением выдохнул – скребла, эх, скребла меня совестливая мыслишка, что «пришельцы из будущего» могут забрать Олега с собой или еще что-нибудь в этом роде. В таком случае мне бы осталось только застрелиться – бросил ведь командира, бросил. Но раз уж все прошло тихо-мирно...

Я как мог успокоил Марину и тут же бросился к ней, чтобы оказать моральную и финансовую поддержку. Сначала тело Олега забрала «Скорая» и поместила в обычную больницу. Но через три дня, когда «люди в белых халатах» убедились в тщетности своих попыток привести пациента в чувство и даже просто поставить диагноз... Я забрал друга из цепких лап эскулапов и поместил в дорогую частную клинику, в отдельный бокс. Там Олега кормили внутривенно и через трубочку, стимулируя желудок слабым током, а также ежедневно делали массаж и миостимуляцию, чтобы не атрофировались мышцы. Так что за телесное здоровье друга я был спокоен. Сутки пребывания в сем заведении обходились в кругленькую сумму, причем в условных единицах, но это было меньшее, что я мог сделать для старого товарища. Ладно, я мог себе это позволить, а уж если финансы истощатся... Вот тогда и подумаю о возврате души в брнное тело.

Марина, поубивавшись о потере мужа, сумела взять себя в руки – на ней остались трое детей. Я помогал как мог, стараясь заменить женщине кормильца, а детям – отца. И то и другое удавалось мне неплохо, и жизнь постепенно вошла в колею. Я по-прежнему

занимался коммерцией, зарабатывая деньги уже не только для себя. Что интересно – после последнего ремонта мой автомобиль уже не проявлял норов. Или мастера сервиса взялись за ум, вспомнив, откуда растут руки, или... судьба, приведя меня в нужное время и место, успокоилась.

Удивительно, но дни летели, а меня никто не искал. Я благодарил Всевышнего за каждый лишний час, проведенный наедине с чужим компьютером. Олежика несло галопом. Таким темпом он, пожалуй, социализм раньше Ленина построит. Да и не доживет Ленин до светлого будущего... Мой друг никогда не отличался пустым гуманизмом.

Наблюдая, как Таругин давится по утрам черной икрой, как дрессирует Ренненкамппа, как подсовывает пьяному Александру Третьему различные документы на подпись, я испытывал настоящее наслаждение. Отказаться от этих «сеансов» было совершенно невозможно. «Подключения к прошлому» стали для меня настоящим наркотиком. Едва в череде повседневных дел удавалось уединиться хоть на пару минут, я включал ноутбук и кликал «Просмотр».

Глава 2

Рассказывает Дмитрий Политов

Поначалу у меня и в мыслях не было вести эту «программу» до бесконечности. Ну невозможно держать человека на положении овоща долгое время без того, чтобы тело не утратило тонус. Хотя... мировые прецеденты были. И даже недавно в новостях мелькнуло сообщение о какой-то женщине из Америки, пролежавшей в коме несколько лет, но сумевшей очнуться и быть при этом в рассудке и относительно здоровой.

Ну потяну я время еще пару месяцев, а потом... А вот любопытно – отразятся ли действия Олега на реальной истории, или по его возвращении все вернется на круги своя? Существует ли инерция времени, когда внесенные изменения повлияют на наше настоящее с опозданием? И на нашей ли линии мировой истории орудует Олег?

Эти вопросы заставили меня плотно приступить к исследованию удивительного девайса и по-настоящему расковырять его. Для консультаций мне пришлось привлекать сотрудников своей фирмы, хорошо разбирающихся в «софте». По офису даже поползли слухи, что шеф готовится выпустить новую прогу, предназначенную выгнать с рынка «Майкрософт». Залез я в чужой комп настолько глубоко, что вскоре мне стал понятен даже язык программирования. Все оказалось достаточно просто, и вскоре сведения из чужого ноутбука были вычерпаны до доньшка.

Базы данных оказались громадными! В них находились досье чуть ли не на всех живущих на земле Российской (сотрудники Института времени, у которых я умыкнул ноутбук, специализировались на России). Списки потенциальных реципиентов насчитывали миллионы имен. В том числе и вышеупомянутый Николай II и Александр III, а также предыдущие по счету Александры и Николай. Романовы присутствовали все. Навскидку, не сверяясь с учебником истории, Рюриковичи тоже. И Ярославичи, и Ольговичи. Вся русская номенклатура чуть ли не с Рождества Христова и до текущего года! А в разделе XX века я обнаружил и себя с Олегом, с удивлением узнав, что, оказывается, был женат (!!!) на женщине по имени Анастасия. Причем дата свадьбы приходилась на время моей очередной «командировки». Да и подруг с таким именем у меня сроду не было! Так что и у ребят из будущего случаются проколы!

Через несколько дней изучения справочного материала я обратил внимание, что некоторая часть «клиентуры» обозначена грифом «только наблюдение». В частности, как раз я и Олежек. Среди Романовых этот гриф украшал досье Николая и Петра Первых, «Тишайшего» Алексея Михайловича и почему-то Софьи Алексеевны. А вот Рюриковичи и дохристианские князья практически поголовно обозначались статусом «только

наблюдаемых». Заинтересовавшись этой коллизией, я влез в раздел хранящихся в компьютере должностных и служебных инструкций, памяток и регламентов работы.

Оказалось, что если для внедрения сознания «донора» подходит почти любой «реципиент», ну, за исключением психически ненормальных, то вот управлять «носителем» получается только в очень редких случаях. Играло роль множество перечисленных в институтских инструкциях факторов, но основной параметр я бы определил как «сила воли». Получалось, что почти все наши цари этим качеством не обладали. Н-да... не повезло нам с правителями.

Впрочем, невозможность управлять реципиентом вполне устраивала ученых Института Времени. Они-то как раз именно наблюдением и занимались. А чтобы по-настоящему «оседлать» жертву, приходилось проделывать более существенную работу, одним из этапов которой было прямое проникновение в свое физическое тело в интересующую эпоху. В памятке упоминался «контакт психоматриц категории «А». Как я понял, само время отрицательно влияло на возможность «подавления матрицы иновременного реципиента». И чем больший временной период разделял донора и реципиента, тем слабее был контакт. К примеру, из их (пришельцев) счастливого XXIV века люди начала первого тысячелетия даже не «читались». Не то что управляться! Судя по отдельным записям, у институтских исследователей где-то в Средних веках находилась промежуточная база.

Изучение всего попавшего мне в руки материала только прибавило загадок. Если пришельцам для того, чтобы подавить психоматрицу реципиента, требовалось прямое нахождение в том же временном отрезке, то как тот же маневр удался Олегу, разделенному со своим «носителем» доброй сотней лет? И как, в конце концов, скажутся на нашем настоящем те фокусы, что вытворял сейчас Олег в XIX веке? Прецедентов я в записях пришельцев не нашел. «Иновремяне» никогда не вмешивались в ход истории, а «полное внедрение» им было нужно лишь для направления «носителя» в нужное место для более полного наблюдения за каким-нибудь интересным событием.

А может, ничего и не будет? Изменения, внесенные Олегом в исторический процесс, постепенно нивелируются и дадут в итоге нулевой результат? Ведь чем он располагал? Некоторой информацией о событиях вековой давности? Так через какое-то время эта информация устареет, раз уж он так рьяно взялся «тасовать колоду» персонажей.

Эх, ему бы подкрепление в виде справочника по материаловедению и учебника прикладной механики! А еще лучше – индустриальную базу, аналогичную хотя бы довоенной, тридцатых годов XX века!

Ведь сколько ни переставляй фигуры на шахматной доске, больше их не станет! От перемены мест слагаемых сумма не меняется. Ну, если вы, шахматист-гроссмейстер, – профессионал, вы справитесь. А если простой любитель, как Олег? К тому же совершенно не готовившийся к партии и разыгрывающий сейчас этюд исключительно по памяти? Как тогда? К тому же ваш противник – Ее Величество История!

А вот если у вас на доске в два раза больше фигур и все они – ферзи? Игра пойдет гораздо веселей! Но пока игрок сидит за доской, кто-то должен сделать ему эти лишние фигуры... Волей-неволей напрашивалось, что в одиночку Олегу не справиться. Для полного загиба вектора истории ему нужен помощник, готовящий индустриальную базу. И этим помощником мог стать только я. Не посвящать же чужих людей в тайну «Золотого ключика» к прошлому? Да и кому еще будет интересно заниматься прогрессорством без всякой надежды увидеть когда-либо плоды своих усилий?

Но... бросить все нажитое непосильным трудом? Успешный бизнес, отлаженную личную жизнь, комфорт, в конце концов, ведь там еще и ватерклозет не изобрели (или изобрели?)... Оставить свое брэнное тело, наконец? Ради чего?

Толчок к действию произвел разговор, произошедший на днях...

Мой компаньон уговорил меня съездить за город, поиграть в современную «Зарницу» для «настоящих мушшын» – страйкбол. «Дети, чистые дети», – подумал я, наблюдая, как холеные топ-менеджеры в новеньких американских камуфляжах выгружают из багажников

крутых тачек страйкбольные «приводы», в точности имитирующие реальное оружие. Мама дорогая! Такую экзотику мне доводилось видеть только на оружейных сайтах. Немецкие штурмовые винтовки «G 36», австрийские «Steyr AUG», французские «FAMAS», американские карабины «Colt M4», швейцарские автоматы «SIG 550»... И все это хозяйство густо увешано коллиматорными и оптическими прицелами, тактическими фонарями и лазерными целеуказателями.

Я, в своей старой, выгоревшей и застиранной комке отечественного образца, да с самым дешевым, не прошедшим многоуровневый «кастомайзинг» приводом, выглядел на фоне «крутых парней» «подносчиком боеприпасов»! Но развернувшиеся в замусоренном подмосковном лесу «боевые действия» быстро поставили все на свои места. Когда мне надоело перестреливаться с расстояния в тридцать метров через густой кустарник, «ловивший» почти все страйкбольные «снаряды» – шарики, я сделал то, к чему привык, – обошел противника с фланга. Естественно, что никакого охранения «противник» не выставил, да и сами «бойцы», разгоряченные игрой, обнаруживали обошедшего их стрелка только после третьего моего выстрела, да и то – в голову. Перещелкал я их довольно быстро, и двух минут не прошло. Испортил пацанам отдых, ворчали игроки, возвращаясь на «исходную». Даже члены моей команды и те были недовольны столь обескураживающим исходом поединка. Они-то настраивались на долгую бестолковую беготню, неприцельную перестрелку и смешные для профессионала «тактические перестроения в составе малой группы».

Так и получилось, что на накрытой после «сражения» «поляне» я сидел в гордом одиночестве. Тут-то ко мне и подсел этот парень, хозяин сети автосервисов. Он резко выделялся из массы в целом культурных ребят устаревшим «пацанским» стилем – носил на пальцах огромные золотые «гайки», а на шее – золотую цепочку весом под три кило. Да и речь у него была... через слово – мат. Нет, он не старался оскорбить собеседника, он не ругался – он так разговаривал. При знакомстве парень представился Вованом.

– Ты эта, тля, слышь, брателла... – неопределенно начал Вован, скользнув взглядом по аккуратной круглой заплате на плече моей куртки, следу давнего ранения. – Твой кореш, сцуко, пездел, что ты, тля, типа три войны прошел.

«Опять за старое взялся, – беззлобно помянул я своего компаньона, – ну сколько раз говорить, чтобы не трепал языком о моих подвигах!»

– Да, было дело, – кивнул я, моля, чтобы не начались расспросы по принципу: а как там было?

– А это, тля, типа Гражданская и Отечественная? – уточнил Вован, на этих войнах, видимо, его познания в истории Отечества заканчивались.

Глухо хмыкнув, я понял, что от объяснений не отвертеться, к месту вспомнив увиденную несколько лет назад сценку в Измаиле. Там мальчик спросил своего папу, показывая на памятник Суворову: мол, кто это? Суворов, ответил отец. Любопытный мальчик продолжил: а за что ему памятник поставили, он что, как Чапаев фашистов рубал?

– Нет, Вован, это Приднестровье, Абхазия и Сербия, – терпеливо пояснил я. Олег называл людей, подобных моему собеседнику, имбецилами.

– О-о-о-о, тля-а-а-а! – протянул Вован, переваривая полученную информацию, и через минуту тщетных мозговых усилий задал новый вопрос: – А ты там, тля, типа хачиков резал?

– Нет, я артиллерист – в Приднестровье и Абхазии взводом минометов командовал, а в Сербии – установкой «Акация».

– А-а-а-а, тля-а-а-а-а! – Новая порция информации с массой незнакомых слов так напрягла «могучий ум» Вована, что мне на секунду показалось – еще чуть-чуть, и его «процессор» перезагрузится. Но Вован с честью вышел из этого испытания. Отбросив, видимо, осмысление сути моего ответа, собеседник задал очередной вопрос: – А ты, тля, типа за кого там воевал?

– За наших, – грустно улыбнулся я, по лицу Вована поняв, что такой ответ он не осилит никогда. Больше вопросов не было.

Вернувшись домой, я в очередной раз включил просмотр сериала «Олег в XIX веке». Но сейчас действие не радовало глаз. Меня грызла одна мысль – Олег продолжает бой, он до сих пор сражается «за наших». А я? Променил свои принципы на сладкую жизнь. Стреляю краской, а не пулями, а потом пью водку с дебилами, которым в прежние времена и руки бы не подал!

С этого момента я твердо решил отправиться на подмогу командиру.

Приняв это судьбоносное решение, я начал всестороннюю подготовку. Не хотелось пускаться в дебри времени невооруженным. И «калашник» бы мне не помог, хотя я как мог постарался запомнить чертежи. Основное мое оружие – технологии, а проблема в том, что держать массу специфических и весьма точных знаний предстояло в голове. Конспекты с собой не возьмешь. Поэтому я выбирал только те изобретения, до которых люди XIX века не додумаются. Я сам теперь становлюсь оружием, и моя боевая эффективность напрямую зависит от количества патронов (знаний), уместающихся в магазине (голове).

И набивал я свой «магазин» настолько плотно, что к вечеру пухла голова. Жалко, что мне не 20 лет, когда любая, даже совершенно ненужная информация легко ложится на молодой мозг. Однако основной проблемой оставалось обеспечение моего прикрытия. Если Олега прикрыл я, то кто поможет мне?

В принципе, надежный человек был. Мой родной дедушка Владимир Альбертович Политов, генерал-лейтенант в отставке. После гибели отца в Афгане дед обеспечил мне «твердое мужское плечо». Именно он благословил меня вопреки протесту матери на первую боевую командировку в Приднестровье. Сейчас дед, ветеран ГРУ ГШ ВС СССР⁶⁸, жил отшельником на своей небольшой дачке в Тульской области.

В ближайший выходной, прихватив пару бутылок настоящего армянского коньяку, другого старик не употреблял, я отправился к деду за советом. Альбертыч, словно почувствовав, встречал меня у ворот дачного товарищества. Я всегда поражался этой способности деда – знать, когда к нему пожалует очередной визитер. Со временем я даже перестал предупреждать старика о своих планах, проверяя и каждый раз убеждаясь, что Альбертыч верен себе, – подъезжая к даче, я видел у ворот высокую, слегка сутулую фигуру генерала.

– Ну, Димка, рассказывай, с чем пожаловал! – приказал дед после традиционного легкого перекуса «с дорожки» и первой рюмки «Юбилейного». – Чувствую, что-то серьезное опять задумал. Как бы не в очередную командировку собрался? Так вроде в мире сейчас тихо! Не в Чечню же, упаси бог?

Спокойно смотревший и даже поощрявший мои поездки «на войну», дедушка был резко против моего закономерного желания отправиться в мятежную республику, назвав чеченскую кампанию «грязной политической игрой». Даже поругавшись с ним тогда, я все-таки послушался совета, за что потом был несказанно деду благодарен.

Сейчас, подивившись в очередной раз интуиции старика, я, внутренне усмехнувшись (ох и удивлю я дедулю!), рассказал ему обо всех произошедших событиях и в доказательство показал ноутбук пришельцев.

Альбертыч не разочаровал меня. Он даже и бровью не повел на мой невероятный фантастический рассказ. Молча выслушав до конца, дед бегло просмотрел несколько файлов на компе, посмотрел список «реципиентов», уделив особенное внимание своему собственному досье.

– Н-да, история... – задумчиво хмыкнул старик в итоге, – кстати, в моем досье ошибка – в Анголу-то я в 1977 году ездил, а не в восемьдесят седьмом! Вот уж не думал не гадал, что доживу до встречи с потомками, хотя тему их визита мы еще с шестьдесят второго года разрабатывали. Были основания... да.

Я глянул на деда в некотором обалдении. Вот так! Хотел старика удивить, а вышло, что

⁶⁸ Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных сил СССР (военная разведка).

он сам меня огорошил.

– А не показалось ли тебе, Димка, что информацию о себе и этот прибор пришельцы твоему другу специально «слили»? – Дед пристально глянул на меня. – Какими бы они там у себя в будущем вегетарианцами ни были, но такого прокола, как пьянка в незнакомом месте, с незнакомыми людьми, разведчики любой степени подготовки себе позволить не могут!

Ни хрена себе вопросы! Я чуть в осадок не выпал! А ведь верно старик говорит! Что это за разведчики, которые позволяют себе «расслабиться по полной» в боевой, можно сказать, обстановке?

– Ну ты, дед, и задачки задаешь! – Я наполнил рюмки. Мы быстро чокнулись, махнули и закусили лимончиком. – В таком разрезе я на данную проблему не смотрел!

– Напрасно! – сурово отрезал Альбертыч. – Чему я тебя учил? Обстановку надо оценивать со всех сторон! Если происходит непонятное тебе событие, представь, кому оно выгодно! А ты решил, что тебе все понятно, – дураки пришельцы нажрались до свинского состояния и подарили тебе секретный прибор!

– Получается, что Олежек сейчас, думая, что вершит судьбу России, представляет из себя марионетку? И я, собираясь ему помочь, лью воду на мельницу неведомых сил? – Думать такое было неприятно.

– Мне почему-то кажется, что слив информации и потеря прибора – инициатива частного лица, ну или группы лиц, – спокойно поправил меня дед. – Ты упомянул, что Олега уже навещала дама с подсаженной матрицей донора, имеющая целью забрать его из прошлого... Вполне естественно, что эта операция была инспирирована руководством Института Времени. Следовательно, руководство сложившейся ситуацией недовольно. Из чего я заключаю, что передача информации и прибора в планы верхушки не входила. С девяностопроцентной вероятностью могу утверждать – инициатива всего дела исходила от второго пришельца – Леонида. А вот зачем ему все это нужно – вопрос отдельный!

– И что же теперь делать? – растерянно спросил я. Все мои планы летели к черту.

– Делай, что задумал! – отрезал старик. – Если есть хотя бы небольшой шанс, что вы своими усилиями сможете сломать установившуюся историческую последовательность, при которой России разные карликовые государства все время звездулей взвешивали, а потом силами своей агентуры переворот устроили... то надо этот шанс использовать! Говори, Димка, что мне надо будет сделать конкретно?

– Так это... – промямлил я, сраженный решением старика, но тут же взял себя в руки. – После моего ухода тебе нужно обеспечить моему брэнному телу нормальные условия существования. Пускай меня, как Олега, на искусственное питание посадят. С массажем и миостимуляцией. Чтобы в случае возврата я развалиной не был.

– Финансирование проекта? – деловито поинтересовался старик.

– Переведу на тебя все свои активы, – ответил я. – Дела в моей фирме отлажены, компаньон и один справится. А ты, со своей стороны, сумеешь проследить, чтобы он не забаловался и крысятничать не начал. Я думаю, что было бы практичней, если мы будем лежать в одной палате с Олегом.

– Если ребята из Института Времени свой хлебушек не зря едят, а сомневаться в их профессионализме глупо, то такой кульбит для них будет настоящим подарком! – усмехнулся Альбертыч. – Ну как же! Второй случай необъяснимой летаргии! Сразу догадаются, кто прибор увел, а потом и на меня выйдут! Хотя... – Дед призадумался. – А не поймать ли мне их на живца? Кое-кто из моих учеников еще в строю, думаю, что и тему инновремен управления не закрыло. Тут намечается интересная оперативная игра... – Старик словно хлебнул стопарик эликсира молодости – плечи расправились, в глазах появился хищный блеск, ноздри раздулись, чуя запах добычи. – Да, пожалуй, так и сделаем – положим вас в одну палату, так мне будет удобней отслеживать «шевеления» пришельцев!

Я, в шоке от услышанного, только молча кивнул и выпил еще рюмочку коньяку. Эх, не знаю собственного деда! Старый конь встрепенулся от звука боевой трубы!

– Так, а теперь, Димка, давай, показывай, как с этой хреновиной управляться! – дед

кивнул на ноутбук. – Хочу быть в курсе твоих подвигов!

Глава 3

Рассказывает Дмитрий Политов

Ну, здравствуй, светлое прошлое! Открываю глаза и с любопытством осматриваюсь. Так, тело мне досталось неплохое, но в плане физической подготовки запущенное. Ладно, потренируем, поднакачаем... И как они тут спят? Задница тонет в пухлой пуховой перине, а сверху толстое одеяло, тоже пуховое. Еще и ночная рубашка! И все это несмотря на то, что за окном должен быть сентябрь. Сентябрь 1884 года.

Путем долгих раздумий я пришел к выводу, что внедряться в ближайшее окружение Олега нет смысла, – этак я пойду за ним паровозиком, практически не влияя на реальность. Да и в его окружении почти все действующие лица проходили под грифом «только наблюдение». Крепкие духом ребята.

А для поднятия российской промышленности нужен был человек финансово независимый, причем обладающий достаточно большим капиталом. Идеально для моей цели подходили русские купцы-миллионщики. Однако проработка базы потенциальных реципиентов выявила неприятную для меня особенность – почти все купцы, живущие в нужный период, тоже проходили под грифом «только наблюдение». Это было понятно – слабовольный человек много денег не наживет.

Но все же нашел я одну подходящую кандидатуру. Купец первой гильдии Александр Михайлович Рукавишников. Из нижегородской ветви знаменитой купеческой фамилии. Младший, пятый сын Михаила Григорьевича Рукавишникова, прозванного «железным стариком». Прозванного так и за характер и за направление бизнеса. После своей смерти в 1875 году он оставил своим многочисленным отпрыскам (пять сыновей и две дочери) по 2–3 миллиона рублей – сумма вполне подходящая для моей цели. Что удивительно, среди детей Михаила Григорьевича было три сына, подходящих для внедрения. Вторым был Сергей, старше Александра на десять лет. Но Сергей уже успел к 1884 году профукать большую часть наследства, потратившись на сооружение грандиозного «семейного гнездышка» – трехэтажного особняка, до сих пор радующего жителей Нижнего Новгорода изысками архитектурной эклектики⁶⁹. К тому же Сергей был женат, а Александр еще нет. А мне как-то не хотелось получать вместе с капиталом чужую жену. Третьим в списке шел Митрофан, четвертый сын Михаила Григорьевича. Этот мне не годился по эстетическим соображениям – в детстве его уронила нянька, и он стал горбуном. Да и в настоящее время большая часть его доли ушла на безумные «свадьбы» с проститутками.

Путаясь в длинной ночной рубашке, я с трудом сполз с высокой кровати и прошлепал босыми ногами по спальне в поисках зеркала. Должна же где-то здесь быть ванна? Ан нет – в углу я обнаружил причудливую деревянную тумбочку, на которой красовались тазик с кувшином, а рядышком приютился ночной горшок. Это что же, вот такие у миллионеров санитарно-гигиенические удобства? Зеркальце здесь было, но маленькое, в две ладони величиной. Побриться и то будет затруднительно. А я так хотел посмотреть на свое новое тело в полный рост. Придется по-другому...

Представляя, как сейчас хихикает дед, видя на мониторе мои потуги, я снял ночнушку и принялся знакомиться со своим реципиентом. Ну что же... Первое впечатление благотворное – руки-ноги на месте, то, что между ног, – тоже. Пуза нет, мускулатура

⁶⁹ Когда приехавший из Москвы архитектор П.С. Бойцов спросил у заказчика, в каком стиле проектировать здание, Сергей Рукавишников ответил: «Проектируйте во всех, у меня на все стили денег хватит!» В настоящее время дом занимает Нижегородский историко-архитектурный музей-заповедник.

слаборазвита, но это мы исправим... Вот за ощупыванием меня и застучали!

Дверь внезапно, без стука, распахнулась, и на пороге возникла толстая тетка, с круглым румяным лицом. «Нянька», – подсказала мне память реципиента.

– Это что же ты, Александр свет Михайлович, делаешь? – грозно завопила она. – Никак рукоблудием решил заняться? Да и стоишь голяком на сквозняке! А ну как простудишься? Немедленно оденься!

Вот как! Парень уже четвертной разменял, а до сих пор по указке няньки живет. Правильно сказал мой дед, проглядывая досье кандидата на внедрение: «великовозрастный балбес». Все свое свободное от сна время мой герой проводил за чтением церковных книг, беседами с бабками-богомолками и раздачей милостыньки. А может, и к лучшему, что он не тратил состояние на водку и баб, как братец Митрофанушка.

– Закрой рот, Марковна! – грубо бросил я разбушевавшейся старушке.

– Ах ты... ах ты! – буквально задохнулась от возмущения нянька, замахаясь на меня пухлым кулачком.

Но я просто молча глянул на нее, и Марковну словно сдул. Она испуганно отскочила к двери и вдруг залилась слезами. Я даже не оглянулся – все равно ведь придется ее строить в три шеренги, так почему бы не начать прямо сейчас.

Я наклонился к крохотному зеркалу, пытаюсь рассмотреть свое лицо. Хорошая такая физиономия, носик курносый, глазки голубенькие, щечки-яблочки. Отличный образчик русского генофонда. А что это такое на щеках? Я ощупал подбородок – так и есть – реденькая борода. Нет, ну с этим мы будем беспощадно бороться! Я было открыл рот, чтобы приказать няньке принести бритву и остальные принадлежности, как память Александра услужливо подсказала, что бритвы нет во всем доме. Ну не положено уважающим себя купцам ходить с босым лицом. Ладно, отложим на потом...

– Кончай хныкать, Марковна! – взбодрил я няньку. – Неси умываться, да прикажи Захару коляску закладывать.

– А покушать-то, батюшка, Александр Михайлович? – недоуменно спросила нянька. – Да и куда вы в такую рань?

– Некогда мне завтракать, Марковна, – отрезал я, – а поеду я к брату, Ивану Михалычу.

Иван Михайлович был, после смерти патриарха, старшим в семье. Он держал свой банк и несколько железоплавильных заводов. Весь капитал моего носителя находился в банке брата, который регулярно, раз в месяц, отстегивал младшенькому на жизнь довольно крупную сумму. Александру этих денег вполне хватало на содержание себя, небольшого особняка, двух десятков человек дворни да на щедрые подаяния «святým людям». А вот лично мне нужна вся сумма, причем в единоличное пользование. Вот об этом я и решил переговорить с Иваном, не откладывая дело в долгий ящик.

Но выехать немедленно мне так и не удалось. Нянька буквально повисла на мне, вереща, что не отпустит никуда, пока я «не поснедаю». Бить мне ее не хотелось, а без физического воздействия вырваться из дома было проблематично. Пришлось подчиниться заведенному в доме распорядку.

Под строгим взглядом Марковны я помочился в горшок и ополоснул морду из тазика (надо будет завести в доме ватерклозет и душ!). Приготовленная одежда заставила задуматься над умственными способностями моего реципиента. Длинная, чуть ли не до колен, плисовая рубашка навывпуск, черные суконные шаровары и шевровые сапоги. В качестве нижнего белья – льняная распашонка без ворота и подштанники. А на улице градусов двадцать пять тепла! Эх, упрею...

На завтрак было подано такое количество еды, что на миг закралось сомнение, а не ждем ли мы к столу гостей. Пирог с картошкой, пироги с вязигой, пироги с грибами, каша гречневая и каша перловая, стопка блинов высотой в полметра. Из напитков был морс клюквенный и смородиновый, компот вишневый и трехведерный самовар чая.

Обожрись и помру молодым, – мелькнуло в голове. Но руки привычно стали прибирать со стола кушанья, а челюсти автоматически включились в работу, перемалывая гору еды.

Остановить этот процесс удалось лишь большим напряжением воли. Под оханья и причитания няньки я решительно встал из-за почти полного стола и велел закладывать коляску.

Нет, быстро работать в этом доме не привыкли. Обленившийся кучер провозился целый час, за что получил от меня увесистый пинок в разжиревшую задницу. Так... первоначальный план – поехать к Ивану Михалычу – срывался. Тяжеловато мне будет требовать от брата деньги, выглядя при этом как деревенский дурачок. Надо сперва прибарахлиться! На мое требование к няньке выдать мне тысячу рублей та снова залилась слезами, умоляя «Александра свет Михайловича» не дурить. Опять пришлось на нее прикрикнуть. На этот раз подействовало быстрее. Утирая слезы передником, Марковна достала из-под образов в столовой чистую тряпицу, в которой и оказались завернуты «карманные денежки».

Марковна начала было, слюнявя пальцы и проговаривая цифры вслух, отсчитывать требуемую сумму, шурша здоровенными, как наволочки, купюрами, но я грубо пресек сей собирающийся затянуться надолго процесс, просто отобрав у старушки все деньги, и не глядя сунул их в карман шаровар. Навскидку там было тысяч пять.

Марковна вознамерилась было снова пустить слезу, но, наткнувшись на мой взгляд, примолкла. Провожали меня в полном молчании. Причем во двор высыпали все обитатели особняка, включая поломоек и поварят. Под аккомпанемент шумного сопения домочадцев я и выехал со двора.

– Эй, Захар, давай гони на Мещерскую! – окликнул я кучера.

– Дык, барин, банк-то на Рождественке стоит! – лениво ответил кучер, явно игнорируя приказ.

– Делай, что велят, козел, и без пререканий! – рявкнул я, отведывая зажавшемся халдею крепкий подзатыльник. Ошарашенный невиданным обращением, кучер хлопнул вожжами по крупу каурого смиренного мерина. Тот, бедолага, видимо, тоже не привык к такому. Дернувшись с перепугу, мерин взбрыкнул и потрусил неуверенной рысцой.

Мещерская улица была признанным «Бродвеем» Нижнего. На ней стояли самые большие и шикарные магазины, рестораны и трактиры. Прокатившись вдоль зеркальных витрин, я присмотрел магазин одежды средней руки и велел Захару остановиться. На этот раз команда была выполнена беспрекословно.

Приказчиком в магазине (или, по-нашему, менеджером по продажам) оказался молодой человек с прилизанными жидкими волосиками и малюсенькими усиками, одетый в жуткий клетчатый кургузый пиджачок. «К такому пиджачку хорошо подойдет соломенная шляпа-канотье», – мельком подумал я.

При виде меня в глазах приказчика мелькнуло удивление, но он тут же взял себя в руки.

– Чего-с изволите, милостивый государь? Есть отличная ткань из Шотландии, есть лионский бархат, есть... – затараторил паренек, расплывшись в самой любезной улыбке.

– Мне бы, уважаемый, модный журнал посмотреть, – хмуро буркнул я, представляя, что сейчас там увижу. На фоне этого ужасного пиджачка мой наряд выглядел... более уместным!

– Да-да, конечно! – немного смешался приказчик, доставая из-под прилавка стопку журналов. Н-да... на наши глянцевого издания эти произведения местной полиграфии не походили решительно, напоминая скорее толстые газеты. Но тем не менее картинки в них были пусть и бледноватые, но цветные.

Предчувствие меня не обмануло – последние веяния мужской моды отличались крайней, на мой вкус, нелепостью. Коротенькие, чуть ниже пояса, пиджачки, коротенькие, по щиколотку, узкие брючки. Неужели здесь нет приличных костюмов? Тут я пожалел, что не внедрился в окружение Олега, – по крайней мере, в мундире я выглядел бы по-человечески.

– Вот что, любезный, позови-ка своего хозяина! – мрачно сказал я, продолжая меланхолично листать журналы.

Офигевший приказчик кивнул и скрылся в подсобке. Не прошло и минуты, как передо мной нарисовался хозяин магазинчика – толстый лысый дядька, одетый в коричневый сюртук. Вид у него был недовольный – судя по тому, что он вытирал жирные губы кружевным платочком, я оторвал человека от еды.

– Так что вы хотите, сударь? – нелюбезно поинтересовался толстяк, окидывая меня оценивающим взглядом. Видимо, мой вид заставил его усомниться в моей кредитоспособности, потому как следующая фраза прозвучала уже откровенно по-хамски: – Мы тут шароварами не торгуем!

Я вскинул на мужика глаза, и тут с толстяком произошла интересная метаморфоза. Он неожиданно побелел, хватанул открытым ртом воздух, в его глазах мелькнуло безмерное удивление, но удивление другого рода, нежели давеча у приказчика. Он явно меня узнал, вернее, узнал мое нынешнее тело.

– Х-осподи! – выдохнул он наконец. – Уважаемый Александр Михайлович! Что же вы сразу не сказали, что это вы? А то мой дурак, – пинок в бок изумленно пялившемуся на эту сцену приказчику, – прибегает и говорит, мол, какой-то мастеровой хозяина требует! Я выхожу, а здесь вы! Что вам угодно, Александр Михайлович? Все, буквально все сделаем!

– Вот что, любезный... э... – Я тщетно искал в памяти Александра имя этого человека. Вполне естественно, что тот знал в лицо представителя богатейшей в городе семьи. Но вот представитель семьи видел его в первый раз.

– Фролов! Савелий Федотович Фролов! – радостно отрекомендовался хозяин. – К вашим услугам, милостивый государь!

– Вот что, любезный Савелий Федотович, – повторил я, – мне пришлось в голову обновить свой гардероб. Что порекомендуете? Только не из этого ассортимента, – я брезгливо отодвинул журналы, – последние моды из Парижа мне не подходят. Что сейчас носят деловые люди?

Фролов оторопело паялился на меня минуты две. Все это время в лавке висело гробовое молчание. Приказчик вообще не дышал, напоминая статую. Наконец в глазах Савелия мелькнуло понимание, он жадно облизнулся – обновить гардероб миллионера – это же приличный куш.

– Очень, очень хорошо! – счастливо возопил Фролов. – Я буду несказанно рад помочь такому человеку! Прошу, прошу вас, пройдемте в примерочную!

Из лавки я вышел спустя два часа совершенно обновленным. Магазинов готовой одежды, в нашем понимании, здесь не существовало, поэтому с меня сняли мерку и тут же, на месте, раскроили ткани и наскоро, на белую нитку прикинули три костюма и сюртук. Окончательно вещи должны были быть готовы только завтра, но в мастерской уже висела готовая тройка, заказчик которой не потянул цены. Костюм был вполне приличный, из тонкой темно-бежевой чесучи. Мне он сразу понравился, и портной за десять минут подогнал его по моей фигуре. Тут же на месте мне подобрали несколько рубашек и галстуков, две пары ботинок. К счастью, в примерочной было большое ростовое зеркало, и мне удалось наконец-то как следует себя рассмотреть. Что ж... Я остался доволен новым приобретением – парень был довольно высокого роста, под метр девяносто, с широкими, хотя и костлявыми плечами. Мускулы действительно слабоваты, кожа на теле очень бледная, да еще и в мелких прыщиках. На лице тоже присутствовали прыщи – следствие неправильного питания. Я припомнил завтрак... Хм... если Александр так питался каждый день, то удивительно, что он еще пузо не отрастил. Видимо, дело было в худощавой конституции. Волосы на голове были довольно длинными и малость спутанными – не любил парень причесываться. Бороденка же была откровенно смешной – три волосинки в шесть рядов, смех один. Заметив, что я недовольно морщусь, пытаюсь расчесать пальцами густую русую гриву, Фролов заметил, что его приказчик уже давненько учится на парикмахера и вполне может помочь мне с прической прямо сейчас. Это меня порадовало, и я бестрепетно согласился стать жертвой куафюра-недоучки, справедливо рассудив, что хуже уже не будет. Прилизанный паренек подстриг меня достаточно умело, а также сбрил дурацкую бороденку,

оставив лишь легкий пушок над губой – пародию на усы. Это я вовремя вспомнил, что в нынешнем благословенном веке мужчины с совершенно босым лицом не ходят.

От местного аналога бриолина я отказался, просто зачесал волосы назад. В итоге все услуги обошлись мне всего в сто пятьдесят три рубля шестьдесят семь копеек, что меня несколько смутило. Из далекого будущего казалось, что цены были выше...

Плата за шитье была такой: сюртук – 8 рублей, брюки – по 2 рубля 50 копеек, жилет – 2 рубля, пиджаки – от 5 до 8 рублей. Плюс к тому стоимость тканей, из которых самая дорогая – чесуча – тянула всего на 1 рубль 15 копеек за аршин.

Мой внешний вид настолько изменился, что, когда я сел в коляску, Захар, не узнав меня, лениво буркнул:

– Ну куды, куды прешь?

– Под муды! – веско сказал я, отвешивая кучеру новый подзатыльник. – Вот теперь едем на Рождественку!

Морда у кучера стала... настолько своеобразной, особенно цвет, что я громко, в голос, расхохотался. Захар судорожно вздохнул, очумело мотнул головой и свистнул вожжами. Застоявшийся мерин неожиданно пошел галопом, а я удовлетворенно откинулся на спинку сиденья – фокус удался! Теперь и братец Иван Михалыч будет ошарашен, а с ошарашенным, выбитым из колеи купцом договориться будет проще!

Здание банка Рукавишниковых, так же как дворец на Волжском откосе, продолжает украшать Нижний и в XXI веке. Красивый двухэтажный дом в стиле «русского барокко». Со вкусом у Ивана Михайловича, в отличие от Сергея, все было в порядке. Впрочем, как и с умом. Он постоянно прокручивал сложные многоходовые сделки, спекулируя железом и солью. Рисковал, конечно, проигрывал, причем иногда на таких сделках терялись довольно крупные суммы. До полумиллиона включительно. Но чаще выигрывал. Жил Иван Рукавишников только интересами бизнеса. Я знал, что он приезжает в контору ни свет ни заря, а уезжает домой только за полночь. Но, несмотря на подобный фанатизм в работе, труд его был непроизводительным. Деньги приносили деньги, только и всего. Железоплавильные заводы, поставленные патриархом Михаилом Григорьевичем, постепенно приходили в запустение. И я точно знал, что к 1890 году самый большой завод, стоящий в Канавине⁷⁰, полностью устареет и пойдет с молотка за смешную сумму в 5500 рублей. А к началу XX века спекуляции доведут семью до финансового краха. Допустить подобное развитие событий я не мог.

Я беспрепятственно прошел в контору, провожаемый равнодушными взглядами служащих. Кабинет брата находился на втором этаже. Перед кабинетом располагалась обширная приемная, где сидели два приказчика и помощник. Естественно, что никаких длинноногих секретарш-блондинок и в проекте не было.

При моем появлении все трое вскинули глаза на «нарушителя спокойствия». В глазах я заметил легкое удивление – не все посетители поднимались на второй этаж. Этого удостаивались только, говоря современным языком, VIP-персоны. Узнать во мне брата своего босса приказчики не могли – Александр вообще никогда не появлялся в этом месте. Но чесучовый костюм говорил, что носящий его – человек небедный (встречают по одежке!). Поэтому помощник, почти точная копия давешнего «менеджера по продажам», такой же прилизанный молодой человек с тонкими усиками, только одетый более консервативно, встал из-за стола и, вежливо поздоровавшись, поинтересовался у меня целью визита.

– Любезный! – томным голосом начал я. – Доложите Ивану Михайловичу, что его хочет видеть брат Александр.

На лице секретаря не дрогнул ни один мускул. Только усики приняли почти вертикальное положение. Кивнув, молодой человек прошел в кабинет. Из-за неплотно закрытой двери донеслось:

⁷⁰ В то время – пригород, а ныне – один из районов Нижнего Новгорода.

– Что за глупые шутки?! – Братец не мог поверить в визит Александра. – Гоните в шею этого самозванца! Нет, погоди, я сам его с лестницы спущу!

Дверь рывком распахнулась, и на пороге возникла тщедушная фигурка «братика» Ивана. Интересно, как с такой комплекцией он собрался меня с лестницы спускать? На грозном лице «старшего в роду» последовательно прошла целая гамма эмоций. Начиная от праведного гнева – к узнаванию и далее – до безмерного удивления. Я сполна наслаждался произведенным впечатлением.

– Ну, здравствуй, братец Иван Михайлович! – разрушил я милое очарование «немой сцены».

– Э-э-э-э-э! – только и смог выдавить Иван. Если бы небо обрушилось на землю или пошел дождь из лягушек, он бы удивился меньше. Приказчики, пораженные нетипичным поведением хозяина, привстали из-за столов и пялились на «спектакль», раскрыв рты.

– Или ты, братец, не рад меня видеть? – кротко спросил я.

– Сашенька? – зачем-то решил уточнить Иван.

– Он самый, Ванечка! – продолжая издеваться над банкиром, медовым голосом пропел я. – Во плоти! Пощупать хочешь?

– Э-э-э-э-э! – Похоже, Ванин мозг, попытавшийся осмыслить нестандартную ситуацию, начал перезагружаться. Как бы он еще и форматирование не запустил!

– Может, пригласишь в кабинет? – решил я прийти на выручку Ивану. Тот только рукой махнул, мол, заходи.

В кабинете Ивана Михайловича можно было смело устраивать соревнования по игре в волейбол. От двери до рабочего стола расстояние составило (я считал!) 33 шага! Сам стол был размером с бильярдный. Сходство еще больше усиливала обивка из зеленого сукна. По внешнему краю этого шедевра столярного искусства шла низенькая деревянная балюстрада с причудливыми балясинами. Большую часть столешницы занимал грандиозный бронзовый чернильный прибор в виде двух римских колесниц.

Прямо над хозяйским креслом, резная деревянная спинка которого напоминала вычурные башни средневекового замка, висела большая, писанная маслом картина, изображавшая основателя ветви рода – «железного старика» Михаила Григорьевича. На противоположной стене с ним «переглядывался» ростовой портрет Его Величества Императора Российского Александра Третьего.

Усевшись на свое законное место, братец помолчал минуту, восстанавливая душевное равновесие, грубо нарушенное резкой сменой моего имиджа. Я в это время, вальяжно развалившись в гостевом кресле, делал вид, что любуюсь бликами солнца на носках своих лакированных туфель. Молчание затягивалось, но я совершенно не переживал по этому поводу – пусть первый ход сделает братец. Наконец Иван достаточно пришел в себя, чтобы задать осторожный вопрос:

– Что-нибудь случилось, Сашенька?

– Нет, Ванечка, совершенно ничего не случилось! – безмятежно ответил я, переводя взгляд с туфелей на переносицу брата.

– Да, но... – Иван проглотил вопрос типа: зачем ты так вырядился? Закончил братец более округло: – Но твой вид...

– А что такое? – делано озабочился я, отряхивая лацканы пиджака от несуществующих пылинок. – Галстук криво повязан?

– Нет, но... – Иван снова замялся, пытаясь сформулировать свои мысли.

– Вот что, братец Иван Михайлович... – Мне надоело ломать комедию, и я решил взять быка за рога. – Мне нужны деньги!

– Так я ведь уже переводил тебе десять тысяч рублей в начале месяца!

– Ты меня не понял, Ванечка! – елеино ответил я. – Мне нужны ВСЕ мои деньги!

– Но... но... зачем?! – Ивана чуть удар не хватил.

– Да вот, решил самостоятельно заняться торговлишкой, по примеру батюшки нашего, – выразительный взгляд на портрет предка.

– Но ты же... – концовка вопроса повисла в воздухе.
– ...ничего в этом не понимаю? – закончил я.
– Да! – буквально выдохнул Иван.
– Ничего, Ванечка, – кротко сказал я. – Как-нибудь разберусь! А теперь вели принести бухгалтерские книги. Я хочу посмотреть текущее состояние дел.

Это требование окончательно добило Ивана Михайловича. И без того тщедушный, он словно стал в два раза меньше.

– Э-э-э! Это сейчас невозможно! – проблеял Иван. – Они... они сейчас у аудиторов! Точно, они у аудиторов! На проверке!

«Врет!» – убежденно подумал я, а вслух сказал:

– И когда эта... проверка закончится?

– Через неделю! – неуверенно сказал Иван.

– Даю тебе два дня! – твердо сказал я, вставая. – Послезавтра с утра чтоб книги были в этом кабинете. И не вздумай подчищать – я все равно обнаружу! И учти – по моим самым скромным прикидкам, общий капитал нашей семьи составляет около 16 миллионов рублей. Из чего можно высчитать, что на мою долю приходится четвертая часть.

– Седьмая! – быстро сказал Иван.

«Опять врет!» – констатировал я, а вслух язвительно спросил:

– Да неужели? Сестрички вышли замуж, и их доля была выплачена в качестве приданого! Ты на этом хорошо нагрел рученьки – вместо 2–3 миллионов выплатил по пятьсот тысяч, да и то большую часть акциями компании. Братец Сереженька забрал свою долю, которая на тот момент составляла 2 900 000 рублей ассигнациями, сразу после смерти батюшки и уже успел потратить половину. В деле остались только ты, я, братец Мишенька и братец Митрофанушка.

Иван Михайлович, словно громом пораженный, откинулся на спинку кресла. Если бы с ним вдруг заговорил его письменный прибор, он бы воспринял это спокойней, чем вид «дурачка» Сашеньки, спокойно рассуждающего о семейном капитале!

– Но как?.. Откуда узнал?.. – забормотал себе под нос Иван, позыркивая на меня из-под нахмуренных бровей.

– Обидно, братец, что вы меня за мальчика держите! Братику Митрофанушке ты по сотенке тысяч в месяц платишь! – Я подпустил в голос обиду.

– Но если дело только в этом... – попробовал ухватиться за соломинку Иван. – Скажи, сколько ты хочешь!

– Я уже сказал! ВСЁ! Понимаю, что капитал вложен в дело и свободных денег у тебя нет. Готов половину взять акциями компании, четверть отдашь натурой – Канавинским железоплавильным заводом. А уж миллиончик, извини, ассигнациями! – твердо сформулировал я. Уже повернувшись к двери, я бросил через плечо: – Два дня у тебя есть, послезавтра утром жди!

Я был на сто процентов уверен, что братец Ванечка непременно попытается что-нибудь в бухгалтерских книгах подчистить. К счастью, в этом благословенном веке еще не додумались до «двойной бухгалтерии»! А попытавшись подчистить – непременно выдаст себя. В своей способности обнаружить подлог я несколько не сомневался. Недаром в своей родной фирме я благополучно пережил двух вороватых главбухов, аудиторскую проверку и «конкретный наезд» налоговой службы, чуть было не превратившийся в «маски-шоу».

Вернувшись домой, я еще на крыльчке столкнулся с нянькой.

– Господи! Да на кого ты стал похож! – с ходу запричитала Марковна. – Истинно говорю – не доведет до добра твое поведение, Александр Михайлович! Сначала платье немецкое, потом дурман-трава, а там и до винопития дело дойдет!

Рассмеявшись словосочетанию «дурман-трава» (знала бы старушка, ЧТО мы в XXI веке вкладываем в эти слова!), я небрежно отодвинул Марковну с прохода и вошел в дом, кратко отдав приказ:

– Умываться и ужинать!

Нянька тут же заткнулась и порскнула куда-то в глубину дома. Вскоре уже оттуда стал доноситься ее пронзительный визг – слуги в доме были ленивы и нерасторопны. Эх, все-таки придется мне их построить в три шеренги и заставить строем ходить!

Зверски хотелось под душ, но, покопавшись в памяти реципиента, я вдруг с ужасом понял, что в доме даже водопровода и того не было. Так, а баня? Баня была, но, чтобы протопить ее, необходимо много времени. Сегодня попариться не получится... Из всех гигиенических процедур мне было доступно только умывание. Хотя... попросив няньку принести еще два кувшина с водой, мне удалось-таки помыться до пояса.

«Н-да... Это станет серьезной проблемой!» – подумал я, растираясь накрахмаленным до каменной твердости полотенцем. Этак я грязью зарасту по самые... помидоры. Человеку из XXI века, привыкшему два раза в день принимать душ, здесь будет нелегко. Ладно, устройство санитарно-гигиенических удобств оставим на потом.

Ужин откровенно разочаровал. Опять пироги четырех сортов, те же каши в ассортименте, морсы, компоты и чай. Единственным разнообразием послужили щи из кислой капусты, которых утром не было. Так... с гастрономической проблемой тоже придется бороться.

После ужина я прошел в так называемый «кабинет», хотя никакой осмысленной деятельностью Александр сроду не занимался. Мне необходимо было записать несколько тезисов, и я начал искать в кабинете перо и бумагу. Тщетно. Память Сашеньки услужливо подсказала, что последний раз пачкать свои белые рученьки чернилами ему довелось еще в гимназии. А посему перо и бумагу он не держал.

Я позвал няньку и потребовал необходимые предметы у нее. Как она на меня взглянула! Ну все! Качусь по наклонной! Мало того, что костюм «немецкий» нацепил, так еще и писать собрался! Да, недалеко уже и до курения с выпивкой! Пока я тихо хихикал над ней, Марковна принесла искомое. В романе «Собака Баскервилей» Шерлок Холмс упоминает, что собственные перо и чернильницу редко доводят до плохого состояния. Здесь и сейчас был как раз тот самый редкий случай. Чернильница загажена так, что на нее страшно смотреть, перо чуть ли не расщеплено. Бумага оказалась самой дешевой из писчих, почти оберточная. Сделав на будущее еще одну зарубку в памяти (скоро там живого места не останется!) – сменить письменный прибор, я с трудом разместился за крохотным кофейным столиком, положил перед собой лист бумаги и аккуратно выписал столбиками:

1. Бензиновый двигатель – Даймлер и Майбах – 1883 год.
2. Паровая турбина – Парсон – 1883 год.
3. Пулемет – Хайрем Максим – 1883 год.
4. Гидравлический пресс – Витворт – 1884 год.
5. Пневматические шины – Данлоп – 1885 год.
6. Радиотелеграф – Герц – 1886 год.
7. Электролиз алюминия – Эри – 1887 год.
8. Роторное бурение – Атчинс – 1889 год.
9. Автомобиль – Даймлер и Майбах – 1891 год.
10. Дизельный двигатель – Рудольф Дизель – 1893 год.

Да, прав был Иосиф Виссарионович, прав! Кадры действительно решают все! Еще во время подготовки к перемещению я понял, что совершенно необязательно запоминать чертежи, если уже на месте ты можешь нанять изобретателя. Главное – обеспечить ему необходимые условия работы, включая производственно-техническую базу. А для тех изобретений, что будут сделаны только через десятилетия, вполне можно просто подкинуть идею нужным людям. Пусть даже они и воспользуются в результате подброшенной идеей немного по-другому.

То, что три изобретения из списка датируются прошлым годом, меня не смущало – это были испытания прототипов. Ведь более-менее работающий двигатель Даймлер с Майбахом создадут только в 1885-м. А Парсон доведет свою паровую турбину до ума к началу 1886-го. У того же Хайрема Максима в прошлом году проходил испытание образец, больше похожий

на пушку, что по весу, что по размерам, что по калибру. А Дизеля можно вообще пока не трогать – ему сейчас всего 26 лет, и о двигателе имени себя он еще не помышляет. Вот годика через два...

На следующее утро Марковна, строго предупрежденная мною накануне, вошла в спальню, предварительно постучав и дождавшись разрешения. Поэтому она не видела моих занятий физкультурой, а то бы опять подняла вой, на этот раз из-за «дрыгоножества» и «рукомашества». Теплой воды принесли аж четыре кувшина, и я кое-как помылся полностью, стоя в тазике.

Поскольку бритвенный станок, впрочем, как и зубная щетка, а также масса других необходимых мелочей в доме отсутствовали, то я решил сегодняшний день посвятить шопингу. После завтрака я велел закладывать коляску. Напуганная переменами дворня больше не обсуждала моих приказаний. Даже толстозадый конюх Захар, получивший накануне десяток крепких подзатыльников, проявил недюжинную прыть.

Не успел я одеться к выходу, как запряженная коляска уже ждала меня у крыльца. Я снова двинул на Мещанскую. Перво-наперво заглянул в лавочку Фролова. Савелий Федотович порадовал меня сообщением, что первый из заказанных костюмов уже готов. Это была сюртучная тройка из тончайшего аглицкого сукна снежно-белого цвета. Почти точная копия костюмчика, в котором Никита Михалков распевал «Мохнатого шмеля».

Но к костюмам еще нужно подобрать сорочки, ботинки, галстуки. Вчера-то я взял всего по паре. Да и еще кучу другой мелочовки, отсутствие которой серьезно сказывается на имидже делового человека, – запонки, булавки, часы с цепочкой и брелоками. И это не считая белья, чулок (носки еще не изобрели), носовых платков и шляп! Прикинув мысленно список, я ужаснулся! Да мне в неделю всего не собрать! И память Сашеньки не поможет – он в галантерее еще меньше меня понимал. И тут мой взгляд упал на того самого молодого приказчика, что поразил меня вчера своим кургузым пиджачком. Вот тот человек, что поможет мне в нелегком деле покупки барахла!

– Как зовут? – угрюмо спросил я.

– Т-т-тихон! – испуганно квакнул приказчик.

– Ты что, заика? – прикололся я.

– Да! – с готовностью подтвердил Тихон. – Ой! То есть никак нет!

– Так почему заикаешься? – продолжил я развлечение. Эх, мне бы еще рекомендовать ему вырабатывать «громкий командный голос»! Так не поймут – не по военной части паренек, а до съемок культового фильма «Офицеры» остается восемьдесят лет!

Впрочем, паренек оказался понятливым.

– Разрешите рекомендоваться: Тихон Лукич Мосейков! – именно «громким командным голосом» доложил приказчик.

– Молод ты еще для «Лукича»! – В этот момент я как-то подзабыл, что мой носитель – ровесник этому парню. – Но боек! Мне нужна твоя помощь! Савелий Федотыч! – повернулся я к хозяину лавки. – Отпустите Тихона со мной на пару часиков – по магазинам пробежаться?

– Конечно, конечно! – кивая, пробасил Фролов. – Да хоть на весь день!

И он оказался прав – именно целый день наш «шопинг-тур» и занял. Мы несколько раз нагружали коляску свертками и коробками доверху, и Захар отвозил «добро» домой, пока Тихон не подсказал, что доставку вполне возможно заказывать. Надо только оставить хозяину магазина или лавки адрес, и мальчишка-посыльный принесет твою покупку раньше, чем ты сам окажешься дома. Обманывать покупателей, подменяя товар или вообще «забывая» о покупке, здесь еще не научились. Через полчаса нашего поступательного движения по Мещанской пронесся слух, что купец-миллионщик скупает все, что видит. Хозяева магазинов бросали свои конторки и выходили на мостовую, чтобы лично встретить мой экипаж. Вокруг начинали крутиться молодые продавцы, наперебой предлагая «посмотреть», «примерить», «подобрать». У меня сразу начинало рябить в глазах от разноцветных тканей. Спасал только Тихон – он рассекал процесс, словно ледокол весенний

лед, безошибочно указывая на разные недостатки товара и непременно замечая достоинства.

– Вот смотрите, Александр Михалыч, полотно батистовое голландское, тонкое, как паутинка! – шептал он мне на ухо. – Отлично подойдет для нижнего платья. Но здесь мы его брать не будем! Агашин, жидовская морда, по три рубля за штуку⁷¹ ломит, а вот в лавке напротив, у Егора Просейкина, за то же самое полотно мы два с полтиной отдадим!

Известность начала приносить свои первые плоды – в третьем по счету магазине с меня не взяли денег на месте, сказав, что я вполне могу отдать «потом». Дальше такие предложения пошли косяком, но я все равно записывал карандашом в небольшой блокнотик (подаренный мне тут же по случаю) все расходы, стараясь, чтобы они не превысили бюджет. Но до полной выборки лимита было еще далеко. Я не уставал поражаться низким, с моей точки зрения, ценам.

Полный мужской костюм для повседневного ношения можно было приобрести за 10–20 рублей. Брюки отдельно – полтора-два рубля. Костюмы на заказ, да еще и из импортных «заморских» тканей стоили, конечно, дороже, но и их цена не зашкаливала за 80 – 100 рублей. Женские платья индивидуального пошива шли по 50–70 рублей, категории «люкс» – 150–300 рублей. Но простой дамский жакет 5 – 15 рублей, юбка – 2–3 рубля. Пальто драповое или бобриковое на вате – 9 – 12 рублей, пальто на барашковом меху – 18–30 рублей.

А на продукты цены, в сравнении с ХХI веком, так и вообще были смешными!

Фунт⁷² пшеничной муки – 6 копеек, ржаной – 3 копейки. Фунт хлеба «ржаного, простого, черного» – 2 копейки! Ситник по 6 копеек за фунт! Сливочное масло – 35 копеек за фунт, подсолнечное – 18 копеек, сметана – 20–25 копеек, бутылка⁷³ молока – 8 копеек, десяток яиц – 20 копеек. Грибочки маринованные – 15 копеек за фунт! Даже мясо и рыба не входили в категорию «недоступных продуктов»: говядина высшего сорта – 17 копеек, свинина – 12 копеек, телятина – 20 копеек за фунт! Фунт стерляди – 15 копеек, лососины – 35 копеек, осетрины – 30 копеек. А картошка так и вообще летом шла по 1 рублю за мешок!

Было даже как-то удивительно, что в это же время гуляки разных сословий умудрялись просаживать на пьянки тысячи рублей! Это сколько же водки надо выпить?!! Или ввалили нам истории?

По ходу дела у меня возникла одна идея – а не нанять ли мне Тихона камердинером? А что? Молод, умен, отлично разбирается в шмотках, да еще и парикмахер! По-любому он сможет лучше Марковны ухаживать за формируемым гардеробом. Идею эту подсказал сам Тихон, спросив после покупки шелковых сорочек, не сожгут ли при глажке мои домашние тонкую ткань. Вспомнив тронутые артритом руки Марковны, я понял – сожгут!

В обеденном перерыве мы по рекомендации Тихона взяли столик в ресторане «Светозар», где во время посещений Нижнего любил откусать Шаляпин. Выпив по рюмке настоящей на лимонных корочках водки, мы, следуя заветам профессора Преображенского, неспешно закусили горячими севрюжьими котлетками. Затем последовала наваристая уха «по-архиерейски», расстегаи с телячьим мозгом, а на десерт засахаренная дыня. Затем нам предложили кофе и сигары. Тихон кофе выпил, а от курева отказался. Я же не удержался, хотя зарекался в новом теле не курить, и взял сигару, оказавшуюся гаванской «Короной» ручной «сборки». Попыхивая ароматным дымом (девственное Сашенькино горло драгло немилосердно, хотя курил я не затягиваясь!), я спросил у официанта коньячку. Принесенный напиток превзошел все мои самые смелые ожидания! Коньяк оказался российского производства, марки, что погибла в революцию, – Шустовский. Его

⁷¹ Штука ткани – рулон от 100 до 500 аршин.

⁷² Русский фунт – 409,5 грамма.

⁷³ Бутылка (полуштоф) – 615 миллилитров.

действительно хотелось смаковать во рту, чувствуя, как он испаряется на языке, оставляя тонкое приятное послевкусие. Эх, пивал я в «старой» жизни разные коньяки, в том числе и очень дорогие, но этот... Этот мог поспорить с лучшим «Хеннеси» пятидесятилетней выдержки, хотя сам был всего лишь пятилетним. В чем тут секрет? Сорт винограда? Купаж? Местность, где произрастали дубы, отдавшие древесину на бочки? А может, всему виной экология? Ведь как ни старайся, а на почве, впитавшей соли тяжелых металлов, да под небесами, закопченными выхлопами миллионов автомобилей, хороший виноград не вырастишь!

Вот под этот божественный коньячок я и выкатил Тихону предложение, от которого он, вопреки законам жанра, отказался.

– Спасибо за лестное предложение, Александр Михалыч, но... – Тихон запнулся. – Только не могу я. План у меня есть, и нарушать его не хочу. Я сейчас у Савелия Федотовича за правую руку, а вскоре он расширяться собирается, так на этой лавке я старшим останусь. Поднакоплю деньжат и в Москву! Я здесь на парикмахера учусь, чтобы потом продолжить обучение в салоне мусье Ришара. А уж выпускник его «академии» может потом в любой салон поступить. А куаферы получают...

– Погоди! – прервал я изложение жизненного плана Мосейкова. – А в финале-то что?

– Хочу свой салон открыть! Назову его «Салон красоты»! – с энтузиазмом воскликнул Тихон.

– Так я твоей карьере мешать не буду! – сказал я. – Поработаешь у меня пару лет – хватит денег на два салона!

– А умение? Навыки? – удивленно приподнял брови Тихон. Мол, что же я такие простые вещи объясняю.

– Да на заработанные денюжки ты сможешь этого мусье... как там его? Ришара? Его случайно не Пьер зовут? Жиль? Так вот, ты сможешь этого Жили Ришара полотером в свое заведение нанять! Или главным консультантом – на твой выбор!

– Так какое же вы собираетесь мне жалованье положить? – опешил Тихон, за несколько секунд прикинув в уме стоимость салонов и плату именитому парикмахеру.

– 1000 рублей в год! – озвучил я сумму. Выстрел был практически наповал – армейский поручик получал в месяц 80 рублей.

Тихон задумался. Не каждый день просчитываешь последствия резкого изменения тщательно продуманных планов. Меняешь размеренное поступательное движение на прыжок с трамплина, позволяющий разом проскочить большой кусок отмеренного пути. А не окажется ли этот трамплин хлипким, не лучше ли твердая дорожка под ногами? К чести Мосейкова – соображал он быстро, да и авантюрной жилки был не лишен. Уже через минуту он поднял глаза от узора на скатерти и, твердо глядя на меня, сказал:

– Я согласен, Александр Михалыч!

Так у меня появился первый самостоятельно выбранный сотрудник. Этим же вечером я дал расчет кастелянше, трем прачкам (из пяти), двум гладильщицам и одной белошвейке. Узнав о таком количестве бесполезного персонала, я пришел в ярость, чем полностью подавил сопротивление Марковны. На увольнение работниц она только вздохнула. Еще бы ей не вздыхать – развела дармоедов. И ведь прикармливает земляков из своей деревни!

Получив солидное внушение и обещание «пересмотреть штатное расписание» на предмет дальнейшего поиска ненужных людей (очень сомневаюсь, что для обслуживания особняка площадью в двести метров нужно три десятка человек), Марковна стала тише воды ниже травы и совершенно безропотно восприняла переезд в отдельную комнату мансарды Тихона Мосейкова.

Глава 4

Рассказывает Дмитрий Политов

На следующий день я встал рано. Отработал полный комплекс своей обычной утренней гимнастики. Новое тело слушалось плохо, да и силушка... Вместо трех подходов по пятьдесят отжиманий удалось выжать два подхода по пятнадцать! То же самое было и с приседаниями. Про пресс я вообще умолчу. Но мышцы я разогрел, да и суставы слегка поразмял. Погоняв себя до обильного пота, я помылся в небольшой медной ванне, венце вчерашних покупок (правда, воду все равно нагревали в котле на кухне и таскали кувшинами). Тихон побрил меня золингеновской бритвой, подровнял, расчесал и уложил волосы. На этот раз завтрак был легким – хватит с меня излишеств! Мосейкова я посадил с собой за стол, чем вызвал недовольство Марковны, проявившееся, впрочем, только поджатием губ. После завтрака я почистил зубы новомодной аглицкой зубной щеткой (корпус из сандалового дерева и натуральная конская щетина!) и прополоскал рот какой-то ароматной эссенцией, купленной исключительно по настоятельной рекомендации Тихона. Затем Мосейков подал одежду «на выход». Для поездки в контору брата я надел ту самую эффектную сюртучную тройку белого цвета. Шелковый галстук украсила золотая булавка с крупным «брульянтом», запонки, тоже золотые, были размером с пяточок. Довершением ансамбля «купец-миллионщик» стали карманные часы. Естественно, золотые с золотой же цепочкой поперек пуза. Сияя, как новогодняя елка, я уселся в коляску, наказав няньке слушаться Тихона во всем, что касается гардероба. Им сегодня предстояла разборка созданных вчера запасов (купленные накануне вещи мальчишки-посыльные тащили до сих пор!).

Мое повторное появление в конторе брата вызвало настоящий ажиотаж. На этот раз служащие были хорошо осведомлены, кто явился на прием к хозяину, и, скорее всего, знали, зачем я явился. Пока я шел через нижний зал, провожаемый тремя десятками пар глаз, в помещении стоял гул, словно от работающего на пределе трансформатора, – клерки перешептывались, обсуждая мои перспективы на лидерство.

Когда до лестницы на второй этаж оставалось несколько шагов, мою траекторию торопливо пересек вихрастый паренек в черных нарукавниках. Он как-то нарочито неловко выронил папку с бумагами прямо мне под ноги, да так «удачно», что листочки легли широким ковром, полностью перекрыв подход к лестнице. Громко ойкнув, паренек принялся собирать бумаги. Я молча стоял, ожидая, когда мне освободят дорогу. В какой-то момент я заметил, что паренек подмигивает мне. Я наклонился, делая вид, что хочу помочь.

– Александр Михалыч! Не ходите туда! – одними губами произнес клерк.

– Что такое? – так же шепотом поинтересовался я.

– Ваш брат хочет объявить вас сумасшедшим. Он какого-то доктора вызвал, тот в кабинете дожидается, – объяснил парень, зорко оглядываясь по сторонам. – А на случай, если вы заартачитесь, в приемной четыре амбала⁷⁴ ждут!

– Спасибо, братишка! – прошептал я в ответ, разгибаясь, а вслух громко сказал недовольным тоном: – Экий ты неловкий! Я на тебя брату пожалуюсь! Как зовут?

– Кузьма Григорьев, милсдарь! – старательно изображая испуг, проблеял мой нечаянный доброжелатель.

– Ладно, иди работай! – брюзгливо сказал я, незаметно пожимая парню руку.

Ну что же, Иван Михалыч? Вы хотите играть грязно? Эх, не знаете вы, дорогой, что такое ПО-НАСТОЯЩЕМУ грязная игра! К вашему счастью, не жили вы в России девяностых годов XX века! Я хотел по-хорошему, тихо, семейно... Вы, братец, решили поступить иначе. Так Бог вам судия! Пеняйте на себя!

Твердой походкой поднявшись в приемную, я, мило улыбаясь, поздоровался с помощником и доверенными приказчиками Ивана Михайловича. Тут же, в приемной, топтались четыре здоровенных мужика. Трое усиленно делали вид, что наслаждаются видом

⁷⁴ Изначальное значение слова «амбал» – грузчик.

из окна, и только один, чернявый с явной примесью цыганской или кавказской крови, смотрел прямо на меня. Я глянул на них только мельком, чтобы не насторожить. Но характеристики срисовал полные, так что в любой момент мог записать любой параметр ТТХ⁷⁵ этих «боевых роботов».

Самым опасным из всей четверки являлся именно чернявый мужик, напоминающий артиста Волонтира⁷⁶. Габаритами он уступал своим товарищам – те были простыми увальнями, весом под сто пятьдесят килограммов, опасными только при жестком захвате или при контакте лица с их кулаком. А «Цыган», судя по умному колючему взгляду, мог быть еще и неплохим тактиком. Да и его движения... Отлепившись от подоконника, он плавно перетек из одной позы в другую, словно ртуть. Значит, бой будет интересным! Эх, давно я не брал в руку шашку...

Не удержавшись от озорства, я, незаметно от окружающих, показал «Цыгану» кулак. В глазах чернявого мелькнуло понимание, он мгновенно догадался, что я знаю причину появления здоровяков в приемной. Снова обманчиво-плавно поменяв позу, «Цыган» ощерился, демонстрируя полный набор острых белых зубов. Улыбочка была одновременно озорной и угрожающей. Мол, посмотрим, кто кого!

Кстати, наличие полного комплекта зубов – добавочный плюс к его ТТХ. Это говорит о том, что серьезно по морде ему еще не прилетало. Значит, ловкий, черт! Нет, есть, конечно, небольшая теоретическая вероятность, что он вообще никогда в драках не участвовал. Но это вряд ли, как говорил товарищ Сухов.

Без стука и доклада (секретарь-помощник сделал вид, что чрезвычайно занят перекладыванием бумажек) я вошел в кабинет. Здесь меня ждала теплая компания. Кроме Ивана Михайловича, «комитет по встрече» включал братьев Михаила и Митрофана. Значит, старший братик решил, что без свидетелей не обойтись. Серьезно подготовился! Ведь Михаила пришлось вызывать из Бора!⁷⁷

Четвертым участником предстоящего спектакля, призванным сыграть первую скрипку, был дородный господин в полосатом темно-коричневом костюме. Мясистое лицо, с постоянным брезгливым выражением, чисто выбрито, только на раздвоенном подбородке оставлена узкая бородка-эспаньолка. Маленькие пороссячи глазки, прищурившись, смотрят через стекла золоченого пенсне.

– Здравствуйте, господа! – бархатным голосом сказал я. – Мишенька! Давно не виделись! Как жена? Дочки?

Братья синхронно кивнули, разглядывая меня со странным выражением на лицах. Естественно, они знали со слов Ивана, что я несколько изменился, но, видимо, не ожидали, что настолько. Затем Михаил смущенно отвернулся, а Митрофан нагло подмигнул. Инициативу начать разговор они предоставили Ивану.

– Здравствуй, Сашенька! – выдавил Иван Михайлович. На последнем слоге он закашлялся, прикрывая рот большим клетчатым платком. Откашлявшись, Иван продолжил: – Вот, хочу тебе представить доктора медицины, профессора Сперанского.

Толстяк в пенсне кивнул. Я мило улыбнулся ему и, подпустив в голос озабоченность, спросил:

– Неужели кто-то из семьи заболел? Надеюсь, ничего серьезного?

– Тут такое дело... – снова начал Иван, взглядом ища поддержки у братьев. Но те опустили головы, пряча глаза. – Мне... нам кажется, что ты болен. Вот мы и решили – не

⁷⁵ ТТХ – тактико-технические характеристики.

⁷⁶ Михай Волонтир – исполнитель главной роли в боевике «В зоне особого внимания» и советском сериале «Цыган».

⁷⁷ Город-спутник Нижнего Новгорода, находится на другом берегу Волги.

будет ничего дурного, если тебя осмотрит профессор! Это не больно, не бойся!

– А как же бухгалтерские книги? – мягко спросил я. – Мы же договорились!

– Только после осмотра врача! – твердо сказал Иван.

– Да вы не беспокойтесь, юноша! – проскрипел Сперанский, влезая в разговор. – Снимите сюртучок и присядьте на диванчик!

– Ну вот еще! – решительно сказал я, резко отбрасывая протянутую ко мне руку профессора. – Я чувствую себя совершенно здоровым! В последний раз, при свидетелях, прошу тебя, Ваня, покажи книги!

Ивана опять охватил нервный кашель. Михаил и Митрофан снова совершенно синхронно подняли на меня глаза. Теперь выражение их лиц немного поменялось – к удивлению примешалась некоторая... гордость. Так смотрят на сына-шалопая, мол, непутевый, но тем не менее – удалец!

А Сперанский, сняв пенсне, принялся педантично его протирать кружевным платочком. Прелюдия спектакля закончилась. Сейчас все зависело от старшего брата – решится он пойти на открытый конфликт или пойдет на попятный.

– Профессор! – Иван решился. – Делайте то, о чем мы договорились!

Стараясь не глядеть в мою сторону, профессор забормотал:

– После проведенного осмотра я, в присутствии трех родственников больного, выношу окончательный диагноз – прогрессирующая шизофрения, острая фаза, реактивный психоз. Констатирую временную недееспособность больного. Постоянная недееспособность может быть установлена только при проведении медицинского консилиума. – Сперанский встал. – На чем разрешите откланяться!

– Сидеть! – свистящим шепотом приказал я. По кабинету словно ледяной заряд пронесся. Сперанский плюхнулся в кресло. Михаил с Митрофаном поежились. Я сделал небольшой шагок к профессору и ухватил его двумя пальцами за галстук. – Сколько тебе, сволочь, заплатили? А?!! – Я рывком приподнял тушу медицинского светила. Галстук немедленно затянулся на шее, глаза профессора полезли из орбит. Он захрипел.

Насладившись его испугом, я разжал пальцы, и толстяк шлепнулся мимо кресла на ковер. Звук при этом был такой, словно в здание ударили тараном.

– Ну а вы что сидите? – я повернулся к средним братьям. – Вашего младшего братика хотят наследства лишить, а вы молчите? Значит, тоже на мне нажиться решили?

– Сашенька, послушай... – вякнул Михаил, но, наткнувшись на мой разъяренный взгляд, смешался и умолк.

– Да у вас тут целый заговор! – обличал я, стоя посреди кабинета. – Решили меня умалишенным объявить, чтобы денежки мои, батюшкино наследство, себе захватить! Ишь ты, не понравилось ему («молния» из-под нахмуренных бровей в сторону Ивана), что я решил самостоятельно торговлей заняться! Другой бы радовался – младший братик на ноги встает! ВСЁ! Не брат ты мне более, не брат!!! И поступать я теперь буду, словно чужие вы! Хотел по-хорошему договориться, по-семейному... А теперь только через суд!!!

Иван, испуганно таращась, почти сполз на пол, и теперь из-за стола была видна только его голова. Михаил с Митрофаном сидели, будто контуженные, даже моргать перестали. Сперанский вообще отполз на карачках в угол и теперь посверкивал оттуда стеклышками пенсне.

– Помогите, убивают! – пролепетал братец Ванечка и позвонил в колокольчик.

По этому сигналу в кабинет ворвались амбалы.

Первого я встретил классическим мукуши в голову. Нога угодила громиле точно в нос. Извергнув фонтан крови, амбал рухнул как подрубленное дерево, оглашая кабинет диким ревом. Заходящий справа выбросил могучий кулак в направлении моей головы. Я легко нырнул под атакующую руку. Гигант уже летел надо мной, когда я, распрямляясь, рубанул его локтем в печень. Эффект был потрясающий – амбал аж перевернулся, в воздухе мелькнули ноги. Описав полный круг, причем центром вращения был мой локоть, мужик плашмя рухнул на спину. Стены солидного (не чета хрущевкам!) здания вздрогнули, как от

пятибалльного землетрясения. Заходящий слева несколько замешкался, обегая своего поверженного товарища, и я успел сделать два быстрых шага вправо. Теперь я был сбоку от амбала, а он только начал поворачивать в мою сторону голову. Я резко разворачиваю корпус. Мое правое плечо следует за бугристой спиной мужика. В конце траектории я распрямляю руку, и ребро ладони рубит затылок амбала. Будь на его месте противник похлипче, тут бы ему и смерть от перелома шейных позвонков. А так... толстые мышцы спасли своего хозяина. Этот почти сабельный удар просто добавляет движению здоровяка дополнительную энергию. Оглушенный амбал по инерции пролетает несколько шагов и врежется в стену. Раздается неприятный хруст, и очередной противник сползает на пол.

Минус три! Так, а где «Цыган»? Это не значит, что я упустил его из виду. Краем глаза я все время держал его. Но он, войдя в кабинет, просто встал. Так он и простоял всю короткую схватку.

Закончив расправу над «мясом», я развернулся к чернявому. Он медленно, глядя мне точно в глаза, нагнулся и вытащил из сапога нож. Я укоризненно хмыкнул и погрозил «Цыгану» пальцем. Он мне уже почти нравился, жаль будет калечить, а ведь придется, раз у него в руках оружие. Но чернявый снова удивил меня – покачив лохматой головой, «Цыган» отбросил клинок.

Мы медленно сблизились. «Цыган» слегка покачнулся вправо. Ну, эти шутки мы знаем – я остался недвижим. Еще один отвлекающий финт – я снова не веду. Тогда «Цыган» решился на атаку – на приличной скорости бросив тело вправо, он вдруг скрутился и попытался сделать что-то похожее на «ножницы»⁷⁸. «Эх, не попадался тебе достойный противник, бородатое чудовище!» – почти ласково подумал я, взмывая в воздух, – а ведь наверняка этим приемом он не один десяток деревенских увальней завалил! Уже в полете я развернулся и легонько, чтобы не покалечить, ударил чернявого в голову подъемом стопы. Такой удар хорошо получается в десантных берцах. Но в этот раз на мне щегольские белые туфли... правда, с высокими кожаными гетрами! Поэтому удар все-таки выходит неплохим! «Цыгана» уносит в приемную, а я, приземлившись, медленно поворачиваюсь к братьям. Ванечка охает и падает в обморок. Михаил с трудом сдерживает рвотные порывы. На лице Митрофана, по слухам – любителя посмотреть на кулачные бои, застыла глупая улыбка. Сперанский так и вообще залег у стенки в позе «ожидания ОМОНа» – мордой вниз, руки на затылке.

Что, братцы, не ожидали ТАКОГО от домашнего дурачка? А что вы хотите – я с восьми лет самбо занимаюсь. А чем еще заниматься сыну офицера ВДВ? Не бальными же танцами? Мелькнула мысль: «А ведь с их точки зрения, Сашенька одержим бесом!»

За моей спиной, в приемной, что-то зашуршало. «Цыган» недобитый поднимается? Я развернулся и на полусогнутых (в голове все еще бухали боевые литавры, а адреналин бурлил в крови) вышел посмотреть на источник шума. В приемной тоже была немая сцена: оба приказчика и секретарь, раскрыв рты, таращились на чернявого мужика, медленно принимавшего вертикальное положение. Я сделал полушажок в сторону, уже примеряясь нанести финишный удар. Но «Цыган» повел себя странно: увидев меня, он низко, в ноги, поклонился и сказал:

– Прости, Ляксандра Михалыч, что сразу не признал в тебе ХОЗЯИНА!

Однако! В моей армии появился первый боец! Я хмуро оглядел нежданного сторонника. Нет, он не шутит и не издевается – он действительно верит, что если я его побил – то, несомненно, являюсь более крутым.

– Как зовут? – спросил я. Горло после драки пересохло, и мой голос напоминал карканье ворона.

– Еремей, хозяин, – ответил «Цыган», потирая окровавленное (это его пуговицей на гетре зацепило) ухо. – Еремей Засечный.

⁷⁸ Подсечка противника.

– Вот что, Ерема, ступай на улицу и позови городского! Скажешь ему, что господа Рукавишниковы подрались, а ты разнимал!

Еремей молча кивнул и быстро, но без суеты стал спускаться на первый этаж. Приказа он обсуждать не стал.

– Ну-с, милостивые государи! – сказал я, вернувшись в кабинет. – Через пять минут здесь будет полиция. И только от вас зависит – подозреваемыми вы будете или свидетелями! Понятно излагаю?

Михаил и Митрофан кивнули. Клиенты почти созрели, продолжим психологический прессинг.

– Версия такая: я попросил Ивана показать бухгалтерские книги, а он решил выставить меня сумасшедшим. Для чего пригласил уважаемого профессора. – На этих словах Сперанский слегка приподнял лицо от пола. – Но вы и уважаемый профессор отказались участвовать в грязном замысле Ивана. – После этого заявления Сперанский, решив, что вот прямо сейчас его убивать не собираются, начал осторожно вставать. – Тогда Иван призвал на помощь своих амбалов. Но мы совместно сумели их утихомирить. Готовы подтвердить такое?

Братья снова молча кивнули. После полуминутной паузы кивнул и Сперанский. Что же – в соображалке им не откажешь. Умение вовремя принять сторону более сильного – великое искусство!

Только через четыре часа я покинул «гостеприимное» здание банка. Немилосердно болела отбитая нога, да и ладонь после столкновения с чугунным затылком амбала дико мозжила (как бы не перелом!), а из-за растяжения связок в паху, после героического мукуши, я еле ковылял (не приспособлено тело для рукопашной!). Однако чувствовал я себя настоящим триумфатором! Следующий в двух шагах за моим правым плечом Засечный нес в объемистом саквояже плоды психологической атаки – подписанные полностью деморализованными моим «наездом» братьями бумаги на передачу в мою личную собственность движимого и недвижимого имущества, а также активов. Там же, в саквояже, лежали толстые пачки акций, облигаций и ассигнаций, на общую сумму полтора «лимона».

Интерлюдия

Владимир Альбертович Политов, военный пенсионер, сидя в неудобном жестком кресле перед голографическим монитором иновремян, внимательно просмотрев, как его внучок разводит на бабки банкиров, одобрительно хмыкнул в финале и тихо произнес: «Ну прямо-таки цирк с конями!»

Нельзя сказать, чтобы увиденное на сто процентов порадовало генерала в отставке, потому как Владимир Альбертович считал силовые акции грязной работой, постоянно наставляя молодых офицеров, что если разведчик довел дело до стрельбы с поножовщиной, то дело наполовину провалено.

Но в данном конкретном случае действующим лицом выступал единственный и любимый внук, которому многое прощалось. Да и действовать ему пришлось в режиме отражения агрессии. По крайней мере жестокая и быстрая расправа с «качками» послужила дополнительным психологическим рычагом, позволив Диме дожать банкиров.

Владимир Альбертович выключил ноутбук и, откинувшись на угловатую спинку старого кресла, с удовольствием сделал несколько энергичных махов руками, разгоня застоявшуюся кровь.

– Слышь, Альбертыч! – донесся из соседней комнаты голос Дорофеева. – Пойди-ка сюда! Здесь какое-то непонятное ДВИЖЕНИЕ намечается!

Илья Петрович Дорофеев, старый друг и сослуживец, в прошлом генерал-майор ГРУ, а ныне тоже пенсионер, был привлечен Политовым на подмогу, наряду еще с тремя отставниками – бывшими сотрудниками разведки. Старики не задумываясь приняли приглашение Владимира Альбертовича поучаствовать в «одном интересном дельце».

Заскучавшие «на гражданке», они встрепнулись, словно дряхлые боевые кони, услышавшие сигнал горна.

В настоящий момент тесная группа единомышленников сидела на съемной квартире неподалеку от частной клиники, где лежали тела Таругина и младшего Политова. Наблюдение за палатой осуществлялось техническими средствами, предоставленными в безвозмездное пользование Владимиру Альбертовичу одним из его учеников, держащим ныне детективное агентство.

Политов встал, беззлобно матюгнув дурацкое кресло, впившееся напоследок своему седоку в поясницу чем-то острым, и прошел в соседнюю комнату, где стояли несколько мониторов наблюдения. Дежуривший перед экранами Дорофеев, оглянувшись через плечо на подошедшего друга, ткнул пальцем в изображение больничного коридора и сказал:

– Смотри, Альбертыч! Эта сестричка как-то подозрительно себя вести стала!

На экране было видно, как больничная медсестра зигзагом шла по коридору, заглядывая во все палаты.

– И ведь только что эта девушка спокойно занималась своими делами, ставила капельницу мужику в дальней палате и вдруг сорвалась с места! Ты же предупреждал, что больничный персонал могут «оседлать»!

– Да, Петрович, похоже, что гости таки пожаловали! – кивнул Политов, внимательно следя за манипуляциями медсестры.

Девушка наконец обнаружила палату с поднадзорными. Теперь ее было видно сразу на четырех экранах – помещение было буквально напиговано скрытыми камерами. Медсестра стала тщательно рассматривать лица Олега и Дмитрия, словно сверяясь с невидимой фотографией из архива. Закончив идентификацию, девушка почти выбежала из палаты, пулей пролетела по коридору в ординаторскую и стала рыться в историях болезни пациентов.

– Будем брать? – азартно предложил Дорофеев. – Или хвост прицепим?

Услышав волшебное слово «брать», с кухни подошла «группа захвата». Самому младшему в этой тройке было 64 года. Оглядев своих «орлов», на лицах которых уже светилось ПРЕДВКУШЕНИЕ, Политов ответил:

– Смысла нет! Они ее как «оседлали», так и отпустят! Вот только убедятся, что пациенты именно те, кто им нужен. Ага, Петрович, гляди – уже отпустили!

На экране было видно, как сестричка удивленно крутит головой и хлопает глазами, силясь понять, что ее занесло в ординаторскую. Видимо, усилия вспомнить ни к чему не привели, поэтому девушка махнула рукой и отправилась заканчивать установку капельницы.

– Ключула рыбка-то! – с огромным удовлетворением сказал Политов.

Глава 5

Рассказывает Дмитрий Политов

Я осторожно, чтобы не стряхнуть длинный столбик пепла себе на брюки, положил сигару на край хрустальной пепельницы. Через облако ароматного дыма фигура Григорьева казалась призраком.

– Вот что, Кузя, – подчеркнув ногтем итоговую цифру столбца, сказал я. – Ты уверен, что в отчете нет ошибок? Сумма какая-то странная!

Кузьма Григорьев, тот самый паренек, который полгода назад предупредил меня о засаде в конторе «брatца Ванечки», а ныне мой главбух, скорчил рожицу, долженствующую изобразить легкую степень неудовольствия. Ну как же! Хозяин изволит сомневаться в его профессионализме! А ведь бухгалтером Кузьма оказался первостатейным, несмотря на молодость.

– Да что там странного-то, Сашенька? – несколько развязным тоном «знатока» начал

сидевший в кресле у стола Михаил Рукавишников, но, наткнувшись на мой взгляд, стушевался и замолчал.

– На арифмометре считал? – Это я недавно прикупил Кузе в помощь «калькулятор», выпущенный в Питере на заводе Нобеля. А всего через несколько лет один из работающих на этом заводе инженеров – обрусевший швед Однер⁷⁹ – изобретет прибор, который прослужит аж до середины XX века. Эх, надо не забыть переманить этого мужика к себе!

– Точно так, Ляксандра Михалыч! – Вначале Кузя шарахался от арифмометра, как раввин от борделя, но потом оценил удобство. – Да вы не сомневайтесь! Результат я четыре раза перепроверял. Просто реальная прибыль превысила предполагаемую на 27 процентов!

– Так... – Я побарабанил по столешнице пальцами. Пустячок, конечно, но ведь приятно, черт возьми! За последнее время я, путем финансовых махинаций, сильно приумножил свой первоначальный капитал. Теперь мои свободные активы составляли более десяти миллионов рублей. Но вскоре изменения в истории, сделанные мной и Олежеком, станут настолько значимыми, что проводить крупные спекуляции, пользуясь почерпнутыми из архивов сведениями, станет невозможно. Уже сейчас торги на бирже давали несколько иной результат, нежели я запомнил, готовясь перемещаться в прошлое. Правда, на наше счастье, результаты отличались в большую сторону.

Однако пора завязывать с ерундой и вплотную заняться важными делами.

– Ладно, Кузьма, ступай, – кивнул я Григорьеву, снова беря с пепельницы сигару и поудобнее откидываясь в кресле.

Прошедшие два месяца оказались весьма насыщенными и плодотворными. Начав «рейдерским» наездом на родственников, я закончил созданием собственной «фирмы». Это пришлось сделать после того, как забрать личный капитал вознамерился «братец» Мишенька. А через неделю после его «дезертирства» и «братец» Сереженька. В пику Ивану Михайловичу и его концерну «Торговый дом «Рукавишников и сыновья» мы открыли «Торговый дом «Братья Рукавишниковы». Сергей Михалыч оказался совершенно неприспособленным к какой-либо осмысленной деятельности, да и его доля, внесенная в общий котел, оказалась самой маленькой. Поэтому Сергей остался «за бортом», а вот Михаил, на удивление, оказался достаточно сильным помощником в моих делах, выполняя ныне роль моего доверенного лица.

– Чему удивляться-то, Сашенька? – прервал мои размышления «братец», вставая из кресла и делая несколько шагов по кабинету. Надо упомянуть, что кабинет был площадью квадратов в шестьдесят. Маленькие помещения для господ здесь не строили!

Чтобы обеспечить себе наконец более-менее сносные условия существования, я переехал в самые роскошные, что нашлись, апартаменты в самой лучшей и дорогой гостинице города – «Московской». Здесь было почти два десятка комнат и неплохой, даже по нашим меркам, санузел. С большой мраморной ванной и ватерклозетом.

Половину комнат я использовал под жилье, а остальное – под контору. Где размещался мой уже довольно большой штат персонала. Почти тридцать человек! А ведь когда я только переезжал сюда, то брал с собой лишь Тихона Мосейкова и двух молоденьких горничных, Глашу и Машу (горняшек оставил почти исключительно ради секса, дуры они были первостатейные, но вот мордочки... фигурки...), разогнав к чертовой матери весь многочисленный штат прислуги, набранный Марковной в родной деревне. Саму Марковну, невзирая на ее слезы и вопли, отправил в почетную ссылку, снабдив приличной пожизненной пенсией. Просто достала она меня со своей мелочной опекой. Теперь, по крайней мере, я жил и работал в человеческих условиях.

– Как чему удивляться, Мишенька? – Меня до сих пор корбила здешняя манера обращения между братьями уменьшительно-ласкательными именами, но приходилось

⁷⁹ Однер Вильгофт Теофил (1845–1905) – шведский инженер. Переехал в Санкт-Петербург в 1868 году, где прожил до конца жизни. Свою модель арифмометра изобрел в 1890 году.

терпеть. – Увеличение прибыли почти на четверть от запланированной тебя уже не волнует? С каких это пор?

– С прошлого месяца! – останавливаясь у огромного окна, сказал Михаил.

Я был настолько заинтригован ответом, что даже перестал затягиваться сигарой, с интересом ожидая продолжения. А Мишенька не торопился. Постояв пару минут у окна, «братец», не поворачиваясь, медленно проговорил:

– Да, только с прошлого месяца... А именно с того момента, как открытый тобой аттракцион под названием «Кинотеатр» начал приносить изрядную прибыль! Ведь незапланированные проценты именно оттуда пришли! От посетителей отбою нет! Дополнительные сеансы ввели, билеты на галерку и в партер в цене повысили, а народ все валит и валит!

Михаил смолк, словно увидел за окном что-то интересное.

Аттракцион под названием «Кинотеатр» я придумал чисто от скуки. Идея «оживления» картинок уже десятилетие витала в воздухе, и многие умные люди в разных странах, включая Эдисона, бились над ее техническим воплощением. С переменным успехом. Собственно, братья Люмьер отнюдь не были первооткрывателями в этой области. Они всего лишь предложили наиболее функциональную работающую модель. Но и тут я их опередил. Сам-то аппарат ничего сложного собой не представлял. Сложнее было сделать нормальную пленку. Но, поскрипев мозгами, я сумел организовать производство. Пусть и очень ограниченными партиями – чисто для внутреннего употребления. Цех по производству пленки занимал помещение площадью в тридцать квадратных метров, и работало в нем четыре человека. Съёмками, в свободное от основной работы время, занимался Сергей Рукавишников, внезапно обнаруживший в себе страсть к тонкому искусству «рисования светом на целлулоиде». Снимал в основном сценки из бытовой жизни и панорамные пейзажи. Фильмы у него получались трех-четырёхминутными, на большее не хватало длины пленки. Но и эти короткометражки пользовались у публики бешеной популярностью.

Выдержав еще одну театральную паузу, по длительности и глубокомыслию которой «братец» мог смело соперничать с великим актером Михаилом Чеховым, Мишенька продолжил:

– Каюсь, но поначалу я считал, что твоя возня со всякими механизмами – баловство! Ладно, думаю, чем бы дитё ни тешилось... Однако именно твои механизмы в конце концов озолотят нас! Спекулировать железом и солью да играть на бирже может любой! У того же братца Ванечки все это неплохо получалось! Да и я бы справился... Особого ума-то здесь не требуется – немного навыков да удачливость!

Внезапно Михаил резко развернулся и, подойдя ко мне, наклонился над столом к самому лицу:

– Но вот изобретения эти твои – совсем другое дело! ТАК не может никто – даже нанятые тобой инженеры всего лишь оформляют твои идеи. А механизмы действительно работают! Бог с ним, с кинотеатром, но есть же и сталеплавильный завод! Конвертер новый кто спроектировал, да так, что приезжий швед-механик только руками разводил? А прокатный стан для бесшовных труб? Третий месяц работает! А буквально вчера читаю в газете – мол, в Северо-Американских Соединенных Штатах на заводе братьев Меннесманов начались работы по монтажу такого стана! Ты самих Меннесманов – стальных королей опередил! И откуда это в тебе?!!

– Откуда, откуда... – Я спокойно выдержал тревожный взгляд Михаила. – Оттуда! – Мой палец тычет в потолок. – От Господа нашего, Иисуса Христа!

Михаил, поморщившись, откинулся назад. Как я уже давно заметил, религиозность в среде русских купцов была скорее показной, нежели искренней. Только дождавшись, когда «братец» успокоится и снова сядет в кресло, я продолжил:

– Пока вы с Ваней папенькины капиталы крутили, я книги да журналы технические читал. С умными людьми беседовал да головой своей думал – что да как!

Проверить мои слова Михаил не мог – последние пять лет он житьем-бытьем младшего

брата не интересовался совершенно.

– И программа у меня на десять лет вперед расписана! – аккуратно снимая с края пепельницы сигару, сообщил я. – Вот ты назвал Меннесманов стальными королями... А здесь, в России, стальными королями будем мы! Грядет новая эра, Мишенька, эра стали и электричества! А теперь слушай, Миша, что я задумал...

Основной своей задачей, после первоначального накопления капитала, я считал создание научно-производственного комбината, по типу эдисоновских мастерских. Этот комбинат призван был объединить под одной крышей ученых и технологов. Беда России была именно в отсутствии производства. Собственно, изобрести-то у нас могли что угодно. А вот внедрение... Основным недостатком русской промышленности являлось очень слабое внедрение действительно гениальных изобретений отечественных ученых и инженеров (взять тех же Яблочкова, Лодыгина и Доливо-Добровольского). Поэтому на моем НПК, сразу после изобретения чего-либо (а уж о привлечении нужных людей я позабочусь), инженеры-технологи должны немедленно создать необходимую оснастку и оборудование для массового производства.

Начать я решил с двигателестроения и электротехники, поскольку именно эти отрасли промышленности тянули за собой все остальные. Кадры, квалифицированные кадры и технологии производства должны были решить всё! Я решил не подгонять лошадку прогресса, привнося опережающие свое время изобретения в мир. Пусть все идет своим чередом. Но внедрение, в отличие от РИ, будет немедленное!

В дверь осторожно постучались.

– Войдите! – крикнул я.

Створка приоткрылась всего на три десятка сантиметров, и в эту узкую щель просунулась голова Засечного. Еремей до сих пор относился ко мне с большим пиететом, я в его табели о рангах числился первым после Бога. Внебрачный сын терского казака и черкешенки, прошедший детство и юность на Кавказе, Засечный следовал довольно сложному кодексу чести собственного изобретения. И пока я соответствовал статьям его кодекса, Ерема считал своим долгом служить мне. Сейчас Засечный выполнял в моей маленькой фирме роль моего личного телохранителя и порученца. На должность начальника службы безопасности Засечный решительно не подходил – тут нужен был человек погибче, да и со связями. Ближайший кандидат на примете – бывший полицмейстер Нижнего Савва Лобов.

– Хозяин! Там к тебе немчины пожаловали! – доложил Ерема.

Михаил поднялся из кресла и, со словами: «Пойду, узнаю, кто такие», вышел в приемную. Через минуту «братец» доложил:

– Два господина из Германии. Говорят, что по твоему личному приглашению. Назвались Дамлером и Мабахом.

Ого! А вот и первая ласточка пожаловала!

Переписку с Готлибом Даймлером я завел буквально через неделю после внедрения. На текущий период он скромно жил в Каннштатте. А до того с 1872 года занимал должность руководителя производства в акционерном обществе Отто и Лангена «Завод газовых двигателей. Дейтц», подняв скромные по тем временам мастерские до уровня крупного производства, одного из самых значительных предприятий подобного рода, где заняты почти 300 рабочих, с годовым производством более 600 двигателей.

Именно такой человек – производственник и технолог с огромным опытом именно в двигателестроении мне и был нужен. Что удивительно – на мое предложение Даймлер согласился практически сразу. Видимо, спокойная жизнь в почти курортном местечке успела ему поднадоесть. Да и оклад я положил ему немалый – 20 000 рублей в год. Руководя заводом в Дейтце, он получал всего 1500 талеров⁸⁰. На закуску я получил и Майбаха,

⁸⁰ По тогдашнему курсу 4500 марок, что составляло около 3150 рублей.

которого планировал поставить на конструкторское бюро. Как раз в 1884 году эти господа «обкатывали» свой «быстроходный»⁸¹ двигатель, созданный годом раньше.

И вот теперь Готлиб Даймлер ждет в моей приемной!

– Зови! – кивнул я Михаилу.

Рассказывает Готлиб Даймлер

Нельзя сказать, что письмо из России с приглашением на работу стало для меня полной неожиданностью. Я уже давно не считал, что там по заснеженным улицам бродят медведи. А после поездки по России в 1881 году я записал в своей памятной книжке:

«Неожиданно для себя в России я увидел индустриальную деятельность, о которой на Западе почти ничего не знали или, во всяком случае, имели совершенно неверные представления. Здесь все так и рвется к техническому прогрессу».

Тогда, уже через несколько дней после возвращения, 22 декабря, я представил руководству компании отчет о своих впечатлениях. Наблюдательный совет поддержал мое намерение создать в России, а именно в Санкт-Петербурге, филиал завода. 28 декабря 1881 года мне предложили взять на себя решение задачи. Одновременно расторгался существующий договор, предусматривающий предупреждение об увольнении за полгода. Но тогда, скрепя сердце, я был вынужден отклонить это предложение. Для меня оно означало бы конец всей деятельности в Дейтце, наполненной настоящей борьбой и невероятными усилиями, принесшими значительные успехи моей компании.

Тем не менее – прошел год, и я все-таки лишился своего поста. Причин для того было несколько. Желание Лангена единолично управлять заводом постоянно наталкивалось на мою несговорчивость в производственных вопросах. И господин Отто только подливал масла в огонь, носясь со своими прожектками и будоража работников предприятия. Вследствие этого страдало сотрудничество, в основном между мной и Отто, причем каждый из нас ссылаясь на свои успехи. Наши размолвки участились. Уже давно работа перестала приносить мне удовлетворение. Успешное коллегиальное управление, принесшее успех нашему делу десять лет назад, теперь было невозможно. Как бы ни угнетало меня предстоящее расставание с Дейтцем, обостренное нынешними неурядицами, моему другу и соратнику Майбаху приходилось сложнее.

Вильгельм всегда был моим верным сторонником – даже несмотря на случайные размолвки. Вследствие этого отношение влиятельных господ в Дейтце к Майбаху приняло недружелюбный характер. Вильгельм почувствовал себя отстраненным от дел, лишился доверия, которое, при его стремлении в жизни к высоким идеалам, всегда ставил выше материальных благ. В этой сложной ситуации я предложил Майбаху расторгнуть трудовой договор в Дейтце, если тот согласится принять участие в осуществлении моих планов. Я был абсолютно уверен в успехе замысла создать быстроходный двигатель внутреннего сгорания, которым теперь решил заняться вплотную. И Вильгельм разделил со мной мою уверенность, проявив безоговорочное доверие. 18 апреля 1882 года между нами был заключен договор, в десяти пунктах определявший наши взаимоотношения. В первом же параграфе говорилось:

«Господин Майбах занимает у господина Даймлера в Каннштатте должность инженера и конструктора для разработки и практического воплощения различных проектов и идей по отраслям машиностроения, которые господин Даймлер будет поручать ему, а также, смотря по обстоятельствам, и другие технические и коммерческие работы». Остальные параграфы касались оплаты, участия в прибылях, финансового обеспечения на случай смерти. Договор вступал в силу 1 января 1883 года.

Успокоенный, я неторопливо начал переезд в Каннштатт. В июле 1882 года я вместе с супругой Эммой и детьми Паулем, Адольфом, Эммой, Мартой и Вильгельмом переселился в

⁸¹ 700–900 оборотов в минуту.

наш новый дом. Это была небольшая вилла на краю парка. Оранжерею, расположенную в маленьком чудесном саду, расширили за счет пристройки. Подсобное помещение превратили в кабинет, в остальной части строения разместили мастерскую для испытаний.

Как все это отличалось от Дейтца! Там – быстро развивающийся завод, одно из самых значительных предприятий подобного рода. Здесь – тихое место, располагающее к идиллии, обескураживающее простотой и размерами. Родные края со своей притягательной силой, уединенность и тишина наполняли мою душу покоем и радостью. Употребляя воду знаменитых каннштаттских минеральных источников, находящихся поблизости, я надеялся, что их целебные свойства окажут благотворное влияние на здоровье, заботой о котором я так часто пренебрегал. Небольшие сбережения составили материальную базу для моей личной работы.

Вильгельм присоединился ко мне в октябре того же года. Наша совместная работа была направлена на создание быстроходного двигателя, который должен приводить в движение транспортные средства. И уже в следующем году мы добились определенных успехов!

Хотя вначале были получены совершенно устрашающие результаты с внешним зажиганием и постоянными преждевременными запалами, которые все снова и снова повторялись! А при приведении в движение и сжатии перед мертвой точкой вдруг отбрасывали маховик назад, вместо того чтобы продвигать его вперед, как электрическим током выбивая экспериментатору пусковую ручку из рук! Будто старались доказать тем самым недостижимость поставленной цели самовоспламенения. Поэтому необходимы были невероятные усилия, чтобы не оставить все попытки, пока благодаря настойчивому продолжению испытаний, изменению формы и размеров камеры сгорания, изменению заряда смеси не были получены приемлемые и, наконец, хорошие постоянные диаграммы! А вместе с ними появилась и уверенность в реальности моего неуправляемого воспламенения и в том, что поставленная цель достигнута!

Так в конце 1883 года была заложена основа нашего двигателя. Его конструкторское исполнение наглядно демонстрировало наши представления о самой сути легкого двигателя. Но первые технические успехи не ввели нас в эйфорию. Для того чтобы осуществить задуманную цель, необходимо было преодолеть еще целый ряд препятствий.

Но годом позже, в самый разгар работ над усовершенствованием, я получил письмо из России. Мы с Вильгельмом, сидя в моем кабинете, обдумывали переход на водяное охлаждение, когда Эмма принесла тот конверт. Помнится, Майбах пренебрежительно поджал губы, мол, что интересного можно получить из России. Но содержимое письма буквально огорошило его. На десяти листочках отличной дорогой бумаги был бегло изложен принцип магнитно-электрического зажигания! С приложением нескольких чертежей и диаграмм, причем нарисованных от руки, походя! В конце письма говорилось, что если мы примем предложение о работе на купца Rukavischnikoff, подобных идей будет еще много! Сначала я подумал, что это глупая шутка. Но идея, немедленно проверенная нами, оказалась стоящей! Неужели эти люди были настолько уверены в нашей согласии, что легко подарили нам столь важное изобретение? Я написал Rukavischnikoff ответное письмо, прося прислать конкретные предложения. И наш респондент не разочаровал! Его предложения об устройстве нас с семьями и нашей работы в России были не менее ошеломляющие, нежели принцип магнитно-электрического зажигания!

Нам были обещаны любые расходы на проектирование, мастерские с солидным штатом сотрудников, а для проживания отдельные дома. В перспективе планировалось строительство завода для производства двигателей нашей системы. Оклад денежного содержания в год был больше, нежели я заработал за все время работы на господ Лангена и Отто! Естественно, что я навел о Rukavischnikoff справки через торговых представителей немецких компаний. Сомнения были развеяны – на все наши запросы было отвечено, что торговый дом Rukavischnikoff является самым крупным в Нижнем Новгороде. Его обороты составляли миллионы рублей!

По вполне понятной причине мы с Вильгельмом, до того как принять окончательное

решение, должны были лично убедиться в действительности предложений. И господин Rukavischnikoff любезно согласился оплатить нам проезд до России и обратно первым классом. Сборы были недолгими – уже через неделю мы покачивались на мягких подушках пульмановского вагона, глядя в окно на проплывающие мимо бесконечные поля и леса. Вильгельм не уставал восхищаться гигантскими масштабами страны, и даже я, уже бывавший здесь, присоединялся иной раз к восторгам друга. На вокзале Нижнего Новгорода ждал экипаж, лихо прокативший нас по сверкающим зеркальными витринами улицам к штаб-квартире загадочного миллионера. Она находилась в самой дорогой гостинице города, занимая целый этаж. В приемной нас встретил бородатый казак. Я по опыту предыдущей поездки уже знал, что чем солидней господин, тем более звероподобны у него слуги. Впрочем, в приемную немедленно вышел господин, вполне европейской наружности, одетый по последней парижской моде. Он назвался доверенным лицом господина Rukavischnikoff. Долго ждать не пришлось – сразу после доклада нас пригласили в кабинет.

В обширном кабинете из-за стола поднялся совсем еще молодой человек. Высокого роста, с гривой русых волос и голубыми глазами. Я поначалу оторопел – слишком юным оказался наш наниматель! Однако одет он был в костюм из дорогого лионского сукна, а на галстучной булавке сверкал крупный бриллиант. Поприветствовав нас на вполне приличном немецком, юноша предложил садиться, отдав слуге распоряжение накрыть столик с легкой закуской. Услышав «proschu otkuschat s dorogi», я немного напрягся, зная любовь русских к неумеренному употреблению горячительных напитков и тяжелой еды. Впрочем, стол к завтраку был накрыт действительно по-европейски легкий. Кофе, тосты, сливочное масло, варенье трех сортов, ветчина, ну и, конечно, икра, которая стоила у нас баснословных денег, а здесь стояла в полукилограммовой вазочке.

Соответственно и разговор у нас за столом начался легкий. Вежливо поинтересовавшись условиями поездки, Rukavischnikoff начал бегло излагать свои идеи касательно будущего обустройства завода. Мы с Вильгельмом, через силу отрываясь от икры, внимательно слушали и были поражены масштабами задумок. Изредка в речи Rukavischnikoff проскакивали технические решения, над которыми мы с Вильгельмом безуспешно бились, а к некоторым даже боялись подступиться! А Rukavischnikoff говорил о них как об уже решенных проблемах!

Изрядно загрузив наши мозги работой, а желудки пищей, Rukavischnikoff предложил отдохнуть с дороги, а уже после поехать в город для осмотра предназначенных нам особняков. Инспекция на производство была запланирована на завтрашний день. Для отдыха не пришлось далеко идти – нам были предоставлены шикарные номера в этой же гостинице.

Немного отдохнув и освежившись, мы с Вильгельмом разобрали вещи и переоделись к прогулке. И она нас не разочаровала! Виллы располагались в пригороде города, посреди больших фруктовых садов. Я выбрал дом с вишневым садом, а Вильгельму достался яблоневый. Виллы были почти одинаковые по размерам, но даже самая маленькая превосходила по размерам мой канштаттский дом в три раза! А Rukavischnikoff умудрился назвать эти виллы «маленькими и скромными»! Оба здания были в превосходном состоянии, с мебелью и необходимым инвентарем. Незадолго до нашего приезда в них провели водопровод и устроили сливную канализацию.

Вполне удовлетворившись увиденным, мы, по предложению нашего гостеприимного хозяина, приняли приглашение на ужин.

Переодевшись к ужину, я зашел в номер к Вильгельму, и мы вкратце обсудили предложения и перспективы. Вильгельм, недоверчивый по природе, все еще сомневался, идти ли нам на службу к Rukavischnikoff. Отличные условия для жизни и большой денежный оклад – это, конечно, по словам Майбаха, приятно. Но какова будет наша роль в том, что Вильгельм считал своей миссией по жизни – в продвижении технического прогресса. Посмеявшись над выпренне-идеализированными сентенциями своего друга, я посоветовал ему дожидаться завтрашнего дня, чтобы, при осмотре нашего предполагаемого места работы, своими глазами убедиться в словах Rukavischnikoff, касаемо оснащения мастерских всеми

новинками техники. На том и порешили.

Последующий ужин остался в памяти как выставка достижений кулинарного искусства. Ресторан был с французской кухней, и именно здесь мне впервые удалось попробовать недостижимые ранее, по причине высокой стоимости, блюда. Вроде фуа гра или черных трюфелей. А дегустация марочных вин... А коньяки столетней выдержки... Не привыкшие к такому изобилию, мы с Вильгельмом немного перестарались, что, впрочем, никак не сказалось на нашей готовности утром следующего дня посетить мастерские.

Я сказал «мастерские»? Слово, совершенно не отражающее смысл увиденного! Это был гигантский комплекс, вольготно раскинувшийся на площади в 40 гектаров! Собственная электростанция, собственное литейное производство, собственные станочные цеха. Больше половины всего этого уже функционировало, но часть строений еще возводилась. Предназначенное для нас здание было практически полностью готово. Там заканчивались отделочные работы. Каменное, трехэтажное, с большими светлыми помещениями – в нем легко бы поместился весь персонал и станочный парк моего старого заводика в Дейтце. Проведя нас с Майбахом по залам этого чудесного дома, Rukavischnikoff весьма подробно рассказал, какими приспособлениями и инструментами будет оборудовано каждое конкретное рабочее место. В конце экскурсии Александр познакомил нас с будущими сотрудниками – прекрасно образованными молодыми людьми, инженерами и рабочими. Многие из них обучались за границей России и свободно владели немецким и английским. Однако в процессе общения с ними я услышал массу специфических, относящихся к новинкам техники русских терминов, которым еще не было аналогов в других языках⁸². И я отметил для себя, что для улучшения контакта и развития более плодотворной работы мне придется выучить русский.

Наш совместный с Вильгельмом вердикт был категоричен – мы безоговорочно принимали все условия Александра Рукавишникова.

Интерлюдия

С самого раннего детства Ленья Фалин был уверен, что именно ему судьба уготовила быть инициатором Великих свершений. Родители Лени сделали большую ошибку, подарив сыну на десятый день рождения толстый иллюстрированный том «Всемирной истории». Подарили бы кристалл с той же информацией – может быть, все бы и обошлось. Текст и картинки на мониторе воспринимались совершенно по-другому, нежели солидные, большого формата страницы из настоящей бумаги.

Именно эта книга, ставшая для Лени настольной, послужила катализатором создания амбиций, плохо согласующихся с мирным течением жизни XXIII века.

Фалин часто жалел, что никогда не доведется ему узнать, чем пахнет разогретая от частой стрельбы винтовка, с какой скоростью закипает вода в кожухе пулемета и как вдали, искаженные рефракцией горячего воздуха от ствола, кувыркаются фигурки врагов, сраженные его точными выстрелами.

Может, и к лучшему, что сама эпоха не давала реализоваться мечтам мальчика. Именно из таких «юношей бледных, со взглядом горящим», тихих романтиков, художников и семинаристов, рождались самые страшные на земле диктаторы.

Однако Леонид все-таки нашел небольшую лазейку для своих амбиций. После успешного окончания школы Фалин поступил на исторический факультет Московского университета. А закончив учебу с красным дипломом, попал в недавно созданный Институт Времени. Особенно разгуляться ему не давали – основная работа заключалась в достаточно нудном наблюдении за теми или иными неясными моментами истории человечества. А по

⁸² Несколько позже Даймлер в приватном разговоре спросит у Рукавишникова: Александр, а какую деталь ваши работники называют «хреновиной»?

результатам наблюдений приходилось писать сильно формализованные многостраничные отчеты. Каких-либо глобальных изменений генеральной исторической линии руководство института не планировало, да и не хотело. Хотя после открытия условий полного поглощения сознания реципиента такая возможность имелаась.

Но и в таком времяпрепровождении Фалин находил тайное удовольствие. Пребывая в «мозге» известной личности, глядя ее глазами на отдаленный многими столетиями мир, Леонид строил планы глобальной переделки истории.

Усидчивость и фанатичная любовь к своей работе принесли должные плоды – Фалина заметили. А позднее, когда молодой сотрудник «пообжился», обзавелся нужными связями, семь лет поработал «на подхвате» у маститого коллеги, – продвинули на начальника группы. На этой должности Фалин мог уже сам планировать исследования, выбирая их объектами наиболее интересных лично ему исторических деятелей. Но вскоре рутинное течение институтской жизни засосало Леонида. Он перестал в инициативном порядке выискивать интересные темы и интересных людей. И даже полученное через пятнадцать лет место начальника сектора уже не порадовало. Да и была эта должность скорее административной, нежели научной. Но через некоторое время в институте начались более интересные события – простое изучение истории развивалось, при этом использовались кардинально отличные от первоначальных методы работы. Для удовлетворения научного любопытства стали практиковаться кратковременные (пока!) погружения в прошлое в собственных телах. Это давало некоторый простор исследователям, правда подвергая их риску.

Но Леонид, невзирая на возраст, а он разменял уже пятый десяток, и занимаемый в институтской иерархии высокий пост, с юношеской пылкостью стал пользоваться новыми возможностями. Его авантюрная жилка просто требовала активных действий.

И вот в процессе одного из таких погружений, когда Фалин вместе со своей подчиненной Крупиной шел на довольно рутинное задание, случился сбой программы, выкинувший исследователей в незапланированный временной участок. Да мало того – это привело к совершенно неожиданным приключениям.

Первый шок. Но больше от самого факта нештатного срабатывания аппаратуры переноса. Особых бед от аборигенов сотрудники института не ждали – с первого взгляда здесь было вполне спокойно. Не похоже, что они попали в разгар войны или революции.

Второй шок. На них банально напали хулиганы. Никакой специальной подготовки Фалин и Крупина не проходили. В тихом XXIII веке само понятие «боевое искусство» было безвозвратно утрачено. Да и само место нападения – прямо на хорошо освещенной улице, хоть и пустынной по ночной поре, заставило исследователей растеряться. И постоянное участие магистра в наблюдательных акциях роли практически не сыграло. Наблюдение глазами аборигена – это все-таки опосредованное участие в событиях. Почти как просмотр фильма. И пусть ты регулярно смотришь фильмы, где неизменно присутствуют насилие, жестокость, равнодушие к чужой жизни, интриги и вероломство, но все равно, если попадешь впоследствии в ситуацию, когда на улице к тебе подходят с банальным «дай закурить», для тебя будет большим удивлением дальнейшее развитие событий.

Леониду крепко досталось – его никогда в жизни не били, тем более кулаками по лицу. А что ждало Крупину?

Выручил случайный прохожий, походя разогнавший малолетних бандитов. К счастью, кроме защиты от непосредственной опасности, спаситель проявил редкостное благородство и пригласил сотрудников института в свой дом.

Третий шок. По нескольким оброненным словам, по деталям одежды гостеприимный хозяин сумел распознать в них путешественников по времени.

Дальше было небольшое застолье, сопровождаемое возлияниями крепких спиртных напитков. Употребленные внутрь порции алкоголя были для гостей достаточно большими. И на каком-то этапе посиделок Фалин словно отключился.

Проснулся Леонид от жуткого грохота, сопровождаемого невнятной руганью. Вообразив спросонья, что до них все-таки добрались давешние хулиганы, Фалин сжался,

опасаясь даже открыть глаза. Но вскоре выяснилось, что ничего особо страшного не случилось. Просто Олег, их ночной спаситель, случайно наткнулся на мнемотранслятор. А буквально через несколько минут в доме появился еще один гость. По нескольким оброненным фразам Леонид понял, что пожаловал давний друг Олега. Решив не светиться перед еще одним аборигеном, Фалин стал продумывать, как бы ему незаметно покинуть этот гостеприимный дом. Леонид прислушался: Олег явно успел рассказать другу о ночных гостях и теперь в качестве свидетельства демонстрировал мнемотранслятор. Фалин уже было приподнялся, чтобы немедленно пресечь это безобразие. Но тут... Тут Леонид отчетливо понял – сейчас или никогда. Еще накануне в процессе приятной беседы выяснилось, что их спаситель весьма неплохо ориентируется в мировой истории и истории России. Это, помноженное на его немалый житейский опыт, могло послужить отличным трамплином для любого вмешательства в главную последовательность. В кого из исторических личностей вселить Олега и к каким последствиям это может привести, Леонид не задумался. Главное, что Олег сможет перевернуть там все с ног на голову, создать приличный плацдарм. И, наверное, он не откажет впоследствии в хорошей должности своему гостю, фактически обеспечившему ему выход за пределы родного мирка? Уже встав и подходя к ведущим на кухню дверям, чтобы огласить там свое предложение, Леонид услышал звук падения тяжелого тела. Фалин замер. Неужели? Уж ему-то было хорошо известно, отчего впадают в кому люди, зафиксировавшие свой взгляд на визире. Но как? Как им удалось включить мнемотранслятор?

Четвертый шок за неполные сутки!

Дальнейшее Фалин помнил смутно. Он снова лег на диван. Вроде бы в комнату заглядывал друг Олега. Какое-то время этот человек метался по квартире, потом затих. Странное оцепенение, охватившее Леонида, не проходило. Из ступора его вывело только пробуждение Крупиной. Тут-то и выяснилось, что хозяин квартиры действительно лежит без сознания, а его собутыльник пропал. Но что самое ужасное – пропал и прибор!

Ну а дальше было бесславное возвращение. Обвинение в преступной халатности. Отстранение от работы. Объявленное расследование. Домашний арест. Тщательно выстроенный мирок магистра Фалина в одночасье рухнул.

Но вскоре впереди забрезжила надежда. Приглашенный для расследования чиновник решил отправиться в прошлое, чтобы провести на месте необходимые для розыска прибора мероприятия, и в ультимативной форме потребовал у руководства института обязательного участия в этой экспедиции виновника всего кризиса – Фалина. Это был шанс. Шанс вырваться. Надо только оторваться от этого мужлана и остаться там, в том времени...

Глава 6

Рассказывает Дмитрий Политов

После рекрутирования Даймлера и Майбаха работа над двигателем внутреннего сгорания пошла семимильными шагами. Упорство в достижении поставленной цели, необыкновенное трудолюбие, прекрасное техническое чутье Вильгельма, помноженное на отличный организаторский талант Готвальда, дали замечательный результат. Где-то через полтора года у нас был готов первый прототип четырехцилиндрового двигателя, мощностью в 50 лошадок. Он отличался от созданного в реальной истории шедевра моих немецких конструкторов, как авианосец от галеры. Этому немало способствовали и мои постоянные «рацпредложения», вносимые по ходу действия. Собственно, больше всего новый двигатель напоминал классический *NL38TR*, конструкции того же Майбаха. Однорядный, карбюраторный, с электрическим «свечным» зажиганием, водяного охлаждения.

Но мало того – в одном из цехов была собрана технологическая линия, для довольно массового (70 штук в месяц) выпуска двигателей. А главное – был подготовлен персонал.

Поскольку развитие техники в данный период должно рассматриваться только в тесной связи с технологией, то есть с операциями, из которых складывается производственный процесс.

Но сколько труда мне стоило это достижение! Ведь нарисовать схему на бумаге – этого очень мало. Необходимо было с нуля создать техническую базу для воплощения задуманного «в металле»! А именно здесь и таилось большинство подводных камней. Для отливки блока цилиндров и гильз цилиндров пришлось создавать новые сорта сталей. В этом мне очень сильно помог Дмитрий Константинович Чернов⁸³, которого удалось поймать во временном зазоре между окончанием его работ по разведке месторождений в Донбассе и началом службы в Морском техническом комитете. Причем соблазнил я этого подвижника отнюдь не большими деньгами. Основным условием договора найма было предоставление полной свободы творчества. Очень выручило то, что Чернов почти 15 лет проработал начальником литейного цеха на Обуховском заводе.

А работа с алюминием? В реальности первый промышленный электролиз был проведен только в 1887 году французским изобретателем Паскалем Эру. Но я не мог ждать два года, да и просто было приятно создать приоритет родной страны в этой области. Но сколько труда было потрачено на «пробивание» этого проекта. Собственные инженеры, презрев субординацию, вставляли стеной на пути этого, как они его называли, «хозяйского проекта». Приходилось уговаривать, доказывать, убеждать... Иной раз хотелось просто рывкнуть на маловверов, но какой результат принесла бы работа из-под палки? И все-таки дело сдвинулось – пусть и не в промышленном масштабе, но первые чушки «воздушного металла» пошли из литейки уже в 1886-м! Из алюминия я предполагал, до появления авиации, делать головки блока цилиндров и радиаторы. Однако сейчас наиболее массовым изделием из алюминия стали так называемые «походные» наборы – котелки, миски, ложки... Я осознал, что такое применение – стрельба из пушки по воробьям, но сейчас мои мастера просто обрабатывали технологию электролиза и холодной штамповки.

А сама штамповка? Когда я рассказал Чернову и Даймлеру о таком способе производства деталей, они посмотрели на меня, как на сумасшедшего. Хотя были уже довольно привычными к моим «озарениям». Концепция штамповки просто не укладывалась в их головах! И опять пришлось убеждать, доказывать... В конце концов Чернов все-таки сварил нужную сталь, а Даймлер построил технологическую линию на основе многовалочных прокатных станков и гидравлических прессов.

На очереди была электросварка, которую я планировал применять, для начала, в кораблестроении. Этим вопросом с успехом занимался истинный изобретатель реального прототипа – Николай Николаевич Бенардос⁸⁴.

Поскольку именно технические, производственные потребности ставили новые задачи перед прикладными, точными и естественными науками, я постарался пригласить на свой завод всех, до кого смог дотянуться. И талантов земли Русской, да и известных (пока еще только мне) мировых светил я набрал очень много.

Так, к примеру, электротехникой у меня занимались молодые ученые Попов⁸⁵

⁸³ Чернов Дмитрий Константинович (1839–1921) – русский ученый в области металлургии, металловедения, термической обработки металлов.

⁸⁴ Бенардос Николай Николаевич (1842–1905) – русский изобретатель. Разработал и практически применил для сварки металлов электрическую дугу, которая возбуждалась между угольным электродом и изделием. Бенардос разработал технологию электродуговой сварки встык, внахлест, заклепками и контактную точечную сварку.

⁸⁵ Попов Александр Степанович (1859–1905) – русский физик и электротехник, один из изобретателей радио.

и Герц⁸⁶. Именно что молодые – Александру было всего двадцать шесть, а Генриху – двадцать восемь лет. Но работали ребята вполне успешно, отлично дополняя друг друга. Сработались будущие знаменитости настолько, что все научные диспуты вели на жуткой тарабарской смеси русского и немецкого, понятной только им двоим. Поэтому надежда, что первый действующий радиоаппарат появится достаточно скоро, была небезосновательной! Естественно, что я не позволю Герцу умереть в возрасте 36 лет!

Но мало иметь творчески мыслящих, грамотных инженеров – нужны квалифицированные рабочие руки, станки, точная измерительная аппаратура и инструменты. А вот с этим в России была самая большая напряженка. Отечественных станков не было вообще. И такая ситуация в реальности сохранится вплоть до Первой мировой! Имеющийся на Канавинском заводе станочный парк годился только на металлолом. Обновление парка шло за счет закупки станков в САСШ – тогдашнем лидере машиностроительной индустрии. На все эти токарно-револьверные, токарно-лобовые, токарно-карусельные, радиально-сверлильные, горизонтально-расточные, продольно-строгальные, карусельно-фрезерные, кругло-шлифовальные, зубофрезерные и прочее, прочее, прочее мною была потрачена просто астрономическая сумма. Если бы перед началом модернизации я не создал избыток свободного капитала – то разорился бы в кратчайшие сроки. Сейчас проектированием «на фирме» занимался Семен Степанович Степанов. Высококласный инженер-самоучка, в реальности создавший (пятью годами позже) нормально функционирующий комбайн из токарного, фрезерного и сверлильного станков. Однако в настоящий момент до собственного производства станков было еще далеко – два-три года. Да и то – на первое время покроем только собственные нужды, для продажи наши станочки дороговато выходят – мы планировали сразу оснащать станки электроприводом.

А квалифицированные рабочие? Да нужного мне количества токарей, фрезеровщиков, просто литейщиков – физически не существовало в природе! Персонал приходилось обучать на месте, без отрыва от работы. Сколько косоруких увальней мне пришлось выгнать к чертовой матери, прежде чем цеха перестали гнать 60–70 процентов брака! Зато оставшиеся постепенно становились мастерами своего дела, переставшими вздрагивать при словах «допуск в одну сотую». Дальнейшую потребность в персонале я планировал покрывать за счет выпускников созданной при заводе школы – нечто вроде ФЗУ. На занятия в этом профессионально-техническом училище ходили не только подростки 14–15 лет, но и ребяташки в возрасте. И довольно часто я видел на вечерних уроках здоровенных деревенских парней, только-только «от сохи», которые с напряженным вниманием слушали учителя и старательно выводили в тетрадках закорючки. Кстати, одним из учителей при училище работал Константин Эдуардович Циолковский, выписанный мной из своего Мухосранска⁸⁷. В текущем, 1886 году ему исполнилось всего 29 лет, и никакой научной школы он пока не создал. Но уже успел написать несколько интересных статей, одна из которых – объемистое сочинение «Теория и опыт аэростата, имеющего в горизонтальном направлении удлиненную форму». Гоняя с ним по вечерам чай в нашем «научном клубе», я горячо обсуждал ТТХ его оригинальной конструкции дирижабля с тонкой металлической оболочкой.

«Научным клубом», с легкой руки Попова, стали называть заводской «кафетерий», где по вечерам собирались все инженерно-технические работники моего завода. Здесь пили кофе, чай, пиво, а иногда и кое-что покрепче. Обсуждали разные технические новинки,

⁸⁶ Герц Генрих Рудольф (1857–1894) – немецкий физик. Основное достижение – экспериментальное подтверждение электромагнитной теории света Джеймса Максвелла. Герц открыл существование электромагнитных волн. Результаты, полученные Герцем, легли в основу развития беспроводной телеграфии и радио. Именем Герца называется единица измерения частоты.

⁸⁷ Циолковский Константин Эдуардович (1857–1935) – русский ученый, основоположник космонавтики. В 1886 году преподавал арифметику и геометрию в Боровском уездном училище.

спорили до хрипоты, иной раз и ругались. Этот «научный клуб» стал центром кристаллизации интеллектуальной мощи моего завода. Здесь можно было в неформальной обстановке довести до людей любые новые идеи и научные направления, которые в другом месте были бы встречены в штыки, а здесь, после пары кружек пива – отлично ложились на неокрепшие умы моих сотрудников. Здесь же три раза в неделю для инженеров лично мною проводились лекции с целью «повышения квалификации». Именно на этих лекциях я ввел в обиход изометрические чертежи-эпюры, которые на тот период времени считались секретным ноу-хау французов. Именно здесь я вбивал в головы инженеров, что ускоренное развитие техники не может совершаться без широкого использования результатов научных исследований. И каждое новое научное открытие просто обязано становиться основой для очередного изобретения!

К счастью, я помнил аксиому, до которой здесь еще не додумались, – залог успеха – в специализации процессов и разделении труда. Как говаривал незабвенный Ильич: «Для того чтобы повысилась производительность человеческого труда, направленного, например, на изготовление какой-нибудь частички всего продукта, необходимо, чтобы производство этой частички специализировалось, стало особым производством, имеющим дело с массовым продуктом и потому допускающим применение машин»⁸⁸.

На очереди было создание поточных и конвейерных линий – Генри Форд будет отдыхать! В общем-то, уже сейчас часть производства, стараниями Даймлера (с моей подсказки), переводилась на конвейер. В частности, «на широкий поток» было поставлено производство столь необходимых в России, на данный исторический период, стальных рельсов. Рельсы на моем заводе выходили самыми дешевыми по стране. И, с учетом нарастающего объема производства, я надеялся на скорую монополизацию этой отрасли. Что неминуемо приведет в дальнейшем к разорению конкурентов и скупке, с последующей модернизацией, их заводов. Свободные денежки на это у меня уже были припасены...

Но, к моему глубочайшему сожалению, похвастаться такими же достижениями в других областях я не мог. И дело тут было вовсе не в технологиях, а скорее в экономике. Большинство товаров, которые мой завод мог выпускать массово, просто не востребованы в современной России.

И эта невостребованность – вовсе не частное явление. Вся более-менее современная российская промышленность страшно угнетена, вследствие отсутствия нормального рынка сбыта своих товаров. По этой причине практически повсеместно начались сокращения производств. Пока еще малозаметные.

И виной всему – чрезвычайно низкая покупательная способность населения. У народа элементарно нет денег на все современные технические навороты. А еще в дело вмешивается деструктивная психология масс. Вот сделали инженеры на моем заводе новую конную сеялку, которой не будет аналогов еще лет пять-семь. И что? Думаете, крестьяне бросились покупать такое полезное приспособление? Не тут-то было! Крестьянство в России – самая консервативная часть общества. А инициатива отдельных светлых голов мощно гасится общинной системой. До предложений Столыпина – как до Луны пешком, вот и вся надежда, что «милый друг» Николаша, взойдя на престол, озаботится реформой в сельском хозяйстве в первую очередь! А пока цех, вполне могущий выдавать 300–400 сеялок в месяц, делает 50–70, которые раскупаются немецкими колонистами с юга...

А имеющий свободный капиталец потребитель, вследствие существования односторонне направленного для защиты промышленности протекционизма, предпочитает отечественным товарам заграничные. До внедрения в жизнь лозунга «Поддержи отечественного производителя!» оставалось почти 150 лет, и некому здесь и сейчас начать пропаганду российских товаров. Которые, при сходном качестве, были все-таки несколько дороже в цене. Но и в таких условиях некоторые особо одаренные предприниматели еще и

⁸⁸ Подлинная цитата В.И. Ленина.

умудрялись накручивать по 100–200 процентов на себестоимость товаров!

Так, к примеру, немецкие заводчики из Силезии предлагают кровельное железо по цене 2 рубля 55 копеек за пуд, а российские заводы ставят цену 2 рубля 60 копеек за пуд. При этом таможенный сбор для немцев – 97 копеек. В первый момент мне хотелось воскликнуть: ну, увеличь ты для немцев таможенную пошлину, поддержи земляков! Но потом я узнал себестоимость «родного» железа – 1 рубль 50 копеек. Да у этих горе-торгашей железо быстрее сгниет на складах, чем они его продадут! Пришлось мне устроить в этой товарной группе тотальный демпинг. За счет введения в производство новых марок стали и использования вместо паровых молотов прокатных станов я добился снижения стоимости кровельного железа до 1 рубля 15 копеек за пуд. И рынок кровельных материалов упал к моим ногам! Только за счет этих продаж удалось отбить кучу денег, вложенных в станочный парк и конструкторские бюро.

Как на меня после этого ополчились «земляки»! Дошло до прямых наездов – то в одном, то в другом общественном месте на меня пытались бросаться с кулаками полупьяные бородатые купчики. Впрочем, такие нападения всегда оканчивались одинаково – Ерема от души давал по чавке этим мужичкам. Всегда хватало одного удара. А мне так и вообще не приходилось рук марать.

В сфере мелких скобяных товаров нашему заводу вообще не было равных – ни по цене, ни по качеству, ни по предлагаемому ассортименту. Гвозди, болты, винты, шурупы, гайки – мы продавали эти изделия уже не сотнями, а тысячами тонн! В срочном порядке пришлось вводить стандартизацию – теперь гвозди шли 24 типоразмеров, а для винтовых изделий взяли метрическую систему. Огромным спросом пользовались лезвия кос и лемехи для плугов, которые мы делали из высокоуглеродистой стали.

Но по другим товарам ситуация была не столь радужная. Как я уже упоминал – совершенно не пользовались спросом сложные (относительно этого времени) сельскохозяйственные агрегаты. Срочно развернутая сеть коммивояжеров отправилась «в поля», но большого успеха не достигла. Особо «продвинутые» крестьяне если даже и хотели приобрести товар, то не могли – элементарно не было денег. Даже в достаточно больших помещичьих имениях ситуация была аналогичная. Покумекав и посоветовавшись с опытными людьми, в частности с «братиком» Сережей, который уже второй год пытался построить образцово-показательное зерноводческое хозяйство, я решил создать свой банк для кредитования населения. Но не простой – кредиты выдавались только целевые, а именно – на покупку техники и семян. Причем «живых» денег кредитуемый не видел – ему сразу вручали товар. А рассчитываться за кредит человек мог опять-таки товаром – зерном и прочими плодами земли. Банк назвали просто и без изысков – «Сельскохозяйственный». Причем служащие банка в каждом конкретном случае определяли, каким именно продуктом земледелия должен рассчитаться кредитуемый. И сразу фиксировали цены. Этим мы убивали сразу двух зайцев – снимали проблему снабжения сильно разросшегося населения заводского городка и ставили производство сельхозпродукции на поток. Не сразу, но дело пошло. Уже к концу 1886 года многие наши клиенты вдвое-втрое перекрыли рекордные показатели урожайности. Сделано это было благодаря внедрению новой техники, удобрений, элитных сортов семян, бесплатной консультации работающих при банке профессиональных агрономов. Кредитуемые не только рассчитались с долгом, но и получили небольшую прибыль. Что послужило отличным примером для сомневающихся. После сбора урожая количество запросов на кредиты выросло в четыре раза.

Таким образом я выполнил и вторую часть постулата, гласящего, что на развитие техники и технологии промышленности, транспорта, сельского хозяйства и других отраслей влияют основные хозяйственные признаки империализма – концентрация производства и образование финансового капитала.

Благодаря этому и многим другим, не столь масштабным проектам, мой завод вышел в лидеры российской индустрии. Зимой 1886 года мне даже пришлось прикупить 15 дополнительных гектаров земли, для размещения новых цехов. Последние мои нововведения

– собственное производство оптического стекла и пневматических шин для конных колясок и велосипедов. Не все же господам Цейсу и Данлопу нас снабжать!

Ассортимент выпускаемых заводом товаров был очень велик!

На заводе выпускали четыре вида конных экипажей: от ландо и фаэтона до коляски-тачанки. На экипажах мы отработывали постройку шасси и кузовов для будущих автомобилей. Три типа велосипедов, два городских – мужской и дамский, и особо крепкий – для бездорожья. На основе последнего в дальнейшем можно будет делать мотоциклы.

Швейные машинки с ножным и ручным приводом (Зингер нервно курит!), механические замки, врезные и навесные, керосиновые и карбидные лампы, примусы. Инструмент: кирки, мотыги, лопаты, грабли, вилы, топоры, ножи, пилы. Тележные оси, обручи для бочек, стальные шины для тележных колес, цепи, стальные тросы, крюки и шкивы разных размеров. Стремена, мундштуки, удила, подковы. Наборы алюминиевой посуды, чайники, кастрюли, ложки, вилки. Ведра, металлические бочки, тазы, корыта.

И совсем мелочовка: канцелярские кнопки и скрепки, швейные иглы, дверные петли и щеколды, наперстки, ножницы. И самое модное: раскладные зонтики-автоматы, часы-будильники, бензиновые зажигалки (Зиппо отдыхает!). А для охотников: ножи, раскладные лопатки, мачете, бинокли, подзорные трубы, непромокаемые охотничьи костюмы с невиданной застежкой-«молнией».

Отдельная песня – электрические товары: лампочки, патроны, изолированные провода, выключатели, распределители, дверные звонки. Люстры, бра, настольные светильники. А для активной части населения – карманные фонарики.

Ну и конечно, предметы личной гигиены: зубные щетки, мыло «с запахом» в ассортименте, шампуни. Дешевые духи и одеколоны вроде «Красной Москвы» и «Шипра» с «Тройным».

За некоторыми видами товаров приезжали даже из Москвы и Питера!

Не надо думать, что массовая штамповка товаров широкого потребления была предназначена для обогащения. Нет, основным плюсом данного производства была отработка технологий, которые потом пригодятся для смежных отраслей. К примеру, изготовление иглолок было прямым следствием применения легированных сталей, которые в реальности смогли изобрести только к шестидесятым годам века двадцатого!

К тому же торговля ширпотребом давала максимально быструю оборачиваемость вложенных средств, доходность от которых я тут же пускал на разработку новых научных проектов. А третьим преимуществом такой торговли стало создание широкой сети дистрибьюторов. И эту сеть можно было использовать в будущем для внедрения в жизнь простых людей множества иных новинок, до которых пока не доросла местная промышленность.

Интерлюдия

Сидя на продавленном и потертом диване съемной квартиры, два старика, Владимир Альбертович и Илья Петрович, увлеченно, словно футбольный матч на Кубок кубков, смотрели, как на совершенно не вязавшемся с обстановкой комнаты голографическом экране некий молодой человек пытается научить уму-разуму своих наемных работников. Только чрезвычайно узкий специалист-историк смог бы опознать в рабочих будущих гениев – Александра Попова и Генриха Герца. Гении явно пребывали в состоянии сильнейшей алкогольной абстиненции, то есть в переводе на русский – мучились жестоким бодуном.

– Вот уж не ожидал, Альбертыч, что эти ребята такими выпивохами окажутся! – весело прокомментировал увиденное Дорофеев.

– Н-да... – озадаченно потер подбородок Политов. – Надо было Димке с самого начала этим перцам готовые схемы радиостанции вручить!

Досмотрев сцену выволочки до конца, Владимир Альбертович выключил ноутбук и, хитро посмотрев на старого друга, громко расхохотался.

– Нет, ну ты видел, Петрович? А? Хороши великие изобретатели! Еще по стопарику, Сашка? Зер гут, Генрих! – передразнил Политов.

Веселье было прервано писком мобильного. Дорофеев приложил аппарат к уху. Внимательно выслушав невидимого собеседника, Петрович кивнул и сказал:

– Все понял! Молодец, что засекла!.. А вот теперь, Альбертыч, на нерест пошла крупная рыбка. – Нажав на мобильнике кнопку отбоя, Дорофеев радостно взглянул на товарища. – Это сестричка из регистратуры звонила. Только что к ней подходили два мужика, несколько странных на вид и изъясняющихся, как она сказала, «высоким штилем». Интересовались родственниками наших коматозников.

– Ага! Пожаловали, иновремяне! А если выглядят странно – значит, в реальных телах! – вскакивая, воскликнул Политов. – Вот их-то и надо брать.

Глава 7

Рассказывает Дмитрий Политов

К весне 1887 года территория завода занимала более 60 гектаров и была похожа на небольшой уездный город с населением 12 000 человек. У него даже появилось неофициальное название «Стальград».

Кроме собственно производства, у нас были свои жилые кварталы. С пятиэтажными кирпичными многоквартирными домами для рабочих и двухэтажными коттеджами для ИТР. Своя церковь, больница и поликлиника, баня, своя пекарня и мясокомбинат. Три ресторана (с французской и русской кухнями), десять столовых для рабочих, три кофейни (в том числе и «научный клуб»), пять пивных, два кабака, работавших, правда, только по выходным. Два кинотеатра, один драматический и один музыкальный театры. Начальная школа, так называемое «реальное» училище. Магазины на любой вкус и достаток. Тихон Мосейков все-таки выполнил свою угрозу и открыл «Салон красоты», выписав себе из Москвы в помощники-консультанты пресловутого Жилия Ришара. Причем для рабочих и служащих, а также членов их семей любой товар или услуга могли отпускаться в долг, с большими скидками или в рассрочку.

Жилая зона была неплохо озеленена, был даже парк с декоративным прудиком и фонтанами, где народ любил погулять семьями. Многоэтажные здания образовывали две улицы, а коттеджи – четыре квартала. Во все дома были проведены электричество, водопровод, канализация и пароводяное отопление. Квартиры для семейных рабочих состояли из двух комнат и санузла с ватерклозетом и душем. Несемейные размещались в комнатах на четверых, но тоже с санузлом. Поскольку для приготовления пищи в частном секторе здесь пользовались керосиновыми примусами, то во избежание пожаров кухни в многоквартирных домах были общими. По одной на этаж.

Дети рабочих и ИТР ходили в бесплатную школу. Для самых маленьких были ясли и садик, но большинство жен работников предпочитали держать малолеток при себе. И хотя администрация активно пыталась привлечь довольно многочисленное женское население Стальграда к работе, еще очень многие женщины оставались домохозяйками.

Порядок на территории городка обеспечивали добровольные народные дружины, где поочередно дежурили все «боеспособные» мужчины. Естественно, что ДНД были навязаны, как и в реальности, приказом сверху, но постепенно народ оценил преимущества «малой демократии». Теперь любого хулигана и пьяницу мужики наказывали сами, не доводя до околота.

Я тоже переехал из гостиницы в неплохой особнячок, оснащенный всем необходимым по последнему слову самой современной техники на текущий исторический момент времени. Мой миленький трехэтажный «домик» стоял прямо на центральной площади Стальграда, справа от церкви и напротив здания заводоуправления. Весь первый этаж особняка занимала

моя личная канцелярия. Осталось место и для приемной, куда мог в отведенные для этого часы прийти любой рабочий, инженер или служащий. Да и простой человек с улицы, если у него была хорошая идея. Просителей тоже хватало. Среди своих работников я слыл «добрым баринном», потому как в мелочных просьбах типа дать небольшую прибавку под рождение ребенка или выделить квартиру побольше я никогда не отказывал.

Но, несмотря на благоприятное в целом развитие, хватало и проблем.

Еще в 1885 году, в момент бурного и буйного строительства завода и жилого городка, я столкнулся с проблемой стройматериалов. Меня не устраивало качество, ассортимент и цены. Особенно цены. Поставщики словно задались целью выдоить из молодого и глупого миллионера побольше денег. Приходилось с этим бороться, привлекая материалы из соседних уездов и областей. Но вскоре цены взвинтили и там. А вскоре меня перестало удовлетворять и количество. Спрос начал опережать предложение. Стройка, словно гигантский насос, втягивала все больше и больше бревен, кирпича, щебня. Пришлось срочно, на пустом месте, организовывать собственное производство стройматериалов. И теперь, весной 1887-го, это производство полностью покрывало все запросы моих строителей. Да еще и оставался значительный излишек на продажу.

Второй большой проблемой стали конкуренты. Нет, в сфере ширпотреба их не было – такие товары делались только в Стальграде. Но вот по метизам, рельсам, тому же кровельному железу, инструментам... Я сильно насолил ведущим производителям. До открытых покушений дело, слава богу, не дошло – не те пока времена и нравы, но вот палки в колеса мне начали вставлять все активней! Перекупали сырье у моих поставщиков, с помощью взяток и откатов срывали подписание договоров на продажу. Демпинговали на грани собственного разорения. Подсылали на завод саботажников и соглядатаев. С последними неплохо справлялся мой начальник службы безопасности. Как и планировал, на эту должность я нанял опытного дядьку – бывшего полицмейстера Нижнего Новгорода, Савву Алексеевича Лобова. Лобов успешно противостоял «черным» методам воздействия и даже умудрился полюбовно договориться с несколькими не особо рьяными конкурентами о прекращении торговой войны. Но наиболее оголтелая кучка местных и московских купцов продолжала, с переменным успехом, мешать моей торговле. Вынужденный бороться с ними на их поле, я несколько раз довольно крупно «пролетал». Для нормального противостояния с этими людьми мне бы следовало родиться и вырасти именно в этом веке, да еще и торговлей позаниматься лет двадцать. По здешним правилам. Опыт моего «бизнесменства» в прошлой жизни совершенно не помогал. Условия отличались довольно сильно.

В какой-то момент я даже начал испытывать недостаток свободного капитала. Да, мною уже давно были приобретены участки земли с прячущимися в недрах полезными ископаемыми. Все более-менее значимые месторождения в Сибири и европейской части. Даже в совершенно безлюдной сейчас Якутии мною были скуплены будущие алмазные карьеры. И нужные концессии получены. Но на разворачивание массивной добычи всех этих полезных элементов таблицы Менделеева требовалось время. Время и деньги. И надежные люди на руководящих постах. Даже крутясь целыми днями как белка в колесе, я физически не успевал уследить за всем. «Братец» Мишенька довольно хорошо выручал меня с заводскими делами, но в сфере крупной торговли и он был профаном.

И вот когда жарким летом 1886 года я вдруг оказался в жутком цейтноте... Дошло уже до того, что я, сидя в кабинете, прикидывал, где взять деньги на очередное жалованье рабочим... в дверь кабинета поскребся Ерема и, глядя преданными глазами кавказской овчарки, доложил:

– Тут эта... Хозяин... бывший хозяин пришел. Брат твой старшóй!

Я даже оторопел. Вот уж кого не ожидал увидеть! Неужели пришел злорадствовать? Нет, это вряд ли – не тот склад характера, да и мое бедственное положение не стало пока достоянием широких масс. Значит, причина визита Ивана Михайловича в другом. Ну что же... сейчас все узнаем!

– Проси! – скомандовал я Засечному.

Выглядел «братец Ванечка» довольно неплохо и даже несколько... помолодевшим. И что явно бросалось в глаза – шелковая рубашка и тщательно выглаженный костюм. Чувствовалось благотворное влияние женской руки – Иван недавно женился на девице Елене Николаевне Бириной. И, видимо, сразу был взят в оборот. Уж лучше поздно, чем никогда, – жена, несомненно, облагораживает человека. Он и так проходил бобылем до 43 лет. И только я знал, к каким скандалам приведет его эта девица через два десятилетия⁸⁹. Но это будет еще не скоро. А пока... вот он – яркий образчик женатого человека!

– Здравствуй, Ванечка! – Жестом предложив «брату» садиться, я заговорил первым, ощущая некоторое смущение Ивана, явно не знавшего, с чего начать разговор. – Как здоровье жены? Извини, что не пришел на свадьбу!

– Здравствуй, Сашенька! – Смущение Ивана от моей последней фразы только усилилось. – Так... дык... я же сам тебя не пригласил. Уж извини меня, братец!

– Пустое, брат! Как дела? – продолжил я. – Как торговлишка?

– Все слава богу! – немного приободрился Иван.

Бизнес Ивана и правда шел довольно неплохо. Массовый увод капитала из семейного бизнеса мало сказался на его делах. Как я уже упоминал, Иван Михайлович Рукавишников был умным человеком, опытным купцом и редкостным трудоголиком, поэтому отлично сумел справиться с возникшими тогда, два года назад, трудностями. Все-таки у него оставался довольно приличный капитал – почти восемь «лимонов».

– Послушай, Сашенька, у меня есть к тебе деловое предложение! – не стал ходить вокруг да около Иван. – Пора нам уже забыть о прошлых размолвках! Ты уж прости меня, дурака, за тот случай... ну, ты помнишь! Сгоряча я тогда, не по злобё, так поступил! Думал, что прогуляешь ты батюшкины деньги, а ты... ты вон как их приумножил! Из старого заводика целый город устроил, со всеми соседними губерниями торгуешь. Да товары у тебя новые, невиданные, да задумок на будущее – громадьё! Вот и решил я, что лучше с тобой, чем без тебя... – Иван замолчал, переводя дыхание.

Ох, и непросто далось ему признание давнишней ошибки! Человек-то он, в общем, был действительно не злобным. Погорячился, с кем не бывает!

– Ну-ну... – неопределенно сказал я, ожидая продолжения.

– Давно я уже думал над примирением! – вымученно улыбнулся Иван, вытирая пот со лба надушенным (даже с расстояния в два метра я учуял запах!) кружевным батистовым платочком. Эге! Раньше у него платки были из клетчатой бумазеи! – Да все как-то повода не было. Помнил, что крепко обидел я тебя тогда, вот и не знал, как ты ко мне отнесешься! Боялся я чего-то... ты ведь на взлет резво пошел, как сокол ясный!

Я хмыкнул. Ишь ты, какая цветастая метафора!

– Боялся я, что ты подумаешь – примазаться хочет братик к делу твоему. На горбу твоём да на уме выехать! – Иван сумел взять себя в руки и говорил сейчас весьма уверенно. – Но вот узнал я недавно, а слухами земля полнится, что зажимают тебя купцы, вздохнуть не дают. Поставщиков да покупателей уводят. И понял я тогда – вот он, повод к тебе с извинением прийти! Помощь я тебе предлагаю, Сашенька! У меня же и связей в кругах торговых, и опыту в делах таких уж поболее, чем у тебя! Уж не обессудь, а только правда это – ты парень-то умный, до придумок разных горазд, но в торговлишке это не главное!

Знал бы ты, Ванечка, какой у меня стаж работы в торговле, подумал я. Да еще такой специфический! Но ведь не помогает опыт этот в разборках местных. Нисколько не помогает! Прав Ваня – здесь многое решают связи! А связи Иван Михайлович почти 20 лет зарабатывал, в отличие от меня. Ну, что сказать? Очень он вовремя пришел и помощь предложил.

Встал я тогда, подошел к Ивану да обнял его. Братец аж прослезился. И стали мы с тех пор совместно дела торговые вести. Помог мне Иван Михайлович чрезвычайно. И

⁸⁹ Бракоразводный процесс длился более семи лет и стал достоянием общественности.

капиталом, и связями, и налаженными каналами сбыта.

Третьей проблемой оставался персонал. И если с рабочими, благодаря подготовительным курсам, было более-менее нормально, то с ИТР возникали самые большие неприятности. Набранные мною по всему миру молодые гении худо-бедно, но справлялись с возложенными на них обязанностями. Однако постоянно приходилось направлять их на путь истинный железной рукой. Иной раз доходило до анекдотических ситуаций. Два моих ставленника – Саша Попов и Генрих Герц никак не могли довести до ума свой радиоприбор.

И вот представьте себе картину маслом.

Отдельная мастерская, сидят в ней два молодых перца, морщат лбы и усиленно чего-то изобретают.

Заходит к ним купец-миллионщик Рукавишников и спрашивает:

– Ну-с, господа изобретатели, чего делаете?

– Да вот, радио изобретаем...

– Ну-ну, – говорит богатый купец, покровительственно похлопывая гениев по гулким спинам, – изобретайте. Чтоб через месяц изобрели.

Купец-миллионщик величественно удаляется...

Тут, значит, Герц и говорит:

– Сашка, а давай по пиву для усиления творческого процесса!

– Зер гут, Генрих, – отвечает Попов.

Вот и пошли великие и хорошо оплачиваемые изобретатели радио в ближайшую пивную. А потом с утра в мастерскую, опять радио изобретать.

Приходит через месяц купец Рукавишников и спрашивает: «Ребята, вы изобрели радио?»

– Не... Не изобрели че-то, – хором говорят Герц и Попов, а у обоих носы красные и руки трясутся, – нам для творческой мысли пива не хватает, а с водки голова че-то не соображает ниче.

– Эх вы, бестолочи, – сердает купец Рукавишников, – слушайте сюда, я вам все расскажу...

Представили такое? Вот и я о том же! До буквального воплощения в жизнь представленная картинка, слава богу, не дошла, но крови из меня Саша с Генрихом выпили немало!

А выданный мною с последнего курса Мюнхенского политехнического института Боря Луцкой⁹⁰? Тот так и вообще оказался изрядный ходок по женской части! Вместо корпения над чертежами норовивший ускользнуть к прачкам и белошвейкам! Сколько я его штрафовал за прогулы и опоздания, сколько бесед провел... Ну, не увольнять же мне было будущего гениального инженера? С огромным трудом мне удалось направить безудержную энергию Бориса в «мирное» русло! Именно благодаря его стараниям патент на первый в мире автомобиль был взят именно нами, а не Бенцем!

Наученный горьким опытом с Поповым, Герцем и Луцким, я решил отложить приглашение Рудольфа Дизеля до 1890 года.

А сколько уже состоявшихся гениев мне так и не удалось привлечь на свою сторону? Если такой столп мировой науки, как Менделеев, ответил мне весьма благожелательно и даже согласился помогать, хоть и отказался поступать ко мне на службу, то вот Можайский⁹¹, к примеру, просто проигнорировал мое письмо. И повторное тоже.

⁹⁰ Луцкой Борис Григорьевич (Луцкий) (1865–1926) – выдающийся русский инженер, изобретатель судовых и автомобильных двигателей, автомобилей, аэропланов. С 1897 года работал главным инженером (техдиректором) фирмы Daimler.

⁹¹ Можайский Александр Федорович (1825–1890) – контр-адмирал, пионер авиации.

А Мосин⁹² ответил... Но в своем коротком послании отец чудо-оружия послал меня куда подальше, причем в чрезвычайно хамских выражениях! Суть его ответа сводилась к тому, что неместно русскому офицеру и дворянину служить у какого-то там купчишки, пусть даже и миллионщика!

С Жуковским мне удалось наладить контакт, но только после того, как я сразил его фразой о том, что сфера человеческой цивилизации предъявляет все большие требования на машины и аппараты, металл, энергию, химическое сырье, топливо, грузовые перевозки. И отрасли, производящие эти виды товаров – машиностроение и приборостроение, металлургия, энергетика, горное дело, химическая промышленность, транспорт, – выступают на первый план, становятся ведущими во всех отношениях, в том числе и в техническом прогрессе. Но и после этого Николай Егорович отказался покидать насиженное место и лабораторию. Хотя, в принципе, я не особенно настаивал, помня, что именно по его текущему месту работы – преподавателем в Московском высшем техническом училище⁹³ – будет создана впоследствии целая научная школа, где получают необходимые знания множество известных впоследствии конструкторов самолетов и авиационных двигателей. Среди его учеников будут Аккерман, Архангельский, Делоне, Лейбензон. Но, по крайней мере, Жуковский не отказался со мной сотрудничать и даже, во время своего отпуска, приезжал на мой завод, чтобы ознакомиться с моими идеями и изучить производство. Своими идеями я его тогда загрузил по полной программе.

Глава 8

Рассказывает Дмитрий Политов

Со «стрелковкой» была беда – после отказа Мосина мне просто не на кого было опереться. Срочно разысканному на Дону Феде Токареву⁹⁴ было всего четырнадцать лет, и ни о каком пистолете имени себя он пока не помышлял. Аналогичная ситуация была и с Дегтяревым⁹⁵, только годков Васе исполнилось шесть, и с Федоровым⁹⁶, ему стукнуло одиннадцать, а до рождения Симонова⁹⁷ так и вообще оставалось несколько лет. Токарева я до поры пристроил учеником технолога в механосборочный цех – пусть наберется базовых знаний.

Еще в родном мире, готовясь к переходу в прошлое, мне доводилось слышать смутные слухи о каком-то лесничем из Владимирской губернии, по имени Д.А. Рудницкий. Якобы именно он стал первым в России конструктором автоматической винтовки. Работать над ней

⁹² Мосин Сергей Иванович (1849–1902) – российский конструктор и организатор производства стрелкового оружия.

⁹³ Ныне – Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана.

⁹⁴ Токарев Федор Васильевич (1871–1968) – российский конструктор стрелкового оружия, изобретатель пистолета «ТТ».

⁹⁵ Дегтярев Василий Алексеевич (1879–1949) – российский конструктор стрелкового оружия, изобретатель пулеметов «ДП», «ДШК».

⁹⁶ Федоров Владимир Григорьевич (1874–1966) – российский конструктор стрелкового оружия, изобретатель первого в мире автомата.

⁹⁷ Симонов Сергей Гаврилович (1894–1986) – российский конструктор стрелкового оружия, изобретатель карабина «СКС».

он начал в 1883 году, а в 1886 году в кустарной мастерской города Киржача Владимирской области изготовил модель. В декабре 1887-го Рудницкий обратился в артиллерийский комитет с просьбой рассмотреть проект «самострельной винтовки». В пояснении к проекту автор написал: «Не нашедшая до настоящего времени своего применения в военном деле сила пороховой отдачи при ружейной стрельбе заставила меня задаться мыслью утилизировать ее и заставить, таким образом, производить известного рода полезную работу. Исходной точкой моей задачи явилось применение этой же силы в проекте изготовления автоматического ружья...» Представляю себе внешний вид этого агрегата – помесь тяжелого пулемета и легкой пушки – при таком-то калибре из этой «дуры» можно было стрелять только со станка!

Ну и, естественно, финалом сей фантастической истории стало заключение: «Предложение Рудницкого о переделке 10,67-мм винтовки Бердана образца 1870 года в автоматическую было рассмотрено, но не реализовано». Я потратил много усилий на поиски этого самородка, но так и не сумел не только найти изобретателя, но и выйти на какие-либо следы его деятельности.

Ввиду полного отсутствия генератора идей по данной тематике, мне пришлось самому «изобрести» пятизарядную магазинную винтовку с продольно-скользящим затвором. «Моя» винтовка впервые увидела свет в июле 1886 года. За основу была взята схема одной из лучших «магазинок» всех времен и народов – легендарной винтовки Маузера⁹⁸ образца 1898 года. Это оружие оказалось настолько удачным, что в малоизмененном виде прослужило в германской армии вплоть до конца Второй мировой войны. И даже в XXI веке винтовки, основанные на конструкции Gew.98, пользуются большой популярностью, производятся и продаются, правда в основном в виде охотничьего оружия. Достаточно сказать, что большинство современных английских охотничьих карабинов самых престижных марок, к примеру Holland & Holland, Rigby, сделаны именно на основе маузеровской конструкции.

Безжалостно обокрав, путем получения патента, талантливых братьев-изобретателей, я полностью скопировал затворную группу, двухрядный магазин с шахматным расположением патронов, пластинчатую обойму, полупистолетную форму ложа. Вот только ствол и прицел были несколько иными. Ствол с более пологим шагом нарезов. Потому как патрон, используемый этим оружием, был совершенно оригинальной разработки – его изобретение было, пожалуй, единственным новшеством, привнесенным в этот мир мною лично. Вот некоторые характеристики моего патрона:

- калибр – 6,35 мм;
- начальная скорость – 840 метров в секунду;
- дульная энергия – 2500 джоулей;
- поперечная нагрузка – 0,250;
- вес пули – 6,7 грамма;
- длина гильзы – 45 мм.

Естественно, что порох был бездымным, на основе нитроцеллюлозы. Гильза без выступающей закраины, стальная, покрытая защитным лаком (задел для массового выпуска, когда не напасешься меди и латуни), пуля остроконечная, в стальной рубашке, с кольцевой выемкой, для лучшего крепления в гильзе.

Такой патрон сочетает в себе мощность традиционных «пулеметно-винтовочных» патронов и небольшую отдачу, позволяющую вести эффективный автоматический огонь «с плеча». Еще в XXI веке, при планировании экспедиции в прошлое, я решил не заморачиваться с традиционными патронами калибров 7,62x54 ммR и 7,62x39 мм. Пусть с самого начала у нас будет единый патрон для винтовок, легких пулеметов, карабинов, автоматов. Ведь гораздо удобнее создавать стрелковые комплексы под уже готовый

⁹⁸ Gewehr 98 (также обозначалась G98 или Gew.98 – винтовка обр. [18]98 года).

боеприпас.

Из-за применения нового патрона «моя» винтовка имела несколько другие габариты в сравнении с прототипом: общая длина – 873 мм, длина ствола – 500 мм, вес с патронами – 3,22 кг. С таким стволом и боеприпасом винтовка имела убойную дальность стрельбы в два километра, прицельную дальность – полтора, а эффективную – восемьсот метров. На рынок оружие было выставлено как спортивное и для охоты на мелкую дичь, благо тогдашнее законодательство Российской империи позволяло производить и продавать любые виды вооружения, вплоть до пулеметов (которые еще нужно было изобрести) и пушек. Данный сектор стрелкового оружия носил романтическое название «Монте-Кристо», и занимали его в основном всякие мелкашки под патроны кругового воспламенения. Еще на полигонных испытаниях я в шутку назвал свое детище пищалью, однако кличка прицепилась настолько прочно, что винтовка фигурировала под этим названием в рекламных буклетах и каталогах.

Популярность пищали у покупателей взлетела до небес всего через месяц после начала продаж. Винтовку покупали в розницу, покупали оптом, платили авансы за еще не выпущенные партии. Причем дорогие и дешевые модели скупались одинаково тотально. Скупали модели с березовыми и ореховыми ложами, с гравировкой на стволе и без. Скупали в подарочных, обитых сафьяном ящиках из палисандра и просто завернутые в замасленную ветошь. А уж на модели с новинкой – диоптрическими прицелами нашей разработки – просто записывались в очередь на полгода вперед.

Сгоряча я даже хотел выпустить модель с 3-кратным оптическим прицелом, благо мои стекольщики все-таки смогли сварить стекло хорошего качества, достаточно прозрачное и без пузырьков, и неплохо отшлифовать линзы. Но, подумав, от этого опрометчивого шага отказался. С оптикой моя винтовка, хоть и недотягивая до уровня «нормальных» снайперок, все-таки являлась для этого времени безусловным *Überwaffe*⁹⁹. И мне, памятуя о судьбе Джона Кеннеди и в преддверии глобального мирового передела, как-то не хотелось в один прекрасный день появиться в перекрестии прицела. Ведь воспроизвести конструкцию комплекса «оружие-прицел» было несложно, а уж те же англичане легко могли сделать такой комплекс на базе своего «энфильда». В общем, кончилось тем, что сделать винтовку с оптикой мои мастера сделали, но в продажу она не пошла. Пусть останется козырем в рукаве.

Пищаль совершенно не годилась для охоты на любого крупного зверя, но зато идеально подходила для охоты на себе подобных. Больших войн сейчас не было, да и не готовы были государства с ходу перевооружаться на винтовки такого устройства и такого калибра. Однако разного рода авантюристам пищаль явно пришлась по вкусу. До меня неоднократно доносились слухи об успешном ограблении почтового дилижанса на Техасщине или в жаркой Африке. Хорошо еще, что в России народ, в массе своей, был более мирным.

Несколько оружейных заводов (в том числе и нагло обворованные братья Маузеры) пытались скопировать отдельные узлы пищали, но мои представители четко отслеживали такие поползновения и жестко пресекали их исками в суд. Денег на патенты я не пожалел – взял на самые мелкие детали, подробно описав каждую. Поэтому все судебные процессы были безоговорочно выиграны. Конкуренты попали на солидные штрафы, а фирмочка братьев Наганов¹⁰⁰ так даже и разорилась!

Поняв, что таким путем меня не обскакать, оружейники наперебой стали обращаться с предложениями о продаже лицензии на производство. Но я был неумолим – кукиш был показан всем без исключения.

⁹⁹ *Überwaffe* (нем.) – сверхоружие.

¹⁰⁰ Наган Анри-Леон (1833–1900), Наган Эмиль (1830–1902) – бельгийские конструкторы-оружейники и фабриканты, изобретатели оружия, принятого на вооружение русской армии под обозначением «3-линейный револьвер системы Наган образца 1895 г.».

Я, конечно, понимал, что, выпуская магазинную многозарядную винтовку в середине 1886 года, сильно рискую. Вокруг ведь отнюдь не дураки сидят. И те же англичане, поняв устройство, могут копировать в случае нужды мое изобретение десятками тысяч. Но, кроме собственно механизма, они не смогут скопировать технологии. Без спектроскопа никогда не смогут определить состав идущей на стволы стали. А уж об освоении производства патронов конкуренты могут даже не мечтать! Поточную линию я выстраивал сам, не доверяя даже главному инженеру завода Даймлеру. Он хоть и неплохой человек, но все ж таки немец!

Вполне закономерен вопрос, почему я не дождался момента, когда капитан Мосин закончит свою винтовку. Дело в том, что винтовка системы Мосина, воспетая советской пропагандой как великолепное оружие, была хоть и не самым плохим, но совсем не идеальным образцом. Безусловно, на тот исторический период «мосинка» отвечала выставленным к ней требованиям – она была проста, дешева в изготовлении и обслуживании, доступна даже малообученным солдатам, в целом прочна и надежна, имела хорошие для своего времени баллистические качества. С другой стороны, сами по себе требования в значительной мере основывались на уже устаревших представлениях о тактике и роли стрелкового оружия. К примеру, тогда практиковалась залповая стрельба на расстояние в 2 (два!) километра! На таком расстоянии даже в двухэтажный дом попасть сложно, что уж говорить о маневрирующем человеке? Мало того – стараниями многих отечественных «гениев» тактики был вытасчен на свет божий слоган Суворова (Александра, а не Виктора!): «Пуля – дура, штык – молодец!» В силу этих, а также еще ряда причин винтовка системы Мосина имела ряд значительных недостатков. Устаревшей конструкции штык, постоянно носимый примкнутым, утяжелял оружие в целом, к тому же снижая маневренность и без того длинной винтовки. Горизонтальная рукоятка затвора, менее удобная при переноске оружия и перезаряжании, чем загнутая книзу, и расположенная слишком далеко впереди от шейки приклада (что замедляло перезаряжание и способствовало сбиванию прицела при стрельбе). Кроме того, горизонтальная рукоятка по необходимости имела небольшую длину, а это требовало значительных усилий для извлечения застрявших в патроннике гильз (дело нередкое в условиях окопной жизни). Предохранитель требовал для своего включения и выключения отнятия винтовки от плеча. Тогда как на иностранных образцах, «маузере», «ли-энфильде», «спрингфильде М1903», он мог управляться большим пальцем правой руки, без изменения хвата и положения оружия. В общем и целом винтовка Мосина представляла собой довольно типичный образец русской и позднее советской оружейной идеи, когда удобство в обращении с оружием и эргономика приносились в жертву надежности, простоте в производстве и освоении, а также дешевизне. Посему слава русского оружия, добытая в двух мировых войнах и зачастую приписываемая самой винтовке Мосина, все-таки в большей степени принадлежит не оружию, а людям, невзирая на все недостатки оружия умевшим использовать его достоинства, воевавшим и победившим врага, зачастую имевшего лучшее с технической точки зрения оружие¹⁰¹.

После триумфального появления революционной, в техническом плане, винтовки я скорректировал программу разработки новых вооружений с учетом новых реалий. Поскольку в борьбе с моими адвокатами небольшая семейная мастерская «Fabrique d'armes Emile et Léon Nagant»¹⁰² разорилась, оставшиеся не у дел братья Эмиль и Леон получили предложение поработать на своего обидчика. С предлагаемыми суммами оплаты их труда я, как обычно, не стеснялся – деньги бельгийцам были предложены немаленькие, превышающие самые крупные доходы от их собственного бизнеса. Хотя по меркам моего завода их зарплата была достаточно скромной – Попов, Герц, Даймлер, Майбах, Чернов и Бенардос получили в полтора-два раза больше.

¹⁰¹ В описании винтовки Мосина авторами использовались материалы статьи М. Попенкера.

¹⁰² Оружейная фабрика Эмиля и Леона Наган.

Согласившись на работу у меня, братья Наганы со своими семьями переехали в уютные коттеджи Стальграда сразу после православного Рождества нового 1887 года. И практически немедленно получили задание на разработку оригинального револьвера под новый малогабаритный, но мощный патрон. С этим патроном я не стал специально заморачиваться, просто тупо скопировал 9х19 «парабеллум» (прости меня, Георг Люгер!¹⁰³).

Естественно, что техническое задание существенным образом отличалось от «Основных требований к армейскому револьверу»¹⁰⁴. В частности, мне совершенно не требовалось подгонять калибр, число, направление и профиль нарезов ствола револьвера к аналогичным характеристикам винтовки, чтобы при производстве револьверов можно было использовать бракованные винтовочные стволы. Брак по стволам на моем заводе составлял 0,02 процента. А уж такие пункты «Основных требований», как отсутствие стрельбы самовзводом и поочередное экстрагирование гильз, я считал попросту вредительскими! Военные, которые придумали такое, аргументировали «самовзвод» вредным влиянием на меткость, а одновременное экстрагирование – повышенным расходом боеприпасов.

В принципе, мои пожелания сводились к следующему.

Револьвер должен обладать хорошей кучностью стрельбы.

Конструкция должна быть простой и технологичной.

Револьвер должен быть надежен, нечувствителен к загрязнениям и плохим условиям эксплуатации, прост в обслуживании.

Емкость барабана – не менее шесть патронов.

Масса револьвера не должна превышать 700–800 граммов.

И братья Наганы меня не разочаровали! Уже через два месяца Эмиль и Леон представили первый вариант. Его я забраковал по массе – револьвер весил больше полутора килограммов. Посоветовав братьям получше ознакомиться с уже производимыми моим заводом материалами, я перегнул палку. В следующем прототипе Наганы сделали рамку револьвера алюминиевой! Масса оружия снизилась до 500 граммов, но из него совершенно невозможно было стрелять. Отдача достаточно мощного «парабеллумовского» патрона просто вышибала алюминиевый револьвер из рук.

И только в третьем варианте оружейникам удалось совместить «в одном флаконе» «коня и трепетную лань»!

Новый револьвер получился просто великолепным. Легкий, около 800 граммов весом, с прекрасным балансом. Рукоятка, обеспечивающая комфортный хват и удобное прицеливание, словно сама просится в руку. Барабан емкостью 6 патронов откидывается влево. Экстрагирование стреляных гильз – одновременное. Ударно-спусковой механизм двойного действия с открытым курком. Ударник смонтирован на курке. С десятисантиметровым стволом и фиксированными прицельными приспособлениями револьвер обеспечивал отличную кучность на дальностях до 70 метров. Отдача при стрельбе была хоть и сильной, но не резкой.

На рынок револьвер был выставлен как гражданское оружие самообороны. И позиционировался как незаменимый девайс для путешественников. В этот раз название я придумывал целенаправленно, с учетом исторических аналогий, как в случае с пищалью. После длительного перебора разных вариантов я остановился на имени «Кистень». Звучало это вполне в духе предназначения нового оружия – легкое, компактное, могущее использоваться для скрытого ношения.

Выпускали «Кистень» с тремя типами стволов. Пяти-, десяти- и

¹⁰³ Люгер Георг Иоганн (1849–1923) – австрийский конструктор, известный созданием пистолета Люгера («парабеллума») и 9-мм патрона.

¹⁰⁴ Требования разработаны для конкурса на новое оружие комиссией во главе с генерал-лейтенантом Н.Г. Чагиным.

пятнадцатисантиметровым. К ним в комплекте сразу шли «сбруи» для скрытого ношения и кобуры для ношения на поясе. Кобуры были и с клапаном, и с ремешком в качестве фиксатора.

Поначалу торговля новыми револьверами шла довольно бойко – «кистень» выгодно смотрелся на фоне линейки тогдашних предложений в области компактного оружия. Он, при аналогичной мощности, был гораздо легче и удобней своих конкурентов. А еще мы довольно удачно демпинговали – себестоимость изделия, благодаря штамповке и кокильному литью, составляла всего шесть рублей. В продажу «Кистени», в зависимости от комплектации, шли от пятнадцати до двадцати рублей. А револьверы, к примеру, Смитта-Вессона стоили почти в полтора раза дороже. Да и цена на боеприпасы тоже играла немаловажную роль – наши «9мм Ру» шли по три с половиной рубля за 100 штук. Массовое производство – что ж вы хотите! А стоимость патронов под западные образцы начиналась с пяти рублей за сотню. И то это были патроны 22-го калибра, а за более мощные «тридцать восьмые» так и вообще просили по 12 рублей!

Но затем начались проблемы. Целым косяком пошли рекламации по поводу отказа механизма удержания и экстракции патронов. Все-таки он, из-за необходимости использования пистолетных патронов, был довольно сложен. Естественно, что в опытных, собранных с прецизионной точностью образцах это прошло незамеченным. Но массовая сборка дала о себе знать. Технологи получили заслуженный фитиль, и рекламации на механизм прекратились.

Ноя поневоле задумался. Возможно, мое стремление унифицировать боеприпасы в этом случае неправильно? Револьвер – это штука такая... Хм... На века! И считать его переходной моделью к пистолету было моей ошибкой! Если револьверы пользуются устойчивым спросом вплоть до начала третьего тысячелетия, то что говорить о нынешних временах?

Теперь мне стало ясно, что нужно разрабатывать оригинальный револьверной патрон. А его отличительной особенностью является закраина на гильзе, против которой я выступал с самого начала. Ладно, наступлю на горло собственной песне... Осталось только решить – какой патрон использовать. Какой мощности и какого калибра.

Поначалу я глубоко задумался над 6,35-мм... памятуя об аналогии с классическим «наганом» и винтовкой Мосина. Но останавливающее действие малокалиберных, по сути, пуль будет очень низким. Сгоряча я стал выдумывать пустотелые пули, пули со смещенным центром тяжести, пули, «раскрывающиеся» лепестками. Однако вся эта экзотика очень сложна для нынешнего производства. А уж тем более производства крупносерийного. Нужно было что-то очень простое, но действенное, как топор. Или тот же кистень.

Масла в огонь моих сомнений подлил Ханафи Магометов. Этот широко известный в узких кругах купец, дагестанец российского подданства, уже несколько лет успешно торговал в Абиссинии¹⁰⁵ на пару со своим братом Хаджи. Оттуда он возил в основном табак, а туда – практически все, что имело спрос, начиная от иголок и ситцевых тканей, а заканчивая оружием и боеприпасами. Оружие, вполне естественно, почти всегда было жутким старьем. Но по спецзаказам от местных представителей элиты Магометов иной раз вез и новинки, небольшими партиями по 100–200 штук. И в частности, за последний год успел поставить в этот дикий край несколько сотен «Пицалей» и полсотни «Кистеней». Если винтовки пошли у местных аскеров на ура, то на револьверы, которым поначалу радовались как дети, стали жаловаться. И даже не на проблемы с экстракционно-запирающим механизмом барабана и утыкание, а на более банальную вещь – якобы одной пули «9мм Ру» (в девичестве «9мм Пар») не хватало, чтобы завалить в схватке мощного воина.

За чашкой зеленого чая Ханафи рассказал, что как-то раз на его караван напали суданские разбойники. Нападение было неожиданным, и дело быстро дошло до рукопашной.

¹⁰⁵ Ныне – Эфиопия.

На Магометова пер здоровенный мужик, весело помахивая саблей. Человек не робкого десятка, Ханафи хладнокровно, практически в упор высадил по нему почти весь барабан. Но разбойничек, зараза, только морщился и пер дальше. Остановил атаку, когда сабля уже была занесена над купцом, точный выстрел между глаз бедуина. Чуть не лишившись головы, Магометов в дальнейшем стал пользоваться пусть более тяжелым и неудобным, чем «Кистень», но зато крупнокалиберным «смит-вессоном II образца». Вот «смит-вессон», с его 4,2-линейным (10,67-мм) патроном, валил любых противников с первого выстрела.

Я, в принципе, понял, что самым оптимальным было использовать патрон наподобие классического «357 магнум» (9x29 мм). Но в конце концов я, решив не заморачиваться собственной разработкой, просто дал задание Наганам переделать «Кистень» под популярный и массовый «сорок четвертый русский». Для этого конструкторам пришлось усилить рамку, немного увеличить диаметр барабана и переделать наклон рукоятки. Естественно, что возросла масса оружия – до 1,1 килограмма, но количество патронов не изменилось, а мощь и дальность стрельбы выросли. В целом револьвер стал только лучше. Новую модификацию, по уже устоявшейся традиции давать имена, связанные с оружием прошедших времен, назвали «Клевцом». Выстрел из такого оружия мог остановить атакующего слона. Теперь у нас было две линейки револьверов, потому как «Клевец», как и «Кистень», тоже шел в продажу с тремя типами стволов. Десяти-, пятнадцати- и двадцатипятисантиметровыми. Забегая вперед, скажу, что года через два мы все-таки выпустили револьвер под патроны с закраиной 9x29 мм и даже 6,35x19 мм. Первый назвали «Шестопер», а второй – «Стиллет».

Рассказывает Еремей Засечный

Сам-то я на Тереке родился. Батька мой знатный казак был – Семен Засечный. Отец его, мой дед – Панкрат, на Кавказскую линию с Дона семью привез. Батьке в ту пору десять годков всего и было. Но жизнь в приграничье быстро пацанов учит – уже с двенадцати лет батька с дедом на засеки и в набеги за Терек ходил. И к шестнадцати годкам мой батька мог на шашках против любого из станичников полчаса продержаться! А из ружья на три сотни шагов в медную копейку попадал! Хабара¹⁰⁶ из набегов дед с батькой всегда знатно брали – семья процветала. Однако между ног у батьки зудело уже. И вот с одного из набегов привез он молодую черкешенку – соплячку еще совсем. Уж как у них там сладилось – силком ли, полюбовно ли, – один Бог теперь ведает, но понесла черкешенка, и вскоре я родился.

Мамку я свою не видал никогда и даже имени ее не знаю – умерла мамка родами. Батько-то через несколько лет оженился – первую красавицу станицы взял. Хозяйство свое справил – дед ему щедрую долю на обзаведение дал, дом помог построить.

А я в дедовском доме жить остался. Поначалу-то меня не тыркали особо. Братьёв у меня двоюродных, троюродных полно было. И играли вместе, и скотину пасти ходили. Дразнились только – «чеченом» кликали. Волосом-то я в мамку, видно, пошел – все вокруг русые, а я один черный. А как пришло время пацанят справе воинской обучать – и меня в ватагу взяли. Молодших дядька Иван учил – казак был опытный, хотя и не старый ишшо. Но в бою с чеченами руки он левой лишился, вот и поставили его на сходе пацанов учить. Ох и гонял он нас! С первыми лучами солнца мы из станицы выходили, а возвращались только затемно. Научился я тогда и как засаду устраивать, и как лежку ночную делать, и как следы, что звериные, что человеческие, читать. Да и ухватки боя рукопашного Иван нам показывал. Вот только кончилось учение мое годкам к двенадцати. Как раз к тому сроку, когда молодых к огневому бою ставят да шашку в руку дают, – до того тяжело оружие пацану.

Дед-то мой на меня всегда косо поглядывал. Ублюдок, мол, в дому растет. Да еще и волос черен. Но до поры не трогал. Батька в дедов дом изредка заглядывал – так меня

¹⁰⁶ Добычи.

завсегда проводывал, по головке гладил, петушков леденцовых на палочке дарил. Но вот женка батькина меня невзлюбила. Что там у нее по женской части со здоровьем было – Бог ведает! Но родить от батьки никак не могла – каждый раз плод недонашивала. И я у нее как бельмо на глазу был. Вот и стала она деда подговаривать – мол, ублюдок этот черкесский глаз дурной имеет. Вот я понести и не могу!

Поначалу-то дед ее не слушал – мало ли чего глупая баба в свое оправдание придумает. Но прошло десять лет, и задумываться стал дед – а вдруг права невестка?

И вот в один прекрасный день позвал меня дед да молвил слово веское.

Мол, всем ты хорош, Еремей. От работы не отлыниваешь, дядька Иван тебя не нахвалит. Хороший бы казак из тебя вышел! Но только не жить тебе в станице. В сотню тебя не возьмут, да и не один казак свою дочку за тебя не выдаст. Вот тебе, Ерема, три рубля серебром – собирай котомку, хлеба на три дня возьми, да и ступай подобру-поздорову!

А все-таки к деду у меня зла нет! Другой бы просто за ворота выставил, а дед мне записку дал, для друга своего старинного, что на Дону остался. А в записке той просил приветить да к делу какому приставить.

И в скором времени я на Дону оказался. Но уж тут никто и подумать не мог, чтобы меня справе воинской учить. Пошел я в батраки. И до семнадцати годков батрачил. Но и оттуда мне уйти пришлось. Даже сбежать. Как только я в мужскую силу входить начал, потянулись ко мне бабы станичные. По молодости-то я гораздо стройнее был, да в чистом поле весь день – загорелый, да волос черный, вьющийся, как у цыгана. Вот на меня бабы и бросались. Станичники-то поначалу на шашни эти внимания не обращали – вдовиц в станице много было. Но когда мужние женки да девки молодые глазками заблестели – вот тогда казаки на меня и ополчились. Для начала поймали меня за околицей да и поучили уму-разуму. И уж тут я осерчал – горячий нрав у меня тогда только проявляться стал. Другой бы успокоился да и жил бы себе тихонько, вдовиц тешил. Но я нарочно дочку старосты захомутал да невинности девичьей ее лишил. И ведь билась тогда шальная мысль – а ну как не захочет староста блуд на всеобщее обозрение выставить? Оженит меня на дочке, и стану я полноправным казаком. Но не вышло! Дочку староста в монастырь отправил – до конца жизни свой грех замаливать. А на меня уже ватага была собрана – пришибли бы насмерть, да не успели – одна из вдовиц моих любезных предупредила меня о том. Сбежал я из станицы куда глаза глядят.

На Дону-то мне жизни спокойной уже не было – не здесь, так там бы подстерегли. Ушел я на Волгу. И мотался я по реке этой годков десять. То бурлаком нанимался, то амбалом купеческим. Одно время даже с цирком бродячим ходил. Но долго на одном месте не засиживался. А все нрав мой буйный. Как что не по мне, так я сразу в драку! А ухватки-то боя рукопашного казачьего в голове остались! Так супротив меня поодиночке уже и не выходили – в стаю собьются и ну бить! Только к ухваткам я еще и силушку свою прикладывал, да так, что пару раз насмерть мужиков забивал.

Кончились мои мытарства в Нижнем Новгороде. Подрядился я тогда амбалом на пристань знатного купца Ивана Рукавишникова. Про силу мою да злость в бою народ быстро прознал – уже и не лез ко мне никто. Благо до смертоубийства в этот раз не дошло. Но слухи о моем удалстве хорошую службу сослужили – подходит ко мне как-то раз старшой ватаги нашей да говорит: собирайся, Ерема, в гости к хозяину пойдешь! Я даже оторопел малость. Но тут же выяснилось, что зовут меня не пироги с квасом трескать. Со мной еще троих амбалов отправили. Хозяину-то сила наша понадобилась. Уже по дороге старшой пояснил, что у хозяина размолвка вышла с братом, тот вроде как не в себе и буен бывает. Вот нам и предстоит его утихомирить, если что. Правда, калечить того братца старшой запретил. Ну, товарищи мои равнодушны остались – им что прикажут, хоть старушку какую прибить, хоть мальчонку – то они и сделают! А я смекнул, что дело может быть нечисто – что там господам в голову взбредет, один Бог ведает. Но завсегда так было – паны дерутся, а у холопов чубы трещат.

Вот, стало быть, пришли мы в контору хозяина нашего. Старшой нам велел в

приемной, где приказчики ближние сидели, подождать. Простояли мы с полчаса, а тут и сам барчук молодой пожаловал. Весь в белом, на пузе цепь золотая. Увидал нас и улыбнулся! Сразу я тогда понял – знает он, кто мы такие и для чего тут собраны! И знает, что драки не избежать, но не боится нисколько! И даже предвкушает! Глаза у него эдак озорно сверкнули, а потом он мне подмигнул и тайком кулак показал! Сразу я тогда решил – очень непростой это человек!

Вошел барчук в кабинет, и почти сразу оттуда шум донесся, да хозяин завопил. Ворвались мы в двери, так амбалы, как приказывали, сразу на молодого и бросились. Как он их бил-кидал! От падения эдаких туш стены тряслись! А сам и невредим совсем! Но и мне нужно было с ним умением да силушкой помериться! Дождался я, когда он с амбалами расправится, да нож достал. Ох, как орел этот на меня зыркнул! Понял я, что оторвет он мне руку с ножом по локоть и даже не поморщится. Ладно, думаю, сила на силу! Бросил я нож да стал подбираться. Вправо-влево качнусь, а барчук этот не ведется! Только смотрит внимательно. Уже догадываясь, что умение его гораздо лучше, чем мое, я все-таки ударил! И ведь самую хитрую свою ухватку использовал! Не тут-то было! Что он такое со мной сотворил, я так тогда и не понял, но меня спиной вперед из кабинета унесло. Приказчики в приемной с мест повскакивали, глаза круглые. Приложило меня крепко, но встать я все же попытался. Услышав шум, супротивник мой в дверях показался. И так он шел! Как тигр перед прыжком! Я-то на тигров этих в цирке насмотрелся! Всё, решил я. Или я сейчас покорюсь этому зверю, или он меня убьет. А за таким Хозяином не стыдно службу править. Встал я тогда да в ноги ему поклонился!

А он только моргнул, совсем даже и не удивленно, да за городным меня послал.

Так и началась моя служба у купца Александра Рукавишникова.

Поначалу-то все просто было. Сопровождал я Хозяина во всех его поездках. Ляксандра Михалыч, смеясь, называл меня хранителем своего тела. Хотя охранять его было ни к чему – он сам кого хош завалить мог. И поперву свербил меня мыслишка: а откуда знает он ухватки такие? Не выдержал я как-то – спросил напрямую. А Ляксандра Михалыч ответил, что по книжке учился. Хозяин иной раз так говорит, что и не поймешь – шутит он или как... Вот и тогда я не понял... И вроде бы знаю, что невозможно науку сию по книжкам постичь, а с другой стороны – кто их, образованных, знает! Но про себя уяснил – не хочет Хозяин на этот вопрос отвечать напрямую.

Однако по прошествии полугода, видимо присмотревшись ко мне, Хозяин спрашивает: а что, Ерема, а не хочешь ли ты этим приемчикам научиться? Дык с радостью, Ляксандра Михалыч, отвечаю я. И начали мы с ним, когда по вечерам, а когда и перед обедом, заниматься. Разувались, штаны холщовые да рубахи просторные одевали и ну валять-кидать друг дружку. Тогда я только понял, во время занятий этих, что пожалел меня тогда Хозяин, во время драки в кабинете его брата. И меня пожалел, и амбалов тех. А ведь запросто убить мог голыми-то руками!

Нахватался я тогда от Хозяина ухваток этих хитрых. Но на этом дело не закончилось. Хозяин тогда завод свой всюю строил-отстраивал да работников нанимал-обучал. А городок вокруг завода разросся сильно, да так, что иной уездный город как бы не меньше. А уж народу в Стальграде сколько жить стало! Это мы так наш город меж собой называть стали, а потом и окрестный люд привык, да и в самом Нижнем, да вдоль по Волге-матушке иначе как Стальградом завод наш и город уже и не кликали!

Так вот разросся наш Стальград, тыщ почитай двадцать, а то и поболее людишек в нем обитает! А чтобы за порядком в городке следить, придумал Хозяин дружину особую. Любой работник мог туда записаться да в урочное время на улицах за порядком следить. Навроде городских. Хорошо это у Ляксандры Михалыча измыслилось! Городовой-то, как ни крути – чужой человек, а тут свой же брат, рабочий. И перед своими-то гораздо стыдней пьяным на улице попасться. И хотя в городке кабаков да пивных разных хватало, однако до свинского состояния никто не напивался и на улицах не буянил. Даже по выходным дням и праздникам! Хотя поначалу пара-тройка стычек все-таки случилась. С самыми упертыми.

Этих дурней наши дружинники сами хорошенько проучили, даже в участок вести не стали. Но и дружинникам один раз крепко досталось. И сказал тогда Хозяин, как об этом случае узнал: а что, говорит, Ерема, не хотел бы ты дружинников наших каким-никаким ухваткам боевым поучить? Чтобы, значит, любого смутьяна и безобразника гарантированно выносили? Это его слово «гарантированно» я особенно запомнил! Мудреное-то оно мудреное, а смысл простой – быстро, точно и без потерь! Отчего ж, говорю, Ляксандра Михалыч, не поучить мужичков-то? Ладно, говорю, поучу! И стал я три раза в неделю по вечерам дружинников гонять. Парни в основном деревенские все были, просто кулаками махать горазды, да только без ума к этому делу подходили. Все-то ухватки я им показывать не стал, конечно. Да и поздновато таких здоровенных балбесов учить – множество ухваток надо с самого детства осваивать, вроде как у нас, казаков, заведено. Пока, значит, руки-ноги еще гибкие. Но ничего – и основные удары-захваты-броски дружинники хорошо освоили. Как-то раз с заезжими купчиками схлестнулись – от тех только перья летели, так им наподдали хорошо! А как оружие стали на заводе делать, штуцера эти, которые Хозяин пищалью назвал, то наиболее умелых да толковых дружинников сам Ляксандра Михалыч начал стрельбе учить, да не просто стрельбе, а передвижению на поле боя, перебежкам, ныркам, кувыркам, перекатам. Тут и я снова в учениках оказался. Потому как в родной станице до науки этой не допущен был. Но в учениках все-таки лучших – задатки, как Хозяин сказал, у меня неплохие были!

Но и на этом Ляксандра Михалыч не остановился! Спрашивает он меня как-то: вот мол, Ерема, организуем мы школу вечернюю, для рабочих, где их грамоте учить будут. И не хочешь ли ты чему полезному там поучиться? А я-то читал с трудом, в школу-то не ходил никогда, то здесь то там что-нить запомню – и то ладно. Писать-то так и вообще... Имя свое умел выводить, да и то закорючки сплошные получались. Но вроде как не мальчик уже, за партой-то сидеть. Так Хозяину и сказал. А он, вместо ответа, хватает меня за рукав да в школу эту на урок ташшыт. И смотрю я – а в классе-то сидят мужики, да постарше меня годками многие. И все прилежно азбуку зубрят-учат. Ну, согласился я, конечно, зачем кочевряжиться – Хозяин плохого не посоветует! А Ляксандра Михалыч усмехнулся тогда да слова сказал загадочные: мол, грамота, Ерема, повышает твою стоимость на рынке труда! Словно продавать меня на каком-то рынке собрался! Но не обиделся я, ибо знал уже, что Хозяин горазд такие шуточки шутить.

И стал я вечерами в школу ходить, словно маленький. И научили меня письму-чтению да арифметике. И что странное за собой заметил – стало мне это нравиться. Я ведь, выходит, не голь теперь перекатная, без роду-племени, а образованный человек. Пристрастился я газеты читать да журналы всякие, что Ляксандра Михалыч во множестве выписывал. Журналы по технике всякой, в которой Хозяин мой горазд оказался. Поначалу-то многое непонятным мне в журналах этих казалось. Но что непонятно – так я у Хозяина спрашивал, а он, добрая душа, не побрезговал ни разу – завсегда объяснял все подробно. С чертежами устройств всяких я возиться начал. И что интересно – не просто тупо на чертежи эти пялился, а видел устройство это, словно наяву. Особливое пристрастие я к оружию начал питать. Хозяин-то тогда как раз штуцер свой многозарядный выдумывал, так я постоянно рядом крутился, смотрел да на ус мотал. И ведь странное дело – вроде бы несколько железок, хитро выточенных да под разными углами соединенных, а после сборки – простейший, но смертоубийственный механизм. Раньше, когда на посиделках в пивнушке инженера́ хозяйские разговоры заводили, про изобретения всякие разные, а Ляксандра Михалыч отвечал им, да этак по-научному, то сидел я пень пнем, чурка чуркой, ничегошеньки не понимая в разговорах этих. Но прошло какое-то время – и стал я замечать, что понимаю я кой-что. А как-то раз даже, увлекшись их спором, сказал что-то. Ну, присоветовал... Левольвер тогда обсуждали, как сейчас помню. Инженера́-то, немчины, на меня вылупились, а Ляксандра Михалыч даже и не удивился совсем. Хмыкнул только, предложенный мной рычажок так и эдак покрутил да говорит: а ведь и верно – с рычажком-то этим лучше выходит! Молодец, говорит, Ерема, светлая у тебя голова!

Ох, как я тогда похвалой хозяйской гордился! Три дня словно мешком стукнутый ходил! Выходит, что и я, простой человек, могу что-нить полезное придумать! И начал я тогда с утроенной охоткой чертежами шуршать да напрямую думать – а нельзя ли здесь что улучшить. Хозяин это рвение мое заметил и опять-таки то ли в шутку, то ли всерьез сказал: а не слабо ли тебе, Ерема, винтовку эту улучшить? Чтобы магазин с патронами отъемный был, для облегчения и ускорения перезарядки, да чтобы механизм самовзводный? А сделать это можно примерно так и так: магазин отдельным девайсом (это у хозяина словечки такие хитрые!), а самовзвод за счет отвода части пороховых газов из ствола.

Крепко я тогда задумался. И ведь вижу – Ляксандра Михалыч сам это придумать может, а может, и придумал уже, но меня проверяет. Заело меня – стал я голову ломать, как все это построить. И так прикину и эдак. По ночам спать перестал, все за столом в своей комнатухе сижу да бумагу порчу. Нормальных-то чертежей у меня не выходило – потому как наука это великая – грамотный чертеж накалякать. А вот рисуночки всяки разные вполне получаться стали. Хозяин увидал – назвал их «эскизами». Не смеялся – просмотрел, поправил кой-чего да «добро» дал на дальнейшую работу. Отъемный магазин-то я быстро придумал – сложного там почти что и ничего – коробочка жестяная да пружинка в ней, чтобы патроны к горловине подавать. Но с самозарядностью винтовки возился я изрядно. И вроде как тоже просто – газы из ствола отводятся по трубке, в трубке поршень стоит да на затвор давит. Но и хитростей много – длину и ширину поршня рассчитать да придумать, как затвор запирать. С расчетом поршня мне старший из братьев Наганов помог, а уж затвор я сам измыслил. С эскизами уже не получалось – так я начал детальки из дерева ножиком вырезать да друг к дружке прикладывать. Хозяин мое рукоделие «полномасштабными моделями» назвал.

И ведь получилось. Как я не умер тогда с перепугу, когда Ляксандра Михалыч со своими инженерáми мою модельку в руках крутил, – один лишь Бог ведает. Три часа они тогда мою выдумку обсуждали. А я сидел ни жив ни мертв, с трудом губы разлеплял, чтобы на уточняющие вопросы ответить.

Но прошло часа три. Исыякли вопросы у инженерóв. И в наступившей тишине подошел ко мне Хозяин, обнял за плечи да и сказал: «Молодец, Ерема, самородок ты мой золотой!» Меня, верите, слеза пробила! А Ляксандра Михалыч к инженерáм обернулся и говорит: оружие это назовем самозарядным карабином Засечного! Сокращенно «СКЗ». Приступаем к изготовлению пробной партии и испытаниям!

Интерлюдия

Лежа за импровизированной баррикадой из наваленных в кучу пластиковых кресел, генерал продолжал бить вдоль коридора короткими, скупыми очередями. Уже не стараясь в кого-то попасть. Просто чтобы показать – он не ушел, он здесь и по-прежнему бдит. Сейчас время играло на него – скоро появится спецназ – свой, родной, или милицейский – это уже не важно. Если не случится чего-либо неординарного – то считай, этот бой генерал выиграл. Впрочем, чужаки уже не лезли напролом, как в первые минуты боя, когда они пытались задавить его массой и нахрапом. О тщетности их усилий свидетельствовали три тела в чудных, похожих на доспехи Робокopa комбинезонах на полу коридора. Одно из тел еще дергалось, но вытащить раненого никто не решался.

Каждые полминуты в наушнике шуршал голос Петровича:

– У меня все тихо. Как сам? Помощь не требуется?

Политов бодро рапортовал о неизменности тактической позиции. От помощи отказывался. Сидящий в палате, у кроватей Олега и Димы, Дорофеев представлял собой последний рубеж обороны, контролируя не только тупиковую часть коридора, но и окна.

А все-таки они слабаки, эти гости из будущего, подумал Политов. Им бы сейчас прижать меня в три-четыре ствола да выйти на дистанцию гранатного броска. И всё, привет! Но для этого нужно высунуть нос из-за угла, на простреливаемый участок, а у них, видимо,

кишка тонка. Хотя с подготовкой вроде бы все в порядке. Генерал покосился на рваные дыры в сиденьях кресел. Стреляли чужаки достаточно точно.

Может быть, слишком рано Политов решил, что победил. Сглазил, как говорится. Или недооценил противника. Но в следующий момент фигуры в фантастической броне хлынули на него из дверей ближайших палат. Как они там очутились – теперь можно было только догадываться. Могли тихонько пробить тонкие межпалатные стенки. Могли спуститься с крыши на веревках.

Почему они для начала гранаты не кинули, успел подумать Политов, давя на спусковой крючок автомата. Длинная очередь смела первый ряд атакующих, потом патроны в магазине кончились. Краем уха генерал слышал дикий мат Петровича и голос его «калаша». И до него добрались, суки, выдохнул Политов, пытаясь подняться навстречу чужакам – сменить рожок он уже не успевал. Ближайший к генералу боевик взмахнул зажатой в кулаке хреновиной, похожей на короткую дубинку, голова взорвалась болью, а потом... «абонент находится вне зоны доступа!» – черное безмолвие за границами сознания...

Глава 9

Рассказывает Дмитрий Политов

Стоящий на краю стола новомодный агрегат – селектор издал мелодичную трель. На палисандровой панели зажглась красная лампочка вызова.

Чертыхнувшись – как не вовремя: мне как раз удалось вспомнить схему трехступенчатой турбины Парсонса и я старался запечатлеть ее на бумаге, – отбросив карандаш и отложив линейку, я прижал клавишу из натуральной слоновой кости и буквально рыкнул в микрофон:

– Какого хрена?!!

– Александр Михалыч, извините, – донесся из динамика слегка напряженный голос моего секретаря, – но к вам посетитель без предварительной записи. Говорит, что по очень важному делу.

– И что ему надо?

– Э-э-э-э... – замялся секретарь.

Я догадался, что говорить открыто парень опасается. Видимо, загадочный посетитель стоял у него над душой.

– Ладно, Саша, зайди, доложи подробно! – пришел я на выручку своему сотруднику.

Через несколько секунд дверь кабинета приоткрылась на две ладони, и в эту узкую щелку просочился секретарь Саша – молодой человек приятной наружности, которого я полгода назад вырвал с третьего курса Петербургского университета, соблазнив большим окладом денежного содержания. К своим двадцати годам Александр подавал большие надежды на поприще естественных наук. К счастью, Саша не знал, что, поступив ко мне на работу, он спас свою жизнь.

– Александр Михалыч, – я впервые видел этого юношу растерянным, – к вам на прием просится какой-то гусар. Но ведет себя странно – вроде бы не пьян, а глаза шальные. Я уж Ереме мигнул, чтобы присмотрел за сим субъектом. А то как бы околоточного вызывать не пришлось...

– Ну а чего он говорит-то? – усмехнулся я, доставая из кипарисового хьюмидора¹⁰⁷ гаванскую сигару ручной сборки. Раз уж все равно от дела оторвали, так хоть перекурю. Блин, напугала голая жопа ежа! Странный гусар! С бодунища небось мучается да во время ночной игры в штос проиграл кучу денег и родовое именище под Тамбовом. И сейчас будет

¹⁰⁷ Ящик для сигар, снабженный увлажнителем.

просить на опохмелку. Таких придурков я за последние три года навиделся – совершенно никчемные люди, а гонору, гонору... А вот интересно, какой повод для взаимовспомоществования этот типчик придумает? Если будет что-то оригинальное – дам три рубля, если нет – прикажу с лестницы спустить. И не посмотрю, что Рюриковых кровей!

– Сказал, что пришел от Юстаса! – выпалил Александр. – Сказал, мол, твой хозяин Александр. Сиречь – Алекс. Вот я и пришел к Алексу от Юстаса!

– Чего? – оторопел я. «Белочка», что ли, гусара посетила? А потом до меня вдруг дошло...

– Зови его сюда немедленно!!! – заорал я.

Ошалевший Александр опрометью кинулся из кабинета, опять каким-то сложным маневром умудрившись просочиться в узкую щель.

А вот мой гость не стеснялся! Дверь распахнулась настежь. Импульс к открытию явно был придан с помощью ноги. Сияя какой-то сложной, восхищенно-радостно-развязной улыбкой, в кабинет вальяжно вошел молодой темноволосый парень. Видок у него был... Обсыпанный блестками светофор можете представить? На ногах молодого человека были натянуты ярко-красные лосины, прошитые по швам золотой тесьмой. Поверх синего доломана, сплошь расшитого золотой канителью, небрежно накинут ментик с меховой оторочкой. Голову молодца венчал красный кивер, с золотой кокардой и золотыми же витыми шнурами. Высокие кавалерийские сапоги сверкали, словно антрацит.

«Интересно, в каком полку носят эту клоунскую форму?» – пронеслась по задворкам сознания шальная мысль. Я с жадностью рассматривал посетителя, пытаюсь найти в нем знакомые черты. Ибо этот незамысловатый условный код с Алексом и Юстасом был придуман дедом на случай... Да просто на всякий случай!

Но ничего знакомого в облике гостя не просматривалось. Поручик сделал несколько шагов вперед, остановился точно в центре текинского ковра.

– У вас продается славянский шкаф? – звучным баритоном поинтересовался гусар, кокетливым жестом наматывая на палец кончик свисающего с кивера шнура.

– Шкафа нет, осталась только никелированная кровать! – на одном дыхании выпалил я.

– С тумбочкой? – уточнил гусар.

– С тумбочкой... – кивнул я, резко вставая. Откинутое кресло с грохотом рухнуло на паркет. Во входной проем заглянул Еремей. Я успокаивающе кивнул Засечному, и он бесшумно закрыл дверь.

– Ну и что же ты не угощаешь дорогого гостя? – капризным тоном спросил гусар. – Сигарами гаванскими балуешься, а может, у тебя и ром соответствующий к ним есть?

– Деда, неужели это ты? – У меня перехватило дыхание.

Гость торопливо оглянулся по сторонам. Потом его лицо приняло серьезно-озабоченное выражение. Гусар по периметру обошел кабинет, проверив, плотно ли закрыта дверь и не прячется ли кто за гардинами и в шкафу.

Закончив обход, пришелец ОТТУДА скинул кивер прямо на ковер, пригладил ладонью влажные волосы и, подойдя ко мне вплотную, полупшепотом сказал:

– Нет, Димка, дед твой ТАМ остался! А мне вот пришлось... – парень вздохнул, – ёшкин дрын, да меня же ТАМ убили!!!

– Петрович? Дядя Илья? – догадался я. Словосочетание «ёшкин дрын» было любимым выражением генерал-майора ГРУ в отставке Дорофеева.

– Он самый, Димка! – радостно осклабился гусар. – И что самое удивительное – во плоти!

Мы крепко обнялись. С доломана отлетело несколько мелких пуговиц. В глазах Дорофеева блеснули слезы. Чтобы скрыть их, дядя Илья небрежно махнул рукавом и с нарочитой грубостью сказал:

– А ты совсем барином заделался! Весь в белом! Золотая цепь на пузе! В приемной секретарь с замашками пидора! А может, ты и сам тут уже того... А?

Я громко засмеялся – Петрович был в своем репертуаре. Хлопнув по плечу старого

соратника деда, я предложил ему присесть, а сам прошел в угол кабинета, где на массивной дубовой подставке покоилось «чучело Земли» – глобус. С Ильей Петровичем Дорофеевым меня связывала долгая дружба. Еще с тех времен, когда я пацаном тихонько сидел в углу комнаты, а за накрытым столом, сняв галстуки и расстегнув до пупа рубашки, сидели матерые разведчики, вспоминая удачные акции и поминая погибших товарищей. Вся «старая банда» деда – его закадычные товарищи-напарники – считала меня кем-то вроде «сына полка».

Подойдя к глобусу, я нажал на изображение острова Хоккайдо. Петрович внимательно следил за моими манипуляциями. Верхняя половинка сферы откинулась, открыв забитый разнокалиберными бутылками мини-барчик, а по-здесьнему – погребец. Жестом фокусника я извлек бутылку настоящего ямайского рома и два толстостенных стакана.

– Пару кубиков льда? – улыбнулся я. Петрович тоже улыбнулся – это была старая шутка. Она пришла из тех времен, когда старший лейтенант Дорофеев служил на Кубе советником. От их «точки» до ближайшего кусочка льда было несколько сот километров. А вот рому, настоящего ямайского рому было хоть залейся.

Я щедро плеснул в стаканы и пододвинул Дорофееву открытый хьюмидор. Петрович неторопливо сделал большой глоток, смачно и одобрительно хмыкнул, допил остаток, занюхал рукавом и, поставив стакан на краешек стола, достал сигару.

– На твой основной вопрос отвечу! – ухмыльнулся я, по примеру старшего (какая разница, что он выглядит сейчас на десять лет моложе меня?) товарища устраиваясь в кресле и закуривая. – Для целей сугубо санитарно-гигиенических держу двух горничных. Недавно даже обучил их новомодному «ля минетту»!

Дорофеев заржал в голос.

– А по поводу сексуальных пристрастий своего секретаря ничего конкретного сказать не могу, – продолжил я, – потому как в реальной истории он так и умер девственником!

– Кого это ты к себе в услужение взял? – знакомо прищурился Петрович. Несколько странно было видеть «фирменный» дорофеевский прищур на совершенно незнакомом лице. – Ну-ка, не подсказывай – я догадаюсь. По виду – домашний мальчик из хорошей семьи, получивший классическое воспитание, не дурак – дурака бы ты не взял, смотрит смело... отзывается на имя Александр... Ёшкин дрын! Уж не Александр ли Федорович Керенский у тебя в приемной секретарствует?

Я подавился ромом, расхохотавшись над этим предположением!

– Окстись, Петрович! Керенскому¹⁰⁸ сейчас должно быть шесть лет!

– Блин, да у меня по этой вашей истории с географией завсегда в школе трояк был! – тоже рассмеялся Дорофеев. Но в глазах его мелькнуло что-то такое... И я понял, что Петрович уже давно угадал фамилию моего сотрудника, а нелепое предположение про Керенского – просто шутка!

И старый разведчик немедленно подтвердил мою мысль, спросив:

– А младшего брата своего секретаря ты на какую должность пристроишь? Ему же сейчас должно быть семнадцать годков?

– Не знаю, не придумал еще! – ответил я. – Может быть, пушу дело на самотек – теперь ему мстить будет не за кого!

Мы посмеялись над старым анекдотом – было отчего – секретарем у меня работал Саша Ульянов¹⁰⁹.

– Ну так что там у вас стряслось? – посерьезнел я. – Как там дед?

– С дедом твоим все в порядке, – ответил Дорофеев, пуская клубы дыма. – А случилось

¹⁰⁸ Керенский Александр Федорович (1881–1970) – видный российский политический и общественный деятель; министр, затем министр-председатель Временного правительства.

¹⁰⁹ Ульянов Александр Ильич (1866–1887) – революционер-народоволец, старший брат В.И. Ленина.

то, что и должно было случиться, – на нас вышли ребятки из будущего! Поначалу-то все шло достаточно цивилизованно – они прислали пару разведчиков, чтобы выяснить, у кого находится мнемотранслятор.

– Это тот прибор, который я...

– Да, тот компьютер, который ты у пришельцев увел. Одним из засланцев и был тот самый Леонид, допустивший утечку информации и потерю прибора. Его мы аккуратно взяли. Кстати, он оказался старым знакомцем Альбертыча – пересекались они в семидесятых годах. Второму засланцу удалось уйти. А пойманный нами доктор Фалин пояснил, что это был представитель ихних правоохранительных органов. Полицейский, короче...

– Серьезно за нас взялись! – хмыкнул я.

– Это еще цветочки, – ухмыльнулся Дорофеев, – ягодки впереди! На допросе Фалин рассказал много интересного об инспирируемых Институтом Времени операциях. А также методах, целях, базах данных, дислокации стационарных постов наблюдения и прочих интересных вещах.

– Иголки под ногти? – улыбнулся я.

– Отнюдь! Сам, совершенно добровольно! И оказалось, что инфу твоему другу он слил совершенно осознанно. И мнемотранслятор тебе упереть не препятствовал тоже специально!

– Зачем ему это было нужно? – удивился я.

– Отговорился несогласием своих личных воззрений с общей политикой института и ООН. ООН в их времени полностью подмяли под себя американцы. Они там вообще почти всем заправляют. А Фалин вроде как патриот России. Переговорил с твоим другом, понял, что тот человек знающий и решительный. И пошел на авантюру.

– Во как!

– А после неудачной попытки иновремян последовала попытка силового захвата ваших тушек! Прости, ваших бессознательных тел.

– Наши тела-то им на хрена?

– Скорее всего, они решили с их помощью шантажировать тех, в чьих руках мнемотранслятор. Очень им нужно сей драгоценный приборчик вернуть. Но Фалин нас о таком развитии событий предупредил. И мы в самой клинике посменно дежурили. Держа под рукой автоматы. Однако такого массированного вторжения не ожидали. В общем, заварушка вышла славная. Альбертыч коридор держал, а я непосредственно у коек сидел. Двоих-троих боевиков Альбертыч завалил и тянул время, ожидая приезда спецназа. Но каким-то хитрым макаром пришельцы его позицию обошли. Вроде как межпалатные стены проломили. В нашу палату сунулись – я одного завалил, а они в ответ шокую гранату кинули. Она вроде как безосколочная, но привела к детонации баллона с кислородом. Другу твоему маленький осколок в висок попал – наповал. Теперь ему возвращаться некуда. Твое-то тело почти не пострадало, а меня только что не пополам разорвало. Всю требуху в ключья. Но тут родной спецназ ГРУ пожаловал – иновременных боевиков быстро перешелкали. Вояки они так себе! Альбертыч в схватке по башке получил, но оклемался быстро. Посмотрел на меня, а я все время в сознании был, понял, что я не жилец, и говорит: «Петрович! Готов и после смерти России послужить?» – «Готов!» – хриплю я. Ну, Володя быстренько сбегал к тайнику, принес мнемотранслятор. Пока бегал, меня какая-то сестричка уже перевязывать собралась. Я ей еще говорю: милая, ты сначала мои кишки с пола собери! Какие у нее глаза были, ты бы видел! Альбертыч всех из палаты выгнал, настроил прибор, а мы ведь заранее несколько кандидатур подобрали, ну и вот я здесь!

– Да, дела... – протянул я.

Сходил к погребцу, нашел бутылку водки, налил по полстакана. Мы молча, не чокаясь, выпили, поминая безвозвратно утраченные тела Олега и Петровича. Значит, теперь назад дороги нет!

– Ну что ж, дядя Илья... С прибытием на место постоянной службы! Как мне тебя звать-величать?

– А я не представился? – вскинулся Дорофеев. – Ёшкин дрын! Досадная оплошность!

Петрович вскочил, отвесил шутовской поклон и четко оттарабанил:

– Корнет лейб-гвардии гусарского полка Владимир Петрович Шенк. Если точнее – фон Шенк. Остзейский барон. 23 года. Не женат. За четыре года службы – 18 дисциплинарных взысканий! Бильярдист, картежник, пьяница и бабник. Просадил почти все наследство. Прошу любить и жаловать!

Дорофеев сел и добавил уже нормальным тоном:

– Прости за это фиглярство! У меня после переноса в новое молодое тело состояние такое... словно я внутри пустой и меня гелием накачали! Легкость необыкновенная! Хочется бегать, прыгать, орать! И бабу!!!

Мы снова заржали.

– Слушай, Петрович... ой, простите, господин барон! А не рвануть ли нам в кабак? – полушутя-полусерьезно сказал я.

– А я все ждал, когда ты это предложишь! Экий, думаю, купец-миллионщик негостеприимный! – погрозил пальцем Дорофеев. – Да, ёшкин дрын, с удовольствием!

Под удивленным взглядом Ульянова мы с Петровичем вышли из кабинета. Предупредив Сашу, что мы в кабак, я сполна наслаждался гаммой чувств, проступивших на лице моего секретаря. Ну как же! Чтобы начальник посреди рабочего дня срывался с места! Да еще с таким подозрительным гостем! А вот Ерема даже бровью не повел! Думаю, что прикажи я устроить погром или поджечь Нижний с трех концов – Засечный просто молча наточит топор да проверит – есть ли сухие спички!

Сев за излюбленный столик в давно облюбованном ресторане «Светозар», мы с Петровичем заказали огромное количество разнообразных блюд. Правда, старался в основном именно Дорофеев.

Махнув пару рюмок настоящей на лимонных корочках водки и набив рот закусками, Петрович пояснил:

– Я здесь уже третий день обретаюсь, но вот пожрать нормально – первый раз сподобился! Гусар этот хренов – гол как сокол. Все деньги в карты спустил, зар-р-р-раза! А тут еще такие разносолы!

– Так чего сразу ко мне не пришел?

– Так перенос застал Шенка в пути, а пока я до тебя добрался...

– Ага, понятно. Слушай, Петрович, а вот интересно, чего эти иновремяне три года валандались? Прежде чем к активным действиям приступить?

– Почему три года? – удивился Дорофеев, с трудом отрываясь от растерзания блюда с печеночными тарталетками. – У нас после твоей отправки всего месяц прошел! Где-то через неделю они ваши тела обнаружили, еще через неделю Фалин с полицейским пожаловали, а еще через две – их боевики.

– Так выходит, что вы с дедом про мои последние подвиги не знаете?

– Почему это не знаем? – улыбнулся Петрович. – Очень даже знаем! И про твои, и про подвиги Олега! На мнемотрансляторе есть функция перемотки! Когда мы Фалина поймали, он нам все функции подробно объяснил! Вовсе не обязательно смотреть все подряд! Так что... твои успехи оценены по достоинству! Да и Олеговы тоже! Ты бы видел, что твой друг в Японии учудил! Теперь война практически неминуема!

– Но если... вы могли заглядывать в будущее этой реальности, то наверняка видели, чем все дело закончилось? – сообразил я. – Ну, в смысле наше общее дело? Куда мы привели страну?

– Э нет! – помотал головой Дорофеев. – Мы хотели, но ничего не вышло! Заглянуть можно лишь на три года четыре месяца и пять дней. Дальше – хрен! Фалин сказал, что это связано с вариативностью вновь созданного бифуркационного узла первого порядка! Не смотри на меня так! Я просто цитирую по памяти, совершенно не понимая смысла этой ахинеи! Вот переместится Фалин сюда – можешь его наизнанку вывернуть!

– Так и он сюда собрался? – опешил я.

– И не только он! – огорошил Петрович. – Мы вообще целую экспедицию собрали!

После того, как узнали, что вы тут своими изменениями напрямую на будущее влияете! Нет никаких параллельных миров и «ветвящегося» времени! Просто последствия ваших действий на будущем отражаются не сразу. Идет что-то типа волны изменений.

Вывалив на меня эту информацию, Петрович, чтобы отдышаться, махнул еще одну рюмочку лимонной и решительно придвинул к себе очередное блюдо. А я задумался. Выходило, что наша авантюра перерастает во что-то более значительное, нежели нам представлялось вначале.

– Значит, мне в ближайшее время следует ждать нашествия добровольных помощников? – уточнил я, уже мысленно прикидывая, куда мне пристроить этих людей.

– Ну, с нашествием – это ты погорячился! – хмыкнул Дорофеев, мужественно расправляясь с канапе из слабосоленой семги, приправленной тонким соусом. – Хотя... когда суть дела дошла до... – Петрович ткнул пальцем в потолок, – самого верха, было предложено задействовать любые силы и средства.

– Что, прямо-таки с САМОГО верха команда прошла? – Я поднял руку, изображая высоту этого «верха».

– Ну, не совсем уж с самого... – немного смутился Петрович. – В общем... информация дошла до уровня начальника Пятого управления¹¹⁰. А он, хоть и бывший мой ученичок, выше эту информацию не пропустил. Побоялся, что за идиота примут. Или по какой-то другой причине – сейчас не в этом суть! Но с оперативной поддержкой все же помог. Хотя и на почти общественных началах.

– Угу... – кивнул я.

– Что «угу»? – рассердился Дорофеев, видимо, в отношении со своим бывшим учеником у него некий казус произошел. – Нам и такая помощь весьма пригодилась! Однако, поскольку официально мы никакие госструктуры не представляем – вся подготовка, и техническая и кадровая, была отдана непосредственно Альбертычу. Дед твой уже намеревался чуть ли не целый полк тебе в помощь направить... Однако Фалин быстро охладил наш пыл, пояснив, что пропускная способность мнемотранслятора всего 8 человек. И связано это с оперативной памятью прибора – он ведь портативный. От этой печки и пришлось плясать! Вот и выходит: Олег – первый, ты – второй, я – третий. Остается пять мест. И одно из них оговорил себе Фалин. Ну и последним пойдет Альбертыч. Так что...

– А если вернуть нас с Олегом, а на наше место каких-нибудь ученых-академиков, инженеров с мировым именем, что чертежи ядрён-батона в голове держат? Или талантливых администраторов-хозяйственников?

– Мы думали над этим... – кивнул Дорофеев, – однако ничего не выйдет! На ваше место в головах Николая и Рукавишникова уже больше никого не вставить – мозг носителя не выдержит повторной установки матрицы. Тем более – матрицы другого человека. А найти других реципиентов... Так вы с Олегом прекрасно справляетесь и уже много сделали, а другим с чистого листа начинать. Да и время упущено. Бифуркационный узел пройден.

Я кивнул, искренне радуясь такому повороту. Предложить замену-то я предложил, чего не сделаешь ради блага Родины. Но внутренне изрядно напрягся – все-таки я уже сроднился с этой эпохой, да и просто жалко было оставлять на чужого дядю хорошо поставленное дело.

– Ага, вижу – глазки заблестели! – весело хмыкнул Петрович. – Ты эту кашу заварил – тебе ее и расхлебывать! Никто за тебя ложку держать не будет, но поддержать тебя еще парой-тройкой ложек, а то и целым половником мы вполне можем! А гуртом, как известно, и батьку бить легче!

– Так куда мне вас пристроить? – призадумался я. – Пойдешь ко мне начальником службы безопасности? А деда мы на промышленную разведку поставим!

– Э нет, милай! – подмигнул Петрович. – Не в твою дружину, боярин, мы вольемся! Ты думаешь, я в тело этого корнета сдуру влез? Слово других реципиентов не было? Нет,

¹¹⁰ Управление оперативно-тактической разведки ГРУ ГШ РФ.

Димка, мы все продумали – здесь и сейчас надо разведку и контрразведку поднимать. Вот мы с твоим дедом этим и займемся! Но из окружения твоего друга Олега. А чтобы офицерская кастовость в работе не мешала, мы и взяли носителями хоть и глупых, но перспективных и с обширными связями!

– Ну вы и хитрованы! А Фалина куда?

– Фалин в советники к цесаревичу пойдет! Все прокрутим, дай только Олегу-Николаю из круиза вернуться!

Я задумался – идея была неплохой! Действительно, с разведкой, особенно агентурной, здесь сейчас полный швах. Но человек со стороны на посту начальника ГРУ будет воспринят офицерским корпусом в штыки. А если возглавят его люди «свои в доску»... Жаль только, что дед будет от меня далеко. Впрочем... сейчас-то он еще дальше, а как переместится сюда... да пусть он в Питере сидит, а я в Нижнем! Поезда уже ходят, и даже вполне регулярно! Захотим повидаться – сделаем!

– Ну чего пригорюнился? – усмехнулся Дорофеев. – Жалеешь, что упустил двух спецов по агентурной и промышленной разведке? С сорокалетним стажем? А к ним в придачу доктора исторических наук, прекрасно изучившего политические процессы XIX–XX веков и помнящего наизусть всех мало-мальски значимых персонажей этого периода? Не куксись – для тебя приготовлен специальный приз! Будет тебе инженер! И хозяйственник!

– И кто это будет? – с жадностью спросил я.

– А! Загорелись глазки! – радостно рассмеялся Дорофеев. – С трех раз угадаешь?

– Инженером – Михаила Тимофеевича! – выпалил я одним духом, примерно представляя, что будет, если я заполучу Самого.

– Калашникова?¹¹¹ – фыркнул Петрович. – Однако! Губа не дура! Нет, не угадал, хотя его кандидатура рассматривалась. Но мы решили, что со «стрелковкой» ты и без него вопрос решишь. На тебя уже Наганы работают, да и этот самородок твой – Ерема Засечный – тоже неплохо себя проявил. А что они изобрести не смогут – ты «вспомнишь»...

– Ну, если так рассуждать – так у меня вообще никаких проблем нет! – разочарованно протянул я. – Я тут вкалываю, как папа Карло, без продыху и просыпу! Тьфу! Недосыпаю, короче! Дичайший кадровый голод!!! Я же, блин, вообще не инженер! А вокруг меня сплошь технические гении собрались! И периодически с подковыркой спрашивают: а эту хрень, Александр Михалыч, вы откуда взяли? Ах, из головы выдумали? Ну-ну...

Уловив насмешливый взгляд Дорофеева, я поперхнулся и смолк на полуслове. Петрович сочувственно покачал головой.

– Выпустил пар? На-кась вот, прими, не пьянства ради, а исключительно для лечения нервов! – Петрович чуть не силком влил в меня полный лафитный стакан¹¹² коньяку. Меня слегка повело. А Дорофеев продолжил: – Вот и видно, что не инженер ты! Сейчас не винтовки решать будут. Винтовки – частность! Решать будет наличие тяжелой промышленности. Первые шаги в этом направлении ты уже сделал – неплохой сталеплавильный комбинат отгрохал!

– Да какой там сталеплавильный! – уже немного заплетающимся языком возразил я. – Через два месяца с конвейера сойдет первый в мире серийный автомобиль! Серийный, Петрович!

– Да ты что! – восторженно воскликнул Дорофеев. – Если так, то поздравляю! Как назвали?

– Обещай, что не будешь смеяться! – попросил я Петровича. Дорофеев кивнул, но в его глазах уже заплясали бесенята. – Назвали «Жигулями»! А легкий грузовик будет зваться

¹¹¹ Калашников Михаил Тимофеевич (род. 1919) – выдающийся российский конструктор-оружейник.

¹¹² Лафитный стакан (лафитная рюмка, лафитник) – посуда для подачи лафита, подогретого красного вина, емкостью 125–150 мл.

«Самара».

Несмотря на обещание, Петрович тут же залился оглушительным смехом. Как я посмотрю – его в новом теле все время на «ха-ха» пробивает. Гормоны гуляют?

Отсмеявшись, Дорофеев вытер выступившие слезы и со значением произнес:

– Да, это не хухры-мухры! Это повод выпить!

Я торопливо подставил рюмку, потому как Петрович снова примерился к уже полюбившемуся лафитнику. Мы со вкусом выпили и закусили. Однако, прожевав, Дорофеев продолжил:

– Да только автомобиль твой – кусок железа, пусть и рационально отформованный! А вот на чем движок его работает?

– Как на чем? На бензине, ясно дело! – с пьяной обидой в голосе воскликнул я. – У меня в Стальграде специальный цех работает! Куб перегонный, все дела... Шесть бочек неплохого бензина в сутки!

– Сколько-сколько? – изумился Петрович. Но я, уловив в его тоне издевку, предпочел не отвечать. А Дорофеев, подмигнув, веско сказал: – Да, шесть бочек – это круто! Это круче, чем вообще ничего! На сколько машин того бензина хватить? Ась? Молчишь? А про крекинг нефти ты слышал?

– Вот только не надо, Петрович, меня азами долбить! – возмутился я. – Нашелся, блин, специалист! Ну слышал я про крекинг! А ты слышал – в каком году этот долбанный крекинг изобрели, да в какой стране? Да мне даже Менделеев сейчас помочь не может! Нет здесь и сейчас квалифицированных химиков-технологов!

– Так вот к этому, Димка, я и вел! – Удовлетворенно улыбнувшись, Петрович откинулся на спинку стула и скрестил на груди руки. – Тебе сейчас не Калашников нужен, а грамотный инженер-химик! Да не простой рядовой инженер, а человек, способный на голом месте химкомбинат построить. Полного цикла.

– И такой человек у тебя есть? – недоверчиво хмыкнул я.

– И такой человек у меня есть! – победно улыбнулся Дорофеев. – Горегляд Афанасий Иванович. 93 года, пенсионер. До сих пор пребывает в твердом уме и ясной памяти. Коллекционирует радиолампы. Но ценно в нем не это... С 1961 по 1984 год Афанасий Иванович был главным инженером Чернореченского химкомбината, что располагается в славном городе Дзержинске. А до того товарищ Горегляд работал на том же комбинате, последовательно занимая должности от разнорабочего до начальника цеха.

– Чернореченский химкомбинат? – призадумался я. – Это случайно не комбинат «Корунд»?

– Он самый! – кивнул Дорофеев.

– Дык... там вроде бы искусственные кристаллы выпускали, для лазеров и часов, – припомнил я. – Зачем нам здесь такая продукция? До производства лазеров – как до Луны раком, а собственная часовая мастерская у нас совсем маленькая. Много часов здесь не нужно – потребление этого товара очень ограничено.

– Ну ты даешь! – восхитился Петрович. – Темнота! А кроме кристаллов, на комбинате выпускали аммиак, полиизоцианат, динатрийфосфат, сульфат аммония, сернистый ангидрид, тринатрийфосфат. Тьфу, чуть язык не сломал! И еще краски, стиральные порошки, карбамид, карбид кальция, нашатырь, фосген, пенополиуретан. Мало тебе этого? Что такое «большая химия», Горегляд знает не понаслышке! Ну, годится такой кандидат на перенос?

– Спрашиваешь! – покачал я головой. – Неплохое подспорье! Чувствую, что и второй «доброволец» меня не разочарует?

– А то! – хитро подмигнул Дорофеев. – Держись за стул крепче! Вторым по счету, но не по значимости пойдет Григорий Васильевич Романов!¹¹³

Я не понял дорофеевского пафоса, о чем честно Петровичу и сказал.

¹¹³ Романов Григорий Васильевич (1923–2008) – советский государственный и партийный деятель.

– Эх, молодежь! – укоризненно погрозил пальцем Дорофеев. – Таких людей не знают! А ведь Романова в свое время на должность генсека прочили, но Черненко перехватил! А то, глядишь, до сих пор при советской власти бы жили... Устроили бы реформы наподобие китайских... – Петрович расстроено вздохнул и с горя махнул еще рюмочку коньяку.

А я, кажется, начал понимать – что за человека прочат к нам в помощники.

– Э-э-э, Петрович... А не тот ли это мужик, что питерским горкомом рулил?

– Он самый! – кивнул Дорофеев. – Только не питерским, а ленинградским!

– Так он же вроде бы администратор, а не инженер!

– Он, Димка, не простой администратор, а как бы сейчас сказали – кризисный менеджер. самого крупного калибра! Почти двадцать лет управлять таким большим городом, как Ленинград, – это многого стоит! И управлять твоим Стальградом для него – словно микроскопом гвозди заколачивать! Есть для него достойный его опыта и умения проект... Не догадываешься какой?

– Петрович, я что, провидец, что ли? – усмехнулся я. – Тут сейчас столько проектов можно учудить, начиная от строительства Транссиба до... – Тут до меня доперло, для чего потребовался крупный антикризисный менеджер. – Неужели?..

– А говоришь – не провидец! – расхохотался Дорофеев. – Именно, Димка, что Транссиб!

– Блин, Петрович, но мне сейчас реально такой проект не потянуть! Химкомбинат еще туда-сюда... наскребу денег по сусекам. А сколько бабла в Транссиб вбухать придется?

– А я что-то не припоминаю, чтобы в реальной истории Транссиб строился на деньги купца-миллионщика Рукавишникова! – хитро прищурился Дорофеев. – Но и отдавать такое дело на откуп чиновникам-казнокрадам мы не будем! Создадим акционерное общество! А Романова – управляющим над всем! Работой, финансами, связями с общественностью!

– Дык... ежели акционерное общество будет, то фиг акционеры позволят на должность управляющего незнакомого человека поставить, будь он хоть семи пядей во лбу!

– А кто сказал, что человек будет незнакомый? – снова хитро прищурился Петрович. – А если это кто-то из великих князей будет? Ты знаешь, сколько среди них потенциальных реципиентов?

– Ну, судя по отзывам современников – вагон с тележкой!

– Вот! – удовлетворенно кивнул Дорофеев. – Так что найдем кандидата, не беспокойся!

– А пятый кто? – мысленно загнув пальцы, спросил я.

– Какой пятый? – Мой вопрос Петровича огорошил.

– Ну, ты сказал, что после переноса меня, тебя и Олега осталось пять мест. А перечислил Фалина, деда, Горегляда и Романова. А кто пятый?

– Да... есть еще одно направление, где без «вселенца» не обойтись! Догадываешься какое?

– Два великих союзника России? Ее армия и ее флот? – пошутил я.

– Маладца! – одобрительно кивнул Дорофеев. – Стратегически мыслишь!

– Не понял! – удивился я. – Вы что, хотите сюда какого-нибудь генерала от инфантерии перетащить? Или майора спецназа? Или...

– Эх, рано я тебя похвалил! – перебил меня Петрович. – Стратегически ты правильно подумал – России непременно понадобятся современная армия и современный флот. Причем – в организационном плане. Ведь сколько ни дай армии винтовок и пулеметов, а флоту – броненосцев, неумение этими ресурсами пользоваться сведет все преимущество на нет. Дружок твой Олег – он кто по первому образованию? Инженер-нефтехимик! Но несколько горячих точек прошел и, в принципе, знает, с какого конца из оружия пули вылетают. Однако для организации регулярной армии таких знаний маловато! Ну сумеет он обучить новым тактическим приемам пару полков. Реализует концепцию стратегической кавалерии... А дальше?

– Что, у него советников мало? – обиделся я за Олега. – Грамотных военных, предлагающих новые организационные структуры, тактику и логистику, сейчас хватает –

надо их найти и расставить на ключевые места.

– Правильно! – согласился Дорофеев. – Армию Олег построить сможет, помощников по этому делу действительно много. А флот?

– А что флот?

– Кто подготовит флот для эскадренных сражений? Сумеет построить базы? Сформулирует техническое задание военно-промышленному комплексу на новое вооружение? И сумеет потом под это вооружение построить тактические схемы и обучить этим схемам экипажи?

– Ну... дык... адмирал Макаров!¹¹⁴

– Он еще не адмирал! В настоящее время Степан Осипович всего лишь командир корабля. Да, он, безусловно, весьма талантливый военный моряк. В будущем – прекрасный флотоводец. Но флот нужно начинать создавать уже сейчас! А еще лучше было бы начать вчера! Но завтра – точно будет поздно! Опять понастроят бестолковых коробок, призванных во время боевых действий подпирать стенки причалов. А экипажи? Единственное, на что они сгодятся, героически погибнуть, не спуская славного Андреевского флага!

– Ладно, Петрович, не кипятись! – Я примирительно капнул в рюмки коньячку. – Понял я, понял – на флоте нам нужен свой человек. И кого вы нам приготовили – Кузнецова¹¹⁵ или Горшкова¹¹⁶?

– Зря лыбишься! – усмехнулся на мою незамысловатую шутку Дорофеев. – Были бы они живы... Прекрасно бы на эту роль подошли. Особенно Сергей Георгиевич! Я его лично знал – отличный был мужик. Но не судьба...

– А других прославленных флотоводцев современности я что-то не припомню! – продолжал прикалываться я.

– А нам прославленный флотоводец и ни к чему! Любой кандидат из уже действующих командиров крупного ранга поневоле начнет переносить на новую почву все ошибки и недочеты сложившейся на начало XXI века управляющей системы. А нам нужен человек непредвзятых взглядов. Да еще и знающий историю флота и флотских вооружений. К тому же желательно, чтобы он был достаточно молод, чтобы мозги у него не заплесневели. Поэтому мы решили пригласить для участия в нашем грандиозном проекте одного твоего старого знакомого... Ну, порадуя старика точностью аналитики – угадай-ка – кого!

Я быстренько прикинул варианты. Собственно, мареман среди моих знакомых был всего один. Да, молодой... да, знающий историю флота... да что там – знающий! Он этой историей просто бредил! А еще я ценил его как человека, твердо знающего свою цель и идущего к ней со всей целеустремленностью. Но без «бараньей» упертости. Было даже несколько странно, что в славном Военно-морском флоте Российской Федерации он сумел дослужиться всего лишь до звания капитана второго ранга. И по последним слухам, которые дошли до меня до переноса, собирался уходить в отставку. Но чем черт не шутит? Тем более что и дед, и Дорофеев прекрасно этого парня знали – он был сыном одного из их сослуживцев.

– Неужели Серега Платов? – стрельнул я догадкой.

– Ну, голова! – восхитился Петрович. – Угадал-таки! Именно что Сережка! Тем более что семьей-детьми он так и не обзавелся. Да и после увольнения в запас пребывает в состоянии некоторой обалделости от гражданской жизни.

– Ладно, раз уж вы все рассчитали, продумали – спорить не буду. Да и человек он

¹¹⁴ Макаров Степан Осипович (1849–1904) – русский флотоводец, океанограф, полярный исследователь, кораблестроитель, вице-адмирал, создатель русской семафорной азбуки.

¹¹⁵ Кузнецов Николай Герасимович (1902–1974) – главком РККФ, Адмирал Флота Советского Союза, Герой Советского Союза.

¹¹⁶ Горшков Сергей Георгиевич (1910–1988) – главком ВМФ СССР, Адмирал Флота Советского Союза.

хороший. И в чью голову вы его хотите запихнуть? Кастовость во флотской среде покруче армейской будет!

– А вот в этом вопросе мы были полностью единодушны! – улыбнулся Дорофеев. – В самую главную на нынешний текущий момент флотскую голову!

– Неужели в самого генерал-адмирала? – оторопел я.

– В него, родимого! – Удовлетворенный моей реакцией, Петрович не преминул разлить по рюмкам. – Он, правда, еще не получил клички «Семь пудов августейшего мяса»¹¹⁷, но вполне этому соответствует! А так мы сразу двух зайцев убиваем – наш человек занимает самую верхнюю ступеньку флотской иерархии, причем одновременно устраняется угроза лоббирования со стороны императорской семейки!

– Ну вы, старики, круто задираете! – восхитился я. – А не боитесь, что Сережка, в одночасье перемещенный из кап-два на высшую флотскую должность, элементарно возгордится?

– Ты ведь не возгордился? – вопросом ответил Дорофеев. – И Олег вполне адекватен? Так почему ты Платову в разумности отказываешь? И сам Сергей, и его отец, и его дед, и дед его деда служили на флоте, служили и периодически погибали вместе с ним. Ты думаешь, если у парня появится возможность, он не приведет российский флот к самому лучшему состоянию, которое позволит, в отдаленной перспективе, практически на равных воевать с флотом «Владычицы морей»? И после этого он будет деньги на балерин тратить, а не на разработку новых торпед и тактики их применения?

– Каюсь, – согласился я. – Был не прав... Но знаний-то на командование флотом у него хватит? Я так понимаю, что опыта ведения эскадренного боя у Платова нет?

– Так ни у кого сейчас такого опыта нет! – отрезал Дорофеев. – Парень теорию знает – это сейчас главное! И эскадры в бой ему, скорее всего, водить не придется – его задача воспитать командиров, которые будут способны вести эти эскадры, и организовать им соответствующую материальную часть! Ты бы видел, какую он нам с Альбертычем программу выдвинул, когда мы его на профпригодность прощупывали! Если через двадцать лет русский флот не достигнет качественного паритета с английским – ни я, ни твой дед ничего в людях не понимаем!

Глава 10

Рассказывает Дмитрий Политов

Дорофеев пробыл у меня еще три дня. За это время я успел организовать для Петровича несколько экскурсий по своему предприятию. В итоге Дорофеев, усиленно скрывавший эмоции в процессе, так сказать, осмотра, выдал мне самую положительную оценку. Особенно его порадовали успехи моих питомцев Попова и Герца.

Но, как бы это ни было грустно, пришло время расставания. Корнету фон Шенку нельзя было опаздывать из отпуска на службу. Теперь Петровичу предстояло сложное дело восстановления сильно побитого владельцем тела реноме офицера-службиста. Вернее – создание положительного, и в морально-нравственном и в профессиональном плане, облика гвардейца.

Снабдив Шенка достаточно внушительной суммой денег, наличными и в аккредитивах, я проводил Петровича на вокзал. Надеюсь, что не взыграет в нем ретивое и он не пропьет-прогуляет все деньги с друзьями-собутельниками нашего бравого корнета.

Перед отъездом мы с Дорофеевым составили подробную таблицу кодовых слов для

¹¹⁷ Романов Алексей Александрович (1850–1908) – великий князь, четвертый сын Александра Второго, должность генерал-адмирала занимал с 1883 года.

связи через телеграф, благо он в этом времени работал достаточно точно и оперативно.

Первая ласточка перемен объявилась уже на следующей неделе после отъезда Петровича. Заранее проинструктированный на предмет доступа к моему телу людей, правильно называющих пароль про Алекса и Юстаса, секретарь Александр ввел в кабинет скромно одетого молодого человека. Скромно – это еще слабо сказано. Одет новый вселенец был в суконный армяк, плисовую рубашку, какие-то жуткие полосатые шаровары и сапоги гармошкой. Длинные, зачесанные за уши волосы были давно не мыты, а реденькая борода едва покрывала подбородок. Но вид у парня был донельзя уверенный.

Как только Ульянов удалился, юноша широко улыбнулся и какой-то странной, подпрыгивающей, словно его распирала клокочущая внутри энергия, походкой приблизившись к столу, протянул руку для пожатия и гордо представился ломающимся полубаском-полудискантом:

– Афанасий Иванович Горегляд! – Про пароль со славянским шкафом химик, очевидно, забыл.

– Наслышан, Афанасий Иванович! – ответил я, пожимая руку очередному вселенцу. – Как переход?

– Ох, Дмитрий... или мне следует звать вас Александром?

– Зовите Александром, чтобы сразу привыкнуть! – уточнил я. – Да вы присаживайтесь! Конячку с дороги?

– Не откажусь! – продолжая широко улыбаться, сказал Горегляд, устраиваясь в широком гостевом кресле.

Было заметно, что Афанасию Ивановичу всё сейчас в радость – прущая через край молодая энергия тела служила отличным наркотиком, в чем я уже убедился на примере Дорофеева. Даже то, как Горегляд поелозил задом на сиденье – оценивая сидалищем мягкость и упругость кресла, говорило о многом. А уж как он дегустировал поданный коньяк!

– Отлично добрался! Александр Михалыч! Просто отлично! – продолжил Афанасий, выщедив рюмку и блаженно улыбаясь. – Вы, как перенесшийся из молодого тела в молодое тело, просто не можете оценить всю прелесть! Когда вновь открываешь множество тончайших нюансов жизни! Мне сейчас кажется приятной даже врезавшаяся в поясницу веревочка от кальсон!

Я вежливо посмеялся шутке, чувствуя себя немного не в своей тарелке. С одной стороны, в прошлой жизни мы с моим новым знакомым занимали настолько разные ниши, в силу разности выбора сфер приложения труда, да и жизненный опыт собеседника, разменявшего ТАМ десятый десяток лет... Все это заставляло относиться с пиететом. Однако мое нынешнее положение богатого промышленника и значительный опыт выживания именно в этом времени давали мне большую фору. Общаться с Петровичем было несравненно проще – мы, невзирая на разницу в возрасте, были давними друзьями.

Выпив еще по рюмашке отличного «Шустовского», мы обменялись парой малозначительных реплик касательно здешнего гардероба и транспорта. Перенос застал владельца тела в пути.

А потом я решительно взял быка за рога:

– Афанасий Иванович! Давайте определимся сразу – вы будете строить химический завод на мои деньги и с моей помощью. Я дам вам полный карт-бланш на все, но вы, со своей стороны, должны регулярно давать отчет о состоянии дел и расходовании финансов. Надеюсь, что такая схема работы вас устроит?

– Конечно, конечно, Александр Михалыч! – всплеснул руками Горегляд. – На ваше место лидера я никоим образом не претендую! Для меня и без того служит невероятной наградой сам факт предоставления второго шанса и возможности заняться любимой работой! Я уж не говорю о потенциальной возможности помочь нашей великой Родине, что для меня далеко не пустой звук!

– Ну и отлично, – с облегчением вздохнул я. – Афанасий... гм... а как зовут вашего

носителя?

– Вы таки будете смеяться, – неумело имитируя «одесский» акцент, ответил мой гость, – но данный индивид носит фамилию Горегляд и имя Афанасий! У него только отчество другое. И доводится мне сей субъект каким-то там троюродным дядюшкой! В настоящее время он работает помощником приказчика. Как думаете, Александр, не возникнут из-за столь низкого статуса проблемы с работниками? Я много слышал про нынешнюю кастовость, что в военной, что в инженерной среде!

– Да, кастовость имеет место быть, но в нашем положении есть один аргумент, который значительно весомее всех прочих, – мы, – я подчеркнул голосом последнее слово, включая тем самым Горегляда в сферу своей ответственности, – обладаем очень значительным по местным меркам капиталом! И можем диктовать условия наемным работникам любого ранга! У моего носителя тоже нет необходимого технического образования, однако это не мешает мне общаться с моими инженерами. Больше, чем статус, они ценят ум!

– Ну и отлично, Александр, – блаженно улыбаясь, ответил Афанасий, – это было единственной, пожалуй, занозой, свербившей меня с того самого момента, как я получил от вашего уважаемого дедушки, Владимира Альбертовича, приглашение принять участие в столь великолепной авантюре! Не капнете ли мне еще этого чудесного напитка?

Я от души «капнул» грамм сто. Кажется, что с Гореглядом мы сработаемся!

После достаточно длительной ознакомительно-программной беседы, где мы начерно наметили предполагаемый список дел по возведению и запуску химического завода, я поручил Афанасия заботам Тихона Мосейкова и Еремея. Задание камердинеру было дано простое – нового ответственного работника следовало приодеть, снабдить необходимым минимумом потребных в быту мелких вещей, устроить на постой (пока в гостиницу). Ереме поручалось провести нового сотрудника по цехам и ознакомить с производством. На все отводилось два дня.

Засечный молча кивнул, подтверждая получение приказа, и повел Горегляда на «большую прогулку». Внешне Ерема никак не прореагировал на столь странное поведение хозяина, лично берущего на работу мелкого купеческого приказчика. Хватило истории с непонятным визитом гвардейского гусара.

На третий день, совершенно преображенный внешне, благодаря усилиям Мосейкова, подстриженный и наряженный в модный костюм, Афанасий Горегляд был представлен специально отобранной лично мною для этого проекта группе инженеров, строителей и химиков. Любые предпосылки к какому-либо корпоративному предубеждению к «выдвиженцу» были развеяны Афанасием с первых же слов. Горегляд отлично подготовился к первой встрече со своими новыми подчиненными. Инженеры были приятно удивлены тем уровнем знаний и новых идей, что продемонстрировал Афанасий в своей ознакомительной речи. Первоначальная проектная работа закипела, и я с чистой совестью переключился на обычные повседневные дела.

О прибытии следующего вселенца я догадался заранее. В начале осени мои торговые агенты в Питере, проинструктированные снабжать меня новостями любого плана, сообщили, что великий князь Павел Александрович¹¹⁸ собирается посетить с неофициальным визитом Нижний Новгород. Город готовился к ежегодной торгово-промышленной выставке-ярмарке, и особого удивления этот визит ни у кого не вызвал. Однако мне сразу показался странным этот факт. До сих пор Павел Александрович не проявлял к торговле и промышленности вообще никакого интереса. Логично было предположить, что в теле Павла уже находится Григорий Романов.

Личный салон-вагон великого князя был прицеплен к обычному рейсовому составу и прибыл в город по расписанию. О чем мне тут же доложили дежурившие на вокзале

¹¹⁸ Романов Павел Александрович (1860–1919) – великий князь, генерал от кавалерии (1913). Младший сын императора Александра II, дядя Николая II.

сотрудники недавно сформированной службы безопасности. Павел Александрович, практически без помпы (среди встречающих даже градоначальника не было!), проследовал в гостиницу, где заранее забронировал номер. Некоторую пикантность сему поступку придавал тот факт, что за полгода до того именно эти апартаменты занимал я, пока не переехал в собственный особняк на территории Стальграда.

Весь следующий день у великого князя ушел на ознакомление с городом и ярмаркой. А на второй день Павел, взяв с собой только личного адъютанта, нанес визит мне. К чести Александра Ульянова, он и в этот раз даже бровью не повел, стандартно попросив высокопоставленного посетителя сообщить о цели визита.

Наконец, обменявшись паролями про славянский шкаф и кровать с тумбочкой, мы с Павлом Александровичем расселись вокруг столика, на котором уже заранее была сервирована легкая закуска.

Разговор у нас, в отличие от других «переселенцев», пошел несколько иной. Григорий сразу попытался давануть на меня, в лучших традициях советской партноменклатуры. Наверняка машинально, по привычке, но здесь его это усиливалось менталитетом носителя. Мне, прожившему при советской власти всего лишь десяток детских лет, было, по большому счету, наплевать на его бывлые заслуги и достижения. И поэтому я относился к Романову без всякого пиетета. Вежливо, но решительно я пресек любые поползновения к доминированию. Получив достойный отпор, Григорий несколько отмяк и, даже извинившись (!!!), перешел на более конструктивный тон.

С Григорием Романовым мы обсудили вопросы создания акционерного общества, подготовили список людей, чьи капиталы составят базовый пакет инвестиций, обсудили первоочередность дел. Расстались довольно скоро, в принципе довольные друг другом. Однако я почувствовал, что дедуля подкинул мне крупную проблему в лице сего «вселенца». Властность так и перла из этого человека. Вот за ним нужен глаз да глаз!

Но с другой стороны, я понял, что, доверив такому человеку проект Транссиба, мы не прогадаем. Все будет сделано в кратчайшие (насколько удастся!) сроки, с напряжением всех сил и средств.

Решив, в первом приближении, глобальные, макроэкономические для данного времени вопросы, я стал дожидаться визита деда. Но он отчего-то запаздывал. Или, что более вероятно, уже вселился в кого-то там, в Санкт-Петербурге, и сейчас усиленно занимался созданием базы для развертывания деятельности разведки.

В ноябре я из газет узнал, что Его Императорское Высочество цесаревич Николай с Божьей помощью закончил свой кругосветный вояж и в ближайшее время намеревается посетить наиболее крупные города своей Отчизны. Был в его плане поездки и Нижний Новгород. Еще в заметке писалось, что по пути следования цесаревич намерен встречаться с известными и достойными людьми, столпами общества. Дворянами, купцами, промышленниками и учеными. Что ж, дело благое. Но это, пожалуй, наиболее подходящий случай для того, чтобы наконец вступить в контакт с моим старым другом. Меня миновать ему вряд ли удастся – кто же откажется от встречи с таким «столпом», как «стальной король» Рукавишников.

Рассказывает Александр Ульянов¹¹⁹

– ...так что честь имею, господа! – Я учтиво поклонился своим впавшим в столбняк товарищам и направился к выходу.

– Ты... ты просто трус, Александр! – Похоже, Шевырëв. Надо же, я почему-то думал, что это будет или Осипанов, или Андреюшкин¹²⁰. Остановиться и попробовать объяснить

¹¹⁹ Фрагмент написан Дмитрием Политовым.

¹²⁰ П.Я. Шевырëв, П.И. Андреюшкин, В.С. Осипанов – члены террористической фракции партии «Народной

им все еще раз? Да нет, глупо – только время зазря потеряю. А оно сейчас буквально несется вскачь: я всей душой ощущаю, как секунды неумолимо осыпаются в огромную бездонную воронку, складываясь в минуты, часы, дни, унося с собой настоящее. И нужно попытаться успеть. Успеть, пока не станет совсем поздно, пока все окончательно не пойдет кувырком – прямиком в бездну.

Эх, господин Рукавишников, и принесла же вас нелегкая! Как все представлялось ясно и просто всего-то неделю назад. Есть великая ЦЕЛЬ, есть средства, благодаря которым ее можно достигнуть, и есть верные соратники, готовые встать рядом с тобой плечом к плечу. А теперь...

Перед глазами опять всплыл заснеженный перрон. Многоликая разноголосая толпа, свистки и рев паровозов, тяжелый стук колес, клубы дыма и пара. И посреди этого вавилонского столпотворения я – несчастный, ошеломленный студент, растерянно ощупывающий ловко порезанный каким-то умельцем карман в тщетной надежде отыскать там бумажник. Усатый городской равнодушно выслушал мой сбивчивый рассказ, без особого интереса глянул на телеграмму о болезни матушки и, молча пожав плечами, продолжил свой обход. Я едва сдержал обидные слова, готовые вот-вот сорваться с языка. Бесчувственный чурбан!

Слезы бессильной ярости вскипели на глазах, и я не сразу понял, что кто-то вежливо тронул меня за рукав:

– У вас что-то случилось, сударь?

Вот так мы впервые и встретились с Александром Михайловичем. Тогда я по наивности решил, что совершенно случайно. Но это мне уже позже понятно стало, что все не так просто, когда он, точно по волшебству, в мгновение ока решил играючи все проблемы, участливо выслушав мой скорбный рассказ. По-волжски окая, он добродушно предложил поехать с ним – дескать, его компаньон все равно не приехал вовремя, так почто билету зазря пропадать? Мои горячие благодарности он прервал решительным жестом и шутя пообещал всерьез обидеться – никаких таких особых заслуг за ним нет. А не помочь земляку грех! Тем более в такой печальный момент.

Путешествовал «купец и промышленник» – так скромно отрекомендовался мне Рукавишников – в просторном двухместном купе вагона первого класса. Сели, разложили вещи. Александр Михайлович велел проводнику принести чаю. Я попробовал было отказаться, но он мигом посуровел и прикрикнул на меня, точно на бестолкового мальчишку. И ведь что странно, вроде с виду он смотрелся как еще совсем молодой человек, а противоречить ему отчего-то никакого желания не было. Излучал он какую-то непонятную властность и уверенность. И глаза... странные они у него – нет-нет, а мелькнет в них что-то эдакое, чего, пожалуй, словами и не объяснишь.словно другой человек перед тобой сидит. А может, и вовсе не человек? Нет, серой от него точно не пахло! Да и ладаном тоже.

О чем говорили? Да по первости ни о чем таком. Обычная беседа двух случайных попутчиков. А потом вдруг он ка-ак врежет: «И что, фракция ваша террористическая действительно что-то стоящее? Настолько, что на смерть за нее пойдете?» – и голову так набок чуть-чуть наклонил и смотрит с такой откровенной насмешкой.

Я, признаюсь, так и обмер! Неужели, думаю, жандарм переодетый?! Ноги сразу ватными сделались, в голове пусто-пусто. И лишь одна мысль скачет: «Кто предал?!»

Рукавишников, видать, понял мое состояние, пересел поближе и сочувственно меня по плечу хлопает: «Оставили бы вы царя-батюшку в покое. Он, сердешный, и так скоро помрет, зачем на себя лишнее брать?»

Здесь у меня рассудок окончательно помутился. Самым банальнейшим образом в обморок грохнулся, точно гимназистка-истеричка. Очнулся, Александр Михайлович меня по щекам хлещет и посмеивается: «Лучше уж я, чем полиция, правда?.. Нет-нет, и мундир голубенький в шкафу у меня не висит». Я с силами кое-как собрался и спрашиваю:

– Кто же вы тогда такой?

А он пуще прежнего веселится.

– Сказал бы, да только все одно не поверите, милостивый государь. Поэтому останемся при своих: промышленник я! И большего вам пока знать не след. Вот, может, чуток погода – если договоримся?

– Договоримся? О чем?

Вот в этом месте он впервые посерьезнел, испытующе на меня так глянул – словно всего насквозь увидеть хотел – и медленно так, вразяжку сказал:

– О многом. И о том, как Россию-матушку с колен поднять, и о том, что вы – конкретно вы, Александр Ульянов! – для этого сделать можете. Негоже жизнь на ерунду попусту тратить. Успеете еще в Шлиссельбурге по эшафоту прогуляться. Ишь, выдумал – с помазанником Божьим дуэлировать! – И такой жутью от его слов повеяло, куда там господину Гейне со всей его мистикой! У меня в тот момент горло будто невидимой петлей перехватило, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Главное, непонятно вроде говорит, а в душе после его слов что-то такое вдруг шевельнулось, точно давно позабытое наружу стремится.

Не могу объяснить почему, но поверил я Рукавишникову. Правда, он мне потом более подробно все рассказал. И про мечту всей своей жизни, и про то, как нужны ему позарез толковые люди, способные раскатать машину государственную, – да не кровью чужой, без толку пролитой, а делами реальными. И про то, как устроить все можно, правильно и с толком. Не веришь? Ну слушай...

...Вот и я тогда обомлел! Честное слово! До самого Нижнего все и так и эдак прикидывал, искал, где обман может быть. Так и не нашел. А уж когда Александр Михайлович меня к себе на завод отвез и продемонстрировал все вживую, да позволил самостоятельно повсюду походить, с рабочими побеседовать, быт их посмотреть, с коллегами будущими познакомил – так и последние сомнения мои отпали. Серьезные это люди. Очень. Настоящая организация, а не наши тайные сходки карбонариев доморощенных. Что мы такого можем? Мечтать о дезорганизации власти путем террора? Бросать бомбы? Ходить в народ? Красиво, конечно, только... неэффективно. А здесь настоящее все, без обмана. И пусть пока еще не в полную силу Александр Михайлович вошел, но не за горами этот день. Это ведь как лавина: сначала маленький комок с горы летит, а потом обрастает, обрастает, и вот уже грозный поток несется – ничем не остановишь! Смешно? Я тоже улыбался. Пока лицом к лицу с самим великим кня... тьфу! Чуть не проговорился! Рано еще об этом.

Да знаю я, что матушка и не больна тогда была вовсе. Ты не поверишь, но для Рукавишникова ТАКОЕ организовать проще пареной репы. Он, как правило, совсем иными вещами занимается – ты себе и представить не можешь, какого это птица высокого полета. Но в тот раз он целую интригу провернул, чтобы только со мной накоротке сойтись. Уж и не знаю, чем я ему тогдашний глянулся? Не могу тебе сейчас всего рассказать, но благодаря ему и я нынче на кое-что серьезное способен, о чем раньше и помыслить не мог. Вся эта наша игра в революцию теперь такой мелочью кажется...

Я, собственно, тогда товарищам примерно так и сказал перед уходом. Ну, в смысле, чтобы бросали они эти бирюльки. А то, не дай бог, по разные стороны баррикад встретимся.

Вот только не знаю, Володя, поняли ли они меня?.. Посмотреть? А что, вот на летние каникулы приезжай ко мне, сам все и поглядишь. Нет, Рукавишников возражать не будет. Собственно, он сам мне как-то это и предложил. Да-да, так и сказал, будто невзначай: «Брату вашему – Владимиру – полезно было бы другим путем пойти!» И улыбнулся так... с хитринкой!

Интерлюдия 121

Чем замечателен Нижний зимой? О, об этом Иван Михайлович Рукавишников мог бы рассказать многое. Тут вам и белый до рези в глазах снежок, приятно похрустывающий под ногами, тут и солнышко, чьи лучи так и отплясывают на чистеньких резных домах. Попадают, конечно, каменные, и в преизрядном количестве – не в Сибири, поди, живем, но они именно что не портят пейзаж. На все это накладывается традиционная (или нетрадиционная, для Руси-то) трезвость Нижнего Новгорода. После одного примечательного события, имевшего место в 1378 году от Рождества Христова на реке Пьяна, южные новгородцы пьют на порядок меньше своих северных тезок. И на порядок меньше всех остальных русских вообще. А Волга, а санки, а новомодные голландские коньки...

Вот только ни о чем подобном Иван Михайлович рассказывать не собирался. Все это для одаренных поэтов да писателей. Между прочим, надо бы парочку припрячь описывать красоты. И им сытней, и нам, очень может статься, пригодится в ближайшем будущем. Рукавишников-старший, будучи генералом банковских транзакций и гением крупнооптовых негодий самым разным товаром, высоко ценил свое умение и понимал, как трудно новичку и сущему неумехе пытаться тягаться с ним, бравым. Не одного такого скушали, да будет известно, и дай бог не одного еще скушаем. Надо думать, и в поэтическом мире так же – начнешь сдуру природные красоты посконным языком описывать, так засмеют в два счета и мигом пояснят, где этакому описателю место.

Да и некогда, признаться, красотами заниматься. Вон он, малоприметный домик, искомая и вожденная цель. Все гости – или, точнее, хозяева – уже собрались, пора бы и навестить их. Борис Митрофанов – местный, Николай Еремеев – москвич, как один – купцы первой гильдии. Фигуры крайне серьезные: считай, миллионов с полсотни на обоих приходится. Торговля лесом, хлебом и прочими дарами земли, которые вкушают русские люди, стройматериалами – от досок до гранитных плит. Местный вдобавок имеет нешуточный речной флот. А москвич – один из крупнейших виноторговцев... или, точнее, водкаторговцев. А учитывая, какую дрянь, пусть и дешевую, наливают в его кабаках (ах да, простите, с 1885 года у нас никаких кабаков и нет вовсе – есть трактиры, читайте, господа хорошие, Питейный устав...), очень может статься, и сивухоторговец.

Фелейзен Константин Константинович – скромнейший дядюшка, всего-то и навсего член Попечительского совета Санкт-Петербургского коммерческого училища, 10 лет как бельгийский консул. Русская душа широка, Бельгию она на карте без колоний и вовсе не разглядит. А о том, что сей дядюшка заодно трудится на одну контору со скромным и неприязательным названием Bank of France, знает не так уж и много русских душ.

Плюс Митенька Рюмин, облеченный доверием представитель сразу нескольких торговцев разной железной снастью, от рыболовных крючков до обуховской брони к броненосцам. Он, стервец, загадочно намекает, что есть на самом деле приставочка «Бестужев» у его фамилии, но уж нам-то известно – Митенька доподлинный и потомственный Шниперсон. Из тех выкрестов, которых в процессе крещения хорошо бы опустить в воду с головой да и подержать там минуток десять для надежности. Заметим, к слову, что среди выкрестов не так уж и много мерзавцев, но если уж попадают, то как раз такие вот Рюмины. И ведь дела ведет через место, из коего ноги растут, до чего дошло, с пуда кровельного железа хочет больше рубля барыша, у немцев покупать – и то дешевле! Ан ведь держат, доверием облачают.

Что свело вместе столь разных людей? О, далеко не только то, что все они – довольно-таки дешевые мерзавцы. У каждого из них, видите ли, вырос зуб на господина Рукавишникова. Справедливости ради – не на него, Ивана Михайловича, а на младшенького, Александра, но с момента примирения это, в общем-то, несущественные детали. Строго говоря, Рюмин вот-вот перестанет представлять хоть кого-либо. На рынке его нанимателей братец Сашенька теперь столь же серьезен, сколь броненосец «Петр Великий» в сравнении с крейсерами легкими (кажется, по науке их полагается называть бронепалубными). А коли все будет идти как идет – так будут против него сущими канонерками. Жмись себе около

берегов, пейзажи изучай, а в море-окиян не лезь.

Схожие мотивы у Бореньки и Коленьки. Мало того, что их, как слепых щеночков, вышвыривают из торговли всем, из чего на Руси Великой строят жилища, – торговые агенты Рукавишникова уже и в крестьянской среде плотно окопались. Отчего, во-первых, изрядно снижаются доходы от сугубо пищевых негодий – уж больно хорошие цены ломит Сашенька, а во-вторых, как ни странно, и от питейных заведений. Крестьяне, твари этикие, все чаще водой да квасом обходятся, последнюю рубашку снимают, но копят на косы и плуги господина Рукавишникова. Да и на сеялки его проклятые спрос растет. Хорошо еще, что в пароходства, ирод, не лезет да в питейную торговлю. Скоро только и останется водку продавать да ее же, родимую, и кушать. Ну а милейший бельгийский консул попросту кредитовал эту их затею с тем, чтобы вышибить «Стальград» с рынков. И дал несколько толковых советов – взятки чиновникам, срывавшим Рукавишникову-младшему выгодные подряды, и отчаянный демпинг Бориса начались с предложений Константина нашего Константиновича.

А вот каковы мотивы у почтеннейшего господина Джона Юза¹²², скажите на милость? Это ведь своего рода легенда – этакий братец Сашенька, только уж куда постарше, уважаемей и весомей. Основатель и бессменный председатель Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производства (не будем упоминать князя Кочубея, право, он там щеки надувает и головой кивает, как китайский болванчик). И не просто основатель – он там чуть ли не каждый цех своими руками рисовал и строил, все местные инженеры его за отца родного считают. Нет, понятно, рельсы у братца получаются на загляденье, дешевле и надежней, чем у господина Юза, но чтобы в таком дерьме из-за этого искупаться...

– Шеф, мы готовы. – Это новомодное «шеф», с легкой руки братца, поминалось все чаще и чаще. И совершенно некогда Демьяна осаживать – больно уж он вместе с другими двумя казачками нужен. После подготовки в службе охраны «Стальграда» все трое стояли десятка охранников вышеперечисленных персон. А десятка не было – было четверо, все при оружии, все мужики сторожкие и битые, но именно что мужики. А казачки в иные годы и на Кавказе службу несли, и у ветеранов Крымской школу проходили. Так что...

Сам Рукавишников-старший в драку не полез. Хотя и мог бы – вот он, карманный «кольт» «новая линия». Супротив «Кистеня», конечно, пистолетик мусорный, зато и полегче, и в кармане проще носить. Но четко по жизни Иван Михайлович усвоил: что умеешь делать – делай, а ежели чего не знаешь – так и не лезь поперек батьки. Для Демьяна, Харитона и Яшки этот бой и не двадцатый даже, а он, банкир и торговец, даже и в детстве кулаками почти не махал.

И хорошо, что не полез, только его там и не хватало. Еще своих перестрелял бы, а так... Белые накидки и повадки пластунов вывели работников «Стальграда» нос к носу с охранниками. Трое амбалов как стояли, так и сели, а там и легли, несмотря на кулаки пудовые и головушки бедовые. А то ж – испытайте-ка при случае на своей бестолковке удары умелыми кулаками в хитрых рукавичках со свинцовыми вкладками. А вот четвертый пальбу открыл – и не из чего-нибудь, а как раз из «Кистеня». Харитона и Яшку снесло ажно на пару саженой – «Кистенем-то» в упор, понимать надо. Один, как уже после выяснилось, пулю в плечо получил, другой – в массивный крест на груди, спас Господь. А там и Демьян, накрепко усвоивший приказ обходиться без душегубства, добрался до этого Вильгельма, мать его, Тилля и сильно его обидел.

– Ништо, шеф, ништо, – прорвался казачий говор у разгоряченного боем казака. Две пули его каким-то образом обошли. – Усе готово.

Надо было все бросить, приглядеть за Харитоном и Яковом – да вот нельзя, никак

¹²² Юз (Хьюз) Джон Джеймс (1814–1889) – английский (валлийский) инженер и промышленник, основатель г. Донецка (до 1924 г. – г. Юзовка).

нельзя. Впрочем, Яков держится за плечо, отнюдь не за голову или пузо... а Харитон дышит, конечно, отрывисто, но опять же на тот свет не просится. И еще от повозки бегут кучер и лекарь.

– Ладно, Демьян, пошли.

А вот дверка в избушке совсем хлипкая. Не нашей мануфактуры качества. Сени ни Рукавишников, ни Демьян словно бы и не заметили, разве что последний с глухим хеканьем врезал по зубам не вовремя подвернувшемуся служке. А вот и они, шестеро гостей на тайной вечере.

В чем, собственно, дело? А собственно, дело в последнем госте. Флаг, представитель достославного сообщества «варшавских воров», в миру – вполне благопристойный подданный Российской империи. А в действительности – человек, способный, скажем так, благополучно разрешать иные затруднительные ситуации методами, сурово осужденными законами и уложениями всех приличных государств. В основном за ним кражи, шантаж, подлоги, компрометация. Суший Робин из Локсли, одна беда – достоверно известно, что он не чурается и крови. Доказать ничего не докажешь – мы, уважаемые, не в суде присяжных, да и тот его трижды оправдывал, но по меньшей мере четырех неудобных людей он раньше срока отправил в канцелярию святого Петра. Дальше объяснять, зачем здесь этот гость варяжский? Вот то-то. Правда, сейчас гость отчего-то не в изящном пальто, а в натурально крестьянском полушубке, что, вообще-то, за «варшавскими», по слухам, не водится.

Вот теперь его, Ивана Михайловича, выход. Бенефис, учено говоря. «Кольт» весьма ловко выдернулся из кармана и будто бы сам в руку лег. И будто бы сам выплюнул все шесть пуль в полушубок господина Флага. Так и не успев промолвить ни слова, «варшавский» сполз с табурета и завалился на бок.

Ничего не поделаешь, так уж карта легла. Этот поганец пошел за шерстью – а вернулся, вот ужас, стриженным. Что же касаясь остальных собеседников, то была надежда, что подобное начало разговора их впечатлит.

– Мое почтение, Константин Константинович, – вежливый, но формальный кивок банкиру. – Здравствуйте, соколы... хотя нет, какое там – вы, Боренька да Коленька, на соколов уж никак не тянете. Ну да ничего, голуби, сейчас мы из вас пух да перья добывать станем. А, Демьян?

— Чего ласы точить, хозяин? — не подвел Демьян. — Порешить всех, и концы в воду.

– Позвольте... – Благообразный англичанин с холеной бородкой собрался было что-то вставить... и резко осекся. Больно уж у Демьяна был неподдельно любопытный взгляд.

– Учитель мой, урядник Горбенко, десяток таких под Севастополем положил. – Почему-то в словах звероподобного угрюмого громилы никто не усомнился. – А я вот пока ни одного. Хозяин, давай я уже начну, а?

– Демьян, темная ты душа, откель в тебе это зверство? – ухмыльнулся нижегородский банкир. – К господину Юзу у нас будет вежливый и деловой разговор. С обхождением и чаем с баранками – благо чай и баранки уже на столе...

– Ты что творишь, Ванька? – наконец не выдержал Митенька. Основательно не выдержал – голос-то не просто срывался, он ве-е-е-есьма себе тонок сделался. – Ты, тля гадская! По миру пойдешь! Ботинки целовать будешь! Ты... быыы...

Последнее было отнюдь не продолжением речи, а вполне естественно-научной реакцией на легенький удар Демьяна в «душу». Причина и следствие, знаете ли, а никакое не насилие вовсе.

– С тебя, Митенька, особый спрос будет. Ты, жиденыш перекованный, пока поскучай, о судьбе своей грустной подумай. Это ведь ты, сучий потрох, подонок блядский, идею с «варшавским» придумал? Вот и дыши себе через задницу, пока разрешают.

— Иван Михайлович, помилуйте, что это вы...

– А, голубь, запел? Ты учти, Коленька, то, о чем вы в московской гостинице с господином Флагом, Боренькой и Митюшей обсуждали, мой добрый знакомец слышал. – Строго говоря, слышал это как раз Боренька. Прикинув, чем пахнет вся эта затея, господин

Митрофанов предпочел повиниться перед Рукавишниковым-старшим. – А ваш разговор уже в нижегородской гостинице добросовестно фиксировал писарь Департамента полиции при трех свидетелях и немаленьком полицейском чине, все как положено. И никуда ты, Коленька, не денешься – полицейский не местный, с твоих рук не кушает, зато страшно карьере хочет сделать. Коли не веришь – изволь, прочти копию, поди грамоте учен. Господин из департамента растолковал, что согласно уложениям уголовным жить тебе после этого да мощь державы крепить где-нибудь на Сахалине. А имущество – казне. Думаешь, чинуши наши этакую долю упустят?

Все, спекся Коленька. Он ведь из староверов, им спиртного и касаться нельзя – а ведь единым махом опростал мало что не треть немаленькой бутылки. Там, конечно, не водка, но определенно и не водица ключевая. И осоловел, конечно, это только в байках мы все ерои, ведро спирта осиливающие.

– Ладно, ладно, хватит с вас. Коленька, Боренька, ступайте себе домой да ложитесь почивать. Завтра поговорим, как за обиду расплачиваться будете, вы уж не жадничайте, настоятельно прошу. И заберите эту пададь жидовскую – он у меня теперь вместо щетки обувной будет, но это все завтра. Константин Константинович, вам я повредить не могу никак, но Христом Богом молю, не доводите до греха, хорошо?

Все трое, увлекая за собой гниду Митеньку, быстренько и бочком убралась вон. Ничего, господину Фелейзену сюрприз тоже готов, но это подождет.

А теперь – хватит развлекаться. Тон максимально вежливый, хоть и не надо елеть.

– Господин Юз, я искренне вас уважаю. Не поверите – мой брат вас частенько поминает. Мол, мне бы пару таких, как Юз, уж и развернулись бы. И тем не менее вы здесь. ВЫ!

Надо отдать должное – держался англичанин отлично. Водку пить не бросался, не сутился, не дергался, просто внимательно слушал. А дождавшись, пока обратятся к нему, спокойно, неторопливо ответил. Или, пожалуй что, даже вымолвил:

– Так уж сложилось, господин Рукавиш... простите, Иван Микхайлович, мне трудно выговорить вашу фамилию.

Черта с два. Тянет время господин Юз. Хоть пару лишних секунд, да выигрывает. Или... или просто...

– Мне тяжело об этом говорить. Я возражал, указывал на полный идиотизм, но... но на сей раз совет директоров был непреклонен. Грядущий проект обещает уж слишком значительные доходы, ваш брат – уж слишком сильный конкурент. А я – я все-таки не владелец и не могу единолично...

Грядущий ПРОЕКТ – вот как он на самом деле сказал.

– Значит, вам, господин Юз, тоже известно о проекте? О железной дороге от Москвы до Владивостока?

Вот теперь Юз был удивлен. Нет, не просто удивлен – изумлен, весьма близок к обмороку нервическому. Но быстро взял себя в руки – английская школа дорого стоит.

– Вы правы, господин Рукавишников. В СФЕРАХ принято решение. Дорога будет построена. Дорога, которая потребует всей нашей продукции за любые разумные деньги. Рельсы, чугун, уголь – все! Такой заказ бывает раз в жизни, согласитесь. Поэтому наш совет решился поучаствовать... хм... в отстранении конкурента. Поймите, в другое время мы бы ни за что... Но ваш брат каким-то образом добился серьезных успехов и совершенно по-варварски отказывается этими успехами поделиться. За весьма достойную плату. У нас просто не было выхода...

Конечно-конечно, а как же. Слышали мы такие песни, доводилось. Этому хотя бы стыдно, определенно стесняется. Чего ж на такое дело, как сговор с целью злодейского убийства, бросили инженера? Надо думать, он у них там, в совете директоров, единственный, у кого голова на плечах есть. А это уж дело известное – кто везет, на том и везут.

– Извините, господин Юз, но у нас – свои резоны. Если мы не договоримся – вся

Россия узнает, что вы, ИМЕННО ВЫ, готовили убийство нашего «стального короля». Какой подарок нашим патриотам – как же, англичанка гадит. Какой подарок полиции – раскрыт в кои веки стоящий заговор, не Ваньку-дворника, что по пьяни на портрет государя плевал, в околотов сволокли. А уж общество Новороссийское... даже если и оправдают вас паче чаяния, общество бесприменно разорится – уж больно все шумно случится. И ваши дети...

– Довольно... – Нет, но каков молодец, а? Откинулся к стене, прикрыл глаза на десяток секунд – и вот перед нами вновь настоящий британский пэр. – Что вам угодно?

Вот теперь, братец Сашенька, ты точно порадуешься, что в компаньоны взял, не побрезговал. Это тебе не Боренька, который теперь весь с дерьмом наш, – это птица такого полета, что и думать страшно.

– Пятьдесят процентов акций общества. Плюс еще один процент. И...

– Это невозможно, – тут же успокоился Юз. Определившаяся и ясная угроза, знаете ли, достойным людям придает сил и спокойствия. – Я попросту не обладаю соответствующими полномочиями.

Ну, сие знакомо насквозь, даже скучно. Начинается торг, а уж в этом, братец ты мой, никакой инженеришка с Иваном Михайловичем на равных не сойдется в кулачки.

Договорились на тридцати процентах акций (двадцать так или иначе контролировал господин Юз, еще десять – преданный ему лично человек). «Стальград» обещал перестроить производственные линии общества с учетом последних своих достижений (особенно Юз настаивал на прокате и какой-то «штапофке» – ну да это пусть с Сашенькой обсуждает). Все «новые» задумки Сашеньки, вроде линии выпуска самоходов или там «Кистеней» в Новороссийске, будут кредитоваться обществом, полученная с них прибыль – поровну. Завтра с утра господин Юз собирается в гости в «Стальград» – своими глазами убедиться, что новый компаньон справится с задачами. Это пожалуйста, это сколько угодно – от Александра Михайловича Рукавишникова, младшего брата и старшего компаньона Ивана Михайловича, еще ни один промышленник или ученый не уходил обиженным.

– Ну, господин Юз, по рукам. Ждем вас завтра с визитом...

– Кто тебе сказал за завтра, барыга? Не будет у тебя завтра, тварь такая...

Флаг умел удивить. То-то крови не натекло – Демьян непременно удивился бы, но он ведь почти сразу вышел... Душегуб же неторопливо сбросил полушубок, что-то отстегнул у загоревшей крепкой шеи – и на пол упала половинка кирасы.

– Флаг спину бережет. В спину, милейший наш Иван Михайлович, меня неоднократно пытались уязвить, как того Ахиллеса, – благодный вроде голос интеллигентного человека вновь сорвался на рык. – Ты хоть знаешь, сученок, кто такой Ахиллес, Гектор, Патрокл? Куда уж тебе – с детства небось только «дебет» да «кредит» выговаривал. Не извольте беспокоиться, господин хороший, – обратился Флаг к английскому гостю, – в лучшем виде распластаю гада, даже и бесплатно. А уж потом за его братца возьмемся. Считайте до шести, господин Юз. – С последним словом правая рука бандита удлинилась. Вот так просто взяла и стала длиннее – откуда и когда у Флага оказался добротный клинок в пол-локтя, Иван так и не понял.

Как скверно, а? Ведь один шаг до НАСТОЯЩЕГО дела. И этот шаг ему, купцу первой гильдии, не даст сделать какой-то поганый «варшавчик»? Клятство какое... и ведь даже Демьяна не позовешь, с ним все обговорено, он ждет в сторонке, пока дозовешься... Этот ведь всего-то до шести просил досчитать. Раз...

Бух! Бух! Бух! Бух! Бух! Бух!

Второй раз за день Ивану Михайловичу довелось понаблюдать «Кистень» в действии. Господин Юз, прямой как свечка, нарочито неторопливо, левой рукой достал тончайший белый платок и утер пот со лба. Очень может статься, инженеру и не доводилось прежде шесть раз подряд стрелять в живого человека, да еще, почитай, в упор. Однако же справился, и даже более того – подошел к тихо скулящему вору и высадил оставшуюся пулю прямоком в затылок. И только потом обернулся к банкиру.

– Хорошо, господин Рукавишников. Вы не возражаете, если я приеду в половине

девятого? Я уже стар, знаете ли, привык подниматься ровно в половине восьмого и ни минутой позже...

Нет, ну каков все же человек! Человечище! Он ведь не абы что сказал, а ответил на предыдущую реплику Рукавишникова. Вроде как комара надоедливого пришиб, от разговора не отвлекаясь.

– Но... но... господин Юз, у вас все это время... – Тут, наконец, Иван Михайлович осекся. Больно уж много волнений для финансиста за один вечер.

– Ах, револьвер... это такие мелочи, право. Не стрелять же мне в... кхем... моего дорогого компаньона. Кстати, душевно вас прошу, Иван Михайлович, не упоминайте в разговоре с братом об иных подробностях наших переговоров.

Англичанин медленно обошел труп, накинул пальто и нахлобучил шляпу. А у входа, не сдержавшись, все же глянул на изрядно ошеломленного (в старом смысле слова – то есть как дубиной по шлему стукнутого) Ивана. И широко улыбнулся.

– Я неплохо знаком с, как бы это сказать... неофициальными отчетами о деятельности «Стальграда». На самом деле я не думаю, что заключил плохую сделку...

Глава 11

Рассказывает Дмитрий Политов

Прибытие наследника престола российского в Нижний Новгород было обставлено достаточно скромно. Правда, прибыл он на личном поезде, о чем мне тут же доложили агенты. Но ни оркестра, ни митинга, ни deputаций от дворянства и купечества на вокзале не было. Остановился цесаревич в тех же самых апартаментах в гостинице «Московской», что до того занимал я, а после почтил своим присутствием великий князь Павел.

И стали к нему вызывать представителей местной элиты. Сначала, естественно, градоначальника, а уж потом «лучших людей» города по списку. У моего друга явно было составлено досье на всех значимых персонажей. И досье, судя по всему, неплохое. Сужу по тому, что меня вызвали одним из первых. Видимо, мои успехи в деле индустриализации были оценены, взвешены и признаны достойными.

В знакомой комнате за знакомым столом (именно здесь когда-то располагался мой кабинет) сидел смутно знакомый по фотографиям из той еще жизни молодой парень. На лице еще нет усов и бородки, памятных по более поздним снимкам. Сколько же ему сейчас лет, в смысле – сколько лет ТЕЛУ? Насколько помнится – должно быть 19–20...

– Здравствуйте, Александр Михайлович! – вежливо поприветствовал юноша, бесцеремонно меня разглядывая, словно я был наколотой на булавку редкой бабочкой. – Присаживайтесь!

– Здравствуйте, Ваше Высочество! – Я с достоинством поклонился и сел в предложенное кресло.

Повисла пауза. Цесаревич, в теле которого скрывался мой лучший друг, продолжал разглядывать меня. И я, в свою очередь, взялся за изучение его лица, пытаюсь отыскать на нем хоть какую-нибудь черту, характерную для Олега. Вполне естественно, что во внешности никакого сходства не просматривалось. Олег был среднего роста, в последние годы сильно огрузнел, голову брил «под Котовского». А сейчас передо мной сидел стройный юноша с густой шевелюрой. Вот только эта манера покусывать губу...

– Весьма наслышан о ваших успехах и достижениях, Александр Михайлович! – через пару минут сказал наконец Николай.

Я, не вставая с кресла, изобразил благодарственный поклон:

– Пустяки, Ваше Высочество!

– Да уж какие пустяки? Завод сталелитейный полностью реконструировали! А теперь еще и химический комбинат строить собрались! А потянете ли?

– Потянем, Ваше Высочество. Отчего не потянуть? – степенно сказал я. И неожиданно сказал, ломая намеченный план контакта: – Это как черешню в садах Приднестровья по ночам собирать – и знаешь, что опасно, а сладенького хочется!

– Черешню? В Приднестровье? По ночам? – оторопел Николай.

– Да, – кивнул я. Наступал момент истины. – Сидишь на ветке, почти у самой верхушки дерева, потому как внизу уже все ободрали, и молишься, чтобы с правого берега «крупняк» по пристрелянному садику не долбанул...

Мой собеседник вскочил, отбрасывая кресло.

– Откуда ты это знаешь?!! – И тут до него дошло: – Димка?!!

– Он самый, командир! – медленно поднимаясь, подтвердил я. – Не могу сказать, что во плоти...

– Димка!!! – Одним махом оказавшись рядом, Николай (да нет, все-таки Олег!) начал тискать меня в объятиях.

– Олечыч!!! – Я тоже изо всех сил обнял друга.

Так, периодически повторяя наши настоящие имена, то обнимаясь, то отстраняясь, чтобы получше разглядеть ЧУЖИЕ лица, то хлопая друг друга по плечам, мы протолкались минут пять.

– Ну и напугал ты меня, стервец! – пожаловался Олег, немного отдышавшись. – Я уж подумал, что очередной хронокаратель пожаловал. Да что мы стоим? Садись! Да не сюда – вон в углу диванчик. Нет, ну ё-моё! Димка, чертенок, да как же тебя угораздило-то? Как ты здесь оказался?

– Стреляли... – усмехнулся я. – А чего ты такой негостеприимный?

– Да, блин... счас-з все будет в лучшем виде! – усаживая меня на угловой диванчик, успокоил Олег и заорал юношеским баском: – Шелихов!!!

– Я здесь, государь! – В дверь просунулась голова ординарца.

– Давай, Егор, сообрази-ка нам выпить-закусить! И скажи князю, чтобы всех сегодняшних посетителей по домам разогнал. Мы с этим купчиной сейчас очень важные дела обсуждать будем!

Водка в запотевшем графине и несколько тарелок с закуской появились на маленьком кофейном столике в мгновение ока. Олег, слегка дрожащей от переполнявших чувств рукой, разлил по первой.

– Ну, блин, за встречу! – Мы весело чокнулись и выпили.

– Ты по-прежнему после первой не закусываешь? – доставая портсигар, спросил я.

– Нет, так и не заимел этой скверной привычки! – улыбнулся Олег и вдруг, напрягшись лицом, спросил: – А какая у меня любимая застольная песня?

– Ай, маладца! – восхитился я. – Последняя проверка? Насколько мне помнится, изрядно приняв на грудь, ты всегда поешь: «Артиллеристы, Сталин дал приказ...»

– Артиллеристы, зовет Отчизна нас! И сотни тысяч батарей... – дискантом пропел Олег. Его лицо расслабилось. Он молча налил еще по одной. – Нет, ну все-таки никак не могу поверить – ра-а-а-аз!!! И мой дружбан Димка предстает в образе купца! Да какого купца! Миллионщика! Давай за твой успех! Ты тут таких дел уже наворотил!

Мы снова выпили. В глазах Олега что-то блеснуло. Неужто слезы? Эх человека-то проняло! Растрогался аж... Ну так оно и понятно – три года он здесь один как перст, только каратели из будущего и навещали. А тут сразу я! Хех!

– Князюшка мой, Васильчиков, адъютант и по совместительству председатель КГБ, на тебя такое досье собрал! – продолжил Олег, закуривая. – В трех папках с трудом уместилось! Я же еще в Америке был, в Сан-Франциско... Зашел в оружейный магазин из любопытства, а там... Бац!!! Винтовка Маузера стоит! До изобретения которой еще десятков лет! Приглядываюсь – ан нет, не Маузер! И калибр поменьше, и общий размер. А на казеннике клеймо: «Заводь братьевъ Рукавишниковыхъ!» И вспоминаю я тогда, что еще в Европе, вроде как в Бресте, перед самым вояжем через Атлантику, какой-то французик у меня русский карабин в подарок просил. И название еще такое смешное – «печаль»! Че ты ржешь?

Ну не умеют эти европеоиды букву «ща» выговаривать! Естественно, винтовку эту я купил, их там всего четыре было, да в придачу к ней все патроны – всего три пачки по сто штук их и оказалось. Вскрываю пачку... Батюшки! А гильза-то стальная, лаком покрытая! Да и пуля остроконечная! И стало мне тогда интересно – что это за купчина такой, который клоны Маузера штампует, да по всему миру их продает, да патроны делает, которые в реальности только лет через шестьдесят могли появиться! И сказал я тогда Васильчикову – землю носом рой, но чтоб о купце этом я все-все знал! И князюшка в грязь лицом не ударил! Такого нарыл! – Олег радостно заржал. – Я теперь даже в курсе, что ты с двумя горняшками сожительствоуешь!

– Блин, дались всем эти мои горняшки! – улыбнулся я. – Тут ежели не женат, то непременно нужно либо горничную или кухарку трахать, либо по блядам ходить! Иначе подумают, что ты пидор либо импотент! Вот и пришлось доказывать...

В ответ на мое заявление Олег жизнерадостно заржал в голос. На звук немедленно приоткрылась дверь, и в комнату заглянул давешний ординарец. Взмахом руки показав казаку, что все в порядке, мой друг утер выступившие от смеха слезы и продолжил:

– А винтовка твоя мне потом очень в Японии пригодилась. Ну, эту историю ты, наверное, уже знаешь?

– Да, знаю, конечно! – кивнул я. – Об этом разве что на салфетках не печатали! И солидные газеты, наши и заграничные, и бульварные листки просто разрывались от подробностей. А в некоторых и название винтовок мелькнуло, из которых твои снайперы кучу нападавших положили. Так у меня сразу продажи повысились!

Олег снова засмеялся. Я, еще начиная с разговора с Дорофеевым, обратил внимание, как гормоны молодого тела влияют на общий эмоциональный настрой.

– Ладно, дружище, давай к делу! – решил я слегка остудить шутливый настрой Олега. – Мои сексуальные предпочтения и цвет носимых кальсон – темы чрезвычайно интересные, но мы их с тобой вечером обсудим, под более плотную закуску и более широкий ассортимент напитков. А сейчас слушай!

И я подробно ДОЛОЖИЛ Олегу, ради чего я вообще сюда переместился и что сумел за прошедшее с момента переноса время сделать. А в конце длинного монолога сказал, что мы теперь не одни, у нас есть группа помощников – крепких профессионалов в своих областях. Мой доклад произвел на друга ожидаемое впечатление – он был просто шокирован. И не столько моими достижениями в сфере индустриализации, об этом он и из досье узнать мог, а именно тем, что мы теперь будем действовать, опираясь на поддержку своих современников. Такого массового нашествия иноземцев Олег явно не ожидал. Но все это вкупе только добавило другу энтузиазма.

За разговором мы как-то не заметили, что сидим уже несколько часов. Прошедшее время определили по успевшей нагреться в графинчике водке и по сгустившимся за окном сумеркам.

– Эх мы с тобой поболтали! – сказал Олег, вставая и делая энергичные махи руками, чтобы разогнать кровь. – Даже про водку забыли!

– Не все еще потеряно! – откликнулся я, задумчиво разглядывая графин и прикидывая – попросить «свежей» охлажденной или продолжить разгул в другом месте. Приняв решение, я тут же его и озвучил: – А не поехать ли, Ваше Высочество, в «номера»?

– К цыганам? – хихикнул Олег.

– Нет, ко мне на завод! Покажу тебе много из того, что вряд ли попало в досье Васильчикова! – обрадовал я.

– А...

– У меня ТАМ тоже есть водка! – усмехнулся я. – И не только она!

Глава 12

Естественно, что никакой водки мы в тот вечер не выпили, да и на следующий день нам было не до гулянки. Осмотр всех цехов и лабораторий Стальграда превратился из развлекательной прогулки в полномасштабную обзорную экскурсию. Надо сказать, что изучение всех новинок производства и образцов продукции произвело на Олега огромное впечатление. Он буквально обалдевал от избытка впечатлений. Изучить достаточно общее досье – это хорошо, но пощупать собственными руками вполне работоспособный двигатель внутреннего сгорания, прокатиться по полигону на предсерийном автомобиле, пострелять в тире из винтовки и револьверов – гораздо интересней и познавательней.

То и дело я слышал от Олега удивленные реплики:

«Что, Майбах с Даймлером на тебя работают? Так вот куда они из Германии пропали!»

«И братья Наганы здесь?!!»

«Кто этот юноша? Федя Токарев?!! Всего шестнадцать лет, а уже делает большие успехи?»

«Что за молодежь? Попов и Герц? И скоро у нас будет радио?»

«А это что? Оптические прицелы? Как мне их не хватало в Японии!»

«Пневматические шины? Не все Данлопу¹²³ масленица!»

Вполне естественно, что наибольший интерес вызвало посещение экспериментальной лаборатории по разработке стрелкового оружия.

Здесь Олег был поражен тем, что, несмотря на успешно реализованный проект малокалиберной винтовки и револьверов, программа исследований в этой области продолжается. Работа над пистолетом, пистолетом-пулеметом, пулеметом и штурмовой винтовкой идет полным ходом. Причем идет совершенно естественным путем, без моего активного вмешательства. Единственное, что я позволил себе, – указать моим конструкторам направление. Основной упор я сделал на разработку новых боеприпасов – калибра 12,7 мм под будущий крупнокалиберный пулемет и калибра 8 – 10 мм под станкач и «нормальную» снайперку.

К слову сказать, в тот день конструкторы-оружейники умудрились удивить и меня! Просто около двух месяцев назад, занятый подготовкой к контакту с Олегом, я перестал плотно опекать своих разработчиков, и ребята успели за это время придумать самозарядный пистолет совершенно оригинальной конструкции, внешне и конструктивно напоминающий «маузер С-96». Чем опередили своих коллег – работающих в Германии братьев Федерле и Пауля Маузера на несколько лет!

А какое незабываемое зрелище представляло собой лицо Олега, когда я привел его на тщательно охраняемый склад и показал некие предметы, которые выглядели как толстостенные трубы большого диаметра.

– Это то, о чем я думаю? – обалдело спросил Олег.

– Именно, дружище! – самодовольно подтвердил я. – Орудийные стволы. Экспериментальная партия, на которой мы отработывали технологию производства. Скрепленные и лейнированные. От технологии Армстронга¹²⁴ мы отказались. Большая часть заготовок, естественно, в брак ушла, но вот эти шесть стволиков вполне нормальными вышли. Правда, это всего лишь болванки – нормальную нарезку мы пока не освоили.

– А что так? Без нарезки?

– Нарезать, а если точнее – протругивать канавки в канале ствола лучше всего

¹²³ Джон Бойд Данлоп (1840–1921) изготовит из садового шланга первые пневматические шины для трехколесного велосипеда сына в 1888 году.

¹²⁴ Технология английской фирмы «Армстронг», при которой внутренняя труба ствола обматывалась проволокой, с проковкой каждого слоя.

специальным инструментом с алмазной режущей частью. Которого мы на данный момент не имеем, – объяснил я. – В принципе, мы главное дело сделали – теперь Стальград имеет технологию производства стволов калибром от 120 до 356 миллиметров! И длиной от 45 до 50 калибров. Хотя такая линейка, по большому счету, не очень-то и нужна. Но по одной штуке каждого мы для тренировки сделали. 120 мм/50 калибров, 152 мм/45 калибров, 203 мм/40 калибров, 254 мм/40 калибров, 306 мм/35 калибров, 356 мм/35 калибров.

– Сколько-сколько? – аж задохнулся Олег. – 356 миллиметров – это же...

– Именно! – хихикнул я, уж очень занимательно сейчас выглядел Олег. – Четырнадцать дюймов! Но самый удачный ствол получился 120-миллиметровый, при длине в 50 калибров. Вот его мы нарезать смогли!

– А качество? – Олег попытался взять себя в руки.

– Обижаешь, начальник! – хмыкнул я. – Начальник литейного цеха Стальграда – сам «отец металлографии» Чернов!

– Чернов? – Олег наморщил лоб, вспоминая все связанное с этой фамилией. – Это который «точки Чернова»¹²⁵ придумал?

– Он самый! – кивнул я. – Но стволы – это еще не все! Пойдем дальше!

Мы прошли в глубину склада, где я с законной гордостью продемонстрировал другу толстые стальные плиты, размером метр на метр, и довольно большой, 3 на 5 метров, фрагмент собранной из металлических плит стены. Стена имела отчетливо видимый профиль – была выгнута по длине и высоте.

– Мать моя датчанка! Это же броня! – воскликнул Олег, зачем-то постучав по плитам костяшками пальцев и прислушавшись к звуку. – А толщина?

– 150 миллиметров! – гордо сказал я. И продолжил тоном опытного экскурсовода: – Броня катаная, хромоникелевая, гетерогенная! Жаль, что толщина и общие размеры пока небольшие. Так под большие надо гигантский прокатный стан строить. А теперь обрати внимание на эту стенку – на ней мы другую технологию обрабатывали. Вся эта конструкция представляет собой макет обшивки корабля. Собрана не просто впритык, плита к плите, а на шпонках, сечением в двойной ласточкин хвост. Для этого мы отливали плиты по точному шаблону, повторяющему профиль конкретной части борта корабля. Таким образом, броня подгоняется без малейших щелей и уступов, неизбежных при нынешней установке.

– А производительность всего этого какая? – Глаза Олега загорелись. Вероятно, он уже видел в своем воображении гигантский флот дредноутов.

– Да практически никакая! – охладил я размечтавшегося друга. – Это же пробная партия. Исключительно для отработки технологий!

– А как быстро ты можешь развернуть полномасштабное производство? – Олег явно не хотел отступать от своей мечты.

– Года за три-четыре! – очередной ушат холодной воды на разгоряченную голову друга. – Да и то – смотря что называть полномасштабным производством. Если все внутренние мощности Стальграда бросить на изготовление оборудования и обучение персонала – через три года завод выйдет на показатели 3000 тонн 150-миллиметровой брони и 50–60 оружейных стволов среднего калибра.

– В месяц?

– В год!

– А что так мало и почему так долго?

– Сырья у меня мало – пока хватает только на ширпотреб да рельсы, – начал я загибать

¹²⁵ Изучая на Обуховском заводе причины брака оружейных стволов, Чернов открыл, что в нагреваемой стали происходят структурные превращения, т.е. изменения ее кристаллического строения в твердом состоянии, в результате которых изменяются и свойства стали. Он определил соответствующие этим превращениям температурные точки, известные теперь как «точки Чернова». Открытие критических температур позволило объяснить явления, происходящие при закалке стали, и точно назначать температуру нагрева под закалку в зависимости от состава металла.

пальцы. – Знаешь, откуда нам железо возить приходится? И на чем? Хорошо еще, что в прошлом году на Стальград одноколейную ветку «железки» провели. Есть на чем вывозить крупногабариты. Да даже если я прямо сейчас начну разработку уже купленных участков Магнитки – сколько потребуется времени на массовую добычу руды? Но и это не самое главное – будь у меня необходимое количество сырья – так потребного для его плавки количества мартеновских печей опять-таки нет. А сколько уходит на постройку одной печи, ты знаешь? Ну и по мелочи – собственное станочное производство мы только-только наладили – еще и полугода не прошло с начала серийного выпуска. Обученных рабочих и инженеров для текущего производства едва хватает. Короче – проблем пока больше, чем выгод. Да и не нужно это нам – Стальград больше на точное машиностроение ориентирован, а не на катание болванок. Технология отработана – ты договорись с кем надо – я с удовольствием отдам ее на тот же Обуховский завод.

Олег призадумался. А я добавил:

– К тому же тебе, скорее всего, даже 3000 тонн брони и не понадобится!

– Почему? – оторопел Олег.

– А на что ты эту броню ставить будешь? Нормальных проектов баттлшипов у тебя нет! Ставить на абы что – шоб було? Беда с нашим флотом комплексная – вот и решать ее надо комплексно. Вот погоди, Серега Платов развернется в должности генерал-адмирала – лет через пять будем печь дредноуты, как горячие пирожки! Правда, если к тому времени, кроме брони и стволов, сумеем создать вертикально-водотрубные котлы на жидком топливе, турбозубчатые агрегаты, собственно орудия, приборы управления огнем...

– Все! Хватит! – заорал Олег, меняясь в лице. – Ты что, гад, издеваешься? Того нет, сего нет... На хрена ты мне тогда вообще эти плиты и стволы показал?!!

– Ты это... не ори, царская морда! – усмехнулся я, глядя в глаза Олегу. – А то быстро фейс об тэйбл начищу! Привык на своих конногвардейцев орать!

– Блин, Димка, прости! – Лицо Олега снова приняло нормальное выражение. – Что-то я не того... Как только эмоции через край захлестывают – так из меня сразу Николай переть начинает.

– Ага! Так я тебе и поверил! – съязвил я. – Общеизвестный исторический факт, что Николай был тихим, незлобивым человеком, за что в конце концов и поплатился! Ладно... пойдем тяпнем мировую – технологические чудеса на сегодня закончились!

На торжественный ужин мы собрали почти всех своих местных соратников. Со стороны Олега – его офицеры, с моей стороны – инженеры. Ни те ни другие не понимали причины столь явно проявляемых между наследником престола и простым купцом дружеских чувств. Но мужественно делали вид, что так и надо.

После ужина мы снова уединились. В курительном салоне моего дома располагалась обширная коллекция сигар и коньяков. Что мы и начали дегустировать, попутно обсуждая текущие и потенциальные проблемы.

– Эх, нам бы хоть одного специалиста по экономическому анализу! – вздохнул Олег. – А ему в помощь компьютер, пускай даже размером с трехэтажный дом! Лишь бы работал. Может, все-таки твои спецы осилят? Хотя бы лет за пять?

– Олег! Ты сам-то слышишь, о чем говоришь? Какой на фиг компьютер? Что на нем анализировать? Или я чего-то не знаю и у тебя данные для анализа есть? – охладил я пыл друга.

– Ну ладно, хрен с ним, с компьютером! Но арифмометры-то есть уже! Был бы специалист по матмоделированию экономических процессов... А то сидим, как при царе Горохе, и решаем глобальные макроэкономические проблемы эмпирическим путем – давай ЭТО попробуем – оп-па! Не получилось... Ну давай тогда вот ЭТО – опять не получилось! Ну тады ЭТО – блин, деньги кончились!

– Мать твою датскую за ногу, цесаревич! – не выдержал я. – Ты в каких эмпириях витаешь? Аналитика экономических процессов, матмоделирование... да... нужно... очень... лет через пятьдесят! Когда будет что анализировать... Ни хера же нет! Промышленность – в

заднице. Налогообложение – там же. Сельское хозяйство – рядом. Образование, медицина... Средств производства – нет. Платежеспособного спроса – нет. Ты со своего олимпа не видишь, что ли, ни хрена? Тебе вместо кругосветного плавания с девочками и шампанским надо было по примеру Толстого босиком по русской земле пройти! Да пощупать, как и чем народ живет! Цитату помнишь: «Страшно далеки они от народа!» Это про декабристов было сказано. Полвека прошло, а высказывание актуальности не потеряло!

– Чего ты на меня орешь? – миролюбиво сказал Олег. – Все я знаю, может, знаю даже лучше, чем те, кто по земле босиком! Потому что с олимпа все-все видно, а с земли – деревья загораживают! Для того чтобы построить промышленность, да еще и тяжелую, нужен план со всеми раскладками и выкладками. Кто его готовить будет?

– У твоего папеньки целое правительство есть! – отрезал я, не успокаиваясь. – Сколько там долбоебов сидит, штаны протирает? Запряги их – пускай мозгами поскрипят, если еще осталось, чем скрипеть! – Я говорил, продолжая накручивать себя. – Понимаешь – базы нет! Фундамента! Элементарных вещей, к которым мы привыкли в XXI веке. Опереться-то не на что! Прогнозировать и моделировать можно развитие! А что мы будем анализировать, если у нас никаких данных нет! Нет статистики потребления миграции, да что там говорить – элементарной переписи населения и той – нет! Ты здесь уже три года – почему не озаботился? Нет данных ни о чем! Нет даже зачатков государственного планирования! Чем ты здесь вообще занимался? С Васильчиковым и Ренненкампом водку пил? Да с казачком своим рукопашный бой осваивал? Ах да, чуть не забыл – Титову ты подсказал, чтобы таранные броненосцы не строил! Ба-а-а-альшее достижение! – Я чувствовал, что меня несет не туда, но остановиться не мог. – Таким темпом учет и контроль в этой стране появятся только благодаря столь нелюбимым тобой большевикам! Вот так вот! А то – подай мне аналитика-экономиста!

– Все сказал? – Мне показалось, или в голосе друга лязгнул металл. Привык, видимо, за годы своего «цесарения», что с ним в таком тоне не разговаривают. Но Олег тут же примирительно улыбнулся. – Да, дружище, во всем ты прав! Время я бездарно потратил! Но так откуда мне было знать, что все это не понарошку? И вообще – мне за одно только сближение с немцами бонус на Страшном суде положен! Это же разворот внешней политики на 180 градусов! Да пока ты со своими горняшками кувыркался, я, жертвуя ради Отчизны самым дорогим, с этой немецкой Rürpchen... – Олег уже откровенно смеялся.

– Ладно... – Я уже успокоился. – Давай жажнем еще по «стописят», за успех нашего предприятия!

Мы выпили, закусили «чем бог послал» – балычком и продолжили планирование.

– Нам сейчас позарез нужно развитие средств связи! – оседлал Олег своего любимого конька. – В такой большой стране, как Россия, связь нужна качественная и быстрая! Что там твои гении, блин, Попов с Герцем, вола еб...т? Не справляются – подкинь им схемы, чертежи, казачка над ними поставь, чтобы от работы не отлынивали! А то наслышан я уже, что они у тебя в кабаке чаще бывают, чем в лаборатории!

– Ты моих подчиненных не трогай! – усмехнулся я. – Они в кабак ходят только для принятия на грудь небольшого количества светлого нефильтрованного пива, исключительно ради усиления мозговой активности! И рации будут сделаны в срок – не хочу я ребят в задницу пинать! Пускай до всего своим умом доходят! Постепенно!

– Ты с этим «постепенством» доиграешься! – хмыкнул Олег. – Кончится тем, что в войну мы вступим с кучей великолепных прототипов, а не с налаженной серийной техникой! Ты Даймлера с Майбахом за каким чертом пригласил? Чтобы они тебе авто для богатеньких клепали? Стране нужны грузовики и тракторы! А армии – броневики и танки! Где они? Двигатель, я слышал, уже освоен – расширай производство!

– Вот скажи мне, дружище, а на хрена нашей армии танки? – усмехнулся я. – Кто их в бой поведет? Кто танковыми подразделениями управлять будет? Куропаткин твой?

– Ну... – смутился Олег.

– Гну! – не преминул съязвить я. – Уж если тебе так нужны танковые подразделения –

создай структуру для начала. Подготовь людей. Пускай штаты напишут, инструкции, на деревянных моделях покатаются! А вот когда плавать научатся, тогда мы воду в бассейн и запустим. В смысле – танки дадим! Вон, Гудериан справлялся как-то до появления «Тигров» и «Пантер»!

– Ну, вообще-то, до встречи с тобой я планировал создание стратегической кавалерии. Хотел Ренненкамппа на это дело поставить. Вроде бы у него в реале неплохо получалось. Но сейчас... Вполне можно создать КМГ¹²⁶. Бог с ними, с танками, ну хоть грузовиков для армии подкинь! Я же знаю, что у тебя полуторка на подходе. Кстати, хорошее название! Да и в народном хозяйстве тракторы пригодятся!

– Эх, Олегыч... – вздохнул я. – Ну, кому сейчас в России по карману трактор? Кому он реально будет полезен и кто морально готов к нововведениям в своем хозяйстве? Тракторы... Блин! Тут механических сеялок-жаток с конным приводом и тех нет! В прошлом году поставили на поток одну модель – так только немцы-колонисты с юга и покупают! А ты сразу – трактор! Деревянный плуг к ним цеплять?

– Ну, а если создать что-то типа МТС¹²⁷? – упорствовал Олег.

– Когда будет создано то сельское хозяйство, где будут востребованы МТС? Реально? Масштаб проекта представляешь? Все PRO и CONTRA¹²⁸? Социальные и экономические изменения? В наших условиях МТС – вещь совершенно не подходящая общине с ее чересполосицей и упертым крестьянским традиционализмом!

– Ну так МТС – это не только тракторы, но и школа кадров!

– Молодец! – восхитился я. – Ой, блин, молодец! Все продумал! Но это же и ежу понятно! А еще это туча хуча геморроя со всем сопутствующим хозяйством! Кто этим заниматься будет? Ты сначала какую-нибудь реформу забабахай типа столыпинской, а потом поговорим!

– Пессимисты придумывают отговорки, а оптимисты придумывают способы преодоления трудностей! – жизнерадостно заявил Олег, жестом предлагая повторить прием внутрь горячительных напитков.

– Пессимисты – это хорошо информированные оптимисты! – ответил я, разливая по лафитникам коньяк. Эх, переводим хороший напиток. Стаканами, как водку...

Мы жажнули еще по «стописят». ЛЕГЛО хорошо. Неспешно закусив, я раскурил сигару и сибаритски развалился в кресле.

– Ох, Димка, я ведь только сейчас реально представил, какую мы ношу на себя взвалили! – вздохнул Олег. – Ты думаешь, я над реформами не корпел? Корпел! И с умными людьми беседовал. Но тут такая жопа... Вот смотри! – Олег начал загибать пальцы: – Первое: для улучшения системы подготовки КАДРОВ необходима реформа системы образования. Отменять на фиг этот дурацкий указ моего папаши о кухаркиных детях! И перестать наконец преподавать в гимназиях греческий и латынь. Да там много всего! Второе: для мощной индустриализации опять необходимы кадры. На этот раз технические и управленческие. Их где взять? Третье: для проведения индустриализации необходимо решение проблемы энергоресурсов! Кто мне здесь и сейчас план ГОЭЛРО напишет? Для хоть сколько-нибудь масштабных перемен необходимо развитие транспортных сетей! Знаешь, сколько сейчас в России шоссейных дорог? Для решения управленческих проблем необходимы телекоммуникации.

– Ты еще об одном забыл, – вставил я, воспользовавшись паузой. – Для решения ВСЕХ проблем необходимы ДЕНЬГИ!!! Кто там из великих говорил: для победы в войне нужны

¹²⁶ Конно-механизированная группа.

¹²⁷ МТС – машинно-тракторная станция.

¹²⁸ За и против (лат.).

три вещи – деньги, деньги и деньги!

– Ну и кто из нас миллионер? – усмехнулся Олег. – Небось все алмазные и золотые рудники и копи уже твои?

– Почти, – усмехнулся и я. – Но ты сам можешь приблизительно прикинуть – сколько времени займет их освоение. Да и вреден будет для мировой экономики одновременный выброс на рынок большого количества золота и алмазов. Но недра от нас никуда не убегут – а вот решать кадровую проблему нужно как можно быстрее!

– Ага! Признал, что и я хоть что-то стою как аналитик! – расхохотался Олег. – Я все-таки не только водку с подручными пил да Моретту щупал! Слушай сюда, салага! Итак... Промышленность, разведка и проект «Транссиб» у нас теперь руководителями укомплектованы. Да и верхушка ГБ моими усилиями сформирована. Но вот только нельзя забывать о том, что помимо топ-менеджеров в любой крупной фирме есть мощная прослойка менеджеров среднего звена, которые, собственно, и занимаются проведением в жизнь стратегических решений. И именно от их лояльности и квалификации, от их работоспособности и мотивированности зависит в конечном итоге, удастся ли все светлые идеи и грандиозные замыслы претворить в жизнь или они останутся невозможной к исполнению утопией. Но вот с этим у нас главная напряженка! А ведь им, в большинстве своем, придется воспринять наши методы и научиться более-менее по ним работать. А кто будет учить тому их подчиненных и подчиненных более низкого уровня? То есть мы сейчас имеем ситуацию, когда в армии гениальный стратег-командующий, – я не преминул ухмыльнуться, и Олег ухмыльнулся в ответ, – верные и хорошо обученные замы и... набранные с бору по сосенке командиры дивизий, дубовые командиры полков и комбаты вчера от сохи. Это образно, без желания обидеть или принизить наших нынешних современников. Просто задачи перед ними всеми мы будем ставить такого масштаба и сложности, к каким здесь еще и не подступались в большинстве своем. А главное, они чаще всего и понимать не будут, а ЗАЧЕМ им делать все совсем не так, как ОНИ ПРИВЫКЛИ И УМЕЮТ, а как-то совершенно иначе? А если не понимают, то и дров наломать могут до черта. Каждый на своем уровне по соломинке, а на выходе минус веник. Жаль, конечно, что всех людей в империи на «засланцев» из XXI века не заменишь, да и незачем. Достаточно просто их обучить, благо время есть.

– И, конечно же, программа кадровой реформы у тебя уже сформирована? – заинтересовался я. Таругин всегда отличался способностью к тщательно проработанным планам.

– А то! – кивнул Олег. – Давай еще по одной накатим, и я тебе все расскажу!

Мы накатали, и Таругин продолжил:

– Значится, так... В следующем году я открываю два новых учебных заведения. Это Сухопутное кадетское училище имени генералиссимуса Суворова и Морское кадетское училище имени адмирала Ушакова. Оба новых учебных заведения формируются под моим личным патронажем. Отбор туда будет производиться из числа мальчиков, достигших 14 лет. При этом, за редчайшим исключением, НИКАКИХ детей знатных и просто богатых семей в училище брать не будем. Все исключения такого рода только с моего личного разрешения и только для действительно талантливых детей. Наоборот, основной набор осуществляется из НИЗОВ империи; предпочтение отдается сиротам и детям солдат и матросов. Критерий оценки кандидата: ум – оценить его можно и у неграмотного гавроша, варианты есть, здоровье – максимально близко к совершенному, желание учиться и устойчивость к внешним воздействиям и угрозам – иначе говоря, личная храбрость и психологическая упругость. Отобранные таким образом ребята зачисляются на казенный счет, живут и учатся 7 лет – то есть до 21 года – на полном государственном обеспечении. С ними работают специально отобранные старшины – из старых солдат – и офицеры. Тут главное – отобрать офицеров с педагогическими способностями и любящих свое ремесло; такие часто из-за природной честности и негибкости наглухо застревают на уровне капитанов-майоров, и их гнобят в мирное время. А тут возможность реализоваться и работа с

самыми благодарными слушателями – детьми. Цель воспитания и обучения – к совершеннолетию сделать из воспитанников качественно обученных, грамотных и лояльных офицеров, способных работать по-новому на своих местах и подбирать себе соответствующих людей по мере их роста по карьерной лестнице. Таких офицеров, для которых армия и флот – их дом родной, а государство и лично наследник – со временем и император – родной отец. Таких, которые с детства будут регулярно видеть наследника, учиться у него многому и служить ему потом не за страх, а за совесть до последнего вздоха. И при том это не будет тупая преданность безграмотных людей, отнюдь. За эти семь лет их обучат не только грамоте, но и всему тому, что сделает их ПРОФЕССИОНАЛАМИ в своем деле. Причем тут огромный простор для внедрения всего того нового, что мы знаем и умеем. Во взрослые головы с их собственным жизненным опытом это не так-то просто вложить, а тут практически чистый лист и не критическое восприятие всего нового.

– Нормально! – одобрил я. – Отличная задумка! Жжош, кросавчег!

– И через семь лет мы будем иметь около двух тысяч – часть отсеется при учебе – свежих выпускников с отличным уровнем подготовки и абсолютной лояльностью своему шефу. То есть мне. Две тысячи тех самых низовых исполнителей. Через десять лет первые выпускники поднимутся по карьерной лестнице, а уж я лично позабочусь о том, чтобы у них была реальная возможность сделать это без зажимов! Дальше работает эффект снежного кома – за первым выпуском идут второй, третий и так далее. В результате в армии и на флоте мы имеем крепкий офицерский костяк, на профессионализм и верность которого можно положиться. Понятно, что даже в отдаленной перспективе они не составят сто процентов офицерского корпуса, ведь остальные военные училища не будем закрывать. Но они станут сплоченной силой, которая даст костяк новой армии и флота.

– Неплохо! – Я тихонько зааплодировал. – Теперь наше предприятие уже не кажется мне таким безнадёжным! За ЭТО следует выпить!

Мы выпили, уже забыв закусить. В голове немного шумело, но зато поток фантазии попер, поднимая высокую волну.

– Кстати, можно проверить аналогичную задумку в гражданской жизни! – внезапно пришло мне на ум. – Техническое училище имени Кулибина! А? Звучит! И набирать детей рабочих и служащих. Точно – завтра же переименую наше ФЗУ! При переименовании поприсутствуешь? Чтобы, так сказать...

– Свадебным генералом? – хихикнул Олег. – А почему бы и нет? Задержусь еще на денек. Один хрен все гадают – чего я у тебя второй день торчу! Еще коньячку хряпнем – он у тебя отменный! Давай еще по маленькой!

– Давай!

И эта порция пролетела соколом. В голове появились еще более интересные мысли.

– Слушай, Олегыч! – крикнул я. – Еще одна идея есть! Все то же самое, только ребятишек из простых семей, ну, может, еще и особо одаренных из купеческих, будут принимать в Училище государственной службы имени... ну, допустим, Петра Великого! Там их тоже будут полностью содержать на государственный счет, одевать в форму – гражданские, но служащие – и готовить из них будущих управленцев низового и среднего звена империи. То есть тех грамотных, профессиональных и лояльных – ну и честных по возможности, – которых всегда так не хватает России и без которых реформирование государства невозможно!

– Оп-па! – удивленно выдал Олег заплетающимся языком. – Ну-ну! Продолжай!

– Создать касту не берущих взятки чиновников! – с пьяным воодушевлением воскликнул я. – Да за одно это нам после смерти по золотой статуе отольют!

– Главное, чтобы наша смерть не была безвременной! – Олег снова наполнил рюмки. – Ну, вздрогнули!!!

Эпилог

Владимир Альбертович Политов, военный пенсионер, генерал-лейтенант ГРУ в отставке, сидя в удобном мягком кресле перед голографическим монитором иновремян, внимательно досмотрел до конца сцену встречи своего внука с наследником престола Российской империи, одобрительно хмыкнул в финале и тихо произнес: «Вот и славно, что у вас так сладилось, ребята!» Все шло как надо.

Политов, не выключая ноутбук, встал из любимого кресла и сделал несколько энергичных махов руками, разгоняя застоявшуюся кровь. Хотя никакой надобности в поддержании тонуса тела не было – через крайне непродолжительное время старое тело генералу уже не понадобится.

Уже второй день Политов готовился к исходу. Туда, куда уже ушел его внук и еще шесть человек, включая «засланца» из будущего. В предпоследнее десятилетие XIX века...

Владимир Альбертович в последний раз обошел свою старенькую дачу, прикасаясь к мебели, стенам, словно пытаясь запомнить ощущение. Бесцельно и бездумно перебрал бумажки на рабочем столе. Поняв, что подсознательно оттягивает последний шаг, Политов решительно прошел на маленькую кухню и открыл краны на газовой плитке. Затем, повторно обойдя свой дачный домик, Владимир Альбертович свернул вентили на трех баллонах с пропаном, расставленных в разных помещениях (чтобы уж наверняка!). Потом он проверил, закрыты ли форточки и открыты ли внутренние двери. Вернувшись в комнату, гордо называемую «кабинетом», он снова сел перед монитором.

Ну что же... Пора! Генерал взял лежавший на краю стола таймер и выставил на нем временную задержку в пять минут. Провода от таймера шли к небольшой толовой шашке, прикрепленной непосредственно к ноутбуку пришельцев из будущего. После «ухода» хозяина дома взрывное устройство разнесет вдребезги, на мельчайшие, не подлежащие никакому восстановлению осколки ценный прибор. И последующая за этим детонация бытового газа и пожар полностью скроют все следы.

Стремянную на плавный шаг винта? Хмыкнув, Политов достал из ящика стола бутылку коньяка и поискал глазами, куда бы налить. Идти на кухню за рюмкой решительно не хотелось. А пить из горлышка отличный армянский коньяк – моветон. На глаза попала чашка с остывшим, недопитым чаем. Выплеснув чай прямо на пол, Владимир Альбертович наполнил чашку до краев и одним махом (к черту условности!) влил в себя спиртное. Напиток сразу разбежался по телу приятной горячей волной и мягко ударил в голову.

– Хорошо пошла! – выдохнул генерал и застучал пальцами по клавишам мнемотранслятора.

«Укажите интересующую вас страну». Россия. Ввод.

«Введите необходимую личность». Виталий Платонович Целебровский¹²⁹. Ввод.

«Введите интересующий вас год». 1887-й. Ввод.

«Введите интересующую вас дату». 25 декабря. Ввод.

«Зафиксируйте свой взгляд на визире». На голограмме появился «клубок», переливающийся всеми цветами радуги.

Владимир Альбертович застыл, пристально глядя на визир. Через полминуты его тело расслабилось, и генерал упал лицом вниз на стол, опрокинув с него чашку и бутылку.

Некоторое время бутылка, позвякивая, катилась по полу, в направлении двери. Но добраться до нее не успела – на таймере высветилась цифра «ноль». Мощный взрыв буквально вывернул дачный домик наизнанку. Отдельные доски потом находили в 200–300 метрах. Заключение комиссии свелось к следующей версии: выживший из ума военный пенсионер возился с каким-то устройством, так оно у него в руках и рвануло. А в домике по

¹²⁹ Целебровский Виталий Платонович (1854–1920) – сотрудник 7-го военно-учетного отделения Главного штаба (военной разведки), генерал-майор Генерального штаба (1900).

недоразумению, то есть совершенно случайно, оказалось несколько газовых баллонов.

Алексей Махров, Борис Орлов Вставай Россия! Десант из будущего

«Мы слышали, государь, что около тебя есть дурной человек по имени Правительство, от которого мы страдаем, – прогони, молим тебя, государь, прогони его от твоего лица!»

Из письма кабардинцев Александру I

Пролог

На рассвете флот приблизился к резервной зоне высадки на пятьдесят миль, и корабли начали выстраиваться в боевой порядок. Дальше пошли двумя колоннами.

В правой, под непосредственным командованием самого великого князя, шли обе дивизии броненосцев. За ними выстроились броненосные крейсера: «Очаков», «Кагул», «Севастополь», «Керчь». Замыкали колонну два дивизиона эсминцев и плавбаза «Днепр»¹³⁰. Свой флаг генерал-адмирал держал на головном «Мономахе».

Левее шли легкие силы: два дивизиона крейсеров, четыре дивизиона эсминцев, плавбазы «Дон» и «Волга»¹³¹. Командовал колонной младший флагман эскадры вице-адмирал Макаров.

Транспорты с десантом и минные заградители, сейчас скрытые туманом, держались мористее. И в десяти милях впереди, строем пеленга, шел головной дозор, состоящий из пяти бронепалубных крейсеров и «Атамана Платова». С «Платова» дозором командовал Эссен.

Генерал-адмирал стоял на крыле мостика, морщился от порывов свежего бриза, но в рубку пока не торопился. Сегодня он еще успеет набегаться по этой тесной норе. Алексей окинул взглядом теряющийся в утренней дымке горизонт. Противника пока не видно, но его флот может появиться в любую минуту.

– Радиограмма с «Платова»! – доложил выглянувший из рубки Витгефт¹³². – Эссен поднял планеры!¹³³

– И? – генерал-адмирал, как всегда перед боем, был немногословен.

– Пока ничего!

– И где их носит? – задумчиво прошептал себе под нос командующий. А вслух добавил: – Трех планеров Эссена недостаточно! Радируйте на «Днепр», командиру воздушной разведки: пускай запускает все, кроме резерва. Надо перекрыть наблюдателями три четверти горизонта. Доложить о выполнении приказа немедленно!

– Слушаюсь! – Витгефт нырнул в рубку.

Ветер крепчал, мелкие брызги с гребней волн начали доставать до мостика. Поежившись, великий князь полез в рубку вслед за флагманским адъютантом. При виде командующего присутствующие в отсеке офицеры вытянулись в струнку. Только связисты

¹³⁰ Плавбаза «Днепр» – носитель разведывательно-дозорных планеров.

¹³¹ Плавбаза «Волга» – носитель катеров-торпедоносцев. Плавбаза «Дон» – носитель мини-субмарин.

¹³² Витгефт Вильгельм Карлович (1847–1904) – контр-адмирал, видный теоретик использования минного вооружения, с 22.04.1904 – исполняющий обязанности командующего Тихоокеанским флотом. Погиб в морском сражении с японцами в Желтом море.

¹³³ Планерами на русском флоте называли мотодельтапланы.

продолжали что-то отстукивать ключами.

– Докладывайте! – глядя куда-то поверх блистающих погонами плеч своих подчиненных, сказал князь.

– Эскадра закончила перестроение. Объявлена и поддерживается боевая готовность номер два. Курс норд-норд-вест, скорость двенадцать узлов, – четко отрапортовал начштаба Старк¹³⁴.

– Хорошо, Оскар Викторович, – кивнул командующий. – Продолжайте выполнение своих обязанностей.

Генерал-адмирал медленно прошелся по рубке и остановился возле узкой смотровой щели. Прошло несколько минут. Отсек снова заполнился гулом голосов, перемежаемым шелчками расчётчика и клацаньем радиоключей. В этом шуме князь не сразу расслышал, что к нему обращается командир БЧ-4, и тому даже пришлось деликатно тронуть Алексея за рукав кителя.

– Что? – командующий снова перешел на лаконизм.

– Радиограмма с «Днепра», ваше высокопревосходительство! Командир воздушных разведчиков доложил о выполнении приказа на взлет всех планеров. И...

– И?

– На общей волне с нами связался один из пилотов Эссена.

– Что?!! – рявкнул генерал-адмирал. – Почему не обращается по команде, что за самовольство?

– Пилот говорит, что обнаружил неприятеля и хотел лично вам доложить его координаты, численный состав, курс, скорость и...

– Выслужиться хочет... – хмыкнул адмирал. – Ладно, будет ему награда – белый крестик... во всю жопу! Чего ты мне гарнитуру тычешь? Не буду я с ним разговаривать – сам у него доклад прими и запиши. И не забудь Эссену потом сообщить об этом герое. Думаю, что у Николая Оттовича тоже найдется, чем приветить красавца! Хотя нет – пусть кто-нибудь из твоих людей с пилотом пообщается, а ты дай радиограммы Макарову и Эссену: готовность номер один!

Где-то над серыми волнами летел, борясь со встречным ветром, планер русских ВМС. Пилот, в гордыне своей забывший о субординации, разглядывал лежавшие далеко внизу силуэты вражеских кораблей. Он насчитал уже больше пяти десятков вымпелов и идентифицировал в головной группе новейшие броненосцы типа «Ринаун». А вслед за ними... в середине походного ордера шел корабль, раза в полтора превосходящий размерами самый крупный броненосец. Это мог быть только «Аннигилятор»¹³⁵...

Через несколько минут генерал-адмирал в третий раз перечитал записку с докладом пилота. У противника и без «Аннигилятора» было трехкратное превосходство по количеству вымпелов и полтора-два раза по весу залпа. Но присутствие «Аннигилятора» все меняло. Эта сволочь при благоприятных условиях могла в одиночку уделывать весь русский флот. К счастью, скорость у монстра не ахти – всегда можно начать изматывание противника бегом, но... Сейчас нужна решительная победа – уйти от боя означает потерю транспортов с двумя дивизиями пехоты. Черт! И когда только эти уроды успели притащить этот супертяжелый броненосец, а вернее – плавбатарей на ТВД? Конечно, у этого чуда очень низкая скорость и малый запас хода. Но зато 500-мм броня и 17-дюймовый главный калибр...

Ладно, когда ни помирать – один хрен день терять! Командующий поднял глаза от записки и понял, что все присутствующие в рубке офицеры смотрят на него. Этак выжидательно смотрят... Знают уже... Не будем их разочаровывать!

¹³⁴ Старк Оскар Викторович (1846–1928) – вице-адмирал, с 7.02.1904 – исполняющий обязанности командующего Тихоокеанским флотом.

¹³⁵ Аннигилятор (annihilator) – уничтожитель (англ.).

– Боевая тревога! – негромко скомандовал князь.

Офицеры порскнули по отсеку, как тараканы. Связисты застучали ключами. Командующий подошел к штурманскому столику и позвал начштаба и флагманского адъютанта.

– Господа, мы имеем перед собой трехкратно превосходящего нас численно противника. Их эскадра следует курсом зюйд-зюйд-ост, то есть прет, сука, нам прямо в лоб. Десятиузловым ходом. Про нас они пока не знают – идут походным порядком. Дистанция от дозора Эссена до их главных сил – сорок миль.

– Значит, если мы не увеличим скорость, то встретимся через... – рассудительно уточнил Витгефт.

– Именно, Вильгельм Карлович, – кивнул князь. – Но самое сладкое я не сказал – пилот утверждает, что заметил в порядке «Аннигилятор»!

– Раздолби их всех тройным перебором через вторичный переоб, залупоголовое страхуебище! – тихо произнес Витгефт и грязно выругался. – Простите, ваше высокопревосходительство, не удержался. И когда они успели?..

– Вот и я подумал: когда? – хмыкнул князь, стараясь удержать в памяти несколько интересных речевых оборотов из эмоциональной филиппики адъютанта. – Проспала наша разведка! Ладно, отставить лирику! Жду от вас, господа, предложения по плану боя!

– А если... – задумчиво начал Старк, но смолк, теребя подбородок. – Штурман! Какие здесь глубины?

– От 500 до 700! – почему-то веселым голосом оттарабанил штурман, мельком глянув на карту со свежей прокладкой курса.

– Н-да... – хмыкнул начштаба, – тогда мины отменяются, а я уж хотел выставить завесу и повернуть...

– Угу... – кивнул головой князь и повернулся к Витгефту. – А вы что предложите, Вильгельм Карлович?

– Транспорты разворачиваются назад прямо сейчас. А главные силы следуют вперед и после контакта с противником связывают его боем на встречном курсе, постепенно отворачивая на норд. Дадим транспортам фору в пару часов, а потом постараемся оторваться, пользуясь преимуществом в скорости. Общеэскадренная у нас на целых пять узлов выше, чем у них! Догнать нас смогут только бронепалубники, а они нам не страшны... Думаю, что предполагаемые потери при контакте и артиллерийской дуэли будут в пределах 7 – 10 единиц, из них тяжелые корабли – 2–3, не более. Предполагаемые повреждения остальных...

– Достаточно, Вильгельм Карлович, – перебил адъютанта генерал-адмирал, – я понял вашу мысль... Оба предложенных варианта гарантируют срыв операции. А она, должен вам напомнить, готовилась три месяца! А тут такой афронт!

– Но, ваше высокопревосходительство, Алексей Александрович! – горячо заговорил Витгефт. – Никто не мог точно предсказать появление на театре «Аннигилятора»! Ведь по последним данным разведки, броненосец стоял в...

– Я знаю, где он, тварь такая, стоял! – снова перебил Витгефта Алексей Александрович. – Как говорят наши друзья французы: «*A la guerre comme a la guerre*»¹³⁶, что применительно к нашему нынешнему положению означает: надо воевать тем, что у нас есть, и победить, мать вашу! Потому как на поражение у нас просто нет права! ЭТО всем понятно?

– Так точно!!! – вытянулись офицеры.

– У нас есть преимущество: мы знаем о местонахождении врага, а он о нашем присутствии нет. Плюс превосходство в скорости. Поэтому план такой: легкие силы обходят противника по широкой дуге и в нужный момент атакуют с тыла, добивая поврежденные

¹³⁶ На войне как на войне (фр.).

корабли и внося сумятицу. Главные силы маневрируют таким образом, чтобы в момент зрительного контакта с противником быстро выйти на курс, ведущий к охвату его головы.

Штабные офицеры почти синхронно кивнули, признавая за планом право на жизнь.

– Приказываю! – генерал-адмирал слегка возвысил голос. – Отряду Макарова лечь на курс 270 и дать 25 узлов. Плавбаза «Волга» идет с ними. Разворот на курс 090 через 1 час 40 минут. Держать связь с нами и планерами. При отсутствии данных разведки или иных приказов через 30 минут сменить курс на NO35. Пересечь бывший курс противника сзади и начать преследование, предполагая, что главные силы врага отклонятся к норду. Действовать по обстоятельствам. Цель – корабли обеспечения и подранки.

Далее: плавбазе «Дон» подготовить к спуску на воду подлодки. Поставим их завесой поперек траектории движения противника. Пускай пустят ему первую кровь, отработают те немалые средства, что мы вбухали в их создание.

Далее: главные силы должны отойти чуть назад, чтобы дать подводникам время и возможность проявить себя. Прямо сейчас ложимся на S180 или даже SO135. Отходим за пределы видимости, ложимся на NO30-40. Ждем, пока противник окажется примерно на траверзе, корректируемся по данным разведки и, если подлодки противника с курса не спихнули, идем NO30-40 со скоростью, чуть превышающей скорость противника. Задача – оказаться в момент зрительного контакта на его носовых курсовых углах на параллельно сходящихся курсах в боевом порядке, не требующем перестроений, изменений курса и скорости. Раз линейный бой нам невыгоден, пользуемся тем, что мы впереди и с большей скоростью.

Все! Работаем, господа!..

...А что это звонит над ухом? Будильник... Черт, ну и сон мне приснился! Какие планеры? Какой «Аннигилятор»? Какие плавбазы и сверхмалые подлодки? Фух!.. Что за бред? Привидится же такое! Хорошо еще, что не подняли в воздух дирижабли с гиперболоидами и не начали подготовку к запуску МБР! А то ведь так и до «Звезды Смерти» и психической атаки матросов на зебрах недалеко!

На тематику этого... кошмаром, конечно, не назвать... сна явно повлиял вчерашний визит к Альбертычу и его предложение поработать великим князем Алексеем Александровичем, генерал-адмиралом Российского флота...

Рассказывает Сергей Платов¹³⁷

Ох... мля... тяжело-то как... В ушах гудит, во рту кака кошачь. В правом боку что-то томит и жить мешает, да и спину ломит, как будто всю ночь мешки ворочал. Уф-ф-ф. Похмельный синдром во всей своей красе.

Стоп, машина! А за что мне так хорошо? С пары бутылок доброго армянского коньячка, употребленного с дедами под разговор, пускай со скромной закуской, так не бывает. «А про шампанское забыл?» – шустрой ящеркой проскользнула мыслишка в большой голове. Какое шампанское? Не было никакого шампанского! Я напряг память, стараясь вспомнить, что же все-таки было вчера вечером. Воспоминания пришли сразу, но как-то двумя потоками. Одни были мои, а вот другие были не совсем мои. Скажем так, касались они меня, но другого меня, хотя их реалистичность и натуральность не вызывали сомнений.

Я прекрасно помнил, как мне позвонил Владимир Альбертович, дед моего закадычного друга детства Димки Политова, и пригласил встретиться вечером – поговорить о непутевом внуке. Выражался он туманно, ссылаясь на то, что разговор пойдет совсем не телефонный, чем, признаться, меня крепко обеспокоил. Владимир Альбертович заменил Димке погибшего в Афганистане отца, но мелочной опекой внуку не досаждал и на пустом месте тревогу бы не поднял. Димка хоть и был парнем разумно осторожным, но, как говорится, было у него и

¹³⁷ В написании этой главы участвовал Сергей Плетнев.

свое шило в заднице. Мог ввязаться в какую-нибудь авантюру, а учитывая, что он вел холостяцкую жизнь и был легок на подъем, вполне возможно, что на этот раз влез во что-то очень серьезное. И это по-настоящему беспокоит его деда, человека далекого от старческого маразма и грамотного во всех отношениях. Шутка ли – генерал-лейтенант ГРУ в запасе, полжизни человек по миру мотался, знаний и опыта на десятилетия хватит.

Не откладывая в долгий ящик и не мучая себя пустыми размышлениями, я заскочил после работы в ближайший винный магазин за коньяком (Альбертыч уважал только «Юбилейный») и, поймав такси, отправился по указанному адресу. Местом встречи оказался тупик рядом с Театром на Таганке. Пока я вертел головой, пытаюсь сообразить, куда двигаться дальше, в кармане зазвонил телефон. Четким командным голосом Владимир Альбертович сообщил мне номер подъезда и код замка. Хех, разрешите выполнять, как говорится. Набираю код, вхожу в полутемный подъезд и вижу Альбертыча собственной персоной. Не тратя времени, он молчком цепляет меня под локоток и, не обращая внимания на приветственные славословия, тянет за собой.

Подъезд оказался сквозным. С другой стороны дома стояла «Газель» с металлическим кузовом, в этот темный фургон мы и забрались. Внутри Альбертыч явно разбирался лучше, чем я, а может быть, у него вместо старческой куриной слепоты развилось ночное кошачье зрение. Он толкнул меня на что-то мягкое, садись мол, захлопнул дверь и трижды стукнул по стенке. Тронулись, поехали. Альбертыч закричал, зашебуршал, чем-то щелкнул, и внутренности фургона осветила небольшая настольная лампа. Неплохо устроились товарищи разведчики. Здесь тебе и диван, на котором, как оказалось, я сижу, и столик с креслом, какие-то мониторы. Зуб за два, что за выгородкой рядом с кабиной скрывается биотуалет. Ни разу в жизни я не видел спецмашин наружного наблюдения, но чувствует мое сердце, что сейчас я нахожусь в одной из них.

Альбертыч все так же молча достал из кармана телефон, по габаритам явно не сотовый, выключил его, пошевелил седыми бровями и отсоединил аккумулятор.

– Ну, здравствуй, Сережка! Молодец, что приехал.

Сам знаю, что молодец, только зачем эти шпионские игрища. Не дав мне открыть рта, он продолжил:

– Понимаешь, меры безопасности надо соблюдать. Тебе вот, кстати, никто звонить не должен?

– Это вы к чему, Владимир Альбертович? – спросил я, уже предполагая, что он ответит.

– А к тому, ястреб ты наш морской, что телефончик свой выключи, на всякий случай. Тут сигнал экранируется, все равно никто тебе не дозвонится, а мне спокойней на душе будет.

Темнит дедушка. Ладно... пока подыграем. Что же, черт возьми, случилось с Димкой, если для разговора необходимы такие предосторожности. Молча достаю телефон и отсоединяю аккумулятор. Посмотрим, что дальше. А дальше не было ничего, точнее ничего нового о Димке во время поездки я не узнал. Владимир Альбертович сослался на то, что мы уже скоро приедем на квартиру, где нас ждет его старый коллега, и поговорим втроем. Ехали мы действительно недолго, от силы минут пятнадцать, но должен заметить, что эта поездка мне не понравилась совершенно. В наглухо закрытом фургоне все маневры водителя ты воспринимаешь достаточно весело. В общем, поболтало меня на диванчике из стороны в сторону конкретно. Ага, вроде приехали. Над дверьми зажегся темно-зеленый плафон. Альбертыч выключил лампу, дернул ручку дверей и мягко прыгнул на асфальт. Старая школа, сколько лет мужику, а все как молодой. Я не стал дожидаться специального приглашения и, прихватив пакет с гостинцами, последовал за ним. Двигатель не глушили, поэтому сразу после условного стука «Спецгазель», мягко шелестя шинами, отправилась по своим спецделам. Водителя я так и не увидел.

Так, и куда же мы приехали? Обычный двор, обычная шестнадцатиэтажка. Фонарь в стороне, ну-ка, какой тут адресок? Ага, выяснил... Белым по синему четко написано, что мы приехали к дому номер семь, а вот названия улицы, как обычно, не указано.

– Пойдем, любопытный, – буркнул Альбертыч и зашагал к подъезду.

На изрисованном матерными «граффити» лифте поднялись на десятый этаж. Стальная дверь тамбура, затем стальная дверь квартиры – явление для Москвы стандартное, но вот висящий на вешалке в крохотной прихожей «АКМ» – нечто, из обыденности выпадающее.

– Мы тут фактически на военном положении, – снизошел до объяснения Альбертыч, перехватив мой взгляд. – Давай, проходи на кухню! Ботинки можешь не снимать – и без тебя натоптано!

Позвякивая пакетом, я проследовал в указанном направлении. Н-да... сразу видно, что ни одной женщины среди проживающих в этой квартире людей нет – в раковине гора грязной посуды. На столе чашки с недопитым чаем и переполненные пепельницы. Я выгрузил на стол нехитрую закуску для краткого междусобойчика с учетом специфики напитка и веяния времен: банку оливок, упаковку тонко поструганного сервелата, коробочку хорошего сырного набора (имею я такую слабость), нарезанный батон белого хлеба. Пока я разбирался с закуской, Альбертыч достал с полки рюмки, нарезал лимон, откупорил бутылку и выдвинул кухонные табуреты из-под стола.

– Присаживайся, разговор у нас с тобой будет длинный. – Он махнул рукой в сторону табуретки, стоявшей ближе к двери. Ситуация мне не нравилась все больше и больше. Во что же Димка вляпался?

Я осторожно присел. Альбертыч аккуратно разлил по рюмкам коньяк – ровно по три четверти емкости.

– Со свиданьем. – Он махнул рюмку, на секунду замер, оценивая напиток и прислушиваясь к себе, потом бросил на кусок хлеба пару ломтей колбасы, а сверху – пару ломтей сыра. Насколько я помнил – всякими «гвардейскими пыжами» старик никогда не баловался.

– Будем! – Я последовал его примеру и пригубил коньяк.

– Ты, наверное, вопросами мучаешься, что, мол, да как? – Альбертыч, бодро пережевывая бутерброд, закинул в рот пару оливок. – Спрашивай, не стесняйся!

– Чего спрашивать, Владимир Альбертович? Зачем воздух впустую сотрясать? Я уже не зеленый пацан. Если вы, используя ресурсы всей своей организации, Димке помочь не можете, а меня зовете, значит, нужен именно я. То, что мне знать необходимо, сами расскажете. Где рассказать не сможете – промолчите. Посвятите в ситуацию и проведете инструктаж, так сказать.

– А ты уже на все заранее готов? Если надо ради друга, то и в колодец головой?

– Если надо в колодец, то можно и в колодец... слазать, по веревочке или по скобам, со страховкой и пониманием, что в этом колодце я должен искать или делать. – Я выпрямился на табурете и положил ладони на стол. – Если друг упал в колодец, прыгать сверху бесполезно. Так его убить можно или оглушить, а вот спасти не получится точно.

– Ты, Сережа, не ершишься. – Альбертыч, прищурившись, посмотрел мне в глаза. – Ситуации бывают разные. Вот, помню, был у меня один случай...

Так... Вместо того чтобы говорить по делу, мы хотим травить байки. Впрочем, баек не последовало. Альбертыч посмотрел куда-то поверх моей головы и спросил:

– Парень чистый? – Этот вопрос Альбертыч адресовал не мне, а бесшумно подошедшему широкоплечему седому мужику, загородившему своей фигурой весь дверной проем. Мужик молча кивнул. Альбертыч кивнул в ответ и повел рукой в сторону стола. – Присоединяйся, Илюха!

Еще один грушник на мою голову?

Альбертыч тут же подтвердил мою догадку:

– Знакомьтесь! Это Сергей Платов – старый дружок моего Димки. А это Илья Петрович Дорофеев – мой коллега.

Мы обменялись с Ильей Петровичем рукопожатием. Ладонь у него была сухой и крепкой.

– Вижу, Сережа, что гадаешь, о чем таком интересном может пойти разговор, если он

обставлен такими мерами предосторожности? Давай уже, разливай свой коньячок! Махнем еще по рюмашке, тогда и поговорим!

Рюмка действительно не мешает, терпеть не могу, когда у меня за спиной неожиданно появляются таинственные незнакомцы. Выпив, Владимир Альбертович поведал мне настолько фантастическую историю, что несколько минут я молча просидел, пялясь на усеянную грязными пятнами столешницу. Услышь я это от кого другого – посмеялся бы. А попробуй кто под такую дурацкую сказку что-то с меня поймать – послал бы далеко и надолго. Но Альбертыч – человек достаточно приземленный. И до сих пор в подобном фантазировании замечен не был. А уж вербуя на непонятное дело, наверняка придумал бы что-нибудь более убедительное.

Оказывается, Димка и его друг Олег сейчас пребывают в конце XIX века. Причем только сознанием, а тела остались здесь. Сознание Димки оказалось в купце 1-й гильдии Рукавишникове, и он сейчас занимается организацией крупного научно-промышленного объединения в Нижнем Новгороде. А Олег оказался, ни много ни мало, в теле цесаревича, будущего императора всея Руси Николая Второго. Первое впечатление часто бывает наиболее правильным. Повода подозревать Альбертыча и его друга в дружбе с компьютерными технологиями я не имел. Скорее всего ребята заигрались в какую-то сетевую стратегическую игрушку и немного поехали крышей на этой почве. Либо, как вариант, на них обкатали новый способ воздействия на сознание какие-нибудь спецслужбы. Так я и сказал. Старики переглянулись.

– Я предупреждал! – это были первые сказанные Дорощевым слова.

– Ну, ведь ты же поверил! – парировал Альбертыч. Видимо, они продолжали какой-то незаконченный спор.

– Я – другое дело! – не сдавался Дорощев. – Я тебя сто лет знаю и давно изучил, когда ты шутишь, а когда серьезно говоришь. К тому же эта тема уже давно в нашей конторе поднималась. Эти ребятки из будущего настолько широкую тропу сюда протоптали, что не заметить было тяжело.

– А где этот... прибор? Можно... посмотреть? – Мне не то чтобы хотелось убедиться. Просто стало интересно. Да и разговор надо поддержать. Возможно, получится узнать, в какой больнице сейчас находятся Димка с Олегом, и поговорить с лечащим врачом.

– Пошли! – Альбертыч решительно встал из-за стола. Я уж подумал, что повторится наш давешний маршрут с поездкой в закрытом фургоне, но идти пришлось всего лишь в соседнюю комнату.

На первый взгляд «мнеотранслятор» не впечатлял. Подумаешь – обычный ноутбук, только с какими-то лишними клавишами и без крышки-монитора. Но развернувшийся после включения голографический экран откровенно удивил! Такой техники мне до сих пор видеть не доводилось. Хотя за годы службы на флоте, да и после, я на разные девайсы насмотрелся. Но само по себе наличие такого устройства – еще не доказательство. Мало ли что могут придумать пытливые умы на службе транснациональных корпораций? Но вот «кино», которое крутили по этому «телевизору»... Целую минуту я пытался понять, что же вижу. Потом догадался, что дурная картинка – не ошибка неопытного оператора, а следствие того, что съемка идет... через чьи-то глаза.

– Сейчас прибор подключен к Олегу! – пояснил Альбертыч. – Ты можешь видеть званый обед, который организовали денежные мешки славного города Сан-Франциско в честь прибытия к ним наследника императорского престола России. Не самый удачный момент, прямо скажем, чтобы доказать тебе истинность наших слов. Но мы можем записи показать – посмотришь на Александра Третьего, супругу его...

Вот как раз лицемерие императора меня бы не убедило. Можно подумать, что очень сложно загримировать подходящего актера. Но вот мелькнувшее несколько раз в «кадре» лицо заставило мое сердце забиться в бешеном ритме. Неужели... все рассказанное мне сегодня... правда?!! Потому как очень сомнительно, что гипотетические режиссеры розыгрыша могли знать, что я как-то раз случайно наткнулся в Инете на фотографию

молодого Павла Ренненкампа. А ведь именно будущий командир 1-й армии сидел по левую руку от... Олега. Или цесаревича? Или Олега в теле цесаревича? Блин, запутался...

Пребывая в некотором обалдении, я вернулся на кухню и плюхнулся на табурет. В непроизвольно начавшую шарить по столу руку Альбертыч ловко вставил полную рюмку коньяку. Я машинально выпил и встряхнулся. Старики смотрели на меня сочувственно.

– Так это все правда? – подал голос я.

– Правда, Сережка, правда... – кивнул Альбертыч. – Прикалываемся мы несколько по-другому...

– А уж дезинформируем – и подавно! – повторил кивок Дорофеев. – Я сам, когда все это узнал, – примерно то же самое, что и ты сейчас, испытывал.

– Однако, Сергей, мы пригласили тебя не для того, чтобы исторические фильмы крутить! – Альбертыч тут же взял быка за рога и начал ковать железо, пока оно... ну, вы поняли!

– Очень интересно, – подал голос я. – А от меня что требуется?

– Нам позарез нужен человек, хорошо разбирающийся не только в истории флота, но и в основных направлениях его развития. Человек достаточно молодой, гибкий и незашоренный! Способный на нестандартные решения в условиях жесткого цейтнота. Способный не только построить флот и правильно его применить, но и заложить прочный фундамент развития на долгие годы вперед. Человек, наизусть помнящий все тогдашние проекты и технологии.

Приятно, когда тебя хвалят! Внутренне улыбнувшись, я представил, как обучаю Макарова тактике морского боя и превентивно бью морду Небогатову.

– Не знаю, насколько я смогу быть полезен в этом вопросе. Тут вот в чем дело... Просто необходимо понимать, что флот – это квинтэссенция научного, технологического и промышленного развития страны. Грубо говоря, какую страну мы имеем, такой флот у нас и будет. Россия на рубеже веков не отличалась сильным промышленным потенциалом.

– За промышленность и науку отвечает как раз Димка, – прервал меня Альбертыч. – Думаю, проблем с этой стороны у тебя не будет.

– Ну что же, уже проще. Кстати, в какой год и в кого я должен буду попасть?

– 1887-й. Ну а в кого, ты сам выбирай. Персоналии тебе лучше знакомы. Хотя могу рекомендовать не мелочиться и брать в разработку кандидатуру морского главнокомандующего, великого князя Алексея Александровича.

Я вытянул сигарету из пачки, прикурил и задумался. В словах Альбертыча был свой резон. Путь по карьерной лестнице долог, и, как правило, адмиральские «орлы» украшают погоны людей далеко не молодых. Надо будет посмотреть, сколько лет тогда было тому же Макарову.

– В 1887 год? Любопытно. Только знаете, лучше уж в 1881-й. Собственно, Алексей Александрович назначен главным начальником кораблей и флота именно тогда. Чисто практически больше шансов влезть в кораблестроительную программу и модернизировать флот эволюционным путем, а не с шумом, грохотом и революционным порывом устраивать экстренное потрошение бюджета на неотложные нужды.

– Нет, Серега, в 81-й не получится, – Альбертыч покачал головой. – Планида, тьфу, бифуркация не позволяет.

– Ты еще скажи, ешкин дрын, что тебе надо дать лет двадцать, чтобы личный состав воспитать и адмиралов вырастить! – добавил Илья Петрович.

– А без этого никак! «Железо» – половина флота! Личный состав – основа основ! – постепенно заводясь и чувствуя копчиком, что именно этого старики и добиваются, сказал я. Сделав над собой могучее внутреннее усилие, я постарался успокоиться и продолжил уже не столь запальчиво: – Придется работать и над тем и над другим. Но я хочу заметить, что сколько матросиков ни дрючь и какой самый современный броненосец им не дай, если командование использует корабль не по назначению, а в пожарном порядке затыкает свежееобразовавшиеся дыры, то ничего хорошего из этого не выходит. Сплошной героизм и

самоутопление там, где тонуть должны враги. Опыт, к счастью не личный, подсказывает, что можно долго пытаться сломать березу половым членом, но каким бы толстым и крепким он вам ни казался, ничего хорошего, кроме заноз, вы не добьетесь. Лучше взять топор или пилу – с инструментом надежней и практичней. В нашем случае флот является тем самым инструментом, который мы будем заботливо отстраивать, готовить и затачивать к конкретно намеченным датам. Слава богу, до русско-японской время еще есть...

Я подскочил в постели как ошпаренный.

М-мать моя родина, отец Северный флот!!! Меня согнуло дугой от боли в животе. Так, потихоньку, полегоньку свесил ноги вниз. Продышался. Ф-фуф, чуть на койку не стравил. Что же это такое получается?

Все именно так, как говорил Альбертыч, я нахожусь в теле великого князя Алексея Александровича Романова, последнего в нашей истории генерала-адмирала российского флота! Волна адреналина, прокатившаяся по телу, медленно сходила. Ну и наверчу я здесь дел, в век не разгребете, «будущане»!

Ох, дурень я стоеросовый. Дите малое и неразумное. Ввязался, как карасина зеленая, бог знает во что. Хотя на что жаловаться. Что хотел, то и получил. Назвался груздем – полезай в короб. Меньше надо было выпендриваться и языком болтать.

Все! Отставить самобичевание! Теперь я снова в строю. На этот раз лично от меня зависит очень многое. И «железо», и экипажи. И их жизнь, и их появление на свет. История в том варианте, что была у нас, повториться не должна.

Ох, «железо», ты мое «железо», кубрики в гарнизонных гостиницах, погодные «варианты» да любимый личный состав! Кабы вы знали, как по вам можно соскучиться, когда, уволившись со службы, после того как пройдет первый запал, убедившись в глупости и неорганизованности гражданского существования, понимаешь, что обратно не повернуть.

Жить на гражданке не в отпуск слетать. Тут другое требуется, совсем другая приспособленность и умение. Правильно говорили во времена массовых сокращений по оргштатным мероприятиям, увольняйся, пока молодой, не тяни. А я тянул, не верил, хоть выходов почти не было. Кто-то служить-то должен. Кто, если не я? Платовы служили на флоте всегда, менять этой традиции добровольно я не желал совершенно. Вот и тянул. Тянул иногда на чистом упрямстве. О некоторых годах даже вспоминать не хочется.

В одном проще было, пока молодой был, жениться не успел. Многие хорошие грамотные ребята из-за этого ушли. Их можно понять, когда по полгода только на пайке живешь, а детям хочется яблок и мандаринов. Тех, что под Новый год в военторг завезли самолетом, только о том, что даже финчасть, точно так же, как ты, денежного довольствия давно не видела, этот чертов военторг предупредить забыли. Вот и получается, что смотришься ты даже перед собственным ребенком – сидящим на голом вассере. Не выдержавшим и уволившимся в те годы только бог судья. Сам не знаю, что делал бы, будь у самого за спиной жена и ребенок.

Вышло так, как вышло. Служил. Встречал осень, провожал зиму, организовывал сбор «подснежников». Отец корил, конечно, за характер: после окончания училища, имея выбор по распределению, выбрал СФ, а не ЧФ, где отец уже был начальником управления. Не хотел быть сыном под папой. Насколько вышло... не знаю. Карьеры по «командам» не делал, да и не сложилось при мне рядом черноморской команды. Отец достаточно быстро уволился, а его бывшим сослуживцам и друзьям существование Платова-младшего в нашем быстро обновляющемся обществе было не интересно. Просить же за себя я не привык.

Незаметно для себя всерьез увлекся историей флота. Просто как-то раз в 91-м или в 92-м молодой и борзый матрос-«карась» на занятиях по истории флота (их ввели вместо политподготовки) задал вопрос о «наиболее выдающихся» сражениях Северного флота во время Великой Отечественной. Мой рассказ о действиях подводников и проводке конвоев пацана не убедил. Что поделаешь, Мидуэй и утопление «Бисмарка» были на других ТВД. Молодежи нужна яркость и масштаб, а то, что у нас здесь также гибли люди, и каждый их день, каждый выход был подвигом, молодых уже ни в чем не убеждает.

На следующее занятие я подготовился серьезней, тетрадку с рекомендованным планом занятий отложил в сторону, и ребята, призванные со всей ужавшейся нашей страны, слушали мой рассказ если не открыв рот, так как минимум не засыпая. Не знаю, понял ли тот «карасина» что-нибудь или нет, но для себя я многое уяснил. Так и повелось, понемногу все ширше и глубже. История – благодарный материал, документов, мемуаров и точек зрения много не бывает.

Потихоньку добрал свои двадцать календарей, плюс льготные, прошел Ве-Ве-Ка, написал рапорт и без задержек оказался за бортом Российского военно-морского флота. Приехал в Москву и начал работу искать. Однако поначалу наткнулся на стойкое отторжение – на хорошие должности в коммерческие структуры без опыта работы не брали... А перспектива идти раздавать у метро рекламные листовки как-то не грела. Спасибо сослуживцам, уволившимся раньше меня и устроившимся на гражданке отнюдь не простыми продавцами. Вот и помогли, по старой памяти – нашли вакантное местечко специалиста по компьютерной безопасности в кредитном банке средней руки.

И начал я жить-поживать... И вроде денег стал зарабатывать не в пример флотской службе. Иной месяц, вместе с халтурками (кому-нибудь безрукому компьютер собрать или «винду» переустановить), раз в десять поболее прежнего набегало. Хватало и на коньячок, и на «посидеть с друзьями» в приличном пивнячке. Я даже как-то незаметно к темному пиву пристрастился, хотя раньше только слышал о всяких «гиннесах» и «бимешах». Брюшко отрастать начало... Идиллия!

Но вот грызло меня изнутри! Потому я на военно-исторических форумах в Интернете часами торчал, с такими же отмороженными любителями истории общался. Ну как же так вышло, что Россия – страна с огромными материальными ресурсами и талантливыми людьми – несколько веков безуспешно пыталась догнать Европу? Почему? Когда можно было разорвать порочный круг?

Я, дурак такой, голову ломал, о вечных проблемах думая, а кто-то такими вопросами не парился – зашибал бабло да оттягивался с девочками и кокаином. Нет, в том-то и дело, что я таким не завидовал. Просто недоумевал – как можно жить, отключив мозг? Помнится, сидел я как-то раз в роскошном кабинете вице-президента нашего банка – «троянов» ловил, которых этот мудака умудрился насобирать, лазая в рабочее время по порносайтам... И ведь хватило ума этому придурку через чужую беспроводную сеть в Интернет выйти, чтобы на банковском сервере следов не осталось. А кабинет по площади в четыре раза больше нашего, где кроме меня еще три сисадмина квартируют. И «вице» этакий... Холеный, как хряк-производитель. Стрижечка наверняка самая модная, костюмчик стопудово из последней коллекции какого-нибудь пидора с итальянской фамилией. И что самое для меня удивительное – подкачан этот типчик довольно неплохо! В смысле – мышцы. Ах, ну да... И это тоже сейчас модно – здоровый образ жизни. Фитнес-зал три раза в неделю, по два с половиной часа. И вот вдруг говорит мне это «чудо» человеческим голосом:

– Сергей, а правда, что ты повоевать успел?

– Да, – не отпираюсь я, и ставлю себе в памяти зарубку, в анкете это не записано. Рассказать об этом кусочке моей биографии мог только мой бывший сослуживец, устроивший меня сюда на работу и трудящийся сейчас в этом же банке на должности начальника СБ.

– В этой, как ее, Абхазии? – зачем-то уточняет этот красавчик.

Было дело. В самый разгар грузино-абхазского так называемого конфликта, а если по-честному – настоящей войны, послали меня с группой морпехов на секретную «точку», расположенную в предгорьях. Сам до сих пор не понимаю, зачем надо было гнать нашу группу аж с Северного флота. Могу только догадываться, что на черноморцев в то время положиться на сто процентов было нельзя – они тогда в процессе деления пребывали. Большинство хотело под Андреевским флагом служить, но часть в украинский флот переходила. «Точка» та была радиорелейной станцией-ретранслятором. В принципе ничего особо секретного на старушке Р-406 нет. Их электронная начинка уже давно

«потенциальному» противнику известна. Чисто теоретически, всех делов – станцию взорвать, персонал эвакуировать. Там и сидело всего четыре человека: командир, водитель-электромеханик да пара операторов. Но легкой прогулки не получилось. Пробиваться пришлось с боем – грузины на российский флаг, под которым шла наша небольшая колонна, плевать хотели. Оттуда я вынес пулевое отверстие в левой ноге, привычку не доверять на сто процентов разведанным и стойкое убеждение в том, что лучший автомат – «РПК».

Так что же заинтересовало «вице»?

– А ты там кого-нибудь убил?

Вот оно что! Захотелось «мальчику» нервишки себе пощекотать «охотничьим рассказом». Ну уж извини – я даже с приятелями те события не обсуждаю. Только Димке и рассказал. Под литр водки в одно рыло... Наплел я тогда этому крутому вице-президенту что-то предельно скучное: мол, высадились, сели на «броню», проехались взад-вперед и снова на «коробку» БДК вернулись. Наплел, дочистил «комп», с благодарностью принял небольшой презент – дорогую никарагуанскую сигару и ушел восвояси. А в голове мыслишка засела – блин горелый, ведь надо что-то делать. Ведь чем я сейчас от «вице» этого отличаюсь, кроме существенно меньшего количества денег? Только тем, что вместо порносайтов на исторических форумах торчу?

Вечером на меня, что называется, накатило, я бесцельно слонялся по пустым комнатам квартиры, не зная, чем себя занять. Мысли в голове крутились самые препаскудные. Вот он, шанс, вот предложение Альбертыча «спасти Россию», и это не белая горячка и не розыгрыш. О чем думать, если можно действовать, тем более что старички и сами готовились в скором времени ко мне присоединиться.

Неторопливо выкурив подаренную сигару, еще раз прикинув все за и против, я позвонил начальнику, предупредил, что беру отпуск за свой счет, и отправился в гости к старикам-«грушникам». Чему быть, того не миновать, а будет то, что будет.

Вселение прошло как по маслу. Вот только тело мне досталось некондиционное, с брачком, так сказать. Низ спины ломит, в правом боку чего-то ворочается. То, что желудок саднит и во рту словно кошки ссали, это понятно. Пил вчера пациент. И хорошо пил. Вдумчиво, с толком и расстановкой. Ну, положение и финансы позволяют великому князю гробить здоровье изысканными напитками, а не ординарным коньяком... Ух, как организму хочется принять на грудь для поправки. Ну уж нет! Сейчас небольшая зарядка, чтобы разогнать кровь, потом холодный душ, после ковш крепкого рассола, а дальше посмотрим. Будем бороться с пагубными привычками реципиента! Мне в этом теле еще долго жить... Значит, с сегодняшнего дня – пьянству бой, блядству – герл... Тьфу! То есть – пить завязываем! Даже крепкий кофе! Печень уже посажена, а до изобретения надежных препаратов для ее лечения – минимум полвека, а то и поболее. Могу не дожить!

Ладно... все... подъем!

Рассказывает Сергей Платов (великий князь Алексей Александрович)¹³⁸

В голове мякина, буквы расплываются на листе. Яти, еры, и так еле продираюсь сквозь текст. Очки, наверно, надо заказать. От кофе уже слегка подташнивает, обещал себе им не увлекаться, но не получается. Работай, лошадка, беги, белка, в колесе! Господи, а ведь с момента вселения прошел всего месяц!

В этот вечер я сидел за столом и вчитывался в один из отчетов Кораблестроительного отделения МТК. Бесконечный водопад бумаг. Монблан. Эльбрус. Эверест. Не умею думать, когда в делах бардак. Необходимо хоть как-нибудь их рассортировать, освоить, заново войти в тему, так сказать. По моему приказу в кабинете соорудили вдоль стен временные открытые

¹³⁸ В написании этой главы участвовал Сергей Плетнев.

шкафы для бумаг. Вот теперь и заполняю полочки.

Этот отчет оказался воистину сюрпризом. Реагировать надо срочно, и не просто срочно, а наисрочнейше. Передо мной лежал результат рассмотрения проекта броненосца для Черного моря. Стапель в Николаеве освободился, необходимо занимать. Вот и предложение созрело. Перезрело и упало. Что мне с этим делать? Этот броненосец в будущем получит название «Двенадцать апостолов». Лучше ему об этом не знать. На заседании было рассмотрено три проекта броненосца на 8000 тонн. Отлично. Что у нас здесь?

Проект Гуляева, проект Арцеулова, проект Субботина. Замечательно. Первая премия у Субботина. Что он нам предлагает? Ага! Броненосный таран, забронированный по всей ватерлинии корпус, главный калибр 9 дюймов в трех башнях, скорость 18 узлов, запас угля на пять суток полного хода. Молодец, Субботин! Только мне на ЧФ броненосного тарана и не хватало! В печку. Так, что дальше? Арцеулов. Те же яйца, только в профиль. ГК чуть больше, но каземат вообще не защищен и автономность меньше. Ясное дело, тоже в печку. Чем радуется Гуляев? Главный калибр 12 дюймов и три девятидюймовки в барбетах, четыре шестидюймовки в каземате, неплохо! 16,5 узла с форсированным дутьем, с запасом хода на трое суток, бронирование, как у англичан... вот где собака порылась. Мы хотим прикрыться броней по ватерлинии не по всей длине и выиграть меньшее водоизмещение за счет незащищенных оконечностей. Замечательно! И этот проект уже понравился МТК, и его уже готов утвердить Шестаков¹³⁹.

Цусимы на вас нет, сволочи белоглазые! Хотя что я ругаюсь, случись война, рыбу кормить придется их сыновьям, они это понимают. Задание на конкурсное проектирование было и того хлеще. Требовалось вписать в восемь тысяч тонн четыре двенадцатидюймовки, две девятидюймовки и не забыть место для пары шестидюймовок. Ради этого проектантам предложили пожертвовать частью бронепояса, хоть сорока процентами, скоростью хода и автономностью. Мол, на Черном море далеко ходить не надо, главное, чтобы вышло подешевле! Ребята постарались и выдали «на-гора». Что просили, то и получите. Ох уж мне эти «дешевые» броненосцы!

Ладно, эмоции в сторону. На краю необъятного стола лежит проект бюджета Морского ведомства на следующий год и расчет трат ГУКиС на судостроение в этом году. Намек от управляющего Морским ведомством, не поленившегося прислать личного адъютанта в качестве посыльного. Деньги надо потратить, с этой задачей мы справимся. Только страдать ерундой, подобной предложенным проектам, мне некогда.

Программа, принимавшаяся пять лет назад, не предусматривала развития судостроительных технологий такими быстрыми темпами, как это происходит сейчас. Надо переговорить на этот счет с императором. У нас на подходе мартен на Обуховском заводе, авось гарвееву броню освоим. Новые орудия приняты на вооружение, враги машины тройного расширения скоро ставить начнут. Прогресс надо учитывать. Чем МТК понравился проект Гуляева? Возможностью увеличить скорость носового огня¹⁴⁰. Побольше железа хочется закинуть в супостата за одну единицу времени? Похвально! А про то, что нос получается слабо защищенным, забыли? Вот у нас и появляется предлог для переработки проекта и еще одна тема для серьезного разговора с Шестаковым.

За дверью, в приемной, раздались громкие голоса, кто-то, кажется дежурный офицер, спорит, кто-то гулко хохочет. Что за бардак? Так, отчет в папку, папку в стол.

Дверь открылась на всю ширину. Не кабинет, а проходной двор. Это кто у нас так

¹³⁹ Шестаков Иван Алексеевич (1820–1888) – российский флотоводец и государственный деятель, адмирал. В описываемый период – управляющий Морведа (должность, равная министерской).

¹⁴⁰ В отчете МТК написано именно «скорость носового огня». Сейчас это называется огневой производительностью.

красиво нарисовался? Кого пустили без доклада? Высокий генерал, распахнув руки, уже шагает ко мне, впечатывая сапоги в лежащий на полу персидский ковер.

– Алексис! Слышал, что ты заболел, и рад, что это не так!

Эге, да это к нам старший «братец» пожаловали, великий князь Владимир Александрович, собственной персоной. Встаю из-за стола ему навстречу. Обнимаемся, целуемся. Нет, мы не голубые, здесь так принято. Он берет меня за предплечья и поворачивает лицом к окну, заглядывая в глаза.

– Мальчик мой, ты бледен! Глаза у тебя красные, щеки ввалились! – Он говорит воркующе, понизив тон и сменив тембр голоса, явно пародируя голос кого-то из наших родственников. Бросает мимолетный взгляд на мой рабочий стол и констатирует: – Ты впал в болезнь бюрократизма. Ты просто издеваешься над собой. – Владимир поворачивается к новым шкафам. – Какие говорящие названия! «Былое», «Настоящее», «Будущее», «Наисрочнейшее»! Ты совершаешь Геркулесов подвиг? Разгребаешь авгиевы конюшни в своем ведомстве? Кстати, пишешь ты по-прежнему с ошибками.

Я, помимо воли, улыбаюсь, он же смеется во весь голос.

– Ты знаешь, что от душного кабинета и пыльных бумаг развивается чахотка?! – провозглашает Владимир и добавляет, понизив тон: – Ты, кстати, ужинать, где собирался? Ты никого не ждешь?

– Планировал дома. – Я пожимаю плечами. – На вечер никого, кроме бумаг, не назначал.

– Оставь свои надежды. Я похищаю тебя от дел на пару часов. – Он смотрит на часы. – Михень нас ждет в коляске.

Что же, в принципе он прав, немного развеяться мне не помешает. Вечно сидеть взаперти все равно не получится, да и с «родственниками» надо «познакомиться». Голому собраться – только подпоясаться. Я беру портмоне из ящика стола и уещаю его себе в карман под слегка удивленным взглядом великого князя. Цепляю к поясу саблю, надеваю фуражку.

– Куда направимся?

– На Большую Морскую. Место еще не приелось, и этим надо пользоваться, – отвечает Владимир и, приобняв за плечи, тянет к дверям.

Впрочем, на пороге приемной он пропускает меня вперед. Я отдаю указание камердинеру отправить мой экипаж вслед за нами и прошу адъютантов ужинать, не дожидаясь меня.

В коляске у подъезда нас ждет очень миловидная женщина лет двадцати пяти. Признаться, я не сразу вспомнил, что под домашним прозвищем Михень скрывается Мария Павловна – супруга Владимира.

– Алексис, как я рада вас видеть! – улыбается Мария, протягивая мне ручку для поцелуя. – Вы стали совсем букой – нигде не появляетесь. По Петербургу уже ходят разнообразные слухи.

– У меня такая репутация, что слухом больше, слухом меньше... – усмехаюсь я. – Даже если я прямо сейчас приму схиму, это будет воспринято как очередное чудачество! А то, что я не появлялся в свете, объясняется очень легко – приболел.

– Надеюсь, ничего серьезного? – морщит лобик Михень.

– Легкая простуда, уже все прошло! – успокаиваю я.

Мы с Владимиром усаживаемся на пухлые сиденья, коляска трогается. По пути в ресторан мы обсуждаем погоду, музыкальные новинки, программу оперного театра. К его немалому удивлению, за месяц работы над документами я изрядно отстал от столичной жизни.

А вот и ресторация Кюба. Вальяжный, как фельдмаршал, метрдотель, заметив нас, принимает строевую стойку. Нашу компанию проводят в отдельный кабинет. Накрахмаленная до твердости фанеры скатерть, золоченые канделябры, свежие цветы в хрустальной вазе. Толстая кожаная папка меню, затейливые завитки у букв. Названия блюд

на французском, пояснения – на русском. А нуждается ли образованный человек в таком переводе? За дикарей нас держат господа рестораторы? Ладно, я сегодня добрый, уже почти расслабленный...

Что нужно для успеха «точки общественного питания» в Санкт-Петербурге? Изысканная французская еда от мастера дворцовой кухни, варварская роскошь вызолоченных стен. И общество. Шик от того, что купец или заводчик из Москвы или Нижнего Новгорода может сказать: «Я был у Кюба, там вкушают великие князья, наимоднейшие певички, цвет балета и богатейшие финансисты империи». Рецепт модного места прост и придуман не сегодня.

Мы усаживаемся за стол. Метрдотель, окинув орлиным взором сервировку и убедившись, что она безупречна, величественно удаляется. Официант во фраке и манишке быстро, но не торопливо зажигает свечи. Рядом стоит сомелье¹⁴¹, которого я опознаю по серебряному ковшику на пузе.

Я заказываю устриц, финскую форель, жаль, что ропшинской здесь не полакомишься, вся уходит к императорскому столу. Телятину с кореньями и фуа-гра, как написано в примечании: «паштет из гусиной печени по-strasбургски в перигорских трюфелях». От жаркого я решил отказаться. Диета, друзья мои, диета.

– Коли прикажете-с, есть игристые вина «Новый свет» и «Парадиз» от князя Голицына, в меню не отмечены-с, но весьма популярные напитки-с! – склоняется к нам сомелье.

Мы с Владимиром синхронно переглядываемся и дружно мотаем головами. Увлечение царственного брата отечественным виноделием приходится поддерживать на официальных приемах, но употреблять плоды крымских виноградников на отдыхе... Увольте – нет никакого желания.

– Тогда рекомендую «Вдову Клико», – продолжает сомелье.

– Любезный, «Вдову Клико» оставим для гвардейских корнетов, а нам неси «Перье Жуэ». Да, и к устрицам подай шабли! – распоряжается Владимир.

– А все же, Алексис, я не согласна с вашим выбором. Откуда возьмутся в Питере приличные устрицы, сезон еще не начался, – вступила в разговор супруга Владимира. – Если так соскучились по устрицам, собирайтесь с нами в Ниццу, там вы с ними не ошибетесь.

– Сдаюсь! – Я шутливо поднимаю руки. – Устрицы отменить, но шабли все равно несите. Буду чередовать.

– Сегодня ты оригинален! – рассмеялся Владимир.

– Алексис, раз вы отказались от устриц, я рекомендую вам, как выздоравливающему, начать обед с консоме, – вновь вмешалась в разговор Мария Павловна.

– И вновь я с вами согласен. Не в моих силах устоять перед столь очаровательной заботой. – Я повернулся к официанту. – Ты слышал?

Официант с достоинством кивает. Покончив с заказом, Владимир разворачивается ко мне.

– Алексис, расскажи-ка мне, что нового ты затеял? – интересуется «брат». – А то в последнее время ты весь в делах. Забросил нас, забросил друзей...

– Да что рассказывать, mon cher!¹⁴² – отмахиваюсь я. – Бумаги, будь они неладны. Я просто утопаю в них.

Некоторое время мы, обмениваясь только незначительными репликами на тему гастрономии, занимаемся «вкушением» (по-другому этот тонкий процесс дегустирования не назовешь) поданных блюд. Едим неторопливо, как только могут кушать люди, никогда за всю свою жизнь не испытывающие чувства голода. Для аристократов, вроде моих нынешних

¹⁴¹ Основной вопрос, которым занимается сомелье в ресторане, это рекомендации по выбору и обеспечение грамотной подачи напитков гостям.

¹⁴² Мой дорогой (фр.).

сотрапезников, еда – не банальное набивание живота, а некий ритуал, схожий по сложности с японской чайной церемонией. И разговаривать во время этого действия на серьезные темы считается дурным тоном.

Наконец, перепробовав все блюда и слегка насытившись (по сути, только немного «заморив червячка»), мы откидываемся на мягкие спинки удобных стульев. Вот теперь, под коньяк, кофе и сигары, наступает время серьезных разговоров. Владимир, спросив у жены разрешения, достает папиросы и, закулив, предлагает мне. Я отказываюсь. Нам приносят коньяк, а Марии Павловне – бисквиты и херес.

Интересно, а если я сейчас спрошу старожилу о нестандартном поведении оседланного Олегом цесаревича, что он мне ответит?

– Скажи мне, Вольдемар, а что ты думаешь о Ники?

– Я не рассматриваю его опасным, – выпустив густой клуб ароматного дыма, отвечает Владимир. – События в Гатчине показали его как разумного и послушного мальчика. Некоторые из моих офицеров решили про него невесть что, а себя соответственно вообразили лейб-кампанцами. В результате же получился легкий пшик, немало их смутивший. Ники расплакался как мальчишка. А они разочаровались в нем. Не менее половины присутствовавших были у меня с серьезными лицами и с секретнейшими докладами, не позднее следующего дня. Думаю, вторая половина присутствовавших тоже побежала доложиться, но, увы, не мне. Это не заговор, а спонтанное движение, стремление не упустить момент. Я не предпринял действий и позволил развиваться событиям самим по себе. И что же? Милейший Ники принялся играть в солдатики. Обучать гренадеров «новому» рассыпному строю и стрельбе по дальним целям. Несколько дней они, подыгрывая мальчику, стойко демонстрировали рвение в новых дисциплинах, вроде подрывного дела. Но как только он уехал, вернулись к службе по старым уставам.

– Ты думаешь, что той ночью в Гатчине он просто оказался слаб в коленках? – засомневался я. Я, хоть и видел Олега Таругина всего пару раз, как-то слабо представляю его рыдающим перед офицерами.

– Да, ты в ударе! – хлопает меня по плечу Владимир. – Михень, это надо запомнить, а может быть и записать. Наш *enfant terrible*¹⁴³ просто слаб в коленках!

Затем Владимир согнал с лица улыбку и ответил совершенно серьезно:

– Слаб в коленках? Пожалуй, нет. Я так не думаю. – «Братец» снова выпустил клуб дыма, отхлебнул коньяку и задумчиво продолжил: – Алексис, я рад, что ты, вечно чуравшийся всех этих дел и обходивший политику третьей дорожкой, завел этот разговор. Многое меняется сейчас, и если ты позволишь, я дам тебе один совет. Когда мне надо узнать, что надеть на смотр, я смотрю на термометр Реомюра. А во внутривполитических делах я ориентируюсь на поведение Змея¹⁴⁴. Скажу тебе, как новичку, – он самый замечательный индикатор. Змей мудр, хладнокровен и хитер. К тому же он смотрит далеко вперед, выпестовывая будущее уже сегодня, задолго до того, как оно наступило. Он последователен в своих действиях и нетороплив, но если возникает нужда, то, приняв решение, он становится неукротим и молниеносен. – Владимир сделал небольшую паузу и печально закончил: – Он всегда добивается своего.

– К чему это все? – недоумеваю я.

– К тому, что сейчас он застыл и не предпринимает никаких действий. Не думаю, что его можно чем-нибудь удивить. Он ждет некоего результата. А значит, не предпринимая резких движений и я. Это же советую и тебе. Многие сейчас делают ставки на будущее, но у

¹⁴³ Ужасный ребенок (фр.)

¹⁴⁴ Змей – одно из прозвищ Победоносцева. Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – юрист и государственный деятель. В 1860–1865 гг. профессор гражданского права в Московском университете; в 1862–1865 гг. обер-прокурор 8-го Московского департамента Сената, в 1868-м сенатор, в 1872-м член Государственного совета, с 1880-го обер-прокурор Священного синода.

многих эти ставки сгорят. Наш дорогой брат Сергей тебе в пример.

Я невольно скривился. Он-то здесь при чем?

– Что ты морщишься? Поверил в дурацкие слухи, распускаемые Цецилией¹⁴⁵, или тебе не по душе, что он хотел свести Ники с сестрой своей жены? Ты сам прекрасно знаешь, наш богомольный идалго не содомит¹⁴⁶, а наше премилое общество навесит подобный ярлык на любого, не имеющего минимум двух любовниц. Его идея о браке наследника с принцессой Гессенской далеко не глупа. Это шанс укрепить родственные связи со старушкой Викторией и немного сгладить наши отношения с Англией. Вот уж с кем нам сейчас не нужно войны, так это с британцами. Силы, как ты понимаешь, далеко не равны, а наши союзники, скажем откровенно, пока слабы.

– Ладно, оставим. Скажи мне, мой милый брат, с чего ты взял, что я планирую предпринять нечто способное повлиять на общую ситуацию? – делано удивляюсь я.

– О! – Владимир поднимает указательный палец. – О вашей вялотекущей размолвке с Шестаковым знают все заинтересованные лица. И уж прежде всего те, кто его поддерживает. Точнее, представители той партии, к которой он принадлежит. Сейчас ты спешишь воспользоваться ситуацией, посчитав, что смерть Каткова резко ослабила их позиции и позволит тебе провести желаемую рокировку.

– Ну и что же? Изволь договорить! – настаиваю я, про себя подумав: «А ведь это и твоя, «братец», партия!»

– С какой целью мой брат, сказавшись больным, зарывается на две недели в бумаги, вороша и прошлое и текущее одинаково тщательно, словно в поиске некой жемчужины? И выздоравливает только после того, как на «болезнь» обращает внимание Александр? – прищурившись, спрашивает Владимир.

– Не понимаю, о чем ты! – Я «включаю дурака».

– Кого ты думаешь назначить на пост главы Морского ведомства? – теперь напирает Владимир.

– Я думаю, Лихачева¹⁴⁷. Талантлив и умен, деятелен и честен! – признаюсь я.

– Лихачев... И кто бы мог подумать. Ярый приверженец дядюшки Константина. Весьма нетривиальный ход! – Он откидывается в кресле и поглаживает рукой бородку. – Позволь поинтересоваться, когда твой Лихачев последний раз был при дворе? У него есть команда, готовая его поддержать? Кто встанет на ключевые места в ведомстве? Не только преданные, но и компетентные? Почему ты думаешь, что Лихачев сработается с теми, кого на посты расставил ты, а не он?

Я молчу, ибо не знаю, что ответить. Зря я разоткровенничался, зря. Владимир улыбается краешками губ.

– Мой простодушный брат, ты думаешь, что садишься за покерный стол, а сам оказываешься на шахматной доске! – многозначительно произносит «братец», сполна насладившись своим триумфом.

– Я предпочту играть партию, а не быть играемой фигурой! – упрямо отвечаю я.

– Большая ошибка так думать! – хихикает Владимир. – Но ты не одинок в своем заблуждении. Таких множество!

– Алексис, хочу вам заметить, что раньше ваше лицо отличалось великолепной

¹⁴⁵ Цицилия (Цецилия) Августа (1839–1891) – принцесса и маркграфиня Баденская, после замужества и перехода в православие – российская великая княгиня Ольга Федоровна.

¹⁴⁶ Разные исторические источники дают противоположные оценки сексуальной ориентации великого князя. Авторы решили, что у героев романа тоже будут разные мнения: Олег Таругин уверен в гомосексуализме Сергея Александровича, а Сергей Платов – нет.

¹⁴⁷ Лихачев Иван Федорович (1826–1907) – российский военный и государственный деятель, адмирал.

отрешенностью от житейской суеты! – внезапно вмешивается Михень. – Сейчас же, попытаюсь заняться делами серьезными, вы волнуетесь. Это заметно даже мне.

– Даже Михень читает тебя сегодня, как открытую книгу! – усмехается Владимир. – Алексис, что с тобой?!

– Вы устали, мой друг! – продолжает Михень. – Вы измучили себя делами, одним днем не решаемыми.

Я, чувствуя, как у меня горят уши, молю своих «палачей»:

– Давайте сменим тему!

Супруги заливаются веселым смехом, но с опасной дорожки мы съезжаем. Мысленно вяжу узелок себе на память: вместо утренней пробежки необходимо потренироваться перед зеркалом. Умение управлять своим новым лицом – это серьезно.

Смеясь и эпатируя супругу, Владимир рассказывает о том, что в лейб-гвардии гусарском полку образовался превеселый обычай. После изрядного употребления горячительного brave гусары воображали себя волками, выбегали на улицу в чем мать родила, садились на четвереньки у дверей буфета, задирали свои пьяные головы к луне и начинали громко выть. Заранее подученный слуга выносил им лохань с водкой или шампанским, из которой они всей стаей начинали лакать, визжа и кусаясь. Дисциплинарных мер по отношению к этим шалунам командир полка, великий князь Николай Николаевич, пока не применял, жалоб не поступало.

Насколько я помню, в ближайшем будущем в этом полку предстояло пройти стажировку цесаревичу. Интересно, что он предпримет, столкнувшись с данным казусом. Олег Таругин запомнился мне достаточно резким мужиком, боюсь, что конфликта не избежать.

Владимир предлагает продолжить веселье, но я, к его неподдельному огорчению, откланиваюсь и отправляюсь домой, винопитие сейчас не по моей части.

Умный он все-таки мужик, «мой братец Володенька». Умный, хваткий и сообразительный. Надо будет обязательно поближе свести его с цесаревичем, такой сторонник будет только полезен. С Димычем, я думаю, он тоже найдет общий язык. Владимир Александрович – единственный из великих князей, в чей дом пускают промышленников и банкиров.

Рассказывает Сергей Платов (великий князь Алексей Александрович)¹⁴⁸

Яркий солнечный день. Белое золото на синем ковре, словно лучи солнца играют с пенными барашками волн. Колонна броненосцев продвигается мимо белоснежного острова, оставляя его слева по борту. Пара легких крейсеров убежала с дозором вперед.

– Мичман! Что на горизонте? – зычный бас генерала-адмирала Российского императорского флота разносится над океаном.

– Горизонт чист! – звонко рапортует мичман, приложив ладошку к непокрытой голове.

– Будь внимателен, мичман. Говорят, в этих краях замечали пиратов.

– Так точно, господин вице-адмирал! – Опустившись на коленки, он продвигает крейсера вперед.

– Поднять наблюдательный шар!

Заливисто хохоча и дрыгая ногами, Мишкин¹⁴⁹ взмывает вверх на моих руках.

– Я их вижу! Вот они! Вот они слева по борту! Они спрятались у острова Габардин!

Крашенные серой шаровой краской, настоящей «морской», утюги пиратских броненосцев укрылись за диваном, стоящим рядом с окном.

¹⁴⁸ Автор этой главы Сергей Плетнев.

¹⁴⁹ Мишкин – домашнее прозвище великого князя Михаила Александровича.

– Играть боевую тревогу! Все по местам!

Оставив Мишкина с нашей эскадрой, шагаю к окну, теперь мне играть за противника. Сначала я хотел немного пограбить музей МТК, уж больно хороши были модельки, стоящие в его шкафах, но потом решил, что игрушки, собранные самостоятельно, будут гораздо интересней. Набросать эскиз того, что я хочу увидеть, и дать распоряжение плотнику, служащему у меня во дворце, а ранее ходившему на «Петре Великом», было делом получаса. Старый моряк не подвел, через пару дней я получил заказ, мешок разнокалиберных крашеных брусков и палочек. Две недели назад, на пару с Мишкиным, мы занялись сборкой. Под удивленными взглядами Ксении и Ольги палочки и брусочки превратились во вполне сносные для игры броненосцы и крейсера. Пару дней их таскали по детской за веревочку и гудели на разные голоса, ну а затем началась игра.

– Мичман, определите дистанцию до кораблей противника.

Мишкин садится на ковер и прищуривает левый глаз, всматриваясь поверх линейки. Задача условная и далеко не сложная, враги у нас представлены исключительно броненосцами. Но игра есть игра, все должно быть по правилам. Позавчера я показывал ему свежееотпечатанный военно-морской справочник и рассказывал, как исчисляют расстояние до врага на флоте.

– Эскадренные броненосцы! Четыре единицы! Расстояние до головного шесть метров.

Он смотрит на меня, ожидая ответной реакции. На самом деле расстояние максимум метров пять, но и это хороший результат, перевести вершки в метры в уме непросто и взрослому. Я выдвигаю вражеские броненосцы из-за дивана ближе к центру комнаты.

– Противник ускорил ход и идет на сближение. Ваши действия, мичман?

Постреленок резво отодвигает передовой крейсерский отряд вправо и поворачивает свою броненосную колонну налево, обозначая желание пересечь курс моих кораблей под прямым углом. Вторая пара его легких крейсеров прикрыта от меня броненосцами. Быстро схватывает, молодец, но так просто меня не взять, и он это понимает. Где-то в комнате, за каким-то из «островов» (их у нас обозначают стулья, накрытые покрывалами) прячется еще один мой броненосец, условно отправленный мной в разведку как самый быстроходный корабль. Попробуем разыграть бой на встречных курсах, тем более что по условиям у меня превышение в эскадренной скорости на полтора узла. Мой отряд отворачивает влево, словно устремляясь за его убегающими крейсерами-скаутами. Мишкин спрямляет курс своих броненосцев, по-прежнему угрожая успеть поставить мне палочку над «Т». Теперь я вынужден взять еще левее, попасть головным кораблем под полноценный залп всех трех его броненосцев мне не улыбается. Медленно сближаясь, наши деревянные броненосцы ползут по ворсу ковра почти на параллельных курсах. Пока мой головной находится на уровне второго корабля его линии, но скоро начнет сказываться преимущество в скорости, и навязывать маневр буду я.

– Дистанция открытия огня. – Он немного медлит, выжидающе глядя на меня, и добавляет: – Главным калибром.

– Действительно, мичман, давай проверим. – Я улыбаюсь в усы, наблюдая, как он, вытягивая носок, отмеривает два шага. – Будем считать, что можно открывать огонь. А боезапас раньше меня потратить не боишься?

Мишкин чуть кривит губы и молча поворачивает башенки в мою сторону. Что-то задумал, посмотрим, молодой человек, посмотрим. Я приношу поднос с маленькими блюдцами из кофейного сервиза и помогаю расставить их на башни. Сегодня в качестве «боезапаса» выступает черная смородина.

– Залп! – командует Михаил, делая отмашку правой рукой.

Первый выстрел произведен. Игральные кубики звякнули в жестяной коробке из-под монпасье, мел заскрипел на грифельных досках у нас в руках. Попаданий пока нет, «огневые припасы» тают. Мишкин шепоткой забрасывает спелые ягоды в рот, а я передаю «снаряды» подошедшей ко мне поближе Ольге. В отличие от Ксении, ускакавшей по своим крайне важным девичьим делам, она дисциплинированно ждала этого момента на коленях у бонны.

Обмениваясь залпами главного калибра, мы маневрируем по комнате минут пять. Михаил начисто выбил мне кормовую башню на головном броненосце и добился трех попаданий в бронепояс. Второй корабль моей линии получил «удачное» попадание в носовую оконечность и лишился труб, что заметно снизило общую эскадренную скорость. Места попаданий были на радостях отмечены раздавленными ягодами, хотя после вчерашнего замечания Марии Федоровны мы договорились использовать для этой цели мел. Выйти вровень с Мишкиным головным кораблем я успел, но навязать маневр теперь не получалось. Мишкины концевые броненосцы получили по паре далеко не фатальных попаданий в бронепояс, а средний вдобавок лишился почти всей артиллерии в каземате левого борта. Пара Мишкиных легких крейсеров держалась чуть позади, вне зоны досягаемости огня моих кораблей, а авангард усакал за «остров» Белый, к которому наши линии приближались на всех парах. Момент, когда надо было сблизиться, я позорно прозевал, а сейчас этого делать было нельзя, риск остаться без башен главного калибра на головном был слишком велик. Фортуна сегодня явно на стороне Михаила.

– Какое решение примете, господин вице-адмирал? – Мишкин смотрит на меня, прищулив левый глаз.

Да вот такое. Я отворачиваю свой флагман чуть левее, намереваясь загородиться «островом» от броненосцев Мишкина и под его прикрытием разорвать дистанцию. Но маленький сорванец сегодня в ударе, его броненосцы чуть прижимаются к моей линии, а затем он обегает стулья и провозглашает.

– Минная атака!

Два его авангардных легких крейсера, форсируя машины, уступом несутся навстречу моим броненосцам.

– Мичман, а тебе моряков не жалко? Я же твои крейсера средним калибром на щепки разберу.

– Чьи бы щепки плавали, – парирует Мишкин, продвигая крейсера вперед, и берет чуть правее.

Я команду «поворот все вдруг». Кости гремят в жестянке, казематные орудия бьют по крейсерам. Мишкины броненосцы дают полноценный залп по моим, выбивают трубу на концевом и сразу же повторяют мой маневр, стараясь сократить дистанцию. Один из крейсеров получает два попадания в нос и теряет башню, но полный торпедный залп успевают сделать оба крейсера. Длинные шведские спички заскользили по ковру к моим кораблям. Я судорожно маневрирую флагманом и кидаю кости за противоминный калибр...

– Флотоводцы, пора завтракать, – возвещает голос незаметно подошедшей Марии Федоровны. – Папа подойдет через пару минут, идемте в зал.

Мишкин безропотно встает с ковра, оставляя все, как есть, позиция застывает. Я, признаться, отрываюсь от игры с трудом. Поднимаю взгляд на Марию Федоровну, но, встретившись с ее смеющимися глазами, понимаю, что игра окончена.

– Дядя Алексей, мы доиграем после завтрака? – У Мишкина блестят глаза, хотя слез не видно.

– Вряд ли, ты сам понимаешь, дела... Но ты знай, ты победил в этом бою, – я говорю, положив руку на его плечо, – без шуток и уступок. Честно. Своим умением и знанием.

– Как же, вы Ксении с кормовой башни весь боеприпас отдали, – тянет он, но уже потихоньку улыбается.

– Будем считать, что она сломалась, так ведь бывает в бою. – Я треплю вихры на его голове. – Идем завтракать. Папа не должен нас ждать.

Интерлюдия 150

Военно-морской парад, приуроченный к «золотому юбилею»¹⁵¹ коронации королевы Виктории, был пышен, как никогда. На портсмутском рейде в виду Спитхеда собралось более полутора сотен боевых кораблей. Отблескивающие свежей краской и расцвеченные флагами корабли выстроились в пять колонн, протянувшихся не менее чем на пять миль каждая. Зримое и наглядное воплощение британской мощи. Вот он, стержень, скрепляющий империю, и нет пока в мире никого, способного бросить ей вызов.

Двадцать броненосцев, сорок крейсеров, мониторы, шлюпы, миноносцы выстроились, приветствуя ее величество. Ровно в два часа пополудни королевская яхта «Виктория и Альберт» отошла от причала и пошла курсом параллельно выстроенным кораблям. Наследник престола принц Уэльский в мундире адмирала флота представлял на параде свою сиятельную мать. Вслед за королевской яхтой потянулись суда, на которых разместились высшие сливки империи: лорды Адмиралтейства, премьеры колониальных правительств, члены палаты лордов и палаты общин. Под громы орудийных салютов и литавры корабельных оркестров флотилия избранных проходила мимо строя боевых кораблей.

Сама королева Виктория наблюдала за действием в подзорную трубу из окна своего замка на острове Уайт. По правую руку от нее с достоинством стоял невысокий худой мужчина, роскошные рыжие усы ярким пятном выделялись на его болезненно бледном лице.

Это был день его триумфа, и он мог позволить себе снисходительно взирать на происходящие торжества, принимая приветственные салюты и на свой счет. В его руках была сосредоточена власть над всей мощью империи, он долго к этому шел и наконец достиг. Его звали Рэндольф Спенсер Черчилль¹⁵². Его путь был сложен и извилист, за временными взлетами следовали падения, но сейчас он стоял на долгожданной вершине, и никто, взглянув на него, не смог бы сказать, что всего полгода назад он был близок к отчаянию.

Черная пучина безвестия, вторая скамейка запасных, на которой он должен был закончить свои дни, была нестерпима и недопустима для него, привыкшего быть в центре внимания. Про него можно было смело сказать, что он не любит ходить на свадьбы и похороны, так как в первом случае он не может быть невестой, а в другом покойником. Но тогда обстоятельства сложились так, что в январе ему пришлось пойти на крайне рискованный шаг, выступить против политики кабинета Солсбери. Поставив на карту все, Рэндольф проиграл. Премьер-министр не поддался на шантаж и принял его отставку, а ведь в качестве лидера палаты общин и канцлера казначейства Черчилль контролировал все текущие дела и держал на крючке все министерства и ведомства. Он рассчитывал, что Солсбери будет вынужден принять все его условия или кабинет консерваторов рухнет. Не получилось. Солсбери упрямо гнул свою линию, все попытки вернуться в правительство кончились неудачей. Карьера была для Рэндольфа и для его семьи жизнеопределяющей константой. Были моменты, когда на Черчилля накатывались пессимизм и неверие в собственные силы, но он не сдался, и фортуна повернулась к нему лицом.

Внутренние дела, по признанию Солсбери, были источником постоянного раздражения, а внешняя политика глотком чистого воздуха. Вот в дипломатию упрямый маркиз и заигрался. Постоянные колониальные конфликты с Францией вызывали крайнее недовольство в империи. Более того, французы стремительно наращивали свои военно-морские силы и через несколько лет смогли бы бросить вызов флоту ее величества.

Закулисно и очень осторожно Солсбери нагнетал напряженность в отношениях между Францией и Германией. Если бы немцы заново промаршировали по Елисейским Полям, опасность была бы нейтрализована. Бисмарк был не прочь разделаться с французами, но

¹⁵¹ 23 июля 1887 года.

¹⁵² Рэндольф Спенсер Черчилль (1849–1895) – лорд, третий сын 7-го герцога Мальборо, известный политик, депутат палаты общин от консервативной партии, занимал должность канцлера казначейства.

позиция России оставалась неясной. Оставлять дело на самотек было нельзя, русский император здоров как бык, а наследник, испытывающий к немцам самые дружеские чувства, придет к власти не скоро.

Дипломатический зондаж ничего не принес, в Петербурге отделивались весьма туманными намеками, но чувствовалось, что перспектива новой европейской войны радости русским не несет. Оставался единственный выход – связать русских войной на Балканах, где по планам Бисмарка против них должны были выступить в едином строю австрийцы, итальянцы, турки и англичане. Интересам Солсбери такая коалиция вполне соответствовала, и он, засучив рукава, начал создавать Средиземноморскую Антанту. Турки, не забывшие болгарского урока, воевать с русскими не хотели принципиально, но и без Турции мощи трех держав должно было хватить с избытком.

После подписания договора Солсбери, будучи крайне сдержанным в беседах с германским послом, подал Берлину недвусмысленный намек. В английских газетах под псевдонимом Дипломатикус был опубликован ряд статей, указывавших, что в случае вторжения германских войск во Францию через территорию Бельгии Англия не будет защищать ее нейтралитет, а британские обязательства перед Бельгией, данные по договору 1838 года, столь ничтожны, что за давностью лет утратили всякую актуальность.

Масла в огонь подлили скандальные высказывания русского цесаревича, который, находясь с визитом в Австро-Венгрии, умудрился публично оскорбить правящую династию. К радости Солсбери, Франц-Иосиф был готов объявить мобилизацию, но осторожный Бисмарк удержал австрийцев, предоставляя англичанам право первого выстрела. В одиночку австрийцы много не навоюют, а у Британии в последний момент всегда могут найтись заботы вдали от Старого Света.

Солсбери прекрасно понимал, что, не обеспечив себе надежный тыл, Германия не полезет в драку с Францией. Необходимо было что-то срочно предпринимать, в противном случае блестящий план летел коту под хвост, а созданная его усилиями Средиземноморская Антанта теряла смысл. В качестве спасительного решения было воспринято предложение, сделанное почтенными господами из Карлтон-клуба.

Идея была проста, русский цесаревич должен был быть убит во Франции, и сделать это должны были поляки. В таком случае было гарантировано охлаждение отношений между Парижем и Санкт-Петербургом, с одной стороны, и внутренние проблемы в России – с другой. Как бы русские ни старались, но всех корней польской оппозиции они выкорчевать не смогли. Убийство наследника российского престола должно было послужить детонатором к новому восстанию в Польше. В любом случае, после убийства цесаревича русские не смогли бы помешать франко-германской войне.

План был хорош, и сейчас, прокручивая его в голове, Черчилль отдавал ему должное. Но увы, как это часто бывает, даже самые лучшие планы хороши лишь до того момента, как их начинают воплощать в жизнь. Русские оказались не так просты. Покушавшиеся поляки были перебиты или схвачены. А следом за этим трагически погиб и сам маркиз Солсбери.

Положа руку на сердце, Черчилль не держал зла на неведомых убийц. Если бы не они, Рэндольф не поднялся бы на вершушку политического Олимпа Британской империи и никогда бы не смог занять пост премьер-министра. Впрочем, хотя спускать с рук произошедшее он не собирался, что-то сделать пока было невозможно. Вместе с соболезнованиями о смерти премьера, пришедшими по дипломатическим каналам, Форин Офис получил практически от всех правящих дворов Европы ряд резких неофициальных высказываний о недопустимости действий покойного по организации покушения на члена императорского дома. Мало того, в уже намеченную программу праздника пришлось вносить изменения. Первым отменил визит русский император. Впрочем, Черчилль, зная подоплеку недавних событий, этому жесту не удивился. Но за этим отказом последовала отмена визита со стороны Германии. Затем, буквально в течение недели, отказались: Австро-Венгрия, Франция, а вслед за ними и остальные королевские дома Европы.

Последним ударом стал отказ (за два дня до праздника!) присутствовать на торжествах

от короля Бельгии. Причем тонкий намек на некоего Дипломатикуса, высказанный послу ее величества в Министерстве иностранных дел Бельгии, заставил самого Черчилля выругаться в адрес идиотов, которые своим усердием перегнули палку. Потерять всех будущих союзников и воевать собственными силами Англия никогда не любила. В результате самонадеянных игр покойного Солсбери Британия оказалась в состоянии политической изоляции. На торжества, посвященные юбилею коронации ее величества, приехали только близкие родственники.

Лорд Рэндольф посмотрел на сидящую возле него пожилую женщину с выпуклыми глазами и скошенным подбородком. Она сильно постарела за последние месяцы, набрякшие мешки под глазами уже не замазать никакими белилами. Было заметно, что она устала и держит подзорную трубу из последних сил. Отбирать бесполезно, фамильное королевское упрямство не побороть. Черчилль смахнул платком со лба проступившую испарину и помахал рукой. В ответ раздались приветственные крики тысяч собравшихся внизу людей.

Рассказывает Сергей Платов (великий князь Алексей Александрович)¹⁵³

В очередное прекрасное зимнее утро я вышел от императора и неторопливо шагал длинным коридором Зимнего дворца, направляясь к выходу. Внезапно меня окликнул атаманец из конвоя наследника и передал его просьбу о приватной беседе. Немного помявшись, казак добавил, что его высочество просил упомянуть: во время беседы могут присутствовать господа Алекс и Юстас. Усмехнувшись нехитрому, но тем не менее понятному только видевшим на экране знаменитый сериал пароллю, я кивнул и последовал за офицером. Дело понятное, с возвращения Ники не прошло и трех дней, и времени поговорить по душам с «братом-засланцем» до настоящего момента просто не было. А разговор был необходим, нужно было четко согласовать наши планы и совместные действия. Да и просто было интересно узнать, что сейчас собой представляет Олег, оказавшийся в теле наследника престола.

В левом крыле дворца, там, где раньше размещались покои императрицы, теперь безраздельно царил Олег-Николай. По мере приближения к покоям Ники, количество вооруженных людей увеличивалось в арифметической прогрессии. Его «собственный конвой» из атаманцев, чьим шефом цесаревич являлся «по должности», был весьма изрядно разбавлен конногренадерами и стрелками императорской фамилии – близкими и самыми верными Николаю полками лейб-гвардии. То тут то там, порой в самых неожиданных местах оказывались... нет, даже не караулы, а самые натуральные секреты, состоящие из одного-двух офицеров и полудесятка солдат. Все они настороженно разглядывали меня, но, повинувшись легкому движению руки молчащего сопровождающего атаманца, не останавливали и никаких вопросов не задавали. «Двойка, с занесением в грудную клетку, этим «караульщиком»! – подумал я. – Они просто обязаны проверять пропуск-предписание у атаманца».

В самой приемной на диване развалилась сладкая парочка, поручик и флотский лейтенант. В нарушение всех воинских уставов и традиций, эти двое не вскочили и не вытянулись в струнку при моем появлении. Все-таки перед ними был великий князь и адмирал. Отнюдь, ребяташки с этакой ленцой встали и принялись в упор меня разглядывать. Н-да... Интересные порядочки заведены у моего «племянника»! Очень хотелось рявкнуть на них, с использованием слов и идиоматических выражений «русского командного». Пехтура-то ладно... а вот мареман возмутил! Однако я сдержался. Ничего не сказав, я прошел к предупредительно распахнутым атаманцем дверям, ведущим в покои Николая.

А вот и он! Обычный с виду парень в казачьем мундире с черными, от усталости, кругами под глазами небрежно откинулся на спинку кресла. На известные мне портреты

¹⁵³ В написании этой главы участвовал Сергей Плетнев.

«хозяина Земли Русской» этот человек походил мало. Бороды нет, и даже то недоразумение над верхней губой, что вместо полноценных усов носил в реальности наследник в 18–20 лет, полностью отсутствует. Хорошо еще, что «племяшка» голову «под Котовского» не обрил, как это делал в прошлой жизни сам Олег. Хотя здесь бы такой фасончик назвали «под Романова»...

– Рад вас видеть в добром здравии, дядюшка. Вдвойне рад, что соблаговолили безотлагательно посетить меня. – Сказав это, Николай напряженно замолчал.

– Здравствуй, Ники. С возвращением домой! – Я шагнул к столу, ожидая, что наследник встанет, чтобы поприветствовать. Но Ники не покинул кресло.

– Мне казалось, что ты хотел обсудить со мной покупку «славянского шкафа»? – продолжил я, выразительно поведя глазами от одной стены до другой.

– Оставьте нас. – Цесаревич коротко глянул на стоящих у входа казаков. Тех словно ветром сдуло. Славно он их вымуштровал.

Только сейчас Николай встал, подошел ко мне и порывисто обнял. Ничего себе! Что это его на обжиманцы потянуло? Мы до попадания в прошлое виделись-то пару раз, от силы. Чисто шапочное знакомство! Хотя... Сидел ведь мужик один-одинешенек, в смысле – современников нет и не предвидится, а по душам поболтать наверняка тянуло...

– Прости, Сергей, что ломаю эту комедию... Но... никак, знаешь ли, не могу привыкнуть к присутствию здесь своих современников. До недавнего времени меня только хронокаратели посещали. И визиты эти едва не стоили мне жизни. Ну, про японские дела ты знаешь... – Николай хмыкнул и отрывистым жестом показал на кресло перед столом. – Присаживайся!

Когда я сел, наследник престола достал из ящика бюро пару рюмок и графинчик коньяка.

– Ну что, со свиданьем?! Рад тебя видеть!!!

– И я рад тебя видеть, Олег! Или нет – давай уж сразу, чтобы не привыкать к Олегу, буду звать тебя Николай. А ты зови меня не Сергей, а Алексей. Конспирация, панимашш, а то оговоримся на людях, – улыбнулся я. – Извини, но выпить не смогу. Печень, знаешь ли... Бывший хозяин тела успел его изрядно попортить.

– Да ладно! – отмахнулся Николай. – Чего тебе от одной рюмки будет?

Я отрицательно покачал головой.

– Вот это мило! – рассмеялся наследник, и я только сейчас понял, насколько молод... телом сидевший передо мной человек. – Тогда хоть зеркало на стол поставь, а то что же мне, как алкашу в подворотне, в одиночку пить?!

– Ну, до такого доводить, пожалуй, не стоит, – я тоже рассмеялся. – Хрен с тобой, наливай, только чуть-чуть, только губы смочить.

– Хозяин – барин! Силком заставлять не стану...

Ники налил себе полную рюмку, мне – плеснул на доньшко. Чокнулись. Принюхавшись к напитку, я в который раз помянул недобрым словом алкоголические наклонности великого князя. Коньяк был не просто хорош – он был великолепен! Такой бы смаковать, сидя в глубоком кресле, когда уютно потрескивает камин... Но, блин, мне нельзя, а Николаю явно не до тонкостей. Он махом опрокинул рюмку в рот, покривил губы и посмотрел на меня:

– Ну, ты как здесь, в общем и целом?

– В принципе – неплохо! Жаловаться грех – тело подлечим, зато сколько возможностей!

Ники вежливо покивал головой.

– Вот как раз об этом я и хотел поговорить. Давай сразу к делу. Вчера я переговорил с Александром об организации нового Морского кадетского училища. Имени адмирала Ушакова. Училище будет состоять под моим патронажем. В него будут приниматься мальчишки двенадцати-четырнадцати лет. Дети крестьян и рабочих. И солдатские сироты. Главное, чтобы не было дворянчиков и богатеев. Учиться будут семь лет. У лучших

учителей, – рубил фразы цесаревич. – Ничего, что при поступлении пареньки будут неграмотными, можно составить тесты и отобрать самых талантливых. Здоровых. Психически устойчивых. Кстати, профильными тестами займешься ты. А то составят нынешние Фрейды черт знает что...

Я открыл рот, пытаюсь возразить, но Николай только махнул рукой:

– Через семь лет мне необходимо полтысячи верных мне офицеров флота! Грамотных и самых лучших! Я лично присмотрю, чтобы их не зажимали при присвоении званий.

Круто берет. Я негромко выдохнул и сказал:

– Отличная идея! Только это будут не офицеры, а унтер-офицеры.

Цесаревич отодвинулся поглубже в кресло и прищурил глаза.

– А это еще с какого хрена?

По-простецки. Попробую объяснить.

– Понимаешь, Ники, в существующее сейчас морское училище идет набор с двенадцати-тринадцати лет и все желающие сдают конкурсный экзамен. Невзирая на звания и заслуги родителей, принимаются грамотные и очень желающие служить на флоте юноши. Исключение – полные сироты и дети из семей, оставшихся без кормильцев. Они идут вне конкурса по специальному приказу. Сам понимаешь, что семьи имеются в виду прежде всего морские и офицерские. Море – это должно быть в крови. Флот силен в том числе традицией.

– Флот, говоришь. Традиция, говоришь. А на хрен мне нужен твой флот с ТАКИМИ традициями и кастовостью, что сейчас есть?! Чванливые лентяи!!! «Много читающие, но не по профессии»... Знаешь, к чему это приведет через тридцать лет?

– Знаю, – кивнул я, – и свои семейные предания помню. Только давай менять устоявшийся на флоте порядок без суеты и спешки. А не так: трах-бабах и все готово! Квартирмейстеры и кондукторы, кстати, ближе к матросам, чем офицеры. Растить к золотым погонам им тоже никто не мешает. Но стартовать они будут с более низкой ступени. Поднимутся в общей массе тоже не высоко, но будут здоровым элементом флота. Внизу. Они вообще-то и так стартуют из гораздо более худших условий. Пока твои гаврики будут постигать азбуку и правила арифметики, в нормальных училищах – изучать языки и профильные предметы. В 17–18 лет выпускники нормальных училищ получают первый чин и приходят на флот. Твои «ушаковцы» придут в 20–21 год. Кто из одноклассников раньше начнет расти по службе? Да и вдобавок: задумайся, куда я приткну через семь лет пятьсот свежеслупившихся мичманов из твоего училища? У меня на всем флоте, дай бог, сейчас столько служит. Корабли под них где взять? Флот не амеба, делением не размножается! Существующие кораблестроительные программы такого притока младших офицеров не предусматривают.

– А ты корпус морской пехоты не хочешь устроить? Вот тебе и новые вакансии!

– Хочу. И обязательно устрою. И не только морскую пехоту, но и силы береговой обороны организую. Такие, чтоб совмещали функции пограничной стражи и заодно решали задачи ОВР¹⁵⁴. Но только ты пойми, что все эти мероприятия проблему перепроизводства младших офицеров не решат! Твое училище имеет все шансы стать узкопрофильным. Скольких из них сможет принять флот? Человек семьдесят? Много – сто, и это с учетом прироста количества кораблей. А остальные?

Хотел я ему еще сказать, что сейчас «янычар» надо начинать готовить с более раннего возраста, но пока решил промолчать, и так первый разговор складывался не самым удачным образом. Идея была достаточно проста... Хотя ладно. Утаивать планы друг от друга дело последнее.

– Ладно... Подумаю над этим. Сам-то что предлагаешь? – насупился Николай.

– Для начала изменить правила приема в морские училища¹⁵⁵, расширить ворота для

¹⁵⁴ ОВР – охрана водного района.

¹⁵⁵ Их на тот период было в России всего два: Морское училище и Морское техническое училище.

желающих. Отменить сословные ограничения для детей служивых людей. Ввести больше технических предметов. Прошерстить существующий преподавательский состав.

С лета этого года в Питере, Москве, Одессе и Архангельске необходимо открыть школы юнг. Без очереди и конкурса будем брать детей-сирот солдат, матросов, унтеров и офицеров. Без всяких глупостей, типа дворянских сынков не брать. Знаешь, сейчас далеко не все дворянские семьи наслаждаются хрустом французской булки. Остальные будут поступать по желанию родителей, если таковые имеются, и по возможности их приема. Набирать будем, начиная с шести лет, чтобы успеть подготовить пострелят к сдаче экзаменов в Морское училище. А вот те, кто не поступит... Извини, пойдут на флот унтерами... если, конечно, не проскочат в пехотные училища.

Данная мера даст нам фору на строительство новых учебных корпусов. В старом здании, сам понимаешь, три с половиной тысячи курсантов не разместить. Учитывая здешние темпы строительства, я надеюсь, что лет через пять новый учебный комплекс построят. Вот тогда сможешь его торжественно и красиво переименовать и взять над ним патронаж.

В новом учебном комплексе я собираюсь готовить морских офицеров всех специальностей. Строевых, артиллерийских, машинных и далее по списку, заканчивая флотскими юристами и экономистами.

– Батюшек не забудь! – добавил Николай.

– Можешь не улыбаться, специальное отделение для подготовки флотских священнослужителей я предусмотрел.

– А я и не улыбаюсь. Память Пересвета и Осляби как-то не располагает к веселью...

Я на минуту перевел дух и продолжил:

– Морское техническое училище в Кронштадте будет упразднено. Обучающиеся и часть преподавателей войдут в состав обновленного Морского училища. Старое здание отойдет в ведение комиссии по переаттестации офицерского состава и Офицерских командно-технических классов. Этим еще только предстоит заняться. Через пару лет, надеюсь, введу правило о специальных аттестационных экзаменах на должности. Особенно на командование кораблем.

– А новые корабли кто проектировать будет? Или все сам? Своими руками?

– Почему сам? Надо, не оттягивая, открывать нормальный политехнический институт, в котором будет кораблестроительное отделение. Ускорить вопрос открытия такого учебного заведения, я думаю, нам по силам. Ники, я здесь не так давно, чтобы подготовить для тебя готовый список необходимых реформ и кадровых перестановок. Главная проблема заключается в людях, которые займут ключевые места. Вот этот вопрос я сейчас и прорабатываю.

– Хм. Ну, прорабатывай. Только не тяни резину, осматриваться можно до бесконечности. Сам знаешь, времени мало! – Он налил себе рюмку и выпил, глядя мне в глаза. – Заодно о людях... Ты ведь сам к японцам в гости намылился. Возьми-ка к себе Эссена флаг-офицером, – небрежно бросил Николай.

– А это еще зачем? – искренне удивился я такому предложению. – Адьютантов у меня и так хватает, а флагманский специалист из него никакой.

– Та-а-ак, я что-то не понял?! Может, я не по-русски говорю?! Это же Эссен!!! – Наследник подался вперед, разведя ладони на манер рыбака, показывающего, какую жирную уклейку он поймал.

– Да понял я тебя, понял. Только это не Эссен. Не тот Николай Оттович фон Эссен, который был отличным морским офицером и, к этому году окончив Морскую академию, уже успел поступить в Артиллерийский офицерский класс. Ты предлагаешь мне в адъютанты зелень подкильную, судовой жизни, в сущности, не видавшую. Придворного шаркуна, испорченного сытой свитской жизнью и отвыкшего за четыре года от корабельного железа

напрочь.

– Не кипятись, – цесаревич, кажется, немного опешил от моего напора, – не такая у меня в свите спокойная жизнь. Зажиреть он не успел, а так поучится воевать у тебя маленько.

– Наслышан, – вздохнул я и посмотрел ему в лицо, затем, не затеяв игру в гляделки, перевел взгляд на стоящий на столе письменный прибор.

Николай покривил губы, думая о чем-то своем, а потом продолжил:

– Не хочешь брать его на флагман, возьми командиром миноноски. Назначь его командиром «Ласточки», к примеру.

Лицо наследника престола приняло какой-то мечтательный вид. Мне показалось, что с миноноской «Ласточка» у него связаны какие-то личные воспоминания.

– Ники, а как я его тогда на Дальний Восток возьму? У миноносок проекта «Дракон» отвратительная мореходность, а дальность хода 200 миль. Своим ходом миноноска точно не дойдет, только грузом.

– Так назначь его командиром «Батума»!

– Те же яйца, только в профиль! Водоизмещение побольше, но тащить его придется все равно в разобранном виде, только с Черного моря. Да и какие задачи он будет решать? Где он себя проявит? В охране Владивостокского рейда?

– Стоп! В конце концов, флот – твоя вотчина. Лезть я в нее не собираюсь, но знаешь, по-моему, грех не использовать человека с таким блестящим потенциалом! Тебе так и так будущих адмиралов готовить, так не проще ли взять человека, про которого мы точно знаем, в кого он может вырасти, вместо кота в мешке?

В принципе он прав. Хотя... наверняка Николая Оттовича уже «попортили».

– Сейчас его стоит взять с собой вахтенным офицером на «Владимир Мономах». Оботрется в походе, спустится с небес на землю («Точнее – с земли на воду», – ввернул Николай), а дальше – посмотрим. А вообще, на будущее: если хочешь, чтобы он принес максимум пользы, поставь его на интендантскую часть. Неподкупный и толковый интендант дорогого стоит, снабжение в основном пойдет отсюда.

– Ну, ты, блин, загнул, – Ники позволил себе улыбнуться, – из честного и храброго офицера хочешь тыловую крысу сделать.

Я перевел дух. От затянувшегося разговора пересохло в горле, но кроме спиртного на столе ничего не было. Проследив направление моего взгляда, цесаревич вытащил откуда-то снизу серебряный сифон с содовой и хрустальный бокал. Боже, храни цесаревича!

– Ладно, возьму Эссена к себе на флагман и лично займусь его обучением, – смягчился я, промочив горло. Однако было еще одно дело. – Скажи мне, «племянник», не знаешь ли ты, откуда у моего венценосного брата появилась идея официально объявить войну Японии?

– Ну, понимаешь, это вообще в духе Александра Третьего. – Николай как-то заерзал в кресле. – Он не чужд духу рыцарства и, перед тем как идти на японцев войной, обязательно должен сказать «Иду на вы».

– Видишь ли, в чем дело... Состояние войны по существующим нормам международного права здорово осложнит задачу по переброске войск во Владивосток и проводке эскадры. Уже сейчас мы начали испытывать трудности в закупке военного снаряжения и стратегически важных материалов. У одних только англичан необходимо дополнительно приобрести минимум 250 тысяч тонн кардифа. Это запас первого времени, требующий постоянного восполнения. Хоть работы уже начаты, но, пока заработают Сучанские рудники и будет отлажена дорога до Находки, еще ждать и ждать. Можно, конечно, переплачивать за кардиф перекупщикам, нам и сейчас приходится так делать, но в дальнейшем цены будут расти достаточно быстро. Эскадра, если прижмет, примет уголь у угольщиков в море. Но лучше иметь возможность спокойно бункероваться в любом подходящем порту, не поглядывая на часы и без угрозы быть интернированным. Ладно, эскадра, но ведь со мной будут транспорты с пехотой. Махре придется тяжелее всех. Пережить полуторамесячный переход без заходов в порт не шутка и для бывалых моряков.

У меня в планах было нанести два дипломатических визита: навестить негуса в Абиссинии и короля Сиам. В Сиаме заодно было бы неплохо провести учения по высадке на необорудованный берег. Теперь все может пойти коту под хвост. Следить за строжайшим соблюдением международных правил войны на море будут наши друзья с Альбиона. И это только одна сторона вопроса.

Теперь посмотри на Дальний Восток. Привычные места зимовки в Иокогаме и Нагасаки накрылись медным тазом. Тихоокеанская эскадра и Сибирская флотилия раскиданы по частям от Находки до Чемульпо. У японцев появляется отличный шанс бить наши силы по частям, и история начала Русско-японской войны может запросто повториться. Только вместо «Варяга» и «Корейца» будут «Дмитрий Донской» и «Сивуч».

– Вот оно, значит, как... – озадачился Николай. Н-да, он явно не в курсе сложности планирования операций подобного масштаба.

– Короче, войну вообще объявлять не следует! Страна восходящего солнца проходит по разряду Папуасии, а флот там будет выполнять полицейскую миссию. Принуждать японское правительство к выдаче преступников, – рублю я. – Эту простую мысль я сам доведу до своего венценосного брата. Ну, а ты меня поддержи! В конце концов, недавно наши войска рубились на Кушке с афганцами и англичанами, и никакой войны никто никому не объявлял¹⁵⁶.

– Не объявлять войны? – Николай немного растерялся, но, подумав, сказал: – А что? Почему бы и нет? В лучших традициях двадцатого века – и не война вроде бы, небольшой военный конфликт! Или даже так: миротворческая миссия! Заметано! Сегодня же попробую поговорить об этом с *papa*. – Ники кивнул и улыбнулся, доверительно наклонившись ко мне через стол. – Кстати, у меня есть план, как уязвить наших британских друзей. Они сейчас собираются прибрать к рукам португальские колонии в Африке. Немаленькие такие колонии, которые в дальнейшем могут нам пригодиться. Подопрём португальцев парой дивизий, чтобы не дали слабину в последний момент. А потом р-р-раз!

Глаза горят, азарт так и прет. Выслушав его, я почесал ухо:

– Это, разумеется, интересная идея, Ники. Об этом стоит подумать и рассмотреть возможность оказать поддержку нашей эскадрой братскому португальскому народу. На обратном пути с Тихого океана. Только вот еще о чем подумай: твой переход от берегов прекрасной Франции на родину дядюшки Сэма пришлось прикрывать силами спешно отправленной в Атлантику крейсерской эскадры. При этом пара клиперов из ее состава были боеспособны весьма условно. Они шли ремонтироваться с Тихого океана на Балтику, а ослаблять Средиземноморский отряд было не с руки. По большому счету, уже в тот момент силы нашего военно-морского флота были серьезно напряжены. В случае военного обострения с Британией, даже если англичане не запрут флот в Рижском заливе, мне будет просто нечем прикрыть транспорты с продовольствием и боеприпасами, необходимыми для нашего псевдоафриканского корпуса. На каждый наш фрегат или корвет они могут выставить эскадренный броненосец. Силами крейсерской эскадры я смогу навести шороху в Атлантике, Казнаков с Нахимовым устроят поохотать купцам в Средиземном море. Но ты главное пойми: построенный к настоящему моменту флот способен решать ограниченные задачи. Мы сможем перекрыть «лимонникам» доступ к Питеру. Мы можем бороться с английскими транспортами и купцами на океанских просторах, но вот надежно прикрыть свои транспорты или прорвать организованную ими морскую блокаду мы просто не сможем. Силы слишком неравны.

– Так что же мы тогда на японцев лезем? Ты ведь первый за это ратовал и папá уговаривал!

– Я и сейчас продолжаю настаивать на этом. Хотя с наличествующими силами задача

¹⁵⁶ Бой на Кушке – боевое столкновение, которое произошло 18 марта 1885 года, после того, как Российская армия захватила афганскую территорию к югу от реки Амударья и Мервского оазиса, у селения Пенджде.

далеко не тривиальная. Дай мы отсрочку японцам на пару-тройку лет, и драться с ними будет гораздо сложнее. Японский императорский флот пополнится двумя-тремя современными быстроходными крейсерами, а у нас не добавится ровным счетом ничего. Даст бог, достроим «Александра II». Хотя у меня и сейчас эта помесь «Т-28» с «хрущевкой» вызывает только изжогу. Ну да ладно. С японцами вопрос решенный. Теперь вот еще что: верфи модернизировать надо. Иначе мы с кораблестроительными программами увязнем по самое не могу. Не помнишь, сколько времени «Петра Великого» клепали?

– Как же, как же. – Николай прикусил нижнюю губу. – Только переживаешь ты, по-моему, зря. Даром, что ли, я Титова в генералы произвел? Не может быть, чтобы ты не был в курсе...

– Как же, как же, – передразниваю я. Затем встаю и начинаю шагать по кабинету, разминая затекшие ноги. – Чихачев¹⁵⁷ до сих пор места себе не находит...

– Будет наезжать – быстро найдет. – Цесаревич как-то нехорошо усмехнулся. – Передай своему выдвиженцу, что мои выдвиженцы для него – табу! А чтоб ему веселее жилось – я Титова в генерал-лейтенанты произведу. За «Нахимова».

– Эй, эй, «племяшка», охолони! – После такого недвусмысленного спича я вскипел. – Мы ведь четко решили, что флот – это моя вотчина. И в нем не место чужим выдвиженцам! Да к тому же неприкасаемым! Пропустишь одного такого красавца-выдвиженца, завтра появится другой, затем третий, а потом глядь... а в морском ведомстве уже совсем другие люди распоряжаются. Титова я, конечно, уважаю, но в звании генерал-лейтенанта он отправится на... «пенсию» в МТК¹⁵⁸. А от себя лично могу добавить Петру Акиндиновичу орден «Почетного Левши 1-й степени»... на всю спину!

– Чего?!! – Ники взвился из-за стола.

– Того! – отрезал я. – Когда Альбертыч вербовал меня на поход в прошлое, то это проходило под лозунгом «помочь ребятам», а не под лозунгом «поступить в распоряжение к Олегу!» Сотрудничество и помощь в деле «...спасай Россию!», а не «разрешите выполнять, тАварищ кАмандир!».

Цесаревич словно сдулся... Да, почти весь разговор Николай пытался, вербально и невербально подавить меня. И смотрелось это довольно комично. Просто мой «брат-засланец» временами забывает, что он сейчас не солидный сорокалетний мужик, а молодой пацан. Да и я не нервная институтка! Отправиться в полное подчинение к «шапочному знакомому», о котором известно, что он отличный боец и артиллерист-самоучка, далеко не в моем духе. Тем более заранее известно, что во флотских делах Олег смыслит немного.

– Слушай, Ники, и слушай внимательно! – Я сбавил обороты. – Чихачев – это не мой выдвиженец, и не выдвиженец генерал-адмирала, а человек, занявший место по праву! По меньшей мере, я знаю, что от него ожидать, и оставляю на него Морское ведомство на время своего отсутствия, дав достаточно недвусмысленные инструкции. По реалу Чихачев послал бы генерал-адмирала вместе с его инструктажем в пешеходно-эротический тур и решал бы дела напрямую с царем... Но старик был очень удивлен тем, что я забодал Шестакова. Это должно было навести его на определенные мысли... Центры власти-влияния меняются. Так что... не трогай Николая Матвеевича! Не надо!

– Хорошо... – Ники кивнул и вдруг улыбнулся. – Эх ты меня, мордой об стол... Да, блин, забываться стал, совсем тут уже адаптировался... Кстати, а как ты свалил Шестакова?

– Пришлось воспользоваться кое-какими познаниями истории. Он порядком накосячил при строительстве минных крейсеров. Вдобавок, как оказалось, он контролировал серьезный

¹⁵⁷ Чихачев Николай Матвеевич (1830–1917) – адмирал Российского императорского флота, генерал-адъютант, государственный деятель.

¹⁵⁸ Морской технический комитет.

пакет акций франко-русского анонимного общества, того самого, которому в обход Балтийского завода передали заказ на строительство «Николая Первого». Я подготовил папочку с *материалом* и дал ее на ознакомление Шестакову. А когда он *проникся*, предложил написать рапорт на увольнение по состоянию здоровья. Вот и все.

– Мексиканские страсти! – Ники побарабанил пальцами по столешнице. – Но все-таки – Титов – отличный мужик!

– Да я разве с этим спорю? – улыбнулся я. – Петр Акиндинович, про которого до сих пор по углам шепчутся, что он «для вразумительности слово «инженер» пишет с двумя ятями», талант, трудяга, каких поискать, но... но давать ему генерал-лейтенанта!..

– Ладно, ладно, брейк... – примирительно сказал Николай. – Пускай Титов в том же звании остается. Давай по существу: я хочу поручить Петру Акиндиновичу переоборудование балтийских верфей, а в помощники выделить Самойлова¹⁵⁹. Всемерно помогать, в средствах не отказывать!

– Титову, значит? Самойлову, значит? Эт-то ты ловко придумал, эт-то здорово! Стало быть, лучшие корабли будут верфями заниматься, а корабли, надо полагать, ты своих атаманцев строить отправишь?

– Блин, ну не заводись по новой! – Николай примирительно махнул рукой. – Ты-то что предлагаешь?

– Димке поручить...

– Кому?! – На лице Ники было написано неподдельное изумление. – Мало Димычу дел в своем Стальграде? Значит, бросай все – занимайся флотом? А армию перевооружать, технологии развивать, технические новинки внедрять – само собой пойдет? Или дядя за нас делать будет?

На каламбур он не обратил никакого внимания, что было совсем плохим знаком...

– Постой, постой, «племяшка», не кипятись...

– Кой черт «не кипятись»? Ты трезво на вещи смотри. Или тело не умеет?..

– Дык я и смотрю трезво. Суди сам: Стальград у Димки работает, не как часы, разумеется, но работает. Он уже успел подготовить неглупых управляющих, на заводах – грамотные инженеры, толковые мастера – короче, Стальград может какое-то время проработать и без вмешательства отца-основателя. Зато на верфях он нужен как воздух! Во-первых, нужно объединить все казенные верфи, создать этакий государственный холдинг, во-вторых – провести логичное, экономически оправданное техническое перевооружение. Одних эллингов минимум пять штук потребно строить, стапели постоянные, новые механические мастерские и много еще что. И если на это дело поставить местного, пускай даже семи пядей во лбу, то он, может быть, дело и не завалит, но денюжек потратит гораздо больше. А казна-то не бездонная! Средства крайне ограничены, почти в обрез. Нету там столько, сколько нам потребно!

– Не нам, а вам, – голосом Вицина прокомментировал Николай.

Я пропустил мимо ушей эту подначку и продолжил:

– Так вот. Первая и главная задача – турнуть в шею франко-русское общество с Галерного островка.

Немцев своих напряги, пускай станки дают! Хотя, я проверял, лучшие станки сейчас у Рукавишникова и американцев. И еще – я слышал, ты с Крупном на дружеской ноге? А у него много чего можно взять – в частности, точную механику для башен, оптику, затворы! Не все же самим разрабатывать! В этом вопросе Димка далеко не продвинулся. И на верфях Шихау тебя вроде как родного принимали? Вот и давай, тяни с них все, что можно. А франко-русское общество Димыч взащей вышибет, денег больше подкинёт – и в дамках...

– Да чего там вышибать – просто прекращаем аренду. Завод обратно в казну. Формальный повод: французы не провели обусловленную договором модернизацию

¹⁵⁹ Самойлов Николай Александрович (1842–1918) – инженер-кораблестроитель, полковник.

станочного парка. Политический повод: в январе этого года на французских верфях заложены две «Симы»¹⁶⁰, – включился в обсуждение Николай. – Лягушатников я возьму на себя. Ох, Серега, ты ж меня без ножа режешь, капитан Кидд чертов!.. Да, а с казенными верфями что станем делать? Прикинь, это ж мне, Димку в правительство вводить! Чин ему – не ниже действительного статского, министра отстроить, чтобы не приставал... В натуре, с той поры, как «папенька» пить бросил, я на такие авантюры не подписываюсь! Повлиять на него я, конечно, попробую, но... сам же знаешь, как он к податным сословиям относится...

– Зашибись относится... – усмехнулся я. – Например, есть такой крендель Вышнеградский – министр финансов, по сути, премьер...

– Н-да... это я погорячился! – рассмеялся Николай. – Уел, старый черт, уел! Но ты не забыл – а на хрена Димычу весь этот геморрой с точки зрения бизнеса? Это же бред полный! Провести строительство новых крытых эллингов, мартенов, перестроить цеха, поменять станочный парк – и это все за свой счет!!! А потом отдать в казну? Не наварив бабла путем постройки броненосцев и дредноутов? А если он захочет отбить вложения, то завяжет там лет на «дцать» и по самое не балуйся! Или разорится на хрен на таком «мecenатстве». Оно ему надо?

– Нам это надо! Государству это надо! Лучший вариант – поставить Димку наемным управляющим на время перестройки... Вся модернизация и «капиталка» – за счет казны.

– Толково... – Кажется, Николай все-таки проникся идеей.

– А вот в помощь Димке и дадим твоего любимца, да и я еще добавлю...

– Эх, ладно! – Ники махнул рукой. – Батюшка, конечно, рвать и метать будет, но Димке я генеральство вырву. Надо будет – с кровью, но без чина ему никак...

– Генеральство – это хорошо! Только на какую должность ты его хочешь посадить?

– А вот это ты сам и придумывай, твое ведь ведомство, как ты говоришь! Так что жду теперь от тебя плана модернизации и должностных назначений. Пробивать проект через «отца» буду сам. Уже наслышан о ваших баталиях местного значения.

Можно немного расслабиться. Верфями и заводами морского ведомства займется единственный человек, которому это по силам.

Я улыбнулся и, откинувшись в кресле, положил ногу на ногу.

– Наливай! – Эх, печень моя, печень...

Рассказывает Дмитрий Политов (Александр Рукавишников)

Цесаревич прогулял-прогостил у меня целых пять дней, вызвав жуткую ажитацию среди местной публики и глубочайшее удивление среди своих соратников. Первые никак не могли понять, чем наследник российского престола так заинтересовался. Но в целом склонялись к мысли, что цесаревич изучает придуманные мной технические новинки. И отчасти они были правы. Соратники же просто терялись в догадках, почему их патрон вдруг проникся столь глубокими дружескими чувствами к совершенно незнакомому человеку.

Но все хорошее когда-нибудь проходит. Вот и нас растащили опомнившиеся царедворцы, скромно напомнив Николаю, что в России кроме Нижнего Новгорода существуют и другие города, требующие посещения.

Растались мы довольно легко – потому как планировали встретиться в Питере уже через неделю. Мне надо было уладить множество дел, а Ники – посетить Владимир и Москву. А запланировали мы общее собрание всех «вселенцев», чтобы познакомиться лично и обсудить глобальные стратегические планы и наши роли в них.

Питер встретил меня и Горегляда промозглой оттепелью, больше подходящей ноябрю, а не январю. По всему маршруту следования от Нижнего до столицы трещали

¹⁶⁰ Бронепалубные крейсера «Ицукусима» и «Мацусима», фирма-строитель: «Форж и Шантье», Ла-Сейн (Франция).

двадцатиградусные морозы, а здесь хлюпал под ногами жидкий снег. Афанасий первый раз был в Санкт-Петербурге. Причем вообще первый раз – в прошлой жизни он тоже не посещал этот город. А я уже много раз бывал здесь по коммерческим делам и с удовольствием показал Горегляду местные достопримечательности, благо располагались они достаточно компактно.

А вечером мы пошли на жутко конспиративную встречу с коллегами-внедренцами. Первоначально она планировалась в недавно открытом, еще и года не прошло, но уже ставшем модным среди высокопоставленных персон ресторане «Cubat». Но потом старики-разбойники, Петрович с Альбертычем, решили поиграть в штирлицев и, из соображений секретности, перенесли «тайную вечерю» во дворец великого князя Алексея, находящийся на набережной Мойки. Ну, может, и к лучшему. Потому как я уже посещал тот французский ресторан в один из прошлых визитов, и мне там не очень понравилось из-за кричащей помпезности и высокомерных гостей. Да и французская кухня мне, в большинстве своем, «не шла».

Для входа на территорию дворца нам были назначены не парадные двери, а парковые ворота. Перед калиткой топтался бородатый привратник, который, поинтересовавшись нашими именами, передал нас стоящему на подхвате атаманцу. Внешнее кольцо охраны состояло из людей генерал-адмирала, а внутреннее – из свиты цесаревича. Атаманец, хоть и видел меня в Нижнем Новгороде, спросил пароль. Я сказал – все тот же, про славянский шкаф. Старательно проговорив отзыв про кровать и тумбочку, казак проводил нас в отдельно стоящее посреди парка строение, то ли оранжерею, то ли зимний сад. В обширном застекленном помещении можно было смело устраивать среди фикусов (а может, рододендронов, я не специалист по ботанике) маневры пехотной роты. Но в данный момент там находилось всего три человека. Все они топтались у длинного стола с выпивкой и закуской. Двоих из них я уже знал – великий князь Павел, реципиент Григория Романова и корнет лейб-гвардии гусарского полка фон Шенк, реципиент Дорофеева. А вот третий человек, высокий сутуловатый мужчина лет тридцати пяти, в мундире пехотного капитана, был мне незнаком.

Шенк, увидев нас, радостно заржал, Павел вежливо улыбнулся, а капитан смотрел точно на меня и молчал. И взгляд его был... выжидательным, что ли. Догадка молнией пронеслась в моей голове. Неужели?..

– Деда? – робко спросил я.

Шенк, зараза, заржал еще громче, а капитан шагнул ко мне и крепко обнял.

– Узнал, пострел, узнал... – тиская меня в объятиях, бормотал прямо в ухо мой дед.

Меня даже на слезу пробило, так я обрадовался. Горегляд и Романов тактично отошли в сторону, обмениваясь рукопожатием и формальными приветствиями, рядом балагурил чертов Шенк, а мы с дедом просто стояли и смотрели друг на друга, просто стараясь... узнать? Нет! Скорее заново запомнить... Несколько затянувшуюся сцену встречи прервало появление Николая и высокого бородатого мужика в адмиральском мундире. Если это Сережка Платов в теле великого князя Алексея, то семь пудов мяса августейшая особа еще не нагуляла, остановившись пока на пяти. А такой вес, в сочетании с гвардейским росточком в 185 сантиметров, делал фигуру адмирала скорее худой.

– А вот и мы! – громогласно крикнул с порога Николай. – Здорово, современники!

– И тебе не хворать, – тихо сказал дед. – Это что же ты тут устроил, твое высочество?

– В смысле? – оторопел Ники.

– Тебе, понимаешь, страну доверили, а ты... – дед откровенно прикалывался, и Ники все-таки понял это.

– Э-э-э... Владимир Альбертыч, если не ошибаюсь? – улыбнувшись, спросил мой друг.

– Он самый, Олежек, он самый! – тоже улыбнувшись, кивнул дед. – Ну, ладно, раз уж все в сборе, давайте быстренько представим друг другу незнакомцев – и к столу!

Мы обменялись приветствиями и рукопожатиями с Николаем и Алексеем и, наконец,

шумно расселись за стол.

Альбертыч, негласно взявший на себя обязанности ведущего вечера, жестом предложил разливать. Проигнорировав стоящее в серебряных ведерках шампанское, мы накатили из винных фужеров по «стописят» коньяку, причем Шенк-Дорофеев немедленно отпустил свою дежурную шутку, что «между первой и второй». Мы накатили еще грамм по сто, закусили и... наконец-то расслабились, почувствовав себя среди своих. Шенк даже начал рассказывать какой-то местный анекдот, но по ходу понял, что люди из XXI века его не оценят, и замолчал. Дед виртуозно воспользовался паузой и предложил старожилам кратенько доложить об успехах за три с половиной прошедших года.

Первым встал со своего места я. Мне было чем похвастаться перед коллегами. Все-таки не шутка – за короткое время создать на пустом месте металлургический комбинат. Сейчас Стальград был лидером России по выпуску подшипников, колесных пар для вагонов, кровельного железа, рельсов, металлопроката, стальных труб, судовых паровых машин. А сельскохозяйственным агрегатам, вроде сеялок и жаток, вообще не было аналогов в нашей стране. Такая же ситуация была с производством, хоть пока и небольшим, оптического стекла. А выпускаемым нами двигателям внутреннего сгорания, металлообрабатывающим станкам с электроприводом, пневматическим шинам для конных колясок и велосипедов не было аналогов в мире!

Кроме еще не пошедшего в серию автомобиля на заводе выпускали четыре вида конных экипажей: от ландо и фаэтона до коляски-тачанки. Три типа велосипедов, два городских – мужской и дамский, и особо крепкий – для бездорожья.

Швейные машинки с ножным и ручным приводом, арифмометры, пишущие машинки, механические замки, врезные и навесные, керосиновые и карбидные лампы, примусы. Гвозди, болты, винты, шурупы, гайки – мы продавали эти изделия уже не сотнями, а тысячами тонн! В срочном порядке пришлось вводить стандартизацию – теперь гвозди шли 24 типоразмеров, а для винтовых изделий взяли метрическую систему. Огромным спросом пользовались лезвия кос и лемехи для плугов, которые мы делали из высокоуглеродистой стали.

Инструмент: кирки, мотыги, лопаты, грабли, вилы, топоры, ножи, пилы. Тележные оси, обручи для бочек, стальные шины для тележных колес, цепи, стальные тросы, крюки и шкивы разных размеров. Стремена, мундштуки, удила, подковы. Наборы алюминиевой посуды, чайники, кастрюли, ложки, вилки. Ведра, металлические бочки, тазы, корыта.

И совсем мелочовка: канцелярские кнопки и скрепки, швейные иглы, дверные петли и щеколды, наперстки, ножницы. И самое модное: раскладные зонтики-автоматы, часы-будильники, бензиновые зажигалки. Охотничьи ножи, раскладные лопатки, мачете, бинокли, подзорные трубы. И ставшие очень популярными у модников застежки-молнии.

Электрические товары: лампочки, патроны, изолированные провода, выключатели, распределители, дверные звонки. Люстры, бра, настольные светильники. Генераторы до 100 кВт под паровой и бензиновый привод – в мелкосерийном производстве. Аккумуляторы автомобильные 12 В, весом 1 пуд, емкостью 20 а/ч – в мелкосерийном производстве, в основном для внутренних нужд и комплектации авто– и промышленной техники.

Предметы личной гигиены: зубные щетки, мыло «с запахом» в ассортименте, шампуни. Дешевые духи и одеколоны, вроде «Красной Москвы» и «Шипра» с «Тройным».

Ну и, конечно, предметы моей особой гордости – магазинные винтовки и револьверы. И только-только сконструированные пулеметы и самозарядные карабины.

В финале своего доклада я, промочив пересохшее горло сельтерской водой, с удовольствием рассказал о главном достижении: начале выпуска автомобилей. Их пока было немного: легковых всего восемь штук, из них два лабораторно-полигонных, три представительских, с улучшенной отделкой салона, подготовленных к отправке в Петербург для нужд цесаревича и великих князей Алексея и Павла (хорошая реклама!), один мой личный и два для «братьев» Ивана и Михаила. Автомобили грузовые, сходные по характеристикам с «АМО-Ф-15», только помощнее и с более удобной металлической

кабиной – две штуки, оба на полигоне. Еще были колесные тракторы, но они пока дорабатывались. Так же как и гусеничное шасси.

Шенк вскочил и стал, зараза такая, аплодировать, выкрикивая «Браво!» и «Бис!».

– Петрович! Прекрати! – прошипел дед.

Шенк, горделиво демонстрируя выполненный долг, сел на место и стал картинно обмахиваться платочком.

– А про автомобиль поподробнее можно? – подал голос великий князь Павел. – Как далеко он ушел от телеги?

– Ну, до «Лексуса» нашей машинке еще далеко! – усмехнулся я. – Внешне наши «Жигули» «уазик» напоминают. Кузов сварной, на кованой раме. Продольные рессоры. Тормоза гидравлические барабанные. Подвеска шкворневая. Колесные диски стальные, штампованные. Покрышки пневматические. Цвет черный... Салон кожаный...

– И сверху синяя мигалка! – Шенк опять начал ржать.

– А двигатель? – спросил Алексей.

– Внутреннего сгорания, четырехцилиндровый. Рабочий объем 1600 кубиков. Блок чугунный, головка блока алюминиевая. С верхним расположением распредвала и клапанов...

– То есть топливо идет не самотеком? – уточнил Алексей.

– Абыжаешь, начальник! Бензонасос с приводом от распредвала. Карбюратор. Зажигание электрическое. Свечами. Распределитель зажигания механический. Что еще?..

– Какая мощность? – снова Алексей.

– Первоначально планировалась 50 лошадок... Но из-за несовершенства технологического процесса – на выходе получилось всего 35, – признался я. – Но и это по нынешним временам круто!

– А выпускаемое количество? – дотошно продолжал выпрашивать Алексей.

– К сожалению, всего 15–20 штук в месяц, – вздохнул я. – Хотя рассчитывали на 50–70... Даже у самых лучших и опытных рабочих, лично отобранных главным инженером завода Даймлером, не хватает технической культуры. Разбили производственный цикл на множество мелких операций, запустили конвейер... один хрен не помогает!

– Ну, хоть что-то! – утешил Николай. – Лучше ведь, чем вообще ничего!

– Еще вопрос! – не унимается Алексей. – На тебя, я слышал, Попов с Герцем работают – как у них успехи?

О, это была моя больная мозоль! Эти гении за два с лишним года так и не смогли довести свои многочисленные поделки до уровня хотя бы нормального функционирующего прототипа радиостанции. У меня порой складывалось ощущение, что таланты в сытости и неге не действуют. Я в шутку даже подумывал посадить их на цепь, хлеб и воду...

– Боюсь, Серег, ох, тля... Алексей, что в этой области мне тебя порадовать нечем. Отдельные успехи есть, но они никак не хотят перерасти во что-то глобальное. Когерер я им подсказал, до антенны они сами додумались, но вот дальность пока не превышает 200 метров. Так что... Считай, что радиосвязи у нас пока нет.

Лицо адмирала приняло выражение, словно у него одновременно заболели все зубы и вдобавок прихватило сердце:

– Придется мне объявлять открытый конкурс на средства внутриэскадренной связи!

Я уныло кивнул. Ну что ж...

– Еще вопросы к докладчику есть? Нет? Тогда подводим итоги! В общем – результаты удовлетворительные! – в устах Альбертыча это была настоящая похвала. – Нужна ли тебе помощь? В чем-либо испытываешь нужду?

– В принципе – все очень и очень неплохо! – поспешил я успокоить собравшихся. Но, подумав пару секунд, добавил: – Вот только... Испытываю недостаток квалифицированных кадров и свободного капитала.

– Ну, с первым мы ничего поделать не можем... – оглядываясь на соратников, начал дед. – Или можем?

– Будь сейчас петровские времена, я бы отдал тебе в кормление десятков деревушек со

всеми сопутствующими душами! – вставил Николай. – Но... увы...

– Значит, не можем! – констатировал Альбертыч. – А вот со второй проблемой... Товарищи великие князья, у каждого из вас есть приличное состояние. Помогите коллеге-вселенцу – поделитесь денюжкой. Естественно, на паях...

Товарищи великие князья синхронно кивнули.

– Вот и ладушки, – тоже кивнул Альбертыч. – На трибуну вызывается второй докладчик.

Николай встал со стула. Он выглядел несколько смущенно – на фоне моих достижений его деяния выглядели достаточно бледно. Поэтому, усмехнувшись, цесаревич попросил высокое собрание быть к нему снисходительным и не выносить очень уж строгий приговор, ибо он до последнего момента не знал с достаточной точностью, что вообще находится в реальном мире, а не в какой-нибудь виртуальной реальности. Но старался, как мог, в меру своих слабых сил и возможностей. И главным своим достижением считает налаживание дружеских отношений между Россией и Германией.

Шенк не преминул отпустить реплику, комментирующую сущность этих отношений:

– Да дружим мы с ними... телами... – Но тут же прикусил язык и даже хлопнул себя ладонью по рту. – Мужики, простите, не хотел скабрзностей, но оно как-то само из меня прет... гусарство это.

– Илюх! Тьфу... Володь, бляха... уймись! – негромко сказал Альбертыч. – Если ты с гормонами справиться не можешь, сходи к врачу, пусть он тебе галаперидол пропишет. Или чем тут сейчас общее возбуждение организма лечат?

– Стрихнином! – уверенно сказал я. – Без шуток! В аптеках продается как успокоительное общего действия.

Шенк крикнул и густо покраснел. Что-то действительно у него с гормонами не то. Но так телом-то он у нас самый молодой. Не считая цесаревича.

– Извините, ваше императорское высочество, мы вас прервали, – кивнул стоящему Николаю дед, – продолжайте, пожалуйста!

Тут уж смутился цесаревич.

– Альбертыч! Ты... Вы... это... чего так официально? Высочеством?

– Для тренировки, Олежек, для тренировки! – усмехнулся дед. – А то назовемся при чужих *подлинными* именами и спалимся на фиг, а назад у нас теперь дороги нет!

– Как нет? – возмутился генерал-адмирал. – Мне что же это теперь, всю оставшуюся жизнь в теле алкоголика жить? С больной печенью? И коньяк только нюхать?

– А я тебе, Сережа, ох, прости, твое высочество князь Алексей, легкой жизни и не обещал! – отбрил дед. – Мы, коллеги, здесь как камикадзе все! С билетом в один конец! Если мы в этом веке новую жизнь не построим, то плохо будет всем! Не получится так, чтобы напортачить, а потом обратно в XXI век смыться! Это, коллеги, всех касается! Работаем до победного конца! Машинка эта, посредством которой мы все сюда попали, мною уничтожена!

– Зачем? – вырвалось у Алексея.

– А затем, чтобы никто *оттуда*, – взмах рукой в неопределенном направлении, – ни ребята из будущего, ни свои же земляки-современники, не смог вытащить нас назад и прервать операцию!

И дед обвел всех сидящих пронзительным взглядом. Эх, все-таки орел он у меня!

– Это есть наш последний и решительный бой... – тихонько пропел князь Павел.

– Да, товарищи, да! Именно последний и решительный! – резко вскинулся Горегляд. – Впрочем, для большинства из нас текущая ситуация – еще один шанс, причем последний, так как люди мы там были уже немолодые, послужить нашей Родине, которая для нас не пустой звук!

– Для нас, кстати, тоже! – подал голос Алексей. Я и Николай согласно кивнули.

– Ну и отлично! Значит, работать будем не за страх, а за совесть! – резюмировал дед. – Тем более что даже при наличии прибора возвращаться нам всем все равно некуда – наших

тел в будущем уже нет. Кроме Горегляда и Романова. Свое я сам... вместе с мнемотранслятором. А ваши... Думаю, что Илья... тьфу... Владимир уже рассказал о налете на клинику иновременного спецназа?

– Мне эту историю Димыч рассказал, так что я в курсе! – кивнул Николай. – Это верно, что мое тело уже тогда?..

– Верно! – подтвердил дед. – Но, поскольку я отправил Илюху сюда сразу после взрыва, еще одной подробности мой друг не узнал. Буквально через полчаса после бесславного окончания атаки, когда наши спецы из ГРУ только начали идентификацию уцелевших во время перестрелки и захвата налетчиков и подсчет трофеев, на клинику упал самолет с полными баками топлива...

– Бля-а-а... – выдохнули мы все чуть ли не хором.

– Н-да, серьезные ребята против нас работают, – покачал головой Шенк, – жесткие!

– Я словно жопой что-то почуюл – взял мнемотранслятор и ходу оттуда, – пояснил дед. – Едва на три квартала отъехал...

– Ну, братцы, – поднялся из-за стола Николай, – третий тост...

Мы встали и молча выпили.

– Слушай, дед, – обратился я к Альбертычу, когда все расселись по местам и закинули в рот что-то из закуски. – Петрович говорил, что этих иновременцев до хрена было. Так как же вы отбились?

– Да слабаки они против нас, Димка, просто слабаки! – махнул рукой дед. – Вот никогда не унижал противника, но здесь просто факты налицо! Их ведь полтора десятка против нас двоих было...

– Да и то я весь бой в палате при тушках просидел, – вставил Шенк.

– Ага... И чтобы полтора десятка бойцов не прошли через одного? – продолжил дед. – Им и надо-то было – прижать меня огнем да скопом навалиться. Но для этого надо было из-за угла коридора выскочить, а у них явно кишка тонка была. Я там троих положил, так они и зассали... Похоже, не рассчитывали, что пули из «калаша» пробьют их доспехи. А доспехи у них прямо как у «Робокопа» были, чудовые... Ну и потеряли время, в обход пошли... А тут и наши подоспели!

– Почти аналогичная ситуация была, когда мы Фалина с напарником брали, – сказал Шенк. – Практически захват сорвался – ведь планировали их на этаже с двух сторон зажать. Лестниц там две. Всего нас пятеро было. Один внизу, в холле остался, а две пары должны были с разных сторон зайти. Мы с Альбертычем по левой лестнице поднимались, и Фалин с тем вторым прямо на нас вышли. Успели, стало быть, все свои делишки переделать и уже когти рвали. Так что бой был встречным...

Дед, что-то вспомнив, рассмеялся. Шенк покосился на друга, но продолжил:

– Фалин-то сразу затрясся весь, к стенке прижался и глазами лупает. А вот второй, как потом Фалин объяснил – какой-то спецпредставитель из ООН, настоящий аглицкий лорд, большая шишка, так он в экзотическую боевую стойку встал! Умора – «Парящий журавль» и «Крадущийся тигр» в одном флаконе... Так я ему от души в челюсть врезал, а когда он поплыл – еще пару раз, вдогонку! Старость-то не радость – силы были уже не те, но этой шишке и того хватило! Он с копыт, хотя здоровый такой лось, на нем пни корчевать можно, да мимо меня по лестнице вниз скатился. Я уж хотел спуститься, да с ноги ему добавить, но он шустро вскочил и деру! А товарищу нашему, что в холле караулил, уже за семьдесят перевалило – перехватить этого тюленя пехотного он не смог. Ну, тот и сбежал...

– Так это ты ему, оказывается, так в челюсть бил? – усмехнувшись, сказал Альбертыч. – А я подумал, что это Петрович, как институтка, пощечины отвешивает? Да... погорячились мы тогда, переоценили свои силы – не струсь этот бугай, да не будь Леонид уже почти готовым к сотрудничеству... Как бы еще этот так называемый «захват» закончился? Так что... коллеги, давайте помянем добрым словом магистра Фалина, человека из XXIII века, благодаря амбициям или благим намерениям которого нам и выпал шанс хоть как-то повлиять на историю, – добавил Альбертыч. – Он погиб в Японии, прикрыв собой

Николая.

Все молча выпили.

– Владим Альбертыч, вы же наверняка следили и за мной, и за Фалиным... так что же произошло в Японии на самом деле? – спросил Николай, когда все снова уселись за стол. – А то я, честно говоря, так и не понял – если это *наши* японцы, то на хрена им? А если засланные – то почему я до сих пор жив?

– Напали на тебя засланцы – это совершенно точно! – задумчиво ответил дед. – Я самым внимательным образом несколько раз просмотрел запись покушения. И твоими глазами, и глазами Фалина. И, несмотря на детсадовский уровень организации нападения, спасла тебя случайность! Ты, в нарушение протокола, не сел в карету с какой-то местной шишкой. Там сидел казак-атаманец из твоего конвоя. Вот с ним тебя и перепутали, видно, лицом он на тебя чем-то похож был. Или они только на местного начальника ориентировались. В общем, покушение готовили явные дилетанты. Очень жаль, что вы позволили покончить с собой тому придурку. Надо было его хватать – и на корабль. А потом поспрашивать с пристрастием. А ты в благородство сыграть вздумал.

– Но я же... – начал Николай.

– Ладно, проехали! – прервал его дед. – Продолжаем докладную часть нашего съезда... Павел Александрович, ваша очередь!

«Романов-два-в-одном» с достоинством встает и, открыв тисненый золотом шевроный бювар, начинает доклад о потребностях проекта Транссибирской магистрали. Акционерное общество уже создано. Из частных предпринимателей в него вошли только наиболее честные (есть и такие!) купцы и промышленники. Романов вскользь упоминает, что среди потенциальных инвесторов проводился специальный конкурс – желающих погреть лапки на столь грандиозном госзаказе было хоть отбавляй. Но всесторонний отбор прошли только двадцать восемь юридических лиц. Естественно, что одним из пайщиков, причем не самым крупным, был Александр Рукавишников. Но, несмотря на строгий фильтр, блокирующий пакет акций остался за государством, и председателем был назначен цесаревич Николай, а исполнительным директором великий князь Павел Александрович.

В настоящий момент проект дороги проходил стадию технического согласования. По предполагаемому маршруту трассы высланы геодезические партии и горные инженеры.

– А почему бы нам сейчас не начать строительство Транссиба по северному маршруту? – предложил я. – Пока все еще на стадии проектирования. Это более выгодно в стратегическом смысле, невзирая на несколько большие расходы. А то ведь негоже строить магистраль под самым носом у потенциального противника.

– Ты, Дим, уж извини, какого противника считаешь потенциальным в том регионе? – хмыкнул Алексей. – Если Китай, то он сейчас никто и звать его никак, и в таком положении он будет пребывать еще долгое время. Тем более присоединение Маньчжурии просто автоматом требует постройки дороги именно в том регионе, а не за Байкалом.

– Ну как же... Во-первых, железная дорога строится не на один год, а за это время Китай вполне может подняться, как это и случилось в наше время. А когда это произойдет, передвигать дорогу будет поздно. А во-вторых, «Северное направление» более полезно для освоения Сибири! А Маньчжурия... нужна ли нам она?

– А кто сказал, что мы будем присоединять только Маньчжурию? Там еще Монголии разные есть – прекрасная местность... и население для формирования иррегулярных войск! – улыбнулся Николай.

– Да на хрена?! – возмутился я. – Нам бы уже завоеванное переварить...

– Пойми, Димыч: с присоединением Маньчжурии, а у нас сейчас есть все возможности ее таки присоединить, граница будет проходить гора-а-аздо дальше! – сказал Николай. – Да враги просто замаются переть к нашей железке через набитые разными хунхузами степи! К тому же Маньчжурия нужна в качестве продовольственной базы Дальнего Востока. Как Казахстан для Сибири.

– Собственно, японцам она же нужна по тем же причинам! – вставил Алексей.

– Плюс к тому: присоединение Маньчжурии вызовет сильный общественно-экономический резонанс – ибо Россия на протяжении всей своей истории развивалась именно территориально! – с воодушевлением продолжил Николай.

– Ты ведь, Дим, я так понимаю, по сути, нам БАМ строить предлагаешь? – решил уточнить дед. Я кивнул, а Альбертыч продолжил: – Так ведь в твоём варианте трасса мимо Иркутска пройдет, а это один из крупнейших городов Сибири!

– А что Иркутск? – упорствую я. – К Иркутску проведем боковую ветку. Это по-любому выйдет дешевле, нежели строить Кругобайкальский отрезок!

– Да вы, молодой человек, хоть представляете все трудности строительства БАМа? – вмешивается Павел. – Практически на всем протяжении трассы гористая местность. Семь горных хребтов! Становое нагорье! В реальности там пришлось восемь тоннелей прокладывать! И самый большой из них – Северомуйский, протяженностью пятнадцать километров! А вечная мерзлота?

– Откуда там вечная мерзлота? Это же на широте Киева? – ляпнул я.

Павел Александрович посмотрел на меня, как учитель на глупого и нерадивого ученика. Но промолчал.

– Понимаешь, Дим, если смотреть на карту распространения вечной мерзлоты, то подверженные ей районы как бы смещаются по диагонали с северо-запада на юго-восток, – просветил меня дед. – И если в Томске этой беды почти нет, то в Тынде и Благовещенске я в свое время много отзывов об этой самой *мерзоте* слышал. Матерных в основном...

– Но ведь как-то в реале при прокладке БАМа боролись с мерзлотой? – уже чувствуя, что проиграл и мое предложение не катит, поинтересовался я.

– Если мне не изменяет память... – начал Павел Александрович, – то основной способ – это насыпь. Обеспечивающая теплоизоляцию грунта. Но иногда приходилось изгаляться... Кстати, в сравнении с трудностями «Кругобайкалки» полезно посмотреть на тот же Северомуйский тоннель. 27 лет строили... Шлюзовые ворота и климат-контроль по всему 15-километровому протяжению... Подумаешь так, подумаешь... и махнешь рукой! Через Байкал паромами мороки меньше получается! Да и, наконец, южный вариант просто дешевле...

– Но ведь БАМ реально короче! И от границы дальше! – не удержался я. – Да нагнать каторжников – они этот Северомуйский тоннель за пару лет прокопают! Ах да!!! Чуть не забыл – у нас ведь маленькая победоносная война на носу, а после нее нам ведь надо куда-то пленных японцев девать! Вот они пускай и копают!

При упоминании о маленькой победоносной войне генерал-адмирал криво усмехнулся:

– Пословицу знаешь? Не хвались, идучи на рать...

– Молодой человек! Не забывайте, что БАМ строился при несопоставимом с Транссибом уровне механизации – сейчас ничего такого просто нет! – снова принялся вещать Павел. – Еще и поэтому южная трасса предпочтительней!

– Я как представлю себе: сто тысяч мужиков с кирками и лопатами посреди забайкальской тайги десять лет колуваются... – закатил глаза Шенк. – А природная среда, ешкин дрын, там еще та... Как бы словосочетание «забайкальский комсомолец» не появилось на свет раньше графика...

– Ну, если прения по второстепенному вопросу закончены, я, с вашего позволения, продолжу? – обвел всех взглядом Павел.

Мы дружно киваем, и Павел снова берет в руки папку. Цифры сыплются, как из рога изобилия. Потребно, необходимо, должно быть обеспечено...

– Отлично, Павел Александрович, просто отлично! – похвалил дед. Шенк снова хотел заплотировать, но передумал. – Давайте-ка, братцы, накатим по маленькой, за успех этого грандиозного проекта!

Народ зашевелился, стал разливать по рюмкам коньяк и накладывать на тарелки закуски. Только Алексей продолжал сидеть мрачнее тучи. От выпивки он отказался. Да и вообще игнорировал все попытки его расшевелить. Видя тщетность своих усилий,

Альбертыч решил перегнуть палку в другую сторону и предоставил адмиралу слово для доклада.

Алексей встал, потом снова сел на место. Бездумно покрутил в пальцах пустую рюмку. Похоже, что нерадостные, на общем фоне, мысли его терзают.

– Млять!!! Война на носу, а такое ощущение, что все всем по херу! – неожиданно заявил адмирал. Все удивленно уставились на докладчика, а Алексей, постепенно заводясь, продолжил: – Мне одному воевать прикажете?! Я и так в одиночку тащу на себе вагон штабной работы и планирования этой войны! Сонное болото... Млять... Согласование на согласовании... Саша, брат, помоги!!! Император, тля, всероссийский...

– Да ты что, Сереж?! – вытаращился на адмирала дед. – Что с тобой? Вон, выпей коньячку, хоть и нельзя, успокойся!

– Вот только не надо, Владим Альбертыч, меня как нервную институтку успокаивать! – хмуро ответил Алексей. – У меня вовсе не истерика, как вы подумали, а просто зло накопилось!

– Ну, так поделись с коллегами своей проблемой! – посоветовал Шенк. – Вместе, глядишь, и решим!

– Да если бы проблема была всего одна! – вздохнул Алексей. – Я же тут кручусь как белка в колесе! Генерал-адмирал хоть и первый под шпиком... но среди равных. Палки в колеса со стороны чинов Морведа и особенно от «авторитетнейших и опытнейших наших адмиралов» суются постоянно. А зачистка «ненужных» не проведена. Причем времени тотально не хватает. Все сам! И поручить толком некому. Косячат с... Команды у меня за четыре месяца толком не возникло, приходится использовать существующие кадры, а свою «понималку» не размножишь и на другие головы не пришьешь. А по вечерам как накатит... документы... раздумья... бессонница... нервное истощение... стакан, чтобы спать... плевать на печень и здоровье – ВОЙНА! Для меня война уже началась. Сразу, без предупреждений. С момента убиения Георгия. А это не все понимают, для кого-то она просто не нужна, кто-то думает, что будет легкая прогулка... мол, папуасы желтомордые...

– Давай поконкретней! – скомандовал дед.

– Поконкретней? Ладно, – кивнул Алексей и четким звучным голосом начал излагать: – Срочно формирую и отправляю инженерные бригады на Сучан, благо вовремя подвернулся рапорт о тамошнем угольке! Телеграф раскален от депеш из Владика... Манзы и корейцы не хотят идти на зимние работы на север. Кто будет работать на прокладке дороги и строительстве рудников? Каторжане сахалинские? А борьба нанайских мальчиков с «сапогами» по поводу отправки в Находку нормальных строевых частей, а не с бору по сосенке? Но дают то, что дают. А работа по реорганизации боевой подготовки флотских экипажей? А решить параллельно вопрос о доковании судов, находящихся на ДВ, в испанской Маниле? Дорасслаблялись, тля, думали, что война не скоро! А теперь догоняем! Экстраординарные траты на закупку машин, угля, припасов и прочего. Зимний ремонт машин, замена орудий на «Мономахе» и клиперах на новые 35-калиберные, те, что делались для ЭБРов. И опять – пробей-ка, докажи необходимость, организуй срочные зимние работы. А теперь пошли сообщения о волнениях среди экипажей на ДВ. А что вы хотите? Зимовать во Владике или в Находке – это не в Нагасаках с Йокогамами кайфовать...

– Николай! – обернулся дед к цесаревичу. – Ты Алексею чем-нибудь помочь можешь? К примеру – на армейцев надавить?

– Если только через *rará* ... – задумался Николай. – А если пару гвардейских полков послать?

– Пары не хватит! – покачал головой Алексей. – Да и не только в войсках дело! Материальная база слабовата!

– Ну, это тебе к Рукавишникову надо! – кивнул на меня Альбертыч.

– Как только у меня появится «окно», непременно заскочу в Нижний, посмотрю, чем Димыч порадует! – ответил Алексей. – Меня ведь не только вооружение интересует, но и станки, оборудование, металлопрокат. Бюро Александра Бара, вместе со всеми талантами

и Шуховым в том числе, фактически мобилизовано на организацию проектирования и строительных работ в Находке. А это целый комплекс – сухой док, дороги, склады, портовое обеспечение и так далее, и тому подобное. Крампа я на строительство судоремонтного завода «под ключ» привлек. А вот кто работать будет на этом новом заводе? Тащить рабочих с Балтийского завода?

– Ну, я ведь и кадрами могу тебе помочь! – сказал я. – Самых лучших не дам, конечно, по крайней мере много лучших, а вот просто хороших и опытных...

– Да хоть кого дашь – уже неплохо! – улыбнулся Алексей.

– Договорились! – Мы привстали и обменялись шутивым рукопожатием.

– Н-да... А я думал, что только в сфере моей ответственности такой бардак, – невесело сказал дед. – Ладно, раз уж все отчитались, скажу-ка и я пару слов о своем житье-бытье. Так... Для общего развития...

– А ну-ка! – оживился Николай. – Вы мне скажите, Владим Альбертыч, когда уже в мою свиту перейдете?

– Думаю, Олег, что... никогда! – усмехнулся дед. – Нас вообще вместе видеть не должны. Ты думаешь, почему я сразу в тело разведчика вселился, а не в молодого гусара, как Петрович? Потому как хотел немедленно нормальной работой заняться – до твоей нескорой коронации! Знал ведь, что с военной разведкой в России сейчас полная жопа, но чтобы такая! Собственно, нормально функционирует только низовое звено – фронтовая пешая и конная разведка. А наверху просто песок! Аналитики нет, систематического сбора данных нет. Я пошарил в архивах – ни на одно сопредельное государство не составлено справки-доклада о состоянии их армии, флота, промышленности, госструктур, политических партий и прочего. Конечно, что-то накопили, но сведения эти разрозненны. Агентурной работы практически не ведется. Большая часть информации из-за рубежа поставляется военными атташе при наших дипмиссиях, военными агентами по-здешнему. А с ними так: попадет грамотный и инициативный человек – более-менее регулярно присылает доклады в форме «Записок путешественника» или «Охотничьих рассказов». Попадется лентяй – и того не будет, пару раз в год пришлет вырезки из местных газет. Про то, чтобы из аборигенов агентуру набрать, даже разговора нет! Брезгуем-с... В результате – имеем то, что имеем... Хорошо, что в последний год открылся неплохой канал поступления сведений от морских агентов. Правда, сведений сомнительной ценности и опять-таки не систематизированных и крайне зависимых от конкретных людей на местах. В общем, коллеги, работы у меня непочатый край!

Альбертыч накатил половину лафитника и, никого не приглашая поддержать, махнул его залпом. Ух ты... И здесь не слава богу, раз коньяк как водица пьется. Никогда не видел деда таким... грустным?

– А как же Владимир? – осторожно, чтобы не спугнуть дедову тоску, спросил Николай. – Вы его к себе для подмоги хотите взять или как?

– У Петрови... тьфу, у Владимира своя задача! – решительно отрезал дед, очнувшись от тяжких дум. – Володь, расскажи!

Шенк демонстративно покрутил роскошные гусарские усы, усмехнулся и начал:

– Думаю, что присутствующим здесь господам не надо объяснять, какая из держав на данный момент является для России потенциальным противником?

Все промолчали, только Горегляд наивно спросил:

– Германия?

– Отнюдь, Афанасий Иванович, отнюдь... – сказал Шенк и зачем-то рассмеялся. – Вот как раз Германия – наиболее вероятный союзник. А наиболее вероятный противник сейчас – Великобритания. Эта страна, как США в наше время, всюду сует свой нос, отовсюду тащит все, что плохо лежит, да еще и поучает всех, как жить, – несет «бремя белого человека» в широкие народные массы Африки и Азии. Хорошо хоть, что в нынешние циничные времена никто не додумался прикрываться демократическими лозунгами. Причем противник это очень опасный – наиболее мощная на данный момент мировая держава, территориально занимающая половину «шарика», самое большое население, самая развитая

промышленность, самый мощный флот, самый большой капитал. И лезть в наши дела англичане будут везде! Они уже показали зубки – организовали покушение на Николая, как только он проявил себя явным англофобом. Наш ответ был асимметричным, хотя и непродуманным... Ладно, сейчас не об этом... И что лучше всего может отвлечь гордых альбионцев от вставления нам палок в колеса по всем фронтам? – Шенк сделал драматическую паузу.

Все молчали, стойко ожидая продолжения. Но Петрович, как заправский актер, продолжал безмолвствовать. И опять первым не выдержал Горегляд:

– Так что же, уважаемый Владимир?

– Хорошая войнушка! Что же еще! – брякнул Николай.

– Кого с кем? – скривился, как от зубной боли Алексей.

– Так сравнить Англию с кем-нибудь! – жизнерадостно предложил цесаревич.

– С кем? – упорствовал Алексей. – Как ты уже предлагал – с португальцами? Или англо-бурскую войну на 15 лет раньше начать? Так раскатают их бритты в блин, мало не покажется. И любая страна это знает! Разве что сами полезем! Повод благодаря тебе уже есть... Распустим еще слух, что собираемся присоединить к себе Японию и сделать ее нашим форпостом на Тихом океане: англы от такого на месте усидеть не смогут – и будет нам героическая Цусима где-нибудь у Доггер-банки... Только не с японцами, а с Роял нави!.. Нет сейчас охотников помахаться с Англией! И шиш мы их где найдем.

– Понадобилось бы – нашли! – подал голос Альбертыч. – Вот только делать это пришлось бы, из-за отсутствия агентуры, по открытым каналам. И даже при соблюдении достаточной конспирации из всех щелей торчали бы наши уши. Оно нам надо? Нет, конечно, на так называемое «общественное мнение» мы плевать хотели, но все же...

Шенк, кивками головы выразив одобрение Альбертычу и Алексею, решил продолжить изложение своего «жуткого» плана нейтрализации Англии:

– Понятно, что выиграть регулярную «правильную» войну с Великобританией сейчас никто не сможет. Особенно на море. Да и на суше война продлится вплоть до момента концентрации Британией достаточного количества войск. Те же буры трепыхались так долго не из-за своего военного искусства, а потому что английских войск на театре было маловато. Но как только англы нагнали толпу солдат со всех колоний – все, привет! Но даже там, при должной организации боевых действий буры могли еще долго приковывать к себе значительные силы противника. А длительное время держать на отдаленном, снабжаемом только по морю ТВД значительный воинский контингент – накладно для любой страны, даже такой мощной, как Соединенное королевство.

– Под «должной организацией боевых действий» ты имеешь в виду партизанскую войну? – уточнил я.

– Именно! – кивнул Шенк. – А теперь представьте, что партизаны действуют не в отдаленной малонаселенной, не имеющей промышленности, да и стратегического значения колонии, а непосредственно на территории метрополии. Вот где можно развернуться – большая часть промышленных предприятий расположена именно там.

– Партизаны на Британских островах? Я не ослышался? – Удивлению Алексея не было предела. Да и остальные участники собрания, судя по их виду, несколько прибалдели от такого заявления. Даже невозмутимый до сего момента Павел Александрович прекратил любоваться бликами света в гранях хрустального бокала и посмотрел на Шенка.

– Ты, Алексей, видимо, представляешь себе партизанское движение в виде кучек вооруженных людей, хоронящихся по лесам и нападающих на небольшие военные подразделения? – хмыкнул Петрович. – Ясно, что такой способ ведения боевых действий на островах невозможен. Мы не «робингуды», чтобы в Шервудском лесу прятаться. А вот если организовать широкую подпольную сеть и устраивать не открытые нападения на воинские контингенты, а саботаж на заводах и фабриках, теракты в городах, диверсии на военных базах? Такие действия заставят британцев хорошенько напрячься!

– Ну, напрягутся они... пока всех засланных казачков не переловят! – хмыкнул

Алексей. – Опять-таки – вопрос времени!

– При соблюдении конспирации и постоянной подпитке кадрами – подполье может существовать практически вечно! – отбрил Шенк.

– А откуда им взяться, этим кадрам? – спросил Алексей.

– Я уверен, что в любой стране мира вполне реально на вербовать кучу всякого отребья, люмпенов и прочей швали, – ответил Шенк. – Были бы деньги. Но эти люди будут крайне ненадежны. А нам нужны идейные бойцы!

– Неужели сейчас в Великобритании можно найти большое количество недовольных существующей властью? – удивился Павел Александрович.

– Непосредственно в метрополии – вряд ли. Но вот рядом есть остров... – улыбнулся Шенк.

– Ирландия! – первым догадался я.

– Молодец! – похвалил Петрович. – Именно что Ирландия, которая сейчас является фактической колонией Британии. И недовольных там – почти все население. А еще есть многомиллионная диаспора ирландцев в САСШ. Этим рыжим парням только оружие в руки дай да правильную цель покажи! Кто помнит, сколько в реальности продержалась ИРА?¹⁶¹

– Насколько мне помнится, о ее разгроме как-то не сообщалось! – сказал я. – Значит, она существует и в XXI веке!

– Вот! – торжественно сказал Шенк. – Моей основной задачей и будет создать подобную организацию! Начнем с вербовки людей в Штатах. Обучим, дадим оружие и деньги. Потом перекинем кого в Ирландию, а кого сразу на Британские острова. Сейчас мы с Альбертычем прорабатываем все детали плана. Готовим легенду и обеспечение. Надеюсь, что необходимым снаряжением и финансами вы, коллеги, меня обеспечите. Если все пойдет, как мы задумали, то в ближайшие несколько лет Англии будет не до России! А то, может, и до революционной ситуации дойдет...

– Устроить бриттам социалистическую революцию? Круто! – выдохнул Николай. – Ну, вы, блин, даете! Обязательно подгадывайте к октябрю! Вот только... Владим Альбертыч, пока Илья Петрович не уехал – помогите мне своих людей обучить!

– Без проблем! – ответил Шенк. – Я этим займусь, у Альбертыча дел поболее моего будет. Найдем подходящее местечко – и вперед!

– Значит, подводя итог нашей продуктивной беседы, могу сказать следующее... – Альбертыч встал и жестом предложил разливать. – Задумки у нас у всех хорошие, так дай нам Бог их все реализовать!

Мы дружно встали и выпили.

– Слушайте, у вас всех конкретные программы, один я без своего задания остался! – спохватился Николай, когда все снова расселись за стол и принялись за закуски. – Мне-то что делать?

– А ты, – улыбнулся дед, – раз уж выпал жребий быть цесаревичем, будешь осуществлять общее руководство. У тебя целое государство – работы непочатый край! Станки, автомобили, винтовки, пулеметы и броня – это, конечно, хорошо, но социально-экономических проблем они не решают!

Да уж, работка нашему другу предстоит неслабая...

Когда торжественное собрание плавно переросло в дружескую пьянку, Николай и Алексей подхватили меня под локотки и оттащили за ближайший рододендрон (или фикус? выпитый коньяк не улучшил моих знаний в ботанике).

– Значит, так, толстосум! Мы тут для тебя одну халтурку приготовили, – любезно предложив мне папиросу, начал Николай.

– Хотим поручить тебе создание государственного холдинга, в который объединить все

¹⁶¹ Ирландская республиканская армия (англ. Irish Republican Army) – военизированная ирландская группировка, ведущая борьбу за независимость Ирландии (в описываемый период Ирландия – фактическая колония Великобритании). Основана в 1919 году.

казенные верфи, – пояснил Алексей. – Ну и, естественно, провести техническое перевооружение. Штук пять эллингов потребно построить, постоянные стапели, новые механические мастерские и много еще что.

В моей голове уже плещется не менее полулитра превосходного коньяку, поэтому наработанные правила этикета отодвинулись на задний план. Огорошенный столь неожиданным предложением (а они думали, что я обрадуюсь?), я высказываюсь излишне эмоционально:

– Пацаны, я не понял?! Какие верфи?! Мне делать больше нечего?! Завод я вам на кого брошу?!

Цесаревич хмыкает и толкает локтем стоящего рядом адмирала:

– Ну вот! Что я тебе говорил? Не хочет в лямку впрягаться! Совсем там, в своем Нижнем, расслабился! С горничными прелюбодействует!

Я немного сбавляю обороты:

– Не, ну реально, парни, рассудите логично – куда мне еще и верфи? У меня и без того дел по горло! Завод на мне, конструкторское бюро на мне... А большую химию поднимать?

– Какой занятой человек! – ехидно вставляет Алексей. Узнаю знакомые платовские интонации.

– Ты нас не грузи! Химией Горегляд занимается. Завод можешь на братца Михаила оставить, сам же говорил, что он отлично справляется, – рассудительно говорит Николай. – А конструкторское бюро... Накидай им идей – пускай воплощают, а ты будешь периодически приезжать, контролировать выполнение.

– Неужели больше некого поставить?! – продолжаю упорствовать я.

– Некого! – спокойно роняет Алексей.

– Да что, блин, за страна такая?! Полтора миллиона населения – и некого поставить?!

– Ну, предложи кого-нибудь! – откровенно ухмыляется адмирал. Епрст, и ухмылка у него, как у Сереги Платова. – Сам ведь знаешь или догадываешься – поставь на такое местного, пускай даже семи пядей во лбу, то он, может быть, дело и не завалит, но денюжек потратит гораздо больше. А казна-то не бездонная!

Привлеченный криками, к нам подходит Альбертыч.

– Что за шум, а драки нет? – шутливо интересуется он. – Народ, понимаешь, волнуется...

– Да вот, деда, хотят меня кинуть на прорыв – верфями руководить! – жалуюсь я. – А я в этом кораблестроении – ни бум-бум!

Теперь остается отойти в сторонку и спокойно понаслаждаться зрелищем. Ну, сейчас Альбертыч им врежет! Как там у классиков? «Шура, вы видели бой быков?»...

Но дед неожиданно наносит мне удар в спину:

– А ведь, Димка, они правы! Ты, вон, опыт уже какой-никакой накопил по организации и управлению крупным промышленным предприятием, вот и подумай... Дело это очень ответственное! Ведь никакой частный капитал это не потянет, а казенные деньги – разворуют! Сам понимаешь. У тебя спецы, инженеры, тебе, в конце концов, доверять можно... Так что, выходит: никто, кроме тебя...

Я молчу, прибитый аргументами. А ведь они правы – процесс уже отработан, и постоянно пинать в спину нерадивых работников уже не надо. Завод работает как хорошо отлаженный механизм. И «братец» Михаил действительно великолепно справляется с административными вопросами. А сбытом продукции занимается «братец» Иван. Пора уже на другую ступень переходить, на предыдущей я, как выяснилось, засиделся. А тут такое дело предлагают – поднятие (с колен) отечественного судостроения.

– Ладно, уговорили, черти красноречивые! – обреченно киваю я. – Ну, хоть время на сдачу дел дадите?

– Да сколько угодно! – сразу веселеет Николай, исподтишка показывая Альбертычу большой палец. – Полгода тебе хватит?

– Быстрее управлюсь – месяца за два-три... – признаюсь я.
– Тогда готовься к вызову на ковер! – обрадовал Николай.
– Куда?! – оторопел я.
– Видишь ли, управляющий объединенными государственными верфями – генеральская должность! – пояснил Алексей.
– И для присвоения тебе такого звания, в обход существующей иерархической лестницы, мне придется обратиться к самому императору. А он наверняка захочет пригласить тебя для личной беседы! – охотно объяснил Николай.

Интерлюдия

Лорд Александер Валлентайн, спецпредставитель Генерального секретаря ООН, смотрел на свое отражение в тускловатом гостиничном зеркале. Смотрел и не узнавал... И дело было вовсе не в опухшей скуле и розовых пятнах регенерировавшей кожи – последствиях ударов того старика из клиники. Изменился он сам, лорд Валлентайн. Глаза поменяли цвет с серого на карий. Волосы на голове ощутимо потемнели. Удлинились мочки ушей.

Валлентайн подергал себя за ухо. Да, это ему не мерещится, это вполне реально. Это могло означать две вещи: или он сходит с ума, или хроноволна, поднятая действиями этих чертовых русских, уже докатилась до предков. Если верно второе, то вскоре следует ждать хроноамнезии. Он просто станет совсем другим человеком. Такая участь уже постигла большинство его знакомых. Половина персонала его собственной рабочей группы состояла из совершенно незнакомых людей. Сегодня утром дошло до абсурда – «сменился» генсек. Причем это ни у кого не вызвало удивления. Будто так и надо – вчера ООН возглавлял пожилой афроамериканец, а уже сегодня молодежавый швед. Самое поганое было в том, что «новый» генсек был абсолютно не в курсе расследования, которое Валлентайн вел две последние недели. Напротив – этот швед, долговязый кретин, нагло посмел утверждать, что поручал Валлентайну совсем другое дело. И что самое плохое – в этом утверждении его поддерживали сотрудники аппарата.

В сердцах Валлентайн ударил кулаком по незнакомому лицу в глубине зеркала. Уй, больно-то как!!! Баякая отбитую руку, Валлентайн бросился за аптечкой. Торопливо вскрыв контейнер, он на ощупь нашел охлаждающий пакет, смял его, чтобы запустить реакцию, и приложил к кровоточащим костяшкам кисти. Хорошо еще, что зеркала в гостинице сделаны из дешевого пластика, а не из стекла – иначе ссадиной не отделаться.

Глупец! В его положении выдержка – главное оружие. Выдержка и быстрота принятия решения. Сейчас надо решить окончательно – плюнуть на все и превратиться в кареглазого брюнета, имеющего совсем другие воспоминания... Или все-таки дать этим зарвавшимся русским тварям последний бой.

Природная мстительность подталкивала Валлентайна ко второму решению. Да и растворяться в новой личности, подобно соли в воде, было очень боязно. Да что там «боязно»! Его разум буквально орал от страха. Значит... Значит, все-таки бой. А как? Пойти в этот чертов Институт времени и, воспользовавшись мнемотранслятором, залезть в башку одного из этих поганых русских. А потом заставить «тело» подойти к проклятому цесаревичу и выстрелить в упор! Да! Из револьвера, в упор! Прямо в ненавистную рожу!

Стоп! Валлентайн вспомнил, как, завладев телом русского императора, он уже пытался убить Николая. И что из этого вышло? Чтобы спасти своего хозяина, свита цесаревича не испугалась поднять руку на своего государя! А как эти kazzaks бросались под пули японцев, прикрывая собой... кого? Никчемного человечешку, возмнившего себя великим ниспровергателем устоев! Откуда у этих людей такая преданность? Наверняка дело в типичном русском фанатизме. Эти наглые варвары, мнящие себя европейцами, всегда сотворяли себе кумиров.

Как бы там ни было – приблизиться на пистолетный выстрел Валлентайну не дадут. А

если снова залезть в тело родственника? Возможно, что подойти удастся, но в своей способности быстро выхватить револьвер и метко выстрелить лорд сомневался. Нужен другой способ устранить этого выскочку.

Лорд задумался. В его голове крутились десятки комбинаций с выбором реципиентов для внедрения, рубежами атаки и набором оружия. Три предыдущих дня Валлентайн внимательнейшим образом изучал биографии всех более или менее близких к цесаревичу людей. Конечно, ближний круг отпадал, но вот родственнички... Дяди, кузены... Постепенно план начал складываться.

Надо «оседлать» одного из великих князей. Кого-то из братьев императора. А потом... на месте найти способ одновременно расправиться со всей этой семейкой! В конце концов, «адские машинки» уже существовали. И тогда он, Валлентайн, займет чертов русский трон по закону! И сумеет повернуть все вспять. Да! Это, пожалуй, единственно верный выход!

Валлентайн пулей метнулся обратно в ванную комнату, чтобы смыть кровь с разбитого кулака. Машинально глянул в зеркало и обомлел: за то время, что он раздумывал, у него на лице появился приличный солнечный загар и выросли пышные усы. «А они мне идут», – подумал Гарри Пратчетт. Дьявольщина!!! Какой Гарри Пратчетт? Я лорд Валлентайн! Яростная волна вымыла из сознания заползшую чужую личность.

Дело совсем плохо. Надо спешить, иначе... Валлентайн, надеясь, что его спецдопуск еще действует, рванул в Институт времени.

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

Оттремело триумфальное возвращение в Петербург. Мы приехали героями, спасшимися из лап грязных желтых дикарей, и по случаю нашего «чудесного избавления от неминуемой гибели» столица встречала нас громом оркестра, звоном колоколов, цветами, парадом, балами и всенародным ликованием. Три дня прошли «как с белых яблонь дым», то есть абсолютно впустую. И вот: здравствуйте, серые будни! Все снова рьяно впряглись в работу...

Венценосный отец дал добро на создание новых учебных заведений, спокойно отреагировал на мое предложение об обновлении Государственного совета, разрешил мне заняться подготовкой реформ по Финляндии – короче говоря, работы у меня оказалось столько, что я даже сократил занятия рукопашкой и стал завтракать, обедать и ужинать, не выходя из кабинета. Иногда по вечерам приходится силой разгибать пальцы, которые сводит от бесконечной писанины. В такие минуты я с особенной злостью вспоминаю свои подростковые мечты о «легкой и безоблачной судьбе наследного принца»...

Кроме того, на меня с ходу напрыгнули мои «современники». Кроме Димки рядом со мной оказались его дед, Владимир Альбертович, друг и сослуживец Политова-старшего – Дорофеев и шапочно знакомый мне Сергей Платов. А сверх того... Сверх того в наш «дружный коллектив» влились бывший главный инженер комбината «Корунд» Афанасий Горегляд и бывший глава бывшего Ленинградского обкома бывшей КПСС Григорий Романов! Когда Димыч сообщил мне о последнем участнике нашей «трупы погорелого театра», я чуть со стула не свалился, и еще минут пять моим главным позывом было измерить у закадычного дружка температуру и уговорить его на вдумчивую беседу с местными светилами психиатрии... Копчиком чувствую – этот человек, властность из которого так и прет, еще доставит нам всем немало хлопот. Но очень хочется надеяться, что это произойдет после завершения строительства Транссиба.

Вспоминаю нашу первую совместную встречу. Вполне естественно, что проходила она в лучших шпионских традициях – на задворках дворцового парка дядюшки Алексея. Наверняка это собрание выглядело со стороны крайне странно. Больше всего означенная вечеринка походила на «тайную вечерю»... Три члена императорской фамилии, причем один – наследник престола, а двое других – братья императора. И с ними в компании молодой гусарский корнет и капитан, лет тридцати пяти, сотрудник 7-го военно-учетного отделения

Главного штаба¹⁶². Причем означенные офицеры до этого дня никогда не встречались, но здоровались, как старые друзья после долгой разлуки: с обниманием, лобызанием и восклицаниями: «Петрович!.. Альбертыч!..» Из Нижнего Новгорода приехали известный промышленник и его инженер-химик. И снова посторонний наблюдатель был бы озадачен: впервые увидевшие друг друга люди радуются встрече, словно давно знакомы, а промышленник-миллионер называет офицера Главштаба «дедушкой».

После взаимных приветствий присутствующие разливают по лафитным стаканам коньяк. И залпом, как фруктовую воду, выпивают драгоценное произведение французских мастеров. Н-да... славно мы тогда посидели!

Соратников-современников прибавилось, но сокращение моего «ближнего круга» изрядно меня расстраивает. Собственно говоря, от круга уже почти ничего не осталось. Несчастный Хабалов погиб. Васильчиков, получив от Альбертыча необходимые инструкции, начал строительство давно анонсированной организации – Комитета государственной безопасности. Гревс оказался в опытных руках Дорофеева-Шенка, который со всем прилежанием начал натаскивать его, точно легавого щенка, на охрану ценной особы моего величества. А Николай Оттович и вовсе отправился на флот, в преддверии грядущих боевых действий с Японией...

Кстати, о грустном... Смерть бедолаги Фалина вот-вот обернется натуральным военным конфликтом со страной сакуры и Фудзиямы. Александр III, разъяренный смертью второго сына, принял окончательное и бесповоротное решение отомстить неразумным хазарам, то бишь японцам. К моему ужасу, его поддержали и окончательно утвердили в этом решение мои друзья-соратники из будущего.

Господь Вседержитель, как же я уговаривал своих современников, как спорил с ними, доказывая, что не нужна нам эта война. В смысле – сейчас. Ну что б не подождать лет пятнадцать. Мы тогда эту Японию не только разгромим, но еще и разграбим. До черного волоса! Я уже в мыслях себе рисовал, как мы все у джапов отберем, все промпредприятия демонтируем и в свое Приморье отвезем, как захватим все активы всех банков, и даже, в тех черных мечтах, представлял себе, как снимаем и уволакиваем к себе рельсы со шпалами! А что теперь? Ну, сплавают наши мариманы на Дальний Восток, ну отоварят нарождающийся флот Страны восходящего солнца по самое не балуйся... И что? Что с них, бедолаг раскосеньких, сейчас-то взять? Ведь нет же у них ничего.

Но дядюшка генерал-адмирал, Шенк, Целебровский и даже Димыч насели на меня и нанесли сокрушительное поражение по всем фронтам. Основным аргументом, который они выдвигали, было: «Олег, паровозы надо давить, пока они чайники!»

Даже отчаянная попытка перенацелить развоевавшуюся когорту «made in USSR» на «горячо любимую» мною Британию, у которой именно в тот момент намечалась заварушка с Португалией из-за африканских владений последней, потерпела полное фиаско.

Выслушав меня, Алексей Александрович, флотоводец наш, характерным жестом почесал ухо:

– Это, разумеется, интересная идея, Олег. Об этом стоит подумать и рассмотреть возможность оказать поддержку нашей эскадрой братскому португальскому народу. На обратном пути с Тихого океана.

Вот и весь сказ. Так что Николай Оттович отбыл на Балтику, вступать в должность вахтенного офицера на флагмане. Хоть я и настаивал на том, чтобы генерал-адмирал назначил моего адъютанта командиром корабля, ничего не вышло. Платов прямо заявил: хочешь, мол, чтобы из Эссена толк вышел, дай ему на флоте послужить, как положено. В принципе верно: какой из Эссена сейчас командир корабля? Почти такой же, как и из меня. Хорошо, что хоть его Алексей вообще взял с собой, а то ведь поначалу чуть ли не по интендантской части назначить предлагал. Ладно, потрется Николай Оттович возле

¹⁶² Военная разведка.

маримана нашего великого, авось и наберется свежих идей (прямоком из XX века!) о тактике и оперативном искусстве.

Так что из всех моих тонтон-макутов¹⁶³, из тех, с кем начинал, при мне остались только Ренненкампф, Шелихов и Махаев. Правда, Павла Карловича тоже скоро придется отпускать в «большую жизнь». Вот и останусь я только с моими ординарцами век вековать...

Рассказывает Дмитрий Политов (Александр Рукавишников)

Великий князь Алексей Александрович, генерал-адмирал русского флота, объявился в Нижнем Новгороде без помпы и оркестра. Просто тихо приехал для инспекции моего завода, как и обещал на общем собрании. Приехал инкогнито в конце января, в сопровождении двух офицеров, простым пассажирским поездом, правда, все-таки первым классом. И ведь не предупредил заранее, собака, за что и поплатился – до Стальграда добирался на простом извозчике.

Саша Ульянов, секретарь мой незаменимый, в очередной раз затек в дверь кабинета с сакраментальной фразой про Юстаса и Алекса. После визита и пятидневного загула с цесаревичем Сашеньку уже сложно чем-либо удивить. Подумаешь – очередной великий князь пожаловал!

После часовой прогулки в открытом конном экипаже в разгар метели Алексей свет Александрович капитально замерз – не спасла шинель на меху и каракулевая шапка. При взгляде на бедственное положение товарища моим первым порывом было накатить ему грамм двести водки, но я вовремя вспомнил, что Сергей в настоящий момент мужественно борется с зеленым змием, засевшим в глубинах организма, доставшегося от растворившегося на воздушных великого князя Алексея. Поэтому я ограничился предложением чисто символической рюмочки коньячку и распоряжением о срочной доставке в кабинет горячего чая. И то и другое Алексей принял с благодарностью.

К чести Сережки Платова, или, по нашему договору об именах, великого князя Алексея, пришел он в себя довольно быстро. Хватило всего половины ведерного самовара.

– Ну, my dear businessman by the grace of God, хвались плодами трудов праведных, посмотрим, что из этого подойдет для флота! – решительно заявил Алексей, после отказа от моего предложения откусать с дороги, чем этот самый God послал. Великий князь явно догадался, что обед может сильно затянуться и плавно перерасти в ужин.

– Экий ты прыткий, твое высочество, – улыбнулся я. – Не успел приехать и сразу быка за рога! С чего начнем? Со стрелковки?

– Нехай со стрелковки, хотя меня больше интересуют стволы с более широкими дулами, – хмыкнул адмирал. – Пойдем по возрастающей!

Мы накинули шубейки и вышли из кабинета. Проходя через приемную, я сказал секретарю:

– Саша, я сегодня больше никого не принимаю! Меня можно беспокоить только в двух случаях – если вдруг загорится завод или снова приедет цесаревич, что, в общем-то, одинаково...

– Понял. – Александр с достоинством кивнул пробормотав.

– Слушай, а он действительно?.. – дернув подбородком в сторону приемной, спросил князь, когда мы уже спускались по лестнице.

– Да, тот самый – старший брат! – кивнул я.

– А где сейчас младший? – продолжил допытываться Алексей.

– Наверное, заканчивает гимназию! – пожал я плечами.

¹⁶³ Тонтон-макуты – гаитянская гвардия (добровольцы Национальной безопасности – *Milice de Volontaires de la Sécurité Nationale*), служащая опорой режима Франсуа Дювалье. Создана в 1959 г. по образцу итальянских чернорубашечников. В переносном смысле – фанатичные сторонники.

– А его ты куда пристроишь? – не унимался князь.

– Да фиг его знает! Не думал об этом! – немного растерялся я. – Пусть сначала универ закончит, а там посмотрим. Я и старшего хотел обратно в Питер отправить – доучиваться. И попутно подобрать пару сотен головастых парней – химиков и биологов. Хочу начать выпуск лекарств...

– А не боишься, что он там снова?.. – ухмыльнулся Алексей.

– Нет, не боюсь! – отрицательно мотнул я головой. – Саша теперь не прекрасодушный мечтатель, а циничный реалист. Он же видит, что наша деятельность приносит стране гораздо больше пользы, нежели революционная. Мы с ним как раз недавно эту тему обсуждали, я его прошупываю потихоньку, к самостоятельной работе готовлю, так он мне такую фразу выдал, что я чуть с кресла не свалился: им, говорит, соратникам моим бывшим, нужны великие потрясения, а вам, Александр Михалыч, и друзьям вашим – Великая Россия! Прикинь!

– Ну, надо же... Столыпина цитируют за 20 лет до того, как сам Петр Аркадьевич это произнес... А вот интересно: что же такого он увидел, сидя на секретарском месте? Какую пользу ты приносишь стране? Только богатеешь на продажах и расширяешь производство. Мироед... но мироед с понятием, в отличие от других промышленников. Своих рабочих кормишь получше и эксплуатируешь поменьше. Н-да... и связи у тебя тоже разносторонние... Вот, собственно, и все, что мог увидеть Саша. В настоящие-то дела его не посвящали и не посвящают.

– Видишь ли, в чем дело, мой старый скептический друг: еще в самом начале нашего с Александром знакомства я изложил ему свою концепцию. А она очень проста – я не хочу, чтобы в России были бедные люди. И мой Стальград в этом отношении – буквально город будущего! Высокий общий уровень жизни, бесплатное образование и здравоохранение. Общественное самоуправление и добровольный правопорядок. И эту модель мы хотим распространить на всю страну! Вот это Саша со своего секретарского места и видит! А еще он видит, что над осуществлением этой идеи работают даже великие князья и некоторые генерал-адмиралы! Не говоря про самого цесаревича... Ты думаешь, он не срисовал, что вы все со мной совершенно не по этикету себя ведете, а – как старые собутыльники... тьфу, в смысле соратники?

– Крхм... – адмирал аж поперхнулся. – Как ты сказал? Общественное самоуправление и добровольный правопорядок? Вот уж чего от тебя не ожидал! Это же... Перманентный оргазм общечеловеков... и один из девизов батьки Махро... тьфу!.. Махно!

– Ох, ну и язва же ты! – с чувством сказал я. – Блин, узнаю старого друга Сережу Платова...

– Ты этих идей у Бакунина нахватался? – не унимался Алексей.

– Почему сразу Бакунина? – обиделся я. – Я его не читал. А эту программу сам придумал...

– Да ты, оказывается, опасный человек! – прищурился князь. – Социалист! Гляди – вот так втихоря станешь идеологом, а потом... глядишь, и на мавзолее будет написано не «Ленин», а...

– Тля, ну и шуточки у тебя, твое высочество...

Быстрым шагом (метель разгулялась не на шутку) мы перешли из особняка на территорию завода, в корпус стрелкового оружия. На Алексея произвело большое впечатление наличие у всех ворот и дверей парных постов, состоящих из вооруженных винтовками и револьверами дружинников.

– Как в хорошем оборонном НПО, «вохра» у каждой двери, – негромко сказал адмирал. – Здание Морведа меньше народа охраняет. Это же какие тут чудеса прячут, что для охраны столько бездельников требуется?

– Именно, что чудеса, Алексей Александрович! – рассмеялся я. – По нынешним доэнтээровским временам, за любое устройство из этих цехов заграничные супостаты большую денюжку заплатить готовы. Ты даже не представляешь, какой сейчас

промышленный шпионаж процветает. Я уже устал вражеских лазутчиков к расстрельному рву отводить.

Великий князь коротко глянул на меня, но все-таки сообразил, что последняя фраза была шуткой.

– Слушай, если у тебя здесь действительно секретные разработки, то давай я тебе роту моряков пришлю. Какой толк от твоих партизан, занимающихся охраной на добровольных началах? – Как кадровый военный, он относился к вооруженным гражданским крайне пренебрежительно.

– Спасибо, но не надо! Во-первых, специфики охраны подобного рода объектов твои бойцы не знают, а во-вторых, этих ребят я сам тренировал и натаскивал. Рукопашный бой. Стрельба из любого вида оружия. Тактика действия в поле, лесу, городской и сельской застройке. По уровню подготовки им сейчас равных в этом мире нет – настоящий спецназ! Думаю, что у архаровцев цесаревича подготовка как бы не хуже – им регулярных занятий не хватает.

– Все равно зря от моих морячков отказываешься, рабочие должны работать, а не завод караулить!

– Видишь ли, Алексей Александрович... Эти ребята с повязками – только числятся рабочими. Вся наша так называемая добровольная народная дружина делится на две неравные части. Большая часть – действительно состоит из рабочих, добровольно патрулирующих улицы городка в свободное от основной деятельности время. Да, они знают десяток приемов рукопашки, умеют стрелять из винтовок и револьверов. И регулярно, три раза в неделю, тренируются, чтобы поддержать свои знания и умения. Но их основная функция – поддерживать порядок в жилой зоне. А для этого им даже дубинок не выдают. Меньшая же часть дружины набрана отнюдь не из крестьян, а из деклассированных элементов, вроде моего Еремы. Там и казаки, и отслужившие солдаты, и даже пара настоящих разбойников есть. Ерема их лично набирал, первоначальную проверку проводил да в три шеренги строил. У них и подготовка, и вооружение совсем другие, да и живут они в казармах непосредственно на территории завода. Дисциплинка железная – но и денежный оклад, сравнимый с инженерским. Предназначение этой внутренней дружины – несение патрульно-постовой службы на территории заводского комплекса и участие в возможных вооруженных конфликтах.

– Да ты себе втихаря частную армию создал. Куда только полиция смотрит? – Он придержал меня за локоть и продолжил: – Кстати, а службу контрразведки ты организовал? Даже в здешние буколические времена умные люди не лазают за секретами через забор.

– А как же! И руководит ей экс-полицмейстер Нижнего Новгорода, он же решает вопросы со своими бывшими коллегами.

– Разумно. Чувствуется школа эры дикого капитализма.

Отметив пропуск, я провел адмирала в лабораторию. Верстаки и столы большого квадратного помещения заполняли устрашающего вида механизмы. Персонал, по случаю обеденного перерыва, отсутствовал.

– Ну что же... Наши винтовки и револьверы ты уже хорошо знаешь. Тогда начнем со станкачей. Вот это наш последний проект. – Я любовно погладил ствольную коробку стоящего на высокой подставке в центре зала агрегата. – Пулемет моей собственной конструкции, если так можно назвать... А на самом деле компиляция воспоминаний о будущем... Назвали «Единорогом». Ну, по аналогии с шуваловской гаубицей. Эффект от воздействия на противника схожий... Скорострельность – 900 выстрелов в минуту. Съемный ствол имеет специально рассчитанное оребрение для правильного расширения и лучшего охлаждения. Тут лично Чернов ¹⁶⁴ постарался – полтора месяца свои «точки» ¹⁶⁵

¹⁶⁴ Чернов Дмитрий Константинович (1839–1921) – русский ученый в области металлургии, металловедения, термической обработки металлов.

рассчитывал. Ну и сплав, конечно, специальный. Благодаря этому ствол, даже без кожухов, выдерживает 20 000 выстрелов, а длина непрерывной очереди достигает 100 выстрелов!

Алексей хмыкнул, а я, довольный произведенным эффектом, продолжил:

– В зависимости от места установки и тактики применения можно использовать два типа наствольных кожухов – для водяного и воздушного охлаждения. Ну, первый достаточно традиционен, а второй копирует кожух «Печенега»¹⁶⁶. Станков пока тоже два – классическая тренога и легкий пьедестальный лафет для установки в дотах, на бронетехнике или, как в твоём случае, на борту корабля или катера. Можно, конечно, разработать зенитный станок или колесный. Но первый нам еще не скоро понадобится, а второй слишком тяжел. Питание ленточное, лента металлическая нерассыпная. Калибр оружия 10,67 миллиметра.

– Что? Старый добрый патрон к винтовке Бердана? Но насколько мне помнится, «берданка» под этот патрон имеет дальность прямого выстрела всего около трехсот метров. Не маловато для пулемета? – удивился Алексей.

– Верно, но это верно для патрона с дымным порохом, который все равно нельзя в этом устройстве использовать, ибо стреляет сей агрегат с открытого затвора, – ответил я. – И уверен на сто процентов, услышав обозначающее калибр число, большинство людей допустят ту же ошибку, что и ты сейчас! А мы используем патрон, имеющий совсем другие габариты, кроме номинального калибра. Пуля, естественно, остроконечная. Гильза не 58, а 87 миллиметров в длину. К тому же снаряжена она пирокolloдиевой смесью. В результате «русский четырехлинейный» превосходит по всем характеристикам знаменитый «338 Лапуа», до изобретения которого еще сто лет.

Не дождавшись ответной реакции Алексея, я продолжил:

– В результате всех манипуляций мы имеем достаточно крупнокалиберный, но при этом легкий, вес без станка и кожуха 27 кило, пулемет, годный к использованию в качестве ротного.

– 27 кило для крупняка? – недоверчиво прищурил глаза адмирал. – КОРД весит почти столько же, а ведь построен совсем на других технологиях и материалах!

– Ну... – замялся я. – У опытных образцов вес именно такой, но вот что будет в серии... с легкими сплавами сейчас беда...

– А на каком принципе работает автоматика? Что-то я газоотводных трубок не вижу!

– Принцип работы автоматики – использование энергии отдачи при коротком ходе ствола.

– Как у Хайрема нашего Максима?¹⁶⁷ – уточнил Алексей.

– Не совсем, – отрицательно покачал я головой, – скорее как у его американского аналога – «браунинга М1921».

– А что... нормально! – подумав несколько секунд, кивнул великий князь. – Насколько мне помнится, этот «браунинг» аж до начала ХХI века у пиндосов на вооружении состоял!

– Именно – схема исключительно проста и надежна! Но пока мы до нее «додумались»... – хихикнул я. – Ты даже представить себе не можешь, какими прихотливыми тропами следует к совершенству конструкторская мысль!

Я показал рукой на соседние верстаки. Там стояли почти точные копии так расхваливаемого мною пулемета.

¹⁶⁵ Установленные Черновым при испытании оружейных стволов критические температуры, при которых происходит изменение фазового состояния и структуры стали при нагреве и охлаждении ее в твердом виде.

¹⁶⁶ Ручной пулемет «ПКП» «Печенег». Имеет эжекционное охлаждение ствола. Холодный воздух протягивается внутри кожуха за счет разницы давления у дульного среза.

¹⁶⁷ Хайрем Стивенс Максим (1840–1916) – британский изобретатель и оружейник американского происхождения, создатель одной из самых знаменитых моделей пулемета.

– Ну-ка, ну-ка... – Алексей, заинтересовавшись, подошел поближе. – И чем они отличаются?

– Ну, стволы, кожухи и станки у всех одинаковые. Тот агрегат, что ближе, использует схему немецкого «MG42» – тоже короткий ход ствола. Но запираение ствола настолько хитромудрое... И в смысле производства, и в смысле обслуживания. Ролики там... А под них фрезерованные вырезы в ствольной коробке... Короче, первый блин вышел комом. А вот следующее устройство – весьма интересная штука! Этот супер-пупер-агрегат – игра ума, существующая в двух экземплярах, на котором выпускники моей школы конструкторов обкатывали оригинальные идеи, а технологи – прогрессивные методы обработки стали. Своеобразный дипломный проект целой группы талантливых ребят. Машинка сама по себе очень хорошая, тактико-технические характеристики – блеск, но эксплуатационные особенности... в общем, чисто лабораторная вещь для стерильных условий.

– Как это понимать? – заинтересовался адмирал.

– Ну, начнем с того, что здесь использован полусвободный затвор системы Барышева¹⁶⁸. Причем я своим ребятишкам вообще ничего не подсказывал – сами додумались, прикинь! Явное достоинство этого устройства – заметное снижение отдачи.

– Барышев... Барышев... Что-то я не припомню такого! – нахмурился Алексей.

– А он широко известен в узких кругах, – усмехнулся я. – Невзирая на совершенно изумительную кучность при автоматической стрельбе, а она такова, что кто-то назвал оружие Барышева «механическим лазером», эти «вундервафли» так и не были приняты на вооружение. Нигде... Дело в том, что эта система автоматики и запираения ствола малотехнологична и для массового производства не годится. Основная управляющая часть автоматики – боевая личинка сложной геометрической формы, ведущая часть – затворная рама. Для изготовления личинки требуется широкий ассортимент фасонных фрез, сложная термообработка и дорогая легированная сталь. Испытания первого прототипа показали, что после двух-трех тысяч выстрелов затворную раму рвет в месте контакта с рычагом. Ее тоже пришлось делать по той же технологии, что и личинку. А еще части оружия требуют индивидуальной подгонки, поскольку большие зазоры между подвижными частями недопустимы. Вследствие чего вся система в целом плохо работает даже при легком засорении – ее попросту клинит из-за термического расширения отдельных деталей. Происходит все это потому, что скорее всего схема полусвободного затвора взята Барышевым от авиационных пушек. Вот только они и обслуживаются более квалифицированным персоналом, чем обычное армейское стрелковое оружие и работают в других условиях. В общем, потрахались мы с этой системой по самое не могу... – Я фамильярно похлопал чудо-пулемет по кожуху ствола. – Тяжело в учении... Зато после нее «Единорог» пролетел, как стопарик водки после бани, – за пару недель прототип сварганили!

Алексей около минуты помолчал, а потом спросил:

– Как думаешь, смогут наши злейшие друзья высосать из барышевского чуда что-нибудь конструктивно полезное, если мы им его случайно потеряем на поле боя?

– Ну, ты хитер! – тихо хмыкнув, кивнул я. – Думаю, что кроме комплекса технологической неполноценности они ничего не приобретут.

– Вот и славно! – довольно улыбнулся великий князь. – А вообще... После всего сказанного тобой мне даже как-то скучно спрашивать, во сколько казне обойдется один «Единорог». Суперживучие стволы из специальных сплавов, точная механика, допуски... Как прикину стоимость производства...

– Э-э-э, нет! – довольно рассмеялся я. – Ты до сих пор не привык к местным реалиям, и мыслишь категориями эпохи массовых миллионных армий. Себестоимость производства «Единорога» действительно довольно высока – около 800 рублей, но пулемет Максима будет стоить гораздо дороже!

¹⁶⁸ Барышев Анатолий Филиппович (род.1931) – российский конструктор-оружейник.

– Ты меня не дури! – улыбнулся Алексей. – Насколько я помню, в стоимости пулемета Максима львиную долю составляла выплата роялти изобретателю. А себестоимость была примерно как у тебя!

– Неверно! – рассмеялся я. – Ты путаешь закупочную стоимость непосредственно у англичан и себестоимость собственного российского производства! Первоначально, когда пулеметы производились на заводе «Виккерс, сыновья и Максим», они обходились русской казне в 2830 рублей. Золотом! Но потом наши решили делать пулеметы сами и развернули на базе Императорского Тульского оружейного завода специальный цех. И вот там цена одного изделия составила более полутора тысяч рублей, из которых собственно себестоимость – где-то тысяча, а все остальное – упомянутое тобой роялти¹⁶⁹. Все равно при достаточно массовом поточном производстве «Единорог» будет стоить гораздо меньше «максимки». Да и потребуются их поначалу всего три-четыре тысячи, так что оберегаемая тобой казна сильно не обеднеет!

– А почему ты думаешь, что армии и флоту нужно не десятки тысяч, а всего три-четыре? – хитро улыбнулся адмирал.

– Ну, блин, Серега! Что за дешевые подначки? Сам же знаешь – тактика применения не разработана, эксплуатация сложна... Для начала пулемет должен попадать исключительно в руки профессионалов. Создавайте в батальонах что-нибудь вроде взвода тяжелого оружия. Ну да цесаревич со своими присными придумает тактические подробности. Но самое главное – это оружие превосходит и будет еще долгие годы превосходить любой иной образец в мире!

– Молодец! – Адмирал пару раз хлопнул в ладоши. – Языком чесал как по писаному. Целую презентацию устроил.

– Но и это еще не все! – с интонациями ведущего «Магазина на диване» продолжил я. – На сладкое могу предложить пятизарядную винтовку под тот же патрон. Винтовка в принципе проста – немного увеличенная «Пищаль».

– Ну уж и проста! – улыбнулся адмирал. – По твоим горящим глазам вижу, что все гораздо веселей?

– Да уж! – Я продемонстрировал стоящее сразу за станкачами оружие, больше напоминающее по виду легкий пулемет. – Назвали «Фузейей». От «Пищали» здесь только затворная группа. Консольно вывешенный ствол, сошки. Десятикратный оптический прицел. Тактико-технические характеристики таковы, что ей, как снайперке, не будет равных до появления «барретов»¹⁷⁰. Дальность прицельного выстрела – почти полтора километра.

– Неплохо! – похвалил князь. – Но, думаю, что это больше работа на перспективу. Меня в этом устройстве больше оптический прицел заинтересовал. Ты артиллерийскими прицелами не занимался?

– Пока повода не было. В Артиллерийский комитет без Ники не пройдешь, про твое ведомство лучше промолчу. Проще лбом стену пробить, чем добиться, чтобы просто выслушали.

– Ладно, с прицелами горячку пороть не будем. Слушай, а такую полезную вещь, как дальномеры, ты сделать не догадался?

– Нет, – понурился я.

– Тля, а еще артиллерист называется!

– Так откуда я знал, что война на 16 лет раньше начнется? – вскидываюсь я.

– Ты не ори, а подумай, как их сделать в кратчайшее время! – говорит князь. – Что у

¹⁶⁹ По соглашению между компанией «Виккерс, сыновья и Максим» и Артиллерийским управлением РИ, Артур обязался выплачивать англичанам по 80 фунтов стерлингов в течение 10 лет за каждое и всякое орудие Максима (не только пулемет), изготовленное в России.

¹⁷⁰ Ронни Барретт (США) создал свою первую самозарядную винтовку под крупнокалиберный патрон 12,7 × 99 мм в 1982 году.

тебя с оптикой вообще?

– Довольно неплохо! Лаборатория исправно выдает хорошее стекло! Я ведь еще в 1884 году умудрился Отто Шотта¹⁷¹ сманить! – хвастаюсь я, но тут же поправляюсь: – Вот только с количеством пока не очень – с Цейсом не сравнить. Но на бинокли, прицелы и подзорные трубы пока хватает. Думаю, что хватит и на дальномеры.

– Это хорошо! – Алексей достает блокнот и что-то быстро в нем чиркает.

– Слушай, а автоматические винтовки, в свете грядущих десантных операций, тебе нужны?

– Конечно, нужны! – Кивнул адмирал. – Надо всего и побольше. Показывай!

Мы вышли из лаборатории и по короткому коридорчику прошли в экспериментальный цех. Здесь на верстаках и стеллажах стояли уже не считанные единицы оружия, а десятки.

– Вот! – Я гордо повел рукой, демонстрируя немаленький по нынешним временам арсенал.

Здесь было чему впечатлиться – десяток станкачей на треногах и пьедестальных лафетах. Вдоль стены тянется длинный ряд ручных пулеметов на сошках.

– Погоди-ка... – Адмирал подал голос только через минуту: – Когда ты в Питере про свои успехи рассказывал, то ничего подобного не говорил. Про самозарядки помню, вроде как твой казачок постарался, а вот про пулеметы... это же... «РПК»?!!¹⁷²

– Так это она и есть – самозарядка Еремы Засечного! – хмыкнул я. – Вот честное слово, что я ему почти ничего не подсказывал! Самородок, что скажешь...

Алексей недоверчиво хмыкнул.

– Э-э-э, а твой казачок точно не вселенец? Ты проверял?

– Ну ладно, ладно... подсказывал, конечно! – рассмеялся я. – И инженеры конструкцию до ума доводили, чтобы оружие максимально технологичным было. И до сих пор доводят, потому и количество пока небольшое – мелкосерийка. Но версия легкой штурмовой винтовки по нынешним временам избыточна, ведь только-только магазинки появились, поэтому мы пошли простым естественным путем – поставили сошки, тяжелый ствол, фрезерованную ствольную коробку, добавили пистолетную рукоятку и приклад с упором для левой руки. Хоп! И мы имеем легкий магазинный пулемет для уровня взвод-отделение. Простой и технологичный, как лом. Но эффективный, как триста лет назад бердыш. Кстати, так и называли. «Бердыш».

– Ну, здравствуй, красавец! – Алексей ласково провел ладонью по крышке ствольной коробки. А потом, не удержавшись, машинально провел неполную разборку. Вбитый годами службы автоматизм движений не подвел – разборка заняла всего 15–20 секунд.

– Ух, ты! – восхитился я. – Мастерство не пропьешь!

– По всему выходит, что это почти точная копия «калаша», – сказал князь, держа в руках и внимательно разглядывая затворную группу. – Эх, это же как еще одного старого друга встретить! – Голос адмирала предательски дрогнул. – Старого, надежного и проверенного! Надеюсь, что этот твой «Бердыш» имеет похожую надежность?

– Даже лучше! – обрадовал я. – Сборка-то фактически штучная.

– А питание у него какое?

– Сделали простой барабан на 70 патронов, но можно использовать десятизарядные магазины от карабинов.

– Просто в голове не укладывается! – признался адмирал. – За считанные годы ты освоил производство «РПК»! Ты понимаешь, что ему цены нет по нынешним временам! Одно его

¹⁷¹ Шотт Фридрих Отто (1851–1935) – немецкий химик. Заложил основы современного производства стекла, создал многие виды специальных стекол. В 1884-м основал в Йене собственную стекольную фирму, которая в 1891 году объединилась с фирмой Карла Цейса.

¹⁷² «РПК» – ручной пулемет Калашникова. Представляет собой утяжеленную версию автомата.

появление на поле боя полностью изменит все существующие тактические схемы.

– Ну, насчет этого пускай у Ники голова болит. Я техническое обеспечение сделал, а как это применять...

– Ладно, теперь насчет количества... – Алексей достал блокнот и уставился мне в глаза. – Образцы – это хорошо. Сколько стволов ты мне можешь отгрузить сейчас и когда планируешь запускать серию?

– Значит, так... – я воспроизвел в уме текущее количество и объемы производства. – «Пищалей» я тебе могу подкинуть до тысячи стволов. Даже прямо сейчас – на складах запасец есть. «Бердышей» пока мало – мы их только-только на поток поставили, прямо сейчас, для тренировок личного состава, десятка два и под отплытие еще штук сто. С пулеметами сложнее – технология массового производства совсем не отработана. Станкачей всего десяток.

– Что с патронами? – спросил Алексей, убирая блокнот в карман, так ничего в него и не записав.

– 6,35-мм – хоть пятой точкой жуй! А новые четырехлинейные – по пять тысяч штук на ствол прямо сейчас, сформируешь пулеметные команды и немного их поднатаскаешь, но к отплытию эскадры двести тысяч обеспечу железно! Нормально? – Князь несколько отстраненно кивнул. – Но учти, Леша, что возможности наших забугорных злейших друзей в деле производства оружия еще долгое время будут превышать наши на порядок. И если они поймут полезность сих устройств, то... На что я намекаю, понятно?

– Не дурак! – отрезал Алексей решительно. – Ни одна единица оружия в чужие руки не попадет! Ну, если со стрелковкой покончено, тогда пойдем посмотреть тяжелое вооружение!

Мы прошли в отдельно стоящий ангар. Под потолком вспыхнули яркие лампы.

– Ну, дружище, хвались! – потирая руки в предвкушении, предложил генерал-адмирал, глядя на сложенные штабелем орудийные стволы.

– К моему великому сожалению, Леша, но с орудиями пока никак – технология почти отработана, осталось только простругивание каналов освоить, но само производство... На изготовление одного крупнокалиберного ствола уходит почти тысяча человеко-часов. Это в три раза меньше, чем на Обуховском заводе, но все еще гораздо больше, чем бы нам хотелось. Причем мы пока только стволы и освоили – затворную группу и все остальное разрабатывать у меня просто некому!

– То есть ты располагаешь только полуфабрикатами и не знаешь, что с ними делать дальше? – Алексей пристально посмотрел на меня. – А скооперироваться с тем же самым Обуховским заводом тебе в голову не приходило?

– Ну, отчего же... Приходило! – невесело усмехнулся я. – Несколько писем им написал. Впрочем, не только им...

– Ну и? – вопросительно изогнул бровь Алексей.

– Молчанье было мне ответом! – перефразировал я классика. – Даже отписок не было!

– Это просто безобразие! – решительно сказал князь. – Вернусь в Питер – немедленно разберусь, кто там еще такой умный завелся! А к тебе комиссию из Морского технического комитета пришлю. Чтобы они возможности производства оценили и заключение дали – что ты здесь на месте изготавливать можешь, а что будет лучше другим передать!

– Думаю, что изготовить на месте мы можем практически все, что угодно! – прихвастнул я. – От стволов до станков! Просто нам сейчас конструкторов всего этого артхозяйства не хватает. А технологов хороших у меня достаточно. Им только чертеж изделия дай – в лучшем виде производственный цикл наладят. И материалы необходимые опытным путем подберут.

– Может, ты мне сейчас скажешь, что у тебя и артополигон в пяти верстах от Нижнего имеется? – шутливо прищурился адмирал.

– Вот чего нет, того нет! – покачал я головой. – Кто же позволит простому купцу 1-й гильдии в самом центре Российской империи из пушек стрелять? Тут еле-еле уговорил губернатора, чтобы позволил стрелковый тир устроить. Винтовки ведь где-то пристреливать

надо? Пришлось ему наплести с три короба... А изготовление порохов? Полукустарщина, конечно, но ведь по двадцать тысяч патронов в месяц, винтовочных и револьверных, мы изготавливаем. И опять-таки совершенно частным порядком, без всякого госзаказа. Как партизаны-подпольщики, блин... Сiju и каждый день жандармов жду! А уж орудия...

– Это дело мы исправим! – кивнул князь, все-таки начав что-то черкать в своем блокноте. – Артополигона у тебя, конечно, не будет, но все остальное проведем через заказы от Морведа. Раз твой дружок Николай не чухается... И вместе с комиссией МТК я тебе все равно роту моряков пришлю. Дружинники твои, может, и хороши, но профессиональные военные все же надежней! Ладно, раз с организационными вопросами закончили – хвались, что за стволы: калибры, длина, тип, сроки изготовления?

Я очень подробно рассказал князю о каждом изделии. Адмирал порадовался довольно широкой номенклатуре, но все-таки не преминул еще раз отчитать за недостаточную проработку проекта в целом.

– Ну, прости, князюшка. – Мне даже как-то стыдно стало. – Мы ведь не думали, что Русско-японская война вместо 1904-го в 1888 году начнется! Мне бы еще годика три-четыре...

– Ты здесь и так почти четыре года сидишь! – отрезал князь, но тут же смягчился: – Ладно-ладно, я ведь понимаю – инерция такова, что я удивлен, как ты вообще хоть что-то сделал. Ну, показывай дальше! Что там у нас следующим номером программы? Броня?

Я гордо продемонстрировал стальные плиты толщиной 150 миллиметров, не забыв пояснить, что броня эта катаная, хромоникелевая, гетерогенная¹⁷³.

– Неплохо, неплохо! – вальяжно одобрил нашу работу адмирал, зачем-то пощелкивая ногтем по плитам. – А почему здесь ассортимент такой маленький? Листы только одной толщины? Почему нет потолще или потоньше? А то эти 150 миллиметров для броненосца маловато, а для крейсера избыточно!

– Дело в том, что толщина броневых листов зависит от диаметра валков прокатного стана. Чем больше диаметр – тем толще лист. А прокатный стан мы пока только один построили – с полутораметровыми валками. На нем всю линейку размеров не дашь. Можно катать от 50 до 150 миллиметров.

– А производительность? – Адмирал снова достал блокнотик и карандаш.

– С одного стана – порядка ста тонн в день.

– Для начала – негусто. – Князь тщательно записал цифры. – Три тысячи тонн – это где-то на один корабль. А если увеличить количество станков?

– Мы можем вводить по два прокатных стана в год. Даже, пожалуй, со второго года – по четыре-пять... Станы – штуки дорогие. Но дело даже не в этом. Наша литейка сможет обеспечить металлом только пару линий под листы среднего размера. Короче – нужны большие вложения для расширения производства. А свободных денег у меня сейчас кот наплакал. Да и про ресурсную базу нельзя забывать – сырье привозное, причем в основном с Урала. У нас только за счет логистики увеличение себестоимости на восемь процентов получается. Взять поближе? Только на первый этап освоения Курского месторождения, по расчетам моих специалистов, понадобится около трех миллионов рублей. Казна мне аванс даст?

– Не знаю... – пригорюнился адмирал. – Это мне опять надо идти братика Сашу трясти, императора нашего. Говорить, доказывать... на пальцах. Пусть твои специалисты прикинут хрен к носу и смету проекта расширения производства сделают. Подробную. Сколько, куда и

¹⁷³ Различают три основных типа брони: литая броня, катаная гомогенная, катаная гетерогенная броня. Последняя может быть двух типов: с закалкой лицевой стороны и цементированная. Свойства гомогенной брони одинаковы на всю глубину листа, а гетерогенная броня имеет различную твердость лицевой и тыльной сторон (лицевая тверже, но и более хрупкая). В целом, при одинаковой толщине наилучшую стойкость будет иметь гетерогенная цементированная броня, затем броня с закаленной лицевой поверхностью, потом идет гомогенная катаная броня, и самая «слабая» – гомогенная литая броня.

на какие цели. С точностью до копейки.

– Лады, сделаем. Собственно, даже три лимона на новые рудники нам не сразу нужны. А вразбивку, по годам, там не такие страшные цифры будут.

– Вот и славно! – кивнул князь и зачем-то решил уточнить: – На отстрел броню испытывали?

– Как? Чем? – поразился я вопросу. – Я ведь уже говорил, что полигона у меня здесь нет. Скажи, куда послать плиты, – я пошлю, пусть их там проверят. Но все-таки будет лучше, если вы у меня прямо при заводе нечто вроде госприемки оборудуете. С лабораториями и полигоном. Я ведь не только орудия делать готов, но и снаряды. Производство снарядных корпусов прямо сейчас можем запустить. А начинку подождать придется – пока Горегляд химзавод не построит.

– А взрыватели? – оживился адмирал. – Взрыватели прямо сейчас можешь начать делать?

– Вполне! – обрадовал я. – Вот взрыватели уже разработаны и испытаны. Госзаказ будет – наштампуеть сто тысяч! И опять-таки аванс!

– Блин, ну до чего ты, Димыч, меркантильным стал! – делано возмутился адмирал. – Там тебе аванс, здесь тебе аванс! Родину не любишь, раз даром работать не готов!

– Я Родину люблю и работать ради нее готов совершенно бесплатно! – серьезно ответил я. – Но только работать лично! А зарплаты моим рабочим кто заплатит? А с поставщиками за сырье и материалы кто расплатится? А ведь у всех жены-дети, которые кушать хотят...

– Ладно, не заводись, заводчик, блин. – Адмирал примирительно хлопнул меня по плечу. – Пошутил я, пошутил! Однако силен ты – наши еще даже «гарвеевскую» броню осваивать не начали, а у тебя, я так понимаю, уже «крупновский» метод освоили!

– Интересно, каким образом упомянутые тобой «наши» смогли бы освоить «гарвеевскую» броню, если сам Гарвей запатентует свой способ цементации лицевой стороны плит до содержания углерода в один процент только в текущем, 1888 году? – язвительно спросил я. – К тому же наша броня лучше «крупновской» процентов на пятнадцать! На меня в этой отрасли сам Пятов ¹⁷⁴ работает! Непосредственный изобретатель катаной брони! У нас и закалка производится разбрызгиванием, и цементация газовая!

– Ну, молодцы, молодцы... Я ведь сказал уже – молодцы! – Адмирал вежливо хлопнул пару раз в ладоши. Поаплодировал, стало быть. – Ты мне вот что скажи: а способ соединения этих твоих супер-пупер-бронеплит вы придумали? На недавней пьянке в Питере ты упоминал о том, что кузова автомобилей у тебя сварные. А как с более толстым материалом? Справитесь? Или все-таки на заклепках делать придется?

– Справимся ли? – улыбнулся я. – Ну-ка, пойдем-ка сюда! – Я проводил адмирала к дальней стене ангара. Там стояло нечто, напоминающее гигантское зубило. Размером с два автомобиля. Бронеплиты, из которых состояло это сооружение, были соединены под разными углами. – Вот! – горделиво показал я.

– Ну и чего? – не понял адмирал. – Вижу, что-то похожее на танк! Хе-хе! Не рановато?

– Да какой танк? – досадливо махнул я рукой. – Тут главное – способ соединения, а не форма. Форму можно было хоть октаэдром сделать, хоть кубом.

– Ну способ соединения – сварка! – важно кивнул князь, но тут же осторожно добавил: – Вроде бы, насколько я могу разглядеть своим непрофессиональным взором! Освоил все-таки? И долго варили? Насколько мне помнится: электросварка толстых плит – дело трудное, требующее квалифицированных сварщиков. А здесь явно бригада поработала. Что может только радовать – ты не только сварочные аппараты ввел в обращение, но и персонал подготовил. Интересно, а сколько сварщиков понадобится на постройке корабля тонн этак в

¹⁷⁴ Пятов Василий Степанович (1823–1892) – русский изобретатель-металлург.

пятнадцать тысяч? Тысячи две?

– Окстись, Сережа, какие тысячи сварщиков! – улыбнулся я. – Всю эту громаду, что ты видишь перед собой, сварили за полдня три сварщика.

– Всего три сварщика? За полдня? – изумился князь. – Они у тебя реактивные, что ли?

– Нет, просто у них на вооружении сварочные автоматы академика Патона!¹⁷⁵

– Ну, блин, удивил! – На адмирала сейчас было любо-дорого смотреть – его настроение явно улучшилось. От меланхолии не осталось и следа. – Порадовал! Это я тоже своим спецам прикажу самым внимательным образом изучить. А ты еще от управления верфями отбрехивался! При том, что какую-то, пусть сотую часть дела, но сделал! – Внезапно осознав, что только что сказал, адмирал опять помрачнел. – Да, пусть не сотая часть, но ведь даже и не десятая. Значит, резюмируя, у тебя есть стволы, и технология их производства, но нет всего остального. У тебя есть броня и способ ее быстрой сварки. Снарядные корпуса... Взрыватели... И это все?

– Ну а чего ты хотел? – даже обиделся я. – Понимаю, что работы еще непочатый край. Но мы стараемся! Пойми – никто ведь не рассчитывал, что война на пороге. Мы постепенно, но неуклонно наращивали в первую очередь именно производственную базу. А все эти винтовки, автомобили и прочее – исключительно для развития необходимых технологий, разработки оборудования, новых материалов, станков и подготовки персонала. Основные доходы мне как раз самые простые вещи приносят – рельсы и кровельное железо. Да и то – чтобы делать их дешево и делать много, пришлось новые технологии внедрять. Конструкторский отдел у меня хоть и состоит сплошь из «звезд», но хороши они в сферах, далеких от проектирования боевых кораблей. Сейчас с твоими спецами объединимся, и дело пойдет быстрее. Сам же видишь – задел есть, и задел немалый! Стволы, броня...

– Задел! – чуть не плюнул на пол Алексей. – Задел... но вы уж постарайтесь, чтобы хоть к Первой мировой...

– К какой такой «Первой мировой»? – рассмеялся я. – Ты до сих пор думаешь, что она вообще будет и начнется в 1914 году?

– Ты меня за дурачка-то не держи! – вскидывается Алексей. – А то я не догадался, что любые наши действия так меняют грядущее, что оно становится крайне туманным! Вот именно из-за непредсказуемости будущего я и хочу быть во всеоружии, когда у королей кончатся доводы... Есть у тебя что-нибудь еще?

– Ну, баржи есть новые и речные пароходики... – говорю я, и лицо адмирала вытягивается. Вздохнув, Алексей только обреченно машет рукой. – Ладно, тогда пойдем все-таки пообедаем!

Мы выходим из ангара и топаем в особняк. Адмирал молчит. Молчит, пока идем, молчит, пока раздеваемся, молчит, пока подают закуски, молчит, когда разливают суп...

– Алексей, ну что с тобой? – наконец не выдерживаю я.

– А? – Князь поднимает от тарелки голову, но взгляд его направлен в третье измерение. – Я ведь в Одессу ехал, сорвавшись с катушек, мягко говоря... Мне необходимо потрошить особый запас, и я собираюсь это делать без ведома императора, своим произволом... Армия не дает артиллеристов, что делать? Приходится потрошить «чефешные» экипажи... а если война доберется до Проливов? Плюс вскрывать резервные склады... И вот я заезжаю в Нижний к Рукавишникову... Какая красота и благолепие... «Маузеры», «калаши», пулеметы и прочие револьверы... Деревенский спецназ фабричной выделки... И что в сухом остатке? НИЧЕГО!!! Помочь в предстоящей войне друг Димыч не может НИЧЕМ!!! АБСОЛЮТНО!!! Все показанное благолепие – выставочные экспонаты, образцы. Какая прелесть! Еремей Засечный придумал «РПК»... и их сделали... немножко... А я вот думаю, что случится, если японцы не будут ловить зимой мух, а экспромтом высалят

¹⁷⁵ Патон Евгений Оскарович (1870–1953) – Герой Социалистического Труда, академик, профессор. В годы Великой Отечественной войны разработал и внедрил технологию скоростной автоматизированной сварки броневого корпуса.

пару дивизий под Владиком – песец навестит очень многих Еремеев!.. Оптика, дальномеры... Бесплезняк, все это пока бесплезняк... Вот у тебя кругом электрическое освещение, селектор на столе, а у меня на флоте матросы в кубриках при карбидных лампах сидят, а связь в пределах корабля осуществляется через переговорные трубы!

– Так в чем же дело? – удивляюсь я. – Дай заказ! Все сделаем! И связь, и освещение!

– Ладно... – адмирал немного отмякает. – Вижу, что стараешься, но к отходу флота на театр¹⁷⁶ уже не успеть. Да и не к чему все это пока, по большому-то счету. Но заказ я все равно пришлю! А ты, Димыч, сосредоточься-ка пока вот на чем: нам в ближайшее время позарез будет нужна хорошая система механизации башен. Своих конструкторов, что помозговитей, я тебе пришлю, но и сам ты тоже постарайся – «вспомни» все что можешь! Ты вообще особо броней не заморачивайся – ее бы и без тебя сделали, пусть и похуже качеством. Делай то, что у тебя лучше всего получается – продукцию точного машиностроения! Те же торпеды, а то сейчас на вооружении такое убожество стоит! Системы управления артиллерийским огнем тоже было бы неплохо. Корабельные силовые установки, пусть и не турбины пока, но хотя бы тройного расширения. В общем – работай! На будущее!

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

– Государь, доставили секретную телеграмму с городу Берлину, – говорит Шелихов.

– Давай сюда. – Интересно, что у них там произошло?

О господи! Телеграмма от Моретты. «Дедушка скончался. Вилли под домашним арестом. Рара болен, и нами правит папа. Мой милый, она не желает отпускать меня и настаивает на расторжении помолвки. Я умоляю тебя: сделай что-нибудь. Ты ведь умный, сильный, ты все можешь. Я обожаю тебя. Твоя, и только твоя, Моретта».

Это как же? Я ж точно помнил, что по истории старый кайзер в марте умер? Опять хронокаратели?.. Не сразу, но до меня доходит простая истина: у нас «старый стиль», и даты отличаются от канонических на несколько дней.

Н-да... Фридрих и его супруга Виктория! А не много ли вы на себя берете? Так, та-ак...

– Вот что, Егор... Васильчикова, Гревса – немедленно ко мне. Шенку и Целебровскому – ждать нас в условном месте. Сбор – через два часа. Бе-е-го-о-о-ом!..

Встречаемся на снятой Целебровским специально для подобных случаев конспиративной квартире. Собрание секретное. Состав участников ограниченный. Я обвожу взглядом сидящих.

– Итак, господа, я собрал вас, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие...

При этих словах лица присутствующих напрягаются, но по мере того, как я рассказываю неожиданную новость, Шенк и Целебровский расслабляются. Что это они?

– Видите ли, ваше высочество... – Альбертыч, как всегда при посторонних, само воплощение субординации и этикета. – Сама по себе проблема – пустяковая! Мне даже непонятно – зачем вы пригласили меня и Петрови... Владимира? Вон сколько вокруг вас умных и преданных людей! – При этих словах Гревс горделиво задирает подбородок, а Васильчиков кидает на Целебровского подозрительный взгляд. Для моего верного «председателя КГБ» до сих пор непонятна причина, по которой я приблизил к себе этих... случайных, по мнению князя Сергея, людей. А Альбертыч продолжает: – Всех дел – ухлопать этого онкологического! Но сделать это чисто, чтобы не засветиться.

– Чтобы даже в страшном сне никто и никогда не связал преждевременную кончину императора Германской империи с нами, грешными... – добавляет Шенк.

Вот блин! Похоже, кайзер Фридрих, не процарствуешь ты свои 99 дней...

Васильчиков яростно трет виски.

¹⁷⁶ Здесь Платов имеет в виду театр военных действий (ТВД).

– Государь, а что, если... Может, не стоит кайзера? Ему ведь и так недолго осталось... Может, стоит попробовать устроить побег самой принцессе? – Ого! А ведь это предложил не кто иной, как ротмистр Гревс. Чувствуется положительное влияние Шенка: еще месяц тому назад непоседа Гревс с первых минут встречи начал бы излагать «высокому собранию» свой гениальный план: «Мы ползем, ползем, ползем, а потом – ша-арах!» А теперь надо же, кайзера пожалел... Крессавчег!

– И как вы себе это представляете, ротмистр?

– Ну, это мы еще, конечно, покумекаем, но в принципе... Первое: необходим корабль. Быстроходный, но неприметный. Организовать «зеленую тропу» до Востока из Берлина, ложные дорожки отхода – на Варшаву, Копенгаген и Гамбург. Кстати, тут если мы и засветимся – не страшно. Одно дело – покушение, другое – соединение двух любящих сердец...

«Однако! – думаю я. – Откуда что берется? Здорово его там Шенк гоняет. И не только в плане физподготовки, как выясняется. «Зеленая тропа»... «ложные дорожки»... нахватался терминов!»

А, собственно... почему бы и нет? Я смотрю на Альбертыча. Он бездумно глядит в потолок, словно после выкатывания идеи с покушением дальнейшее его не касается. Понятно! Обиделся, что от важных дел ради пустяков оторвали. Я перевожу взгляд на Шенка. Тот задумчиво кивает. Гревс светлеет лицом – как же, его наставник одобрил план. Васильчиков оставляет в покое свои виски и уже что-то стремительно черкает в записной книжке.

– Ну, тогда – с Богом! Считайте, что высочайшее разрешение на операцию... – Я лихорадочно перебираю в уме все классические произведения, в которых описывается побег невесты к избраннику, но, не найдя ничего подходящего, заканчиваю: – Операцию «Бегство» вами получено.

Тут же от Целебровского следует пинок ногой под столом. Ну что еще? Ах да... совсем забыл, а Альбертыч, старый волк, напомнил: название операции не должно раскрывать ее суть. Ладно, потом исправим на что-нибудь нейтральное, вроде «Операции «BI». Так, ладно... Что там дальше?

– Насчет корабля – это к Сер... к генерал-адмиралу. Остальное – сами по необходимости. Да, и вот еще что. Организуйте доставку Моретте телеграммы следующего содержания: «Люблю. Придумал. Подожди чуть-чуть. Твой Ники».

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

Она сидела на диване, изо всех сил стараясь не разреветься. Только что от нее вышла мать, Виктория-Александрина, новая императрица Германской империи. Мама, мама, как же ты можешь?! Она закусила губу, снова вспоминая жестокие слова матери:

– ...Я понимаю твои чувства, Моретта, но и ты должна понять: как принцесса Гогенцоллерн, ты не имеешь права жертвовать политическими интересами империи в угоду чувствам. Твой брак с этим русским, – боже, какое брезгливое выражение на ее лице! – противоречит интересам твоей Родины. И потому я настаиваю на том, чтобы ты, именно ты, написала ему письмо, в котором сообщишь о расторжении помолвки!..

Когда мать первый раз сказала ей об этом, в тот страшный день – день кончины бабушки, она бросилась было к брату. Вилли всегда помогал ей, он нежно любит Ники, как брата и друга. Но у покоев Вилли стояли гренадеры, скрестившие штыки, когда она попыталась прошмыгнуть в дверь. Вечером за ужином мать заявила, что Вилли – под домашним арестом. Все, что удалось сделать, – это послать через фрейлину записку с криком о помощи в русское посольство...

А теперь и ее свобода передвижения сильно ограничена. Конечно, дюжие гренадеры не стоят под ее дверьми, но маменька приставила к ней своих фрейлину и камеристку – чопорную англичанку леди Челси и громадную, прямо-таки нечеловеческого роста,

шотландку Элизабет Дьюл. Они следят за каждым ее шагом, роются в ее бумагах, допрашивают ее камердам и горничных. Ведь предлагал же ей Ники взять двух-трех девиц из России. Тогда она отказалась, а теперь... Слезы поползли по ее щекам: сейчас русские, верные и преданные, как kazak'и ее любимого, были бы ее главными союзниками и помощниками... Она даже представила себе, что сейчас могла бы слышать русскую речь и...

...В первую минуту, услышав протяжные русские слова, перебиваемые шепелявой английской речью фрейлины, она не поверила своим ушам. Говоривший по-русски энергично выругался. Моретта слегка покраснела – однажды, еще в Гатчине, она уговорила подвыпившего Ники перевести ей несколько наиболее часто слышимых фраз, и вот теперь одна из них, наиболее непристойная, прозвучала в городском дворце. Если верить тому, что она только что услышала, некто совершенно не верит в благородное происхождение леди Челси, называя ее самкой собаки и женщиной легкого поведения. Мало того – говоривший состоял с матерью фрейлины в интимных отношениях, да не простых, а тех, что называют «французской любовью».

Буквально отшвырнув пытавшуюся загородить дорогу мисс Дьюл, в комнату ворвался kazak, которого Вильгельм выпросил у Ники в тот памятный приезд в Россию. Увидев Моретту, русский вытянулся во фронт и, нещадно коверкая немецкие слова, громогласно отпартовал:

– Ваше императорское высочество! Я послать от ваш брат! Приказ – передать вам в рука. Лично.

Kazak протягивает сложенный вчетверо лист, извлеченный из-за обшлага мундира. Она схватила его с такой поспешностью, словно это был глоток воды, предлагаемый жаждущему в пустыне. Мелкий, твердый почерк брата. «Любезная сестра, дорогая моя малышка Моретта. Мне сообщили, что твое письмо доставлено адресату. Он принял живейшее участие в наших непростых обстоятельствах. Зная характер нашего друга и кузена, я полагаю, что тебе недолго осталось ждать встречи с предметом твоей любви. Я благословляю тебя. Твой брат, кронпринц Вильгельм. P.S. Сожги записку. Не стоит волновать матушку»...

Рассказывает старший урядникатаманского полка Степан Шелихов

...Так что вот, обретаюсь я ныне в городе Берлине. Город ничего себе, но супротив Питера пожиже будет. Служу при принце Вильгельме, донскому бою его обучаю. Уже два года, на третий пошел. Это меня наш цесаревич определил. А вернее сказать: не цесаревич, а брат мой младший, Егорка. Теперь, правда, уже не Егорка – подымай, брат, выше! Ординарец его императорского высочества наследника престола всероссийского, подхорунжий Егор Шелихов, а не абы кто!

Наш-то цесаревич вовсе прост да душевен. С атаманами – запросто, иной раз из одного котла кулеш хлебал, лозу рубил, пластунскому делу обучался. За удаль да за воинскую сноровку он брата Егора к себе и приблизил. Таперича братан мой – ого! рукой не достанешь!

Правда, толку нам с братьями не много было. Егор-то лишнего ничего у цесаревича не просил никогда. Если б батюшка наш, Николай Александрович, пошли ему Господь многие лета, письмецо Егорию не отправил, в котором поинтересовался, как, мол, Егор, братья твои там поживают? – вовсе ничего и не было нам с того, что брательник в свите. А уж теперь: брат Николай – полусотней командует, брат Фрол – урядник, отцу с матерью в станицу почитай чуть не казенный месяц подарки, а я – при Вильгельме, будущем ерманском императоре. И тож человек не последний...

Вот, к примеру, вчера – после того как господин Вильгельм со мною в фехтовальной зале косточки друг дружке помяли, велел он мне в город идтить да кой-какие письма поразнести. Письма я поразнес, а на обратной дороге подходит ко мне человек. Наш, расейский, ежели по мундиру судить – советник титулярный.

– Не скажешь ли, братец, час который? Часы вот позабыл...

Сунулся я было за часами, да чувствую: в руку мне бумажка тычется. Пока соображал, что за оказия такая, глядь – ан человек-то тот уж и дале пошел. Обронил только так небрежно: в пять часов, мол, завтра, на Александрплатц, в вокзале.

Только ушел он, я в кондитерскую завернул. Кофею там спросил, сию, будто пью, а сам бумажку осторожно развернул – ого! Письмецо от брата моего, Егора! «Здорово, братан – Степан-великан (так он меня в детстве звал). Тому, кто весточку сию передаст, доверяй как батьке родному. Что велит – делай. А за то выйдет тебе великая слава, и государю нашему (так они про меж собой цесаревича именуют) большую службу сослужишь. За сим, брат твой, хорунжий Атаманского полку, Егор».

Перечитал я еще раз. Рука братнева, евойные буковки всегда кривоваты. Ох, как взлетел – хорунжий! А про то, чтоб тому, титулярному, подчиниться – ясен вопрос! Видать, тут дело государево...

...Вот и стою я, стал быть, у входа на платформу. Народищу – тьма. Одни куда-то спешат, по делам своим. Другие – просто глазеют, интересуются. Ну и я вроде как со вторыми вместе...

– Здравствуй, братец. Что ж это ты здесь стоишь, а в ресторацию не зашел?

Оглянулся я. Тот самый, титулярный. Только сегодня не в мундире, а в партикулярном. Принял меня за локоток, и в ресторацию. Себе чаю спросил, мне – стопку очищенной. Пока сидели, он мне все и обсказал: зачем прибыл, какой от меня службы ждет, и для Вильгельма письмо от цесаревича передал. Да еще пакет такой, увесистый. За ним велел следить пуще глаза. Честно обсказал: деньги там для принца германского от нашего цесаревича. Мол, как он сейчас под арестом сидит, пригодятся. Обговорили мы, как он мне весточки передавать будет, что да где, и пошел он дале, а я еще посидел, а потом, только что не наметом – к Вильгельму.

Письмо он прочел, пакет с деньгами вскрыл – аж прослезился. Своим двум ближним офицерам: Ойлибурху¹⁷⁷ и этому... фамилия у него смешная... Вальдурзею¹⁷⁸ показывает, вот, мол, какой у меня друг и брат в России. И меня по плечу хлопает: быть тебе, Штефан (эдак он меня на ерманский манер зовет), быть, говорит, тебе у меня дворянином и офицером в гвардейских уланах. А потом написал записку да велел срочно отнестись ее сестре своей, нашего цесаревича нареченной, принцессе Виктории...

Рассказывает кронпринц Вильгельм

...Идея, предложенная подполковником Васильчиковым, крайне взбудоражила не только меня. Даже моя добродетельная Дона¹⁷⁹ и та пришла в нервное состояние, узнав, правда без подробностей, план дерзкого побега Моретты. Друг и доверенное лицо Ники прибыл в Берлин инкогнито, но я сразу узнал его по описанию своего kazak'a. Prince Serge¹⁸⁰ предложил организовать исчезновение Моретты из оперы. Это единственное место, куда Моретта может выезжать, не привлекая подозрений, где присутствует множество людей, проследить и проверить которых невозможно. Абсолютно.

¹⁷⁷ Граф Филипп цу Ойленбург – друг детства Вильгельма II.

¹⁷⁸ Альфред фон Вальдерзее – офицер для поручений при Вильгельме I, дружил с Вильгельмом II, в дальнейшем – начальник Генерального штаба.

¹⁷⁹ Дона, Августа Виктория Фредерика Луиза Феодора Дженни – супруга Вильгельма II, императрица германская.

¹⁸⁰ Князь Сергей (фр.).

За дело мы взялись уверенно и, я бы, наверное, определил, радостно. И помочь Ники, следуя заветам незабвенного дедушки, и насолить матушке, которая просто помешалась на своей англофилии и русофобии. Конечно, на нее слишком сильно повлияла болезнь папеньки, но все же нельзя так забываться!

Дона сообщила маман о своем намерении посетить оперу. «Тангейзер» не слишком любим матушкой, но, однако ж, она не стала противиться, полагая, что мрачная и торжественная музыка соответствует моменту и общему настроению, а мораль оперы, возможно, наставит сестренку «на путь истинный». Ее согласие простерлось настолько, что она даже сама пригласила Моретту, избавив тем самым моего верного Штефана от необходимости вновь прорываться с боями в ее апартаменты.

Вечером Дона и Моретта отправились в театр. Я не поехал с ними. Не только из-за того, что вместе со мной в театр отправилась бы целая толпа маменькиных шпионов и соглядатаев. Но и потому, что был рад провести вечер с моими любезными Вильгельмом и Фридрихом¹⁸¹. С ними я до ночи играл в лошадки и солдатиков, изображая взятие Седана.

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

Когда маман предложила ей поехать в оперу, она не поверила своим ушам. Ей не только разрешат выехать из дворца, но и даже повидаться с милой Доной, супругой Вилли. И пусть вместе с ней поедут эти противные леди Челси и мисс Дьюл! Пусть она будет слушать совсем неправильного Вагнера (в глубине души она была согласна с Тангейзером). Зато как приятно снова оказаться там, где она была вместе со своим Ники, там, где они шептались друг другу божественные признания под божественную музыку...

В ложе она сидела слева. Конечно, ей очень хотелось сесть рядом с Доной, но мерзкая леди Челси нагло влезла между ними. И вот теперь, вместо того чтобы держать за руку свою невестку, она вынуждена нервно теребить свой жалобно похрустывающий веер, лишь бы чем-то занять руки...

– Моретта, здесь сегодня так жарко, – громко прошептала Дона, повернувшись к ней и ласково глядя ей прямо в глаза. – Я позабыла веер в карете, ты не будешь столь любезна, не согласишься ли мне на минутку свой?

Она передала веер. Показалось или нет? Дона чуть заметно кивнула головой и немножечко скосила глаза, словно указывая... Куда? На дверь?

– Что с вами, ваше высочество? Вы совсем не смотрите на сцену. – Леди Челси (будь она проклята!) вперила свои светлые глаза в нее, словно воткнула раскаленные иголки. Внезапно она подумала, что давешний казак был прав, называя ее разными нехорошими словами!

Послушно повернувшись, Моретта уставилась на сцену. Но действие не занимало ее. Отец болен, и если... Она гнала от себя эти мысли, но они снова и снова возвращались к ней. Ведь после отца на престол взойдет Вилли, а он не собирается противиться ее счастью. Боже мой, мама, что же ты наделала?..

– Моретта, благодарю, – снова жаркий шепот Доны. Что? А, невестка протягивает ей обратно веер. И снова этот непонятный взгляд. А это что такое?..

Из сложенного веера торчит уголок бумажки. Она чуть отвернулась, загораживая веер от маменькиных соглядатаев, вытащила листок, развернула... «После песни о вечерней звезде выйди в туалетную комнату. Тебя ждут».

По телу пробежала судорога, словно от гальванизма. Сердце застучало часто-часто, жаркая кровь прилила к лицу. Он... он пришел за ней, он не забыл, он примчался на помощь, как рыцарь из древних баллад, по первому же зову своей возлюбленной! На сцене запел хор

¹⁸¹ Вильгельм и Эйтель-Фридрих – старшие сыновья Вильгельма II. В описываемый момент им 6 и 5 лет соответственно.

рыцарей, и теперь он показался ей гимном торжества любви...

В третьем акте, как только смолк Вольфрам, она поднялась и неслышно прошмыгнула к выходу. Теперь туалетная комната... Вот она...

– Государыня, прошу вас, – негромкий, удивительно знакомый голос. – Прошу вас проследовать за мной.

Она обернулась. Перед ней склонился в изящном поклоне человек в офицерском мундире прусского гвардейца.

– Prince Serge! – прошептала она и уже громче произнесла по-русски: – Ya rata vas vid'et.

– Государыня, сейчас не время для церемоний, прошу меня извинить! – Васильчиков крепко взял ее под локоть. – Нам нужно торопиться...

– К Ники? – спросила она, замирая от сладкого ужаса.

Васильчиков чуть усмехнулся:

– В конечном итоге, – разумеется, к государю. Ну а сейчас... – Он протянул ей длинный, подбитый мехом плащ с капюшоном. – Сейчас я прошу вас, государыня, дайте мне вашу шляпу и наденьте вот это.

Внезапно на нее накатила какая-то апатия. Ноги стали ватными, руки плохо слушались. Бегство! Это слишком серьезный шаг, хотя... Не понимая, что происходит, она сняла шляпу и протянула ее Васильчикову. Тот немедленно закутал Моретту в длинный плащ, скрыв капюшоном лицо почти целиком. Она успела заметить, как князь Сергей протянул ее шляпу какой-то молодой женщине. Моретта вяло удивилась тому, что незнакомка, надев шляпу, стала удивительно похожа на нее.

Васильчиков влек ее вниз по лестнице, на ходу давая короткие приказания еще нескольким людям, торопившимся рядом:

– Владимир Семенович, вы – на вокзал. С актрисами рассчитаетесь не ранее, чем отъедете от Берлина на сорок верст. Лубенцов! Постарайтесь по дороге в Гамбург наделать побольше шума! Федор!

– Карета готова, ваш-ство.

– Давай!

Только оказавшись в карете, Моретта снова стала приходить в себя и воспринимать окружающее. Скосив глаза, она наблюдала за тем, как Васильчиков, серьезный и нахмуренный, что-то быстро написал в блокноте, вырвал листок и сунул его куда-то вперед, на козлы:

– Передать немедленно!

Она вздохнула:

– Ах, любезный князь, как все же жаль, что... – она запнулась, – что цесаревич сам не смог приехать...

Губы князя вновь тронула легкая ухмылка:

– Ох, государыня, если бы вы только знали, каких трудов стоило уговорить государя не ехать за вами лично...

Через два часа они были в Потсдаме. Вихрем пронеслись по ночным улицам, остановились у вокзала:

– Прошу вас, государыня. Нам надо поторопиться. Поезд на Копенгаген отходит через четыре минуты...

Она несколько испугалась, когда поезд проезжал через Берлин, но усталость и нервное напряжение взяли свое. Уютно свернувшись калачиком, она замерла в своем плаще, точно мышка в норке. Мерный перестук колес убаюкивал...

– Государыня, – негромкий голос вторгся в царство Морфея.

Она с трудом оторвалась от видения милого Ники, открыла глаза. Перед ней стояли навтыжку prince Serge и еще двое, в штатском платье, с выправкой офицеров русской гвардии.

– Государыня, мы миновали границу рейха и теперь находимся на территории Дании.

Вашей аудиенции просит принц Фредерик...

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

Ночью меня разбудил раскрасневшийся Гревс. Внешне бесстрастный, он протягивает мне листок с расшифровкой телеграммы из Берлина:

– Государь, вы просили сообщать новости из Германии безотлагательно, – говорит он.

А голос все-таки чуть подрагивает. Ясно, парня просто распирает. Ну-с, почитаем... «Срочно. Секретно. Объект «А» доставлен к месту назначения. Мероприятия прикрытия осуществлены согласно директиве «Туман». Результат положительный». Молодцы. Ей-богу, молодцы!

– Александр Петрович! Прошу вас немедленно уточнить сроки прибытия моей невесты в Россию. Место прибытия – Либавская бухта? Или Васильчиков что-то изменил? Павлу Карловичу передайте: на его ответственности экстренный поезд. Классный вагон, два салон-вагона и, там, места для obsługi. Чтоб стоял под парами.

– Вас понял, государь. Прикажете исполнять?

– Исполняйте.

Теперь можно попробовать доспать... Сколько там времени осталось? О-хо-хо. Золотой «Буре» ехидно сообщает, что можно уже и не ложиться, ибо до прихода Егорки и начала утреннего сеанса «русской гимнастики» осталось не более полутора часов. Ладно. Сяду, почитаю, что там у нас Минфин по поводу Финляндии насочинял...

...После неизменного рукопашного боя, даже не дав мне позавтракать, на доклад прибывает неугомонный Гревс. Похоже, что он тоже не ложился. Ротмистр приносит записку от курирующего операцию Шенка (Целебровский, сказав, что не собирается участвовать в этом «маскараде», самоустранился).

Четким разборчивым почерком в записке написано:

«Группа Васильчикова сообщает, что поездка прошла успешно. Находившаяся в прикрытии группа лейб-гвардии корнета Лубенцова оторвалась от преследования и, благополучно пересекши границу империи, направляется в Варшаву. Группа прикрытия лейб-гвардии поручика фон Смиттена задержана в Берлине. В настоящий момент генеральным консулом уже подготовлена нота об их освобождении. Не позднее полудня завтрашнего дня ее высочество покинет пределы Датского королевства».

– Спасибо, ротмистр! – Гревс краснеет от похвалы. Ну, еще бы! Его первая самостоятельно проведенная тайная операция. Шенк только технические советы давал, а задумка и воплощение – чисто местные, в романтически-рыцарском духе. Интересно, какими словами будут описывать произошедшее будущие хронисты-биографисты? Эге... Не о том думаю, а ротмистр стоит, мнется... Видимо, еще какую-то информацию сообщить желает, но не хочет важным раздумьям своего государя мешать.

– Вы, Александр Петрович, еще что-то сказать хотели?

– Э-э-э... Смиттен попался, так мы их и инструктировали, чтобы в случае чего не боялись, сопротивления не оказывали, а спокойно сдавались. Чего-чего, а расстрелять его не расстреляют, а любой срок, который он за это получит, всяко-разно не больше трех месяцев будет.

– Благодарю вас, ротмистр! И вот еще что... Мастерство должно вознаграждаться! Так что вертите дырки!

Гревс вытягивается во фрунт и, кажется, собирается начать орать уставные фразы типа: служу отечеству, царю-батюшке, трудовому народу (нужное подчеркнуть!)¹⁸², но я машу ему рукой – потом, все изъявления благодарности – все потом!

¹⁸² В ответ на похвалу/награду нижним чинам полагалось отвечать «Рад стараться», офицерам – «Покорно благодарю».

Значит, завтра она отплывает. Очень хорошо. Стало быть, послезавтра мне выезжать. Та-ак-с...

Пора и делами заняться – надо бы уже с батюшкой по поводу назначения Димыча поговорить. Сколько можно откладывать?

Аудиенцию у Александра мне выбивать надобности нет. Каждый день я у батюшки с докладом и просьбами ошиваюсь. О-хо-хо, ну, с Богом.

– Батюшка, вот прошу вашей высочайшей резолюции...

Государь император склоняется над листом и читает, медленно шевеля губами. Господи, как же это я не замечал, как он постарел! С того страшного дня, когда его захватили иновременцы, он очень сильно сдал. В шевелюре блестит седина, лицо осунулось, пошло морщинами, руки заметно дрожат... За всеми этими мыслями я как-то не сразу замечаю, что Александр уже дочитал и теперь пристально смотрит на меня. Артиллерийским залпом в уши бьет утробный рык:

– И как прикажете это понимать?

М-да... Кто ж это решил, что старый медведь менее опасен, а? Александр тем временем продолжает рычать:

– Ты что это, Колька, о себе возомнил? Какой такой Рукавишников? Что за фендрик выискался?

– Батюшка, поймите, это совершенно необходимый нам человек. Это один из моих друзей, человек искренне преданный России, промышленник. Дядюшка Алексей просил его занять эту должность для улучшения нашего флота...

– Алешка?! Опять он воду мутит?!

Набираю в грудь побольше воздуха:

– Видите ли, батюшка, мы с дядюшкой обсуждали различные кандидатуры людей, способных провести модернизацию существующих мощностей судостроительной промышленности, и, по результатам тщательного отбора, я смог рекомендовать ему Александра Рукавишникова, обладающего большим потенциалом, обширными познаниями в области экономики и торговли, располагающего технически грамотным персоналом и суперсовременным механическим и станочным парком. Его завод в состоянии выполнять самые сложные технические заказы и на данный момент является наиболее модернизированным промышленным предприятием империи. Исходя из этого...

Император прерывает этот вдохновенный монолог и подозрительно впериается в меня своими слегка выкаченными глазами:

– Николай, а ты сам-то понимаешь, чего сейчас мне нагородил? Твой Рукавишников хоть один корабль построил?

– Кх-м... Возможно... пару барж...

– Что?!!

– Батюшка, да какая на хрен разница – построил – не построил? Главное, что этот человек может найти людей, которые сделают проект, и людей, которые воплотят проект в металле. А также нужные для постройки материалы и оборудование. И не возьмет лишней копейки сверх оговоренной суммы!

– Ну, чтобы купчина и не воровал?..

– Батюшка, я ручаюсь за Рукавишникова, как за самого себя!

– Ладно, ладно, Колька, чего ты раздухарился? – примирительно говорит Александр. – А все ж не бывать такому, чтоб разом из грязи – да в князи!

– Батюшка, я очень прошу вас, поверьте мне. Этому человеку просто необходимо взять на себя руководство верфями Балтики. Я клянусь вам всем, что для меня свято: это будет сделано исключительно для блага империи. А руководить нашими чиновниками, этим крапивным семенем, без высокого чина – согласитесь, отец, это просто абсурд.

Александр встает из-за стола и проходится по кабинету. Внезапно он круто оборачивается ко мне:

– Всем, что свято, клянешься? Ну что ж, Колька, выбирай тогда: или твой протезе –

генерал, или твоя свадьба с немочкой, от которой матушку до сих пор коробит. И как?

М-да уж... Задали вы мне задачу, ваше величество... Моретту упускать нельзя, но и Димку без генеральства оставлять никак не выходит... Вот и выбирай... Ладно, Димыча надо прямо сейчас на пост ставить – даже один год промедления потом аукнется... А свадьба... Свадьба может подождать... Помнится, что-то подобное было у реального Николая с его Аликс... когда свадьбу до последнего момента запрещали? А, где наша не пропадала: соглашусь на Рукавишников-генерала, а с Мореттой... Ну, отложим в конце концов на годик-другой, мотивируя трауром по деду Вильгельму, а несколько позднее – по папеньке Фредерику...

– Я согласен, ваше императорское величество. Прошу вас утвердить высочайший рескрипт о присвоении господину Рукавишникову Александру Михайловичу чина действительного статского советника.

Император внимательно смотрит мне в глаза. Потом проходит из угла в угол кабинета, останавливается передо мной и снова пристально смотрит мне в глаза. Висит драматическая пауза.

– Даже так? Слушай, сын, он что, действительно ТАК нужен?

– Да, ваше императорское величество.

– И ты согласен?.. – вновь этот же давящий, пристальный взгляд.

– Согласен.

Новая, еще более долгая пауза. Внезапно он хлопает меня по плечу с такой силой, что я аж приседаю:

– А ты – молодец, Колька, молодец. Умеешь за своих постоять! Видать, и вправду, слишком уж нужен тебе этот человечек. – Он широко улыбается. – Да успокойтесь вы, ваше императорское высочество, – Александр довольно точно копирует мои интонации, – будет твоему Рукавишникову чин, будет. Только сперва, дай-ка я с ним сам погорю. Посмотрим, что у моего сына за фавориты такие объявились. Давай свой рескрипт! – Император берет бумагу, еще раз перечитывает ее и молча сует в ящик стола. Сиречь – «кладет под сукно»... До выяснения...

– Но, ваше импера... – глухо начинаю я, но замолкаю на полуслове.

Черт! Как хорошо было пару лет назад, когда я мог, подпоив императора водкой с кокаином, подсунуть на подпись любую бумагу... Эх, а если и сейчас?.. Или – так и вообще – устроить вне срока «происшествие в Борках», но уже без чудесного спасения? Как говорится: хоть вы мне, батюшка, и симпатичны, но... «Ничего личного, это просто бизнес!»

– А с Мореттой я тебе свадьбу не запрещаю, – внезапно огорошивает Александр. – Тебе, пожалуй, запретишь, так ведь ты втихаря, а тут дело государственное...

Император отворачивается к столу. Я смотрю на его ссутулившуюся фигуру. Боже мой! А я еще страдал, что один тут оказался! Вот кто на самом деле одинок. А я, скотина такая, о покушении думаю! Подхожу к нему сзади, обнимаю, как могу крепко, этого великана.

– Рарá, простите меня, – ничего другого в голову не приходит. – Простите меня...

На глаза навернулись предательские слезы. Ведь он один, совсем один! А тут еще я...

– Ну-ну, – медвежий бас звучит успокаивающе. Чудовищная лапа гладит меня по голове. – Ты что это, наследник, расчувствовался, а?

Он бормочет что-то ласковое, а я вдруг с особенной остротой понимаю: я здесь чужой. Абсолютно чужой!..

...На следующий день, перед занятиями по рукопашному бою, Шелихов принес мне телеграмму от нашего посланника в Копенгагене барона Толя. Отжав «воду» из славословий и велеречий почтеннейшего дипломата, на выходе я получил следующее: «Принцесса Виктория отправляется сегодня на корабле «Эльсинор».

– Егор! Вели, чтоб на поезде были готовы. Через пятнадцать минут выступаем. Завтрак и все прочее – уже в поезде.

– Слушаю, государь.

За дверью моих покоев разносится повелительный голос Шелихова, потом

приглушенный топот ног. А вот интересно, это что ж за корабль они там, в Датском королевстве, к перевозке ценного груза припрягли? Поди, яхта какая-нибудь. Или, может, крейсер?..

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

Два дня в Дании промелькнули как одно мгновение. Ночь, проведенная в особняке Мольтке дворца Амалиенбург, который после страшного несчастья восемьдесят четвертого года стал основной зимней резиденцией датской королевской семьи¹⁸³, встречи с королем Христианом, королевой Луизой и принцем Фредериком, посещение глиптотеки Нью Карлсберг и географического общества – все это слилось в один сплошной цветной фейерверк, который наконец закончился хмурым зимним утром на палубе шхуны «Эльсинор».

Опасаясь лишних обострений с Германией, датский король не рискнул отправить беглую принцессу на военном корабле. Вместо этого была подготовлена обычная каботажная шхуна, правда, заново покрашенная и имеющая паровую машину. Экипаж «Эльсинора» в срочном порядке заменили на военных моряков, а команду принял настоящий капитан-лейтенант Датского королевского флота. И теперь шхуна, остро пахнущая свежей краской, ожидала ее в порту.

Когда она, закутанная все в тот же меховой плащ, сопровождаемая князем Васильчиковым и его молчаливыми спутниками («Моя маленькая русская свита», – неожиданно пришло ей на ум), поднялась на борт, стоявший на причале принц Фредерик отсалютовал ей обнаженной шпагой, а взвод гвардейцев сделал «на караул» – только тогда она, наконец, с пронзительной ясностью поняла, что с прежней жизнью покончено и обратной дороги нет и никогда уже не будет. Теперь она больше не принцесса дома Гогенцоллерн, а супруга наследника русского престола, будущая императрица великой державы, раскинувшейся на половину материка.

Неожиданно она вспомнила Баттенберга. Недавно до нее дошли слухи о романе ее бывшего избранника с какой-то актрисой. Она попыталась представить себе, как бы сложилась ее жизнь, если бы не Ники. Ее Ники. Неужели этот человек, этот фигляр, этот фальшивый Гессен-Дармштадский принц, мог обнимать ее, и она не сбрасывала с отвращением его мерзких рук, а наоборот, испытывала удовольствие от его прикосновений?! Ее передернуло от омерзения. Какое счастье, что Ники так мало знает о ее отношениях с этим выскочкой. В душе она тут же поклялась себе, что никогда, никогда-никогда не то что не посмотрит, а даже и не подумает ни об одном мужчине, кроме ее самого лучшего, самого дорогого, самого главного на свете человека – ее Николая! «А когда у тебя родится сын, что ты будешь делать?» – тут же спросила она себя и невольно рассмеялась своим мыслям тихим счастливым смехом.

– Как приятно видеть вас в добром расположении духа, государыня!

Это Васильчиков, который неслышно подошел и стоит у нее за спиной. Она повернулась к князю.

– Prince, скажите, как скоро мы прибудем... – она запнулась, подбирая слово, – когда мы будем... на Родине?

Васильчиков словно не заметил того, что она назвала Россию «Родиной». Он щелкнул крышкой часов:

– Если погода будет нам благоприятствовать, то через тридцать часов мы сойдем на отчий берег.

Краешком глаза она заметила на внутренней стороне крышки какую-то гравировку. Видимо, prince Serge проследил направление ее взгляда и протянул ей часы. Они оказались

¹⁸³ Резиденция датских монархов, дворец Христиансбург сгорел в 1884 году.

неожиданно тяжелыми («Это платина», – пояснил Васильчиков). На внешней стороне крышки был изображен воин, пронзающий мечом убийцу, замахнувшегося кинжалом на ничего не подозревающую женщину в русском наряде. Она открыла крышку:

– Скажите князь, а что здесь написано?

– Это от государя, – его голос потеплел, в нем появились горделивые нотки. – Он подарил мне эти часы в знак дружбы...

...Через три часа небо, и без того хмурое, потемнело, задул пронзительный ветер. «Эльсинор» стало ощутимо раскачивать.

– Государыня, вам лучше пройти в свою каюту. Погода...

– Да-да, князь, я уже иду.

Маленькая каюта в надстройке была, скорее, похожа на большой ящик, чем на маленькую комнату. Узкая кровать, ящик для письменных принадлежностей, совсем маленький шкаф, в который с трудом мог поместиться ее плащ. Она легла на постель, прикрыла глаза. Скоро, совсем скоро рядом будет ее Ники, и ее будет окружать море огней Петербурга, будет греметь музыка, и она, вся в белом... Мир качался вместе с каютой, и она не заметила, как уснула...

...Удар! Еще удар! Еще! Еще! Она едва не упала с кровати. Попыталась встать. Новый удар чуть не свалил ее с ног. «Что это?» – подумала она и, когда новый удар сотряс все вокруг, закричала:

– Что это? Что это?!

В каюту вошел один из русских, поручик Блюм:

– Государыня, вам лучше остаться в каюте. Погода отвратительна. Капитан говорит, что мы попали в один из весенних штормов, столь частых на Балтике.

– Шторм? – вскинулась она. Так вот что это за удары! – Настоящий шторм? Но, обер-лей... – она запнулась, – но, поручик, это удивительно интересно! Я хочу посмотреть.

Блюм обреченно вздохнул:

– В таком случае, государыня, прошу вас надеть вот это. – В его руках появилось пальто и шляпа из грубой материи.

Она закуталась в свой меховой плащ, надела поверх непромокаемую одежду и вышла наружу. Тут суежились матросы, тянули какие-то веревки, закрепляли их и проверяли на прочность узлы. Порыв ветра обдал ее ледяными солеными брызгами, палуба резко ушла у нее из-под ног, и она чуть не упала. Блюм подхватил ее под руки, но в этот момент судно качнуло в другую сторону. Она ощутила, как желудок словно бы поднялся вверх и оказался в горле. Зажав рот руками, она судорожно метнулась к борту...

...Блюм и Васильчиков удерживали ее, а она все никак не могла прийти в себя. В какой-то момент ей показалось, что там, за бортом, было бы намного лучше. Седая вода, по крайней мере, гарантировала избавление от этих непрекращающихся мук. «Боже, – простонала она в одну из минут кажущегося улучшения, – Боже, вот как ты караешь непослушную дочь...»

...Ей казалось, что этот кошмар никогда не закончится. Закрыв глаза, ощущая мучительные стыдные позывы, она склонялась над бурным морем, удерживаемая русскими офицерами и датскими моряками. Но все на свете имеет конец. И вот она, разбитая и больная, уже лежит на постели в своей каюте, а в изголовье стоит брезентовое ведро. В голове пронеслось: «Какое счастье, что ОН не видит меня сейчас! Тогда ОН навеки разлюбил бы свою несчастную Моретту...»

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

В дороге я не находил себе места: опоздать на встречу к нареченной – это, знаете ли, как-то не комильфо. Экстренный поезд домчал нас до Вильно за десять часов. А по сведениям, полученным от «дядюшки» Платова, Моретта проделает путь от Копенгагена до Либавской бухты часов за тридцать. И вот интересно, кто погорячился: машинисты или я,

торопыга? Ну и куда теперь девать лишние двадцать часов, хотел бы я знать? Никто не подскажет?

Решение в конце концов найдено. Чем отираться в Либаве, уж лучше сделать короткую остановку здесь. Ладно, навестим генерал-губернатора, да и город осмотреть не мешает: все-таки губернский город, без малого сто десять тысяч населения, торговля развитая. Есть что посмотреть...

Генерал-губернатор, генерал-лейтенант Иван Семенович Каханов, производит на меня самое благоприятное впечатление. Я неплохо знаю его младшего брата Михаила, с которым то и дело сталкиваюсь в Государственном совете. Неглупый мужик, один из горячих сторонников моей «финской программы». И старший брат у него тоже не подкачал. Также не глуп, хотя бы по первому впечатлению, образован, радушен и хлебосол. Впрочем, о последнем судить сложно: все-таки принимает он не кого-нибудь, а цесаревича!

Правда, за обедом генерал-губернатор был явно потрясен. Еще бы: вот уж кого их высокопревосходительство не ожидали увидеть у себя за столом, так это казачков-атаманцев! Однако, надо отдать ему должное, справился он с собой быстро. Но от комментариев все же не удержался:

– Ваше императорское высочество, простите мне эту вольность, но я, хоть и слышал о ваших странных демократических обычаях, полагал эти слухи простым преувеличением...

Что ж, имеет смысл пояснить ему кое-что:

– Господин генерал-лейтенант. Я думаю, что в походах вам доводилось есть с солдатами из одного котла, не так ли? Ну а чем же поход отличается от повседневной жизни? Если я доверяю этим людям свою жизнь, то неужели я побрезгую есть с ними за один стол?

Атаманы гордо расправляют плечи, и Иван Семенович предпочитает быстренько перевести разговор на другую тему...

...Мы благополучно ночуем в Вильно, а поутру, прицепив к нашему поезду вагон с лошадьми, позаимствованными в расквартированном поблизости Изюмском гусарском полку, отбываем в Либаву. Шесть часов дороги пролетают мгновенно...

– ...Павел Карлович, распорядитесь, чтобы немедленно по прибытии выводили лошадей. И дайте команду: пусть заседают еще в вагоне, в пути.

Ренненкампф, почувствовав ответственность момента, моментально исчезает. М-да: вот уж воистину с корабля – на бал. А вернее: с поезда – в седло!..

Поезд сбавляет ход и, выпустив облака пара, останавливается у небольшого вокзала. На платформе стоит почетный караул из солдат какого-то заштатного армейского полка. Походя интересуюсь названием полка и от ответа Ренненкампа чуть не проглатываю папиросу. 164-й Закатальский. ЗАКАТАЛЬСКИЙ, а?! Действительно: «Умри, Денис, лучше не напишешь!»

Оркестр играет встречный марш, мне навстречу торопится толстенький подполковник. Как бы повежливей его отшить? Ну, не втолковывать же ему, что «цигель, цигель, ай-лю-лю»...

Слава богу, подполковник и сам не желает затягивать мероприятия. В принципе он прав: сейчас его солдатики (наверняка лучшая рота лучшего батальона!) стоят толково и готовы пройти парадным маршем... ну, не то чтобы «без сучка, без задоринки», но нормально. А вот если они постоят еще чуть-чуть, начнется нервное перенапряжение. Ну, голову готов поставить против дырявого гривенника – в Закатальском пехотном со дня формирования не было ни одного члена царской фамилии, не то что члена правящей семьи!

Лошади поданы, и мы уже в седлах. Ну, аллюр три креста марш! Вихрем проносимся по улочкам Либавы, и вот уже берег. Так, что у нас тут?

Собственно, портом как комплексом сооружений для погрузки-разгрузки и безопасной стоянки судов здесь пока не пахнет. В реале сооружение порта началось только в 1891 году. У нас скорее всего начнется несколько раньше. Нет причалов и пирсов, но вдоль берега размещается несколько десятков, если не сотня-другая, разнообразных плавсредств. От небольших одноместных лодочек до десяти-двенадцатиметровых рыбацких баркасов. Часть

этой «посуды» вытащена на песок, но большинство привязано к вбитым в полосу прибой столбикам. А вот дальше... дальше... Ну, блин, я собой горжусь! Это ж надо: так подгадать умудрился!

Примерно в полутора километрах от берега на якорь встает парусник под датским флагом. Ну, не мареман я, не мареман! А посему разобраться, исходя из парусного вооружения, шхуна это или, допустим, барк, абсолютно не в состоянии. Зато я вижу, что с борта этого, весьма симпатичного парусника спускают большую шлюпку, и в нее спускается по трапу несколько человек, причем совершенно очевидно, что одна из них – женщина! Вот только не надо мне ля-ля про какую-нибудь экзальтированную дамочку, решившую прибыть сюда эдаким экстравагантным путем к непутевому мужу, купцу пятой гильдии Абрамсону!¹⁸⁴ Нет уж, не может такого быть!

Шлюпка довольно лихо движется к берегу. Ну, теперь уже даже видно, что в шлюпке, промеж прочих, сидит князь Васильчиков собственной персоной.

– Государь, Сергей там, – радостно сообщает Ренненкампф, соскучившийся по своему другу. – Значит, и государыня – тоже.

Что-то новенькое. К тому, что я – «государь», я уже привык, но они уже и Моретту начали именовать «государыней»! Быстро, однако, сориентировались...

Шлюпка уже совсем близко. Пора красиво закончить эту классическую авантюру...

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

В шлюпке она сидела точно на иголках. Из всего окружающего мира она видела только группу всадников на берегу. Один из них, стоявший чуть впереди остальных, никак не мог оставаться на месте, и его конь переминался с ноги на ногу, то приседал назад, то вдруг рвался вперед. «Ники, мой Ники! Я уже иду к тебе!»

Ей казалось, что, несмотря на все усилия матросов, шлюпка совсем не движется. Внезапно Ники послал коня вперед, и тот, подняв тучу брызг, мгновенно вынес своего седока прямо к ним. Она не успела удивиться или испугаться, как он наклонился над бортом, крепко обхватил ее рукой и поднял в седло. Она обняла его:

– Ты ждал меня? Скажи, ты ждал меня?

Он молчал, только быстро целовал ее счастливое лицо. Затем, встав в стремя, он махнул рукой:

– Коней господам офицерам! К поезду, орлы, марш!

Она гладила его лицо, а он сжал ее в крепком объятии и тихо шептал прямо в ухо: «Любимая! Любимая! Любимая!» Она смеялась, подставляя лицо ветру. Вот оно, счастье, которого наконец-то дождалась принцесса дома Гогенцоллернов.

Рассказывает Дмитрий Политов (Александр Рукавишников)

Только в конце февраля я наконец-то нашел время проверить, как Горегляд распоряжается теми немалыми средствами, которые я регулярно отправлял на строительство химкомбината. А за полгода, кроме пятисот тысяч рублей чистыми деньгами, на эту стройку ушли стройматериалы, примерно на ту же сумму. И это все, не считая широкого ассортимента труб и емкостей из легированных сталей. А еще Горегляд потребовал прислать квалифицированных строителей, в основном каменщиков и бетонщиков, в количестве 470 человек, и почти всех сварщиков, занятых на строительстве второй очереди ТЭЦ.

Гигантская, сравнимая по площади со Стальградом, строительная площадка химкомбината раскинулась в пяти километрах от берега Волги. Это место Афанасий

¹⁸⁴ Цесаревич шутит. В Российской империи было только три торговых гильдии, и лицам иудейского вероисповедания было запрещено заниматься коммерческой деятельностью.

Иванович выбирал лично, руководствуясь одному ему известными соображениями безопасности для производства и окружающей среды. Вот только рабочим и инженерам приходилось жить на территории стройки в бараках, чтобы не наматывать ежедневно по десятку километров на работу и обратно.

Хорошо хоть, что Горегляд не забыл про почти полное отсутствие скоростного и надежного транспорта – иначе все потребные для строительства материалы приходилось бы возить гужевыми повозками по грунтовой дороге. В первые же дни была проложена линия узкоколейки, затем еще две, и проблем с доставкой грузов у нас не возникло. Сейчас одна из веток перешивалась на широкую колею.

Но не все еще было у нас гладко... В частности, устроить нормальное шоссе так и не удосужились. Был только более-менее укатанный зимник, в настоящее время, по причине резкой оттепели, начавший расплзаться. К сожалению, данное обстоятельство я обнаружил, только выехав на это... «направление». Не послушав уговоров едущих со мной Еремея и Александра, я продолжил движение. Дурацкое упрямство не позволило мне повернуть и добираться до стройки по «железке». В результате мы затратили на дорогу почти два часа. Чуть не сломали в колдобинах по пути ось новенького автомобиля, два раза капитально застревали в промоинах. Только чудо и помощь Еремы и Саши позволили мне все-таки добраться до цели. После этого счастливого события я отметил для себя, что от Стальграда к химкомбинату надо проложить нормальную гравийку, или даже полноценную бетонную или асфальтовую магистраль. Дабы не въезжать каждый раз в возводимое «светлое грядущее» по залитым грязью колдобинам....

Поиски Горегляда на обширной, разбитой на четыре изолированных сектора, стройплощадке заняли еще почти час. Четыре отдельные зоны мы спланировали для лучшей структуризации довольно многопрофильного химического хозяйства и обеспечения безопасности. В секторе «А» должен был разместиться полноценный нефтеперегонный завод. В секторе «В» – производства порохов и взрывчатых веществ. Сектор «С» – резина, пластмассы и искусственное волокно. Сектор «D» был самым обширным, там должно было разместиться общее химпроизводство.

Конечно, можно было спокойно дожидаться Афанасия в конторе, благо дежурный инженер предлагал выпить чаю, но я решил попутно поискам осмотреть строительство. Увиденное меня откровенно порадовало – в одном из секторов уже стояли построенные корпуса и всюду шел монтаж оборудования. А три остальных были в разной степени готовности, причем в двух уже стояли здания. Короткая инспекция показала, что порядок на стройке армейский, строгий. Каждый бригадир четко знал свой участок работ и мог внятно доложить, чем он в настоящий момент занимается, что будет делать завтра, какие материалы и инструменты для того потребны и сколько всего времени займет работа на данном участке.

Сопровождающий меня Александр без усталости крутил ручку портативной кинокамеры – последней разработки нашей лаборатории точной механики. Съемками Ульянов увлекся еще в прошлом году. Но в отличие от моего «братца» Сергея, позиционирующего себя как кинохудожника и снимавшего только пейзажи и видовые сценки, Саша стал скорее кинохроникером. Не сомневаюсь, что скоро в кинотеатрах Стальграда появятся новые фильмы: «Строительство химкомбината набирает обороты» и «Рукавишников на открытии первого цеха химического завода». Снятый Александром во время визита Олега на практически рекламный ролик «Цесаревич Николай и купец первой гильдии Рукавишников на испытаниях первого в мире автомобиля» произвел прошлой осенью настоящий фурор.

Самого Горегляда я вытащил из какого-то жуткого переплетения трубопроводов, где он в компании своих инженеров увлеченно проверял сварные швы.

– Ну, Афанасий Иванович, чем порадуете? – спросил я после взаимных приветствий. – Когда уже первый крекинг будет?

– Александр Михалыч, вот умный вы человек, но, видимо, плохо учили в школе химию, – усмехнулся Горегляд. – Вот на хрена нам крекинг?

– То есть как это? Вроде бы бензин от этого лучше становится, нет?

– Нет. То есть не совсем так. – Горегляд посмотрел на меня чуть устало. Таким взглядом смотрела на меня учительница физики в шестом классе, когда я пытался сам добраться до некоторых физических постулатов. – В процессе крекинга увеличивается выход бензина в процентном отношении к сырой нефти. Причем высокооктанового. Ну, так я и хочу вас спросить, Александр Михайлович: для чего вам высокооктановый бензин в больших количествах?

– Ну... двигатели мощнее станут, верно?

– Вот уж нет. Вы двигатель с такой степенью сжатия еще лет сорок разрабатывать и доводить до ума будете.

– Ну уж и сорок! – возмутился я. – Максимум лет десять!!!

– А когда доведете, так я вам октановое число любой ароматикой повышу. Так что сейчас обычная перегонка гораздо быстрее и дешевле. Да и керосин с мазутом как бы не более востребованы.

– Это точно... – важно кивнул я. – Вот вторую очередь котельного цеха ТЭЦ мы полностью на жидкое топливо переводим.

– Вот и отлично! – кивнул Афанасий Иванович. – В секторе «А», где мы запланировали разместить НПЗ, я сейчас монтирую простейшие перегонные кубы. Через месяц я вас просто залью топливом!

– Через месяц вряд ли получится! – Я покачал головой. – Пока навигация на Волге не откроется – нефти в промышленных количествах не будет! А уж когда танкер на воду спустим...

– Ничего, один месяц я могу подождать! – улыбнулся Горегляд. – Но перегонка – это просто. Это вы и без меня могли сделать. А для общего развития химической отрасли сейчас гораздо нужнее бензол и азотная кислота. И потому мне нужен катализаторный цех, а до сих пор на него даже проекта нет.

– Да ведь дал же я вам и проектировщиков, и строителей...

– Дали, за что вам большое человеческое спасибо. Только вот кто им объяснит, ЧТО проектировать? И как объяснит? А ведь катализаторы – только первый шаг...

Эх, зря я химию в школе плохо учил. Горегляд высыпает на меня столько информации, что уже через пять минут я перестаю понимать не только его речь в целом, но даже отдельные слова воспринимаю как-то смутно. Ох, сколько ж ему надо!..

– Вот что, Афанасий Иванович, остановитесь. – Мой голос напоминает о том самом вопящем в пустыне. – Хотите, я свяжу вас с Менделеевым? Мы с ним уже два года переписываемся. А уж он выведет вас на Зелинского, Лебедева и прочих... Думаю, что если вы их заинтересуете, то они вам непременно помогут. Они вообще люди чрезвычайно увлекающиеся. Особенно Дмитрий Иванович.

– Хочу! – немедленно отвечает Горегляд. – Вы еще спрашиваете! Да я всю жизнь мечтал Менделееву руку пожать!

– Ну, раз это дело частично улажено, то давайте поговорим о первоочередных задачах. Раз с топливом вопрос практически решен, то переходим ко второму пункту нашей программы: синтекаучук!

– Простите, Александр Михалыч, он вам срочно нужен?

– Вот как вы думаете, Афанасий Иванович, из чего мы сейчас прокладки для двигателей делаем?

– Из асбеста...

– Это для головки блока цилиндров. А для поддона картера, бензонасоса, фильтров?

– Из пробки. Натуральной. Из Южной Америки возите...

– А покрышки?

– Из натурального каучука!

Я вздохнул настолько тяжело, что будь поблизости три сотни зажженных свечей – они были бы задуты.

– Это нам сейчас, когда производство минимально, хватает пробки и каучука. А когда

двигатели и автомобили сотнями штук пойдут... Мы ведь сейчас конвейер разворачиваем... Неужели так и будем сырье из Южной Америки возить? А если вдруг война с Англией и бритты море перекроют?

– Да, я знаю, Александр Михалыч... – кивнул Горегляд, – все это я знаю... И непременно дам вам резину, но чуть позднее. Но первым делом я в секторе «В» разворачиваю производство аммиака и азотной кислоты. А это минеральные удобрения и пироксилин. Ведь и пороха нам, в преддверии войны с Японией, понадобится много. Будь вам нужен черный порох – я бы его уже тоннами гнал. Но ведь вам нужен бездымный пироксилиновый... А чуть позднее начнем производство жирных кислот, помните, вы напалм просили, да и для моющих веществ... Затем производство синильной кислоты... Это для красителей и бризантной взрывчатки. Так что... все идет своим чередом! И от графика мы пока не отстаем!

– Вот хорошо бы, Афанасий Иванович, и дальше по графику идти!

– Будем стараться, Александр Михалыч! – бодро сказал Горегляд, и я ему поверил – он в лепешку разобьется, сам будет на стройке ночевать и всех работников до полусмерти загоняет, но производство остро необходимых нам веществ будет налажено в срок. – Ну, раз мы главные вопросы обсудили, то позвольте обратиться с личной просьбой?

– Конечно, Афанасий Иванович, чем могу – непременно помогу!

– Дело в том, что у меня есть небольшое хобби... – смущенно потупился Горегляд. – Впрочем, пойдемте, сами увидите, здесь недалеко.

Мы прошли к большому скоплению временных складов. Как и везде на стройке, здесь был строгий порядок – большие сараи стояли стройными рядами. Каждый ряд и каждый склад был пронумерован. Каково же было мое удивление, когда Горегляд привел нас к отдельно стоящему небольшому строению без всяких номеров. Ну, небольшим этот сарайчик был только по здешним масштабам, на фоне своих гигантских соседей. А так в нем было почти пятнадцать метров в ширину, а в высоту добрых пять... Ворота Горегляд открыл своим ключом.

Внутри стоял самолет. Вообще-то нет – мое зрение подвел резкий переход от дневного света к темноте ангара. Это был не самолет, а... дельтаплан? В общем, что-то с крылом... Точнее определить было нельзя, так как у этой конструкции отсутствовала обшивка. Был только голый каркас из стальных труб, деревянных реек и проволочных растяжек.

– Вот! – с теплотой в голосе сказал Горегляд, гордо показывая на...

– Афанасий Иванович, это вы?! – опешил я. – В смысле – это ваша конструкция? А что это?

– Должен был получиться дельтаплан, – усмехнулся Горегляд. – Но подвели материалы! Стальные трубы, даже самого маленького диаметра, слишком тяжелы, а деревянные рейки нужной толщины – слишком хрупки.

– Погодите-ка, Афанасий Иванович... – я никак не мог прийти в себя. Вот что угодно ожидал от Горегляда, вплоть до портативного атомного реактора, но чтобы дельтаплан... – Вы хотите сказать – будь у вас подходящие материалы, вы бы сделали настоящий дельтаплан? Летающий?

– Ну не ползающий же! – рассмеялся Горегляд. – Непременно летающий, Александр Михалыч! Вот именно о материалах я и хотел вас попросить. Я знаю, что вы уже пару лет производите алюминий, причем в товарных количествах. Мало того – с прошлого года делаете легированный сплав, который в наше время звался дюралюминием, а у вас называется...

– Империиум... – кивнул я. – Это из какой-то фантастической книжки...

– Я так и понял, что из фантастической... – кивнул Горегляд. – Но вот беда – чего вы только из алюминия не делаете, даже котелки и ложки, что по здешним временам, я считаю, просто разбазаривание ресурсов...

– Из империиума мы кожухи пулеметов штампуем! – обиделся я. – И...

– Да бог с вами, Александр Михалыч, я вас ни в чем не упрекаю! – махнул рукой

Горегляд. – Отрабатываете технологию получения алюминия и штамповку из него – ну и отлично! Но вот чего вы не делаете – это трубок!

– Так они сейчас просто не востребованы... – по инерции сказал я, но тут же прикусил язык. – Ага, Афанасий Иванович, я вас понял! Немедленно по возвращении я распоряжусь, чтобы из империума сделали трубки. А какого размера?

– Диаметр в пятьдесят миллиметров и толщиной стенки в миллиметр. Длина – ну чем больше, тем лучше.

– Афанасий Иванович, а как вы?.. – Я попытался удовлетворить свое любопытство.

– Вы хотите узнать, где я научился делать дельтапланы? – переспросил Горегляд. – О, это очень долгая история. Пойдемте в мою бытовку, я напою вас чаем и расскажу.

Горегляд тщательно закрыл ворота ангара и педантично запер большой навесной замок. Но воспользоваться гостеприимством Афанасия нам не удалось – жилой отсек, в котором размещался главный инженер колоссального химзавода, был настолько мал, что в нем с трудом помещалась узкая койка, шкафчик для одежды, столик, два табурета и небольшой кульман. Поняв, что даже вдвоем попить чайку в такой конуре будет весьма затруднительно, мы прошли в столовую для ИТР.

Обед закончился два часа назад, мы пропустили его, пока лазили по стройке, и теперь помещение было абсолютно пусто. Худая, стервозного вида стряпуха машинально рыкнула на нас, когда мы заходили. Мол, обед давно закончен, жрать нечего, а если мы не успели – то сами виноваты, терпите до ужина. Но, разглядев входящих, хозяйка пищеблока вдруг стала приторно-вежливой. Усадила нас на, как она сказала, самые лучшие места. А на столе, словно по мановению волшебной палочки, тут же появилась белоснежная скатерть. Я молча кивнул Ереме и Саше на соседний столик, и они понятиливо пересели. Нечего им предстоящий рассказ Афанасия слушать, рановато им... Хватит с них оговорки Горегляда про «наше время»... Впрочем, их столик тоже украсился скатертью.

А потом настал черед угощения. Глядя на то, как постепенно, по мере появления на столе новых блюд, расширяются от удивления глаза Афанасия, я дал зарок инициировать тщательную проверку этой столовой вообще и конкретной стряпухи в частности. Ибо если самый главный начальник поражен присутствием наваристого борща, соленых грибов, розового сала, запотевшего графинчика водки, то чем его и инженеров кормят в обычные дни? К счастью стряпухи, тут же выяснилось, что в столовой Горегляд не питается, потому как просто не успевает. Обычно он перехватывает чуть ли не на бегу пару булочек и стакан чая. Эх, надо приставить к Афанасию специального человека, чтобы следил за питанием, одеждой и жильем. А то Горегляд, энтузиаст хренов, уморит себя быстрее, чем построит комбинат.

Мы выпили по рюмочке, закусили салом с грибочками и стали торопливо хлебать горячий борщ. Только сейчас я почувствовал, как проголодался. Видимо, Горегляд тоже. Разговор пришлось отложить. Столовый сервис продолжал поражать чудесами – не успели мы доесть первое и налить по второй, как нам принесли тарелки с большими кусками жареного мяса и гарниром из вареной картошки. С этим блюдом мы расправились уже неспешно, первый голод был утолен. На десерт нам подали моченые яблоки, чай и вазочку с крупными кусками колотого сахара. Прихлебывая из стакана, Горегляд наконец-то начал рассказ.

– Видите ли, дорогой Александр Михалыч, я довольно бывалый дельтапланерист. Естественно, любитель.

– Постойте-ка, Афанасий Иванович, но ведь дельтапланы появились только в семидесятых годах двадцатого века, а вам тогда уже было...

– Да, мне тогда уже больше шестидесяти лет было¹⁸⁵. Я к пенсии готовился, считал, что жизнь закончена. Как сейчас помню: 1976 год – размеренное, даже несколько нудное

¹⁸⁵ Повествование Горегляда основано на мемуарах Александра Уклиста.

существование главного инженера хорошо отлаженного предприятия. Я тогда уже вдовцом был, дети взрослые, отдельно живут. Вот и жил как маятник – на работу, с работы, газетку перед сном, а утром все снова. И вдруг старый приятель Петя Осинкин приносит журнал «Техника – молодежи» со статьей Михаила Гохберга, а там чертежи дельтаплана «Вымпел», описание полетов... Это было как взрыв – у меня снова появилась цель жизни.

И начали мы с Петей лазить по свалкам – подходящие материалы искать. Нам повезло набрести на целую кучу труб из дюралюминия Д-16 диаметром пятьдесят миллиметров и толщиной стенки один миллиметр, наверно, от какого-нибудь павильона, мы их тут же утащили и начали творить в моей двухкомнатной квартире свой первый рогалл.

– Рогалл? – переспросил я.

– Да, рогалл – так мы называли первые простейшие дельтапланы – по имени Френсиса Рогалло, изобретателя гибкого крыла. Петина жена – тоже уже пожилая, интеллигентная дама, только страдальчески вздыхала, когда мы строчили парус на ее новенькой швейной машинке. Постепенно дельтаплан приобрел близкие к схеме «Вымпела» очертания. И вот в августе 1977 года мы с Петей едем в Коктебель. А там... сборка аппарата и предвкушение полета... – Горегляд мечтательно закатил глаза. – Место сбора было у подножия горы, под памятником планеристам тридцатых годов – изумительной стелы с планером Антонова наверху, который вращался, как флюгер, и показывал всей округе, куда дует ветер. Эх... Наверно, мне здорово повезло, что начало обошлось без травм, хотя консольных труб и труб трапеции было поломано немало...

– Простите, Афанасий Иванович, а из чего вы обшивку делали? – Я грубо прервал воспоминания ветерана.

– Вы будете смеяться, но первую обшивку мы сделали из... зонтов! – огорошил меня Горегляд и хихикнул. – Я помню, как занятно это смотрелось при полетах – крыло вспухало такими забавными шишками... И это никого не удивляло, что характерно! В начале начал очень многие использовали для парусов весьма экзотические материалы – вплоть до ткани из болоньевых плащей, накрахмаленных льняных простыней или палаточного брезента. Нет, ну потом, когда мы уже вошли в сообщество, нам подсказали, какую ткань лучше использовать и где ее взять.

– А сейчас какую ткань хотели использовать?

– Сейчас выбора вообще нет... – посмурнел Горегляд. – Хотел взять шелк. Для прочности – с двойным перекрытием. Тянется, зараза, да и воздух пропускает. Или хлопчатобумажное полотно пропитать чем-нибудь вроде каучука... Тяжеловато получается... Конечно, лучше дожидаться, когда запустим выпуск капрона... Но это ж сколько ждать?!

– Надо бы вас, Афанасий Иванович, еще и с Жуковским познакомить... – задумчиво сказал я.

– А у вас и с ним контакт налажен? – удивился Горегляд.

– Да, и довольно плотный контакт! – ответил я. – Он даже несколько раз приезжал в Стальград. Консультировал сам и получал консультации от меня и моих инженеров. Думаю, что если вы с ним скооперируетесь, то первый в мире самолет будет построен отнюдь не братьями Райт и уж всяко раньше 1904 года. А легким, компактным, но достаточно мощным двигателем я вас постараюсь обеспечить. Пусть и в единичном экземпляре!

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

Мы возвращаемся в столицу ранним февральским утром. Погода на улице, прямо сказать, не питерская. Солнце словно взбесилось, лупит с небес ярко, по-весеннему, и штыки преображенцев на Варшавском вокзале пускают нам в глаза веселых зайчиков. Нас встречают по высшему разряду: император с императрицей, полдесятка великих князей, едва ли не половина двора... Углядев из окна здоровенный сводный оркестр, я вдруг тихо

прыскаю в кулак, представив, что сейчас эти «маэстры» врежут марш Мендельсона. Хотя, если бы вопросом встречи занялся кто-нибудь из моих современников – запросто могло бы произойти!..

Увидев столь внушительный комитет по встрече, Моретта ошпаренным котенком кидается к зеркалу, проверить, все ли в порядке с туалетом, прической, боевой раскраской и пр. Хотя переживает она, по-моему, зря. Мало того, что девочка мне нравится и без всяких там дамских хитростей и уловок, так еще и папарацци в этом времени не наблюдается, и зафиксировать момент, когда «графиня изменившимся лицом бежит к пруду» со сбитой набок прической и улетевшей шляпкой, просто некому! Но женщина есть женщина! Всегда и в любом времени!

Император сам подходит к нам. Рядом смешно семенит маменька Дагмара, пытаюсь догнать своими ножками великана-супруга.

– Здравствуйте, дети, – гремит Александр.

– Как добрались, ваше высочество? – интересуется мама.

Моретта, счастливо улыбаясь, рассказывает о перипетиях своего путешествия. С особым интересом император выслушивает ту часть рассказа, где «Эльсинор» остановил для досмотра немецкий миноносец. Досмотровая команда поднялась на борт и мгновенно обнаружила среди напряженно молчащих датчан Васильчикова, Блюма и Исаева (взятого в группу исключительно ради фамилии), стоящих с молчаливой решимостью в глазах и револьверами в руках. Троица готовилась защищать бесценный груз, приходивший в это время в себя после шторма на койке в каюте. Наличие на шхуне такого «груза» потребовало личного вмешательства командира миноносца, лейтенанта цур зее Вильгельма фон Ланса. Последний, узрев Моретту, вытянулся во фрунт, пожелал счастливого пути «прекрасной незнакомке» и на рысях увел «кайзермаринеров» обратно на свой корабль. Не успел датский экипаж прийти в себя после пережитых волнений, а русские офицеры – отпустить курки револьверов и убрать их до лучших времен, как с миноносца грянул орудейный салют, а на мачтах взвился флажный сигнал: «Желаем счастья!» Моретта мне все уши прожужжала этой историей. Надо будет этого лейтенанта наградить чем-нибудь приличествующим ситуации...

Александр раскатисто хохочет, маменька тоже улыбается. Ну, вроде бы тут все в порядке. Значит, скоро и свадьбу сыграем. Желательно, правда, выждать до июля, чтобы «братец Вилли» принял участие в торжествах уже на правах законного «хозяина земли германской». А может, и не стоит ждать, чтобы мы с Мореттой могли на законных основаниях принять участие в торжествах по случаю его коронации. А, ладно, там разберемся...

В полдень Моретта заканчивает знакомство со своим новым двором, и, наконец, я могу заняться делами. Первое: вызвать в Питер Димку. Пора узнать, что там батюшка с ним решил? Но это не к спеху. А вот другое – гораздо интереснее...

...Еще на подступах к кабинету мне радостно сообщают, что моей аудиенции добивается финляндский генерал-губернатор, генерал от инфантерии Гейден. Надо принять и не затягивать...

– Здравия желаю, ваше императорское высочество! – В кабинет, в сопровождении двух атаманцев, входит высокий старик.

– Проходите, Федор Логгинович, присаживайтесь. Как я полагаю, вы просили принять вас по поводу новой финской программы?

Он тяжело садится в кресло, затем внимательно разглядывает меня, откашливается и начинает:

– Ваше императорское высочество. Вот уже семь лет, по воле вашего венценосного отца занимая пост генерал-губернатора Княжества Финляндского, я, по долгу службы, был ознакомлен с предложениями вашего императорского высочества по...

От обилия лишних слов мне неудержимо хочется зевнуть. Так, ну, пора этот поток останавливать. «Дай отдохнуть фонтану»...

– Федор Логгинович, простите, но я вас перебыю. Вы хотите знать, знаком ли я

с разработанной вами программой, а также высказать свои замечания по поводу моей, верно?

Генерал-губернатор удивлен, но все же утвердительно кивает.

– Первое: с вашей программой я знаком. По основным пунктам, а именно: назначить на государственные посты только чиновников, знающих русский, усилить и углубить преподавание русского языка, подчинить имперскому контролю органы массовой информации – возражений нет. Полностью разделяю и приветствую. Как дополнение, могу предложить декрет о запрещении использовать шведский язык в качестве официального. По второму вопросу – слушаю вас внимательно. Только умоляю вас, Федор Логгинович, оставьте эти славословия и титулования. А то в потоке слов смысл теряется.

Сказать, что Гейден удивлен – ничего не сказать. Он несколько раз открывает рот, собираясь начать речь, но снова закрывает его и молчит. Наконец, он собирается с мыслями:

– Ваше императорское высочество. Я... – Он снова на секунду умолкает, но потом решительно продолжает. – Я полагаю некоторые пункты из вашей программы преждевременными. Введение на территории княжества общеимперских налогов нанесет непоправимый удар местным промышленникам и купечеству...

– Интересно, а как же русские промышленники и купечество справляются? За что ж вы соотечественников так не любите, Федор Логгинович?

– Но вы должны понять, что введение таких налогов, – он делает упор на слове «таких», – приведет к возмущению в финском обществе. Возможно, даже к открытому бунту.

– И что же? Для чего, в таком случае, на посту генерал-губернатора находится боевой генерал, да еще и начальник Генерального штаба в прошлом? Мне кажется, что в случае бунта вы будете знать, что делать!

Ого! Проняло! Гейден расправляет плечи и выпячивает украшенную орденами грудь:

– Разумеется, ваше императорское высочество может быть уверен, что любая попытка мятежа будет немедленно пресечена в корне!

– Замечательно, Федор Логгинович! Другого ответа я и не ждал. Тогда что же вас смущает?

– Однако, ваше императорское высочество...

– Вот что, Федор Логгинович, давайте-ка вы будете обращаться ко мне «Николай Александрович». Так короче и проще.

– Слушаюсь, Николай Александрович. Меня только весьма смущают финские части... – Он вытаскивает платок и промокает им вспотевший лоб. – Ведь ваше предложение об их расформировании с включением личного состава в строевые батальоны, расквартированные на остальной территории империи, может тоже вызвать... м-м... беспорядки.

– И в этом случае?.. – Я умышленно предоставляю ему право самому закончить свою мысль.

– В этом случае мне может не хватить имеющихся под ружьем войск.

– Не волнуйтесь, Федор Логгинович. Вы получите под свое начало столько войск, сколько необходимо.

– В таком случае, ва... Николай Александрович, я могу только отметить, что я восхищен столь детально проработанной программой, которую вы сумели составить в столь юном возрасте. Я полностью поддерживаю ваши предложения и, если мне будет позволено, готов немедленно приступить к их осуществлению...

Он еще долго расхваливает меня и воспекает мои таланты. Несмотря на эту бесконечную осанну, мы все же умудряемся обсудить детали совместной работы, мероприятия, необходимые к первоочередному исполнению, и шаги, которые последуют за этим. Тут он толков, деловит, не стесняется перебивать меня и спорить, когда считает неправым. В конце концов мы расстаемся вполне удовлетворенные друг другом. Это хорошо, что мы нашли с ним общий язык. Человек он умный, дельный и программу мою будет претворять в жизнь со всем усердием. Хороший человек. Жаль только, что в ближний

круг ему уже позновато. Не поймет. А, ей-богу, жаль!..

...Вечером в Зимнем малый, «неофициальный», прием. Дабы еще сильнее позлить доченьку виндзорской вдовы, я рекомендую Моретте отправить ее родителям телеграмму с просьбой о прощении и выражением совершеннейшего счастья от ее нынешнего положения без пяти минут жены русского наследника. Пусть «порадуется», змеюка британская. И супруга своего полудохлого пусть порадует. Глядишь, он от такой радости на неделю раньше загнется. Какая ж я все-таки сволочь, аж самому приятно!

На приеме ко мне подходит генерал-адмирал.

– Здравствуй, mon neveu¹⁸⁶, представь меня своей очаровательной избраннице!

Моретта смотрит на Алексея несколько удивленно, но послушно подает ручку для поцелуя и говорит:

– Я очень рада знакомству.

Я делаю шаг в сторону и увлекаю генерал-адмирала с собой:

– Бляха, дядюшка, ну ты даешь! Какой «представь»?! Вы ж знакомы, она в Питер приезжала!

– Seriously? – Платов смотрит на меня с подозрением. – Ты уверен? То-то я думаю, где я ее видел... Ах да! Вспомнил! Это же еще до моего вселения было. Генерал-адмирал приехал на тот прием уже изрядно «нагрузившись» в гвардейском экипаже. «Мама-папа» сказать мог, стоял прямо, но вместо Моретты в воспоминаниях одна белая шляпка с цветочками. Ладно, проехали... Ну так что решил мой венценосный брат по поводу назначения Рукавишникова?

– Дядя, поймей совесть! Я только сегодня с поезда, здесь – с невестой. Ну, я что, сейчас все брошу и начну Александра пытаться по поводу Димыча?

– Поймите совесть... и совесть тут же поймали, – улыбается Платов. – У нас тут вечный бой – покой нам только снится! Ладно... Понимаю, у тебя дополнительная нагрузка появилась. Одного дня тебе на отдых хватит? На фиг ты нам здесь нужен с диагнозом «нервное истощение». Но и ты меня тоже пойми, мне скоро за семь морей отправляться, а здесь бардак на верфях. Толковый задел на будущее даже в проекте отсутствует.

Вот ведь зараза... Не было печали... Раньше делал что хотел, а теперь – что коллеги скажут!

...Утро встречает меня пронзительным визгом. Подпоручик Махаев, в простоте душевной, как обычно, влетел в мою спальню поднимать меня на утреннюю «гимнастику» и ненароком пробудил Моретту. Уснуть мне удалось только часа за два до рассвета (и Моретте, само собой, тоже), так что разбудить меня было весьма проблематично. Чего не скажешь о моей ненаглядной. Видимо, события последних дней сильно потрепали ей нервы, так что спала она, как говорится, вполуха и полглаза. Явление Махаева, которого она спросонья приняла то ли за грабителя, то ли за террориста, произвело на нее неизгладимое впечатление. В результате мне пришлось битых полчаса утешать и успокаивать свою нареченную. Однако привыкайте, ваше высочество. При дворе русского наследника вас еще и не то ожидает...

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

Этот день был, без сомнения, самым лучшим, самым прекрасным днем в ее жизни. Санкт-Петербург, расцвеченный флагами, императорская чета, принявшая ее удивительно ласково, и, конечно же, Ники, который не отходил от нее ни на шаг. Она перезнакомилась со своим новым двором – молодыми фрейлинами, камер– и статс-дамами, которых ей любезно предоставила императрица Мария. Старшая статс-дама, Анна Энгельман, хлопотала и заботилась так трогательно, словно обрела давно потерянную дочь...

¹⁸⁶ Племянник (фр.).

...А вечером был прием и бал. Ники, милый Ники, зная, что у нее нет с собой никаких нарядов, списался с братом Вилли и получил все нужные размеры. И на новой родине ее ждал целый великолепный гардероб! Императрица прислала ей изумительный гарнитур – диадему, кольца и серьги – с великолепной бриллиантовой осыпью, и теперь она могла блистать на балу так, как и положено невесте русского наследника.

На балу к ней с поздравлениями подходили родственники Ники. Ей особенно понравился великий князь Сергей, преподнесший очаровательный подарок – платиновый бювар, украшенный *uralskimy samotsvetamy*, русскими гербами и ее монограммой. Ей так понравился подарок, что она даже хотела уделить Сергею Александровичу вальс, но вдруг заметила, как Ники поморщился и прошептал одному из своих *kazak'ov*:

– *Uznay, kto etogo pidora nadoumil podarky delat'. Zavtra dolojish.*

И ответ *kazak'a*:

– *Ne bespokoysia, batushka-gosudar'. Uznaem, kto etogo mujelojtsa sprovoril...*

Слова были непонятны, но тон, которым они были произнесены, не оставлял сомнений: Ники очень недоволен. Тогда она попросила Энгельман перевести...

Услышав вопрос, Анна Карловна поперхнулась, покраснела, но, собравшись с духом, все же объяснила ей смысл услышанного. Она ошарашенно посмотрела на старшую статс-даму, запунцовела. «Как странно, – подумалось ей, – ее Ники, ее славный, увлекающийся, романтичный Ники, оказывается таким чопорным, таким нетерпимым к обычным «светским шалостям»... Впрочем, это было к лучшему: она помнила наполненные мукой глаза Доны, когда брат крепко обнимал графа Эйленбурга. «По крайней мере, – решила она, – я буду избавлена от таких неприятных сцен!..»

Потом был гром оркестра, вихрь танца, твердая рука, обнимавшая ее талию. Было искристое шампанское, прекрасное русское вино, похожее на любимый ею рейнвейн, только слаще. Ники сказал, что оно называется *Zimljanskoe*, и она дала себе слово при первой же возможности послать такого вина милой Доне и любимым сестрам. А потом были покои цесаревича, и прекрасная, волшебная ночь...

...Утро следующего дня было на удивление безобразным. Сначала она ужасно перепугалась, увидев в спальне чужого. Оказалось, что это – один из адъютантов Ники, пришедший звать его на какую-то «русскую гимнастику». Нечуждая спорту, который усиленно внедряла маменька, и знакомая с мюллеровской гимнастикой, она решила посмотреть, чем занимается ее любимый, а может, и самой показать что-нибудь. Ведь недаром ее фрейлины там, в Берлине, говорили, что она удивительно привлекательна, когда в купальном костюме делает упражнения герра Мюллера... Увиденное потрясло ее до глубины души. Оказалось, что в русской гимнастике мужчины просто колотят друг друга. Да еще как колотят! Она чуть не потеряла сознание от ужаса, когда на Ники кинулись *prince Serge* и двое *kazak'ov*. Ей показалось, что ее любимого сейчас просто убьют. В страхе она зажмурилась, но когда открыла глаза, то увидела, что один из *kazak'ov* лежит на полу, беззвучно открывая рот, второй – сидит, бессмысленно выпучив глаза, а Ники наклонился над Васильчиковым:

– Извини, Сергей, не рассчитал. Рука-то целая?..

Позже, за завтраком, она твердо потребовала от жениха прекратить эти ужасные занятия. К ее изумлению, Ники решительно, хоть и мягко, отказал ей. «Ничего, – подумала она. – После свадьбы, мой милый, мы еще вернемся к этой теме...»

...Не менее ее поразил завтрак. Когда в поезде к завтраку собрались офицеры и ординарцы, она решила: это из-за того, что вагон тесен. То же самое было и во Франции, но то было путешествие. Однако во дворце оказались те же обычаи...

– Милый, мне так хотелось позавтракать с тобой вдвоем...

– Но мы же и завтракали вместе, вдвоем.

– Ты не понял: я хотела позавтракать только с тобой вдвоем. – Она укоризненно посмотрела на него. – Зачем ты позвал всех своих офицеров, *kazak'ov*, солдат?

– Видишь ли, счастье мое, они же охраняют нас. Так разве же можно не посадить их за

стол?

– Пообещай мне, милый, – она прижалась к нему и погладила по щеке, – обещай мне, что отныне мы будем завтракать только вдвоем, да?

Оказалось, что и этого тоже не будет. А после завтрака Ники и вовсе убежал заниматься какими-то отвратительными делами и оставил ее одну. Она сидела надувшись и думала о том, что пока можно потерпеть, но вот уж после свадьбы... После свадьбы она наведет здесь порядок. Настоящий прусский порядок...

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

К моему несказанному удивлению, несмотря на всю кутерьму по подготовке моей с Мореттой свадьбы, венценосец не забыл своего обещания по поводу Рукавишников и все-таки вызвал его для собеседования. А посему через несколько дней после нашего возвращения ко мне, замордованному до крайности проблемами с финансами, Финляндией, училищами и Мореттой, ворвался Димыч собственной персоной.

– Оле... – Тут только он соблаговолил заметить, что мы в кабинете не одни и моментально выправился: – Ваше императорское высочество, разрешите?

Оказывается, мой личный конвой уже принял от Ренненкампа, Махаева, Шелихова – короче, от тех, кто видел нашу встречу в Нижнем, – информацию, что этот «купчина» вхож в ближний круг. Потому его никто и не остановил, как не стали бы останавливать Шелихова или, скажем, Альбертыча. Так что переживал я по поводу Димки зря, хотя... Мама моя, императрица! На Димыче красуется модный, в талию, сюртук парижского кроя, дорогущего сукна... НА МОЛНИИ!

Сидящий у меня бывший министр финансов Бунге в изумлении поворачивается посмотреть на нового посетителя. Видимо, решив, что молодой человек в модном партикулярном платье – в лучшем случае собутыльник цесаревича, он продолжает свою речь:

– ...свидетельством провала дефляции стало также стеснение внутреннего денежного рынка. Бумажных денег, ваше императорское высочество, стало слишком много по отношению к разменному фонду, но недостаточно для обеспечения потребностей национального хозяйства. В отличие от других европейских стран, у нас не получили широкого распространения безналичные средства платежа, как то: чеки, векселя и прочее. А в связи с расширением предпринимательской деятельности экономика испытывает потребность в оборотных средствах. Особенно остро нехватка бумажных денег ощущается в урожайные годы, когда циркуляция товарной массы резко увеличивается. Поэтому изъятие даже 87 миллионов рублей без замены их звонкой монетой привело к недостатку денежных запасов в обращении. Таким образом...

– Таким образом, – перебивает Димыч уверенно, – систематическое повышение пошлин довело ограничение импорта до предела. Устойчивое положительное сальдо торгового баланса России было достигнуто главным образом за счет увеличения экспорта хлеба. Вывоз хлеба дает более 50 % всех экспортных поступлений, хотя в то же время общий объем экспорта по стоимости вырос только на 15,6 %. При этом импорт резко сократился, и положительное сальдо торгового баланса в среднегодовом исчислении составило 142,2 миллиона рублей золотом, или 36,2 % от объема вывоза. И кому это, спрашивается, выгодно?

Бунге ошарашенно молчит, переводя изумленный взгляд с меня на Димку и обратно. А Димыч меж тем уверенно берет стул, усаживается на него верхом напротив Николая Христиановича и гонит дальше:

– Два года тому назад вы, господин действительный тайный советник, довели протекционистские тарифы до их логического максимума. За это вам от имени всех российских предпринимателей нижайший поклон и респект.

– Что? – выдавливает из себя Бунге, но Политов-Рукавишников деловито продолжает:

– Но теперь нас уже не может устраивать ваш отказ от попыток стабилизировать рубль

на традиционной серебряной основе и курс на введение золотого монометаллизма. Уже имеющееся повышение среднегодового курса рубля в золоте с 55,7 копейки в прошлом году до 56,5 копейки по итогам трех прошедших месяцев не соответствует нашим интересам экспортеров.

На Николая Христиановича жалко смотреть. Он-то, душа светлая и чистая, пришел прочитать популярную лекцию по политической экономии цесаревичу, а вместо этого угодил на какое-то судилище. После затянувшейся паузы Бунге наконец хрипло спрашивает меня:

– Ваше императорское высочество, вы не представите меня вашему гостю?

Просьба звучит дико, ибо Димка прекрасно знает, кто такой Николай Христианович. Но я все понимаю и иду навстречу попавшему впросак:

– Познакомьтесь, господа. Действительный тайный советник, председатель Комитета министров Николай Христианович Бунге. Владелец крупнейшего в России металлургического, сталепрокатного, машино– и станкостроительного предприятия, председатель совета акционеров Торгового дома братьев Рукавишниковых, Александр Михайлович Рукавишников.

Оба синхронно поднимаются и кланяются друг другу. Затем Бунге неожиданно улыбается и произносит:

– Господин Рукавишников, мне остается только пожалеть, что мы не встретились с вами раньше. Полагаю, вы могли бы дать несколько весьма ценных рекомендаций по выходу из создавшегося положения.

– Полагаю – смог бы, – уверенно сообщает Димыч. – Но хочу отметить, господин¹⁸⁷ Бунге (я прикрываю глаза. Господи, да что ж он творит, печенег этакий?!), что мне намного ближе ваша деятельность по внесению многих необходимейших дополнений в трудовое законодательство России и созданию фабричной инспекции.

Бунге польщен и не обращает внимания на грубейшее нарушение в титуловании. Он пускается в подробные объяснения смысла своих действий, но это он, ей-ей, зря! Теперь и я могу поиграть в эту игру...

После сорокаминутной лекции о необходимости введения КЗоТ¹⁸⁸ Бунге окончательно теряется. Он еще пытается что-то лепетать об отмене круговой поруки в деревне и недопустимости искусственной консервации сельской общины, но, услышав наше дружное мнение о развитии фермерских хозяйств и создании сельскохозяйственных кооперативов и госхозов, окончательно стушевывается. Он торопливо прощается со мной и Димычем, клянется в том, что окажет мне любую мыслимую и немыслимую поддержку в реформации империи и т. д. и т. п.

Мы остаемся в кабинете вдвоем с Димкой.

– Ну, модник, и зачем надо было так на старика накидываться и интеллектом его давить?

– Ничего, злее будет! – отмахивается Димыч.

– Ладно, бог с ним, построили в три шеренги министра финансов – и то хлеб! – Я улыбаюсь, ощущая себя гостеприимным хозяином. – Ты, кстати, завтракал?

Димка мотает головой, и через пять минут в кабинете появляются копченое мясо, свежий кофе, масло, сахар, хлеб – словом, стандартный холостяцкий завтрак, с учетом местного колорита.

Димыч накидывается на еду, к которой я могу предложить ему коньяк ни много ни мало, а пятидесятилетней выдержки. Но он залпом проглатывает пару рюмок, и я с грустью

¹⁸⁷ Рукавишников откровенно хамит – он обязан обращаться к действительному тайному советнику не иначе как «ваше высокопревосходительство».

¹⁸⁸ Кодекс законов о труде.

понимаю, что тут и простая очищенная пошла бы с тем же успехом...

Через десять минут завтрак уничтожен. Пожалуй, я неправильно поставил вопрос. Надо было спрашивать, ужинал ли он? В смысле – вчера.

– Ладно, от голодной смерти ты меня спас, – блаженно щурится Рукавишников. Он щелкает крышкой часов и интересуется: – А теперь чего делать будем? До приема у императора еще три часа!

– Ну, давай я тебя будущей супруге представлю. Только надо будет подобрать что-нибудь из моей «дежурной сокровищницы» в качестве подарка.

На всякий пожарный у меня в сейфе лежат кое-какие ювелирные вещицы. Мало ли, для чего могут понадобиться. Например: быстро выдать в качестве расходных средств порученцу, рассчитаться с киллером, оплатить услуги шпиона. Да и про революции тоже забывать нельзя, хотя я и делаю все возможное, чтобы выйти из них... ну, по крайней мере, не в дом Ипатьева. Вот из этой сокровищницы я и собираюсь выделить Димычу нечто, что сойдет за подарок германской принцессе.

– Ну уж нет, твое высочество! Подарок для твоей невесты я и сам догадался приготовить! – отвечает Димыч на мое предложение. – А вот ты, я вижу, совсем забыл, какой завтра день!

Я, чувствуя подвох, задумываюсь. Димыч, гад такой, откровенно ржет над моими потугами вспомнить.

– Совсем ты здесь одичал, твое благородие! – юродствует друг. – Святых для всего нашего Отечества праздников не помнишь?

Да кой же черт? Ну, не годовщина же еще не состоявшейся (боже упаси!) Великой Октябрьской социалистической революции или взятия Бастилии? Но Димка, вдоволь насладившись моими мучениями, наконец-то снисходит до объяснения.

– Восьмое марта завтра, дурила!

Епс! Ну, точно! Я хлопаю себя ладонью по лбу. Вот ведь склеротик! Но ведь по-настоящему праздновать «женский день» здесь еще не начали?¹⁸⁹

Димка стремительно выметывается из кабинета, оставив меня гадать: что, во имя всего святого, он удумал подарить? С учетом того, что он обитает в Нижнем... Хохлома? Нет, вряд ли. Майданская роспись? Еще хуже. Казаковская филигрань? Не думаю. Павловский металл? Чушь!..

Когда я в своих размышлениях добираюсь до городецкого золотого шитья, дверь в кабинет распахивается, и с видом триумфатора в нее вступает Рукавишников. За ним шествуют атаманец и стрелок, которые тащат здоровенный... здоровенный... в общем, больше всего к этому предмету подходит определение «сундук», хотя это не сундук. Нечто, напоминающее кофр или чемодан, но увеличенные раза в два.

– Ну и что это за штуковина? – интересуюсь я. В душе рождаются самые мрачные мысли: от колоссального набора косметики до переносного солярия включительно. – Чего это ты там у себя изобразил?..

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

Она сидела тихо, как мышка, слушая рассказ императрицы о ее детстве. Сегодня, когда Ники снова ушел заниматься делами, ее позвала к себе Мария Федоровна. Поговорив о разных пустяках, она вдруг попросила «маленькую девочку» быть мужественной. Услышанное сразило наповал: император Фридрих, ее отец, написал черновик рескрипта о лишении ее статуса и привилегий члена императорской семьи Германии. Она стояла молча,

¹⁸⁹ Цесаревич прав – впервые эта дата всплыла только в 1908 году, когда по призыву Нью-Йоркской социал-демократической женской организации состоялся митинг с лозунгами о равноправии женщин. В этот день более 15 000 женщин прошли маршем через весь город, требуя сокращения рабочего дня и равных условий оплаты с мужчинами.

оглушенная этой страшной вестью. Против ее воли по щекам катились слезы, плечи неудержимо вздрагивали. Императрица обняла ее и начала успокаивать так, словно это она, а не Ники, была ее родным детищем:

– Ну, девочка моя, ну, успокойся. Ведь это пока только черновик. – Тут она решительно тряхнула головой. – Мы должны ускорить вашу свадьбу. Нужно обогнать пруссаков. Я немедленно поговорю с *mon cher Alexander*, и мы сыграем вашу свадьбу до всяких там рескриптов...

Потом императрица стала рассказывать ей о своей непростой судьбе. Внезапная смерть жениха, а до того – страшная война, которая чуть не уничтожила Данию. Она не сразу поняла, что Мария Федоровна бранит ее отечество, но... Какое же это отечество, которое изгоняет свою дочь только за то, что та имела счастье полюбить?

Внезапно в покои вошла одна из камер-дам:

– Ваше императорское величество, ваше императорское высочество. Их императорское высочество, цесаревич Николай Александрович, испрашивают вашей аудиенции.

– Проси...

Ники был не один. Весте с ним вошел молодой человек, одетый по последней французской моде, а следом атаманец, с натугой тащивший какой-то непонятный громоздкий предмет из розового дерева, украшенный золотыми инкрустациями.

Ники поцеловал матери руку, пробормотав: «Извините, матушка», приобнял и поцеловал ее и открыл было уже рот, чтобы сказать что-то, как императрица сообщила последние новости. Ники хмыкнул:

– Да знаю я об этом, знаю. Граф Шувалов¹⁹⁰ сообщил. – Он поморщился, затем резко махнул рукой. – Ну и что? Мало того, что Вильгельм должен это подтвердить, чего он никогда не сделает, так этот рескрипт еще и в рейхстаге утверждать, а там дураков не держат. Прости, дорогая, – он обернулся к ней, – но твой отец этого лета не переживет. Неоперабельный рак. Так что любой депутат понимает: за подобную глупость отвечать придется перед Вилли, причем очень и очень скоро. Охота была из-за взбалмошной англичанки в Шпандау оказаться.

Он твердо прошелся по кабинету, затем еще раз резко взмахнул рукой:

– И вообще, я бы на месте этих ребят десять раз подумал: если мои парни смогли выкрасть принцессу, то какого-нибудь депутата – легко! А Сибирь, – он чуть прикрыл глаза, – Сибирь, она, моя любовь, больша-а-ая. Весь рейхстаг потеряется, и не найдет никто... Да и еще чего-нибудь придумать можно...

При этих словах его лицо приобрело хищное выражение. Она даже чуть испугалась, но мгновенно успокоилась. Ее Ники, сильный и умный Ники, сделает все так, как надо. А он уже вытаскивал вперед своего спутника:

– Матушка, Моретта. Позвольте мне представить вам моего старинного друга, господина Рукавишникова, Александра Михайловича.

Молодой человек изящно поклонился и отступил назад. Ники продолжил:

– Это князь Суворов нашей промышленности и один из талантливейших инженеров нашего времени. Владелец крупнейшего завода, создатель многих новых образцов вооружения, различных машин и механизмов. И вот теперь он привез вам, моя дорогая Моретта, подарок. Удивительный подарок...

Рукавишников подошел к непонятному предмету, открыл верхнюю крышку, вставил какой-то диск, нажал на что-то и...

В первый момент она не поверила тому, что услышала. Кабинет наполнился звуками скрипок и гитар, а потом грянул цыганский хор. Звучание было не слишком громким, но вполне ясным, уверенным.

¹⁹⁰ Шувалов Павел Андреевич (1830–1908), граф. В 1885–1894 гг. – посол России в Германской империи и Королевстве Пруссия.

– Что это? – изумленно спросила императрица.

– Это, ваше императорское величество, механизм для воспроизведения и записи звуков. Я назвал его «музыкальный центр». В нем изобретение американца Эдисона соединено с патентом соотечественника вашего императорского высочества, – поклон в сторону Моретты, – Эмиля Берлинера.

– Если вам, ваше императорское высочество, угодно будет записать голос, к примеру, его императорского высочества цесаревича, то нужно использовать вот эти восковые валики. Прошу вас! – он посторонился и пропустил Ники к аппарату.

Ники подошел к воронкообразной трубе и, подумав, запел ту самую «первую» песню:

Я безумно боюсь зноя яркого лета
Ваших светло-пшеничных волос.
Я влюблен в ваше тонкое имя – Моретта,
И в следы ваших слез, ваших слез.

Она дослушала до конца, а потом... Потом Ники отошел в сторону, Рукавишников повернул какой-то рычажок, и из рупора донеслась та же песня. Что-то шипело и потрескивало, но все равно – это был ЕГО голос!

От радости она захлопала в ладоши, а Рукавишников продолжал объяснять про валики, диски, которые он называл «пластинки», регулятор скорости и сменные иглы. Закончил он тем, что показал ей, как самой делать и воспроизводить записи, как переключать с пластинки на валик и обратно и как заводить этот аппарат. Даже императрица была поражена, когда услышала первую сделанную ею самой запись. Правда, она была коротенькой. Машина всего-то несколько раз повторила ее голосом: «Ники, я тебя люблю!» Атаманец понес «музыкальный центр» в ее покои, а Ники извинился и ушел, утачив с собой и Рукавишникова...

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

Да уж, может Димка удивлять! Соединить фонограф и граммофон в одном корпусе и назвать все это «музыкальным центром» – это надо уметь! А когда он рассказывал о конструкции своего аппарата! Мама моя, императрица! Кстати, она тоже здесь. И была откровенно поражена, когда я сдуру ляпнул, что Димыч – мой старинный друг. Небось и посейчас еще пытается вспомнить: когда это маленький Ники мог познакомиться с купчишкой...

Зато Моретта – в восторге. Еще бы: Димыч приплетает к создателям Берлинера и называет его соотечественником моей нареченной. Тут он откровенно грешит против истины. Во-первых, этот деятель был из Ганновера, а во-вторых – покинул родной «фатерлянд» в десятилетнем возрасте, но Моретта приятно краснеет от комплимента, и я с запозданием вспоминаю, что в XX – XXI веках Димка пользовался заслуженной славой донжуана и сердцееда. Да уж, мастерство не пропьешь!

Продemonстрировав все возможности «музыкального центра», мы удаляемся, чтобы подготовиться к приему у императора. По дороге я размышляю о том, что нужно предпринять, чтобы рескрипт «чокнутой метастазы» не увидел света. Можно, конечно... Машинально я взвешиваю в руке последнее Димкино подарение – пистолет-пулемет калибра 9 мм. Приятная такая игрушка, внешне напоминающая автоматический «маузер М711». С отъемным магазином на тридцать патронов. Только это оружие в отличие от «маузера» поухватистей и сбалансировано лучше. Эргономическая рукоятка из мамонтовой кости, мои вензеля на черненном стволе – класс!!! Назвали «Мушкетеном». Если постараться – будущий спецназ лет через пять такими стволами обеспечим. Дельно будет... А с Фридрихом... Не хотелось бы, но если припрет...

– Слушай, коммерсант! – толкаю я в бок друга. – А ты к приему у императора

подготовился?

– Ясно дело! – небрежно отмахивается Димыч. Уж что-то как-то он чересчур самоуверен. Ох, не к добру это... – Ты мне лучше вот что скажи, твое высочество, где обещанный Тесла? Ты же говорил, что еще полгода назад его за советскую власть сагитировал!

– Видишь ли, дружище, тут совершенно загадочная история получилась! – немного смущенно говорю я. – Мы же ему лабораторию спалили на фиг, чтобы у него и в мыслях не было от моего предложения отказываться. Он и не отказался – а что ему в Америке оставалось делать? Я ему еще денег на дорожку подкинул, чтобы он за океаном не задерживался. Так он чуть ли не на первый идущий в Англию корабль сел. Сесть-то он сел, а в Ливерпуле его каюта оказалась пустой! Пропал бесследно...

Димыч ошалело ждет продолжения рассказа. А что я могу добавить? Разве что...

– Васильчиков потом небольшое расследование проводил. Так очевидцы в один голос говорили, что во время пути через Атлантику Теслу в его каюте навещал некий господин, назвавшийся Абрамсоном. Стюард утверждает, что Абрамсон нанес инженеру четырнадцать визитов. Стюард уловил обрывки разговора – таинственный незнакомец уговаривал Теслу работать на него. Вот... Видимо, уговорил...

Димка начинает ржать, как безумный. Что его так рассмешило? Причем, пока мы шли к моему кабинету, он периодически взрывался приступами смеха.

– Понимаешь... – просипел Димка во время паузы между приступами, – это же как в анекдоте про мужика и холодильник... «Шеф, до Киевского довезешь?» А наутро ни мужика, ни холодильника... Епрст, уговорил!..

Я, вспомнив старый анекдот и переложив его на описанную ситуацию, тоже начал ржать. Действительно – идущий через Атлантику корабль и человек, который упорно старается уговорить другого сойти... В кабинете нас уже ждал генерал-адмирал.

– Надеюсь, что анекдот был приличный? – с интересом спросил Алексей.

– Да, блин... – давясь смехом, роняю я.

Алексей заинтересованно поворачивается ко мне, ожидая продолжения. Но я уже замолкаю. И молчу, пока не усаживаюсь на свое место.

– Слышь, коммерсант! Кончай ухихикиваться, давай-ка лучше кратенько расскажи нам, чем думаешь поразить императора! – Я пытаюсь переключить друга на деловой настрой.

– Значится так... – утерев платочком выступившие от смеха слезы, начал Димыч, – в позапрошлом году мы перехватили крупный заказ на строительство двухсоттонных нефтяных танков¹⁹¹ для компании братьев Нобилей. Перехватили исключительно благодаря дешевизне и скорости постройки. И то и другое достигалось за счет сварки из штампованных стальных листов. Сейчас-то подобные танки на заклепках делают, а формуют листы паровыми молотами на глазок. Помнится – повозиться там пришлось изрядно, но в конце концов мы справились, хотя и вышли из проектной сметы и цены. Первый блин, как ему и полагается, вышел комом. Практически сработали в ноль. Но! Достигли главного – потренировались! А потом я, на паях с Альфонсом Зевеке¹⁹², создал новую пароходную компанию. Назвали «ВодоходЪ». Очень уж мне захотелось отработать сварку более крупных объектов из листовой стали. А что может быть лучше, чем тренироваться на небольших судах? А у Зевеке как раз проект грузопассажирского парохода новой конструкции был готов, но средств на строительство не хватало – тремя годами ранее он целый флот построил!¹⁹³ А тут я... В общем, сконсолидировались.

¹⁹¹ Имеется в виду не боевая машина, а резервуар.

¹⁹² Зевеке Альфонс Александрович (1822–1887) – владелец пароходной компании, инноватор в области речного судоходства.

¹⁹³ В начале 80-х годов XIX века, когда волжское судоходство страдало от периодически повторяющихся

– Ну и к чему ты клонишь? – немного раздраженно спросил Алексей. – Меня, конечно, радуют твои успехи на ниве свободного предпринимательства...

Димыч кликнул своего казачка-изобретателя, и тот притащил огромную картонную папку, раза в четыре больше стандартной канцелярской. В папке лежали чертежи и цветные эскизы кораблей.

– Интересно, – только и сказал адмирал, углубляясь в изучение. Я последовал его примеру.

– Очень интересно, – повторил Алексей через десять минут, – а по здешним временам так и весьма новаторски! Обводы корпуса достаточно прогрессивные... Бульбы... Винты вместо колес... Система водонепроницаемых отсеков практически макаровская... очумеют твои пассажиры, все-таки не тральщик делаешь... Неужели это Зевеке твой придумал?

– Совместное творчество! – скромно потупился Димыч.

– Заметно. Двойного дна не вижу, а это очень плохо. Так, и что у нас здесь представлено? Пассажирский пароход – две штуки; три баржи, судя по надстройкам и торчащим трубам – самоходные, – резюмировал адмирал. – Так что ты там говорил насчет спуска на воду?

– Пароходы уже спущены и к навигации этого года будут окончательно доделаны. Назвали «Варвар» и «Вандал». Почему их два? Тот, который побольше – «Варвар», – грузопассажирский. Длина 60 метров, ширина 11, максимальная осадка 1,2 метра. Водоизмещение полное – 980 тонн. Скорость экономического хода всего шесть узлов, но пароход-то не гоночный. Зато берет на борт почти 400 пассажиров и 380 тонн груза. Напротив – тот, который поменьше, «Вандал», его длина 41 метр, ширина 7, а осадка 0,7 метра, имеет максимальную скорость шестнадцать узлов. Но при этом его полная загрузка всего 140 человек при 20 тоннах багажа. Этакий аналог «Конкорда»¹⁹⁴ – дорого, а салоны тут только первого и второго классов, но зато очень быстро.

– Шестнадцать узлов? Что-то больно круто для речного парохода! Неужели ты на него турбины успел воткнуть? – удивился князь.

– К моему великому сожалению, нет! Не успел! – ответил Димыч. – А вот водотрубные котлы треугольного типа на жидком топливе и машины тройного расширения – нам вполне по силам! Правда, на грузопассажирском пароходе и баржах мы поставили более экономичные и простые в эксплуатации цилиндрические котлы. Но и они работают на мазуте.

– Танкеров надо ровно столько же, сколько пароходов. Будут ходить парами, пока береговую инфраструктуру не разовьешь, – перебил Алексей. – На хера козе баян, если в наличии только угольные станции на берегах? Экономический абсурд. Выигрываем копейку на кочегарах, но вкладываем рубль в капиталку, перед открытием любого нового маршрута.

Рукавишников вытаращился на генерал-адмирала:

– Какие угольные станции?! Пароходы по Волге уже который год на нефти ходят!¹⁹⁵

– Упс... Ну... извини... – развел руками адмирал. – Не знал!

– А почему барж три? – подаю голос я.

приступов обмеления реки, А. А. Зевеке внедрил на Волге новый тип пароходов. Это были распространенные на Амазонке плоскодонные деревянные суда с двигательными колесами, располагавшимися не по бокам, а за кормой (чтобы устранить трение воды о борта). В период 1882–1885 годов было построено четыре судна: «Амазонка», «Алабама», «Аллегани», «Магдалена». Всего в серии было 8 судов такого типа.

¹⁹⁴ Имеется в виду сверхзвуковой пассажирский самолет «Конкорд».

¹⁹⁵ В реальной истории уже в 1884–1886 годах на нефтяное отопление с дровяного и угольного было переведено большинство волжских пароходов, включая буксиры, сухогрузные и наливные суда. Этот шаг был подготовлен деятельностью фирмы «Братья Нобель», оборудовавшей нефтехранилища во всех мало-мальски значимых портах.

– Та, которая самая большая – танкер класса «река – море», назвали «Викинг», в честь «Jahre Viking»¹⁹⁶. Правда, размеры более скромные, нежели у тезки, – длина 68 метров, ширина 14, максимальная осадка 1,4 метра. Я на нем собираюсь нефть из Баку возить, когда Горегляд, наконец, НПЗ запустит. Две баржи поменьше – чисто речные. Длина 48, ширина 9, осадка 1,7. Балкер назвали без изысков «Волга», а сухогруз – «Дон». Как я уже говорил, на всех стоят экономичные цилиндрические котлы. Баржи пока не достроены, но думаю, что к маю управимся.

– А чего ты про это молчал, когда я тебя зимой инспектировал? – удивился князь.

– Да ты так расстроился из-за отсутствия пушек и приборов, что до этих проектов дело так и не дошло! – объяснил Димыч. – К тому же... ну что для тебя может быть полезного в речных пароходах и баржах?

– Почти тысяча тонн – это чуть ли не легкий крейсер, по нынешним временам! – воскликнул я.

– Развею вашу дремучесть, сапоги! – подозрительно ласковым голосом начал адмирал. – Крейсер – не баржа. Строительство баттлшипа подразумевает под собой слаженную работу десятка смежных предприятий. Вы думаете, что корпуса клиперов пятнадцать лет назад дольше делали? Примерно те же сроки, что и сейчас, и без всякой сварки. А потом в течение 3–4 лет устанавливали броню, машины, вооружение, оборудование...

– Не понял, Серег... – вскинулся Рукавишников. – Кто здесь говорил только про корпус? Основную задачу я поставил такую: отработать технологию постоянно действующего стапеля, используя плазово-шаблонный метод, модульные конструкции и сварочные автоматы, быстро собирать корпус и надстройки, сразу устанавливать машину, дейдвудные валы и винты, размещать вспомогательное оборудование.

– А сроки? – Всем своим видом адмирал выражал недоверие.

– Гм... сроки... К сожалению, переделка проекта под новые материалы и оборудование немного затянулась, – подмигнул Рукавишников. – Мало того, что корпус должен был быть сварной, так еще и вместо колеса – винты. И новые машины... Да и остнастку зевековских верфей мы кардинально меняли. Так что первые суда в серии мы заложили только в ноябре 1886 года. А спустили на воду... в августе 1887-го...

– Пароход за девять месяцев? – недоверчиво спросил я. – Ну, спустили... Небось до сих пор достраиваете?

– А вот ни хрена! – гордо сказал Димыч. – Пароходы до самого конца навигации на ходовых испытаниях были! А зимой, пока они на приколе стояли, мы внутренней отделкой жилых помещений занимались! Причем это только с первыми в серии мы так долго провозились, а в принципе сроки строительства около полугода.

– Технология строительства, при которой тысячетонные кораблики можно печь как горячие пирожки – по паре штук в год? – восхитился я. – Ты что, и правда не понимаешь, что ты сделал, гений недоделанный?

– То, что вы отработали технологию быстрого строительства достаточно крупных пассажирских и грузовых судов, это хорошо! – кивнул князь. – Но повторюсь: боевой корабль – совершенно другое дело! Другой корпус, другое оборудование, другая машина! А вооружение? Да у меня до сих пор нет нормального проекта механизации башни! Матросики пятипудовые снаряды на руках к орудиям выносят. А приборы управления огнем? А торпеды? Что я тебе в январе говорил? Где проекты?

– Работаем... – разводит руками Димыч. – Не все же сразу! Встречный вопрос: где обещанные тобой конструкторы?

– Так ведь я еще отчета комиссии МТК не получил! На основании чего я тебе

¹⁹⁶ «Jahre Viking» – самое крупное судно в мире. Дедвейт: 564 763 тонны, длина 466 метров, ширина 70 метров.

конструкторов пришлю? Они не мои рабы, чтобы я мог только своей властью послать их куда захочу!

– Комиссия твоя до сих пор на заводе околачивается! Второй месяц! Я задолбался им условия труда обеспечивать – восемь лучших номеров в заводской гостинице дал, чтобы через половину Нижнего каждый день не ездить. Да кормлю их всех за свой счет, бездельников! И сопровождающих из числа инженеров каждый день предоставляю, отвлекая людей от основной работы.

– Ничего, не обеднеешь – все тебе на пользу пойдет! – хмыкает адмирал. – Ты мне вот что скажи: что ты еще от меня утаил?

– Что значит «утаил»? – опешил Димыч. – Ничего я от тебя не утаивал! Сам ведь тогда слушать не захотел! Ну вот... еще катера есть! Скоростные!

– Скоростные катера?! Дай-ка угадаю – небось поставил свои ДВС на легкую лоханку? И радуешься так, словно сделал аналог «Шнельбота» с торпедами «Лонг Лэнс»!¹⁹⁷ – издевательским тоном сказал Алексей. – Да твоя скорлупа только в качестве разъездного катера и годится! По спокойной акватории белым днем рассекать!

– Млять, тебе что не сделай – все похер! – не выдержал Димка. – Один ты тут к войне готовишься, флотоводец великий, а мы, млять, сбоку припека! Сидим, млять, хером груши околачиваем! Я уж и не знаю, что тебя может удовлетворить – «Бисмарк» с «Ямато» тебе построить или уж сразу «Нимитц» с полным авиакрылом?!!

– А ну-ка, брейк, каррячие парррри! – Я поспешил вмешаться, пока друзья не передрались. – Серега, не перегибай палку! Если то, что создал Димыч, не подходит тебе для войны с Японией или вообще не имеет военного значения, это еще не значит, что все его творения – ерунда! Наверняка ведь это прорыв в своих областях?

– В общем... да... – остывая, признался адмирал. – Катер с ДВС по сегодняшнему времени – супервундервафля. Может, паровые катера и берут пока больше людей и грузов, да и бегают со сходными скоростями, но... Чем хорош бензиновый движок? Его не надо полчаса раскошегаривать – сел, завел и поехал... Ладно, Димыч, извини! Мир?

– Мир! – Друзья обменялись рукопожатием.

– Однако, честно говоря, все, что ты сейчас показал и рассказал, – вряд ли произведет впечатление на императора! – огорчил Алексей. – Надо найти более веские доводы в пользу твоего назначения на должность начальника госверфей! Давайте подумаем вместе!

– Ну, а паровая турбина сможет произвести впечатление на императора? – нарочито небрежным тоном спросил Димыч.

– Что ты сказал?! – дуэтом выпалили мы с адмиралом, подумав, что ослышались.

– Я. Построил. Паровую турбину! – отчетливо, как для плохослышащих, отдельно повторил Димка.

– Как?! – спросил адмирал.

А я одновременно с ним выпалил:

– Когда?!

– Как? «Вспомнил»! Ведь я перед вселением готовился – набивал память сведениями технического характера! – пояснил Рукавишников. – Когда? В конце января начали делать в металле. Первый запуск через месяц.

– Непременно приеду и посмотрю на испытания! – не удержался я.

– Зелень подкильная, якорь тебе в... одно место! И что же ты, гад такой, молчал? Может быть, ты уже втихаря самонаводящиеся торпеды сделал и «ПКР»?¹⁹⁸ А, Димк? – рассмеялся адмирал. – Или атомные подлодки в двадцать тысяч тонн водоизмещением?

¹⁹⁷ «Шнельбот» – S-Boot (Schnell Boot), немецкий торпедный катер. «Лонг Лэнс» – Long Lance (Длинное копье), японская торпеда Тип 93. Катер и торпеда считаются лучшими в период ВМВ.

¹⁹⁸ Противокорабельная ракета.

Рассказывает Сергей Платов (великий князь Алексей Александрович)

Из кабинета цесаревича мы втроем направляемся к Александру III. Разумеется, нас сопровождают телохранители made by Tarugin. Вот странно: Олег оказался не только неплохим полевым офицером и приемлемым государственным деятелем, но и активно проявляет черты харизматического лидера. Казалось бы: у гвардейских полков есть свои командиры, их шефы зачастую члены правящего дома, а вот поди ж ты! Любой из этих «верных» полков, не исключая офицеров и командиров, готов умереть за этого мальчишку в атаманском мундире.

Так что сейчас за нами бодро топают человек десять в разнообразных мундирах. Впрочем, «топают» – слово неподходящее. Они двигаются так, словно пребывают в разведке в тылу врага. Пожалуй, Ники все же перегнул палку, натаскивая своих бодигардов на защиту бесценной особы наследника престола российского. Не стоит вести себя настолько открыто...

Но к делу. Вот и «апартаменты» Александра III, императора и самодержца всероссийского. Лейб-конвойцы вытягиваются при нашем приближении, адъютант вскакивает, точно на пружинках. Таругин кивает:

– Доложите императору, что цесаревич, генерал-адмирал и господин Рукавишников ожидают его аудиенции.

Адъютант козыряет и исчезает за дверью. Однако неужели и я, прожив здесь два-три года, приобрету замашки «спокойного XIX века»? Но Таругин-то, Таругин! Ведь не «испрашивает» аудиенции, как положено всем, включая меня, а «ожидает»! И ведь глазом не моргнет, стервец!..

Через секунду двери распахиваются. Адъютант замирает восковой фигурой. Ну, с Богом...

Александр III громоздится утесом посередине своего кабинета. Лицо, точно высеченное из гранита, абсолютно бесстрастно. Честно говоря, я всегда немного мандражирую, встречаясь со своим «царственным братом». Больно уж он непредсказуем...

Меж тем Таругин бестрепетно делает три шага вперед и, чуть повернувшись, указывает на Политова-Рукавишникова:

– Вот, батюшка, рекомендую: купец первой гильдии Рукавишников Александр Михайлович. Тот самый человек, которого мы вам с дядюшкой рекомендовали.

Что это? Мне показалось, или в самом деле по лицу императора скользнула тень недовольства? Едва уловимая, но все же...

Неожиданно из-за спины гиганта-императора появляется Победоносцев. Мягким голосом, напоминающим мурлыканье кота, он обращается к Ники-Таругину:

– Ваше императорское высочество. Позвольте мне отвлечь вас от ваших дел. Мне бы очень хотелось обсудить с вами некоторые аспекты предложенной вами миссионерской программы для Великого княжества Финляндского. У меня появились предложения, которые, возможно, вас заинтересуют. Тем более, – хитрый прищур кота, дорвавшегося до сметаны, – я смею предположить, что по данному вопросу вы уже привели вашему царственному отцу все аргументы, которые должны повлиять на его решение.

– Верно, Колька, – басит Александр number three, – ступай-ка, займись с Константином Сергеевичем. Эти дела не менее важны.

Олег разводит руками, всем своим видом показывая, что, мол, «против лома нет приема». А ведь это хреново! Тяжелая артиллерия в лице наследника престола покидает поле еще не начавшегося боя. Таругин пропускает Победоносцева вперед, и уже за его спиной со скорбно-шутовской гримасой «делает нам ручкой». Внезапно его рука сжимается в кулак. «Рот Фронт!» В смысле: «Держитесь, парни!» Блин, попробуем...

После ухода Николая свет Александровича самодержец всероссийский долго молчит, разглядывая Димку, точно некий курьез. Мы тоже молчим. Пауза затягивается...

– Ну, нижегородец, ухарь-купец, – голос императора не предвещает ничего хорошего, – рассказывай: что ж ты такого великого сделал, что за тебя великие князья и цесаревич хлопочут?

Политов кратко излагает свою биографию. Эдакое резюме. Внимания ничем не заостряет, своих заслуг не выпячивает, но все вместе звучит весьма и весьма солидно.

– Обратите внимание, ваше императорское величество, – вставляю я, – Рукавишников разработал и осуществил программу скоростного кораблестроения, пусть и речного. Используя его методы и технологии, можно значительно повысить темпы строительства боевых кораблей...

Александр делает рукой в мою сторону жест, который не допускает двойного толкования: «Заткнись!» Затем он поворачивается к Рукавишникову:

– Значит, нижегородец, ты пока только пару волжских пароходов слепил? И теперь полагаешь, что можешь для державы нашей броненосцы и крейсера строить? А не слишком ли ты дерзок, купчина?

Вот так! Похоже, что дальше разговор продолжать бессмысленно. Интересно, а ведь император ведет себя так, словно уже заранее все для себя решил. А почему? Ведь еще несколько дней назад Александр вроде был не то что не против, но как-то безразличен к идее назначения Димыча на должность управляющего казенными верфями. Николай-Таругин его здорово накачал. Кто ж это тебя переубедил, царь-батюшка?

Александр меж тем продолжает:

– Не знаю, чем ты цесаревича прельстил, но вот об этом субъекте, – взмах рукой в направлении меня, – меня просветили!

И уже в мою сторону:

– Ты что ж творишь, Alexis? Ну, собутыльник он твой, ну, дела какие-то вместе крутите! Но верфи-то казенные какому-то купчишке нижегородскому, корабелу макарьевскому? Вы с Павлом руки на этом нагреть решили?!

Та-ак. В таком состоянии я ему ничего не докажу и не объясню. Как бы еще сейчас Димычу не перелетело вот так, за здорово живешь. Да еще и по самое по не могу...

Император тем временем продолжает рычать:

– Так что ступай и протеже своего забирай. Нечего тебе тут делать!

Вот и все. Приехали. Интересно, сможет наш бравый цесаревич исправить это? Ну, «племянничек», готовься! Завтра же начнем подготовку ко второй части «марлезонского балета»!

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

На следующий день Димыч врывается ко мне со словами:

– Слюшай, Гиви Иванович! Совсэм тэбя этот ГАИ не уважает! И машину отобрал, и права...

Цитата из «Мимино», сказанная в этом времени и в этом месте, да еще и с «кавказским» акцентом, производит на меня оглушающее впечатление – я начинаю ржать, как сумасшедший.

– Епрст, Димыч, ты что там, перетрудился на ниве развития отечественной промышленности? Какое «ГАИ»? Какие «права»? Какая машина?

– То есть как это «какая машина»? – Шутки кончились – в Димкином голосе звучит неподдельная обида. – Три моих «Жигуля» и две «Самары»...

– Какие «Жигули»? – Я перестаю смеяться. И заботливо спрашиваю: – Ты как, вообще... себя чувствуешь? Нормально?

Секунду Димка ошарашенно молчит, а потом в свою очередь начинает хохотать, да так, что я уже почти окончательно уверяюсь в своем первоначальном диагнозе. Но, отсмеявшись, он сообщает, что привез в Питер пять автомобилей – ровно половину мирового автопарка. Три легковушки, которые он окрестил «Жигулями», и два полуторатонных грузовичка –

«Самары». Хм... Я ведь видел зимой в Стальграде автомобили, но названия брендов, видимо, пропустил мимо ушей. Легковушки предназначены в подарок мне, Алексею и Павлу, как Димка и предлагал в январе на общей встрече. А в грузовиках лежат пулеметы и оборудование для их показа. Сегодня утром Димыч решил перегнать автомобили с Николаевского вокзала к Зимнему дворцу. И не выбрал другого маршрута, кроме Невского проспекта. Этим автопробегом мой друг решил добиться максимального рекламного эффекта, но возникли непредвиденные трудности. Во-первых, разогнаться до приемлемой скорости, позволяющей привлечь внимание пребывающей на проспекте публики, так и не удалось – мешали многочисленные конные экипажи. Приходилось тащиться со скоростью 15–20 километров в час. А во-вторых, движение автомобилей попытались остановить не в меру бдительные городовые. Что уж они там себе вообразили – один Бог ведает, но последние двести метров Димыч проехал под аккомпанемент полицейских свистков. А как только машины остановились у дворца, их тут же догнали и начали окружать запыхавшиеся блюстители порядка. Димка еле-еле успел сбежать ко мне за подмогой.

Ровно через двенадцать минут мы вызволяем из рук бдительных городских автомобилей и участников автопробега Николаевский вокзал – Зимний дворец. Полицейские, смущенные появлением цесаревича в сопровождении невесты, дюжины офицеров гвардии и конвоя из атаманцев, путано объясняют, что они, узрев экипажи без лошадей, движущиеся в сторону дворца, в простоте душевной представили себе нападение новых террористов-бомбистов и дружно бросились на перехват. К счастью, все разрешается благополучно, и, рыкнув на прощание доблестным охранам воинам нечто одобрительно-грозное, я разворачиваюсь к самобеглым коляскам. Н-да... тут есть на что посмотреть!

Эти автомобили чисто внешне весьма значительно отличаются от тех, что я видел на заводском полигоне. Там, по сути, были рамы с шасси и двигателем, без всякого намека на удобства. Два брезентовых сиденья да тент из парусины, натянутый на каркас из стальных труб. А здесь...

Дизайн кузова легковушек действительно немного напоминает «уазик» с цельнометаллической крышей. Хотя есть в нем что-то и от «крузака», и от «Геленвагена». Этаким здоровенный драндулет, размером с небольшой сарай. В общем и целом машины производят весьма внушительное впечатление. Цвет, как и обещано, черный. Кузовные детали безупречно подогнаны друг к другу. Ручки дверей изящно выгнуты. Большие лобовые стекла сверкают на весеннем солнышке. На капотах красуются фигурки «бегущих» оленей. Прямо как на 21-й «Волге». И похоже, что Димыч решил не мелочиться – фигурки серебряные. На решетках радиатора (посеребренных) большие (опять-таки серебряные) шильдики с выполненной изящным рондо надписью «Жигули». На передних дверцах, сияя огромными (в половину ладони) накладными буквами (догадайтесь с трех раз, из какого металла!), красуется выполненная «полуустановом» надпись «Заводь братьев Рукавишниковых». Вот так! Знай наших! Если мы с Алексеем и Павлом начнем рассекать в этих экипажах по городу (а мы начнем – куда денемся!), у Димыча просто отбою не будет от заказчиков. А поскольку изделия эти эксклюзивные, то цены за них можно драть любые!

Диски колес стальные, штампованные, но прикрыты вычурными декоративными колпаками, имитирующими спицы. Естественно, что и колпаки покрыты все тем же благородным металлом. Широкие покрышки, естественно, пневматические, с ярко выраженными грунтозацепами. Вариант «офф роад»? Ну-ну... Хотя зимой на полигоне мы на таких же шинах довольно бодро рассекали по неглубокому снегу.

Я открываю дверцу и заглядываю в салон. Здесь царство кожи и полированного дерева. Сиденья далеки от эргономических – с прямыми, как у стульев, спинками, но зато обтянуты мягкой лайкой¹⁹⁹. Причем я замечаю, что общий стиль салона отличается от лимузинного.

¹⁹⁹ Тонкая, очень мягкая, дорогая кожа с мелким рельефным рисунком. Обычно используется при изготовлении перчаток.

Никакого отдельного отсека для пассажиров, никаких перегородок. Расчет на то, что владелец сам будет сидеть за рулем? Мимо меня пытается протиснуться любопытное личико Моретты.

– А что это такое? – Невеста бесцеремонно тыкает изящным пальчиком в рулевое колесо.

– Это, ваше императорское высочество, руль! – поясняет Димка, открывший дверцу с противоположной стороны.

– Руль? – Моретта забавно морщит лобик, пытаясь понять смысл неизвестного русского слова.

– Это, дорогая, штурвал – устройство для управления движением этого экипажа! – перевожу я, и Моретта важно кивает.

– Прошу вас, господа, садитесь, оцените удобство! – разливается соловьем Димыч.

Я распахиваю перед Мореттой заднюю дверь. Моя невеста неловко залезает в салон и некоторое время возится на диване, расправляя пышную юбку. Наконец, устроившись с комфортом (в отличие от «уазика» салон чрезвычайно просторен), Моретта удовлетворенно откидывается на спинку сиденья и недоуменно оглядывает внутренность автомобиля. Мол, ну и что здесь интересного? Ездили мы в каретах и с более богатой отделкой! Эх, дорогая, ну и удивишься ты сейчас, когда эта «каре́та» поедет без лошадей!

Я сажусь за руль, рядом усаживается Димыч. Оглядываю приборную панель. Приборы в изящных ободках (ясно дело, серебряных!) стандартны – спидометр, тахометр, указатель уровня топлива, температуры охлаждающей жидкости и зарядки аккумулятора. Судя по разметке шкал, этот «жигуль» может разогнаться до 80 километров в час, а движок выдает 6000 оборотов. В реальности оба параметра можно смело делить на два. Ну, Димка и выпендрежник! Впрочем, это хороший рекламный ход.

На отделанной полированным красным деревом «торпедой» – небольшая икона. Димка, перехватив мой удивленный взгляд, весело поясняет:

– Это для замены подушки безопасности!

Шутник, блин! Лучше бы объяснил, как этой штукой управлять!

– Александр Михалыч, а насколько сильно управление отличается от того, что я видел зимой?

Димыч бросает на меня быстрый взгляд и моментально реагирует:

– Почти то же самое, ваше императорское высочество. Но есть одно существенное отличие – мы довели до ума синхронизатор КПП. Зимой, когда вы изволили испытать сей агрегат, этого еще не было. И потому теперь передачи переключаются за один прием. И самих передач стало больше – три вперед и одна назад.

Ага. На той машинке, что досталась мне в Стальграде, задней передачи не было, а передних было только две. А уж переключение в три приема трудно назвать удобным. Молодцы, довели коробку передач до ума.

– Доверишь? – Руки буквально зудят – так охота прокатиться.

– А справитесь, ваше императорское высочество? – ерничает Димка. – Все-таки центр города! Здесь много гуляющей публики, а «кенгурятник» я поставить не догадался!

Я исподтишка показываю расшалившемуся другу кулак. Димка, донельзя довольный произведенным эффектом, широко улыбается.

– Чего ты лыбишься? Ключи давай! – требую я и через секунду слушаю раскаты громового купеческого хохота. Блин, ох и дурень я! Какие еще ключи на заре автопрома?!

Ошарашенная нашим непонятным поведением Моретта начинает елозить на заднем сиденье. Димка запоздало спохватывается и начинает рассыпаться перед моей невестой в извинениях. Моретта тактично прощает его, уверенная в душе, что все русские купцы – хамы и невежды. Наконец Димка показывает мне кнопку включения стартера, я от души жму на нее, мотор взрывается так, что окружившие машину любопытные офицеры испуганно отскакивают. Шелихов осеняет себя крестным знаменем, а Махаев начинает судорожно лапать кобуру с револьвером.

Я, пытаюсь перекрыть шум двигателя, приказываю освободить проезд и вообще, в целях самосохранения, отойти от машины на безопасное расстояние. Шелихов и Махаев пытаются оспорить последний приказ, мотивируя: куда ты, государь, туда и мы. Но в машине просто нет больше посадочных мест. Номинально считается – их в машине пять. Однако при расчете была упущена возможность присутствия в салоне современно одетой женщины. Моретта стойко оккупирует заднее сиденье, не оставляя посторонним даже малейшего плацдарма. Господа офицеры, поняв тщетность своих усилий, обиженно отступают.

Аккуратно, по миллиметру, я отпускаю педаль сцепления, стараясь одновременно прибавить газу. Н-да... А навыки управления автомобилем основательно забыты. Тронуться с первой попытки мне не удастся – машина дергается и глохнет. Краем глаза вижу в зеркальце заднего вида испуганное лицо Моретты, но все равно повторяю попытку. Блин, опять неудачно!

– Мягче, мягче, Олегыч, – шепчет мне в ухо Димка. – Не торопись!

Наконец мне удается тронуть «Жигули» с места. Ф-фу-у-у-у-у! Врубаю вторую передачу и... чуть не сшибаю каких-то зевак, сунувшихся точно под колеса. Ударить по тормозам удастся в последний момент. А хорошие тормоза у этой тачки! Автомобиль сильно «клюет» носом и останавливается как вкопанный. Димку бросает носом на лобовое стекло, а Моретта буквально влетает между передними сиденьями.

– Дорогая, ты как? Не ушиблась?

– Нет, – а голосок-то дрожит! Напугалась, но старается не показывать виду.

– Ты уверена, что хочешь остаться? – на всякий случай уточняю я.

– Остаться? – в ее голосе страх перемешивается с сомнением, но гордость побеждает. – Конечно же, я остаюсь! Мы поедем вместе, любимый!

Я вылезая из авто и приказываю своим офицерам упорядочить тусующуюся по Дворцовой площади публику. Атаманцы бросаются на зевак, как овчарки на отару овец. В считанные секунды посреди густой толпы проложен широкий коридор.

Ну, что же... Попытка номер... э-э-э... неважно. Я плавно трогаюсь, втыкаю вторую, с силой жму педаль акселератора. Мотор радостно рычит. «Жигуль» резво прибавляет скорость. Сочный разгон до третьей, переключение передачи и... я едва успеваю вписаться в арку Генштаба. Народ шарахается с дороги, многие крестятся. Распугивая конные экипажи светом мощных фар, отлично видимым при пасмурной погоде, мы с ревом (неужели Димыч не удосужился поставить на свое произведение глушитель?) несемся по Невскому проспекту. А ведь хорошо идем! Краем глаза гляжу на спидометр. Ого! Почти сорок км/ч, если прибор не врет! Лихо! К нашему счастью, проспект два года назад покрыли новомодным асфальтом, взамен брусчатки. Но гонять на такой скорости по городу, запруженному гужевым транспортом, – чистое самоубийство, и я отпускаю утопленную педаль акселератора. Эх, не догадался Димка сюда какой-нибудь свето-звуковой сигнал поставить, чтобы возницы меня издали слышали и видели и своевременно «лыжную» освобождали. Блин, помнится, Шенк тогда насчет мигалки пошутил! И ведь как в воду глядел! Без этого приспособления здесь никак! Что еще раз доказывает – старших нужно слушаться, даже если кажется, что они сошли с ума...

Дорогу тачка держит вполне прилично, и я постепенно успокаиваюсь. Смотрю на Димку – он радостно улыбается. Смотрю на Моретту – она в шоке. Ничего, милая, это еще что! Вот выскочим на досуге за город – там я тебе и не такое покажу. Путь до Николаевского занимает считанные минуты. Там мы лихо поворачиваем назад, выполнив на унавоженном мокром снегу классический «полицейский» разворот. Моретта не выдерживает и громко визжит. Сообразив, что таким макаром невеста может не дожить до свадьбы, я совсем сбрасываю скорость, и к Зимнему дворцу мы «крадемся» на смешных 20 километрах в час.

Но, проезжая арку Генерального штаба в обратном направлении, я снова прибавляю газку, и мы влетаем на Дворцовую площадь, словно маленький ураган, обдавая продолжавших дисциплинированно удерживать в толпе «коридор» атаманцев мокрым

снегом и грязью. С видом записного пилота «Формулы-1» я покидаю автомобиль и тут же оказываюсь в окружении офицеров «ближнего круга». По их лицам можно понять: они несказанно рады тому, что поездка на «шайтан-арбе» наконец-то закончилась. Только тут замечаю, что я совершенно мокрый от пота. Ничего себе прогулочка вышла. Димка, гатт такой, опять ехидно улыбается. А как там моя ненаглядная? Неужели в обмороке? Уф, слава богу, нет!!! Ее с непривычки укачало, да и страху натерпелась. Выношу свою невесту из автомобиля на руках и несу так до самых апартаментов. Там, подав ей флакон с ароматической солью, я оставляю Моретту на попечение фрейлин и возвращаюсь на площадь.

Количество народа за время моего краткого отсутствия прибавилось втрое. К тому же на шум стягивается дворцовая охрана и, наконец, в сопровождении великого князя Владимира Александровича, появляется сам *pará* – государь-император.

– Так и знал, Колька, что без тебя тут не обошлось! – добродушно басит Александр и добавляет, поворачиваясь к Димке: – И ты здесь, купчина? Что за шум вы устроили?

– А вот, *pará*, извольте посмотреть, – я жестом экскурсовода показываю на автомобили, – господин Рукавишников имеет честь демонстрировать нам наисовременнейшую техническую новинку – самобеглые коляски!

– Локомобиль, что ли? – Александр осторожно приглядывается к чуду техники. – Ты, Колька, уж совсем темным меня не считай – я на эти самобеглые повозки еще во время последней войны²⁰⁰ насмотрелся!

– Э нет, *pará*, это не паровые мобили, а с двигателями внутреннего сгорания! – уточняю я, а Димка вдруг распахивает перед императором переднюю правую дверцу своего авто:

– Не желаете ли опробовать на ходу, ваше императорское величество?

Александр хмуро покосился на наглого купчишку, потом глянул на меня.

– А ведь и верно, *pará*, давайте прокатимся! Дядюшка! – это уже Владимиру. – Соглашайтесь!

Владимир Александрович не заставляет себя долго ждать и бодро лезет в салон. Рядом с ним садится Димка. Я снова сажусь за руль. Александру ничего не остается, как присоединиться к нам. Кряхтя, император залезает на переднее сиденье. К счастью, внутреннее пространство наших «Жигулей» гораздо больше, чем у «родных». Александр, со своим гигантским ростом, без труда размещает ноги и откидывается на спинку. Кресло даже не пискнуло! Да уж – сделано на совесть! Уже порядком освоившись с управлением, я лихо рву с места и быстро разгоняюсь. Стрелка спидометра неудержимо ползет по шкале. Тридцать, тридцать пять, сорок... Лицо императора постепенно начинает менять выражение. Ну еще бы! Так быстро сейчас могут передвигаться только поезда. Но ощущение движения в вагоне и в автомобиле совершенно разные! Относительно небольшой размер нашего экипажа и близость несущейся мимо со «страшной» скоростью земли дают незабываемые впечатления.

Мы снова лихо разворачиваемся у вокзала. Император охает и загибает матерную конструкцию в три этажа. Владимир радостно ржет. Димка снова улыбается, как довольный котяра. Обратный путь мы проезжаем даже быстрее – разогнанные предыдущими проездами нашего «пепелаца» конные экипажи уже не рискуют занимать середину проспекта. При въезде на Дворцовую площадь мы буквально лоб в лоб сходимся с небольшой конной группой. Это охрана Александра бросилась вдогон своему императору. Я машинально бью ладонью по ступице руля. И, о чудо, Димыч все-таки догадался установить звуковой сигнал! Кони шарахаются в стороны. Кто-то из всадников вылетает из седла. Н-да, ребята, это ж надо было догадаться – преследовать автомобиль на лошадях! Я притормаживаю и внимательно

²⁰⁰ Имеется в виду Русско-турецкая война (1877–1878). Во время нее в русских войсках использовалось несколько локомобилей.

смотрю на пострадавшего. Вроде бы все обошлось – он быстро встает. Вот и славно!

Плавню остановившись у подъезда, я глушу движок и поворачиваюсь к Александру. Его состояние сходно с состоянием Моретты пятнадцатью минутами ранее.

– А теперь представьте, *pará*, что такие автомобили будут состоять на вооружении нашей армии! – начинаю я. – Несколько сотен таких экипажей могут полностью изменить условия ведения войны! А если еще установить броню, да пару пулеметов...

– Это... Это – страшно! – наконец выговаривает Александр, доставая из кармана большой фуляровый платок и вытирая вспотевший лоб и шею. – Я даже рад, что скорее всего не доживу до этого. А вот тебе, Колька, такие *игрушки*, я вижу, по нраву! Ну так и пользуйся! Развивай – будущее принадлежит тебе.

Александр замолкает, но через несколько секунд оборачивается к Димке.

– А ты, купчина, я смотрю, головастый! Сам придумал или подсмотрел где?

– Людей, ваше императорское величество, нашел нужных – инженеров. Вот они и изобрели! – поскромничал Димка.

– Угу, угу! – покивал головой Александр. – А ты рядом стоял. И когда изобретали, и когда строили... Я, знаешь ли, начинаю подумывать: уж не допустил ли я вчера ошибку, отказавшись ставить тебя на верфи.

Император на минуту умолкает. Вот все-таки интересно, какая сволочь поднесла императору документы, из которых явствовало, что генерал-адмирал продвигает Рукавишникова из-за того, что имеет в его предприятии свой интерес и вложил в нижегородский Стальград почти все свои сбережения. Скандал вышел первостатейный. Отбились чудом, но назначение Димки пришлось отложить на неопределенный срок.

– Ладно, – продолжил Александр. – У нас сегодня вдобавок испытание картечни намечено – и там посмотрим, что у тебя еще в кармане припасено! Но учти! Соревнование будет честным!

– Я всегда честно веду дела, ваше императорское величество! – горделиво сказал Димка.

– Вот и молодец! – кивнул Александр и тут же спросил: – Как эта чертова дверь открывается? Я уже на твердую землю хочу!

Интерлюдия

В руке тлеет толстая «гавана». На столике – хрустальный фужер, в котором плещется янтарный арманьяк пятидесятилетней выдержки. Лорд Валлентайн расслабленно откинулся в кресле.

Удача! Первая удача! Всего-то пара фраз, словно бы случайно оброненных в присутствии императора Александра, и вот, пожалуйста! Александр III, человек склонный к подозрительности, проверил все сам и выяснил, что великие князья Алексей и Павел весьма солидно вложились в предприятие Рукавишникова. И именно поэтому Алексей активно проталкивает одного купца на высокую должность, а Павел закупает рельсы для «преждевременного» Транссиба только в Стальграде.

И вот уже протеже цесаревича отказано в должности управляющего верфями, развернувшись на которой Рукавишников, без сомнения, сумел бы в кратчайшие сроки модернизировать производство. И в самом ближайшем будущем начать серийно клепать тысячетонные корабли. Не вышло, господа вселенцы! Сейчас Валлентайн уже не сомневался, что правильно вычислил второго реципиента – это совершенно определенно был именно купец Рукавишников. Но каков наглец? За три с половиной года построить завод и начать изготовление автомобилей! И умудриться все-таки понравиться императору со своей игрушкой. Хорошо, что решение о назначении император пересматривать не стал. Ничего... Как только он, Валлентайн, покончит с проклятым выскочкой – придет пора его поделщика!

Лорд Валлентайн выпустил ароматный клуб дыма. Ничего, матрикант, можешь не сомневаться: это – только начало! Но завтра надо обязательно посетить испытания

пулеметов...

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

В манеж Аничкова дворца мы с генерал-адмиралом и присоединившимся к нам великим князем Владимиром Александровичем приезжаем в три часа пополудни. Димка на двух грузовиках должен был прибыть заранее, чтобы успеть как следует подготовиться. Едем медленно, чтобы не отстала охрана. По пути следования наш кортеж, состоящий из трех черных автомобилей и конного полуэскадрона, приветствуют толпы петербуржцев, привлеченных слухами об испытаниях цесаревичем технической новинки. *Papá* снова решился прокатиться с нами, и даже в этот раз получил от поездки определенное удовольствие.

Нас, на правах гостеприимного хозяина дворца, встречает великий князь Николай Николаевич старший, или, как его называют в семье, – дядя Низи – командующий всей русской гвардией. Он уже стар, часто болеет и очень редко покидает свой дом. Но на испытания нового чудо-оружия все-таки посмотреть захотел. Именно поэтому полигон устроили в манеже его дворца. Рядом с ним стоит Петр Семенович Ванновский, их высокопревосходительство военный министр. У меня с ним сложные отношения. С одной стороны, он делает много толкового и сам – человек вроде неглупый. С другой – редкостный упрямец, а в вопросах стрелковой подготовки еще и ретроград, прямой последователь Драгомирова. Сложные у меня с ним отношения, сложные...

Император принимает доклад Ванновского о готовности к проведению показательных испытаний и широким шагом направляется на манеж. Чтобы поспеть за этим великаном, мне приходится только что не бежать. Видно, что Александру любопытно: что это нам сейчас покажут? Мне тоже весьма любопытно: чем кончится сегодняшний показ? Весьма и весьма...

На манеже стоят давно знакомый мне пулемет Максима, правда, чуть более крупный, чем я привык видеть в музеях и в кинохронике, и рукояточная картечница с пятью стволами. Рядом с этой выставкой раритетов прохаживается крупный бородатый мужчина в тройке и котелке. Увидев нас, он буквально кидается навстречу и рекомендует: «Хайрем Максим». Ну-ну... Я с интересом разглядываю знаменитого конструктора. Здоровый мужик. Несколько мельче самодержца, но все равно – здоровяк. Где-то я читал, что Максим был отличным спортсменом, и теперь могу лично убедиться в этом. Для мужчины сорока восьми лет он выглядит здорово: подтянутый, крепкий, лицо пышет здоровьем. А уж улыбается он... Ну, ни дать ни взять кот, разглядывающий блюдце со сметаной. Я усмехаюсь: зная Димыча и его любовь к театральным эффектам, кот даже и не догадывается, что сегодня не он съест сметану, а наоборот: сметана слопает кота. Да еще с шутками и прибаутками...

А вот, кстати, и он сам. Александр Михайлович Рукавишников, легок на помине. Стоит возле двух своих пулеметов, установленных на высоких трехногих станках. Хм... Эти станки он мне в Стальграде не показывал – там у него легкие низкие треноги были, для стрельбы лежа. А здесь... Очень массивные лапы, на задней, самой длинной, укреплено изящное кожаное седло. Ага, догадался я, это, значит, Димка понял, что, пожелай кто-нибудь из высокопоставленных особ лично пострелять, им будет не очень удобно делать это лежа. На одном пулемете установлен кожух водяного охлаждения, а рядом, в коробках, – длинные патронные ленты. Значит, к длительной стрельбе готовится купчина. У второго – кожуха нет вообще. Но, насколько я помню, ствол может выдержать непрерывную очередь в сотню выстрелов. Следовательно, готовится какой-то фокус.

Мне в глаза бросается некое несоответствие. Кажется, будто ствольная коробка этих пулеметов имеет несколько другие очертания, нежели «Единорог». Она явно короче и уже, чем мне запомнилось в январе. Или мне мерещится? Ладно, проживем – увидим! Уж больно хитро вчера улыбался Димон, когда упоминал о сегодняшних испытаниях.

Рядом с Димычем стоят несколько солидных мужчин в дорогих костюмах. Костюмы

разного покроя и расцветок. Объединяет их только одно – все они на «молнии»! Видимо, такова в Стальграде мода.

Среди сопровождающих Рукавишникова я узнаю Даймлера, Чернова и Леона Нагана. Здесь же и доморощенный «кулибин» – Еремей Засечный. Костюм лионского сукна сидит на нем, как на корове седло. Остальные люди мне незнакомы, но по их мордам, которые иначе, как «зверскими», не назовешь, я догадываюсь, что это Димкина «дружина». Личная охрана и... в общем, об иных назначениях стальградского «спецназа» можно только догадываться. Впрочем, я догадываюсь...

Нас догоняет свита, Ванновский что-то говорит Максиму, и начинается показательное действие. Многоствольная картечница разносит в щепки дюймовые сосновые доски, помещение заволакивает густым дымом. Но даже сейчас заметно, что переносить огонь по горизонтали стрелку затруднительно. Почти все пули идут в одну точку. Именно про эти агрегаты шутит Драгомиров: мол, они хороши, если требуется убить одного противника много раз. И это высказывание имеет под собой основание. Помнится, что на полях сражений франко-прусской войны частенько находили тела солдат, в которых обнаруживалось по 50–70 пуль.

После пятиствольной картечницы наступает очередь картечницы одноствольной автоматической. Так здесь пока именуют пулемет. Максим лично дает несколько очередей по доскам. Теперь видно, что рассеивание пуль по горизонту вполне удовлетворительное. Затем пулемет явно клинит, но хитрый Хайрем делает вид, что остановка в стрельбе запланирована заранее и использует возникшую паузу для смены мишеней. Его люди быстро устанавливают большой деревянный щит. Тем временем задержка устранена, в кожух долита холодная вода, и «максим» оживает. Зараза! Пули выписывают на щите вензель «А III». Черт, эффектно! Интересно, а Димыч-то своих стрелков на это готовил?

Заинтересованный Александр подходит к Максиму и изъявляет желание лично испытать оружие. Хайрем, с довольной мордой, усаживает императора на треногу и начинает пояснять устройство. Наконец его величество давит на спуск, пулемет дает короткую очередь ²⁰¹, и его снова клинит. Максим спадает с лица и начинает судорожно оправдываться плохим качеством предоставленных для испытаний патронов²⁰².

Я тихонько подхожу к другу. Его вид выражает крайнюю степень безмятежности, словно происходящее является не более чем хорошо поставленным спектаклем.

– Мне кажется, или ты в натуре не «Единорог» привез?

– Да, это не «Единорог». Для показухи я взял агрегат с барышевской схемой! – с улыбкой отвечает Димка.

Ну и хитер, зараза! Ну, хитер! Это же самое лучшее оружие для показательных испытаний в лабораторных условиях. Ни пыли, ни грязи. А точность все-таки немного выше «Единорога». Вот только...

– А если кто узнает?

– Кто и как? – хихикает Димка. – Нам сейчас главное – императору пыль в глаза пустить и Максима слегка осадить. Ведь для принятия на вооружение один хрен полевые испытания проводиться будут. И на взаимозаменяемость деталей непременно проверят. Вот там мы спецам из ГАУ и выкатим настоящий «Единорог».

Тем временем к нам направляется император:

– Ну, Рукавишников, показывай: что ты там привез?

– Вот, ваше величество, пулемет «Единорог».

– И что же, лучше английского?

²⁰¹ Реальный случай. 8 марта 1888 года император Александр III лично стрелял из пулемета Максима.

²⁰² Специально для этих испытаний Хайрем Максим переделал свой пулемет под русский 4,2-линейный (10,67 мм) патрон. Патроны ему были предоставлены Военным ведомством.

– Полагаю, да, ваше императорское величество.

Александр весело уточняет:

– Видал, что англичанин вытворял? Повторить сможешь?

– Дык повторить не сложно, ваше величество. Мы, – в голосе Димыча появляются нарочитые «народные» нотки, – мы и получше сможем.

– Ну-ну, не хвались, купчина... Показывай, что можешь.

По знаку Димки на мишенное поле выносят несколько десятков трехдюймовых досок, три огромных, в один обхват, бревна и два больших, полтора на метр, щита с нарисованными на них красными кружками размером с ладонь. Димка лично садится в седло пулемета с водяным охлаждением, встряхивает кисти рук, словно пианист, и плавным движением берется за рукоятки. Ну, с Богом...

Тяжелые 10,67-мм пули рвут мишени на части, очереди буквально распиливают доски пополам. Причем сначала Димыч срезает верхнюю четверть, затем перерезает пополам, а под конец срубает остатки. Лента в 450 патронов улетает за полминуты, причем без единой осечки. Пока второй номер расчета, роль которого исполняет Засечный, меняет ленту, присутствующие дружно выдыхают. Оказалось, что пока шла стрельба, все затаили дыхание.

На замену ленты уходит всего десять секунд. Затем тяжелый грохот «крупняка» снова начинает бить по ушам. Теперь наступает очередь бревен. Непрерывная очередь в полсотни патронов – и рушится первое бревно. Оно перебито на всю толщину. На второе патронов уходит чуть меньше, где-то сорок. Третье бревно, самое толстое, почти в полтора обхвата, сопротивляется дольше всех – но в конце концов после сотни выстрелов падает и оно.

В манеже наступает гробовая тишина. Присутствующие ошарашенно молчат. Император в шоке. Максим заметно нервничает. Что уж говорить – Димкино сольное выступление произвело впечатление даже на меня, а уж стрельбу из разных видов оружия я повидал всякую.

Димка встает, коротко кланяется императору и небрежно поясняет:

– Сейчас мы имитировали поражение пехотной линии и разрушение деревянного строения, которое может служить в качестве укрытия солдатам противника. Практическая стрельба на полевом полигоне показала, что для полного разрушения избы-пятистенка требуется всего две ленты.

– Или один выстрел из полевого орудия! – внезапно подает голос Владимир Александрович.

– Да, – согласно кивает Димка, – вот только полевое орудие весит в десять раз больше, в его расчете впятеро больше людей, и для его транспортировки требуется запряжка из четырех-шести лошадей. А наш пулемет (вот и прозвучало это слово впервые на публике!) спокойно переносится с места на место расчетом из трех человек. К тому же на один пушечный снаряд уходит больше пороха, чем на несколько сотен патронов к нашему оружию.

Пока Дима толкает речь, пулемет снова перезаряжен, а в кожухе сменена вода. Теперь к пулемету садится один из Димкиных дружинников. Короткими очередями он начинает поражать красные кружки на щитах. Точность просто изумительная – выстрелы ложатся практически пуля в пулю.

– А сейчас мы показали, что даже после восьмисот выстрелов пулемет может вести точную стрельбу! – снова поясняет Дима и тут же добавляет: – Конечно, водяное охлаждение играет существенную роль в стабильности ведения огня, но сейчас мы продемонстрируем живучесть голого ствола и быстроту его замены!

Димыч кивает головой своим ребятам. Ко второму пулемету садится другой казачок. Длинная очередь кромсает остатки досок и бревен. У задней стены с шумом рушится баррикада из мешков с песком. Она явно не была рассчитана на стрельбу крупнокалиберными патронами такой мощности. Если пулемет бревна разрезает, что ему два ряда мешков с расстояния в сто шагов?

Стрелок встает с седла и опускает торчащую сбоку от места крепления ствола к

коробке рукоятку. Ствол легко отделяется. Удерживая его за ту же рукоять, дружинник аккуратно кладет раскаленную железку в стоящий рядом небольшой бочонок, из которого брали воду для охлаждения. К потолку взлетает облачко пара. К пулемету подскакивает Засечный и в считанные секунды ставит запасной ствол. Все! Оружие снова готово к стрельбе!

На бедном Хайреме Максиме просто лица нет! Донельзя смурной, он подходит к своим стрелкам и что-то горячо с ними обсуждает. Затем они всем скопом отправляются к мишеням и начинают внимательно их разглядывать, ощупывать и даже вроде как обнюхивать. Что это с англичанами? А-а, это кто-то из них выдвинул светлую идею, что мишени были заранее заминированы маленькими зарядиками, которые последовательно подрывали по команде Рукавишникова. Ну-ну...

Не обнаружив на мишенном поле ничего, кроме расколотой в щепу древесины, Максим возвращается на огневой рубеж. Но теперь на его лице видна решимость. Видимо, он готов бороться до конца. По команде Хайрема, его ассистенты устанавливают два свеженьких дощатых щита. И лучший стрелок выводит на одном из них вензель императрицы. Остальные англичане громко аплодируют.

Максим уже около нас и высказывается в том смысле, что может ли русский конкурент повторить это? Я уже собираюсь сказать, что в бою вензеля выписывать не требуется, но тут...

– Ваше императорское величество! – громко говорит Димка. – Покорнейше прошу вашего разрешения на то, чтобы британский фокус повторил его императорское высочество Николай Александрович! Повторил из моего «Единорога»!

Император кивает. Да вы что?! Да к такому готовиться надо! Да я ж не смогу! Ну Димка, ну, блин, шутник хренов!

На ватных ногах направляюсь к пулемету.

– Не дрейфь, Олегыч, – шепчет Димка, шагающий рядом. – Ты, главное, резко на спуск не нажимай! А веди ровненько, словно на конце ствола карандаш! Остальное пулемет сам сделает!

Я усаживаюсь за треногу. Так: рукоятки управления здесь как на «ДШК»...

– Батюшка, несколько выстрелов для пристрелки...

Император кивает. И-эх, начали!.. Даю пару коротких очередей. Очень хорошо... Отдача почти не чувствуется, пулемет не трясет. Ну еще бы – я своим весом прижимаю оружие к полу. Вот в чем проявляется чуть ли не единственное преимущество высоких треног! Действительно, хорош аппарат, хорош... Ладно, начнем «рисовать».

Вензель получился красивым. Палочка в первой «I» могла бы быть и поровнее, но все равно: вензель точно выходит гораздо лучше, чем у англичан. Из-за того, что пули ложатся плотнее. Все-таки скорострельность Димкиного пулемета чуть ли не вдвое больше, чем у Максима. Уф! Все! Можно встать, утереть вспотевший лоб...

– Ай, малатца! – Димка тихонько тыкает меня в бок кулаком.

В этот момент я понимаю, что вокруг происходит нечто странное. Я оборачиваюсь. Немая сцена в гоголевском «Ревизоре» – слабая пародия на то, что можно сейчас наблюдать в Аничковом манеже. А небезызвестная супруга Лота показалась бы просто живчиком в сравнении с оцепеневшими императором, министром и свитскими.

Первым оживает Максим. Он решительно походит к нам и заявляет, что это – нечестная игра и что он уверен – цесаревич специально тренировался долгое время, так как иначе этот фокус не осуществить... Говорит Максим долго и абсолютно нелогично. Можно подумать, что его стрелки не тренируются. Неожиданно мне в голову приходит шальная мысль.

– *Papa* , чем спорить и доказывать, что я вижу этот пулемет впервые, попробуйте пострелять из него сами.

Александр хмыкает в усы и шепотом высказывается в том смысле, что если цесаревич что-то в голову взял – пушками не вышибить. И уверенно направляется к «Единорогу».

Покряхтывая, устраивается в седле, кладет руки на гашетку, примеривается... Пули ложатся в мишень прямой линией, хоть уровень прикладывай. Император закусывает ус и... Вот это фокус! На мишени появляется вензель «Н II»! Не очень ровный, но для первой попытки – пять с плюсом!

Свита обрушивает на своего императора бурные аплодисменты, а Александр лукаво смотрит на меня. Я подхожу к нему и, помогая подняться, приобнимаю его за талию:

– Ну, батюшка, как: стоящего человека мы с дядюшкой вам рекомендовали?

Александр улыбается, затем жестом подзывает к себе Димку. Тот подлетает, отдает ловкий поклон. Император похлопывает его по плечу и со словами: «Угодил, угодил» – протягивает свой портсигар. Золотой, с алмазной монограммой. Фаберже постарался. Да-а... Не видать Максиму наших рынков как своих ушей!

Максим явно потрясен увиденным. Он делает последнюю, отчаянную попытку хоть как-то повлиять на уже вполне очевидный результат испытаний. Подхватив горсть еще теплых гильз от «Единорога», он начинает лепетать, что русские нарушили условия конкурса, применив собственный, гораздо более мощный патрон. К тому же снаряженный пироксилиновым порохом. А ему, видите ли, пришлось мучиться с тем, что прислало Военное ведомство. Тут не выдерживает Ванновский.

– Господин Максим, – ледяным голосом начинает военный министр, – в условиях на проведение конкурса черным по белому было написано: к конкурсу допускаются образцы оружия, имеющие калибр четыре и две десятых линии. Я вижу, что господин Рукавишников это условие выполнил. Вы же отказались от разработки собственного патрона и требовали, в предварительной переписке, предоставить вам патроны русского образца. Какие теперь к нам могут быть претензии?

Максим потухает и отходит в сторону. Чтобы обсудить увиденное, пока горячи впечатления, император собирает в кружок меня, Ванновского, великих князей Алексея, Владимира и Николая Николаевича. Краем глаза я успеваю заметить, что Хайрем подгреб к Рукавишникову и начинает что-то бурно ему говорить. Не дай бог, свои дурацкие претензии излагает... Эх, не наговорил бы Димка ему в ответ чего лишнего. Жалко все-таки человека: конструктор-то он талантливый...

А наше обсуждение, кажется, заходит в тупик. Дядя Низи и Ванновский доказывают, что пулемет есть устройство для кошмарной, абсолютно неоправданной траты патронов. Мол, в бою и винтовки достаточно. На мое предложение великому князю атаковать пулеметный расчет целым эскадром, с тем чтобы оставшиеся в живых решили вопрос о полезности пулемета, реагируют, как на бредни малолетки. Внезапно подает голос Владимир Александрович. Он говорит, что согласен с цесаревичем – это оружие способно остановить атаку любого противника. Только пулеметов нужно два, и лучше всего поставить их на флангах. Оружие Владимиру явно понравилось. Затем веское слово молвит генерал-адмирал. Он высказывается в том смысле, что было бы неплохо испытать пулеметы на полевом полигоне, а еще лучше – в боевых условиях. А тут, мол, боевые действия с Японией на пороге... Прозрачный намек!

Император внимательно выслушивает все высказывания, но молчит, что-то прикидывая в уме. Затем подзывает Максима и интересуется: почему его пулеметы. Услышав цену в 347 фунтов 4 шиллинга и 4 пенса²⁰³, государь озадаченно крикает и велит своему ординарцу пригласить купца первой гильдии Рукавишникова.

– Ну, нижегородец, а ты за свои пулеметы, – он старательно вставляет в свою речь новое, явно понравившееся ему слово, – ты за свои пулеметы что просишь?

– Ваше императорское величество. Чтобы не работать себе в убыток... – Я из-за спины императора делаю Димке «страшные глаза». – Торговый дом братьев Рукавишниковых готов

²⁰³ Именно такую стоимость (3226 рублей по тогдашнему курсу) первоначально установила на свои пулеметы фирма «Максим-Норденфельд».

сдавать «Единороги» казне по тысяче семьсот... – Мой взгляд начинает напоминать Хиросиму. – Даже по тысяче шесть... – Хиросима и Нагасаки одновременно! – По полторы тысячи рублей за штуку.

Выпалив это, Димыч замолкает. Украдкой я показываю ему кулак: нашел, на ком наживаться! Я ведь прекрасно помню, что себестоимость оружия чуть меньше тысячи рублей. Димыч делает вид, что совершенно не понимает, о чем это я. Ладно, наедине я ему грамотно растолкую: о чем я и почему я!..

– А какое количество ты можешь выпускать?

– Сейчас не более 20 штук в месяц, – честно признается Димка, – но в дальнейшем могу полтора ста.

– И, кстати, батюшка, лучше уж свою промышленность развивать, чем вкладывать деньги в промышленность потенциального противника! – вмешиваюсь я.

Pará недовольно зыркает на меня и жестом отпускает Максима и Рукавишникова. Те отходят в сторону и, видимо, сразу возвращаются к прерванной беседе. Смотри-ка, уже спелись, изобретатели хреновы...

– Колька, хватит уже мне в лицо пользой для Отечества тыкать! – говорит самодержец. – Можно подумать, что о России только ты один и думаешь!

Я тихо бормочу извинения, но император меня уже не слушает. Он поворачивается к Алексею.

– Лешка, это то самое оружие, про которое ты мне зимой говорил?

– Да, государь, и купец тот самый! – кивает генерал-адмирал.

– Про купца этого вы мне с Колькой уже все уши прожужжали, – улыбается император, но тут же серьезно спрашивает: – Ты вроде говорил, что у него там, кроме «Единорога», и бердыши какие-то были, и пищали... где это все?

– Ну так давай позовем Рукавишникова и попросим показать! – усмехается Алексей. – Эй, Дим... тьфу, Александр Михалыч, подойди-ка сюда!

Димка подходит, всем своим видом выражая недовольство. Чего это он? Ах, ну да! Он, видите ли, важным разговором занят, а мы его по пустякам дергаем.

– Александр Михалыч! – обращается к нему адмирал. – Ты кроме «Единорога» еще что-нибудь из своего оружия захватил?

– Да, ваше высочество, захватил, – отвечает купчина и мнетя, – вот только продемонстрировать некоторые образцы при иностранцах...

– Ишь ты! Неужели ты настолько страшное что-то придумал? – с веселыми огоньками в глазах спрашивает император.

– В том-то и дело, ваше императорское величество, что наоборот! – Димка пытается подобрать слова. – Скорее изобретенное мною оружие настолько простое, что я удивлен, почему больше никто до такого не додумался. Вот и хочу, чтобы супостаты как можно дольше в своем неведении пребывали.

– Хм... хм... ну ты и загнул! – Император покусывает усы и объявляет: – Мне уже не терпится посмотреть, что ты там еще навыдумывал! Петр Семенович! Распорядитесь, чтобы англичан проводили. Вежливо, но быстро! А ты, купчина, давай тащи свои игрушки!

Англичан заставляют быстро свернуться и покинуть манеж. Последним уходит Максим, косясь на целый штабель ящиков, который успевают натаскать дружинники Димки. Я подхожу к другу и тихонько спрашиваю:

– Ты это про что там с Максимом шептался?

Димка беззаботно машет рукой, но в его глазах вдруг взблескивает азарт торговца:

– Да за полторы тыщи фунтов пулемет ему продал.

– Ты что?!

– А что? – Это ехидное выражение физиономии удачливого купца мне знакомо. Еще по Приднестровью. – Пушай попробует скопировать. Вот мы посмеемся... Пусть хоть на винтики его разберут, повторить все одно не смогут. А жаль. – Димка снова широко улыбается. – Повторили бы – можно считать, что у противника пулеметов нет!

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

Следующим вечером мы с Димычем, Мореттой и всей свитой отправляемся в Мариинку²⁰⁴. Придворные моей нареченной все уши прожужжали, насколько хорош тенор Фигнер²⁰⁵, прибывший из Италии. Занятно, вообще-то он русский, да вот в России не прижился, удрал к римлянам, там женился, прославился и вот теперь явился покорять отечество. Между прочим, по петровскому билету²⁰⁶ за выход берет. Нужно взглянуть на это диво...

Дают «Евгения Онегина», Фигнер – Ленский. Ну-с, поглядим...

– Любовь моя, вот кстати: если тебе понравятся голоса – прикажем явиться к тебе, и ты сможешь записать их на свой музыкальный центр.

Моретта суховаато кивает. Она не слишком довольна моим вчерашним поведением. Дело в том, что император соизволил милостиво повелеть назначить государственные технические испытания всего представленного Димкой в манеже оружия. Станкачей, ручников, магазинков, револьверов, пистолетов-пулеметов. На предмет поставить их на вооружение. К тому же было принято решение заказать у Димки десяток пулеметов для проверки их в боевых условиях на Дальнем Востоке. Цесаревич с Рукавишниковым постановили это обмыть и обмыли... несколько перестаравшись... Купчина-миллионщик снял целый ресторан, и мы прогуляли до рассвета. Шампанское и водка лились рекой. Димка пригласил цыган и заставлял их по десять раз кряду петь тут же разученного «Мохнатого шмеля». Потом мы хором, притоптывая в такт ногами, исполняли песню советских артиллеристов. Причем никого из присутствующих не смущало то, что артиллеристам отдает приказ какой-то Сталин. А проснувшись сегодня сильно после полудня, мы чересчур качественно (и количественно) похмелились, из-за чего сейчас пребывали в состоянии, близком к вчерашнему. По крайней мере, я уже раза два обнаруживал, что в голос пою: «Онегин, я скрывать не стану, безумно я люблю Татьяну...», а Димыч мне радостно подтягивает, иногда, правда, сбиваясь на «пионерский» вариант: «Онегин, я скрывать не стану, безумно я люблю сметану! Отдай мне порцию свою...» Кроме того, Рукавишников уже дважды пытался ущипнуть кого-нибудь из фрейлин Моретты, а от признания в любви старшей статс-даме, госпоже Энгельман, его спасло только мое вмешательство. Впрочем, Моретта дуется не сильно: в это замечательное время пьянство не считается таким уж серьезным недостатком. И буквально пять минут тому назад она весело хохотала над моими дурацкими шутками...

Мы рассаживаемся в ложе, и тут же гаснет свет. Люблю я увертюру к «Онегину». Моретта прислушивается к музыке, а сзади нас возбужденно перешептываются господа офицеры и «солнце русской промышленности». Причем иногда шепот становится таким громким, что я не выдерживаю и, повернувшись, внушительно демонстрирую своим друзьям-приятелям кулак. Но вот раздвигается занавес...

Летний вечер, сад в усадьбе Лариных. Татьяна и Ольга поют романс. Ну, что ж: голоса приятные... Появляются крестьяне. Их песни занимают Моретту, которая тут же начинает уточнять: народные это песни или все же детище таланта Чайковского? Я, как могу, выкручиваюсь. Старательно вслушиваюсь, пытаюсь что-то объяснить, но тут у меня за

²⁰⁴ Императорский театр оперы и балета. Назван Мариинским по имени супруги Александра II императрицы Марии Александровны. Ныне – Государственный академический Мариинский театр.

²⁰⁵ Фигнер Николай Николаевич (1857–1918) – певец (лирико-драматический тенор). В 1887–1907 солист Императорских театров.

²⁰⁶ Пятьсот рублей, названы так из-за изображения на купюре Петра I.

спиной гремит оглушительный раскат хохота. Эт-то еще что такое?!

А вот что. На сцене – приезд жениха Ольги – Ленского, в сопровождении Онегина. Да пес с ним, с Онегиным, но Ленский-то, Ленский! Мама моя, императрица, Ленский – в усах и эспаньолке! Интересно узнать, какой придурок так загримировал Фигнера?

– Александр Петрович, – обращаюсь я к Гревсу, который в нашей компании наименее пьян, – будьте так любезны, узнайте, какой дурак назначил Ленскому такой грим? И велите там, чтоб ко второму действию его перегримировали...

М-да. Похоже, я поторопился с определением степени опьянения Гревса... Он отправляется на задание немедленно, попутно спотыкаясь об кресло. Авань жив останется...

На сцене меж тем разворачивается действие. Ей-ей, этот Ленский-д'Артаньян начинает меня раздражать. Ничего, сейчас узнаю, кто так загримировал «поклонника Канта и поэта», и мало ему не покажется...

– Г-государь...

О, вот и Гревс явился.

– Ну, и кто там такой умный?

– Государь, а... – Гревс явно не знает, как сказать, – его... в общем, он не в гриме.

– Как это – не в гриме? – обалдело интересуется Димыч.

Из дальнейшего рассказа Гревса выясняется, что Фигнер наотрез отказался бриться, заявив, что публика ходит не посмотреть на Ленского, а послушать его, Фигнера, голос. Ну, наглец! Зря он так, право...

Я поворачиваюсь к Моретте:

– Душа моя, я должен ненадолго тебя оставить. Дело в том, что тут возникли некоторые проблемы с господином Ленским, который, – у меня, кажется, родилась неплохая идея! – который должен явиться перед вами без этой мефистофельской бородки. Сейчас мы все уладим...

За кулисами людно, но это многолюдство мгновенно развеивается дымом, когда там появляемся мы. Так, ну и где тут Фигнер?

Я останавливаю какого-то человечка:

– Любезнейший, вы не подскажете мне, где гримерная Фигнера?

«Любезнейший» трясущейся рукой показывает мне на дверь. Ага... Ха, а вот и сам «г-н Ленский», собственной персоной:

– Ваше высочество, я польщен...

– А я – нет. Любезный, какого черта вы себе позволяете? Ленский должен быть с чистым лицом. Извольте немедленно привести себя в надлежащий вид!

Фигнер начинает бормотать, что это невозможно, что борода и усы – его собственные, и он не намерен на потеху...

– Не намерены? Как угодно, как угодно... Вот только дело в том, что я намерен. А ну-ка...

«Ленского», как он есть, во фраке и брыжах, усаживают на стул. Попытки вырваться жестко пресекаются. Без мордобоя, но не менее эффективно.

– Егор, братишка, пошли кого-нибудь из своих за гримером. И пусть прихватит с собой все, что может потребоваться.

Через секунду перед нами появляется седой гример с бледным лицом и трясущимися руками. Ну а он-то чего перепугался?

– Ефим! – Посланный за гримером атаманец вытягивается во фрунт. – Ты зачем так перепугал господина гримера? Ну что ты ему, братец, наплел?

– Дык, твое велико... – Ефим не большой мастак говорить, хотя на шашках – мастер, каких еще поискать! – Я тока и сказал, шоб шел скорее, шо государь ждать не любит...

– Небось уши обещался обрезать, – меланхолично замечает Шелихов, – дык ведь не обрезал же...

– Ну-ну, господин гример, успокойтесь. – Я успокаивающе хлопаю старика по плечу. – Ефим – добрейшая душа, а что с виду грозен – вам ли не знать, как обманчив может быть

внешний вид?

Гример икает и быстро-быстро кивает. Мне становится страшно: а голова у него не оторвется?

– Но к делу. Вот этого, – я указываю на Фигнера, – надлежит загримировать так, чтобы он был похож на Ленского. Приступайте!

Гример дотрагивается до уса тенора и издает какой-то горловой звук. По-видимому, это означает вопрос: что делать?

– То есть как «что делать?» Брить. К чертовой матери брить!

Дрожащими руками гример взбивает пену и берет в руки бритву. Э-э! Так не пойдет! У бедолаги так трясутся руки, что он, пожалуй, зарежет русского итальянца! Ну, это лишнее... Э-эх, опять придется все самому...

Не помню, как в моих руках оказывается бритва. Сознание возвращается ко мне в тот момент, когда вопящий, но крепко сидящий на стуле Фигнер уже без бородки, одного уса и... половины волос на голове! Блин, увлекся!

– Вот, господин Фигнер, а сделали бы сами – обошлось бы без бритвы головы. А так будете ходить со стрижкой по-николаевски!

Через пять минут все кончено. Фигнер сидит с трясущимся подбородком, похожий на Агопиту из старого детского фильма²⁰⁷. Ну-ну, чего ж так переживать-то?

Димыч подходит поближе. Он проводит ладонью по бритой голове, а затем произносит:

– Ну, если цесаревич брил, то освежить и миллионеру не зазорно! – С этими словами он вытаскивает из кармана серебряную фляжку с коньяком и обильно смачивает им салфетку, которой и протирает голову «клиента», приговаривая: – Вот какой у нас красивый мальчик, блестящий, как коленка...

Делает он это так утомительно, что все покатываются со смеху, даже бледный гример. А вот кстати:

– Теперь будьте добры, загримируйте его как положено. Желаю здравствовать, господа...

Можно обратно в ложу. Посмотрим, как понравится Моретте новый, настоящий Ленский...

Из раздела «Светские новости» газеты «Петербургские ведомости»

Вчера около полудня на Дворцовой площади и Невском проспекте наблюдалась странная ажитация среди гуляющей публики. Она была вызвана испытаниями нового средства передвижения – самобеглых колясок конструкции купца первой гильдии Александра Рукавишникова. По слухам, в испытаниях приняли непосредственное участие их императорское величество Александр и их императорское высочество Николай. Означенные коляски носились по Невскому со скоростью, превышающей 30 верст в час. Движение колясок вызвало большой переполох в уличном движении. Было напугано множество людей и лошадей. По счастью, никто не пострадал.

Из рекламных сообщений газеты «Петербургские ведомости»

Открытие невиданного аттракциона! После триумфа в Москве и Нижнем Новгороде! А теперь и в Санкт-Петербурге – Кинематографический театр «Иллюзион»!

В программе ленты: «Видовая панорама с высоты Волжского обрыва», «Прибытие скорого поезда на Николаевский вокзал», «Бал-маскарад в Коммерческом училище».

На Невском проспекте открывается магазин-салон Торгового дома «Братья

²⁰⁷ Художественный фильм «Отроки во вселенной», киностудия им. М. Горького, 1974 год.

Рукавишниковы»! Среди товаров: револьверы «Кистень» и «Клевец», пятизарядные штуцеры «Пищаль», подзорные трубы, бинокли, музыкальные проигрыватели, швейные машинки и гвоздь ассортимента – автомобиль «Жигули».

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

Все хорошее когда-нибудь заканчивается. Закончился и Димкин визит в Питер. Через три дня мой друг решительно заявил, что все дела в столице переделаны. Презентация устроена, магазин-салон открыт, пора бы уже и честь знать. Уехал в свой Стальград «Суворов» русской промышленности... А у меня снова начались «трудовые» будни.

Как выяснилось, проблемы с Финляндией, которые я, после беседы с Гейденом, посчитал решенными, только-только начались. По моей настоятельной просьбе Федор Логгинович написал обстоятельнейший доклад по положению в Великом княжестве. Прочтя первые четыре страницы, я пришел к выводу, что работа с финнами, пожалуй, займет на три-четыре года больше, нежели я предполагал. По окончании двадцать шестой страницы я понял, что, наверное, я несколько неотчетливо представлял себе все сложности борьбы с финским сепаратизмом. Дочитав до конца, я в изнеможении откидываюсь на спинку кресла. Мама моя, императрица! Чего ж с ними, чухонцами долбаными, делать?! Это как же мы докатились до жизни такой?! Неужто все так плохо?!

– Филя! – В кабинете, точно чертик из табакерки, возникает Махаев. – Свяжись с Целебровским, сообщи о встрече в условном месте через два часа!

Филимон исчезает, а я открываю новый отчет Министерства финансов. Да что ж такое?! Час от часу не легче! Новый министр, господин Вышнеградский, предлагает еще повысить ввозные пошлины! И до чего грамотно обосновывает, подлец! Так, ну тут я с ходу не разберусь, надо Бунге звать. И велеть отгектографировать отчет, Димычу переслать...

При встрече с Альбертычем на конспиративной квартире я, не тратя времени на лишние церемонии, сую ему в руки доклад Гейдена:

– Вот, Альбертыч, изучи.

Пока Политов-старший занят, я отдаю приказ снять копию с отчета Вышнеградского и переслать его нарочным Политову-младшему. К тому времени, как я возвращаюсь к столу, Альбертыч уже бегло проглядел документы и теперь выжидательно смотрит на меня.

– Вот что, Владимир Альбертович. У себя все еще раз внимательно изучишь. Но пока скажу главное: из доклада ясно следует, что проведи я сейчас не то что половину запланированных реформ, а хотя бы пятую их часть, то Россия в конце XIX века получит прямо под Питером Чечню-XXI!

Альбертыч молчит, всем своим видом ясно показывая: «Я-то здесь при чем?»

– Альбертыч, очень тебя прошу: проверь все сам. И дай мне отчет: так ли плохо, или у страха глаза велики? Трех недель хватит?

Он кивает и молча, не сказав ни единого слова, покидает квартиру через черный ход. Вот, блин, «железные люди»! «Гвозди бы делать из этих людей...»

...Но в одной проблеме, обозначенной Гейденом, я не имею оснований сомневаться. А именно, в проблеме языка. Я связываюсь с МИДом и вызываю к себе Ламздорфа, будущего министра, а ныне – директора канцелярии министерства и одного из ближних помощников Гирса. Ну а пока он не явился, придется идти к царю. У меня к нему вопросы накопились...

– ...Вот что, Владимир Николаевич, я осознаю все сложности с созданием курса финского и шведского языков, однако совершенно не понимаю: как это министерство находит возможным противиться воле государя?

Перед Ламздорфом на столе лежит с кровью выдранный из Александра III рескрипт о создании офицерского курса западных языков. Мы с самодержцем битых два часа орали друг на друга, но в конце концов он признал мою правоту и рескрипт подписал.

Ламздорф снова начинает причитать про нехватку кадров, про отсутствие должного финансирования, про напряженность в остальном мире... Ох, мама моя, мама! Сколько ж это

сажать-то придется? Короче, сам того не подозревая, этот парень уверенно занимает свое почетное место в будущих проскрипционных списках.

Все же перед уходом Ламздорф, стена и причитая, выдает обещание, что через год на-гора будет выдано не менее тридцати специалистов, способных к обучению других. Ладно, пока сойдет.

Печальный директор канцелярии МИДа удаляется. Скользя взглядом по настольным часам, я с опозданием вспоминаю, что вот уже час, как я должен был вместе с Мореттой прибыть к венценосной маменьке. Что-то связанное с последними деталями свадьбы. Та-а-ак... Ну, ты, мужик, попал. Значит, опять придется утешать мою ненаглядную. То есть до вечера она будет дуться, потом, медленно, но верно начнет менять гнев на милость, потом... сейчас об этом лучше не думать, дабы не заводить раньше времени, но сам процесс примирения идет в горизонтальном положении. Так что прощай, ночной сон. Нет, я не против, я очень даже за, только вот не спать уже вторую неделю... И что ж это я – не Наполеон? Тому, вредному корсиканцу, двух часов сна хватало. А мне – никак. Э-эх! А ну ее, маменьку! Все одно я уже опоздал, и отдуваться мне придется изрядно. Совсем не пойду! Лучше уж я сейчас пару часиков покемарю, так хоть к вечеру в себя приду. А ненаглядной совру, что важные государственные дела задержали...

...Ого! Давненько я такого не видал. Вся пунцовая от смущения в кабинет заявила фрейлина дорогой маменьки и самым нахальным образом вырвала меня из цепких лап Морфея. Смущается она, разумеется, не потому, что меня разбудила, а потому, что рядом с ней стоят подьесаул-атаманец и поручик императорских стрелков. И морды у этих ребят довольные, как у котов после плотного общения с горшком сливок. Ну, не дай вам бог, если узнаю, что снова обыскивали... Было у меня тут пару раз, когда нахальные караульщики обыскивали пришедших с каким-нибудь поручением фрейлин. Не, не то чтобы уж очень нагло, но все же... Охальников я, ясный день, взгрел по самое по не балуйся, строго-настрого запретил подобные игрища впредь, но...

На всякий случай я исподтишка показываю обоим гаврикам кулак. Ох ты, еще и изумляются! Ну, оболтусы, я вам завтра покажу, как водку пьянствовать и безобразия нарушать... Планы завтрашней мести я уже додумываю, шагая в теплой компании из пятерых офицеров к матушке.

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

Точно на иголках, она вот уже пятнадцать минут не могла усидеть спокойно. Сейчас они с Ники пойдут к императрице Марии Федоровне, обсуждать все детали предстоящей свадьбы. После тех страшных известий императрица стала относиться к ней куда благосклонней, чем раньше. Вот и теперь одна из ее фрейлин, чья близкая родственница – в свите императрицы, шепнула ей, что день свадьбы уже назначен и что она будет очень скоро... Ники все не было, и, тяжело вздохнув, она отправилась к Марии Федоровне одна. В смысле, без цесаревича.

Несмотря на то что в последние дни государыня-императрица относилась к ней как к родной дочери, встретила она ее, как ни странно, неласково. Жестом отпустила фрейлин и молча прошла по комнате. Затем, встав перед ней, вперила прямо в глаза тяжелым, цепким взглядом:

– Послушайте, ваше высочество. До меня дошли крайне странные и неприятные слухи...

Покраснев как маков цвет, она слушала описание их с Ники ночей. Боже, хорошо хоть, что без некоторых подробностей. Глаза застилали слезы, предательскими ручейками бежали по щекам. Наверное, увидев их, императрица смягчилась.

– Ну, девочка, ну... – Она платком промокнула ей лицо. – Я абсолютно убеждена, что ты не виновна. Это все Ники. – Она погрозила кулачком куда-то в пространство. – В последнее время он стал совершенно несносен, а то, что он может добиться всего, чего

захочет, – неожиданно в ее голосе прорезалось нечто похожее на гордость, – в этом у меня лично нет ни малейших сомнений. Кстати, почему он не явился? Набедокурил, а теперь прячется?

Отправив фрейлину Ланскую на поиски Ники, императрица присела рядом с ней и утешала ее, словно маленькую девочку, нежно поглаживая по голове...

– Здравствуйте, папан! – рявкнул Ники, вытягиваясь и щелкая каблуками. Она взглянула на своего возлюбленного с состраданием. Бедный, он не знает, зачем он здесь...

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

...Словно побитые собаки, мы с Мореттой покидаем покои императрицы. Влетело нам, а особенно мне, по первое число. Моя невеста, должно быть, плакала до моего прихода. Краем глаза я вижу, как у нее до сих пор предательски подрагивают губки. До покоев Моретты мы доходим в молчании, не касаясь друг друга, и лишь около ее дверей я чуть приобнимаю свою невесту. Ну, ничего, ничего. Просто будем поосторожнее. «Конспи'ация, конспи'ация и еще 'аз конспи'ация!» – как завещал нам вождь мирового пролетариата. А вот кстати:

– Филя! Вот что, братишка, вы там справочки наведите: у кого это язык во рту не помещается? И хирургически его, хирургически...

Махаев кивает:

– Разберемся, батюшка-государь. Не изволь сумлеваться – все сделаем!

Вот так и ладушки. Теперь к себе: у меня еще дел невпроворот! Та-ак, а это что за явление?..

– Ваше императорское высочество! – Мне навстречу торопится граф Дмитрий Мартынович Сольский, государственный контролер Комитета финансов²⁰⁸. – Государь посоветовал мне обсудить с вами...

Приехали! Опять мои дела – побоку! Здравствуй, милая «текучка»!..

Рассказывает Егор Шелихов

С той поры, как государева невеста к нам перебежала, почитай, уж недели три прошло. Скоро, скоро государя нашего свадьба! Уж, наверное, отпразднуем... Мне вон государь сказал, что опосля свадьбы обязательно поедет с супругою по всей Расее путешествовать. И заедет к Филимону, под Саратов, и ко мне, в Затонскую. Мы с Филей теперь все гадаем – как там наши: рехнутся от счастья аль выдержат?..

Государь-то наш хоть и к свадьбе готовится, а дел своих важнящих ни на день не оставляет. Вот опять сейчас к нему в кабинет Ламздорфа Владимира Николаевича урядник сопровождал. Прости господи, не люблю я этого Ламздорфа, вот прям с души воротит. И то сказать: глазки масляные, смотрит на тебя, ровно кобылу на рынке выбирает. Недаром про него по углам шепчутся, что, мол, мужеловец он. Ну да государю виднее, с кем дела делать. Может, он в чем другом толковый, может, и он на что полезен. Я вот как-то заикнулся князю Сергею, упаси бог, не о Ламздорфе, а так, вообще, об этих... их еще государь от чего-то «голубяями» кличет. Мол, может, их того... убрать, одним словом? Князь Сергей хмыкнул, а потом и сказал: «Не задом единым, друг мой Егор, человек жив». Наверное, так и должно быть. Ежели ты, к примеру, для государя шибко полезен, так и простить тебе можно многое. Даже...

...Ох ты, государь-то наш, да вместе с невестой вышли. Да как же это, матушка-заступница?! Государыня будущая вся заплаканная, а у батюшки нашего лицо

²⁰⁸ Высшее совещательное учреждение по делам государственного кредита и финансовой политики Российской империи.

такое... Да кто ж это так провинился-то? Ну, да кто б ни был – худо ему придется. Когда у государя такое лицо – ничего он никому не простит! Как есть не простит...

В двух словах Филя мне обсказал, в чем дело, да прибавил, что государь болтуна паршивого отыскать велел. Не сумлевайся, батюшка, исполним в точности. Отучим его хирургически. Или еще как.

Тем же вечером чуть не половина атаманцев и стрелков в разведку двинулись. Кто по горняшкам дворцовым, куры строить, кто – по полотерам да истопникам, по штофчику выкушать. А промеж приятным делом поинтересоваться: кто ж это про батюшку нашего да государыню евойную будущую треплет?

Через три дни на четвертый дознались-таки. Лакей Абвалкин, пыльная его душонка, что в покоях государыни будущей убирается, углядел, что государыня наша у себя не ночует. Антиресно ему, вишь ты, стало: и где это она ночи все проводит. Вот и проводил он тишком до самых государевых покоев. Туда, ясно дело, ходу ему не было, так он сам навоображал, что там происходило.

Но только это еще бы полбеда. Ну, узнал, ну, напридумывал, ну рассказал бы какой своей зазнобушке – да бог с тобой, живи и знай себе на здоровье. Но он ведь, тварь такая, рассказал все камердину великого князя Николай Николаича. Да не просто так рассказал, а за четвертную! Денег решил на чужой любви сыметь! А уж камердин тот самому великому князю все обсказал. А тот – остальной императорской семье.

Как мы государю про то доложились, тот посидел малость, посоображал, а потом...

Рассказывает Акакий Абвалкин

Когда у тебя в кармане, даже и не в кармане, а в портмонете новенькая александровская бумажка²⁰⁹ похрустывает, сразу жить приятно становится. Да-с. А всего-то и дел для того, чтобы она похрустывать у тебя начала, – сходи да и наври еще чего про цесаревича и его немку. Вот сейчас, сейчас, камердинер его императорского высочества Федор Ананьевич выйдут-с, тогда и бумажка на свет божий явится. Ой, господи, да они не одни-с...

– Ну-с, любезный, мне вот самому захотелось тебя послушать. Давай, докладывай: чем там цесаревич ночами-то занимается?

Федор Ананьевич из-за спины великого князя кивают-с: мол, давай, Акакий, начинай. Ну, с Богом...

– ...Так, говоришь, стонала она при этом? – ничего, кажется, угодил ему своим рассказом. – И что же: сильно стонала?

– Ваше императорское высочество. Осмелюсь доложить-с: стонала она так, словно какую тяжесть несла. Протяжно так: о-ох! о-ох!

– А дальше?

– А дальше, словно плакать начала. С придыханием так.

– Ну а что ж цесаревич? – В руке у великого князя появилась бумажка, да не фиолетовая – радужная!²¹⁰

– А цесаревич хотел бы знать: какого черта ты, длинномерный подонок, лезешь в его личную жизнь?! Тебя спрашиваю, скотина жирафообразная!

Богородица-заступница! В покои вламывается цесаревич, да еще вместе с казаками и стрелками. Ой, батюшки, за что?! Не надо! Я больше не бу...! Не бейте, умо...!

С полу подняли, у стенки поставили, держат. Атаманец кинжал к горлу прижал, шипит: «Только пикни у меня!» К другой стенке Федора Ананьевича так же притиснули, а цесаревич перед великим князем прохаживается:

²⁰⁹ Двадцать пять рублей с изображением Александра Невского.

²¹⁰ «Радуга», она же «катенька» – сто рублей с портретом Екатерины II.

– Подобные действия я воспринимаю как оскорбление, и только ваш низкий интеллектуальный уровень развития не позволяет мне адекватно отреагировать на подобные инсинуации.

– Чего? – удивленно спрашивает великий князь.

– Последняя реплика свидетельствует об истинности моих предположений. Вы дурак, дядюшка, а на Руси спокон веку повелось на дураков не обижаться! Так, ну ладно: этого, – на меня показывает! – в мешок и в Неву, этого, – на Федора Ананьевича, – на конюшню и сотню нагаек ему для просветления в мозгу, а этого, – на великого князя, – отпустите с богом. Этот не поумнеет.

Вот у двоих казаков мешок здоровенный. НЕ-Е-ЕТ! НЕ НАДО!! НЕ НА...

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

Я ухожу из покоев Николая Николаевича с чувством «глубокого удовлетворения». Наутро о скорой и страшной расправе будет знать весь дворец. Но пусть меня повесят, если хоть одна сволочь рискнет пожаловаться папеньке или маменьке. Будут молчать аки рыбы невыевшие, дабы не стать случайно этих самых рыб кормом. Или я совсем не разбираюсь в человеческой психологии.

Но история получила неожиданное продолжение... Не прошло и пары часов, как ко мне в кабинет ворвался разъяренный Шенк. Честно говоря, я никогда не видел нашего записного весельчака и балагура в таком состоянии. Машинально бросившиеся на мою защиту Филя и Егорка вдруг отлетели в стороны, как мячики. Блин, и это мои лучшие бойцы-рукопашники? Из головы как-то вылетело, что, когда в той жизни я школу посещал, Илья Петрович Дорофеев резался в джунглях Никарагуа с «Контрас» и их советниками из ЦРУ.

– Брысь отсюда! – командует Шенк ординарцам. Те вопросительно смотрят на меня. Я киваю. Идите-идите, завтра на тренировке встретимся – уж и погоняю я вас за сегодняшний конфуз.

– Ты что творишь, балбес? – дождавшись ухода посторонних, прошипел Шенк. – Ты что себе позволяешь, самодержец недоделанный? Ты хоть понимаешь, во что нам может обойтись твоя мелочная кровожадность?

– Да ладно, Петрович, – отмахнулся я. – Кому на хрен нужен какой-то слуга? Кто по нему плакать будет?

– Хер бы с ним, лакеем этим! – неожиданно взрывается Шенк. – Но ты решил, что тебе вообще все можно, и наехал на великого князя.

– Но он!..

– Что «он»?! Он всего лишь искал источник слухов, так же как и ты! Неужели ты не допетрил, что слухи УЖЕ циркулировали по дворцу, еще до встречи этого долбаного лакея с этим чертовым камердинером, а уж тем более с Николаем Николаевичем? В общем, ты, не разобравшись толком... Ешкин дрын, ты хоть понимаешь, какое оскорбление нанес Ник-Нику, приказав выпороть его камердинера, который за ним с малых лет ходил? А ведь князь – командир гвардейского полка, причем именно того, в котором имею честь служить я! Ник-Ник сразу после встречи с тобой бросился к императору, но тот, на твое, дурак, счастье, уже изволил почивать, и охрана не решилась его беспокоить. Тогда князь помчался в караулку – а там, уже на несчастье, находился эскадрон гусарского полка! Не весь, конечно, треть людей на постах. Ты, отдавая свои идиотские приказы, почему-то забыл поинтересоваться, кто сегодня во дворце дежурит! И Николай Николаевич зашел к начальнику караула и вежливо, понимаешь, очень вежливо попросил его отправить несколько человек на конюшню и остановить творящийся там самосуд. И у начкара, сам понимаешь, не нашлось веских доводов ему отказать.

– И... что дальше?! – с трудом врубаюсь я.

– Ничего, мать твою! Естественно, что камердинера своего командира гусары отбили, а

твоих людей до особого распоряжения задержали! – «радует» Шенк. – Повезло, что твои казачки Федора Ананьевича только-только разложить успели да пять плетей отвесить! Ты что, совсем дурак – сто нагаек «прописывать»? Это же верная смерть! Балбесина стоеросовая!!!

– А ты-то почему здесь очутился?! – недоумеваю я.

– Со мной все гораздо интереснее! Я как раз в бодрствующей смене был. И лично меня князь на речку отправил, а непосредственным спасением камердинера другие занимались.

– Так тебя лакея спасать отправили?

– В том то и дело, что нет! – огорошивает Шенк. – Не спасать, а взять твоих людей с поличным – дожидаться, когда они лакея под лед спустят, и накрыть. Для того архаровцев твоих, что лакея топить ехали, из дворца и выпустили, хотя перекрыть входы-выходы – минутное дело! Тебе повезло, что именно меня вдогонку послали. Я их, мудаков твоих, возле реки перехватил – они в темноте прорубь искали. Ты что – не мог этого лакея втихаря удавить, раз уж приспичило? Пришлось нарушить в присутствии своих подчиненных прямой приказ командира полка – отправил я твоих казачков на конспиративную квартиру, а гусар обратно в Зимний увел. В общем, показал себя как твой приверженец, что наверняка повлечет для меня весьма серьезные последствия. Но отдать такую улику, как труп, а к нему вдобавок живых исполнителей в руки Ник-Нику я не мог!

– Но почему?! – недоумеваю я. – В смысле – зачем Ник-Нику труп лакея? Ну, отбил он своего камердинера, спас бы и лакея заодно! Но труп?!!

– Эх, четвертый год ты здесь ляжку тягаешь, а до сих пор не научился интриги плести... – вздыхает Шенк. – Пойми, дубина! Императорская фамилия за 300 лет не могла не научиться остерегаться маньяков и... чересчур крутых реформаторов на троне. Картина маслом: завтра утром великий князь Сергей Александрович, насвистывая итальянскую оперетку, приходит попить чайку к императору Александру. И за второй чашкой, мимоходом, сообщает о милых ночных шалостях Ники. И о том, что СЕМЬЯ возмущена. Дальше... Срочно созван совет императорской фамилии и принимается решение об отрешении Ники от прав наследования престолом. Наследником престола до совершеннолетия Михаила назначается великий князь Владимир Александрович.

– Не пойдет *rara* на такое! Никогда! – в запале говорю я, но в душе уже шевельнулись сомнения.

– Еще как пойдет! – решительно рубит Шенк. – За подозрение в воровстве отправляли в Ташкент. За убийство, ешкин дрын, отправят на Таймыр.

– Пусть только попробуют, да я их... – вскакиваю я, но Петрович толчком в грудь роняет меня обратно в кресло.

– Что «ты»? Верные лично тебе полки будут заблокированы частями гарнизона. Кто сейчас командует округом? Владимир Александрович – самый заинтересованный в твоём отстранении человек! Зимний дворец оцепят поднятые по тревоге преображенцы и семеновцы. А у тебя кто есть? Ты над твоими любимыми атаманцами просто шеф! У полка свой командир есть! А сторонников своих тебе за час не собрать... И все! Финал. За что боролись, на то и напоролись... Разве что сошлют не на Таймыр, а куда-нибудь в более удобные места, – подумав, добавил Шенк, – в смысле для охраны удобные: чего людей-то в такую дупу загонять? Неужели не понимаешь, государь хренов, что со своей политикой сближения с Германией ты перешел дорожку очень многим? И они только повода ищут, чтобы начать тебя рвать? Вот получим мы прямо сейчас «Заговор великих князей» и «примкнувших к ним»...

– Все, все, все! – Я поднимаю руки в шутливом жесте капитуляции. – Я все понял!

– Ты главного не понял! – не унимается Шенк. – Мы все на тебя завязаны! Случись что с тобой – и аллес! Ни в одиночку, ни даже объединившись, мы без твоей поддержки сверху ничего не сделаем! Даже Алексей и Павел! Первый так и будет со своим флотом возиться, а второй с Транссибом! Тебе надо тщательно продумывать последствия своих поступков, а не руководствоваться в решении сиюминутными эмоциями!

Я молчал, понимая и принимая правоту сказанных Петровичем слов. Только сейчас я начал осознавать, в какую жопу чуть не загнал себя и все наши планы... И что самое хреновое – конфликт-то ведь не исчерпан. «Дядюшка» Николай Николаевич мне такого не простит. Хорошо еще, что лакея этого утопить не успели...

– Ты знаешь, Петрович, а ведь наличие в запасе живого потерпевшего поможет нам закрутить весьма интересную комбинацию по дезавуированию в глазах императора всей этой великокняжеской кодлы! – задумчиво сказал я. – Ты прикинь – возбуждают они дело о лишении меня прав на престолонаследие. Мотивируя совершенным убийством. Однако – трупа нет, свидетелей нет, ведь мои казачки, да и твои гусары, надеюсь, молчать будут. В общем, все строится на подозрениях и косвенных уликах. А тут – бац! В самом разгаре семейной перепалки – выводят этого лакея. Ну и я получаюсь весь в белом, а все остальные – в говне!

– Ох и дурень ты, Олежек, ох и дурень... – устало вздохнул Шенк. – Не будут мои гусары молчать! Какой им смысл? Из-за любви к цесаревичу? Ты не девка, чтобы тебя так любить! Из уважения ко мне? Так за прошедшие с момента вселения полгода я не успел стать им отцом родным, да, собственно, и не стремился... Ты понимаешь, я, спасая тебя, подставился по полной! Прямой приказ Ник-Ника был: брать убийцев на месте преступления! А я твоих придурков отпустил! Завтра мои подчиненные доложат куда следует, и все... Надеюсь, что до суда офицерской чести не дойдет, но в гусарском полку мне уже не служить... Ну, раз уж так все повернулось – значит, ждет меня дорога дальняя, страна Ирландия... А теперь послушай напутствие отеческое...

И до меня вдруг дошло, какую шутку сыграл со мной его внешний вид. Он ведь не молодой гусарский корнет, а много повидавший генерал военной разведки. С огромным опытом тайных операций. И все, что он мне сегодня присоветует, – надо делать неукоснительно. А то, что он непременно придумает, как выкрутиться из этой непростой ситуации, я почему-то не сомневался.

Но начал Петрович издавека...

– Хочу тебе разъяснить по пунктам, что вообще произошло и что ты, стервец, натворил. На будущее урок, чтобы в дальнейшем так не косячить. Вот слушай. Пункт первый. По дворцу поползли слухи, что немка спит с женихом, не дождавись свадьбы. Слухи дошли до Марии Федоровны, и она кулуарно пропесочила Ники и Моретту. Не за то вора били, что воровал, а за то, что попался. А также за то, что на нравы и общественные приличия наплевали так явно, что сплетни могут выйти за пределы дворца и нанести урон престижу царствующего дома.

Пункт второй. Разобиженный в лучших чувствах Ники приказал найти источник утечки информации. И кому? Не своему главному охраннику Гревсу и не будущему председателю будущего КГБ Васильчикову. А простым казачкам-ординарцам! Путем проведения оперативно-следственных мероприятий доморощенными сыщиками было установлено, что лакей Акакий поведал камердинеру великого князя Николая Николаевича о том, что Моретта не ночует в собственной спальне. Взявшееся с потолка, бездоказательное обвинение, что именно великий князь Николай Николаевич был распространителем слухов в императорском семействе, оставим на твоей совести. Сплетни среди обслуживающего персонала – дело обычное. Хотя, пожалуй, этот мелкий грех более характерен для женщин. Как мог чей-то лакей узнать, что Моретта не ночует в своих покоях, – вопрос отдельный, мужчин в дамские комнаты не допускают. Уборкой в покоях прочих принцесс занимаются горничные. По умолчанию, камер-дамы и фрейлины Марии Федоровны, опекающие Моретту, проболтаться точно не могли. А уж проводить Моретту до самых покоев цесаревича – вообще из области фантастики! У тебя ведь здесь тройное кольцо охраны стоит! Это тебе понятно? – хмуро спрашивает Шенк.

Я обалдело киваю. Вот так! Мордой об стол. Да еще и повозили означенной глупой мордой по означенному столу. А Петрович продолжает:

– Ну, раз с этим разобрались, следуем дальше! Пункт третий. Великий князь Николай

Николаевич тайно встречается с лакеем и камердинером, чтобы, не поднимая шума, уточнить подробности. Вполне возможно, он просто хотел убедиться в правдоподобности слухов. Но, впрочем, предположим, что именно этот великий князь – злостный распространитель этих слухов... Давайте зададимся вопросом: с какими целями он это делал, чего хотел достигнуть? Зачем ему лично встречаться с лакеем и выяснять подробности, если результат уже достигнут. Пряники уже розданы, и новые подтверждающие сообщения, собственно, не нужны. Но наш любимый цесаревич, как обычно, действует неординарно... Тебе не кажется, что логичнее было бы втихаря разъяснить лакею, что трепаться вредно для здоровья. Чьему камердинеру сообщалось, ты уже узнал. Но нет! Наш герой, блин, считает, что лучше всего поймать всех интересующихся лиц в момент передачи информации. Зачем тебе это понадобилось? – испытующе смотрит на меня Шенк. – Если все фигуранты ясны!

Пункт четвертый. Всем сестрам роздано по серьгам: великого князя просят удалиться, его камердинера волокут на конюшню, чтобы выпороть, а лакея грузят в мешок с целью утопления. Зачем? Чтоб наутро весь двор узнал, что во дворце завелся убийца, и, испугавшись, прикусил язык!

Я тяжело вздыхаю. Блин, кругом он прав! Это же надо было так обгадиться! Господи, куда ты дел мои мозги?

– Самоконтроль, умение сдерживать собственные эмоции и желания – вот отличительные особенности, которыми должен обладать руководитель любого ранга, не говоря уж о будущем императоре! – наставительно говорит Шенк. – А ты, салабон гофрированный, показал, что тебе это недоступно. Ешкин дрын, ты ведь постоянно подобные фортели выкидываешь!

– Это когда? – вскидываюсь я.

– Тебе примеры нужны? – рычит Шенк. – Начнем с убийства Солсбери! Ты ведь даже не понимаешь до сих пор, что ты тогда натворил! Никто не смог бы достоверно просчитать реакцию Британской империи на убийство премьер-министра! И это в самый разгар противостояния России и Британии! Чудо, что не дошло до открытой войны! А то, как ты красиво дал уйти в Японии главному фигуранту, которого было бы логичней взять живым и с пристрастием порасспросить! Сейчас бы мы, глядишь, располагали достоверной информацией из первых рук, а не гаданием на кофейной гуще занимались! Теперь из-за твоей несдержанности, ну что тебе стоило потерпеть до свадьбы, по дворцу поползли слухи. Ну, конечно, во всем виноват лакей Акакий Абвалкин, камердинер Николая Николаевича и сам великий князь Николай Николаевич собственной персоной.

Я, чувствуя, как горят от стыда уши, низко опускаю голову. Что же он меня так? Как щенка? Как щенка... Ведь в той жизни мне 42 года было, я три войны прошел... Опытный ведь человек! Но, видимо, опыт не тот, и оказываюсь я именно что щенком против генералов этих грушных. Действую на импульсе, о последствиях не думаю...

А Шенк уже заканчивал свою обличительно-воспитательную речь.

– Так выкристаллизовывается основное обвинение против Ники как наследника престола: отсутствие выдержки и неспособность к взвешенному анализу ситуации! Император, несомненно, любит и ценит своего сына, но убийство напоказ, чтоб знали, по пустяковому случаю, наверняка перевесит чашу весов.

– Так что же теперь делать-то, Петрович?

– Что-что... запастись вазелином! Твоя задача сейчас – оказаться первым допущенным к Александру. Первым, ешкин дрын, ты понял! Потому что именно на основании твоей версии император будет рассматривать все произошедшее. Рви к нему немедленно! И не забудь сказать, что ты сам одумался и отменил экзекуции лакея и камердинера!

Из неотправленного письма ЕИВ Александра III ЕИВ Марии Федоровне

Милая душка Минни, собственная моя маленькая жена!

Я знаю, как ты переживаешь за нашего мальчика, нашего Ники. Полагаю, les neveu²¹¹ Серж и Николаша любезно уведомили тебя о произошедших событиях этой тяжелой ночи. Но хочу сам рассказать тебе обо всем произошедшем, дабы ты, драгоценная моя подруга, могла сама оценить, кто прав, а кто – нет...

Я уже помолился и собирался ложиться спать, как ко мне вошел, нет, не вошел, а просто-таки ворвался Ники. Боже мой, видела бы ты его в тот момент! Перекошенное лицо, расстегнутый мундир, глаза горят безумным огнем.

Я не успел поинтересоваться, что с ним произошло и почему он в таком виде, как Николай немедленно стал упрямить меня «оградить» его от циркулирующих по дворцу гадких слухов о его взаимоотношениях с невестой. Удивленный и возбужденный этой странной просьбой, я начал расспрашивать его о том, что произошло. Николай со слезами в голосе сообщил мне, что он два часа назад велел своим казакам утопить какого-то лакея, распространяющего сплетни, а заодно приказал выпороть на конюшне камердинера Николая Николаевича, который деньгами поощрял этого лакея к выдумкам!

Я пытался успокоить сына, а также выяснить, что все-таки произошло. Наш маленький Ники! Ведь ты помнишь, моя дорогая, как еще каких-то десять лет тому назад наш мальчик так трогательно рыдал над убитым голубем! И вдруг «утопить, запороть»!..

Я приказал подать Ники коньяку, когда услышал в приемной какой-то шум. А через мгновение дежурный доложил, что ко мне на прием просится великий князь Николай Николаевич. Услышав это, Ники s'est étranglé avec le cognac²¹² и тихо пробормотал: «Он уже здесь, merde, abschaum!»²¹³ – добавив крепкое выражение на родном языке. Затем Ники сказал дежурному не пускать Николая Николаевича, и сказал это столь решительно, что мне оставалось только кивнуть, подтверждая его приказ.

Расспросив сына подробно, я уяснил суть произошедшего. Конечно же, прислуга требовала наказания, но ведь не такого! Я очень рассердился подобному самоуправству и начал отчитывать Ники за столь вопиющее поведение, но он попросил меня дать ему возможность оправдаться. Из дальнейшего выяснилось, что, слава богу, в последний момент Ники одумался и отменил свой преступный приказ – до смертоубийства так и не дошло! Возбужденный и рассерженный, я продолжал говорить с нашим мальчиком hautement et sévèrement²¹⁴. Но он вдруг посмотрел на меня, поверишь ли, бесценная моя Минни, чуть ли не с жалостью, и тихо, спокойно спросил: «А вы, папб, что сделали бы вы, если бы вдруг узнали, что некая la racaille titrée²¹⁵ распространяет чудовищные, les potins sales²¹⁶ о вас и о матушке? Это ведь не лакей все придумал! За ним явно кто-то стоял. Как бы вы поступили в этом случае?»

Поверь, душа моя, мне словно наяву привиделось то, о чем говорил наш мальчик. Наверное, для такого sujet²¹⁷ дело не обошлось бы starke Schlag²¹⁸ «по морде»! Наверное, я

²¹¹ Племянники (фр.).

²¹² Подавился коньяком (фр.).

²¹³ Дерьмо (фр.), подонок (нем.).

²¹⁴ Громко и сердито (фр.).

²¹⁵ Титулованная сволочь (фр.).

²¹⁶ Грязные сплетни (фр.).

²¹⁷ Субъекта (фр.).

²¹⁸ Сильным ударом (нем.).

нашел бы способы раз и навсегда отучить такую каналью от гнусного сплетничества. (Прости, бесценная моя Минни, но у меня в душе просто поднимается буря негодования, когда я думаю о подобном!)

В этот момент я вдруг неожиданно вспомнил о том страшном дне, когда некие силы буквально завладели мной. Ведь тогда нашему мальчику грозила смертельная опасность от сил нечеловеческих. Да и последующие покушения на жизнь нашего наследника вряд ли можно расценивать как l'affaire des mains de l'anarchie²¹⁹ и сумасшедших бомбистов. Нет! Тут видна та же рука, что толкала меня на чудовищное преступление в тот, едва не ставший роковым, день. Я вспомнил несчастного папб, судьба которого так потрясла нас всех. Неужели внуку уготовлена участь деда? А ведь Ники уже сейчас проявляет качества характера, присущие Петру Великому, нашему славному предку. Быть может, именно ему вручены Царем Небесным судьбы Российской империи, да и всего мира. И неудивительно, что на него обрушиваются испытания, с каждым разом все тяжелее и тяжелее предыдущих.

Охваченный этими мыслями, я совершенно позабыл о Ники, который все так же молча стоял посреди кабинета, терпеливо ожидая моего решения. Бледный и осунувшийся, с темными кругами у глаз... В этот момент он был таким домашним, таким «нашим», что я внезапно ощутил отчаянный страх за него. Он с горсткой своих преданных офицеров уже смело шагает по стезе, уготованной ему судьбой. Но что сможет сделать наш мальчик – добрый, честный, наивный, прямодушный – против всех ополчившихся на него сил?

Поверь мне, дражайшая моя Минни, в этот момент я чуть не разрыдался как ребенок. Нашего сына, моего сына, который в тот страшный день простил мне все и понял мои душевные муки, нашего дорогого мальчика ненавидят эти [далее фрагмент вымаран] и готовят ему ужасную участь! В единый миг я осознал, что не в моих силах отвратить от Ники уготованные ему беды, если он останется в столице.

В первое мгновение я подумал о Гатчине. Там Ники легко защитить, его можно окружить непроницаемой стеной верных нам полков, скрыть от злобы как человеческой, так и... [далее фрагмент вымаран так сильно, что в некоторых местах перо прорвало бумагу] ...но в следующий миг я понял, что Ники не станет сидеть под замком в Гатчинском дворце, точно в тюремном замке. Ему нужно действовать, работать, встречаться с людьми. Да и его невеста зачахнет под замком. Они просто убегут, подобно новым Клариссе и Флорану²²⁰. Но где же мне спрятать его, скрыть от враждебных козней?

Решение пришло ко мне неожиданно. Ведь Ники все равно должен обвенчаться с Мореттой. Так, значит, – в Москву! Прежде чем решение оформилось окончательно, я уже написал рескрипт об откомандировании Ники в Московский военный округ, где он должен служить при штабе. Надеюсь, что в старой столице наш мальчик будет в безопасности от... [далее фрагмент вымаран].

До свидания, моя милая душка Минни. От всего любящего сердца обнимаю тебя. Целую Ксению, Мишу и Ольгу. Христос с вами, мои душки.

Твой верный друг Саша

Интерлюдия

В небольшой (всего три спальни, кабинет, столовая и гостиная, не считая кухни, гардеробной и кладовки) квартире, что находилась в бельэтаже доходного дома Сальникова на Фонтанке, собралась интересная компания. В самой дальней от входа спальне трое казаков-атаманцев, сидя прямо в сапогах на огромной кровати, лихо и азартно резались в

²¹⁹ Дело рук анархии (фр.).

²²⁰ Герои средневековой рыцарской поэмы.

подкидного дурачка на щелбаны. В углу той же комнаты тихо сидел на полу бледный съезжившийся человечек, одетый в лакейскую ливрею. А в большой гостиной нервно мерил шагами пространство от окна до двери высокий сутуловатый капитан-генштабист. Офицер изредка косился на стоящую на кофейном столике початую бутылку коньяку, но позволил себе только одну рюмку.

Хлопнула входная дверь, простучали по коридору подкованные каблуки, и в гостиную ворвался румяный с холода гусарский корнет. Мельком глянув на коньяк, корнет шагнул к капитану, и офицеры обменялись рукопожатием.

– Знаешь уже? – вместо «здравствуй» сказал гусар.

– «Эти» рассказали! – кивнув на дальний конец коридора, ответил капитан.

– А... добрались все-таки... мучачье... Хотя это радует!

– А что бы им не добраться – двое из них здесь с цесаревичем бывали.

– Вот как раз насчет этого... гм... цесаревича я с тобой и хотел поговорить! Давай уже сядем, по капельке нальем, а то я, ешкин дрын, всю ночь на ногах! – предложил корнет.

– Давай, – кивнул капитан, – в ногах правды нет!

– Но нет ее и выше! – хмыкнул гусар, ловко разливая по рюмкам коньяк.

Хлопнув без закуски по сто грамм, офицеры закурили и синхронно откинулись на спинки кресел.

– Альбертыч, ты уверен, что мы поддерживаем нужного человека? – после пары затяжек задал вопрос гусар. – Он ведь чуть все дело не завалил! Если бы я этих гавриков у проруби не перехватил – мы сейчас имели бы на руках труп. А труп – это очень веский довод в пользу отстранения нашего человечка от прав на наследование престола.

– Видишь ли, Петрович... – задумчиво сказал капитан, вертя в пальцах пустую рюмку. – Я знаю Олега очень давно – Димка нас после своей первой командировки познакомил... Олег – человек с авантюрным складом характера. Здесь и сейчас – его стихия. Надо только вовремя его одергивать.

– Ага, дожидаться, когда он очередного злодея прибьет, и вежливо ему попенять! – хмыкнул гусар. – Вчера он наехал на Ник-Ника, а завтра? На В.А. или С.А.²²¹? И чем это кончится?

– Пойми, Петрович, Олег ко всей этой великокняжеской кодле еще с прошлой жизни крайне негативно относится... Ибо совершенно справедливо считает – именно они просрали империю.

– И что будет, когда он, наконец, дорвется до абсолютной власти? Устроит всей романовской семейке «ночь длинных ножей»?

– Не знаю, Петрович, не знаю... Чтобы такого не произошло – здесь теперь есть мы.

– Да плевать он на нас хотел! Подумаешь – современники на помощь прискакали! Он уже с этим временем сроднился! Ты заметил, что о своей семье – жене и детях – он даже не спросил? Потому как живет в мире, который дает гораздо большие возможности для удовлетворения его амбиций! Ты правильно заметил – здесь его стихия! Здесь его тонтон-макуты готовы перерезать глотку первому встречному, здесь он манипулирует императором, здесь его государем величают! А казачки его себя уже «лейб-кампанцами» почувствовали! Отправились человека топить без всяких угрызений совести...

– Пойми, Петрович, Олег долгое время был наедине с этой эпохой, что не могло не сказаться на мировоззрении! Я не хочу оправдывать его последнюю выходку, но ты сам вспомни: он человек из двадцать первого века и подсознательно считает, что все, что он делает, служит благу России.

– Убивать лакеев и запарывать насмерть камердинеров – на благо России? Ты сам-то понял, Альбертыч, что сказал?

– Он знает, что вскоре последует кровавая эпоха, и считает – для ее предотвращения

²²¹ Петрович имеет в виду великих князей Владимира Александровича и Сергея Александровича.

годятся любые средства. А тут – нервное истощение, постоянный стресс от возможности новых покушений, гормоны молодого тела – тебе ли не знать, Петрович, желание защитить честь невесты, да и перед своими людьми лишний раз покрасоваться. Вот и случилась с ним фактически мужская истерика, при которой разбиваются не тарелки, а головы!

– Ах он бедный, больной юноша! – язвительно сказал гусар. – Может, ты предлагаешь его для отдыха на воды отправить? В Баден-Баден?

– Хорошая мысль! – неожиданно серьезно согласился капитан. – Только за границу отправлять опасно. А вот в Ливадию... Или в Кисловодск... В Абас-Тумани... На Кавказ, в общем!..

– Ага... На Кавказ... путевку в Сочи за ударный труд... – не унимался гусар. – Ты вообще в курсе, что с 1887 года Ники должен был начать регулярную военную службу в Преображенском полку... но он уже посоветовал командиру этого полка «прочистить пару задниц»... В полк Ники надо отправлять, в полк... Короче – другого цесаревича у нас нет. Если только... Если только не ликвидировать императора с детьми, да Владимира Александровича до кучи... Тогда у власти снова встанет наш человек!

– Н-да, Петрович, ну ты и предложил... – Капитан встал с кресла и сделал пару кругов по комнате. – А еще Олега в кровожадности обвиняешь! Ладно, оставим твой план на самый крайний случай – если наследник совсем из-под контроля выйдет.

– Ну, на крайний так на крайний... – Гусар, кажется, и сам был смущен негаданно вырвавшимся предложением. – Я ночью Олегу мозги малость вправил – надеюсь, что теперь он станет осмотрительней.

– А теперь, Петрович, рассказывай, как дело было! – предложил капитан.

Корнет очень подробно, упоминая самые мелкие детали, рассказал про события прошедшей ночи.

– Провокация! – уверенно резюмировал услышанное капитан. – Кто-то очень тонко сыграл на вспыльчивости нашего общего друга!

– Ты уверен? – корнет не то чтобы усомнился, но просто решил уточнить.

– Вполне! Мало того, сдается мне, что Николая Николаевича специально подставили! А если бы не сработал вариант с ним, то, думаю, под раздачу попал бы Сергей Александрович. Всем известно, как цесаревич к нему относится.

– Согласен! – подумав, кивнул корнет. – Вот только, боюсь, искать распространителя слухов тебе придется в одиночку!

– Ты тоже под молотки угодил?

– А то! – хмыкнул корнет. – Подставился по полной! Приказ-то был: брать с поличным, а я убийцев этих сюда отправил. Так что... С самого утра в полку офицерское собрание заседает. Я единственный, кого не пригласили. Уже понятно, каким будет решение.

– Рапорт об отставке предложат написать?

– Это в самом мягком варианте! – усмехнулся гусар. – А то ведь у кого-нибудь ума хватит на дуэль вызвать. Или у Ник-Ника разыграет ретивое – оставит в полку, но будет уставной службой изводить.

– Да уж – продолжение службы на таких условиях – не самый лучший для нас вариант!

– Самый лучший для нас вариант – громкий скандал на почве уличения меня в связи с цесаревичем. – Гусар встал и сделал по комнате несколько шагов. – Один ведь черт собирался увольняться, так не было бы счастья – несчастье помогло! Теперь даже легенду для внедрения придумывать не надо! Приеду в САСШ к братьям-ирландцам и скажу: я бывший гвардейский офицер, уволен со службы за то, что открыто поддержал так понравившегося вам в прошлом году цесаревича-англофоба в пику засевшим при дворе подлым англофилам! Так давайте вместе бить проклятых лимонников!

– Правда лучше всякого вымысла! – впервые за встречу усмехнулся капитан. – Жаль, что так рано тебе ехать придется, но уж тут... раньше сядешь – раньше встанешь! Эх, черт... Петрович, опять мы с тобой по служебной надобности расстаемся... и ведь надолго!

– Да ладно, Альбертыч... какие наши годы! – корнет попытался бодриться, но было

видно, что будущее расставание с другом ему тоже не по нутру. – Надо, значит, надо... Все ведь уже продумали: связь, каналы поступления денег и оружия, план работы... В общем... здравствуй, ИРА!

Интерлюдия

Прекрасно! Замечательно! Великолепно! Честно говоря, Валлентайн и сам не ожидал, что такая простенькая интрига может привести к столь грандиозному успеху! Боже, какие же они все-таки варвары, эти русские! Всего лишь тонко распушенные слухи о бесстыдном поведении цесаревича и его невесты – и такой скандал! Даже странно, учитывая некоторую вольность здешних нравов... А как этот дурачок бросился искать источник сплетен! И ведь нашел!..

Валлентайн коротко злобно рассмеялся. Эх, если бы все его планы были так легко исполнимы. Но, к сожалению, это не так. Все попытки Валлентайна создать некую оппозиционную коалицию из недовольных членов императорской фамилии неизменно заканчивались полным провалом. И ведь из-за чего? Тупое равнодушие и фатализм! Да, они слушали его увещевания и доводы развесив уши, но как только дело доходило до планирования конкретных действий... Практически все его собеседники отвечали одной и той же фразой: Бог милостив, не допустит... Идиоты, какие же они все идиоты!

Ну, что же... подождем, пока градус недовольства среди великих князей и присных повысится. Благо, никто из будущего не дергает назад. А это означает, что там, триста лет вперед, уже никто и не помнит о его героическом прорыве к мнемотранслятору через ряды охранников и сотрудников Института времени (на самом деле Валлентайн отпихнул двух охранников и ударил по лицу девушку-оператора). Всех настигла хроноамнезия... Если там, в XXIII веке, вообще существует означенный институт...

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

Мы едем в Москву. Мы – это я, Моретта, мои «малый двор» и «малый кабинет», а также весь штат Мореттиных фрейлин, горничных, служанок, секретарей и прочая, прочая, прочая.

Правда, «малый кабинет» едет не в полном составе. Васильчиков отправился вместе с Целебровским в Варшаву, постигать под руководством старого грушника тонкости военной разведки. Зато с нами отправился в добровольную ссылку дядюшка Владимир Александрович. В последнее время он очень сблизился со мной и практически стал вхож чуть ли не в ближний круг. «Чуть ли» – это по причине моих опасений. Можете считать меня параноиком, но я не могу полностью доверять ни одному Романову. Больно уж «хороши» они были! Если позднейшие историки что и приврали, так совсем немного!

Кроме всех вышеперечисленных, к отправке в Москву готовятся офицеры и солдаты будущих лейб-гвардии пулеметной и самокатной рот. Увидав примерный список штатов этих двух новых подразделений, папенька-император крякнул, но штаты утвердил и даже, улыбаясь в бороду, сказал, что я, как тот чеховский налим, откуда хочешь вывернусь.

Дело в том, что общая численность этих двух рот, с учетом запасных, дублеров, и обучающихся, – три с половиной тысячи человек. Думаете, для пятидесяти пулеметов и сотни мотоциклов это многовато? Согласен, но как было остановить поток желающих? Достаточно сказать, что командиром одной из этих рот, после горячих просьб, уговоров и намек на возможное самоубийство, утвержден Федор Эдуардович Келлер²²², подавший ради этого в отставку с поста командира стрелкового батальона императорской фамилии.

²²² Келлер Федор Эдуардович (1850–1904) – граф, участник Сербско-турецкой, Русско-турецкой и Русско-японской войн.

Полковник Максимов, нынешний командующий конно-гренадерским полком, остался глубоко обиженным, и даже на вокзале стоял как герой известной ненаписанной картины «Не взяли!».

Но шутки в сторону: мы переезжаем. С точки зрения Моретты – это прекрасно, так как официально мы едем в Москву венчаться. С моей точки зрения – так себе. С одной стороны, я, конечно, оказываюсь в некоторой изоляции от дел столицы, и мое влияние на внутреннюю и внешнюю политику снижается, с другой – я избавлен от необходимости даром терять время на ненужные приемы, встречи с пустыми людьми и полностью избавляюсь от мелочной опеки маменьки и милых родственничков в придачу.

Неприятная сторона нашего переезда смягчается еще и тем, что какая-то добрая душа (найду – отблагодарю по-царски!) распустила слухи о слабом здоровье Александра номер три и о его страдании неизвестной науке болезнью. Так что в преддверии возможной смены самодержца я стал весьма популярен среди всех близких к власти людей.

– Милый! – О, счастливая невеста нарисовалась! – Милый, там oncle Voldemar спрашивает твоей аудиенции, – гордо сообщает она и уже другим, капризным тоном добавляет: – Не то что твои казак'и, которые вечно врываются без спросу.

Приходится напустить на себя удрученный вид. Действительно, позавчера, в разгар горячего поцелуя, в мой кабинет влетел урядник Брюшкин со срочной телеграммой от Гейдена. Брюшкин, бедолага, тут же схлопотал десять суток ареста (правда, пробыл арестантом всего полчаса, но об этом Моретте знать не обязательно), однако Моретта все еще дует на меня...

Но к делу. Великий князь Владимир Александрович, в прошлом – задушевный друг генерал-адмирала, осознал трогательное отношение своего старшего брата к племяннику, сиречь Сереги Платова – ко мне, грешному, и решил, что ему тоже будет не вредно держаться к цесаревичу поближе. Что и исполняет с удивительным упорством. Правда, стоит отметить, что делает он это не только с упорством, но и с приложением мозгов и труда. Вот сейчас, к примеру, он принес новый проект учебной программы для военного, имени князя Суворова-Рымникского, училища, чьим официальным патроном являюсь я. Ну-с, почитаем, полюбопытствуем...

Когда через два часа, наученный горьким опытом и Мореттой, Шелихов осторожно стучится в дверь моего салон-вагона, мне остается только изумленно вздыхать: какого черта ни один историк нигде не упоминал, что великий князь Владимир был гений педагогики?! Да и не только педагогики! Программа так хороша, что у меня сперва закрадывается смутное подозрение об участии в ее разработке кого-то из современников. Но на каждую новую мысль следует тщательно разработанное пояснение: зачем это делать и как осуществлять. Современник такого писать бы не стал: для него это само собой разумеется. А дядюшка, значит, сам до всего допер?! Малатца! Жжот!..

Шелихов бодро рапортует, что через пять минут мы прибываем в Бологое, где нас уже ожидает прием и манифестация верноподданного населения. Придется бросить дела и выйти поприветствовать...

...Бологое вызвало смутное воспоминание о старом, еще из того времени анекдоте: «Бывал я в Бологом-с, господа. Дыра страшнейшая!» Прав был поручик Ржевский – дыра. Ну да ладно: до Москвы больше остановок не будет. Так в Первопрестольную с ветерком и влетим...

...Влетели. Наш поезд тихо втягивается в Николаевский вокзал. Моретта с любопытством смотрит в окно – Москвы она еще не видала. Интересно, что она ожидает узреть из окна поезда?

На перроне – оркестр и почетный караул 12-го гренадерского Астраханского его величества полка (шеф полка – император Александр III). Нас встречает смутно знакомый по немногим балам и приемам и прекрасно знакомый по произведениям Акунина московский

генерал-губернатор князь Владимир Андреевич Долгоруков²²³. Стараясь не показать своего изумления, я разглядываю пожилого человека, неловко стоящего на подагрических ногах. Сходство с персонажем романов столь велико, что я невольно ищу глазами в свите «Володьки» чиновника для особых поручений Фандорина. Волшебная сила искусства!

Кроме Долгорукова здесь присутствует и мой новый начальник Бреверн де Лагарди²²⁴. Великий полководец, однако! В свое время здоровый, румяный кавалергард глянулся здоровому, румянному Николаю Павловичу, и все – карьера сделана! Так и отслужил свои пятьдесят восемь лет весь в боевых гвардейских парадах и рискованной дворцовой службе. Александр, тля, Македонский! Смешно, но ведь я-то больше его в войнах поучаствовал, порошу и кровушки понюхал, а он теперь меня воевать учить будет... Или не будет? Раз столько времени при царствующих особах да на командных должностях обтирался, должен ситуацию видеть почище любого шахматиста. Наверняка он с меня пылинки сдувать начнет. Глядишь, еще и мои идеи в жизнь претворять станет...

А вот это – фигура куда более интересная! Генерал-лейтенант Духовский²²⁵. Кстати, вот он-то – мой непосредственный начальник. Я ведь к штабу приписан. Та-ак, будем посмотреть...

Однако приглядеться поближе к новому начальству не выходит. Долгоруков тащит нас в Кремль, на парадный банкет в нашу честь. Но вот что любопытно и, не скрою, приятно: к моим «конвойцам» отношение самое предупредительное. Видать, дошли уже и до Белокаменной слухи о моих демократических нравах, вот «Володька» и подстраивается под будущего императора. Да не переживайте вы, князь, не переживайте. Не стану я вас на пидора менять. И Каляев вам не страшен: его задолго до этих событий уже определяют лес пилить...

Рядом с нами вьется, рассыпая Моретте комплименты на безукоризненном берлинском диалекте (даром, что ли, прадедушку в поездке в Пруссию сопровождал?!), Бреверн де Лагарди. Вот же, прости господи, фамилия! Язык в узелок завяжется. Как бы тебя сократить-то, а? «Бревном» будешь. Кстати и по смыслу...

...Большой Кремлевский дворец сразу наполняется шумом, гамом и суетой. Атаманцы и стрелки под руководством Гревса осваивают новые места караулов и секретов. Связисты, с Глазенапом во главе, тянут дополнительные телефонные и телеграфные линии. Махаев уже прикидывает места установки пулеметов, капитан Волкобой²²⁶ деловито ругается с кем-то по поводу состояния кремлевских конюшен, в гулких коридорах раздается начальственный рык Ренненкампа. Фрейлины Моретты бестолково мечутся, добавляя «порядка и организованности» всему происходящему. Я четыре с половиной минуты ждал чаю для Моретты, а коньяка так бы и не дождался, если бы «дядюшка» Владимир не презентовал мне свою фляжку. Я с удовольствием прикладываюсь к золотистому нектару и с завистью вспоминаю Владимира Александровича. Он-то уже обосновался в Малом Николаевском дворце и, наверное, наслаждается отдыхом после дороги. Еще бы! Николаевский дворец раза

²²³ Долгоруков Владимир Андреевич (1810–1891) – князь, российский военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, московский градоначальник, московский генерал-губернатор в 1865–1891 годах.

²²⁴ Бреверн де Лагарди Александр Иванович (1814–1890) – граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, с 1879 г. – командующий войсками Московского военного округа.

²²⁵ Духовский Сергей Михайлович (1838–1901) – генерал от инфантерии, участник боев на Кавказе (1864), Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Начальник штаба Московского военного округа, в дальнейшем – Приамурский и Туркестанский генерал-губернатор.

²²⁶ Волкобой Петр Миронович (1859–1918) – генерал-лейтенант (1915). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг.

в четыре меньше Большого, да и для жизни более подготовлен! У-у, хитрюга!..

– Государь, – рядом со мной, точно из-под земли, вынырнул Георг «Греческий», – полковник Келлер сообщил: второй эшелон пулеметной роты задержан на узловой станции Окуловка. Третий эшелон стоит в Питере под погрузкой...

– Джорджи, распорядись, чтобы в Окуловке бойцам было организовано горячее котловое питание. Начальнику эшелона уточнить сроки отправки и доложить лично мне. Передай Глазенапу, что по всем депешам о продвижении эшелонов учебных рот – категория «Воздух!».

Козырнув, Георг исчезает. А вместо него уже стоят, с видом сироток, внезапно обретших потерянного отца, мои ближние офицеры. Они радостно сваливают на мои плечи столько проблем, проблемок и проблемищ, что остается только пожалеть: зачем дядя Вова не носил с собой цистерну с коньяком? Тут не то что без пол-литры – без полтонны не разберешься!..

...Через три недели жизнь в Москве перестает нестись бешеным жеребцом и постепенно входит в нормальную колею. Моретта познакомилась с московским дворянством и теперь пристаёт ко мне с идеей организовать большой прием для новых друзей. Духовский сунулся ко мне с наставлениями по военному снабжению, а напоролся в ответ на пятиминутную лекцию о роли рокадных дорог и декавилей²²⁷. Послал восторженный отзыв Даниловичу²²⁸ и теперь пристаёт ко мне на предмет плодотворной работы в штабе. Долгоруков, прошерстивший всю информацию, которую ему только смогли собрать обо мне, предложил участвовать в проекте перевода московской конно-железной дороги на электрическую тягу. Кстати уж, и о метрополитене предложил подумать, а то «странно, ваше императорское высочество: у англичан есть, а у нас – никак!».

Москвичи, в общем, довольны появлением в своем городе цесаревича. Их многолетнее фрондерство старой столицы перед северным парвеню сейчас получило дополнительный толчок: еще бы! Наследник престола бросил напыщенный Петербург и приехал в Первопрестольную! По слухам – надолго, едва ли не навсегда! За это мне прощают даже превращение Кремля из проходного публичного места в закрытый режимный объект. Гревс постарался. Он окончательно превратился в начальника моей охраны и вот теперь развернулся на всю катушку. Ворота Кремля, кроме Спасских и Боровицких, закрыты, по стенам шагают бдительные часовые, введена система пропусков и паролей. Причем систему Александр Петрович сотворил настолько сложную, что приехавший в Белокаменную Димыч (приволок десять пулеметов, молодчик!) битых полтора часа не мог прорваться не то что ко мне, а вообще, на охраняемую территорию. Если бы мимо не проходил Георг, так его еще часа три бы мариновали! Крутой разговор с Гревсом ни черта не дал. Он с видом великомученика на все вопросы, предложения и замечания отвечал только, что безопасность государя – превыше всего. В конце концов, мы с Политовым, доведенные до белого каления, выдрали из Гревса именные бессрочные пропуска на всех, входящих в «ближний круг», и предупредили бравого конногренадера, что если только, то еще как! И мало не покажется!

Учебные роты начали занятия. На Ходынском поле с утра до вечера гудят автомобильные моторы. Русские самокатчики в отличие от их европейских коллег готовятся ездить не на велосипедах, а на автомобилях. Потом еще и мотоциклы появятся – Димыч клятвенно обещал.

Пулеметчики тоже не отстают. Практически каждый уже может с завязанными глазами разобрать и собрать оружие, в Сокольниках полным ходом идут практические занятия, по выбору позиции на местности, стены тиров содрогаются от грохота выстрелов. Плюс

²²⁷ Декавиль (декавилька) – от франц. decauville – узкоколейка, узкоколейная железная дорога.

²²⁸ Данилович Григорий Григорьевич (1825–1906) – генерал от инфантерии, военный педагог, был воспитателем Николая II и великого князя Георгия Александровича.

передвижение по-пластунски, азы разведки, рукопашный бой, снайперские стрельбы и т. д. и т. п.

К моему сожалению, через месяц московских каникул убыл в Петербург дядюшка Владимир Александрович. Жаль, право. Толковый мужик. Но перед отъездом он клятвенно обещал не забывать племянника и приезжать так часто, как только позволят обстоятельства. Однако на скуку жаловаться не приходится. К ссыльному наследнику постоянно приезжают из Питера «ходоки». Бунге и Гейден, Титов и Победоносцев, Куропаткин и Вышнеградский – вот далеко не полный перечень визитеров. Александр III тоже не забывает о моем существовании и частенько посылает ко мне новые проекты. Поговаривают, что у «всенародного папаша» появилась даже новая резолюция на документах – «В Москву!». Так что о тихой семейной жизни, о которой мечтала Моретта, и речи не идет...

В Александровском юнкерском училище ввели курс «русской гимнастики», и теперь мои телохранители, атаманцы и стрелки, периодически выступают в роли наставников, посвящая будущих офицеров в тайны благородного искусства отъема жизни и здоровья ближнего без применения вульгарных приспособлений. Юнкера оказались благодарными учениками, и скоро русская армия получит первую порцию инструкторов рукопашного боя...

К июню жизнь в Москве окончательно наладилась. Вот-вот и свадьбу играть будем. Вот только проводим флот в Японию, и вперед.

Интерлюдия 229

Рабочий день Саввы Алексеевича Лобова, главного охранителя Стальграда, заканчивался буднично. То есть хреново, откровенно говоря, заканчивался. Сплошь труды и заботы. А Савва Алексеевич, между прочим, уже не мальчик, и нервишки шалят, и в боку что-то этакое иногда покалывает, и седина в волосах изрядные позиции заняла.

Вообще-то Лоб, как незатейливо промеж себя называли Савву Алексеевича и полицейские, и «фартовые», четыре года назад соглашаясь на предложение Рукавишникова возглавить Службу безопасности завода, самую чуточку рассчитывал, что основные тревожнения в жизни останутся в прошлом. Ну какие страхи могут быть на службе, по большому счету никому не нужного, непутевого сынка богатея, вдруг решившего начать собственное дело? Прогореть не прогорит, продукцию Канавинского завода и до его реконструкции скупали до последнего железного прутка. В России, знаете ли, не так уж много источников соответствующей продукции, так что за неимением принцессы приходилось довольствоваться горничной. Конкурентам Рукавишников особенно уж сильно досаждал не должен – ровно по той же самой вышеозначенной причине. Будет, конечно, разное мелкое воровство своих же работников (дело знакомое, и весьма свойственное, как ни прискорбно, и самим полицейским чинам) и разные умеренные неприятности с конкурентами. Ну и что? Это вам не с Карасем сойтись, заполучив предварительно по пуле в плечо и левую ногу, и уж безусловно никакого сравнения с тем поганым случаем, когда удалось-таки закрыть в общей сложности примерно полсотни торговцев «живым товаром», имевших крепкую поддержку в *сферах* и оттого позволивших себе в ходе следствия перебить треть полицейских Нижнего²³⁰. Мать же вашу, сколько тогда правильных ребят полегло, пока эту гниду, их высокого покровителя, в Питере не прижучили... Между прочим, именно из-за того случая местные власти и закрывают пока глаза на немаленькую частную армию Рукавишникова – последняя уже зарекомендовала себя серьезной силой, борющейся исключительно за правопорядок, в случае чего готовой дружить и сотрудничать.

²²⁹ Интерлюдия написана Иваном Сергиенко.

²³⁰ Реальный случай.

Возможно, могли быть неприятности со стороны нашего дорогого старшенького братца Ивана Михайловича, причем как в случае конфликта с оным, так и в случае союза. С конфликтом понятно – взвыл купец, жалко ему, понимаете ли, части семейных денег, уведенных братцем Сашенькой, ату его, тунеядца! Да и с союзом как бы тяжелей не пришлось. В свое время Иван Михайлович потратил немало времени и сил, чтобы отбиться от некоторых потенциальных вкладчиков, отяжеленных самой препакостной репутацией. Что ж поделать, Нижний – пересечение самых разных торговых интересов. Случается, с одного берега на другой можно пройти как посуху, просто идучи себе с кораблика на кораблик. Не все, чем здесь торгуют и что везут в ту или другую сторону, имеет честь по чести выправленные таможенные разрешения. Кое-что и вовсе, с точки зрения законоуложений империи, способно утянуть своих владельцев на дно (и не только в переносном смысле). Как легко догадаться, образуется масса свободных «черных» денежек, каковые где-то нужно обелить. Стойкое нежелание чистюли Рукавишникова-старшего в подобном участвовать не всеми понимается правильно. Так что союз с банкиром означал бы возможные конфликты с теми самыми «не всеми».

Увы, жизнь, как однажды выразился *шеф*, разбивает все надежды и мечты. Сначала выяснилось, что новый работодатель, дражайший наш Александр Михайлович, задумал столь радикальные преобразования завода, что теперь уже даже и заводом наше дело не назовешь. Вполне себе город, и не самый маленький. Новый Нижний Новгород, хе-хе. А сие означает неимоверные хлопоты по организации своей «сети». Одно дело – за парой сотен человек приглядывать, другое – за двенадцатью тыщами (и это, между прочим, не предел, добавочные жилые корпуса уже запланированы). Во-вторых, шеф оказался личностью на редкость бесцеремонной и беспокойной. Мыслимо ли в торговле наступать на ноги стольким неслабым людям, причем в нескольких разных сферах деятельности и притом почти одновременно? К примеру, посудой и утварью до того в Нижнем и весьма отдаленных окрестностях торговал один оч-чень непростой господин, имевший с той торговли очень хорошую денежку. Только его одного следовало месяц-другой разрабатывать и *мать*, дабы избежать ненужных сложностей. Ну ладно, с ним-то вопрос *порешали*, благо иных работников того господина нам ранее доводилось видывать по ту сторону решетки, было о чем поговорить вежливо... Но ведь Александр, мать его, Михайлович ухитрился поссориться в кратчайшие сроки с десятком-другим таких вот господ – и ложки-тарелки еще мелочью были, по сравнению с тем же кровельным железом. Сколько вопросов возникло, сколько претензий сняли, да и пострелять пришлось... Правда, и вознаграждение соответствовало, грех жаловаться, оплата у Рукавишникова-младшего четко с заслугами коррелировала.

А тут еще и этот братец. Не зря у нас считают, что банкиры, игроки биржевые и разбойники-налетчики – этакие смежные и близкие профессии. Что задумал, стервец: натурально бандитским налетом на серьезнейших и влиятельнейших людей урвать такой кусочек, такой кусочек... это вам не паршивые сутенеры с элементами работоторговли. За долю в Новороссийском обществе каменноугольном его владельцы при случае не то что полицию – половину Нижнего вырезали бы безо всяких для себя неприятных последствий. Хорошо еще Демьян до *беседы* Ивана Михайловича с господами Митрофановым, Еремеевым, Бестужевым и Юзом обсказал намерение этого долбаного Ваньки Каина нам, бравым. Появилась возможность все спланировать и ненавязчиво, через Демьяна, до Рукавишникова-старшего довести рабочий план операции. И ту ведь чуть не угробил, поганец финансовый, – ну с чего ему пришла мысль Демьяна-то выгнать на воздух? Можно подумать, нельзя было на английский перейти, коли уж была нужда таиться. Можно подумать, Иван Михайлович его знает много хуже русского, лопух недоделанный. Да еще и проблему мимоходом нарисовал – хрен сотрешь... ну да об этом после.

Кажется, началось...

...Хотя в Стальграде имелись и собственные, вполне приличные, кабаки, предлагавшие широчайший спектр возможных удовольствий (конечно, в рамках дозволенного) и приличных девочек, неоднократно проверенных неплохими докторами, у иных работников

нашего славного городка появилась молодецкая привычка изредка *буйнить* где-то за его пределами. Все до единого кабака в Нижнем, один черт, принадлежат господину Еремееву, который, скот этакий, очень хочет воздвигнуть братьям Рукавишниковым коллективный памятник – но непременно надгробный и, крайне желательно, уже вчера. Так что если в тех кабаках как следует выпить, повеселиться с девками, а напоследок слегка побить невезучих клиентов и что-нибудь этакое по доброте душевной сломать – то это вроде как в старые времена сходить казацкой ватагой в Крым и вернуться с добычей. Тем более что с некоторого времени господин Еремеев реагирует на подобные выпады необычно мягко.

Вот и сейчас двое стальградцев (да не абы каких, а из дружинников, соответствующие знаки отличия все умеющие говорить жители Нижнего отлично знают), безусловно вменяемые, хоть и слегка веселые, направляются в «Пряник» – место весьма приличное, между прочим. Обычных работяг в такое не пустят, даже стальградцев, но то в обычных случаях.

Видите ли, не далее как вчера Яшка, резкий невысокий живчик, и Демьян, натуральная верста коломенская, влипли именно на молодецком гулевании. Все в целом, как обычно: культурная выпивка в заведении средней руки с «оригинальным» названием «Шинок», беседы о разном, чем-то не угодившие приличным на вид молодым людям с двух соседних столиков. На вежливую просьбу – мол, мужики, не горячитесь, все путем – последовал ответ о том, где именно должны находиться мужики. Такие вот слизни и выродки, как Яшка с Демьяном. И кто именно их родил. И каким образом.

Естественным продолжением диалога являлась неравная драка против шестерых типов, явно относившихся к миру насквозь уголовному – только они подобным образом реагируют на «мужиков». Неравная для той шестерки – на Яшку и Демьяна молодых людей такого типа нужен по меньшей мере десяток. По окончании действия стальградцы, не особенно и помятые, потребовали продолжения банкета и пригласили в кампанию девочек вполне определенного поведения...

Разумеется, трюк был стар, как мир: тяжкое пробуждение и осознание себя (из-за некоторых специфических компонентов в водке), побитые-поломанные «люди», на проверку имевшие жетоны какого-то охранного агентства, избитые честные официантки и настроенный на неперемное соблюдение закона честный полицейский. С последнего, откровенно говоря, и начал разматываться клубочек подставы: что Демьян, что Яшка могли с душой погулевать, но вот Степа Тихорецкий в роли правильного полицейского... нет, такое должен описывать господин Шекспир или господин Толстой, авось и поверят. Чутьочку нестандартным было продолжение: после составления протокола в кабаке случайно появился наниматель той шестерки, всплеснул руками, попросил Степу не раздувать дело: мол, знаю я своих ребят, непременно чем-нибудь да обидели достопочтенных работяг. Что-то этакое бумажно-хрустящее Степе определенно сунули, а затем этот, ну очень случайный прохожий долго, почти что со скупой мужской слезой, извинялся перед стальградцами. И уверял их в своем неперменном почтении. Очень просил в знак примирения поужинать с ним завтра, то есть уже сегодня, в «Прянике». Визитка гласила, что перед стальградцами – мелкой руки адвокатишка из Саратова, так что... почему бы и нет? Не Плевако, поди, да и они сами – отнюдь не дворники.

В общем, все так, как и предупреждал шеф. К Засечному *подойти* нипочем не осмелятся. Не идиоты все-таки, должны понимать, *как* мы с некоторого времени опекаем Ерему. А вот Демьян и Яков – фигуры вполне подходящие. Оба отметились на испытаниях «Единорога» в Питере (до того, разумеется, как их сменили особы императорской фамилии), оба входили в узкий круг допущенных к охране ценного товара лиц. И вот всего-то недельки через две с ними случается этакая заকাыка... Бывают, конечно, и совпадения, чего ж им не бывать, но гораздо вероятнее как раз тенденция.

В общем-то, Лобову интересно было только чутьочку понаблюдать за радушным адвокатом Владимиром Нефедовым. Самую разную публику за свою жизнь Лоб лицезрел и четко убедился: как ты ни маскируйся мелочью безобидной, но какие-то нюансы и мелочи

да выплывут, коли ты мелочью не являешься. И пока разливавшийся соловьем Владимир Дмитрич угощал Демьяна (решившего, надо думать, что попал в рай для казаков: дорогушая еда от пуза, отменного качества водочка, и все совершенно бесплатно), вежливо выслушивал Яшины байки (а вот Яша-то, как и было ему положено, кушал и пил очень умеренно, травил байки из жизни Стальграда и этак ненавязчиво намекал: пора бы и поговорить серьезно), Лоб совершенно точно убедился: не из нашего гнезда птичка певчая Владимир Дмитрич. Чутьку иначе себя вел, чутьку иначе держался, чутьку иначе говорил... А все вместе как-то характерно указывало на иностранное происхождение господина Нефедова. Будь здесь «одолженный» питерскими друзьями Петр Викентьевич, хаживавший когда-то в «чиновниках по особым поручениям» и призванный поставить Стальграду контрразведку специфически против иностранных интересантов, он бы наверняка и национальность смог бы определить. Но это, господа мои, совершенно излишняя подробность – бельгиец вполне может работать на испанцев или американцев, а чех запросто может оказаться агентом того же «Де Бирса». Шеф, болтун недисциплинированный, ухитрился как-то проговориться в интервью журналисту Михаилу Пыляеву про планы добычи и обработки алмазов в России. Мол, Африка нам не нужна. Вот и заполучили еще одну интересующуюся нашими делами зубастую компанию, даром что они толком и оформились-то несколько месяцев назад.

Вообще-то можно уже и уходить – ясное дело, рыбка клюнула, а остальное дружинники обскажут в лучшем виде и сами. Но захотелось потряхнуть стариной и вспомнить фокусы с чтением по губам. Да и любопытно, как эта молодежь непуганая будет *работать*. На Яшку определенные надежды есть, знаете ли.

– Итак, господа мои, замечательное место, не правда ли? – это наш уважаемый Нефедов.

– Хрум... ик... о! – это Демьян. Тоже молодчина, кстати.

– Точно так-с, Владимир Дмитриевич, место замечательнейшее. Увы, нам, многогрешным, не по кошельку и не по чину, без вас и на порог не пустили бы, – ну а это, само собой, Яшка.

– Замечательное место, – этак отстраненно, глядя куда-то в сторону, повторил адвокат. – И девочки тут великолепные, не чета нашим знакомым из «Шинка»...

– А с девочками и таким славным винцом, – немедленно подхватил Яшка, – поди, лучше, чем в остроге по статье злодейской. Так ведь, почтеннейший Владимир Дмитриевич?

– Вы, юноша, определенно умнее большинства моих подзащитных, – чуть оживился адвокат. – А возможно, обладаете навыками мистическими. Положительно, вы угадали мою мысль. Не заслуживает уважения, знаете ли, предпочитающий плохое хорошему, это еще Дюма писал... ведь гораздо лучше иметь возможность захаживать в «Пряник», к славному винцу и славным девочкам, чем носить кандалы. Как вы считаете, Яков? И прошу вас, Демьян, не надо сверкать глазами, не надо раздирать меня взглядом на части и клочки. Я ведь никоим образом ни на чем не настаиваю, вполне могу и попрощаться, оплатив счет за ужин.

– А Степа, в свою очередь, может вернуться? – грустно уточнил Яшка.

– Помилуйте, – приподнял ладони адвокат, – откуда же мне знать? Я ведь никак не распоряжаюсь в полицейском ведомстве, и в отличие от вас, молодой человек, отнюдь не могу читать мысли. С другой же стороны... с другой стороны – все, в общем-то, прекрасно. Вы можете заработать... ну-у-у, скажем, четыреста рублей за пустяковую на самом-то деле работу.

– А касаето Степы...

– А это, дражайший Демьян, вас совершенно не касается и касаться не будет. В сущности, кто такой этот Степа? Забудьте про него. Лучше вспомните про очаровательное мифическое животное с одним рогом, давшее имя одной примечательной железяке.

Демьян изобразил попытку осмыслить сказанное. Затем вполне натурально изобразил полную конфузию попытки. И немедленно выпил. А вот Яшка, полностью подтверждая сложившееся реноме парня хваткого,отреагировал мигом:

– И вы хотели бы, сказку вспоминая, для души прикупить... железяку?

Адвокат буквально-таки просиял.

– Рад, очень рад, что вы, молодой человек, понимаете мои мотивы. Тяга к прекрасному, знаете ли...

Ну да, здравствуй, гость торговый. Вот тебя-то вторую неделю и ждем, все жданки съели. Даже начали прикидывать, как бы самим выходить на торг. Все правильно. «Единорог» стальградский – вовсе даже не животное мифическое, это вполне конкретная скорострельная картечница... пулемет, ага. Превосходящий по иным параметрам все, созданное за пределами нашего обожаемого отечества. На испытаниях полигонных господин Хайрем Стивенс Максим, недавно вместе с еще одним господином основавший завод по производству похожих машинок, сулил господину Рукавишникову... в общем, посулил бы, наверное, довольно много – но шеф, рассмеявшись, заявил, что такие вот машинки скоро будут буквально-таки на каждом углу продаваться, почти как горячие пирожки или калачи. И удовольствовался скромной суммой тысячи в полторы фунтов.

Что было дальше, Лоб, конечно, не знал – не по чину и не по должности, да и своих забот, откровенно говоря, по горло. Но предположить-то, судари мои, предположить как раз было легко: по нескольким каналам за границы богоспасаемого Отечества ушла информация об испытаниях, об их результатах и – главное! – о том, что «Единорогов» в данный момент на нашей грешной земле существует *две* штуки. Тут разом двух зайцев прихлопнуть можно: выяснить, какой из надежных вроде бы человечков на самом деле прирабатывает на стороннюю державу (и какую именно!), и приобрести покупателей посолідней...

Тем временем беседа вдруг несколько обострилась.

– Ладно, Яшка, довольно с тебя.

Голос Демьяна был абсолютно трезвым и ничуть не пресекался. Отодвинув нешуточное блюдо с очередным дорогим угощением, он этак невзначай положил ладони на стол и сжал их. Внушительные, надо сказать, кулаки. Как довесок, тяжелый угрюмый взгляд убийца, уйму народа положившего в сыру землю.

Надо сказать, господин Нефедов чуть осекся, удивленно взглянул на впервые внятно заговорившего казака и этак слегка побледнел. Немножечко, конечно, – что поделать, произвольная физиологическая реакция, вполне бывает и у отважных людей.

– Яшка – он у нас голова, – тихо, но весьма внушительно продолжил Демьян. – Коли что обговорить да выяснить – это он всегда. А вот решаю я. Эта «железяка» во много миллионов станется, вздумай ты ее сам мастерить да потом еще выпуск налаживать. Сечешь, господин хороший?

– Вот именно, Владимир Дмитриевич, – с готовностью подхватил Яшка. – Пока-то еще опыты проведете, пока-то сплав нужный подберете, пока поймете, как бы общую конструкцию упростить... и времени немало уйдет, и деньги страшные.

Слегка опешивший адвокат поспешил попотчевать себя коньяком. Затем чуть ослабил галстук и откинулся на массивную спинку стула из очень недешевого дерева.

– Вот как... почтенные, а тюрьмы вы, стало быть, не опасаетесь ничуть? Я тут краем уха слышал от своих подопечных, что господа арестанты очень не уважают персон, обижающих девок. Весьма даже не любят... или наоборот – очень любят, это уж с какой стороны посмотреть. Но вам на той стороне ужасно не понравится.

– А мы, пожалуй, попытаем судьбу. – Ухмылка Демьяна непривычного человека могла нешуточно испугать. – Сдается мне, мил человек, тебе железяку добыть куда важней, чем гадость честным людям сделать.

– Заметьте, Владимир Дмитрич, – позволил себе чуточку фамильярности Яшка, – мы ведь не отказываемся обсуждать сделку в принципе. Найдете ли вы других, столь же понимающих, – это еще бабушка надвое сказала. А нас, очень может стать, быстро из острога вытащат. Примчится господин Ульянов с самолучшими адвокатами и как-нибудь извернется, он юноша хваткий и напористый. Уж больно важное дело нам доверено, мы все-таки на особом счету стоим...

Адвокат вскинул брови, вновь на мгновение уставился куда-то пустым взглядом. Затем нарочито медленно отрезал себе кусочек телятины, изящно отправил ее в рот и усугубил сельтерской водой. Взяв таким образом паузу, Нефедов собрался с мыслями. И слегка усмехнулся.

– А вы, ребята, определенно и раньше такими негоциями занимались. Чувствуется навык и слаженность... ожидали торговли, а?

– Владимир Дмитрич, ну что вы, право... мы просто готовы к разным житейским неожиданностям.

– Для работяги у тебя, Яша, язык уж больно хорошо подвешен.

– Увы, – ханжески поднял глаза к небу сталыградец. – Работягами ведь не рождаются... всякие бывают превратности судьбы и неожиданности фортуны.

– Вернемся к толковищу. – Демьян и в обычной жизни не склонен к долгой светской беседе, а уж сейчас-то...

– И сколько же вы, почтенные, хотите? – окончательно расслабился адвокат. Дело-то выгорело, и обхаживать, как выяснилось, этих двоих не требовалось – сами все поняли правильно.

– Сумма «четыреста» мне совершенно не нравится, – это Яшка.

– Тыща. Не меньше! – подпел Демьян.

– Разумеется, каждому. И дополнительно еще пятьсот – у нас, знаете ли, еще возникнут накладные расходы по совершению негоции.

– И не в рублях. Нам козырных хрустов охота. Пуды... тьфу, то есть фунты.

Почтенный Владимир Дмитрич застыл, как мешком по голове стукнутый. Побагровел, еще раз рванул галстук, задышал весьма громко и прерывисто, сжал кулаки. Так себе кулачки, по сравнению с Демьяновыми. Затем Нефедов слегка склонил голову и начал массировать виски.

В общем-то Лоб и сам полностью охренел от наглости Демьяна. Две с половиной тысячи фунтов – это вам не фунт изюма. Семь шиллингов – вот сколько служащий в Англии получает в день. Ну казачок, ну попадешься ты мне... уйдет ведь клиент, уйдет, тварь такая.

– Вы... Вы... Вы... – начал заикаться «адвокат».

– Господин Нефедов, вы бы уж ко мне попроще обращались, вот как с самого начала, – покачал головой Яшка.

– Выродки! Недоноски! Сволота подзаборная! – адвоката все-таки прорвало.

– Владимир Дмитриевич, вам бы коньячку для успокоения... – советует сердобольный Яшка.

– И лимончиком, непременно лимончиком закусывайте, оно очень способствует... – прибавляет Демьян, ухмыляясь.

– Две с половиной тысячи фунтов... что вы с ними делать будете, нищebroды??? – громким шепотом, чуть не срываясь на крик, шипит «адвокат». – Да вы их даже пропить не сможете – раньше сдохнете от своей водки!

– Владимир Дмитрич, мы ведь в сущности тоже не настаиваем. Вполне можем сейчас подняться и пойти домой. А вы походите себе по ярмарке, поспрошайте – авось у кого и подешевше «Единорог» завалялся, это ж все-таки Нижний...

На самом-то деле все совершенно иначе, чем в действительности, как говаривал поганец Муля Сохатый, земля ему иголками. На самом деле нам как раз и необходимо тот конкретный образец «Единорога» впарить этому лоху ушастому. Как объяснил без подробностей Александр Михайлович, им тот «Единорог» еще лет тридцать не повторить. А если и повторят, да если на поток поставят – туда им, слабоумным, и дорога. И ведь двоих покупателей уже спровадили, а этот... как милейший Петр Викентьевич глянул на его фотографическую карточку, так немедленно и заявил: он, голубчик. Ему и отдадим – за любые деньги, а понадобится, так и сами приплатим.

Между прочим, адвокат, весь еще красный от ярости, советом все же воспользовался – и коньячок употребил, и дольку лимона. И знаете, полное впечатление, что хочется ему

сейчас махом весь графин с коньяком осушить, прожевав затем цельный лимон разом.

– Ты понимаешь, Демьян, – приглушенно и чуть хрипло начал Нефедов. Откашлявшись, продолжил уже нормальным голосом. – Ты понимаешь, что мы эту железяку проверим? Понимаешь, что, если она хоть чем-то будет отличаться от известного нам, тебя с Яшей по кусочку в отхожее место спустят? Ты...

Дальше Лоб и смотреть не стал: бросил на стол пару купюр за скромный ужин, поднялся и неторопливо двинулся себе по делам. Если уж клиент начал стращать и грозить – значит, цена его в принципе устраивает. Ну, разве чуток поторгуетя.

– ...Полтысячи фунтов он, конечно, взад отпорил – для того о них и поминали, чтоб хорошему человеку уступить. Вот так вот все и обстояло, Савва Алексеич, – закончил отчет Демьян. А вот Яшка отчего-то замялся – мол, еще не все.

– Ну, Яша, не тяни му-му, говори уж.

Как раз вчера в Стальграде случился крайне неудачный пожар. Ничего особенного – так, сгорел десяток «Пищалей», рванул ящик пороха, и уж так случилось, что полностью изуродовало побывавший в питерском манеже «Единорог». Груда металлолома только и осталась. Окончательный расчет и передачу «железяки» в полное владение, пользование и распоряжение господина Нефедова производил Яшка. Он же и продемонстрировал гостям дорогим возможности «Единорога» – со скидкой, конечно, на стандартный боеприпас, патроны Рукавишниковых решено было гостям не показывать. Протокол, оформленный Степой Тихорецким, вместе с письменными свидетельствами потерпевших, Яше честь по чести вернули, чего ж еще-то Яша сказать хочет?

– Соблазнили меня, Савва Алексеич, как есть обманули и захомутали. Заставили бумагу подписать – мол, удостоверяю подписью, что и впрямь получил две тысячи фунтов от господина Нефедова за продажу известного ему товара. А тут меня и на камеру фотографическую сняли – и притом аккуратно в одном кадре с «Единорогом». И пояснили: мол, принимаем мы тебя, Яша, на постоянную работу. А откажешься работать али запросишь чересчур – так сдадим с потрохами хоть твоему хозяину, а хоть и полиции. А еще, говорят, военные ваши какой-то там страшный комитет госбезопасности учреждают – там тебя, мол, вообще на дыбу вздернут. Ну, а сделаешь все как надо – так и в обиду не дадим, и денежек добавим. Сами понимаете, этого вполне хватит, чтоб невинную русскую душу сбить с пути истинного.

Клоун. Дите малое. Знает, стервец, что после особенно удачных операций Лоб любит пошутковать и, в общем, спокойно к шуткам относится. Ну и ладно, шутить и мы умеем.

– Вот оно, значит, как. Подлым коварством изменник в наши ряды вступил. Презлым, понимаете ли, оплатил за предобрейшее. Гадюку болотную согрели мы на своей груди, кукушонка, родства не помнящего, вскормили... Ладно, Яша, молодец. Коли такие серьезные люди просят поработать – значит, надо работать, скрупулезно и тщательно. Подумаем при случае, что бы им еще такое дурное слить за их же фунты.

– Кстати, Савва Алексеич, о фунтах...

– Славно потрудились, ребята, славно. Но денежки покамест уж будьте любезны сдать – поди, не вы одни, такие правильные, работали. Не беспокойтесь, коли в отставку соберетесь – выходное пособие уж никак не меньшее получите. И без того премию получите преизрядную.

В отставку ребята соберутся не скоро. Во-первых, оба еще молоды-зелены, здоровы, как быки перед случкой, жить собираются долго и весело. Во-вторых, уж больно многим людям в Нижнем (а пожалуй что, уже и в России, если вспомнить *все* дела) они насолили. Пока за ними Лоб и Стальград – это один расклад, а вот в отставке будет совсем другой. Что Демьян, что Яша это отлично понимают и ни малейших претензий за душой иметь не будут.

– Савва Алексеич...

– Ну что тебе, Демьян? Что ж ты, добрый молодец, буйну голову повесил-то? – В кои веки Лоб был в исключительно хорошем настроении, так что не прочь был ответить на иные вопросы и развеять иные сомнения – в пределах разумного, конечно.

– Савва Алексеич, а все ж нехорошо получается, – с трудом выдавливал слова казак. – Выходит, это мы своими руками супостату отдали самолучший в мире пулемет. Они ж теперь если не таких же, то похожих понаделают, а то еще чего придумают, на нашего «Единого» гляючи...

Так. Чуть не забыл об этом пунктике Демьяна – вечно ему нейдет, никак не привыкнет к субординации и порядку. Каждый солдат, как говаривал Александр Васильевич Суворов, должен знать свой маневр... СВОЙ, а не все маневры разом. Ничего, сейчас мы ребят малость пропесочим и отправим новую службу служить.

– Демьян, ученый ты наш, думаешь, нашего красавца так легко скопировать да улучшить? Голуба, давно ли ты в знатные оружейники-то выскочил? – ласково, с широкой улыбкой откликнулся Лоб. – Аль забыл, как на карабин Засечного крестился и собирался изничтожить как несомненное проявление нечистой силы?

И Яша, и сам Демьян невольно улыбнулись. История, что и говорить, давняя и презабавная. Все именно так и было – и крестился Демьян, и разломать первый «СКЗ» кинулся. Вот только нарвался на самого Ерему Засечного, готового свое детище хоть от нечистой силы, хоть от воинства ангельского оборонять. Ожесточенный, минуты на три, бой, после которого Демьяна откачивали с полчаса, Александр Михайлович ехидно и непонятно прокомментировал: «Ну, мля, Льюис и Кличко отдыхают!»

– Так что не казись, Демьян, попусту. Ничегошеньки у наших покупателей не выйдет, только зря промучаются, точно тебе говорю. И вообще, ребятки, поручаю вам новое ответственное дело, – потянулся за кошельком Лоб. Извлеченная из оногo премия Демьяну и Яше как раз чуточку превзошла первоначальное предложение господина «Нефедова». Пятьсот рубликов – годовое жалованье рабочего. – Берете еще троих по вашему выбору, только не громил, а вот таких, как Яша. По отдельности идете себе в «Шинок» и начинаете гулять – от пущего веселья и прибытка...

– И душу вытрясаем из суки Званцева! – восторженно подхватил Демьян, продемонстрировав улыбку аллигатора африканского. Действительно, без хозяина «Шинка» тут никак не обошлось.

А вот Яша, поджав губы, покачал головой. Умница.

– Не получится, Савва Алексеевич. Ни настоящего имени, ни настоящей цели Нефедов трактирщику не выложит ни за что. Люди при Владимире Дмитриче были свои, но их наверняка и трясти бесполезно, даже если найдем.

– Умный ты, Яша, прямо убивать пора, – весело и заразительно улыбнулся Лоб. А вот Яша чуточку занервничал. Но Савва Алексеевич продолжил вполне дружески: – Не то убивать, не то в университет отдавать, в большие люди выводить... Все правильно. Не надо господина Званцева ни о чем спрашивать. Гуляете себе, веселитесь, а под конец вечера разносите его поганое заведение вдребезги. Чтоб ни единой целой единицы мебели и ни одного местечка, куда усталый путник голову мог бы приклонить. Калечить посетителей не надо, но опять же нехорошо, если они на своих ногах и без единого синяка уйдут. Несolidно с нашей стороны.

– А как же...

– Ну хорошо, хорошо, – милостиво разрешил Савва Алексеевич. – Пару-тройку раз можете и Званцева приложить. Но опять же – без членовредительства, ясно? Мы все же честные охранники, немного торговцы, самую малость авантюристы и шпионы, но уж никак не убийцы и не преступники.

Получившие конкретные указания казачки просияли и резвым аллюром отправились исполнять. Ну да, это на что хорошее их нипочем не подвигнуть, а как пьянствовать и физиономии бить – это они всегда пожалуйста.

Вот интересно – кому все же достался наш «единорожка»? На какой чужой стороншке будет век доживать, горе горевать? Э нет. Не будем уподобляться иным подчиненным. Дело сделано – и слава богу. Теперь сие – головная боль Александра Михайловича и его *высоких* друзей...

Рассказывает Егор Шелихов

Однако в Москве кабы еще не лучше, чем в Питере. После тех событий, когда государь наш за честь своей нареченной вступился, повелел батюшка его, царь-самодержец, ехать нам всем в Первопрестольную, чтоб там, значит, сберегать государя нашего от лихих людей да и от прочих напастей. Той же неделей мы и отбыли.

А в Москве-то оказалось совсем вольготно. Лишних людей к государю не идет, новых – немного. Генерал Духовский зачастил: почитай, каждый день приходит. Ох, они с государем спорят, а вернее – государь учит его, как мальчишку какого, а тот, даром что государя на сорок годков постарше будет, а только охает да вопросы разные задает. Только и слышать: «группа армий», «рубеж сосредоточения», «оперативный тыл», «точка выхода», «стратегический тыл», «резерв главного командования»... Вот ежели к ним генерал Бревнерн де Лагарди приходит, так они замолкают, так только что-то бубнят, а после ну хохотать. «Бревном» они его кличут. Да то сказать: бревно он и есть. Чему у них научится, когда сам ничему учиться не хочет? И чему он их научит, коль сам ничего не знает? Только на балах танцевать, да мадамам комплимент делать. А танцевать на балах наш государь отродясь не любил...

Градоначальник московский, князь Долгоруков, сам-то к нам редко ездит, а вот государя к себе приглашает куда как часто. Наш-то государь прост и добр, к пожилому человеку, который ему не то что в деда – в прадеда годится, самому съездить зазорным не считает. И мы с Филимоном, дружкой моим задушевым, с государем каждый раз ездим. Тут уж разговоры другие: про Москву-матушку, про то, как что в ней уставить да обустроить. Вот, к примеру: на той неделе приехали к государю с самой Германии от тамошнего торгового человека Сименса инженеры, трамвай – конку безлошадную ладить. Так вот уж государь сразу к князю Долгорукову – давай, мол, князь, в Филях завод ставить. Князь, крихтит, охает, каждую копейку высчитывает. А потом подхватился, ровно молодой, рукой по столу вдарил. «Ваше высочество, – говорит, – будет так! Коли денег не хватит – купечество московское тряхнем, хоть до черного волоса оберем, а трамваю – пустим!» Следующим днем в Москву Александр Михайлович Рукавишников, друг государев первейший, стариннейший, примчался. Не один – с ним своих инженеров с полдесятка, да еще крепкие люди, денежные. Трамвай, мол, нам без надобности, а вот в заводе долю иметь – наше почтение! А Александр Михайлович в дар Москве какие-то станки дает, так князь Долгоруков аж прослезился. «Жив, – говорит, – буду, сквитаемся с тобой молодец-нижегородец!» И сам тут же на трамвай пятьдесят тысяч подписал.

Тем же вечером государь с невестой Рукавишникова принимали. Александр Михайлович еще двадцать пулеметов привезли, да авто – пять штук. А с автомобилями инструкторов из своих людей. Все это по учебным гвардейским ротам роздали, а лично для государя Рукавишников какое-то ружье привез, сказал «автоматический дробовик». Другим днем государь его испытывать возил, да про то отдельная история.

Так вот, после того как государыня будущая уйти изволили, государь вместе с Александром Михайловичем в кабинет ушли, только водки себе туда приказали да закуски какой-никакой. Двери-то они плотно затворили, да нам с Филимоном по должности положено при государе неотлучно пребывать. Вот мы под дверями и стоим, да с нами Еремей Засечный – Рукавишникова верный человек. Так вот, стоим мы втроем и вдруг слышим, там, в кабинете сначала вроде как зашумели, зашпорили, все про какую-то «энергетику» говорят. Рукавишников «валютный резерв» требует, а государь его, в полный голос, жидовичем почему-то покрестил. Громко так, практически криком: Абрамович ты, мол, Абрамович и есть! Еще что-то странное добавил: челси, какой-то, говорит, тебе только не хватает! Потом пригрозил на Чукотку сослать, а Рукавишников только хохочет в ответ. Государь тоже засмеялся, ну у нас с Махаевым как отлегло: жаль было бы Рукавишникова к самоедам посылать, человек-то он неплохой, душевный...

Немного времени прошло, слышим: они там песни петь стали. Поначалу вроде знакомые, а дальше... Переглянулись мы с Филей: нам-то эти песни слышать уже доводилось, давненько, правда...

Как из Японии проклятой, опосля убийства государева брата,плыли мы, так государь напился крепко, да принялся глотку драть.

Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой,
Мы в смертный бой идем за честь родной страны.
Пылают города, охваченные дымом,
Гремит в седых лесах суровый бог войны.

...Вот и снова мы песню эту, про артиллеристов и какого-то Сталина, услышали. Смотрим с Махаевым друг на дружку, потом давай Засечного пытаться: слышал ли он когда эту песню? Тот отнекивался поначалу, а потом признался – как, грит, Ляксандра Михалыч задумается над чем крепко, то непременно про этого Сталина вполголоса петь начинает. И про артиллеристов, которые за нашу Родину «огонь, огонь...». Значит, думаю, и Рукавишников эту песню знает, откуда только... А в кабинете точно на два голоса поют. И про будущую войну опять пели, и про Москву еще что-то, что, мол, кто поет о столице, тот о стали песни распевает! Затем уже и вовсе странно стало: поют вроде песню знакомую, а слова ну вовсе не те:

Есть на Волге утес.
Он броней оброс,
Что из нашей отваги куется!..

И дальше про то, что утес этот стальным городом называют. Тут и Засечный глаза вылупил, понять не может: какая такая битва, да еще и с немцами, возле Стальграда идет? А мы уже другое слышим: у них там вроде как бой не бой, драка не драка, а только пыхтят оба, выдыхают резко. Потом – ба-бах – стол опрокинулся.

Ну, тут уж мы влетели в кабинет, все втроем. Дверь только схрупала. Глядим – глазам не верим: государь с Рукавишниковым ногами машут, друг дружке, стало быть, удаль свою показывают. Нас увидели – сперва оба с лица помрачнели. Потом Рукавишников и говорит государю:

– Стало быть, было бы нас сейчас двое против троих. И, думаешь, не отбились бы?

Государь усмехнулся и эдак вот губу скривил:

– Отбились бы? Да и без моей помощи эта парочка вас бы обоих враз уделала!

– Ой-ой-ой! Привык, что «пластунский бой» в эти времена – вундервафля, и думаешь, что рукопашный бой в России за сто лет не усовершенствовался?

Государь покривился слегка и говорит, да так чисто и твердо, ровно и не пил вовсе (а на полу меж тем три штофа пустые лежат!):

– А давай-ка, братуха, проверим. Практика – критерий истины, и этого еще никто не отменял!

Рукавишников враз загорелся:

– А давай! Со мной шестеро – вот иставляй своих шестерых. Завтра от твоих орлов только пух и перья полетят!

– Пу-у-ух и пе-е-ерья?! – Государя тоже, видать, разобрало, ишь как слова тянет. – Может, еще и ставку сделаешь?!

– А поставлю! – Рукавишников портмоне достает, на стол швыряет. – Вот хоть десять тысяч заклада поставлю – полетят!

– Что десять? – Государь уже успокоился, усмехается. – Завод свой не поставишь?

– Да хоть мать родную! Ты моих ребят в деле видел? Вот то-то!

– А ты моих видел, да?!

– И смотреть не хочу!

– Так ставишь завод?

Тут Рукавишников вроде как тон сбавил, помолчал, а потом и говорит:

– Ну, ты-то корону не ставишь?

– Поставил бы, кабы мог! Я в своих людях уверен!

Глядим мы втроем – дело тут сейчас добром не кончится. Филя, было, заикнулся, мол, пойдемте, государь, пора уже. Да только государь на него так глянул – Махаев аж присел! А батюшка наш уже к Рукавишникову обернулся и серьезно так говорит:

– Вот что, Дим... Александр Михалыч. Заводом да короной бросаться не дело, а давай-ка мы вот как сделаем: завтра устроим соревнование, и если твои победят – передо всем двором можешь мне щелбан дать. Годится такой заклад?

– Добро... А если твои победят – при всем Стальграде мне фофана отвесишь!

Государь смеется и шутит как-то странно:

– Годится, взводный, коли тебе лба не жалко.

А Рукавишников в ответ, тоже непонятно:

– Ничего, товарищ комбат, мне не то что своего – и вашего-то лба не жаль!

Тут они оба засмеялись, но разошлись тут же. Государь как к себе пошел, так приказал мне и Филе еще троих подобрать. Завтра, говорит, биться будем. Не насмерть, но по-серьезному. Господин Рукавишников тоже своих людей готовил. Проверить надо. У кого выучка лучше, кто что нового знает. Вот и проверим завтра....

...На другой день дворец кремлевский как улей гудел. В большом зале сговорились биться. Рукавишников привел своих. Мы стоим, ждем, смотрим. Ладные мужички. Одеты одинаково: шаровары плисовые, сапожки козловые, рубашки суконные. Вроде и не броско одеты. Нашим мундирам гвардейским не чета, а посчитай, сколько их одежда стоит – не дешевле нашенской. Рубашечки-то сукна тонкого, дорогущего. Да и шаровары, коли приглядеться, не плисовые – шелковые. Это у них, стал быть, для занятий униформа така, потому как на испытаниях пулемета я двоих из этой компании видел, только они тогда в костюмчики заграничные одеты были, как господа какие.

Но нам не наряды их важны. Мы смотрим, как они держатся, как движутся, как стоят. Даже как руки держат – и то важно.

Ну, вон тот здоровяк, его вроде Демьяном кличут, – только с виду увалень. Руки держит так, что сейчас ему спичку кинь – пальцами словит, и ни лишнего шажочка не сделает. А кочергу брось – пожалуй, на лету в узел завяжет... И этот вот мелкий, Яшкой зовут, меньше меня будет, а стоит так... вот кошку видели, когда мышь ловит? Вроде и ничего, а только... видно это... глаза у нее такие... подобранно, в общем, стоит. Ну и сам Засечный у них за главного – тот еще типчик. Ох, тяжело сегодня будет...

Ну, вышли мы: я, да Филимон, да Щукин Ефим, да Миронов Степан, да Кузнецов Иван. Трое атаманцев и двое стрелков. А шестым с нами – ротмистр лейб-гвардии Гревс. Государь к нам подошел, каждого приобнял, удачи пожелал. А нам с Филей и Гревсом велел думать, все примечать и шепнул, что на нас надеется.

Бой рассчитали так: один на один, двое на двое, трое на трое и потом – все против всех. Первым Филимон пошел. Против него Засечный вышел. Мы молчим, и рукавишниковские молчат, а Филя с Еремеем стоят друг против друга, стоят, переминаются. Друг дружку изучают. Потом Филимон вроде как вправо отклонился, да как слева Засечному даст! А удар у дружка мово – ого! Таким ударом быка свалить можно. Уж я-то знаю: сам пару разиков получал. Только Еремей больно легок оказался: только отлетел. Рванулся к нему Махаев, да тот уже прыжком на ноги поднялся и Фильке в грудь ногой норовит засветить. Филя-то от удара ушел, да Ерема в другую сторону вертанулся, уже с другой стороны ударить пытается. Махаев в сторону качнулся... ох ты ж! Подбил ногой, вражья сила! И ведь показывал я ему, Филимону-то, такой удар. Не раз показывал, ан поди ж ты! Подсек Засечный Махаева и уже сверху насел... А-а, вражонки! Тут-то его Филька на удар снизу и словил, Еремю аж подкинуло. Он-то попытался в сторону откатиться, да у Фильки не уйдешь! Н-на! Бей его,

Филечка, бей, родненький!..

Государь с Рукавишниковым переглянулись да схватку и остановили. Государь-то смеется. Готовь, говорит, лоб, Ляксандра Михалыч. Рукавишников хмыкнул, эдак вот, рано, говорит, пташечка запела, кабы кошечка не съела! Цыпляют, мол, по осени считают.

Вторая схватка почалась. Александр Петрович Гревс Ивану Кузнецову кивнул, они вдвоем и вышли. А супротив них – двое дружинников рукавишниковских, Яшка да Демьян. Ух, как они вперед-то рванули. Александр Петрович! Спра... ох, мать твою, поздно... Александр Петрович лежит, как подкошенный. Надо же, как его рукавишниковские поймали: бил один, а уложил второй. Да еще об колено приложили. Видно, что дружиннички эти парой учились биться, уж очень у них слаженно все получилось. Ну, теперь Кузнецову все, конец. Один против двоих не устоит...

Не устоял. Несколько ударов еще продержался. Даже припечатал мелкого – мое почтение. А все равно: задавили они его. Ловкачи... Государь молчит, а Рукавишников – кочетом вышагивает. Его пока берет. Ну да как он сам говорил: цыпляют по осени считают...

Наша очередь пришла. Мы с Мироновым и Щукиным выходим. Ну что, казаки, покажем стальградским, почем фунт лиха?!

Как там было, я с ходу и сообразить не могу. Показали... они нам! Не углядел я, как они Щукина вынесли, а как Миронова – видел. Рванул на помощь к нему. Да не поспел... Вот и стою один против троих. Третий, правда, хромает: Ефим ему так ногой пометил, что на бабу его еще не скоро потянет. Но остальные-то – целехоньки! Так, ободраны только. Вот ведь попал, как кур в ощиц...

...А ведь рассказывал мне как-то государь про воина древнего, который вот так же один против троих остался. Государь тогда еще добавил с улыбочкой: мол, изматывание противника бегом – тонкая тактика. А если...

Бросился я от рукавишниковских наутек. Слышу, наши аж застонали. А рукавишниковские вопят, улюлюкают, один свистнул даже, ровно на охоте полевой. Ну да ладно, свисти, коли охота есть. А я вот еще два шага пробегу и...

Обернулся я да с подкатом первому в ноги! Он только и перелетел через меня. Второго я в душу вдарил. Филя мне этот удар поставил, я на него потом многих ловил. Он так и сложился. Лег и лежит, молчит. А мне на него отвлекаться некогда: первый на ноги поднялся и третий вот-вот дохромает. Вот пока он не оклемался, надо его, как государь говорит, «гасить».

Метнулся я к этому, хромому. Он хоть и бегают тяжело, а уворачивается ловко. Еле-еле до него дотянулся. Тут мне на плечи первый упал. Я от него извернулся, да на кулак хромому и пришелся. Аж в глазах темно стало. Откатился, на ноги встал, а тут эти вдвоем с двух сторон насели. И взяли б меня, когда б этот не хромал. Я его самого под удар дружка его и подвел. А только дальше не в мою пользу бой пошел: последний меня на пол повалил, к паркету прижимает. Я вырваться не могу, но и сам не поддаюсь, его не пускаю.

Тут государь с Рукавишниковым подошли, нас по плечам похлопали, хорош, мол. Рукавишников посмотрел на государя и говорит: бей, говорит лучше мне сейчас. Мои твоим, говорит, равны и в общей драке, знамо, друга дружку поубивают. У тебя, говорит, еще в полках есть, а мне где новых брать? Бей.

Государь ему в ответ: сам, мол, бей. Твои хороши, ясно, но тока мои – не хуже. И мне своих жалко. Не будет общего боя. Ничья, говорит.

На том они и порешили. Александр Михайлович Гревсу, когда того доктор в чувства привел, свой револьвер подарил. А государь увечному рукавишниковскому от себя – сотенную. И всем нам велел отныне с рукавишниковскими за братьев быть, носа не задирать, дружбу водить. Тем же вечером мы с ними дружбу водить и начали. Трех городских в Москве-реке выкупали, у цыган двух медведей насмерть уходили, на Тверской-Ямской – веселый дом распушили. Крепко дружили, аж два дня головы раскалывались...

Рассказывает Дмитрий Политов (Александр Рукавишников)

Второе пришествие генерал-адмирала в Нижний Новгород состоялось в начале мая и напоминало скорее нашествие, в отличие от его первого приезда, тихого и незаметного. Для того чтобы уместить всех сопровождающих, а таковых оказалось более двух сотен человек, включая офицеров флота, чиновников Морведа, инженеров МТК и роту матросов, был сформирован литерный эшелон.

Слухи о дружбе купца Рукавишников с членами императорской семьи уже дошли до Нижнего Новгорода. Естественно, что народ терялся в догадках по поводу причин столь загадочного поведения великих князей и цесаревича. Тем не менее выводы были сделаны правильные – наезды со стороны купцов, разоряемых моими демпинговыми ценами, прекратились как по мановению волшебной палочки. Мало того, некоторые активные в прошлом недоброжелатели даже стали искать со мной точки пересечения в коммерческих делах. Сделал нужные выводы и генерал-губернатор Баранов²³¹ – на церемонии встречи литерного поезда я стоял в первом ряду. А встречающих великого князя набралось изрядно – как бы не больше, чем самих приезжающих. Николай Михайлович даже насчет оркестра распорядился!

На людях Алексей Александрович не стал слишком явно проявлять свои дружеские чувства, ограничившись простым, хотя и крепким рукопожатием. Однако сразу после этого он сломал всю расписанную Барановым программу визита, заявив, что первым делом, вместо предусмотренного банкета, отправится в Стальград. Мы не стали дожидаться, когда вся приехавшая толпа выйдет из поезда, а скорым шагом двинули на привокзальную площадь и направились к моему «жигулю», выделяющемуся среди конных пролетов, как броненосец среди шаланд. Для ближней свиты Алексея я подогнал два десятка экипажей, а рота матросов должна была следовать к заводу в пешем строю.

– Димыч, могу тебя поздравить! Два дня назад закончились государственные испытания твоих пулеметов и винтовок. Официально тебя, конечно же, оповестят, но я порадую уже сейчас. Мнения – самые положительные! Скорее всего «Пищаль» и «Единорог» будут приняты на вооружение и заменят в войсках «Берданки» и картечницы «Гатлинга – Барановского». А вот с «Бердышом» и «Фузеей» все не так однозначно. Под это оружие придется всю концепцию применения стрелкового оружия в войсках менять, уставы переписывать, – сказал Алексей, когда мы немного оторвались от сопровождающих. – Так что...

– Ладно, подождем, – кивнул я. – Хорошо, что процесс перевооружения все-таки пошел, а там, глядишь, и до ручников дело дойдет!

Только подойдя к автомобилю, я заметил, что за спиной адмирала неотступно следует какой-то мелкий мужичонка, абсолютно семитского вида, одетый в новенький, но совершенно немодный костюм, который к тому же был заметно больше своего хозяина по размеру. Кто это? Новый секретарь-референт? Или? Я кивком показал Алексею на этого типа и вопросительно приподнял бровь.

– Ах, это... – усмехнулся адмирал. – Вот, Александр Михайлович, привез в помощь твоим горе-изобретателям Попову и Герцу человека, уже успевшего придумать и даже сконструировать резонансный контур и магнитный детектор!

– Ты хочешь сказать, Алексей Александрович, что передо мной стоит Маркони? – оторопел я. Великого (без шуток!) итальянца я себе представлял совершенно по-другому. Да и лет тому должно быть сейчас не больше пятнадцати.

Веселый смех адмирала был мне ответом. Отсмеявшись, Алексей вытер выступившие на глаза слезы и хлопнул по плечу своего протеже:

– Позволь рекомендовать: Мойша Лейбович Шнирельман, вольнонаемный

²³¹ Баранов Николай Михайлович (1837–1901) – государственный деятель, генерал-лейтенант. Был губернатором Н. Новгорода в 1882–1897 гг.

преподаватель электротехники в гальваническом классе.

Наверное, что-то на моем лице все-таки изменилось – адмирал снова рассмеялся.

– Ох, ну и повеселил ты меня, Александр Михалыч, ох и повеселил! Распорядись-ка, чтобы моего гения усадили в закрытый экипаж да устроили в приличный номер, без сквозняков. А то, сам видишь, телосложения он хрупкого, здоровья непрочного, а человек он, безусловно, нужный. А чем он нужный – я тебе по дороге расскажу.

Я распорядился. Драгоценного Шнирельмана усадили в закрытую коляску и даже закутали, невзирая на теплую, почти майскую уже, погоду, в меховой полог.

Мы с Алексеем сели в «Жигули» вдвоем, оставив помощников в легком недоумении. Нам поговорить нужно, и чужие уши здесь ни к чему! Мы вырулили с привокзальной площади и, не торопясь, поехали по городу. Скорость я держал всего около двадцати километров в час. Вот выскочим на трассу, ведущую из Нижнего в Стальград, – там и разгонимся как следует.

– Помнишь, я еще в январе, после того, как ты обломил меня с радиоаппаратом, объявил открытый конкурс на средства внутриэскадренной связи? – рассеянно глядя в окно, на проплывающие мимо одноэтажные купеческие особнячки, спросил адмирал. Я кивнул. – Ну, натаскали мне, естественно, кучу самых идиотских прожектов, вплоть до пускания черных дымов большими мехами и вывешивания на мачтах разноцветных воздушных шариков. И это при том, что на отборе небольшая экспертная комиссия сидела, которая большую часть разной галиматии отсекала сразу. И вот приносят мне проект, а с ним поясняющая записка от председателя комиссии. Мол, ваше высокопревосходительство, устройство сие странное, но вы нас о чем-то похожем предупреждали. Ну да, было такое дело, вспоминаю я, – предупреждал. Открываю папку с чертежами и схемами. Батюшки! Резонансный контур, почти такой, как в учебнике по радиodelу в моем училище. Я тут же распоряжаюсь автора сего проекта ко мне на ковер доставить. Доставляют... Он представляется... У меня тогда была реакция, примерно схожая с сегодняшней твоей!

Я мысленно представил себе картинку знакомства и, в свою очередь, заржал! Это же надо такое! Нарочно не придумаешь! Попов с Герцем до сих пор ничего путного не придумали, а тут какой-то Шниперсон... тьфу! Шнирельман!

– Во-во! – сказал Алексей. – Я у него этак ласково спрашиваю: любезный, а кто тебе ЭТО подсказал? А он трясется от волнения, но гордо отвечает: сам, мол, придумал, никто не подсказывал! Блин, у моего лучшего друга Рукавишникова два высокооплачиваемых гения сидят в лаборатории, где одного оборудования на десять тыщ, и ничегошеньки придумать не могут, кроме выносной антенны и примитивного когерера. А тут такой красавчик, Мойша Лейбович, получающий восемнадцать рублей жалованья, не считая кормовых, придумывает у себя в камерке и, самое главное, собирает из подсобных материалов, купленных за свои деньги, резонансный контур! Ну, идею магнитного детектора, если честно, уже я ему подсказал. Однако он эту идею влет зубами схватил и через три дня готовую схему приволок!

– Ну, тогда он совершенно точно вселенец! – не удержался я. – Ты в курсе, что сейчас само существование электромагнитных волн многими учеными оспаривается. В реальной истории Герц сумел собрать доказательства этого явления природы только в 1888 году, и его статья «О лучах электрической силы» была опубликована только в декабре того же года. И тогдашняя «радиоаппаратура» Герца не годилась ни для чего, кроме лабораторных опытов. Ведь ее реальное дальное действие измерялось сантиметрами! Хотя и упоминается солидно: «до трех метров». Это сейчас у нас практически готовые изделия, только дальность никакая пока. Но ведь мы свои работы не афишируем. За пределами Стальграда никто не знает, чем у меня Попов с Герцем занимаются. Твоему Шнирельману просто неоткуда взять всю схему приемопередатчика. Поэтому я даже и не представляю, как он мог что-то там этакое «изобрести»! И если он таки изобрел... То первой мыслью, которая должна была у тебя появиться, была бы: «Попаданец!!! Но чей?!»

– Ты это... в Штирлица в детстве недоиграл? – ласковым голосом спросил Алексей. –

Развели, панимашш, шпиономанию! Ну, какой дурак будет вселяться в полунищего препода? К тому же представителя дискриминируемой сейчас в империи религии! А если бы я конкурс не объявил? Причем условия конкурса были настолько провокационны, что лично я удивлен отсутствием телепатов-чрево вещателей, стремящихся на должность флотских связистов! Короче – мне не веришь – сам со Шнирельманом переговори. Прессани его немного, только без физического воздействия, Ерема твой пускай рядом постоит, желваками на зверской морде поиграет. Но я полностью, на сто пятьдесят процентов уверен, что гениальное озарение Шнирельмана – продукт этой эпохи.

– Прессани... – хмыкнул я. – Нашел, блин, «кровавую гэбню». Ты его сам должен был предварительно пробить до донышка, а не тащить невесть кого на секретный объект. Пойми: сейчас просто нет научной и технической базы, на основе которых можно реально сделать работающий приемопередатчик... Нет нигде в мире, кроме Стальграда! «Гениальное озарение» Шнирельмана практически равнозначно тому, что мастер Обуховского завода притащит нам «схему атомной бомбы электрическую принципиальную». На том только основании, что Беккерель в 1896 году открыл радиоактивность, а Рентген в 1895-м – свои рентгеновские лучи...

– Да что тут осталось-то, меньше десяти лет? – улыбнулся адмирал. – Признайся лучше, что тебя смущает название новой единица измерения частоты! Это же надо: вместо «герц» – «шнирельман»!

Я, представив себе, как занятно будет звучать такое название единицы в приложении слов «кило» и «мега», начал ржать, как сумасшедший. И ржал почти всю дорогу до Стальграда. Бли-и-и-ин, «гигаширельман»...

Приехав на завод, я первым делом, как радушный хозяин, предложил Алексею позавтракать. Но адмирал, отговорившись тем, что успел поесть в поезде, стал настаивать на скорейшем начале испытаний турбины. Понятно, что именно турбины были для него сейчас самым важным. Но я, к его великому сожалению, был вынужден остановить порыв князя начать испытания немедленно.

– Понимаешь, Алексей, я тебя, конечно, ждал и, естественно, подготовился. Но эту штуку невозможно держать в состоянии: «включил кнопку – заработало». Это же прототип, там множество сопутствующей и измерительной аппаратуры. Сейчас вся установка находится в состоянии «Готовность № 2». А чтобы довести все это сложное хозяйство до «Готовности № 1», потребуется три часа. Я немедленно дам команду, но чем занять время, если ты не хочешь перекусить?

– Саш, ну я же не из вредности или врожденной брезгливости отказываюсь от твоего хлебосольного предложения! Я реально сыт! – В доказательство Алексей постучал себя по плоскому животу. – А образовавшееся «окно» предлагаю заполнить осмотром верфей. Очень мне интересно посмотреть на методы скоростной сборки.

Я кивнул, и мы поехали на верфи. Осмотр занял гораздо больше времени, чем три часа. Адмирал старался вникнуть в самую мелочь и пролезть на каждый участок. Только через пять часов Алексей удовлетворено хмыкнул и молча, отряхивая на ходу запачканный мундир, пошел к «жигулю». Я, жестом отпустив сопровождающих нас на «экскурсии» инженеров, почти вприпрыжку поспешил за князем.

– Алексей, стой. – Я поймал адмирала за рукав у самого автомобиля. – Что-то не так?

– Да все нормально, Димыч, расслабься! – устало улыбнулся адмирал. – Отличная у тебя верфь, и производственный процесс отлично налажен! Я просто подумал, что будет очень плохо, если мы из-за упертости императора не успеем внедрить все это на флоте. И опять встретим супостата на допотопных коробках, вооруженные героизмом и верой в Бога... Жаль, что я скоро ухожу на Дальний Восток и не смогу как следует лоббировать твои изобретения. Ладно, поехали уже турбину смотреть.

Испытания турбины продолжались ровно одну минуту четырнадцать секунд и закончились полным провалом. Сначала полетели лопасти первой ступени, затем второй. Причем «полетели» в прямом смысле этого слова – обломки пробили кожух и веером

прошлись по всему помещению. К счастью для всех присутствующих на запуске, вал не успел разогнаться до максимальной проектной скорости вращения. Иначе все живое в здании было бы сметено, словно картечью. Хорошо, что кто-то крикнул: «Ложись!» – и толпа успела выполнить команду.

Но одними только лопатками разрушения не ограничились. Перекосило вал, а в довершение всех бед рассыпались упорные подшипники.

Когда прекратился треск и грохот, а над головой перестали летать мелкие и крупные осколки, я привстал и огляделся. Все немаленькое здание испытательного комплекса было засыпано густой белой пылью, в которой ворочались тела моих инженеров и членов великокняжеской свиты. Блин, не дай бог, кого-то зацепило!

Бесполезно пытаюсь отряхнуть мундир, рядом со мной поднялся Алексей. Зычным командирским басом, перекрывшим нестройный гул голосов, князь приказал доложить о потерях. Люди вокруг были дисциплинированные – доклад поступил уже через минуту. Повезло – пострадавших не было. Только пыли народ наглотался изрядно, из-за чего всех обуял жуткий кашель. Я увлек всех за собой на свежий воздух. Снаружи тоже хватало пыли – в здании выбило окна, но постепенно все прокашлялись и успокоились. По рукам пошли фляжки с напитками. Я чудом опознал среди белых, словно вываленных в муке, фигур ответственного за испытания турбины инженера Луцкого и поманил его к себе. Борис тоже не сразу признал хозяина, пришлось прикрикнуть.

– В чем дело? – прошипел я в самое ухо Бориса, оглядываясь на адмирала. – Немедленно выяснить! – Луцкой, на ходу выкликая своих людей, пулей устремился внутрь комплекса.

– Вроде бы ты пообедать предлагал... – нарочито-нейтральным тоном сказал Алексей, показательно поглядывая в светлую даль. – А теперь еще и помыться было бы неплохо!

– Пошли... – упавшим голосом сказала я.

После душа, химчистки, глажки, посещения «Салона красоты» и легкого (всего на семь перемен блюд) обеда началась официальная часть визита. Подписание договоров поставки, протоколов о намерениях и прочего. Общая сумма, на которую я «нагрел» казну, составила около двух миллионов рублей. Взамен военный флот России должен был получить несколько тысяч тонн высококлассной брони, три десятка оружейных стволов калибров десять и двенадцать дюймов. И еще массу всякого разнообразного оборудования, начиная от токарных станков с электроприводом и заканчивая так понравившимися адмиралу селекторами.

После всех официальных мероприятий мы с Алексеем уединились в моем кабинете. Адмирал выглядел благодушно. Как-то он отмяк с прошлого раза. Видимо, понял, что хоть к текущему военному конфликту мы так и не успели (и немудрено!), но зато на будущее есть очень хорошие перспективы. Под это хорошее настроение Алексей не стал отказываться от рюмочки коньяку и сигары.

Выпустив несколько больших клубов дыма и растерев языком по небу глоток коньяку, Алексей огляделся и обнаружил в углу кабинета непонятный агрегат.

– О, а это что за чудо технической мысли? – Великий князь небрежно ткнул пальцем в предмет моей гордости.

– Это артиллерийский директор! – как можно небрежнее ответил я.

– Чего? – князь не поверил своим ушам.

– Да, самый обыкновенный ПУАО!²³² – я откровенно радовался удивлению Алексея. – Вернее, сердце всего комплекса управления – электромеханический вычислитель. Ты ведь сам заказывал системы управления артогнем. Запомнил?

– Просто не думал, что мой заказ будет выполнен в такие сжатые сроки. И кто это придумал? – Князь внимательно разглядывал замысловатый механизм. – Неужели сам?

²³² Прибор управления артиллерийским огнем.

Видел я электромеханические вычислители... Но этот... Да это же гибрид кофеварки с арифмометром!

– Именно что с арифмометром! – весело подтвердил я. – А придумал Вильгодт Однер!²³³ Он у меня с восемьдесят шестого года работает, от Нобеля ушел...

– Неужели он успел разработать свой механический калькулятор за три месяца?

– Нет, конечно же! Оказалось, что Однер уже целый год пытается сконструировать вычислитель в инициативном порядке. Ну, а я ему совсем немного помог...

– Ну, Саша, удивил... – Однако князь особо удивленным не выглядел. Впрочем, как и обрадованным. – Вот только вычислитель – хоть и сердце комплекса, но все-таки малая его часть. Нужны приборы, подающие сигналы, и приборы, сигналы принимающие. И все это надо соединить проводами. А чтобы было с чем работать вычислителю и что потом передавать – нужны дальномеры! А зная твою нынешнюю манеру хвастаться прототипами...

– А вот тут ты ошибаешься! Несмотря на то что разработать досконально весь комплекс управления артиллерийской стрельбой не удалось – прогресс есть! В любом случае ПУАО – штука хорошая! Жаль только, что вот так просто взять и установить его на корабль прямо сейчас невозможно. Нужны отдельные места для размещения командно-дальномерных постов, нужно отдельное место для установки главного поста управления огнем, где будет сидеть старший артиллерист и стоять вот этот вычислитель. Да просто протянуть несколько километров проводов... И научить команду всем этим пользоваться. И отработать до автоматизма... Короче – все это опять-таки под новые проекты баттлшипов. Пошли со мной!

Адмирал, недовольно побряхтев, все-таки встал из удобного кресла и последовал за мной в экспериментальный цех точного машиностроения.

Там, гордо красуясь посреди торцевой стены, на специальных подвесах висела пятиметровая труба полуметрового диаметра. Вот теперь Алексея проняло.

– Это что? Дальномер с пятиметровой базой?

– Именно! – важно кивнул я.

– А?..

– Конструкции Барра и Струда.

– Погоди, погоди... – На Алексея было больно смотреть. Если бы я сейчас показал ему розового слона, он бы удивился меньше. – Я могу не знать Барышева, но военно-морское дело – мой хлеб! Я ведь прекрасно помню, что в первый раз они вылезли со своими дальномерами как раз в нынешнем, 1888 году. На конкурсе, объявленном в интересах полевой артиллерии. А внедрения на флот начались только через пять лет.

– А у нас дело было так... – удобно облокотившись на верстак, начал я. – В феврале этого года два профессора Йоркширского научного колледжа, Арчибальд Барр и Уильям Струд, получили предложение из разряда «от которых сложно отказаться». Некий норвежец, предприниматель Торвальд Глюксон, предложил им сделать оптический прибор для определения удаленности предмета, говоря своими словами дальномер, крайне необходимый вышеупомянутому Глюксону при проведении разметки местности для строительства железной дороги. После некоторого торга и консультации между высокоучеными мужами и своекорыстным коммерсантом, стороны пришли к согласию о том, что прибор будет создан на деньги Глюксона в единичном экземпляре, а все права на изобретение и серийное производство останутся за представителями науки. Вознаграждение за разработку должно было составить внушительную сумму – 500 фунтов. Через два месяца в одном из ресторанов Лидса оптический прибор для измерения дистанции был вручен заказчику, а еще через две недели Барр и Струд зарегистрировали свои права на оригинальное изобретение под номером 9520.

²³³ Однер Вильгодт Теофил (1845–1905) – шведский инженер. Переехал в Санкт-Петербург в 1868 году, где прожил до конца жизни. В 1890 году изобрел свою модель арифмометра, которой в нашей стране пользовались вплоть до пятидесятых годов XX века.

– Торвальд Глюксон? – понимающе улыбнулся Алексей.
– К вашим услугам! – отвесил я шутовской поклон.
– А как же патент? Помнится, что из-за него Цейсу впоследствии пришлось свою схему дальномера придумывать.

– Да клал я вприсядку на их патенты! И вообще, в России действует полезное правило – любое применимое для войны изобретение защитить патентом нельзя!

– Ох, чревато это... Те же англичане тем же макаром скопируют твою «Пищаль»!

– Да и хрен с ними! «Калашник» вон тоже все кому не лень копировали, а толку? Ижевские все равно качественней! Кстати, новые образцы стрелковки смотреть будешь? Есть неплохой пистолет-пулемет. Или они тебе не нужны?

– Конечно, нужны! – решительно сказал адмирал. – Надо всего, и побольше. Досмотровые партии на кораблях никто не отменял. Грамотность личного состава, в том числе грамотность техническая, на флоте гораздо выше, нежели в армии. Да и вопрос создания морской пехоты, как отдельной структуры, остается актуальным. А где новый род войск, там и новая тактика с новым вооружением, и твои, кстати, пулеметы. Вот что нам точно не помешает, так это помповые ружья под картечный патрон. При проверке чужого трампа в отсеках с берданкой хрен развернешься. Сейчас у моряков на вооружении «смит-вессоны» под патрон «44 Русский». Я думал перевооружить их твоими револьверами под тот же патрон, как их... не помню... «Клевцами»? Да, «Клевцами»! Но сие не есть хорошо – рикошеты. А помповик с пистолетной рукояткой и складным прикладом – то, что доктор прописал. И вид внушительный, и картечь, и смазать по морде непонятливому сподручней. Так как?

– Не думаю, что подобный заказ мы сможем выполнить в достаточно короткие сроки. Хотя технически все довольно просто, – подумав с полминуты, кивнул я. – Сейчас все интеллектуальные ресурсы брошены на доводку станкачей, а производственные – на развертывание выпуска самозарядок. Все-таки придется тебе револьверами обойтись, уж извини.

– Тогда сделайте мне, причем срочно, сигнальную ракетницу! – сказал адмирал. – Проведенный конкурс на внутриэскадренную связь не дал, к сожалению, почти ничего. Ну, кроме Шнирельмана... А хоть как-нибудь дублировать флажные сигналы с флагмана очень нужно! Сам понимаешь, что в бою и дым мешать будет и, не дай бог, стеньги, а то и мачты посшибает. Да и ратьер в дыму плохо видно.

– Ты когда отплываешь? – уточнил я.

– В середине июня, – ответил Алексей.

– Гм... чуть больше месяца осталось, – задумался я. – Впрочем, попробовать стоит. Возьмем замок от охотничьего ружья... Калибр какой? Миллиметров сорок? – Адмирал кивнул. – Сделаем! – решительно сказал я.

– И еще... эту дуру – пятиметровый дальномер – оставь для будущих броненосцев! Мне это, без сомнения полезное, устройство все равно ставить некуда – элементарно не предусмотрено место. А вот если бы ты сделал штук пять полутораметровых дальномеров с таким весом, чтобы моряк мог пользоваться этой штукой с рук... ну или с небольшой легкой станины, которую можно быстро смонтировать на мостике.

– Думаю, что это будет несложно! – кивнул я. – Сделаем и это! Тебе, кстати, шестиствольная картечница Гатлинга – Барановского с электроприводом не нужна? Мы довели техническую скорострельность до 2000 выстрелов в минуту. Правда, зарядание осталось обойменным. Мы в ней вообще, кроме привода, ничего не переделывали – стреляет она старыми патронами с дымным порохом. И таких «Вулканов»²³⁴ у нас три штуки!

– И зачем мне сейчас на кораблях такие чудеса? Для борьбы с низколетящими

²³⁴ Рукавишников имеет в виду 20-мм ЗАК «Вулкан-Фаланкс» (США), который в своей артиллерийской части использует снабженную электроприводом схему картечницы Гатлинга.

целями? – рассмеялся адмирал. – Нет уж – оставь эти механизмы себе или своему другу Таругину подсунь!

– Олегаичу они не подойдут, – вздохнул я. – Стабильно работать они могут только при питании электродвигателей от сети. Бортовой сети корабля им бы хватило. А аккумуляторы «съедаются» за пять-десять секунд. Правда, и пять секунд интенсивного огня... Ладно, предложу... Может, на автомобиль установим... – задумался я, – тогда, при работающем двигателе... только нужно переделать на питание нашими крупнокалиберными патронами...

– Кстати, а ты не погорячился, продавая Максиму свой «Суперединорог»? – поинтересовался князь.

– Нет, – рубанул я. – Я ведь говорил, что скопировать эту систему практически нереально!

– Ладно, автоматику он повторить не сможет. А по мелочи? – усмехнулся Алексей. – Например, систему крепления ствола? Вон, на показухе твои работнички ствол поменяли на запасной за полминуты! А ведь расчету гораздо выгоднее таскать запасной ствол, нежели кожух водяного охлаждения с запасами воды.

– Возможно! Однако помнится, что расчеты немецких МГ во время Второй мировой таскали по четыре запасных ствола и меняли их после каждой отстрелянной ленты! Удобно? Сомневаюсь! – ответил я. – Дело в том, что без спецификаций и спектроскопа точно повторить сплав, из которого сделан ствол, – нереально! Можно только более-менее близко подойти к эталону за три-пять лет. А без этого выгоды от быстрой смены почти не будет. Да и тактика применения пулеметов сейчас будет требовать стрельбу длинными очередями, что без водяного охлаждения невозможно.

– Все равно сомневаюсь я что-то... – упорствовал князь. – Мы ведь первоначально планировали оставить одну штучку на поле боя, в сильно покореженном виде. А ты все переиграл, причем без согласования с нами. Преподнес на блюдечке с голубой каемочкой... Я бы на месте супостатов задумался!

– Эх, Леша, – махнул я рукой, – ты себе пока еще не слишком четко представляешь уровень шпионажа, как военного, так и промышленного! Ты здесь все-таки меньше года, а я почти четыре отпахал! Детский сад тут! Пару недель назад какие-то умники особенно хитрый заход сделали – казачков моих, дружинников, тех самых, что в испытаниях участие принимали, подпоили и шантажом пытались через них «Суперединорог» добыть. Как потом мой начальник СБ Лобов выяснил – умники эти нашими злейшими друзьями-немцами оказались!

– У нас же с ними дружба вроде? – усмехнулся Алексей. – День свадьбы цесаревича с Мореттой уже назначен. Ники с Вилли в десны целуются...

– Как видишь – дружба дружбой, а тапочки врозь!

– Так и чем дело-то закончилось, с немцами этими? – заинтересовался Алексей.

– Да продали им второй экземпляр станкача. На этот раз за две штуки фунтов! – усмехнулся я. – Только этими двумя продажами я почти полностью отбил все вложенные в конструирование пулеметов деньги!

– Ну, ты и барыга! – рассмеялся Алексей. – Ладно, шутки шутками, однако через месяц отплытие! Ты про мои последние просьбы не забудешь?

– Леша, ну как можно? Сделаем все, что от нас зависит!

Интерлюдия 235

Письмо Рукавишникову А.М. от инженера Костовича И.С.²³⁶

²³⁵ Автор интерлюдии Александр Романов.

²³⁶ Костович Огнеслав (Игнатий) Степанович (1851–1916) – изобретатель и конструктор, автор многих изобретений в различных областях техники.

«Милостивый государь Александр Михайлович!

Спешу обратиться к Вам, ибо мне на днях достоверно стало известно, что на Ваших нижегородских заводах налажено изготовление моторов по типу внутреннего сгорания Отто – самых выдающихся в наше время. Я имел возможность осмотреть автомобиль, изготовленный Вами для великого князя и генерал-адмирала Алексея Александровича. И я до глубины души потрясен и восхищен полученными вами результатами! Без лести должен сказать, что Вы, на мой взгляд, несомненно, самый выдающийся инженер России! И даже, что весьма вероятно, во всей Европе нет никого, кто мог бы сравниться с Вами! Менее трех фунтов веса машины на мощность в одну лошадиную силу! И при столь малых размерах всей конструкции! Это просто фантастическое достижение! Поверьте, я знаю, что говорю: в настоящее время мной спроектирован и окончен постройкой бензиновый двигатель мощностью в восемьдесят лошадиных сил, вес всех частей которого на одну лошадиную силу составляет около девяти фунтов, и до сих пор я считал, что никто во всем мире не подошел и близко к такому²³⁷.

Вы гений, Александр Михайлович! Гений, хотя этого пока еще никто не понимает! Я вынужден это написать, невзирая на то, что Вы превзошли меня, опередив в тех начинаниях, которым я отдал много лет своей жизни. Хотя мне и горько это писать, но это правда.

Но не только искреннее восхищение Вашим талантом побудило меня прибегнуть к обращению к Вам.

Также от весьма уважаемых людей, например от г-на Менделеева, состоявшего некогда членом технической комиссии по рассмотрению моего проекта управляемого аэростата, мне с большой надежностью известно, что Вы не только непревзойденный радатель технического и научного прогресса, но также и настоящий, непоказной патриот России.

По какой причине я настоятельно прошу Вас обратить внимание на перспективы, открывающиеся перед нашей великой державой. Ни минуты не сомневаюсь, что Вы, как человек высокой технической грамотности и великолепного инженерного мышления, а также как успешный промышленник и капиталист, мгновенно оцените их. И даже, может быть, на куда большую глубину, чем я.

Но к делу.

В 1880 году мною изобретен и к настоящему моменту закончен постройкой всех деталей дирижабль. То есть управляемый воздухоплавательный корабль, снабженный двигателем и способный за счет него совершать полет по любому заданному курсу независимо от направления ветра. Постройка велась на Охтенской Адмиралтейской верфи с 1882 года и частью, в изготовлении деталей двигателя, на немецких заводах.

Дирижабль имеет объем в 5000 кубических метров, длину 50 метров и максимальный диаметр в 12 метров. На нем установлен бензиновый двигатель спроектированного мной типа, на восемь цилиндров мощностью в 80 лошадиных сил. Дирижабль будет способен свободно поднимать в воздух до ста пудов веса и развивать скорость хода до пятидесяти верст.

Также мной в 1881 году начат постройкой летательный аппарат тяжелее воздуха, именуемый самолетом. К большому огорчению, работы пришлось прекратить, потому что построенный мной тогда двигатель оказался ненадежен и недостаточно мощен.

К сожалению, в настоящий момент все работы на Охтенской Адмиралтейской верфи прекращены за исчерпанием отпущенных и собранных на постройку средств. Хотя до окончания постройки остается только один шаг. Но ни промышленных возможностей моей незначительной фабрики «Арборит», ни моих скромных финансов недостаточно для завершения проекта.

Ввиду же того, что работы по воздухоплаванию в Европе идут все убыстряющимися

²³⁷ В 1882–1884 гг. на Охтенской судостроительной верфи Костовичем был построен первый двигатель внутреннего сгорания в России. Этот четырехтактный двигатель имел мощность 80 л.с. и весил 240 кг.

темпами, я страшусь, что Россия может в самом скором времени лишиться даже того незначительного преимущества в этой области, какое она имеет благодаря моим изобретениям.

А посему я призываю Вас, Александр Михайлович, принять участие в моем начинании. Как выдающегося деятеля русского прогресса и как патриота России. Войдите же на паях членом в организованное мной «Товарищество по постройке воздухоплавательного корабля», и, я уверен, с Вашей помощью мы сможем довести предприятие до успешного завершения! Я верю, настанет день, когда флагман Русского воздушного флота дирижабль «Россия» поплывет над просторами нашего государства на радость братству всех славянских народов и на страх всем врагам России!

Post Scriptum. Если же по какой-то причине, глубокоуважаемый Александр Михайлович, Вы не сочтете мое предложение Вам интересным, то я, со своей стороны, не теряя надежды познакомиться с Вами ближе, имею желание заказать на Вашем механическом производстве в Стальграде двигатель Вашего типа для моего дирижабля. О чем желал бы вступить с Вами в переговоры о порядке оплаты и сроках исполнения заказа.

С неизбытым к Вам уважением, искренне Ваш Игнатий Степанович Костович».

Резолюция Рукавишникова на письмо: Дать этому прожектору 10 000 рублей из моего личного фонда и чтобы я больше об этом Огнеславе не слышал! Или услышал только из газет! О беспримерном перелете русского воздушного флота во главе с дирижбомбелем [так в тексте] Россия через полюс в Америку!» [Резолюция иллюстрирована собственноручным рисунком Рукавишникова: каким-то механизмом, похожим на воздушный шар с веслами.]

Рассказывает Сергей Платов (великий князь Алексей Александрович)²³⁸

Мы уходим на Дальний Восток. Мы – это четыре крейсера (по нынешней классификации – броненосных фрегата) «Адмирал Корнилов», «Адмирал Нахимов», «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах». А с ними два транспорта, везущие лейб-гвардии гусарский полк. Флагманом – «Нахимов».

Остальные корабли будущей Дальневосточной группировки по одному и парами отправились на театр загода. Таким же маневром во Владик переправлено до трех дивизий пехоты и четыре бригады артиллерии. Некоторые перевозящие войска транспорты даже успели смотаться туда-сюда по два раза.

Положение «ни мира, ни войны» оказалось для нас очень выгодным – ни японцы, ни их «доброжелатели» англичане просто не имели формального повода как-то нам помешать. Именно из-за этого мы получили официальное разрешение на проход всех кораблей Суэцким каналом, что почти вдвое сократило время в пути. Да и при прохождении вблизи Японских островов нам никто не мешал. Чувствовалось, что японы пребывают в стойком недоумении. Даже весьма далекому от военного дела человеку было понятно, что русские что-то затевают. Причем затевают что-то очень крупное. Но как-либо помешать этим приготовлениям невозможно. Просто нет юридического повода. А может, русские к большим маневрам готовятся? Поэтому и согнали на Тихий океан столько войск!

И еще нам помогает то обстоятельство, что (в кои-то веки!) мировое общественное мнение на нашей стороне! Японцы для современных европейцев – варвары почище русских! На контрасте мы для европейцев почти свои... Поэтому, кроме периодически вспухающих в западной прессе волн интереса к дальнейшим действиям «медведей, наказывающих желтых макаков», нам оказывают поддержку многие государства. Нашим кораблям беспрепятственно, по первой просьбе и на любой срок предоставляется стоянка в любом порту вдоль пути следования на Дальний Восток. Для бункеровки и отдыха экипажей создаются идеальные условия.

²³⁸ В написании этой главы участвовал Сергей Плетнев.

Для проведения переброски войск был задействован практически весь Доброфлот, за что его руководству честь и хвала. Без накладок не обошлось, хотя когда без них обходится. Но в целом операция прошла успешно. Читая регулярные отчеты от Чихачева, я был искренне удивлен его пониманием процесса и скрупулезным вниманием к деталям. Все же историки его недооценили, если бы не он, есть опасения, что многое просто ускользнуло бы от моих глаз и, будучи пущенным на самотек, не привело бы ни к чему хорошему. Попутно на Николая Матвеевича легла задача по снабжению развернутой войсковой группировки. Должен сказать, что он ее решил с блеском. Хотя, по донесениям от морских агентов, китайские и корейские торговцы провиантом и фуражом чересчур благоденствуют от пролившегося на них золотого дождя. Это наводит на мысли о злоупотреблениях и казнокрадстве. Но, подумав, я посчитал, что экономить на мелочах и рушить сложившуюся систему поставок сейчас не стоит. Солдат должен быть сыт, а солдат, переброшенный на край земли, должен быть сыт вдвойне. Если появятся жалобы, полетят головы. Миндальничать я не собираюсь.

Питер провожает фирменным морозящим дождем. Это даже не капли, а какие-то мельчайшие частицы воды, величественно опускающиеся с мрачных серых туч в свинцовые волны залива, медленно, но настойчиво покрывающие стекла иллюминаторов.

В каюте накурено. Господа в мидовских вицмундирах дымят немилосердно. Махнув рукой вскинувшемуся адъютанту, я поднимаюсь на палубу. Приглушенно стучат двигатели катера. Водяная взвесь оседает на фуражке и форменном пальто. Мы уходим, мы наконец-то уходим. В море. Как я успел по нему соскучиться за прошедшие месяцы. Все прощания и проводы позади. Что успел, то успел. Подготовка закончена, эскадра ждет меня на рейде. Теперь можно будет немного передохнуть. Больше сделать уже не удастся, а была ли возможность сделать больше, бог весть.

В Находке к началу весны был доставлен плавкран из САСШ и налажены причалы. Ударными темпами строится сухой док, вчера доложили о готовности на семьдесят процентов. Неподалеку от сухого дока уже наметились очертания корпусов судоремонтного завода. Работы сдерживает нехватка цемента, владивостокские заводы перешли на круглосуточный режим работы, но всех потребностей обеспечить им не по силам. На мой взгляд, отправленные зимой четыре саперные бригады и экипажи зимовавших в бухте кораблей совершили трудовой подвиг.

За прошедшие полгода удалось закупить и завезти на Дальний Восток почти триста тысяч тонн угля. Величайшая ценность предстоящей войны! И обошлось это нам весьма недешево. Спекулянты ломили за кардиф совсем не по-божески. Часть угля разместилась непосредственно в Находке, часть во Владивостоке, часть удалось разбросать по «секретным» угольным станциям. Тихим безлюдным бухтам, которым предназначено стать пунктами обеспечения будущих крейсерских операций.

Полагаю, что потребность в угле можно будет решить за счет местных ресурсов. На Сахалин прибывают новые партии каторжан, там серьезно ощущается нехватка рабочих рук, а на Сучане уже развернуты работы по добыче угля. За зиму и весну разведка месторождения до конца не проведена, в связи с этим местный уголь поступает весьма разного качества. Есть повод надеяться, что после весеннего сезона дождей дело пойдет на лад. Впрочем, если верить представленным мне расчетам, транспортировка сучанского угля до берегов бухты силами локомотивов сейчас обходится в десятую часть перевозимого полезного груза. Необходима железная дорога, но, учитывая сложность рельефа, я прекрасно понимаю, что это задача будущего дня.

На случай внепланового визита японского флота к сегодняшнему дню бухту прикрывает дюжина батарей береговой артиллерии. По их поводу я имел резкий разговор с императором, мое самовольное вскрытие «особого запаса» Черноморского флота венценосный брат и военный министр совсем не приветствовали. Для того чтобы убедить их в том, что этот шаг крайне необходим, пришлось привлекать всю нашу обновившуюся великокняжескую рать. Но это только полбеды. Гораздо более серьезный бой мне пришлось

выдержать с военным ведомством по поводу комплектования отправляемых на Дальний Восток частей. Иногда возникало ощущение, что наша славная армейская верхушка решила вообще не участвовать в будущей войне, свалив все на флот и полностью абстрагировавшись от проблемы. Дело былое, даже не хочется вспоминать, во что это все мне обошлось. Сейчас, слава богу, войска уже осваиваются в местах новой дислокации, а побережье от Владивостока до Находки взято под контроль тремя казачьими полками.

Помимо строевых полков, на Дальний Восток отправилась элита русской армии. Императорской фамилии стрелковый батальон, лейб-гвардии Финляндский полк, лейб-гвардии гусарский полк, лейб-гвардии конно-гренадерский полк и элита элит, лейб-гвардии саперный батальон.

Тут надо сказать спасибо великому князю Владимиру Александровичу – если бы не его настойчивость и упорство, гвардейских частей мне бы никогда не получить. Александр III был сломлен организованным напором и согласился отправить на Дальний Восток лучшие полки.

Лейб-гвардии гусарский полк я выбрал в качестве основной ударной силы. Как выяснилось, столь нелюбимый цесаревичем великий князь Николай Николаевич уже давно, с самого своего назначения командиром полка, держал гусаров в состоянии повышенной боеготовности (что вовсе не мешало молодым офицерам устраивать грандиозные пьянки). Учил стрельбе, не жалея патронов, рассыпному строю, передвижению по пересеченной местности. Чтобы усилить огневую мощь гусаров, было принято решение перевооружить полк магазинными винтовками «Пицаль» и добавить в каждый батальон пулеметную команду. Вот потому именно этот полк и задержался с отбытием на Дальний Восток – осваивали новое вооружение и продумывали новую тактику. Надеюсь, что и то и другое станет для японцев большим сюрпризом!

Катер вышел из-за мола, начинает немного качать. Легкий встречный бриз гонит волну и залив. Я невольно морщусь от бензиновой гари, как-то успел отвыкнуть за проведенные здесь месяцы.

Все-таки молодец наш Димка, успел сделать мне персональный подарок к отплытию. Взял обычный 40-футовый разъездной катер, снял паровую машину, поставил два движка внутреннего сгорания, на освободившемся месте организовал еще одну каюту. И вот, вуаля, получите первый адмиральский катер «нового типа» на российский флот.

Нравится Димке работать на будущее, на перспективу, создавать задел, открывать новое направление. Бывает, увлекшись чем-нибудь, он, как говорится, упирается рогом и выдавливая результат. Чего стоит, например, создание дальномера с пятиметровой базой. Я, признаться, слегка ошалел, когда увидел это произведение инженерного искусства. Вот зачем нужно было мотаться в Англию, выманивать первый в мире образец важнейшего для военно-морского флота прибора, чтобы построить его копию, увеличенную в пять раз? В России уже были нестреляющая Царь-пушка, незвонящий Царь-колокол, а теперь, с легкой руки купца Рукавишников, появился Царь-дальномер. Что самое отвратительное, поставить это чудо я не смогу ни на один корабль в ближайшие лет десять минимум. Почему было нельзя просто повторить достижение англичан? Просто тупо скопировать? Для меня в данный момент паспортной дальности английского образца, а он уверенно измерял дистанцию до сорока кабельтовых, хватило бы с головой! С чего его понесло строить такого монстра? Ладно, поговорили об этом, и Димка обещал все быстро исправить. И обещание свое все-таки исполнил, правда, в самый последний момент, за два дня до отхода эскадры, приволок в Кронштадт пять дальномеров с двухметровой базой, оборудованных легкими пьедесталами. Ну что же – в определении дальности нам придется тренироваться в море, по дороге.

Обсудили с ним и необходимость внедрять системы управления артогнем, и он меньше чем за два месяца выдал арифмометр с электроприводом. Внедрить его на флот в таком виде просто не представляется возможным принципиально. Даже в качестве тестового образца. В предъявленном виде он нефункционален, как почтовый сервер, отключенный от сети. Но

образец теперь у нас есть. На будущее...

И еще Димка привез двадцать единиц некоего оружия, при рассмотрении которого у нас состоялся следующий разговор.

– А вот, кстати, еще один образец, который, будучи доведенным до ума, способен в корне изменить ситуацию на поле боя! – гордо поведал мне Димыч, демонстрируя уродца, похожего на короткое «слоновое» ружье жуткого калибра.

– Методом логических умозаключений прихожу к выводу, что эту штуку ты хочешь мне впарить вместо сигнальных ракетниц? – издевательским голосом сказал я. – Ну, на безрыбье сам раком встанешь, но лучше бы ты радиостанции до ума довел.

– Видишь ли, дорогой и чрезвычайно великий князь-батюшка, – ерническим голосом ответил многомудрый купчина Рукавишников, – эта штука проектировалась совсем не как сигнальная ракетница. Это точная копия американского гранатомета М79²³⁹. Устройство самого оружия просто до безобразия – однозарядное ружье с переломным стволом. Весь цимес в боеприпасе, вернее даже в гильзе. Она у М79 хитрая – двухкамерная, высокого и низкого давления. Вот довести эту гильзу мои умельцы пока не смогли. А без нее либо дальность низкая, 60–70 метров, либо отдача чрезмерно высокая для ручного оружия. Так что пока мы имеем отдельно низкоскоростную гранату, которую приспособили под сигнальную ракету, и отдельно гранату высокоскоростную, под которую сейчас придумываем подходящий ствол. Может получится что-то вроде автоматического гранатомета, наподобие «Пламени»²⁴⁰.

– Лучше бы миномет придумал! Там устройство еще проще – труба и плита под ней! – не преминул съязвить я.

– Смех смехом, но уже придумали! – хитренько усмехнулся Димыч. – Классический 82-мм! Сейчас мины до ума доводим и, думаю, через годик доведем. Прикинь, как славно будет иметь в каждом батальоне по минометной роте!

– Это не ко мне! Это к Олегу! Мне гораздо важнее, чтобы ты к моему возвращению имел нормальный проект эскадренного броненосца и броненосного крейсера. С хорошим бронированием, механизированными башнями, дальнобойными и точными орудиями, связью и системой управления, надежными быстроходными торпедами и прочим. Вот за это я тебе по гроб жизни благодарен буду!

Поговорили, в общем... Каждый раз с Димкой вот так... Спорить с ним мне уже надоело. Того, что нужно здесь, сейчас и срочно, наш замечательный купец Рукавишников не делает принципиально. Радует хоть, что есть у нас теперь ракетницы и сигнальных ракет разных цветов почти двести штук. Надеюсь, их хватит для тренировки по новой системе сигнализации при перестроениях эскадры. Но Димка клятвенно заверил, что через месяц придет еще штук пятьсот.

На борт флагмана я вступаю со спокойным сердцем. Все дела, что были в моей компетенции, сделаны. Худо-бедно, но имеющийся флот к войне подготовлен. Начинался мой первый в этом мире поход – своеобразный экзамен на профпригодность.

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

Как и планировалось, российский флот отбыл к берегам недружественной Японии шестнадцатого июня. Мы прибыли на церемонию прощания и все вместе проводили Николая Оттовича, которого, если быть совсем откровенным, я бы вполне рискнул назначить командиром какого-нибудь крейсера. Нет, право слово, если спартанцев учили плавать, бросая в реку, то адмиралов вполне возможно обучать командовать, бросая на серьезные

²³⁹ М79 «Thumper» – 40-мм однозарядный гранатомет (США).

²⁴⁰ АГС-17 «Пламя» — 30-мм автоматический гранатет (СССР/Россия).

должности. Жаль, Алексей Александрович со мной не согласен, и потому Эссен отбыл в Японию в скромной должности вахтенного офицера флагманского крейсера «Адмирал Нахимов».

Надо полагать, Николая Оттовича изрядно штормило в день отплытия, потому как в предыдущий... О-о-о! Предыдущий день был отмечен таким возлиянием и таким пиршеством! В проходах Эссена приняли участие все «старики» из ближнего круга, исключая несчастного Хабалова. Впрочем, его с успехом заменил Гревс. К тому же Николая Оттовича пришли напутствовать Моретта и четверо ее фрейлин. В результате у нас вышла веселая офицерская вечеринка, в меру разбавленная присутствием прекрасного пола и не в меру – изобилием спиртного. Из всего происходившего тогда я запомнил только лихие куплеты на слова Людвиг Уланда в исполнении Моретты, казачью пляску Егора и хоровое исполнение песни «Раскинулось море широко». До сих пор не знаю: написана она была уже к этому моменту или нет?

Но, как бы там ни было, эскадра отправилась в Японию, а мы отправились обратно в Москву. И очень быстро отправились. Все дело в том, что на повестке дня теперь стоит куда как важное дело – свадьба. Наша с Мореттой.

Собственно, все уже приготовлено. Князь Долгоруков принял живейшее участие в подготовке празднеств, и весьма успешно, гости уже приглашены, так что осталось только одно: торжественно сочетаться браком с принцессой Германской империи. Ну, разумеется, папа Фридрих не рискнул дать ход своему идиотскому рескрипту, особенно в ситуации, когда Франция охвачена угаром реваншизма и горит желанием с лихвой поквитаться за позор Меца и Седана²⁴¹. Тут уж не до ссор с «большим северным медведем».

Кайзер Фридрих II доживает последние деньки. Он уже не встает и, само собой, не правит. Братец Вилли все еще под домашним арестом, но, по данным из Берлина, на церемонию бракосочетания прибудет. Еще бы! Англофилия – англофилией, русофобия – русофобией, но его матушка все же не идиотка, чтобы не принять участия в таком празднике и нанести соседу тягчайшее оскорбление. Так что Вилли приедет, и я очень рад этому. Из короткого общения с папенькой я вынес одну очень важную информацию: если немцы не станут мешаться в наши разборки с Австрией, то пусть делают с Францией что угодно. Такие сведения слишком важны, чтобы передавать их через кого бы то ни было. Лучше уж мы сами, при личной встрече...

...Москва гудит предпраздничным ожиданием. Долгоруков чуть ли не лично проверяет чистоту мостовых, целостность мостов, работу декораторов. «Вы, ваше императорское высочество, можете быть уверены: ваша свадьба не будет знать равных». И в это его обещание я верю. Насколько я помню из истории, ему осталось около трех лет жизни, но, право же, он мне так нравится, что я постараюсь продлить его земные дни. Лучших врачей подтяну – такие градоначальники на дороге не валяются. И уж в любом случае не допущу появления на московском губернаторстве этого сволочного ворюги, этого титулованного пидора – Сергея Александровича. Хотя сам бомбу брошу, а не допущу. По донесениям из Питера, у нашего бравого молодца новая пассия – его адъютант Мартынов. Они живут открыто, чуть ли не как муж с женой. Когда Гревс сообщил мне эту информацию, я поперхнулся: в прошлой, еще той жизни я знал одного Мартынова Сергея Александровича. Не знаю, как насчет «цветных» наклонностей, но сволочь он был первостатейная. Господи, неужели репродуктивный гомосексуализм возможен? То-то у него видок был: глаза – словно только что из жопы вылез! А что? Фамилия – «мамина» (не «Романовым» же его называть), имя – по «папе»... Хотя нет, он бы тогда Сергеем Сергеевичем был. Впрочем, по возрасту он, скорее, во внуки годился. Может, по дедушке называли?..

²⁴¹ Французские крепости, где во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. французские войска были окружены и капитулировали.

Моретта цветет и благоухает. Почти сразу по приезде в Россию она приняла святое крещение и теперь является еще и политическим символом. Дело в том, что она теперь – Татьяна. Ну и какие студенческие волнения могут произойти в день тезоименитства государыни-императрицы? То-то...

По случаю бракосочетания наследника в старую столицу прибыла венценосная чета. Приезд в Москву умилил батюшку и матушку: они не могли представить себе, что нас с Мореттой будут так чествовать. Вдоль дороги стоят крестьяне с зелеными ветками в руках, из которых складываются имена «Николай» и «Татьяна», каждый столб украшен лентами цветов русского национального флага, а выше укреплен либо розетка из белой бумаги, либо изображение двух голубков. А уж когда поезд подошел к самой Белокаменной...

Грохот салюта, гром оркестров, вверх взлетают тысячи голубей. На перроне – комитет по встрече в составе:

цесаревич – 1 шт.,
невеста цесаревича – 1 шт.,
московский генерал-губернатор – 1 шт.,
оркестр и почетный караул 12-го гренадерского Астраханского его величества полка – 1 шт.,
толпа восторженных москвичей – 1 шт.,
автомобили представительского класса – 2 шт.

Батюшка уверенно шагает к авто, и императрице Марии Федоровне ничего не остается, как последовать за ним. На лице у нее написано страдание. Я тут же вспоминаю замечательный мультик («Ой, да не полезу я в эту страсть! Да что я, одичала, что ли?! – Маремьяна! Не страмись, не страмись перед державами! Лезь в дудку!») и с трудом подавляю улыбку. Ну вот, вроде все уселись? Можно двигаться...

В автомобиле едут только Александр III с супругой. Я предпочел потрясающего жеребца изабелловой масти, настоящего ахалтекинца, подаренного мне московским купечеством. Этот подарок я получил за небольшие, но весьма важные нововведения в торговой жизни старой столицы, почерпнутые из будущего. Например, за дотации на развитие малого и среднего бизнеса, за идею фиксированной таксы на грузоперевозки в пределах Москвы и губернии с километражем и тому подобные мелочи. Так что я гарцую на своем коне в непосредственной близости от императорского автомобиля, возглавляя конвой из атаманцев.

Второй автомобиль в принципе предназначался для Моретты, но... силен во мне чертик ехидства. Все-таки не люблю я эти чопорные приемы XIX века. Статичные они какие-то. Немного жизни им не повредит. Поэтому я подхватываю свою нареченную, поднимаю ее к себе и усаживаю впереди себя на коня. Моретта пищит от восторга, батюшка ухмыляется в бороду. Даже маменька соизволяет улыбнуться. Народ неистовствует. Толпе всегда нравились чувства напоказ. Ничего-ничего, вот мы им скоро настоящую жизнь устроим, с массовыми гуляниями и народными праздниками – совсем счастливыми станут!

Со следующей недели на свадьбу начали съезжаться приглашенные представители правящих фамилий. Первыми, разумеется, прикатили наши датские родственники. Ну, это понятно – все-таки натуральные кузены, дядюшка, тетушка... Блин, что ж они на подарок-то пожались? Хоть бы один остров в Вест-Индии подарили. Как же, дожدهшься от них...

А вот вторыми я, честно говоря, ожидал Гогенцоллернов, но... Чудны дела твои, господи! Вторым прибыл император Франц-Иосиф с семейством. М-да уж... Этот, разумеется, так меня любит, так любит, что, наверное, задушил бы в объятиях, если бы имел на это хоть малюсенький шанс. В первый же вечер по своему приезду двуединый монарх произнес на ужине спич, смысл которого сводился к тому, что наши страны всегда объединяла самая искренняя дружба и готовность прийти на помощь соседу. «Старик Прогулкин»²⁴² добрым словом помянул прадедушку и тезку императора Николая, с особой

²⁴² Прозвище императора Франца-Иосифа, вошедшее в обиход несколько позднее описываемых событий.

теплотой отозвавшись о помощи, оказанной Россией Австро-Венгрии во время Венгерского восстания. Любо-дорого было посмотреть, какую мину он скорчил, когда в ответной речи я упомянул «дружескую, нет, истинно братскую помощь, оказанную австрийцами России во время последней и предпоследней Русско-турецких войн»²⁴³.

Следующими явились шведы, за ними голландцы. Потом прикатил принц Уэльский Георг. Попутно собирались и наши «милые родственнички» Романовы. Я уже начинаю одуревать от этих бесконечных «торжественных» встреч будущих врагов. Хотя почему «будущих»? Враги они уже вполне нынешние, только пока еще прячут кинжалы за фальшивыми улыбками. Откровенно говоря, единственным светлым пятном за все это время был приезд дяди – великого князя Владимира Александровича. И чего на него Дорофеич наезжал? Толковый мужик. Ко мне относится как к родному, привез кучу новостей и кучу новых проектов. Черт возьми, надо бы постараться как-то почаще видеть его в Москве. Покажу ему кое-какие свои наработки тактических схем по пулеметам, новые варианты использования полевой артиллерии. Глядишь, еще один Романов избежит печальной участи после моего вступления на престол!

Утром мы едем на вокзал, встречать кронпринца Германской империи. Вильгельм прибывает одним из последних, буквально накануне свадьбы. Разумеется, будь его воля – он бы приехал намного раньше, но матушка, понимая, что Гогенцоллерны не могут не присутствовать на свадьбе наследника российского престола, должно быть, тянула до последнего: вдруг Фридрих II умрет, и тогда можно будет не отпускать Вилли под самым благовидным предлогом – траур по кайзеру.

Вилли мы встречаем куда более тепло и сердечно, нежели всех прибывших ранее. Когда он, вместе с Доной и детьми, выходит на перрон, я бросаюсь к нему почти бегом, демонстрируя «искреннюю привязанность и братскую любовь».

– Здравствуй, пока еще кузен! – радостно сообщаю я, крепко стискивая его в объятиях.

– Почему «пока»? – оторопевает Вильгельм.

– Потому что завтра – ты мне уже не кузен. Ты мне – брат!

Вильгельм секунду размышляет, потом его усы взлетают в широкой, радостной улыбке:

– Да, а я как-то не понял. Здравствуй, брат мой! Не хочу дожидаться до завтра!

Мы проходим вдоль строя моих атаманцев. Вильгельм обзревает строй казаков в парадных мундирах. Но казаки на него не смотрят, их внимание приковал к себе человек в такой же, как и у них, форме, из свиты германского кронпринца. Это старший брат Шелихова – Степан. Пока братьям еще не довелось обняться или хотя бы поздороваться, но могу себе представить, что будет вечером...

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

Эти дни перед свадьбой сливались в какой-то один большой праздник. Приезд представителей царствующих фамилий, многочисленных Романовых, встречи, встречи, встречи и подарки, подарки, подарки... Но главное – ее Ники – самый лучший, самый замечательный, самый любимый – был рядом. Теперь она не видела в нем никаких недостатков. Совсем никаких. Ну, почти... Она уже смирилась с его привычками устраивать по утрам занятия «русской гимнастикой», с тем, что за стол вместе с ними садятся его казак'и. Единственное, что она постаралась сделать в последние дни перед свадьбой, – отучить его от этой странной, глупой привычки курить утром в постели натошак. Но и с этим она примирилась: все это мелочи, в сравнении с тем, что они любят друг друга, что очень

²⁴³ Во время войн 1854–1856 и 1877–1878 гг. Австро-Венгрия занимала исключительно враждебную России позицию и, опасаясь территориальных приращений России, практически открыто угрожала вооруженным вмешательством.

скоро они соединятся навсегда, чтобы больше не разлучаться до самой смерти...

Она была так рада, когда Ники назвал Вильгельма братом. Вот и свершилось то, о чем мечтал дедушка, когда ратовал за эту свадьбу. Вот Ники и Вильгельм обнялись, вот прошли перед строем почетного караула. Вот Ники подвел ее к автомобилю, который украшали флажки российских национальных цветов. Вильгельм, Дона и дети усаживаются во второй автомобиль, который украшают флажки Германской империи. Когда автомобили медленно тронулись, Ники неожиданно весело рассмеялся. Она заинтересованно повернулась к нему:

– Милый, что такое?

Он улыбнулся, погладил ее по руке:

– Малышка, ты не поймешь, но если бы ты только знала, как это смешно: будущего главу дружественного государства, прибывшего с официальным дружественным визитом, везут по городу на «Жигулях»...

...Она немного удивилась, когда Ники, почти сразу же по прибытии в Кремль, засобиравшись на Нодупки. Конечно, ему не терпится показать Вилли своих солдат, но ведь завтра – свадьба! А он отвлекается...

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

На Ходынском поле нас уже ожидают два взвода учебной лейб-гвардии пулеметной роты. Перед ними гоголем прохаживается полковник Келлер. Повод для гордости у него нешуточный: буквально вчера Федор Эдуардович выбил из своего «Единорога» пятьсот из пятисот! Завидев нас с Вильгельмом, он подтягивается и маршем рубит нам навстречу.

Вильгельм благосклонно принимает рапорт Келлера, обзревает марш и строевые упражнения взводов, но тут же поворачивается ко мне:

– Брат мой, в прошлое мое посещение вашей державы (германский посол закатывает в ужасе глаза) вы поразили мое воображение удивительным искусством боя без оружия. Я, разумеется, ожидал, что в этот раз вы покажете мне нечто не менее удивительное. Но, право же, если вы решили поразить меня выучкой своих солдат, то приглашаю вас посетить мой гвардейский гусарский полк. Вот где истинная выучка...

Я усмехаюсь. Гвардейские гусары... «Уланы с пестрыми значками, драгуны с конскими хвостами...» Сейчас, «любимый братец», я тебе покажу нечто, что поставит точку в лихих кавалерийских атаках развернутым строем.

– Любезный брат мой, прошу вас представить, что вон тот ряд мишеней – гвардейский гусарский полк, ну, к примеру, вашей бабушки Виктории. Сколько солдат вам потребуется, чтобы остановить их натиск?

– Два эскадрона моих «черных» гусар! – не раздумывая, реагирует Вильгельм.

– Прелестно, – моя улыбка становится еще слаще. – Федор Эдуардович, прошу вас дать команду на отражение атаки развернутого строя кавалерийского полка.

Келлер кивает, затем поворачивается и выкрикивает отрывистые команды. Повинуясь им, от строя взводов отделяются пять расчетов – группки по четыре человека каждый. Одни несут разлапистые треноги пулеметов, другие – жестяные коробки с патронными лентами. Два расчета мчатся на фланги, остальные – распределяются по фронту. Вот они добегают до известного рубежа, командиры расчетов взмахивают руками. Все дружно, точно подрубленные, валятся на землю. Мелькают из-под локтей малые саперные лопаты, еще одно Димкино подарение. Расчеты в хорошем темпе отрывают окопы для стрельбы из пулемета лежа. Готово.

Келлер взмахивает рукой. Понеслась! Грохот пяти крупнокалиберных пулеметов оглушает. Кажется, что дрожит земля, началось землетрясение, извержение вулкана. Порох в патронах бездымный, поэтому ничто не мешает побледневшему и стиснувшему кулаки Вильгельму наблюдать за превращением нескольких шеренг мишеней в труху. Наконец Вилли поворачивается ко мне:

– Это впечатляет, брат. Но ваши мишени неподвижны. Если бы они двигались...

– Ничего бы не изменилось, братец, ровным счетом ничего. Пулемет, в отличие от картечницы, легко переносит огонь, как по фронту, так и в глубину. Двести патронов – одну питательную ленту он выстреливает меньше чем за полминуты. Четыреста патронов в минуту, пять пулеметов – две тысячи выстрелов в минуту. Пусть половина промахнется, хотя промахнуться по такой крупной мишени, как всадник, – это нужно постараться. Тысяча убитых в минуту, в две – полк британских гусар прекращает свое существование.

Вильгельм раздавлен и уничтожен. Не надо быть военным гением, чтобы понять: полк британских гусар ничем не отличается от полка гусар прусских. Но, как всякий военачальник, он еще пытается сопротивляться:

– Конница – это понятно. Но пехота может залечь, начнет стрелять... Ваши пулеметы...

– Брат, поверьте: пулеметы просто не дадут вашим пехотинцам поднять головы. Стрелять? Даже из магазинных винтовок – бессмысленно.

Будущий кайзер уже безропотно проглатывает «магазинные винтовки» и завороченно впивается глазами в пулеметы. Он невольно делает шаг вперед:

– Позвольте мне попробовать, брат мой. Я прошу вас...

В его голосе молящие интонации ребенка, увидевшего волшебную игрушку. Не будем расстраивать дитя. Широким жестом я пропускаю его вперед:

– Прошу!..

...Мы возвращаемся в Кремль. Вильгельм потрясен. Оказывается, совсем недавно в его любимом гвардейском гусарском полку прошли испытания картечниц Норденфельда. Пруссаки столкнулись с общей проблемой механических картечниц: сложность наведения по фронту. Увиденное на Ходынском поле перевернуло его представления об автоматическом оружии, и теперь «однорукий рыцарь» ждет только возможности лично переговорить с Herr Rukawischnikov на предмет заключения контракта о поставке der maschinengever (не менее десяти экземпляров!) на испытания в армию II Рейха. Сообщение же о том, что каждый экземпляр стоит две с половиной тысячи рублей, Вильгельм проглатывает, не моргнув глазом. Если Димыч сумеет организовать ему «скидку», то у нашего нижегородца появится еще один большой друг – будущий германский император!

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

Следующий день остался в ее памяти сплошным бесконечным торжеством, бесконечным балом и фейерверком. И из всего этого, словно вспышки в темноте, выделялись главные вехи...

...Утром ее посетили императрица Мария Федоровна и Дона. Они внимательно оглядели ее свадебный наряд, прическу, украшения... Императрица впервые назвала ее «дочерью», а Дона пожелала «любезной сестре» самого большого счастья...

...Вот они с Ники едут по улицам древней русской столицы. Толпы людей забрасывают их цветами, нарядные дети бегут к ним, протягивая букетики...

...Гремит церковный хор, ярко пылают свечи. Митрополит Московский протягивает ей изукрашенную золотом и драгоценными камнями икону...

...Под звон колоколов, от которых точно содрогаются земля и небо, они выходят из собора. В небо взлетают мириады белых голубей. Бухает артиллерийский салют, казак'и выхватывают шашки. Солнце сверкает на обнаженных клинках, и в небо, заглушая звон колоколов и грохот орудий, несется страшный и грозный военный клич. Неожиданно Ники слегка кивает, и ее, взвизгнувшую от восторга и сладкого ужаса, подхватывают на руки, усаживают на скрещенные клинки, поднимают над пестрой толпой и несут на вытянутых руках к карете...

...У дворца их встречает императорская чета. Русский император, щекоча бородой, целует ее. Императрица обнимает и называет «моя новая маленькая дочка»...

...Бал в Кремлевском дворце. Несется волнами музыка огромного оркестра, они с Ники кружатся в танце, и паркетный пол отражает ее белое подвенечное платье. Вот вальс окончен, тут же начинается галоп. Рядом вырастает русский император Александр III. Изящно склонившись в поклоне, он приглашает ее и увлекает в новый вихрь огненного танца. А мазурку с ней танцует замечательный старик – московский генерал-губернатор Долгоруков. Несмотря на свой преклонный возраст, он лихо ведет ее по залу...

...Ники и Вильгельм стоят обнявшись и что-то весело обсуждают. На мгновение она испытывает укол ревности. Внезапно Ники замечает, что к ней направляется Сергей Александрович. Он уже собирается пригласить ее на очередной танец, как вдруг рядом с ней возникают двое *kazak'ov*:

– Матушка, извольте, вас государь к себе приглашают...

Она видит, как Ники решительно шагает к ней. Он буквально отодвигает в сторону великого князя Сергея, подхватывает ее под локоть.

– Душа моя, постарайся держаться от этого... – он запинаясь, подбирая слово, – от этого господина...

Она в очередной раз поражается: как странно Ники ведет себя со своим несчастным дядей. Конечно, его шалости с адъютантом неприятны, но ведь многие... даже ее брат, которого Ники ничуть не чурается...

...Она сидит у зеркала в спальне и разглядывает подарок друга своего мужа – г-на Рукавишникова. На хрустальном абажуре ночника мелькали забавные цветные картинки. Она запустила абажур на большую скорость – в окошечке появились и задвигались она сама и Ники. Повернуть рычажок. Зазвучала музыка, а в окошке они с Ники закружились в вальсе...

...Ники лежит рядом с ней. Она нежно поглаживает его волосы. Теперь он ее, только ее. Навсегда, насовсем...

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

Июль. Жара. Солнце над головой словно взбесилось и шпарит с небес на всю катушку. Наверное, решило уравнивать по климату Северную Пальмиру с ее южной тезкой.

Не люблю я это пекло. Еще в прежней жизни не любил. Сейчас, конечно, переносить высокие температуры стало легче: тело молодое, тренированное, «экологически чистое». Но все равно: режьте меня на мелкие кусочки – не люблю жару. Особенно питерскую. Влажно, душно – прям тропики какие-то!

В этот жаркий июльский день мы покидаем Санкт-Петербург. Мы – это теплая компания в составе державной четы, наследника и его супруги, а также увязавшихся с нами за компанию сестренки Ксении и дядюшки Вольдемара. И, разумеется, лейб-конвой, мой собственный конвой, изрядно поредевший в результате опустошительных набегов генерал-адмирала, плюс куча всякой шушеры, типа камергеров, камер-юнкеров, скороходов, поваров, лакеев, фрейлин, горничных и т. д. и т. п.

Наша поездка – плод ночных размышлений над телеграммой генерал-адмирала, великого князя Алексея, флегматично информировавшего о появлении в ближайшем будущем в японском флоте двух броненосных единиц. Разумеется, помимо старичка «Фусо». Это сообщение вызвало при дворе реакцию... ну, вот если бы в 1945 году Сталину сообщили, что янки промахнулись по Хиросиме и отбомбились по Владивостоку. Венценосец рвал и метал, обещая разобраться как следует и наказать кого попало. Наследник (то есть я), срочно вызванный по этому случаю в столицу, обрывал провод в МИД, пытаясь выяснить: нельзя ли где прикупить парочку аналогичных калош, только чтобы срочно. Глава Морского ведомства Чихачев не отреагировал никак и, судя по всему, пребывал в состоянии устойчивого ступора.

Наконец к утру неожиданно из мрака и беспросветья явилось синей птицей счастья РЕШЕНИЕ. В конце концов, у нас и самих броненосцы имеются. И получше устарелого

«Петра Великого». «Синоп» и «Чесма». Кораблики будь-будь, они и через двадцать лет смотреться будут ничего себе. И скорость подходящая, и броня. А уж про вооружение из шести двенадцатидюймовок и говорить нечего. Таких и в мире-то еще нет. Даже у британцев. Короче, не броненосцы – конфетки!

Правда, имеется одна загвоздка: корабли эти в Черноморском флоте. И через Босфор и Дарданеллы пройти не могут. Блистательная Порта²⁴⁴ не пропустит. А к большой войне с Турцией (а через это – с половиной шарика) мы не готовы. Пока.

Но, как гласит мудрая (хотя и несколько похабная) русская пословица: «На каждую хитрую ж... найдется... хм... винтом, а на каждый... винтом отыщется и ж... лабиринтом!» В договоре с турками есть ма-а-ленькая оговорочка: военное судно может пройти через проливы под флагом государя или наследника. Так что «Синоп» удостоится чести принять на борт Александра III, а «Чесме» будет доверен бесценный груз в лице моей скромной особы. Держись, япона мать, жди наши броненосцы!

Мы покидаем Питер под гром оркестра лейб-гвардии Преображенского полка. Папенька ушли в свой салон-вагон, я с Мореттой, Шелиховым и атаманцами – в свой. С нами отправилась и юная Ксюша²⁴⁵, которая тут же, прямо за чаем с баранками, начала выяснять у казачков, каково им живется при моей персоне, не испытывают ли их семьи в чем недостатка и как обстоят дела на Дону с больницами и домами призрения? Атаманцы, получившие в свое время строжайший инструктаж не пользоваться щедростью моей малолетней блаженной сестрицы, предпочитают отмалчиваться или отделяются общими ответами. Да и то сказать: какие, к чертям, дома призрения на Дону, а? Казаки сами позаботятся о сиротах (телохранитель Димыча – исключение, которое подтверждает правило), с больницами у них, прямо сказать, не очень, но все же лучше, чем в каких-нибудь киргиз-кайсацких кочевьях или кавказских аулах. Да, по чести сказать, и чем в русских деревнях. Казачество – это особый мир, живущий по своим законам, несколько жестоким, но весьма рациональным, направленным в первую очередь на сохранение популяции этого воинского сословия.

Бедняжка Ксения делает еще несколько отчаянных попыток пробиться сквозь казачью броню молчания. Без такого же успеха. В конце концов она оставляет свои бесплодные поползновения и ретируется в свой салон. Та-ак, ладно: у нас еще на повестке дня куча разных вопросов...

Моретта тихо-тихо, как мышка, пристраивается в уголке, и оттуда, делая вид, что полностью поглощена французским романом, исподтишка наблюдает за мной: не обманываю ли я ее, и не притворяюсь ли погруженным в государственные дела, дабы избежать дел любовных. После парочки памятных дней, проведенных ею в моем кабинете с утра до вечера, она все же пришла к мысли о том, что у наследника престола российского есть и другие дела, кроме бесконечного выражения преданного обожания к своей супруге. Но маленький червячок сомнений все же остался в ее душе: вдруг да ее обожаемый Ники просто манкирует своими непосредственными обязанностями любящего супруга? Поначалу меня это раздражало, но по некотором размышлении я пришел к выводу, что это только к лучшему. Выяснилось, что в присутствии Моретты у меня повысилась производительность труда. И неудивительно: я ведь все время помню, что стоит мне только на секунду отвлечься и расслабиться, как ненаглядная тут же оказывается у меня на коленях, с милой непосредственностью отодвигая локотком разложенные на столе бумаги и нежно воркуя на ухо всяческие глупости, совершенно не способствующие спокойным размышлениям о делах. Так что отвлекаться и расслабляться нет никакой возможности, а потому: да здравствует

²⁴⁴ Официальное название Турции до младотурецкой революции 1908 года.

²⁴⁵ Романова Ксения Александровна (1875–1960) – великая княгиня, дочь императора Александра III. Прославилась своей благотворительной деятельностью.

любовь, повышающая КПД человека!

В хорошем темпе я прогоняю поданные мне на ознакомление данные по таможенным тарифам. А впереди еще донесения по Среднеазиатским областям и Туркестанскому генерал-губернаторству, предложения Генерального штаба и Военного министерства, доклад комиссии по Прибалтийским губерниям и прочая, прочая, прочая...

– Милый, – осторожный шепот Моретты вырывает меня из дебрей проекта нового полевого устава армии. – Милый, обедать подано. – И добавляет, чуть надув губки: – Я такая голодная. Как говорят твои kazak'и, быка съесть готова!

Я вынырываю из бумажных завалов и перевожу взгляд на часы. Однако! Это уже пять пополудни пробило. Надо полагать, моя ненаглядная уже дважды велела разогревать еду. Беденькая!..

...Вот так мы и движемся от студеного Балтийского моря к теплому Черному. Путь занимает трое суток, половину из которых мы уже, к счастью, проехали. И все прошедшее время меня беспокоит какой-то червячок смутной, безотчетной тревоги. Не могу никак понять, в чем дело, но на душе у меня как-то неспокойно. Возможно, кто-то назовет меня параноиком, но вот бывает такое состояние у солдата на фронте: вроде бы все хорошо, спокойно, никаких неожиданностей не предвидится, и сидишь-то ты в тылу, греешь задницу на тыловом солнышке, набиваешь брюхо горячей шамовкой, и такая благодать кругом, словно и войны-то никакой нету, а вот поди ж ты! Все время хочется оружие поудобнее перехватить и за ближайший бугорок забиться. Не знаю, как у вас, а у меня такое бывало. И, нужно заметить, этот внутренний сигнал тревоги меня ни разу не подвел. Хотя если бы и подвел, то, как говорится: «Лучше перебдеть, чем недобдеть!»

Но пока все вроде идет как надо. Вот он я, вот Моретта, вот верные Шелихов с Махаевым (последний, правда, подремывает – он сегодня ночью был старшим караула), вот Ксюха прикорнула рядом с Мореттой, вот Гревс... Странно, а чего это я «дяди Володи» давненько не видал? Уже, пожалуй... Слушай-ка, брат-цесаревич, а в самом деле: где это великого князя Владимира свет-Александровича носит? Сам ведь напросился в поездку, и что? Вернее: и где? Где?..

Тут в ход моих мыслей влезает очередная рифма на слово «где», и на какой-то момент рассуждения теряют свою направленность и стройность. А когда снова их обретают, поезд начинает потихоньку замедляться и, наконец, останавливается у какого-то... какой-то... в общем, у станции. О том, чтобы разместить где-нибудь название этого шедевра железнодорожного строительства, неведомый архитектор не позаботился.

Я встаю, с хрустом потягиваюсь, разминая затекшие суставы, и направляюсь на свет божий. Хоть покурить на свежем воздухе. Моретта, как и полагается примерной германской жене, следует за мной, Ксения, как и полагается примерному ребенку из правящей фамилии, следует за своей старшей подругой, а вокруг меня, как и полагается примерным телохранителям, неважно какого происхождения и национальности, уверенно располагаются атаманы. Я подзываю одного из них и отправляю выяснить: как называется это чудо инженерного гения, с вокзалом, возведенным, если меня не подводят глаза, из саманного кирпича и покрытым соломой, с удивительной конструкции будкой стрелочника – плетеной, обмазанной глиной (надо полагать – впополам с навозом) и побеленной, на манер малоросской хаты. И с великолепной водонапорной башней: ни много ни мало – из листового железа, сваренной, судя по швам, электросваркой. Наверняка – Димкина работа! А все-таки: как это называется, ну, то, где мы сейчас находимся?

– Ефим!

Здоровенный атаманец вытягивается во фронт.

– Вот что, братец, иди-ка, разузнай: как эту станцию зовут?

Пока урядник Щукин проводит свои изыскания, я вкусно затягиваюсь папиросой и собираюсь уже порасспросить остальных своих сподвижников: не видал ли кто в последнее время «дядю Вову» и не случилось ли с ним чего? Но не успеваю я толком задать и пары вопросов, как Ефим возвращается. На его бородатой физиономии удивительным образом

смешались изумление, смущение и некая... игривость такая.

– Ну, и как?

– Дык, батюшка... етова... узнал, ага... она, значит... – Он окончательно сбивается и замолкает.

– Да не тяни ты, братец!

Атаманец собирается с духом и внезапно выпаливает:

– Не могу знать, государь!

Секунду я пытаюсь сообразить: кто из нас двоих сошел с ума, прихожу к выводу, что не я, и изумленно смотрю на пытающегося покраснеть и побледнеть одновременно Щукина.

– Ефим, братишка, а ты как – здоров?

Казак вылупляется на меня, а потом, неожиданно приняв некое решение, подается вперед:

– Государь, дозвоьте на ухо сообщить...

Новое дело! Что еще?..

Заинтересованный, я киваю. Щукин нагибается ко мне. Его шепот напоминает звук далекой грозы. Услышав его слова, я секунду размышляю, а потом сгибаюсь в приступе неудержимого хохота. Простая душа Ефим решил, что название «Веселый подол» может носить лишь игривый, фривольный характер. Разумеется, о малоросском значении этого слова и об историческом районе Киева под названием Подол он и слыхом не слыхивал. Зато хорошо представляет себе значение фразы «оборвать подола до пупа»! Даже слишком! Вот и озаботился блюстителем нравственности, дабы, не дай бог, «срамное словцо» не достигло нежных ушей Ксении и Моретты...

Отхохотавшись, я объясняю, насколько возможно, суть заблуждений Щукина присутствующим. Моретта, разобравшись, заливается звонким смехом, ей счастливо вторит Ксюха, атаманцы оглашают окрестности громовым гоготом, и даже чопорная старшая статс-дама, г-жа Энгельман, позволяет себе хихикнуть. Затем, веселые и радостные, мы всей честной компанией отправляемся к императорскому салон-вагону, объяснить причину всеобщего веселья. Короче, через добрых полчаса, когда мы уже давно покинули «Веселый подол», я, наконец, вспоминаю о дядюшке Владимире Александровиче. Он вроде бы не принимал участия в обсуждении названия станции... Да не случилось ли с ним чего, в самом деле?..

Егор отправляется на поиски великого князя и через несколько минут возвращается с ошарашенным видом: великого князя нет на месте. Черт побери, да куда он девался?!

Атаманцы, посланные на повторные розыски, возвращаются ни с чем. Теперь мне уже становится беспокойно: что случилось с человеком, который близок ко мне? Проклятье! Его что, бритиши сперли? А как?.. Нигилисты? Гревс и Васильчиков знали бы заранее... Маленькие зеленые человечки?.. Инопланетяне?.. А может, снова иновременцы? И зачем он им нужен? Или...

– ...Государь, тут... – Шелихов впахивает в дверь императорского лейб-конвойца. – Урядник Шубин. Десять минут как с караула сменился. Странные вещи говорит. Сами послушайте.

Шубин смущенно сопит, мнется, а затем...

– Ваше амператорско высочество. Я уж перед самым отправлением, на посту, на подножке вагона амператорского стоял... Стоял я, стало быть, на подножке, а поезд уже трогается... Паровик свистнул, дежурные флажками, стал быть, отмахнули... А я, стал быть, на подножке... Как положено, стал быть...

Я чувствую, что сейчас он снова пойдет по кругу, как пони в цирке.

– Вот что, братец, хватит про подножку. Ты что-то увидел?

– Дык я про то ж и говорю, ваше амператорско высочество... Я, стал быть, на подножке, паровик, стал быть, свистнул, а он, стал быть, на перрон – прыг. Фуражку, стал быть, придерживат, чтоб, стал быть, не слетела, а сам – в станционное...

– Постой-постой, да кто – «прыг», кто – «придерживат»?..

– Дык, ваше амператрско высочество, я и говорю, что великий князь, Владимир Александрович, выпрыгнули... И ведь что удивительно: мундир – гвардейский, а фуражка – железнодорожная. И тужурка железнодорожная на плечи накинута...

Шубин еще что-то говорит, но я уже его не слышу. В голове складываются кусочки головоломки... Зачем он прыгнул с поезда в момент отправления?.. Мама моя, МАМОЧКА!!!

– Филя, Егор! На вас – Ксюха. Александр Петрович! Распорядитесь по поводу женщин. Ты и ты... – Я тычу в Щукина и еще одного атаманца. – БЕГОМ!!! известить императора. ВСЕМ НЕМЕДЛЕННО ПОКИНУТЬ ПОЕЗД!!!

Я хватаю Моретту в охапку и галопом несусь к дверям вагона. Шелихов и Махаев, не рассуждая, подхватывают Ксению и мчатся за мной. Рассуждать они не привыкли, но секунды убегают неумолимо. Ведь может быть прямо сейчас...

Дверь распахнута. Господи, да ведь у нас скорость – верст сорок. Как же я прыгать-то буду? Э-эх, господи благослови!..

Несмотря ни на что, приземлиться я умудряюсь на ноги. Делаю два лихорадочных шага, пытаюсь взмахнуть руками, чтобы удержать равновесие, соображаю, что на руках у меня Моретта, шлепаюсь на насыпь, и мы (я – по насыпи, Моретта – сидя на мне) лихо съезжаем под откос.

Обнаружив, что уже больше никуда не еду, я, наконец, решаю снять с себя Морету и оглядеться...

Метрах в шести-семи от меня благополучно приземлились Шелихов и Махаев. Они держат на руках бледную, но целую и невредимую Ксению. За ними – парочка атаманцев и г-жа Энгельман. Дальше вдоль насыпи расположилась в хаотическом беспорядке вся моя и Мореттина свита, замыкающим – Гревс. А за ним... М-да, блин, это называется «испортить воздух на дипломатическом приеме». За спиной Гревса делает нам ручкой хвостовой вагон нашего поезда. Интересно, как я сейчас буду объяснять своим спутникам, какого черта мы только что попрыгали из поезда?

– Милый, – это Моретта. Она смотрит на меня, и в ее взгляде изумление постепенно уступает место недовольству. Началось, мля, сейчас заведется!

Глухой удар бьет по ушам. Зарево над паровозом, и состав начинает медленно, точно во сне, заваливаться набок. Моретта вздрагивает, Махаев крестится, а Ксения визжит, переходя от самых высоких нот к ультразвуку.

Оскальзываясь по щебню, мы бежим к вагонам, которые с каким-то диким грохотом рушатся с рельс. Господи! Ведь император со своими так и не успел выбраться из вагона!..

Рядом со мной грохочет сапогами Гревс.

– Государь, – тяжело выдыхает он мне в самое ухо, – государь, как вы узнали?

Как? Интересно, Александр Петрович, как же это я вам объясню, что «об оставленных вещах, не трогая их, сообщайте водителю»?

– Князь Владимир. Александрович. Бежал с поезда. Прикинувшись железнодорожником. – В такт бегу объясняю я. – Зачем? Знал, что опасно, потому и сбежал. А что может быть опасно в поезде? Крушение. Бомба в его купе... Поезд – под откос... Всем смерть... Беда, если император...

Тут мы, наконец, добегаем до обломков, и мне становится не до пояснений. Императорский салон-вагон, видимо, перевернулся несколько раз, но внешне пострадал не сильно. А вот нашему, который был вторым после паровоза, досталось по самое по не балуйся. Он лежит колесами кверху, крышу вмяло внутрь, стенку разорвало по всей длине, щедро осыпав содержимым откос... Если б мы не выпрыгнули, выживших не было...

– Государь, государь!

Шелихов тянет меня к императорскому вагону. Атаманцы, пустив в ход шашки, пытаются содрать крышу:

– ...Давай!.. Тяни!.. Да чтоб тебя!.. Пошло, братики, пошло!..

Я вклиниваюсь в общую толпу. Нет. Так дело не пойдет: а ну-ка еще троих сюда...

Дружно, взяли!.. Раз!.. Три-пятнадцать!.. Да мать твою!..

На магическом матерном обороте чертова крыша наконец поддается. О боже!..

Минут через тридцать все, что мы могли, сделано. Из обломков вагона извлечены невинная императрица (несколько ссадин и синяк на ноге – не в счет), трое погибших лейб-конвойцев, урядник Щукин, с сизым от прилива крови лицом – верный признак грыжи, и российский самодержец, с пробитой головой. Несмотря на свою рану, он, вместе со Щукиным, умудрился удержать продавленную крышу над бесценной своей Дагмарой. Спасал любимую...

Из приключившегося поблизости стога надрали сена, застелили уцелевшим ковром. На это импровизированное ложе и положили «хозяина земли русской». Отчаянная попытка отыскать врача успеха не принесла. Придворному эскулапу самому нужен врач, а другой сопровождавший нас медик вообще исчез.

Императрица стоит рядом на коленях, держа супруга за руку. Александр III без сознания, дышит тяжело. Я ничем не могу ему помочь, а потому:

– Александр Петрович!

Гревс подлетает ко мне.

– Охранение выставлено?

– Так точно, государь.

– Отберите из остальных человек пятнадцать. Группа захвата на «Веселый подол», арестовать бывшего великого князя, британского шпиона, гражданина Романова В.А. Руководство операцией принимаю на себя. Вопросы?

Через тридцать секунд передо мной выстроились десять атаманцев, четверо стрелков и двое конных гренадер. Проверка оружия, я поднимаю руку:

– Внимание! Напра-во! Колонной по два, за мной, бегом, ма...

– Государь! Государь!

Гревс бесцеремонно прерывает мою команду:

– Государь, ваш отец пришел в себя и зовет вас.

Я бросаюсь к Александру:

– Батюшка!

Он с трудом приподнимает голову. Слава богу, значит, позвоночник цел.

– Николай, – слова даются ему тяжело, – Николай. Подойдите ко мне...

Я подхожу ближе.

– Сын мой. Я вручаю вам Россию в тяжелый час. Будьте мужественны, тверды в вере и чисты в мыслях. Ваш народ будет верен вам, но и вы будьте верны ему. Правьте справедливо, – голос императора звучит напевно, торжественно – ну как же, фактически он диктует сыну завещание со смертного одра. Затем император находит рукой ручку супруги и неожиданно стискивает ее. – Позаботьтесь о матери, о братьях и сестрах и будьте, если возможно, милосердны к виновникам сегодняшней беды... – Тут Александр всхрипывает и переходит с высокого штиля на обычный язык, понизив голос до шепота. – Все-таки достали они меня... но ведь явно в тебя целились... в тот раз не получилось, а теперь... сынок, Колька... найди их и порви... ты сильный, ты сможешь...

Должно быть, он хочет сказать еще что-то, но силы покидают его, и он откидывается назад. А через секунду императрица подносит руку к губам и взывает, как самая обычная деревенская баба: император Александр III отошел в лучший мир.

Я обнимаю Марию Федоровну, прижимаю ее к себе. За эти три года я привык ней, и иногда мне даже кажется, что она – моя родная... ну, не мать, конечно, но как минимум – тетка. Которая сейчас потеряла самого близкого, самого дорогого ей человека...

...До станции мы добираемся минут за сорок. Это не потому, что мы великие бегуны, а просто нам навстречу двигалась дрезина и казачий разъезд. Из-за того, что царский поезд не прибыл на следующую станцию, по дистанции объявили тревогу. Мы реквизируем у казаков коней и сломя голову помчались к Веселому подолу. Разумеется, Владимира Александровича там уже не было.

Из сбивчивых объяснений начальника станции выяснилось, что великого князя ждали лошади и несколько гвардейских офицеров. Та-ак, значит, это был не просто внедренец на одну акцию, а самый натуральный стационарный агент. В противном случае зачем ему себе пути отхода готовить? Мог бы и вообще, как камикадзе... Или наши потомки из XXIII века здесь ни при чем? И весь теракт задуман и осуществлен самим дядюшкой Владимиром, а-ля натюрель?

Ну, «дядя Вова», кто бы ты ни был, берегись!!!